

Священное Писание

в толкованиях святителя

Иоанна Златоуста

Том VII

Послания ап. Павла

Римлянам

Евреям

Тропарь
святому Иоанну Златоустому,
глас 8-й

Уст твоих, яко́же све́тлость огня́,
возсия́вши благода́ть, вселе́нную
просвети́: не сребролю́бия ми́рови
сокро́вища сниска́,
высоту́ нам смиреному́дрия показа́,
но твоими словесы́ наказу́я,
о́тче Иоа́нне Злато́усте,
моли́ Сло́ва Христа́ Бога
спасти́ся душа́м на́шим.

Священное Писание
в толкованиях святителя Иоанна Златоуста

Том VII

«Ковчег»
Москва
2006

*По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
Архиепископа Тернопольского
и Кременецкого*

Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том VII. Беседы на Послание к римлянам. Толкование на Послание к евреям. — М.: «Ковчег», 2006. — 896 с.

ISBN 5-98317-090-2

Подписано в печать 06.03.06. Формат 60×90[1]/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 56,0 п. л. Усл. печ. л. 36,12.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Тираж 3 000 экз. Заказ 2581

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

Оптовая и розничная книжная торговля

Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К РИМЛЯНАМ

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К РИМЛЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Постоянно слушая чтение посланий блаженного Павла, каждую неделю дважды, а часто три и четыре раза, когда мы совершаем памяти святых мучеников, — я радуюсь, наслаждаюсь духовной трубой, восхищаюсь и воспламеняюсь желанием, узнавая любезный мне голос, и мне почти кажется, будто он явился и присутствует предо мной, и я вижу, как он беседует. Но, с другой стороны, я скорблю и сокрушаюсь тем, что не все знают этого мужа так, как должно знать, а некоторые находятся в таком неведении, что не знают ясно и числа его посланий. И это бывает не от недостатка учения, а от того, что не хотят постоянно беседовать с этим блаженным. И мы то, что знаем (если, действительно, что-нибудь знаем), уразумели не при помощи природной способности и остроты ума, но вследствие того, что постоянно были близ этого мужа и ревностно прилежали ему. Любящие знают дела любимых больше всех остальных, так как поистине заботятся о них. И блаженный Павел, показывая это, говорил к Филиппийцам: *яко есть праведно мне сие мудрствовати о всех вас, за еже имети ми в сердце вас, во узах моих и во ответе и извещении благовестия* (Флп. I, 7). Таким образом и вы, если желаете с усердием внимать чтению, не будете

нуждаться ни в чем другом, потому что неложно слово Христа, Который сказал: *ищите и обрящете, толцыте и отверзется вам* (Мф. VII, 7). Но так как у нас большая часть собравшихся здесь приняли на себя заботу о воспитании детей и о жене и попечение о доме и, вследствие этого, не могут согласиться на то, чтобы всецело предать себя этому труду, то, по крайней мере, постарайтесь принять собранное другими и уделите слушанию того, о чем здесь говорится, такое же большое внимание, как и собиранию имений. Правда, хотя и стыдно требовать от вас одного только этого, но будет приятно, если вы и в этом не откажете.

Ведь отсюда, от незнания Писания, произошли бесчисленные бедствия: отсюда произросла великая зараза ересей, отсюда – нерадивые жития, бесполезные труды. Подобно тому как лишенные этого света не могут прямо идти, так и не взирающие на луч божественного Писания вынуждаются много и часто грешить; так как поистине ходят в самой глубокой тьме. Чтобы этого не было, откроем глаза перед сиянием апостольских глаголов; ведь язык апостола Павла воссиял ярче солнца, он словом учения превзошел всех прочих и получил обильную благодать Духа, так как больше других потрудился. И я утверждаю это не на основании только посланий, но и деяний. Если где-нибудь был удобный случай для проповеди, всюду предоставляли ему; потому даже неверующие назвали этого апостола Гермесом – за совершенство в слове. Намеревающимся приступить к посланию этому необходимо сказать и о времени, в которое оно было написано. Вопреки мнению многих, оно не первое из всех остальных посланий, но, будучи составлено ранее тех, которые написаны из Рима, оно позднее других, хотя и не всех. Так, оба послания к Коринфянам были отправлены раньше этого. И это видно из того, что он написал в конце послания, говоря следую-

щее: *ныне же гряду во Иерусалим служай святым. Благоволиша бо Македониа и Ахаиа, общение некое сотворити к нищим святем живущим во Иерусалиме* (Рим. XV, 25–26). А в послании к Коринфянам он, говоря о собравшихся нести в Иерусалим подаяние, писал: *яще же достойно будет и мне ити, со мною пойдут* (1 Кор. XVI, 4). Отсюда видно, что когда Павел писал к Коринфянам, его путешествие было еще сомнительно, а когда писал к Римлянам, то оно было уже решено. Согласившись же с этим, мы должны заключить, что послание к Римлянам писано после послания к Коринфянам. А по моему мнению, и послание к Фессалоникийцам было написано раньше послания к Коринфянам. Написав предварительно свое послание к первым, он так говорил о милостыне: *о братолюбии же не требуете, да пишется к вам: сами бо вы Богом учени есте, еже любити друг друга, ибо творите то ко всей братии* (1 Сол. IV, 9, 10). А потом уже он писал к Коринфянам, как видно из слов: *вем бо аз усердие ваше, имже о вас хвалюся Македоняном, яко Ахаиа приготовися от мимошедшаго лета: и яже от вас ревность раздражи множайших* (2 Кор. IX, 2). Отсюда ясно, что Фессалоникийцам говорено было о том прежде. Но хотя послание к Римлянам позднее этих, однако оно написано раньше тех, которые отправлены из Рима. Он еще не прибыл в город Рим, когда написал это послание, как открывается из слов: *желаю бо видети вас, да некое подам вам дарование духовное* (Рим. I, 11). К Филиппийцам же Павел писал из Рима, почему и говорит: *целуют вы святии еси, паче же иже от Кесарева дому* (Флп. IV, 22). И к Евреям писано оттуда же, почему и сказано, что их приветствуют все от Италии (Евр. XIII, 24). Также и послание к Тимофею Павел писал из Рима, находясь в узах. Даже мне кажется, что оно есть последнее из всех его посланий, как видно из сказанного в конце: *аз бо уже жрен бываю, и время моего отшествия наста* (2 Тим. IV, 6). Всякому же

известно, что Павел кончил жизнь в Риме. И послание к Филимону есть также одно из последних, так как Павел написал его в глубокой старости, о чем сам говорит: *якоже Павел старец, ныне же и узник Иисуса Христа* (Флп. 9). Но, конечно, оно написано прежде послания к Колоссянам, что опять видно из сказанного в конце послания, так как Павел в послании к Колоссянам пишет: *вся скажет вам Тихик, его же послах с Онисимом верным и возлюбленным братом* (Кол. IV, 7–9). Онисим же этот был тот самый, о котором Павел написал послание к Филимону, а не другой, соименный ему, что доказывается именем Архипа, на которого Павел в послании к Филимону возложил труд ходатайствовать с ним за Онисима, и которого в послании к Колоссянам он поощряет такими словами: *рцыте Архиппу: блюди служение, еже приял еси, да довершиши е* (Кол. IV, 17). Мне еще кажется, что послание к Галатам написано прежде послания к Римлянам. Если же послания Павла имеют в книгах порядок другой, то это нисколько не удивительно, так как и двенадцать пророков расположены последовательно, в известном порядке книг, хотя по времени они и не следуют один за другим, но разделены между собой большим промежутком времени. Так Аггей, Захария и другие пророчествовали после Иезекииля и Даниила, а многие после Ионы, Софонии и всех прочих; однако в книгах они соединены вместе с теми, от которых так удалены временем.

2. Никто пусть не считает этот труд излишним и не признает такое исследование делом пустого любопытства, потому что время посланий немало содействует нам к объяснению их. Так, я замечаю, что Павел к Римлянам и Колоссянам пишет об одном и том же, но неодинаково. К Римлянам он пишет с большим снисхождением, когда говорит: *изнемогающаго же в вере приемлите, не в сомнение помышлений. Ов бо верует ясти вся, а изнемога-*

ли зелия яст (Рим. XIV, 1, 2). А к Колоссянам о том же апостол выражается иначе и с большей свободой, именно говорит: *аще убо умросте со Христом от стихий мира, почто аки живуще в мире стязаетеся? Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть вся во истление употреблением, не в чести коей, к сытости плоти* (Кол. II, 20–23). Причину такой разности я нахожу не в чем другом, как в обстоятельствах времени. В начале следовало быть снисходительным, а после это стало уже не нужно. Можно найти, что Павел и во многих других случаях делал тоже. Так обыкновенно поступают врач и учитель. Врач неодинаково будет обходиться с теми, которые только что заболели, и с теми, которые уже выздоравливают; равно и учитель иначе будет обращаться с детьми, начинающими учиться, и иначе с требующими совершеннейших уроков. Итак, Павел писал послания другим, побуждаемый какой-нибудь причиной и целью (на это он и указывает, говоря Коринфянам: *а о нихже писасте ми* (1 Кор. VII, 1), и Галатам изъясняет то же самое, как в предисловии, так и во всем послании. Для чего же и по какой причине он писал к Римлянам? Ведь он ясно свидетельствует о них, что они полны благости, исполнены всякого разумения и могут иных научить (Рим. XV, 14). Итак, для чего же он писал к ним послание? *За благодать*, говорит он, *данную ми от Бога, во еже быти ми служителю Иисус Христову* (Рим. XV, 15, 16). Потому и в начале послания он сказал: должен *есмь, еже по моему усердию, и вам сущим в Риме благовестити* (Рим. I, 14, 15). А то, что Римляне могут и других научить, это и другое подобное сказано больше в похвалу и поощрение, так как и они имели нужду в исправлении посредством послания. И так как Павел сам еще не был в Риме, то он двумя способами исправляет мужей — и полезным писанием, и ожиданием его прибытия. Такова была святая душа Павла; она обнимала всю все-

ленную и всех заключала в себе, считая родство по Боге самым высшим. Павел всех любил так, как будто сам родил их, а лучше сказать, обнаруживал любовь больше всякого отца. Такова-то благодать Духа: она побеждает телесные болезни и создает самую горячую любовь. Особенно же это можно видеть на душе Павла, который, как бы получив крылья, под воздействием любви неутомимо всех обходил, нигде не медлил и не останавливался. Он знал, что Христос, сказав Петру: *любиши ли Мя? Паси овцы Моя* (Ин. XXI, 65), указал этим на высочайшую степень любви, и потому сам в избытке обнаружил ее в себе. Итак мы, соревнуя Павлу, будем назидать, если не весь Мир, не целые города и народы, то, по крайней мере, каждый — собственный свой дом, свою жену, своих детей, друзей, соседей. И никто пусть не говорит мне: я неискусен и несведущ. Нет никого более неученого, чем Петр, и более неискусного, чем Павел. Он и сам признается в этом и, не стыдясь, говорит: *аще бо и невежда словом, но не разумом* (2 Кор. XI, 6). Однако невежда Павел и неученый Петр победили тысячи философов, заставили молчать бесчисленных ораторов, совершив все это собственным усердием и благодатью Божией. Какое же оправдание найдем для себя мы, когда оказываемся не в состоянии научить и двадцать человек и быть полезными для живущих вместе с нами? Это пустой предлог и пустая отговорка. Не малоученость, не малообразованность, но леность и сон препятствуют нам учить. Потому, отряся этот сон, со всем прилежанием позаботимся о собственных членах, чтобы, наставляя ближних своих страху Божию, мы и здесь насладились полным спокойствием, и там сделались участниками бесчисленных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА I

Павел раб Иисус Христов, зван апостол, избран в благовестие Божие, еже прежде обеща пророки своими в писаниях святых (I, 1, 2)

1. Моисей, написавший пять книг, нигде не поставил своего имени, а равно и те, которые после него описывали последующие события, даже Матфей, Иоанн, Марк, Лука; но блаженный Павел всюду в своих посланиях ставит свое имя. Почему это? Потому что те писали для находившихся возле них и, присутствуя лично, не имели нужды говорить о себе самих; а Павел посылал писания издали и в виде письма, почему для него и необходима была прибавка имени. Если же в послании к Евреям он не делает этого, то по своему благоразумию. Так как евреи его ненавидели, то, чтобы они, услышав в начале послания его имя, не отказались слушать далее, он, скрыв свое имя, этим мудро достиг их внимания. Если же пророки и Соломон надписывали имена свои, то предоставляю вам самим исследовать, почему одни это делали, а другие не делали: ведь не всему нужно мне учить вас, а надобно и вам самим трудиться и исследовать, чтобы не сделаться еще ленивее. *Павел раб Иисус Христов.* Для чего Бог переменил ему имя и бывшего Савла назвал Павлом? Для того, чтобы ему и в этом отношении не быть меньше апостолов, но какое преимущество имел верховный из учеников, такое же приобрел и Павел, и получил основание для большего с ними союза. Не без намерения же называет он себя рабом Христовым. Рабство имеет многие виды. Есть рабство по сотворению, о котором сказано: *яко всяческая работна Тебе* (Пс. CXVIII, 91), и еще: *раб мой Новуходоносор* (Иер. XXV, 9), – потому что всякая тварь порабощена своему Творцу. Другой вид – рабство от веры, о котором говорится: *благодарение убо*

Богу, яко бесте раби греху, послушаете же от сердца, в оньже и предастеся образ учения, и свобождшеся от греха, поработистеся правде (Рим. VI, 17, 18). Наконец, есть рабство по образу жизни, о котором сказано: *Моисей раб мой скончася* (Нав. I, 2); хотя и все иудеи были слугами, но Моисей преимущественно сиял жизнью. А так как Павел был рабом во всех видах рабства, то вместо самого почетного титула употребляет наименование: *раб Иисус Христов.* А имена домостроительства он прилагает, восходя снизу вверх. Имя Иисус принесено ангелом, сошедшим с небес, когда Сын Божий родился от Девы, а имя Христос происходит от помазания и принадлежит Ему также по плоти. И каким, спросишь, елеем Он был помазан? Он помазан не елеем, но Духом. А писание и таковых обыкновенно называет христами. Преимущественное в помазании есть Дух, потому и елей приемлется. Где же писание называет христами непомазанных елем? Там, где говорит: *не прикасайтеся помазанным моим, и во пророцех моих не лукавнуйте* (Пс. CIV, 15). Ведь тогда елей не приготовлялся для помазания. *Зван Апостол,* Павел везде называет себя званным, свидетельствуя этим о своей признательности, потому что не сам искал и нашел, но, будучи призван, явился и повиновался. И верующих он также называет званными святыми, хотя они призваны только для того, чтобы уверовать; Павлу же вручено еще другое — апостольство, служение, заключающее в себе бесчисленные блага, совмещающее и превосходящее все дарования. И что еще можно сказать больше того, что Христос, оставляя землю, поручил апостолам все то, что сам совершал на земле? И Павел, восхваляя это достоинство апостолов, восклицает: *по Христе посольствуем, яко Богу молящу нами* (2 Кор. V, 20), то есть — вместо Христа. *Избран в благовестие Божие.* Как в доме каждый избран для особого дела, так и в церкви бывают различные раз-

деления служения. Но мне кажется, что Павел указывает здесь не только на жребий своего служения, но и на то, что он издревле и свыше был назначен для него. Так и Иеремия говорит, что Бог сказал о нем: *прежде неже изыти тебе из ложесн, освятих тя, пророка во языки поставих тя* (Иер. I, 5). Так как Павел писал городу тщеславному и напыщенному, то он во всем и показывает Божие рукоположение и говорит, что сам Бог призвал, сам Бог избрал его. Он делает это для того, чтобы послание его признали достоверным и приняли. *В благовестие Божие.* Итак, не один Матфей или Марк есть евангелист, равно как не один Павел есть апостол, но также и первые, хотя Павел по преимуществу называется апостолом, а те евангелистами. Самое же благовестие он называет в зависимости не от настоящих только благ, но и от будущих. Как же Павел говорит, что он благовествует о Боге? *Избран*, говорит, *в благовестие Божие.* Правда, Отец был известен и прежде евангелий, но, если и был известен, то одним только иудеям, и притом не всем, как надлежало. Тогда не знали Бога, как Отца, и многое представляли недостойно Его. Потому Христос и сказал, что придут *истиннии поклонницы*, и что *Отец таковых ищет поклоняющихся Ему* (Ин. IV, 25). Впоследствии же и сам Отец вместе с Сыном открылся всей вселенной; предвозвещая об этом Христос сказал: *да знают Тебе единого истиннаго Бога и Его же послал еси Иисус Христа* (Ин. XVII, 3). Благовестием же Божиим апостол называет (свою проповедь) для того, чтобы в самом начале возбудить внимание слушателя. Он пришел не с печальной какой-либо вестью, как приходили пророки – с обличениями, укоризнами, угрозами, но с добрыми вестями, с благовестием Божиим о бесчисленных сокровищах постоянных и непреложных благ, которые *прежде обеща пророки своими в Писаниях святых.* Сказано ведь: *Господь даст глагол благовествующим силою многою*

(Пс. LXVII, 12); и еще: *коль красны ноги благовествующих мир* (Ис. LII, 7)!

2. Видишь ли, как определенно выражены в Ветхом Завете название и способ евангелия? Оно, говорит, возвещается не только словами, но и делами; затем благовестие не есть что-либо человеческое, но божественное, неизреченное, превышающее всякое естество. А так как называли его нововведением, то Павел доказывает, что благовестие древнее эллинов (язычества) и прежде было описано у пророков. Если же Бог сообщил его не изначала, то по вине не хотевших принять; кто же хотел, тот слышал. *Авраам отец ваш,* сказано, *рад бы был, дабы видел день Мой; и виде и возрадовася* (Ин. VIII, 56). Итак, в каком смысле говорит, что *мнози пророцы и праведницы вожделеша видети, яже видите, и не видеша* (Мф. XIII, 17)? В таком, что вы видите и слышите самую плоть и самые знамения, совершающиеся перед глазами. Но ты обрати внимание, за сколько времени раньше об этом было предвозвещено. Всякий раз, как Богу угодно предуготовить что-нибудь великое, Он предсказывает об этом за много времени, чтобы настроить слух к принятию этого при исполнении. *В писаниях святых.* Пророки не только говорили, но и писали то, о чем говорили. Даже не только писали, но изображали действиями, например, Авраам вел Исаака (на жертвоприношение), Моисей возносил змия, воздевал руки во время сражения с Амаликом и закалал пасхального агнца. *О Сыне своем, бывшем от семене Давидова по плоти* (ст. 3). Что ты делаешь, Павел? Вознеся наши души и подняв их на высоту, показав великое и неизреченное, сказав о евангелии и евангелии Божием, представив сонм пророков и показав, что они предрекли будущее за много лет раньше, для чего ты опять низводишь нас к Давиду? Скажи мне, — о каком человеке ты говоришь, именуя его отцом Иессеева сына? Сообразно ли это с

сказанным прежде? Весьма сообразно, — говорит Павел, — потому что у нас речь не о простом человеке. Вследствие этого я и прибавил — *по плоти*, давая понять, что Ему же принадлежит и другое рождение — по Духу. Но для чего он начал с рождения по плоти, а не с высшего — с рождения по Духу? Для того, что так начинаюсь Матфей, Лука и Марк. К тому же, намеревающемуся возводить к небу необходимо вести снизу вверх. Так было и на самом деле. Сына Божия видели на земле человеком, а потом признали Его Богом. А какой способ учения употребил сам Он, такой же путь, ведущий к Нему, пролагает и ученик Его. Сначала говорит о рождении по плоти не потому, что оно было первое, но с той целью, чтобы от него возвести слушателя к другому рождению — по Духу. *Нареченнем Сыне Божии в силе по Духу святыни, из воскресения от мертвых Иисуса Христа* (ст. 4). Сказанное не совсем ясно, вследствие буквальной связи выражений; поэтому необходимо разделить речь. Итак, что же означают эти слова? Мы проповедуем, говорит Павел, происшедшего от Давида. Но это ясно. Чем же доказывается, что воплотившийся есть Сын Божий? Во-первых — пророками, почему Павел и сказал: *еже прежде обеща пророки своими в Писаниях святых*. Этот способ доказательства имеет немалую силу. Во-вторых — самым образом рождения, который выражен у апостола словами: *от семене Давидова по плоти*, так как это рождение нарушило порядок природы. В-третьих — чудесами, которые совершил Христос, доказав тем необыкновенную силу, что и выражено словом — *в силе*. В-четвертых — Духом, Которого даровал верующим в Него и через Которого всех соделал святыми, почему и сказано: *по Духу святыни*, так как одному Богу свойственно раздавать таковые дары. В-пятых — воскресением Господа, потому что Он первый и один только воскресил сам Себя; и это Он сам называл зна-

мением, преимущественно перед всеми другими достаточным для того, чтобы заградить уста даже бесстыдным. Он сказал: *разорите церковь сию, и треми деньми воздвигну ю* (Ин. II, 19). И еще: *егда вознесете Мя* от земли, *тогда уразумеете, яко Аз есмь* (Ин. VIII, 28). И опять: *род сей знамения ищет, и знамения не дастся ему, токмо знамение Ионы* (Мф. XII, 39). Итак, что значит — *нареченный?* Указанный, открывшийся, признанный, исповеданный по суждению и решению всех, вследствие предсказания пророков, вследствие чудесного рождения по плоти, при посредстве силы, явленной в чудесах, через Духа, Которым даровал освящение, через воскресение, которым разрушил державу смерти. *Им же прияхом благодать и апостольство в послушание веры* (ст. 5). Заметь признательность раба: он ничего не хочет приписать себе самому, но все приписывает Господу. И, конечно, это даровал Дух. Потому Господь и сказал: *много имам глаголати вам, но не можете носити ныне: егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы, на всяку истину* (Ин. XVI, 12, 13). И в другом месте Дух повелевает: *отделите Ми* Павла *и Варнаву* (Деян. XIII, 2). Также апостол в послании к Коринфянам говорит, что *овому Духом дается слово премудрости, иному слово разума,* и что *той же Дух* все разделяет, *якоже хощет* (1 Кор. XII, 8, 11). И проповедуя жителям Милета, он говорил: *в нем же постави вас Дух Святый* пастыри и *епископы* (Деян. XX, 28). Видишь ли, что (апостол) принадлежащее Духу усвояет Сыну и принадлежащее Сыну усвояет Духу? *Благодать и апостольство,* то есть не по заслугам своим мы стали апостолами, так как не достигли этого достоинства многими трудами и усилиями, но получили благодать, и от этого дара свыше совершилось преуспеяние. *В послушание веры.*

3. Следовательно, успех проповеди зависел не от апостолов, но от благодати, им предшествующей. Их дело было — обходить и проповедовать, но убеждение

производил Бог, действующий в них, как Лука и сказал, что *отверзе сердце* их (Деян. XVI, 14); и опять: *имже дано бе слышати слово Божие. В послушание.* Не сказал – для исследования и доказательства, но – в послушание. Мы посланы, говорит он, не умозаключения составлять, но передать то, что нам вверено. Когда Господь возвестит что-нибудь, слушатели не должны перетолковывать слова Его и с любопытством исследовать, но обязаны только принять их. И апостолы посланы были для того, чтобы передать то, что слышали, ничего не прибавляя от себя, чтобы и мы, наконец, уверовали. Чему же уверовали? *О имени Его.* Мы не должны исследовать сущность Его, но веровать во имя Его, так как оно творило и чудеса. *Во имя Иисуса Христа,* говорит Петр, *востани и ходи* (Деян. III, 6). Оно и само требует веры, и ничего из этого нельзя постигнуть разумом. *Во всех языцех, в них же есте и вы, звани Иисусу Христу* (ст. 6). Что это? Разве Павел проповедовал всем народам? Из послания к Римлянам видно, что он обошел (страны) от Иерусалима до Иллирика и оттуда опять доходил до последних пределов земли. Но если бы даже он был и не у всех народов, сказанное им нимало не ложно, потому что он говорит не об одном, себе, но и о двенадцати апостолах и о всех, благовествовавших слово после них. Впрочем, нельзя признавать этих слов спорными и в отношении самого Павла, если иметь в виду его усердие и то, что он после кончины своей не перестает проповедовать в целой вселенной. Заметь также, как Павел превозносит дар (апостольства) и показывает его величие и превосходство перед прежним (ветхозаветным). Если древнее (обетования ветхозаветные) простиралось на один народ, то это (апостольство) привлекло сушу и море. Не оставь без внимания и того, сколько душа Павла далека от всякой лести. Обращая речь к Римлянам, которые пребывали как бы на некоторой вершине всей вселен-

ной, он не отдает им никакого преимущества перед прочими народами и, хотя они тогда владычествовали и господствовали, Павел не говорит, что они имеют какое-нибудь преимущество и в духовном отношении. Но как мы проповедуем всем народам, пишет он, так проповедуем и вам, причем ставит их наряду со скифами и фракийцами; а если бы он не это хотел сказать, то было бы излишне прибавлять: *в них же есте и вы.* Делает же он это с той целью, чтобы низложить их высокомерие, смирить кичливость ума и научить равночестно относиться к другим. Для этого и присовокупил слова: *в них же есте и вы звани Иисусу Христу,* то есть с которыми находитесь и вы. Не сказал, что Христос других призвал с вами, но говорит, что вас Он призвал с другими. Если во Христе Иисусе нет ни раба, ни свободного, а тем более – ни царя, ни простолюдина, то и вы также призваны, а не сами собой пришли. *Всем сущим в Риме, возлюбленным Богу, званным святым, благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (ст. 7). Смотри, как часто Павел употребляет слово – *званный,* говоря: *зван апостол, в них же есте и вы звани, всем сущим в Риме званным.* Это он делает не для многословия, но желая опять напомнить римлянам о благодеянии Божием. Так как среди верующих находились, вероятно, и префекты, и консулы, и бедные, и простолюдины, то, отлагая неравенство чинов, он всем посылает одно приветствие. Если же и рабам, и свободным принадлежит всецелое общение во всем самом необходимом и духовном, как-то: любовь Божия, звание, благовестие, усыновление, благодать, мир, освящение и все прочее, то не крайнее ли будет безумие различать по земным деяниям тех, которых Бог соединил и сделал равночестными в важнейшем? Потому, конечно, апостол в самом начале отвергает этот лютый недуг и направляет римлян к смиренномудрию, которое есть матерь всех

благ. Смиренномудрие и рабов делало лучшими, научая их, что рабство не причинит им вреда, если они имеют истинную свободу, и господ обращало к умеренности, вразумляя их, что нет никакой пользы в свободе, если не бывает совершенства в делах веры. А чтобы тебе понять, что Павел делал это не с намерением все слить и смешать, а, напротив, он знал лучший способ различать, – обрати внимание на то, что он не просто написал: всем сущим в Риме, но с ограничением: *возлюбленным Богу*. Это – самое лучшее различение, которое ясно и показывает, откуда происходит освящение.

4. Итак, откуда именно освящение? От любви. Сказав – *возлюбленным*, тотчас присовокупил: *званным святым*, показывая, что источником всех благ для нас служит любовь; а святыми он называет всех верующих. *Благодать вам и мир*. О, приветствие, приносящее бесчисленные блага! Его именно и Христос заповедал апостолам произносить, при входе в дом, как первое слово. Поэтому и Павел всегда начинает тем же, то есть словами: *благодать и мир*. Не малую вражду прекратил Христос, но тяжелую, многоразличную и продолжительную, и притом уничтожив ее не нашими трудами, но Своей благодатью. И как любовь даровала благодать, а благодать даровала мир, то апостол, расположив их в своем приветствии в таком именно порядке, молит о непрерывном и ненарушимом пребывании (любви, благодати и мира), чтобы опять не возгорелась другая брань, и просит Подателя сохранить их непреложными, говоря так: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Вот здесь предлог *от* относится к Отцу и Сыну, а это равно выражению – *из Него*. Апостол не сказал: благодать вам и мир от Бога Отца через Господа нашего Иисуса Христа, но говорит: *от* Бога *Отца и Господа нашего Иисуса Христа*. О, какую силу

имеет любовь Божия! Враги и отверженные стали вдруг святыми и сынами. Апостол, назвав Бога Отцом, явил их сынами, а когда наименовал сынами, открыл все сокровище благ. Итак, не престанем являть жизнь достойную дара, соблюдая мир и святость. Другие почести временны, прекращаются с настоящей жизнью и продаются за деньги, почему о них можно сказать, что это не почести, но только наименования почестей, получающие свое значение от пышных одежд и от лести окружающей свиты. А дар освящения и усыновления, как данный от Бога, не уничтожается вместе со смертью, но и здесь делает нас знаменитыми, и сопровождает в жизнь будущую. Соблюдающий усыновление и тщательно хранящий дар святыни гораздо славнее и блаженнее увенчанного диадемой и носящего порфиру; даже в настоящей жизни он наслаждается совершенным спокойствием, насыщается благими надеждами, не имеет никакой причины для страха и беспокойства и пользуется непрерывной радостью. Ведь обыкновенно веселье и радость доставляет не величие власти, не обилие денег, не полнота могущества, не крепость тела, не роскошь трапезы, не пышность одежд и не какое-либо другое из человеческих преимущества, но только духовное совершенство и добрая совесть. Итак, кто имеет чистую совесть, хотя бы был одет в рубище и боролся с голодом, бывает благодушнее живущих роскошно; равно как сознающий за собой худое, хотя бы владел всеми богатствами, бывает несчастнее всех. Потому и Павел, хотя жил во всегдашнем голоде и наготе, хотя каждый день подвергался ударам, но радовался и веселился более современных царей. А Ахаав, хотя и царствовал и наслаждался разнообразными предметами роскоши, когда совершил свой грех, стенал и скорбел, а лицо его опадало как до греха, так и после греха. Итак, если мы желаем наслаждаться

радостью, то больше всего иного будем избегать порока и станем следовать добродетели, потому что иначе невозможно достигнуть радости, хотя бы мы взошли даже и на царский престол. Потому и Павел сказал: *плод же духовный есть любовь, радость, мир* (Гал. V, 22). Вырастим же этот плод в самих себе; чтобы нам и здесь насладиться радостью, и достигнуть будущего царства, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Первое убо благодарю Бога моего Иисусом Христом о всех вас, яко вера ваша возвещается во всем мире (I, 8)

1. Начало приличное блаженной душе и достаточное для того, чтобы научить всех посвящать Богу начатки добрых дел и слов и благодарить Его не только за свои успехи в добре, но и за успехи других, потому что это делает душу чистой от зависти и недоброжелательства и привлекает на благодарных большее благоволение Божие. Потому Павел и в другом месте говорит: *благословен Бог Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивый нас всяцем благословением духовным* (Еф. I, 3).

Благодарить же должны не только богатые, но и бедные, не здоровые только, но и больные, не одни благоденствующие, но и терпящие напасти. Нет ничего удивительного в благодарении тогда, когда дела наши направляются попутным ветром; но когда бывает сильная буря, корабль опрокидывается и находится в опасности, тогда благодарность служит большим доказательством терпения и признательности. За такую благодарность и Иов был увенчан, заградил бесстыдные

уста диавола и ясно доказал, что во дни благополучия был благодарным не из выгод, но вследствие сильной любви своей к Богу. Смотри также, за что благодарит Павел, — не за земное и погибающее, как-то: власть, могущество и славу (ведь это и не стоит ни одного слова), но за блага истинные, веру и дерзновение. И с каким расположением он благодарит! Не сказал: *Бога, но: Бога моего.* Это делают и пророки, присвояя себе общее всем. И что удивительного, если (так поступают) пророки? Сам Бог всегда явно делает это в отношении рабов Своих, называя Себя в частности Богом Авраама, Исаака и Иакова. *Яко вера ваша возвещается во всем мире.* Итак, что же? Неужели вся земля слышала о вере римлян? По словам Павла, вся; и в этом нет ничего неправдоподобного. Ведь Рим был городом немаловажным и, будучи расположен как бы на некоторой вершине, был известен всем. Ты же обрати внимание на силу проповеди, как она в короткое время при посредстве мытарей и рыбаков покорила себе самую славу городов и как мужи сирияне сделались учителями и наставниками римлян. Итак, Павел свидетельствует им о двояком успехе (проповеди), — о том, что римляне уверовали, и уверовали с таким дерзновением, что слава о них распространилась по всей земле. Он говорит: *вера ваша возвещается во всем мире.* Вера, а не словопрения, не состязания, не доказательства, хотя в Риме и было много препятствий учению. Римляне, недавно получив власть над вселенной, много думали о себе, жили богато и роскошно, а проповедь принесли к ним рыбари-иудеи и от иудеев, народа ненавидимого и для всех презренного, и повелевали покланяться Распятому, воспитанному в Иудее; эти учителя вместе с учением внушали и строгую жизнь таким людям, которые заботились об удовольствиях и стремились только к настоящему. Притом, проповедники были люди бедные, простые, низкого происхожде-

ния и из незнатных. Но ничто из этого не воспрепятствовало распространению слова: сила Распятого была такова, что слово распространялось всюду, *возвещается,* как говорит Павел, *во всем мире.* Он не сказал – объявляется, но – *возвещается,* то есть для всех они (апостолы) служили предметом разговора. Свидетельствуя об этом и фессалоникийцам, апостол присовокупляет и другое: сказав: *от вас промчеся слово Божие,* прибавил: яко *не требовати нам глаголати что* (1 Сол. I, 8). Там ученики стояли на степени учителей, смело всех наставляли и привлекали к себе. Проповедь нигде не останавливалась, но быстрее огня обтекала всю вселенную. Здесь же только сказано, что *возвещается.* И хорошо апостол сказал: *возвещается,* показывая, что ничего не должно ни прибавлять к сказанному, ни убавлять, так как дело вестника передать только то, что ему было сказано. Потому и священник называется вестником (ангелом), так как возвещает не свои слова, но пославшего. Конечно, и Петр проповедовал там (в Риме), но Павел труды его считает заодно со своими. Так много, как я сказал выше, был он свободен от всякой зависти. *Свидетель бо ми есть Бог, Ему же служу духом моим во благовествование Сына Его* (ст. 9).

2. Конечно, это – изречение апостольского духа и сердца, выражение отеческой попечительности. Но что именно значат эти слова и для чего Павел призывает в свидетели Бога? У него речь была о привязанности, а так как он еще не видел римлян, то и призывает в свидетели не кого-либо из людей, но Испытующего сердца. Сказав: *люблю вас,* он представил в доказательство то, что всегда молится и желает прийти к ним, но так как и это для них не было ясно, он прибегает к достоверному свидетельству. Может ли кто-нибудь из нас похвалиться, что, молясь дома, вспоминает о всех членах Церкви? Не думаю. Но Павел не за один город, а за

целую вселенную приносил молитвы Богу и притом не раз, два или три, а непрестанно. А непрестанно носить кого-нибудь в памяти невозможно, не имея великой любви. Пойми отсюда, какой привязанности и любви свойственно иметь в молитвах и иметь непрестанно. А когда Павел говорит: *Ему же служу духом моим во благовествование Сына Его,* этим он показывает нам вместе и благодать Божию, и свое смиренномудрие, — благодать Божию в том, что ему поручено такое дело, а свое смиренномудрие в том, что он приписывает все не своему прилежанию, но помощи Духа. Упоминание же о благовествовании указывает на один из видов служения. Ведь существует много различных способов служения вообще, а равно и служения Богу. Как при (земных) царях все подчинены одному государю, хотя не все одинаково служат, но служба одного состоит в начальстве над войском, другого в управлении городами, а иного в хранении денег в казне, так и в делах духовных — один служит и работает Богу тем, что верует и хорошо устрояет свою жизнь, другой тем, что принял на себя попечение о странниках, а иной тем, что взял на себя ходатайство за нуждающихся. Подобным образом, и у самих апостолов Стефан и окружавшие его служили Богу предстательством за вдовиц, а иные служили учением слова, каков был и Павел, служивший Богу проповедью евангелия. Таков был род его служения и на это он был поставлен. Потому он не только призывает в свидетели Бога, но и говорит о том, что ему было вверено, показывая, что если бы он не получил столь великого уполномочия, то ложно не призвал бы в свидетели Доверившего. Вместе с тем Павел желает показать и то, что любовь его к римлянам и попечение о них необходимы. Чтобы не сказали: «ты кто и откуда, и почему говоришь, что заботишься о таком обширном и царственнейшем городе»? — апостол и доказывает, что для него эта забо-

та необходима, потому что на него возложен такой род служения — проповедовать евангелие. А тот, кому поручено такое дело, имеет необходимость всегда содержать в мыслях намеревающихся принять слово. Кроме того, словами: *духом моим* апостол указывает и на другое, именно на то, что служение его Богу гораздо выше эллинского (языческого) и иудейского. Служение эллинское есть ложное и плотское, а иудейское, хотя и истинное, но также плотское; служение же Церкви противоположно, и несравненно выше иудейского, потому что наше служение Богу совершается не при посредстве овец, тельцев, дыма и курения, но через душу духовную, что именно и изобразил Христос, сказав: *дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. IV, 24). *Во благовествовании Сына Его.* Сказав выше, что благовестие принадлежат Отцу, апостол приписывает его здесь и Сыну: так безразлично говорится об Отце и Сыне. По блаженному евангельскому изречению апостол знал, что то, что свойственно Отцу, принадлежит Сыну, а свойственное Сыну принадлежит и Отцу. *Моя вся,* говорит (Христос), *Твоя суть, и Твоя Моя* (Ин. XVII, 10). *Яко безпрестанно память о вас творю в молитвах моих* (ст. 9). Такова истинная любовь. И мне кажется, что апостол говорит все об одном, хотя и употребляет здесь четыре выражения, именно: вспоминает, вспоминает непрестанно, вспоминает в молитвах, вспоминает в молитвах о важных делах. *Моляся, аще убо когда поспешен буду волею Божиею приити к вам, желаю бо видети вас* (ст. 10). Замечаешь ли ты, что апостол горит сильным желанием увидеть римлян и не решается на это против воли Божией, но желание свое умеряет страхом Божиим? Он любил их и стремился к ним, но однако и в то время, когда любил, не захотел увидеться с ними против воли Божией. Такова истинная любовь, а не та, которая у нас, нарушающих и тот и другой закон люб-

ви. Мы или никого не любим, или если любим, то против воли Божией, делая то и другое вопреки божественному закону. Тяжело слышать это, но еще тяжелее совершать.

3. Когда же, спросишь, мы любим против воли Божией? Всякий раз, как не обращаем внимания на Христа, томимого голодом, а детям, друзьям, родным даем более, чем сколько им нужно. Но нужно ли и продолжать слово? Каждый из нас, если испытает совесть свою, найдет, что это бывает у него во многих случаях. Не таков был блаженный Павел, который умел любить, и любить, как должно и как приличествовало, и который, превосходя всех в любви, не переступал ее границ. Итак, смотри, как обильно он был преисполнен тем и другим – и страхом Божиим, и любовью к римлянам. Его сильная любовь выражалась в том, что он непрестанно молился, молился даже и тогда, когда не получал просимого; а постоянное благочестие проявлялось в том, что он, имея любовь, не переставал быть покорным мановению Божию. Некогда Павел трижды просил Господа и не только не получил просимого, но, и не получив, счел за великую милость то, что не был услышан: так он во всем взирал на Бога. Теперь же хотя и получил (просимое), но не в то время, когда просил, а после, и нисколько этим не огорчился. Говорю же я это для того, чтобы и нам не скорбеть, когда мы не бываем услышаны, или же бываем услышаны позже. Ведь мы не лучше Павла, который то и другое признает за милость, и – совершенно справедливо. Однажды отдав себя всеуправляющей руке, он подчинялся ей с такой покорностью, как глина горшечнику, и следовал туда, куда вел Бог. Апостол, сказав, что он молился о том, чтобы увидеться с римлянами, упоминает далее и о причине своего желания. Что же это за причина? *Да некое подам вам дарование духовное, ко утверж-*

дению вашему (ст. 11). Значит, он предпринимал путешествие не просто, не так, как многие ныне совершают путешествие без цели и нужды, но его побуждали дела необходимые и важные, хотя он и не хочет сказать об этом ясно, а только намекает. Он не сказал: иду научить вас, наставить в вере, восполнить недостающее; но говорит: *да некое подам,* давая тем знать, что не свое им подает, а передает то, что сам получил. И при этом выражается опять смиренно – *да некое.* Подам нечто малое, говорит он, и соразмерное со своими силами. В чем же состоит то малое, что он намерен передать теперь? Это есть, говорит апостол, нечто служащее *ко утверждению вашему.*

Значит, от благодати зависит и то, чтобы стоять твердо, а не колебаться. А когда услышишь о благодати, не подумай, что будет отвергнута награда за произволение. Упоминая о благодати, апостол не труд выбора унижает, а отсекает кичливость высокомерия. Итак, не ослабевай (духом) от того, что Павел назвал это *дарованием* благодати. Вследствие великой признательности к Богу, он обыкновенно и добрые дела называл дарованием благодати, потому что и для них нужна нам большая помощь свыше. Сказав же – *ко утверждению вашему,* он скрытным образом показал, что римляне нуждаются в большем исправлении. То, что он хочет сказать им, состоит в следующем: с давнего времени я желал и просил (Бога) увидеть вас не для чего-либо другого, но для того, чтобы укрепить вас, утвердить и прочно водрузить в страхе Божием, чтобы вы никогда не колебались. Но он не сказал именно так, потому что мог бы огорчить римлян, а на то же самое намекает в других словах и слегка, выражая это в словах: *ко утверждению вашему.* Затем, так как и это было сказано очень сильно, то смотри, как апостол смягчает слова свои пояснением. Римляне могли сказать: «так что же? Неуже-

ли мы колеблемся, кружимся и имеем нужду в твоем слове, чтобы стать твердо»? Апостол заранее устраняет это возражение, говоря так: *сие же есть соутешитися в вас верою общею, вашею же и моею* (ст. 12). Он как бы говорил этим следующее: не подозревайте, что я сказал это для обвинения вас: не с таким намерением сказаны слова мои. А что же хотел я выразить? Вы, будучи окружены со всех сторон гонителями, потерпели много притеснений; потому я пожелал увидеть вас, чтобы утешить, или, лучше сказать, не только утешить вас, но и самому получить утешение.

4. Заметь мудрость учителя. Он сказал: *ко утверждению вашему,* но, зная, что такое выражение для учеников тяжело и сильно, присовокупляет – к утешению вашему. Но и это опять тяжело, хотя не столько, конечно, как первое, однако все еще тяжело. Потому он опять умеряет силу слов своих, всячески смягчая речь и делая ее приятной. Он не просто сказал: утешиться, а: *соутешитися;* но и этим не удовольствовался, а употребляет другое и более приятное выражение, сказав: *верою общею, вашею же и моею.* Какое смиренномудрие! Он ясно выразил, что сам имеет в них нужду, а не они только в нем, и учеников возвел на степень учителей, не пожелав оставить себе никакого преимущества, но показав полную с ними равночестность. В этом, говорит он, заключается общая наша польза: и я имею нужду в вашем утешении, и вы в моем. А как же это бывает? *Общею верою, вашею же и моею.* Как в том случае, если кто-нибудь соединяет много светильников, возжигает яркое пламя, так обыкновенно бывает и с верующими. Всякий раз, как мы разделены между собой, тогда, конечно, бываем слабее духом. А когда, увидев друг друга, взаимно себя поддерживаем, тогда получаем большое утешение. Не суди об этом по настоящему времени, когда, по благодати Божией, и в селе, и в городе, и в

самой пустыне существуют многочисленные сонмы верных, а всякое нечестие изгнано; но помысли о том времени, когда было приятно и учителю увидеть учеников и братьям встретиться с братьями, пришедшими из другого города. Чтобы сделать сказанное более ясным, приведу пример. Если бы как-нибудь случилось (чего да не будет), что мы, будучи уведены в землю персов, или скифов, или других варваров, были рассеяны в тамошних городах по двое и по трое, а потом вдруг увидели бы кого-нибудь прибывшего отсюда, то представь себе, какое великое утешение мы получили бы. Разве вы не видели, как заключенные в темницах, увидевшись с кем-нибудь из родственников, вскакивают и прыгают от радости? И не дивись, если тогдашние времена сравню с пленом или темницей. Тогда христиане терпели гораздо большие бедствия: рассеянные и гонимые они жили в голоде и среди войн, трепетали ежедневной смерти, не смели положиться на друзей, домашних, родных, в целом мире были как странниками, а лучше сказать, больше переносили трудностей, чем живущие на чужой стороне. Потому-то апостол говорит: *ко утверждению вашему, и соутешитися общею верою*. Но он говорит это не в том смысле, будто сам нуждался в их содействии, — нет. В чем мог нуждаться тот, кто был столпом церкви, крепче железа и камня, духовным адамантом, у которого было достаточно сил для проповеди в многочисленных городах? Но, чтобы не выразиться резко и не причинить сильной укоризны, он и прибавил, что и сам имеет нужду в утешении римлян. Если же кто-нибудь скажет, что здесь видны утешение и радость апостола, вследствие приращения в римлянах веры, и что в этом Павел имел нужду, тот не погрешит в таком изъяснении слов его. Итак, если ты (могли сказать апостолу) желаешь, молишься, надеешься насладиться утешением и преподать его, то что препятствует тебе прийти? Раз-

решая такое сомнение, Павел присовокупил: *не хощу же не ведети вам братие, яко множицею восхотех прийти к вам, и возбранен бых доселе* (ст. 13). Обрати внимание на степень рабского послушания и на пример великой признательности. Апостол говорит только, что у него были препятствия, но какие именно — об этом не говорит. Ведь он не исследует повелений Владыки, а только повинуется им, хотя другим и естественно было недоумевать, почему Бог столь знаменитому и обширному городу, на который обращены были взоры целой вселенной, препятствовал так долго пользоваться столь великим, как Павел, учителем. Кто овладел главным городом, тот легко нападает и на подданных, а кто миновал столицу и покоряет сперва подданных, тот оставляет без внимания самое главное. Впрочем, апостол не рассуждает ни о чем подобном, а предается непостижимому Промыслу, обнаруживая в этом благонастроенность души своей и научая всех нас никогда не испытывать Бога о причинах дел, хотя бы и казалось, что события смущают многих. Господину свойственно только повелевать, а рабам повиноваться. Поэтому Павел и говорит, что у него были препятствия, но какие именно — не упоминает. Я сам не знаю, говорит он. Не спрашивай же и ты о намерении и воле Божией. *Егда речет здание создавшему е, почто мя сотворил еси тако* (Рим. IX, 20)? И скажи мне: для чего ты стараешься узнать? Разве ты не знаешь, что Бог о всем печется, что Он премудр и ничего не делает без цели и напрасно, что Он любит тебя больше родителей и несравненно превосходит отца любовью и мать заботливостью? Итак, не спрашивай больше, не простирайся далее, и — этого достаточно для твоего успокоения, тем более, что положение римлян и тогда было устроено премудро. Если же ты не знаешь, каким именно способом, то не беспокойся: ведь это наиболее и свойственно вере —

признавать разум Промысла, не зная способов домостроительства Божия.

5. Итак, Павел достиг того, о чем заботился. Чего же именно? Он доказал, что не по нерадению о римлянах он не приходил к ним, но потому, что у него были препятствия, хотя он и сильно желал прийти. Отклонив же от себя нарекание в беспечности и убедив, что не менее их желал увидеть, он приводит и другие доказательства любви своей. При всех препятствиях, говорит он, я не переставал домогаться, и хотя, при всех стремлениях, постоянно встречал препятствия, я однако никогда не оставлял своего намерения, а в то же время не противился воле Божией и сохранял любовь. Тем, что был расположен прийти и не отказывался (от своего намерения), апостол доказал усердие к римлянам, а тем, что был задерживаем и не противился, он обнаружил всецелую любовь свою к Богу. *Да некий плод имею и в вас* (ст. 13). Хотя выше апостол и сказал о причине своего желания и представил ее подобающим для себя образом, однако и здесь причину эту приводит вновь, вполне устраняя подозрение римлян. Так как Рим был знаменитый город, единственный повсюду – на суше и на море, то одно только желание обозреть его было для многих поводом к путешествию; чтобы и о Павле не подумали чего-либо подобного и не стали подозревать, будто он хочет побывать там единственно в намерении похвалиться своим общением с римлянами, он неоднократно и указывает причину своего желания. И хотя выше сказал: я весьма желал видеть вас, чтобы подать вам некоторый духовный дар, здесь он говорит еще яснее: *да некий плод имею и в вас, якоже и в прочиих языцех.* Властителей апостол поставил наравне с подвластными и, несмотря на тысячи трофеев, на победы и знаменитость государственных сановников, поместил их наряду с варварами. И весьма справедли-

во. Где благородство веры, там нет ни варвара, ни эллина, ни чужеземца, ни гражданина, но все стоят на одной степени чести.

Заметь же и в этом скромность Павла. Он не сказал: приду научить, наставить в вере, но — что? *Да некий плод имею и в вас.* Не просто — *плод,* но — *некий плод.* Опять ограничивает все относящееся к себе, как и выше говорит: *да некое подам.* Потом апостол, как и прежде, ограничивает и их, присовокупляя: *якоже и в прочиих языцех.* В виду того, что вы богаты и имеете у себя больше других, не подумайте, что в отношении остальных я показываю меньше старания; ведь мы ищем не богатых, а верующих. Где ныне греческие мудрецы, которые, нося длинные бороды и закутавшись в плащи, были проникнуты чрезмерной гордостью? И Грецию и всю варварскую страну покорил скинотворец. Поставляемый среди языческих мудрецов в образец и превозносимый Платон три раза приходил в Сицилию с своими пышными словами и блистательной славой и не только не преодолел и одного тирана, но так несчастно окончил свое дело, что потерял даже и самую свободу. А этот скинотворец обошел не одну Сицилию или Италию, а целую вселенную, и во время проповеди не оставлял ремесла, но и тогда сшивал кожи и управлял мастерской. И это нисколько не соблазняло знаменитых римлян, — как и вполне естественно. Учителей обыкновенно делают презренными не ремесла и занятия, но ложь и вымышленные учения. Потому, конечно, их впоследствии осмеивали и афиняне; а Павла со вниманием слушали и варвары, и невежественные, и необразованные. Ведь проповедь предлагается для всех вообще; она не знает ни различия в достоинстве, ни преимущества народа и ничего тому подобного. Она требует одной веры, а не рассудочных доказательств. Потому она особенно и достойна удивления, что не

только полезна и спасительна, но и удобна, весьма легка и для всех доступна. В этом преимущественно и заключается действие Промысла Божия, что Бог предлагает дары Свои всем без различия. Как Он распорядился солнцем, луной, сушей, морем и тому подобным, не уделив большей их доли богатым и мудрым, а меньшей бедным, но предоставив всем пользоваться в равной мере, – так Он устроил и с проповедью, и даже гораздо в большей степени, насколько проповедь необходимее всего указанного выше. Потому и Павел неоднократно повторяет: *всем народам*. Потом апостол, показывая римлянам, что он никакой милости им не делает, но исполняет повеление Господа, и научая их воздать благодарение Богу всяческих, говорит: *Еллином же и варваром, мудрым же и неразумным должен есмь* (ст. 14). Он писал об этом и в послании к Коринфянам. А говорит он это, приписывая все Богу. *Тако есть, еже по моему усердию и вам сущим в Риме благовестити* (ст. 15).

6. О, благородная душа! Приняв на себя дело, исполненное столь многих опасностей, – морское путешествие, искушения, наветы, нападения (а намеревающемуся проповедовать в таком городе, где владычествовало нечестие, естественно было потерпеть бури искушений; действительно, апостол и жизнь окончил в этом городе, где был обезглавлен тогдашним властителем), – Павел, однако, ожидая перенести столь много бедствий, не сделался вследствие этого более нерешительным, но спешил, скорбел и был исполнен усердия. Потому и говорит: *тако есть, еже по моему усердию и вам сущим в Риме благовестити. Не стыжуся бо благовествованием* (ст. 16). Что ты говоришь, Павел? Тогда как надлежало бы сказать: хвалюсь, величаюсь, превозношусь, ты не говоришь этого, но нечто меньшее, именно, что ты не стыдишься, как мы обыкновенно отзываемся о чем-нибудь не очень важном. Итак, что значат эти слова?

Почему апостол так выражается, хотя благовествованием дорожил больше, чем небом? Так, в послании к Галатам он говорил: *мне же да не будет хвалитися токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. VI, 14). Почему же здесь не говорит: хвалюсь, но сказал: *не стыжуся?* Римляне были слишком преданы мирским занятиям вследствие своего богатства, власти, побед и ради собственных царей, которых они считали равными богам, даже так и называли их, и поэтому угождали им храмами, жертвенниками и жертвами. Так как они были весьма надменны, а Павел должен был проповедовать Иисуса, называемого сыном плотника, воспитавшегося в Иудее, в доме незнатной женщины, не имевшего при Себе оруженосцев, не окруженного богатством, но умершего вместе со злодеями, как преступник, и претерпевшего много и другого бесславного, то римлянам, которые еще не знали неизреченных и великих тайн, естественно было всего этого стыдиться. Потому апостол и говорит: *не стыжуся,* научая и их пока не стыдиться, так как знал, что как только они усовершенствуются в этом, скоро пойдут дальше и будут хвалиться. Потому и ты, услышав вопрос: «поклоняешься ли ты Распятому?» — не стыдись, не потупляй очей, но хвались и величайся и со смелым взором, с открытым челом подтверди свое исповедание. И если опять спросят: «неужели ты поклоняешься Распятому?» — опять отвечай: да, и не прелюбодею, не отцеубийце, не детоубийце (а таковы у язычников все боги), но крестом победившему демонов и уничтожившему тысячи их чародейств. Крест для нас есть дело неизреченного человеколюбия, символ великого попечения. Затем, так как они (языческие философы), будучи проникнуты внешней мудростью, сильно этим гордятся и хвалятся своим витийством, то я, говорит о себе Павел, навсегда отказавшись от рассудочных доказательств, иду проповедовать крест и не стыжусь

этого. *Сила бо Божия есть во спасение* (ст. 16). А так как эта сила Божия бывает и в наказание (ведь, когда Бог наказал египтян, то сказал: сия есть сила моя великая), и в погибель [как и сказано: *убойтеся могущаго и душу и тело погубити в геенне,* (Мф. X, 28)], то апостол, вследствие этого, и говорит: иду к вам не с такой силой, несу не казни и мщение, но то, что служит ко спасению. Как же так? Разве евангелие не возвещало и о наказании – о геенне, о тьме внешней, о черве ядовитом? Ведь мы узнали об этом не из какого-либо другого источника, но из евангелия. Как же апостол говорит о нем: *сила Божия во спасение?* Но выслушай и следующее: *всякому верующему, Иудееви же прежде и Еллину* (ст. 16). Не просто всем, но принимающим. Хотя бы ты был эллин и прошел всю порочность, хотя бы ты был скиф или варвар, даже настоящий зверь, хотя бы ты был исполнен всякого неразумия, обременен тяжестью бесчисленных грехов, но одновременно с тем, как принял слово крестное и крестился, ты загладил все это. Почему же апостол говорит здесь: *Иудееви же прежде и Еллину?* Что означает это различие? Ведь он сам много раз говорил, что ни обрезание есть что, ни необрезание: как же теперь разделяет, ставя иудея выше эллина? Что это значит? Конечно, не то, что первый больше получает благодати потому только, что он первый, так как тот же самый дар дается и иудею и язычнику; но слово *прежде* употреблено только для обозначения порядка. Иудей не имеет преимущества получить оправдание в большей степени, а только удостоен получить его прежде. Так и просвещаемые (вы, посвященные в таинства, знаете, о чем я говорю) все приступают к крещению, но не все в одно время, а один бывает первым, другой вторым; но, конечно, первый получает не больше второго, а второй не больше следующего за ним, но всем подается одно и то же. Итак, словом *прежде* здесь выражается первен-

ство в порядке речи, а не какое-либо преимущество в благодати. Далее апостол, сказав: *во спасение*, опять возвеличивает дар, показывая, что он не ограничивается настоящим, но простирается и в будущее. Это он выразил словами: *правда бо Божия в нем является от веры в веру, якоже есть писано: праведный же от веры, жив будет* (ст. 17). Итак, сделавшийся праведным *будет жив* не в настоящей только жизни, но и в будущей. Но не это только здесь подразумевает апостол, а и другое вместе с этим, именно – блеск и славу таковой жизни (праведника). Так как возможно спастись и со стыдом для себя (как, например, спасаются многие из освобождаемых от наказания по царской милости), то, чтобы ты, услышав о спасении, не стал предполагать того же, апостол и прибавил – *о правде*, и правде не твоей, но Божией, намекая при этом на ее обилие и доступность. Не трудами и потом ты заслуживаешь ее, а получаешь даром свыше, принося со своей стороны только одно – веру. Потом, так как казалось невероятным учение о том, что прелюбодей, сластолюбец, гробокопатель и чародей вдруг не только освобождаются от наказания, но становятся праведными и оправдываются правдой свыше, то апостол подтверждает эту мысль Ветхим Заветом. И прежде всего в кратком изречении он открывает беспредельное море событий для способного обнять его взором. Сказав: *от веры в веру*, апостол обратил внимание слушателя на ветхозаветное домостроительство Божие, которое он с великой мудростью изображает в послании к Евреям, и показывает, что тогда таким же образом оправдывались и праведники и грешники, вследствие чего и упомянул как о Раави, так и об Аврааме. А здесь, только намекнув на то же самое (так как спешил перейти скорее к другому рассуждению), апостол опять подтверждает свою мысль пророками и выводит на середину Аввакума, который взывает и говорит,

что желающему жить не иначе возможно быть живым, как через веру. Беседуя о будущей жизни, он говорит: *праведник от веры жив будет* (Авв. II, 4). Так как то, что дарует Бог, превосходит всякую мысль, то вера по справедливости для нас необходима. *Презорливый же и обидливый муж и величавый ничесоже скончает* (Авв. II, 5). Пусть еретики услышат этот духовный голос. Они должны понять, что природа рассудочных доводов подобна лабиринту и грифам, нигде не имеет никакого конца, не позволяет мысли утвердиться на основании и ведет начало от кичливости. Ведь те, которые стыдятся допустить веру и показать, что они не знают небесного, ввергают себя в прах бесчисленных помыслов. Но, жалкий и бедный человек, достойный непрестанных слез, ведь если кто-нибудь спросит тебя: «Как произошло небо или земля»? даже — что уже говорить о небе и земле — если спросят только тебя: «как сам ты родился, как воспитан и вырос»? — ты, конечно, не стыдишься своего незнания; а когда бывает речь о Единородном, то ты, считая недостойным себя не знать всего, неужели вследствие стыда ввергнешь себя в бездну погибели? Но ведь любовь к спору и безвременное любопытство есть дело недостойное. И зачем мне говорить о догматах? От самой поврежденности настоящей жизни мы освободились не иначе, как через веру. Верой просияли все доселе жившие, Авраам, Исаак, Иаков; верой спаслась блудница, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Ведь сказано: *верою Раав блуница не погибе с сопротивльшимися, приимши соглядателей* (Евр. XI, 31). Она не стала рассуждать: как эти пленники, беглецы и изгнанники, ведущие кочевую жизнь, могут овладеть нашим городом, который защищен стенами и богинями? Если бы она стала так размышлять, то погубила бы и себя и их, как действительно и погибли предшественники спасенных Раавью. Те, увидев людей великорослых и сильных,

стали изыскивать средства, как победить их, и все погибли без войны и сражения. Видишь ли, какова бездна неверия и какова стена веры? Неверие довело до погибели бесчисленное множество людей, а вера не только спасла жену блудницу, но и сделала ее покровительницей столь великого народа.

Итак, зная это и другое большее, никогда не будем испытывать Бога относительно причины событий, но без исследования и излишней пытливости станем принимать все, что бы Он ни повелел, хотя бы Его повеление и казалось несообразным с точки зрения человеческих размышлений. Скажи мне, в самом деле, что может представляться более несообразным, как то, чтобы сам отец умертвил единственного и возлюбленного своего сына? Однако праведник, получив такое приказание, не стал рассуждать об этом, а принял повеление только по достоинству приказавшего и повиновался. Но другой, получив от Бога повеление бить пророка и считая его несообразным, задумался над этим делом, а не просто послушался, и за это был наказан смертью, а бивший угодил Богу (3 Цар. XX, 35). И Саул, против воли Божией спасший жизнь людям, был низложен с престола и подвергся жестокому наказанию. Можно найти и многие другие примеры, которые все научают нас никогда не изведывать причины повелений Божиих, а только не противиться и повиноваться им. Если же опасно любопытствовать относительно того, что Бог повелел, и если испытующих ожидает крайнее наказание, то какое оправдание некогда будут иметь те, которые судят о предметах более непостижимых и страшных, например: каким образом Отец родил Сына? Какова Его сущность? Итак, зная это, со всем благоволением примем матерь всех благ — веру, чтобы нам, как плывущим в спокойной гавани, соблюсти правильное учение и, направляя жизнь свою со всей

безопасностью, достигнуть и благ вечных, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Открывается бо гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину в неправде (I, 18)

1. Заметь благоразумие Павла, как он, начав с более приятного, обращает речь к более страшному. Сказав, что Евангелие есть причина спасения и жизни, сила Божия, что оно способно совершить спасение и оправдание, он говорит теперь то, что может устрашить даже невнимательных. Обыкновенно большая часть людей привлекается к добродетели не столько обещанием благ, сколько страхом скорбей; но апостол склоняет римлян и тем, и другим. Так и Бог не только обещает царство, но и угрожает геенной; и пророки таким же образом проповедовали иудеям, всегда присоединяя к благам и наказания. По той же причине и Павел разнообразит речь, и не без основания, но сперва предлагает приятное, а потом печальное, показывая, что первое есть дело предваряющей воли Божией, а последнее зависит от порочной жизни нерадивых. Так и пророк прежде упоминает о благах, говоря: *аще хощете и послушаете мене, благая земли снесте: аще же не хощете, ниже послушаете мене, меч вы пояст* (Ис. I, 19–20). В таком же порядке и Павел располагает здесь свою речь. Смотри, говорит он, Христос пришел и принес прощение, оправдание и жизнь, но дарует это не просто, а при посредстве креста. Но самое важное и удивительное здесь не то, что Он только даровал нам это, но то, что Он так

много пострадал. Потому, если вы надменно поступите с дарами, то подвергнетесь бедствиям. И заметь, как апостол возвышает речь: *открывается бо*, говорит он, *гнев Божий с небесе.* Откуда это видно? Если такой вопрос предложит верующий, то мы представим ему изречение Христа; а если бы спросил неверный и эллин, то сам Павел заграждает ему уста тем, что говорит впоследствии о суде Божием, приводя непререкаемое доказательство из событий, совершившихся с язычниками. И что всего удивительнее, — апостол доказывает, что противящиеся истине сами подтверждают учение истины тем, что делают и говорят каждый день. Но об этом скажем после, а теперь займемся настоящим предметом. *Открывается бо гнев Божий с небесе.* Конечно, и в настоящей жизни часто это бывает, например (гнев Божий открывается) в голоде, язвах и войнах, когда наказывается или каждый в отдельности, или все вместе. Что же тогда произойдет чрезвычайного? То, что наказание будет большее, общее и другого рода; ведь то, что бывает ныне, служит к исправлению, а то, что случится тогда, будет наказанием. Указывая именно на это, Павел и сказал, что ныне *наказуемся, да не* с *миром осудимся* (1 Кор. XI, 32). Ныне многим кажется, что многое совершается не вследствие гнева свыше, но по причине человеческой неприязни; но тогда, когда Судья, сидя на страшном престоле, повелит одних ввергнуть в печь, других — в тьму внешнюю, а иных осудит на другие неизбежные и нестерпимые муки, тогда будет ясно, что наказание от Бога. И ради чего апостол не сказал так ясно, что, например, Сын Божий придет с тьмами ангелов и потребует отчета у каждого, но говорит: *открывается гнев Божий?* Слушатели были еще из новообращенных, потому апостол сначала привлекает их тем, что они и сами признавали. Притом, мне кажется, что это было обращено к язычникам; вслед-

ствие этого апостол начинает с общих понятий, а после ведет речь и о суде Христовом. *На всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину в неправде.* Здесь апостол показывает, что пути нечестия многочисленны, а путь истины один, так как заблуждение есть нечто разнообразное, многовидное и смешанное, а истина одна. Сказав об учении, апостол говорит и о жизни, упомянув о неправде людей. И неправда бывает разная: одна касается имущества, когда кто-нибудь обижает в этом своего ближнего, другая – жен, когда кто-нибудь, оставив свою жену, расторгает брак другого. Павел называет это лихоимством, говоря: *еже не преступати и лихоимствовати в вещи брата своего* (1 Сол. IV, 6). Иные опять, вместо жены и имения, похищают честь ближнего; и это также неправда, *ибо лучше имя доброе, неже богатство много* (Притч. XXII, 1). Хотя некоторые утверждают, что у Павла это сказано об учении, но однако нет препятствия относить его слова и к тому, и другому (то есть и к учению, и к жизни). А что значит – *содержащих истину в неправде,* узнай из последующего. *Зане, еже возможно разумети, о Бозе, яве есть в них: Бог бо явил есть им* (ст. 19). Но язычники эту славу приписали деревьям и камням.

2. Подобно как тот, кому была вверена царская казна и приказано истратить ее для славы царя, а он издерживает ее на злодеев, блудниц и чародеев, пышно содержа их на царские деньги, наказывается, как весьма тяжно оскорбивший царя, – так и язычники, получив ведение о Боге и славе Его, а потом приписав его идолам, *содержали истину в неправде* и, по собственной вине, оскорбили знание, воспользовавшись им не так, как следовало. Теперь ясны ли для вас слова апостола, или нужно еще пояснить их? Может быть, необходимо опять повторить. Так, что же значит сказанное апостолом? Бог ведение о Себе вложил людям с самого нача-

ла; но язычники, приложив свое знание о Боге к деревьям и камням, оскорбили истину, по собственной вине, так как сама истина пребывает неизменной и имеет славу непоколебимую. А из чего видно, Павел, что Бог и язычникам дал это знание? Из того, отвечает апостол, что *еже возможно разумети о Бозе, яве есть в них.* Но это – изъяснение, а не доказательство. Ты же докажи мне и убеди, что знание о Боге открыто было язычникам, но они самовольно уклонились от него. Как же оно было им открыто? Разве им голос раздался с неба? Нет, но Бог сделал то, что больше голоса могло привлечь их внимание, именно – Он поставил перед ними свое творение, которое, при посредстве одного созерцания красоты всего видимого, научало и мудреца, и необразованного, и скифа, и варвара возноситься мыслью к Богу. Потому апостол говорит: *невидимая бо Его от создания мира твореньми помышляема видима суть* (ст. 20). Тоже подтверждает и пророк: *небеса поведают славу Божию* (Пс. XVIII, 1). Что скажут язычники в день суда? Мы не знали Тебя? Но разве вы не слышали голоса неба, воспринимаемого взором, и стройной во всем гармонии, звучащей громогласнее трубы? Разве вы не заметили законов дня и ночи, всегда остающихся неизменными, твердого и непоколебимого порядка зимы, весны и остальных времен года, величия моря во время великой бури и среди волнений? Неужели вы не заметили, что все пребывает в порядке и своей красотой и величием возвещает Творца? Это самое и даже больше этого Павел выразил в следующих словах: *невидимая бо Его от создания мира твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти им безответным* (ст. 20). Конечно, не для этого Бог сотворил мир, хотя это и случилось. Он предложил людям этот урок не для того, чтобы лишить их оправдания, но для того, чтобы они познали Его; оказавшись же неблагодарны-

ми, люди сами лишили себя всякой защиты. Затем, показывая, каким образом язычники оказались лишенными оправдания, апостол говорит: *занеже разумевше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша* (ст. 21). Весьма велико и одно это прегрешение, но вторая их вина состояла в том, что они поклонялись идолам, что осуждал еще Иеремия, говоря: *два зла сотвориша людие сии: мене оставиша источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушенныя* (Иер. II, 13). Далее доказательством того, что язычники знали Бога и не воспользовались этим знанием, как должно, апостол выставляет то, что они признавали многих богов, почему и прибавил: *занеже разумевше Бога, не яко Бога прославиша.* Он указывает и причину, вследствие которой они впали в такое безумие. Какая же это причина? Та, что они во всем положились на свои помышления. Впрочем, апостол не так сказал, а гораздо выразительнее. *Осуетишася помышлении своими, и омрачися неразумное их сердце* (ст. 21). Подобно тому, как если кто-нибудь в безлунную ночь решается идти неизвестной дорогой, или плыть по морю, тот не только не достигает цели, но скоро погибает, так и язычники, решившись идти путем, ведущим к небу, лишили самих себя света, а затем, предавшись, взамен света, тьме умствований, стали искать бестелесного в телах и неописуемого в образах, и таким образом подверглись ужаснейшему крушению. Кроме указанной причины их заблуждения, Павел приводит и другую: *глаголющеся быти мудри объюродеша* (ст. 22). Много о себе думая и не пожелав идти путем, какой предписан им Богом, они погрязли в помыслах неразумия. Затем, указывая и изображая гибель язычников, насколько она была ужасна и лишена всякого оправдания, апостол говорит: *и измениша славу нетленнаго Бога в подобие образа тленна человека и птиц и четвероног и гад* (ст. 23).

3. Первая вина язычников в том, что они не нашли Бога; вторая — в том, что не нашли, имея к тому большие и очевидные основания; третья — в том, что называли себя мудрыми; четвертая — в том, что не только не нашли, но и почитание, принадлежащее Богу, воздали демонам, камням и деревьям. В послании к Коринфянам Павел также обличает высокомерие язычников, но иначе чем здесь. Там он поражает их крестом, говоря: *зане буее Божие премудрее человек есть* (1 Кор. I, 25); а здесь он без всякого сравнения осмеивает языческую мудрость, доказывая, что она сама по себе есть глупость и одно обнаружение высокомерия. А чтобы ты знал, что язычники имели знание о Боге, но сами погубили его, Павел сказал: *изменища*, так как изменяющий что-нибудь изменяет с той целью, чтобы иметь нечто другое. Язычники хотели найти нечто большее, но так как были любителями нововведений, то и не удержались в данных пределах, а потому лишились и прежнего. В этом и состояла вся эллинская мудрость. Потому они и восставали друг против друга, Аристотель восставал на Платона, стоики вооружались на Аристотеля и вообще один был противником другого, так что не удивляться им нужно за их мудрость, а отвращаться и ненавидеть, потому что вследствие этого самого они и сделались неразумными. Если бы они не предались размышлениям, доказательствам и софизмам, то не потерпели бы того, что потерпели. Далее, продолжая обвинение, апостол осмеивает и все идолослужение язычников. Если вообще изменение славы Божией смешно, то изменение в такой большой степени — вне всякого оправдания. Размысли же, кому изменили язычники и чему воздали славу. О Боге надлежало думать, что Он Господь всего, что Он сотворил несущее, что Он обо всем промышляет и печется. В этом состоит слава Божия. К кому же приложили ее язычники? Не к людям, но к

подобию образа тленна человека. Даже на этом не остановились, но снизошли до животных, а лучше сказать, до изображений их. И ты заметь мудрость Павла, как он представил две крайности: Бога, Который выше всего, и пресмыкающихся, которые ниже всего, или, лучше сказать, не пресмыкающихся, но подобия их, чтобы ясно показать несомненное безумие язычников. Познание, какое надлежало иметь о Существе, несравненно все превосходящем, они приложили к тому, что без сравнения ниже всего. Но, скажет кто-нибудь, имеет ли это отношение к философам? Да, к ним преимущественно и относится все сказанное. Они имеют учителями египтян, которые изобрели это. Гордится этим и Платон, который представлялся более почтенным, чем другие; и учитель его был привержен к тем же идолам, так как он, именно, приказал принести петуха в жертву Эскулапу. В язычестве можно было видеть изображения животных и пресмыкающихся, а также Аполлона и Диониса, почитаемых вместе с пресмыкающимися. А некоторые философы даже возвели на небо тельцов, скорпионов, драконов и всякую другую суету, так как диавол всеми мерами старался низвести людей до подобия пресмыкающихся и самым неразумным из всех тварям подчинить тех, которых Бог хотел возвести превыше неба. Не отсюда только, но и из другого можно видеть, что глава философов (Платон) виновен в указанном выше. Когда он сличает поэтов и говорит, что им нужно верить в их учении о Боге, так как они имеют точное знание, то в доказательство он представляет не более, как собрание басен, и утверждает, что смешные эти вымыслы нужно признавать истинными. *Темже и предаде их Бог в похотех сердец их в нечистоту, во еже сквернитися телесем их в себе самех* (ст. 24). Здесь апостол показывает, что нечестие было причиной нарушения законов. А слово — *предаде* здесь означает — попустил. Подоб-

но тому как предводитель войска, оставив его и удалившись во время жаркого боя, предает воинов врагам, не через содействие свое, но тем, что лишает своей помощи, так и Бог, исполнив со Своей стороны все, оставил тех, которые не хотели принять Его повелений и первые от Него удалились. И рассуди: Бог предложил людям, вместо учения, мир, дал им разум и рассудок, способный понимать то, что должно. Но они ничем из этого не воспользовались для своего спасения и даже извратили то, что получили. Итак, что же надлежало делать? Неужели привлекать их силой и по неволе? Но это не значит делать их добродетельными. Оставалось предоставить их самим себе, что Бог и сделал, чтобы люди, посредством личного опыта узнав все то, к чему они так сильно стремились, сами наконец бежали от позора. Ведь если какой-либо царский сын, к бесчестью отца, пожелает быть с ворами, убийцами и грабителями гробниц и общество таких людей предпочтет отцовскому дому, то отец, конечно, оставит его, чтобы собственным опытом он мог убедиться в безмерном своем неразумии.

4. Но почему апостол не упомянул ни об одном ином грехе, например, об убийстве, любостяжании и других подобных, но упоминает только о невоздержании? Мне кажется, что он имеет в виду современных ему слушателей и тех, которые должны были получить его послание. *В нечистоту, во еже скверниmися телесем их в себе самех.* Заметь, какое выразительное изречение. Язычники, говорит Павел, не имели нужды в других оскорбителях, но сами себе делали то, что им могли бы причинять враги. Потом, возвращаясь опять к причине, апостол говорит: *иже пременина истину Божию во лжу, и почтоша и послужиша твари паче Творца* (ст. 25). Что особенно было смешно в язычестве, то апостол перечисляет по видам, а что представляется достойнее прочего, о том

он говорит вообще, но посредством того и другого доказывает, что язычество есть служение твари. И заметь, как он выразил свою мысль. Не сказал просто: *послужиша твари,* но прибавил: *паче Творца;* такой прибавкой он увеличивает вину язычников и лишает их всякого извинения. *Иже есть благословен во веки, аминь* (ст. 25). Но это нисколько не повредило славе Божией, говорит Павел, потому что Бог благословен во веки. Здесь апостол показывает, что Бог оставил язычников не потому, что мстил за Себя, так как Он ничего от этого не потерпел. Если язычники и оскорбляли Его, то Он не оскорблялся, слава Его не умалилась, но Он всегда пребывает благословен. Если и любомудрый человек часто может совсем не чувствовать оскорбления, то тем более Бог, Существо бессмертное и неизменяемое, слава непреходящая и неподвижная. Ведь и люди уподобляются Богу в этом отношении тогда, когда они нисколько не чувствуют обиды от тех, которые желают вредить им, когда они не оскорбляются наносимыми им обидами, не чувствуют ударов, когда их бьют, и насмешек, когда другие смеются над ними. Но возможно ли это? — спросит кто-нибудь. Возможно, даже весьма возможно всякий раз, как ты не скорбишь по поводу случившегося. И как возможно, спросят, не скорбеть? А я спрашиваю: как можно скорбеть? Скажи мне; если бы тебя оскорбило собственное твое дитя, то неужели ты эту обиду счел бы за действительную обиду? Неужели ты стал бы скорбеть? Нет. А если бы ты стал обижаться, то не смешон ли ты тогда будешь? Будем и мы таким же образом относиться к ближнему, и тогда не потерпим ничего неприятного (ведь обижающие другого неразумнее детей); не будем требовать, чтобы нас не обижали, но, будучи обижены, перенесем обиду великодушно, так как в этом и состоит истинная честь. Почему же так? А потому, что в этом ты господин, а в том —

другой. Разве ты видел, чтобы пораженный адамант сам ударил? Такова, ответишь ты, его природа. Но ведь и тебе, по доброй твоей воле, возможно сделаться таковым, каков он по природе. Что же? Разве ты не знаешь, что отроки не опалились в печи, а Даниил во рве не потерпел никакого зла? И ныне это может случиться. И нас окружают львы, гнев и похоть, имеющие опасные зубы и растерзывающие всякого подвергшегося (их нападению). Будь же таким, как Даниил, и не позволяй этим страстям впиваться зубами тебе в душу. Но, скажешь, Даниилу во всем помогала благодать. Правда, но помогала потому, что ей предшествовала собственная его воля. Таким образом, если и мы пожелаем сделаться подобными ему, то благодать и ныне готова помогать. Как ни голодны звери, они не прикоснутся к твоему ребру. Если они устыдились тогда, когда увидели тело раба, то неужели не усмирятся теперь, когда увидят члены Христовы (а таковы мы — верующие)? Если же не усмиряются, то, конечно, по вине вверженных. Действительно, многие доставляют этим львам обильную пищу тем, что содержат блудниц, нарушают браки, мстят врагам, — поэтому и растерзываются прежде, чем достигнут дна (рва). Но не то случилось с Даниилом, не то будет и с нами, если мы пожелаем, а совершится нечто больше того, что было прежде с Даниилом.

Тогда львы не сделали вреда, а нам, если мы будем бодрствовать, обижающие принесут и пользу. Так, Павел сделался знаменитым от оскорбителей и злоумышленников, а Иов — вследствие многих болезней и ран, Иеремия — из-за грязного рва, Ной — вследствие потопа, Авель — вследствие злоумышления, Моисей — по вине жаждавших крови иудеев; так и Елисей, так и каждый из великих тех мужей — все они получили блестящие венцы не за безмятежную и роскошную жизнь, но за скорби и

искушения. Потому и Христос, ведая об этом способе прославления, говорил ученикам: *в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. XVI, 33). Так что же, спросят: разве не многие также пали под тяжестью зол? Пали, но не от свойства искушений, а от собственного нерадения. Но Тот, Кто творит *со искушением и избытие, яко возмощи понести* (1 Кор. X, 13), сам да поможет всем нам и да прострет руку, чтобы мы, торжественно прославленные, достигли вечных венцов, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Сего ради предаде их Бог в страсти безчестия: и жены бо их измениша естественную подобу в презъестественную. Такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотию своею друг на друга (I, 26, 27)

1. Итак, все страсти бесчестны, но особенно бесчестна безумная любовь к мужчинам, потому что душа страдает и унижается в этих грехах более, чем тело в болезнях. Смотри же, как апостол и здесь лишает язычников прощения, сказав о женщинах подобно тому, как и об учении: *измениша естественную подобу*. Никто не может сказать, говорит он, что они дошли до этого, будучи лишены обыкновенного способа соития, и что предались столь необычайному неистовству потому, что не могли удовлетворить своей похоти, так как изменять возможно только то, что имеют, как апостол и сказал в речи об учении: *пременища истину Божию во лжу*. Тоже самое опять, но несколько иначе, апостол сказал и о мужчинах: *оставльше естественную подобу женска пола*.

И у женщин, и у мужчин он равно отнимает возможность извинения, обвиняя их не только в том, что они имели наслаждение и, оставив то, что имели, обратились к иному, но и в том, что, презрев способ естественный, прибегли к противоестественному. Но противоестественное и более неудобно, и более неприятно, так что не может быть и названо удовольствием. Ведь истинное удовольствие сообразно с природой, а когда Бог оставляет, тогда все приходит в беспорядок. Вследствие этого у язычников не только учение было сатанинское, но и жизнь диавольская. И когда апостол беседовал об учении, то он указал на мир и человеческий разум, сказав, что люди силой разумения, данного от Бога, и при посредстве всего видимого могли возвыситься до Творца, но не захотели этого и остались без оправдания. А здесь, вместо мира, он указал на удовольствие, сообразное с природой, которым они могли наслаждаться с большей свободой и с большей приятностью, освободившись от стыда. Но язычники не захотели этого и оскорбив самое естество, оказались вне всякого извинения. Бесчестнее же всего то, что и женщины стремятся к таким смешениям, которых им следовало бы стыдиться более мужчин. И здесь достойно удивления благоразумие Павла, как он, нападая на два противоположные дела, со всей точностью достиг своей цели. Ведь он хотел и выразиться благопристойно, и уязвить слушателя, но то и другое было невозможно: одно препятствовало другому. Выразившись благопристойно, нельзя было тронуть слушателя; а чтобы сильнее поразить его, необходимо было представить дело яснее во всей его наготе. Но разумная и святая душа Павла с точностью преодолела то и другое, усилив обвинение наименованием естества и воспользовавшись этим словом как бы некоторым покровом для благопристойности речи.

Итак, коснувшись сперва женщин, апостол обращает потом речь к мужчинам: *такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола.* Является доказательством крайней порчи то, когда развращены тот и другой пол, когда мужчина, поставленный быть наставником жены, и женщина, которой повелено быть помощницей мужа, поступают друг с другом, как враги. Заметь же, какие сильные выражения употребляет апостол. Не сказал, что они питали взаимную любовь и вожделение, но — *разжегошася похотию своею друг на друга.* Замечаешь ли, что все произошло от переизбытка вожделения, которое не в силах оказалось остаться в собственных своих пределах? Все, преступающее законы, установленные Богом, питает вожделение к необычному и незаконному. Подобно тому, как многие, потеряв позыв к обыкновенной пище, нередко едят землю и мелкие камни, а другие, томясь сильной жаждой, часто пьют и грязную воду, — так и язычники вскипели этой противозаконной любовью. И если ты спросишь: откуда такая напряженность страсти? — отвечаю: оттого, что они были оставлены Богом. А отчего произошло это Божие оставление? От беззакония оставивших Бога. *Мужи на мужех студ содевающе* (ст. 27).

2. Ты, услышав (говорит апостол) о том, что они (язычники) разжигались, не подумай, что у них была одна только болезнь вожделения: все зависит преимущественно от беспечности, которая и разжигала страсти. Потому он не сказал — соблазнившись, или — впав (Гал. VI, 1), как выразился в другом месте, а как выразился? *Содевающе.* Они считали грех занятием не простым, но таким, которое совершали с ревностью. Не сказал также — вожделение, но — *студ* по преимуществу, потому что они посрамили естество и попрали законы. Смотри, какое большое замешательство произошло с той и другой стороны. Не только голова стала внизу, но

и ноги вверху; люди сделались врагами себе самим и друг другу, так как открыли какую-то жестокую брань, которая беззаконнее всякого междоусобия, — брань многоразличную и разнообразную. Они разделили ее на четыре вида, все суетные и преступные, так что эта борьба у них была не двойная и тройная, но в четырех видах. Рассуди сам. Двоим, разумею жену и мужа, надлежало составлять одно, как сказано: *будета два в плоть едину* (Быт. II, 24). А это вызывалось желанием общения, которое и соединяло оба пола друг с другом. Диавол, истребив эту взаимную склонность и дав ей иное направление, таким образом разделил между собой полы и, вопреки закону Божию, из одного целого сделал две части. Ведь Бог сказал: *будета два в плоть едину*, не диавол единую плоть разделил на две. Вот первая брань. Опять, каждая из этих двух частей стала враждовать как сама с собой, так и друг против друга, потому что женщины стали наносить поругание не только мужчинам, но и женщинам, а мужчины восставали друг на друга и против женского пола, как обыкновенно и бывает в какой-нибудь ночной битве. Видишь ли вторую и третью брань, четвертую и пятую? Но есть еще и иная: кроме сказанного, они восстали и на самую природу. Так как диавол видел, что самое вожделение больше всего соединяет полы, то и постарался разорвать этот союз, чтобы уничтожить человеческий род не только противозаконным расточением семени, но и взаимной борьбой и восстаниями. *И возмездие, еже подобаше прелести их, в себе, восприемлюще* (ст. 27). Смотри, как апостол опять переходит к источнику зла — нечестивому учению, и говорит, что *студ* был воздаянием за это беззаконие. И так как, говоря о геенне и наказании, апостол для людей нечестивых, избравших такую жизнь, показался бы не заслуживающим доверия и даже смешным, то он разъясняет, что в самом этом удовольствии за-

ключается наказание. И не удивляйся тому, что они не чувствуют этого, но испытывают наслаждение: ведь и безумные и одержимые болезнью умопомешательства, много мучая самих себя и находясь в жалком положении, однако смеются и радуются своим делам, по поводу которых другие о них плачут. Но мы не говорим, что вследствие этого они освобождены от наказания, напротив, потому самому они и находятся в ужаснейшем мучении, что сами не сознают своего положения. Не больным нужно судить о положении дел, а здоровым. Известно, что в древности такое дело считалось даже законным, а один языческий законодатель запретил рабам натирать себя маслом досуха и мужеложствовать, предоставив только свободным такое преимущество, а лучше сказать – такое студодеяние. И, вообще, язычники не считали это дело бесстыдным, но, как нечто почетное и более высокое, чем состояние рабов, предоставляли его лишь свободным. Так думал мудрейший народ афинский и великий из афинян Солон. Можно найти много и других философских сочинений, зараженных той же болезнью. Однако же, вследствие этого, мы не назовем такого дела законным, а, напротив, – признаем жалкими и достойными многих слез тех людей, которые приняли этот закон. Что делают блудницы, тоже, а лучше сказать – более безобразное совершают и мужеложники. Смешение с блудницами хотя беззаконно, но естественно, а мужеложство и противозаконно, и противоестественно. Если бы не было геенны и не угрожало наказание, то это было бы хуже всякого наказания. Если же они наслаждаются, то это говорит лишь об усилении наказания. Если бы я увидел, что бежит нагой человек, вымаравший все свое тело грязью, и не только не стыдится, но и хвалится этим, то я не стал бы радоваться вместе с ним, но больше его рыдал бы о нем, потому что он не чувствует стыда сво-

его. Но, чтобы яснее представить вам поругание, выслушайте от меня и другой пример. Если бы кто-нибудь уличил девицу в том, что она в своей опочивальне имела смешение с неразумными животными, а она и после того стала бы услаждаться таким смешением, то недостойна ли была бы она слез, преимущественно вследствие того, что не могла избавиться от этой болезни по той причине, что не сознавала порока? Конечно, это всякому ясно. А если то беззаконие тяжко, то и это (мужеложство) – не менее того, так как терпеть поругание от своих прискорбнее, чем от чужих. Я утверждаю, что эти (мужеложники) хуже убийц, так как лучше умереть, чем жить после такого поругания. Убийца отторгает душу от тела, а этот губит и душу вместе с телом. Какой ни назови грех, ни один не будет равен этому беззаконию. И впадающие в него, если бы сознавали совершаемое, приняли бы бесчисленные смерти, чтобы только не подвергаться этому греху.

3. Ничего, ничего нет неразумнее и тяжелее такого поругания. Если Павел, рассуждая о блуде, сказал: *всяк грех, его же аще сотворит человек, кроме тела есть: а блудяй во свое тело согрешает* (1 Кор; VI, 18), то что сказать об этом безумии, которое настолько хуже блуда, что нельзя и выразить? Не говорю, что ты только сделался женщиной, но более: ты погубил свое существование, как мужчины, ты ни в женское естество не изменился, ни того, какое имел, не сохранил, а сделался общим предателем того и другого естества и достоин изгнания и от мужчин и от женщин и побиения камнями, так как ты оскорбил тот и другой пол. Чтобы тебе понять, насколько велик этот грех, (представь следующее): если бы кто-нибудь, придя к тебе, объявил, что он сделает тебя из человека собакой, то ты не убежал ли бы от него, как от человека самого вредного? Но вот ты сделал самого себя из человека не собакой, а животным

более презренным, чем собака: она еще годна к чему-нибудь, а предавшийся распутству ни к чему негоден. И скажи мне, если бы кто-нибудь угрожал сделать так, чтобы мужчины носили и рождали детей, то разве мы не исполнились бы гнева? Но вот теперь предающиеся такому неистовству поступают сами с собой гораздо хуже, так как не одно и тоже, во-первых, измениться в женскую природу и, во-вторых, оставаясь мужчиной, сделаться женщиной, а лучше сказать — ни тем, ни другим. Если же ты желаешь узнать чрезмерность зла и в другом отношении, то спроси, почему законодатели наказывают тех, которые делают других скопцами, и узнаешь, что ни за что иное, как именно за изувечение природы, хотя они и не наносят человеку такого поругания (какое наносится мужеложеством), потому что оскопленные и после оскопления во многих случаях бывают полезны. Между тем нет ничего непотребнее мужчины, сделавшегося блудницей, потому что не только душа, но и тело допустившего такое поругание становится ничтожным и достойным изгнания отовсюду. Какие же геенны достаточны для таких! А если ты, слыша о геенне, смеешься и не веришь, то вспомни об огне содомском. Ведь мы видим, даже в настоящей жизни видим подобие геенны. Так как многие готовы были совсем не верить явившимся по воскресении и возвестившим, что и теперь существует огонь неугасимый, то Бог и вразумил их событиями настоящей жизни. Таково было сожжение Содома и истребление его огнем, о чем знают бывшие там и собственными глазами видевшие следы божественного наказания и небесных молний. Пойми же, как велик был грех, побудивший геенну явиться преждевременно. С другой стороны, так как многие презирали речи (о геенне), то Бог на деле показал им подобие ее в некотором новом виде. Дождь тот был необыкновенный, как и смешение со-

домлян было противоестественно; он затопил землю, как и похоть наводнила их души. Этот дождь был по своему действию противоположен дождю обыкновенному: он не только не возбудил утробу земли к произрастанию плодов, но и сделал ее неспособной к принятию семян. Таково было и смешение мужчин земли содомской, которое делало их тела более бесплодными. Что грязнее, что отвратительнее того мужчины, который стал блудницей? Какое неистовство, какое безумие! Откуда вторглась эта похоть, оскорбляющая человеческую природу, наподобие врагов, а лучше сказать, настолько ужаснее врагов, насколько душа превосходнее тела? О, вы бессмысленнейшие и бессловесных, бесстыднейшие и собак! И у тех никогда не бывает такого смешения, так как природа знает свои границы, а вы, срамя свой род, сделали его бесчестнее существ неразумных. Итак, откуда произошло это зло? От роскошной жизни, от незнания Бога: всякий раз, как люди отвергают страх Божий, тогда оставляет их и всякое добро.

4. Итак, чтобы этого не было, будем иметь перед глазами истинный страх Божий. Ничто, ничто так не губит человека, как если сняться с этого якоря, а равно ничто так не спасает, как если всегда держаться на нем. Если мы, имея перед глазами человека, с меньшей решительностью приступаем ко грехам, а часто не делаем ничего неуместного, стыдясь более почтенных слуг, то рассуди, какой безопасностью мы будем пользоваться тогда, когда будем иметь перед глазами Бога. Ведь при таком нашем настроении, нигде не нападет на нас диавол, потому что труд его был бы бесполезен. Когда же диавол заметит, что мы блуждаем вне и бродим без узды, то он, воспользовавшись нашим почином, наконец получит возможность и совсем разлучить нас от стада. И что переносят ради-

вые из рабов, которые, оставив необходимые дела, из-за которых были посланы господами на рынок, без надобности и напрасно останавливаются с проходящими и тратят здесь свободное время, тому же подвергнемся и мы, когда отступим от заповедей Божиих. Вот стоим и мы, удивляясь богатству, красоте тела и остальному, что до нас не касается, как и те рабы смотрят на представления фокусников, а потом, придя поздно, терпят дома жестокие побои. А многие, следуя за другими, совершающими подобные непотребства, оставили даже путь, лежащий перед ними. Но не будем так делать, потому что мы посланы совершить многое из необходимого; если же мы, пренебрегая этим, остановимся и будем с удивлением смотреть на бесполезные предметы, то, понапрасну и тщетно истратив все свое время, и мы подвергнемся жестокому наказанию. Если же ты желаешь заняться, то есть у тебя то, на что ты должен с изумлением смотреть, чем можешь любоваться все свое время, что не смеха достойно, но удивления и многих похвал, а между тем, если станешь изумляться смешному, ты и сам сделаешься таковым и даже хуже смехотворца. Беги же скорее прочь, чтобы тебе не подвергнуться этому.

И скажи мне, почему ты стоишь, с изумлением смотря на богатство и готовый лететь к нему? Что ты видишь в нем удивительного и достойного остановить на себе взоры твои? Кони ли, украшенные золотом, и слуги-варвары, или евнухи, дорогие одежды, а в них сладострастная душа, поднятые вверх брови, беготня и волнение? Но неужели все это достойно удивления? Чем эти люди отличаются от нищих, которые пляшут на рынке и играют на свирели? Они, одержимые сильным голодом добродетели, пляшут свою пляску, которая смешнее пляски нищих, когда бегают и кружатся то по роскошным обедам, то по домам непотребных женщин,

то в толпе льстецов и тунеядцев. Хотя они и в золото одеты, но особенно жалки потому, что заботятся больше всего о том, что не имеет для них никакого значения. Не смотри на одежды, но раскрой их душу и вглядись, не полна ли она бесчисленных ран, не одета ли в рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая польза в этом безумном пристрастии к внешнему? Гораздо лучше быть бедным, но жить добродетельно, чем быть царем, но порочным. Бедный сам по себе наслаждается всяким душевным удовольствием и, вследствие внутреннего богатства, не чувствует наружной бедности. А царь, наслаждаясь тем, что ему вовсе неприлично, наказывается в том, что в особенности ему должно быть свойственно, и мучится в душе помыслами и совестью, преследующими его и среди удовольствий. Зная это, отвергнем золотые одежды и усвоим себе добродетель и удовольствие, происходящее от добродетели. Таким образом и здесь, и там мы насладимся многой радостью и достигнем обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Якоже не искусиша имети Бога в разуме, предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная (I, 28)

1. Чтобы не показалось, что апостол, ведя длинную речь о мужеложстве, намекает на римлян, он перешел, наконец, к грехам другого рода и во всей речи своей касается других лиц. И как всегда, беседуя с верующими о грехах и желая доказать, что их должно избегать, апостол приводит в пример язычников, говоря: *не в страсти похотней, якоже и языцы неведущии Бога,* и да-

лее: *не скорбите, якоже и прочии не имущии упования* (1 Сол. IV, 5, 13), так и здесь он указывает на грехи язычников и лишает последних всякого оправдания, — говоря, что дерзновения их зависят не от неведения, но от склонности. Потому не сказал: так как не уразумели, но говорит: *якоже не искусиша имети Бога в разуме,* показывая, что грехи их происходили преимущественно от развращенного рассудка и любви к словопрениям, а не случайного восприятия, — были грехами не плоти, как утверждают некоторые еретики, но ума и порочного желания, и что источник всех зол заключается именно здесь. Так как ум их сделался превратным, то все, наконец, пришло в беспорядок и смятение, когда руководитель оказался поврежденным. *Исполненных всякия неправды, лукавства, лихоимания, злобы* (ст. 29). Заметь, как речь постепенно усиливается; апостол называет их *исполненными,* и притом *всякия неправды.* Назвав вообще порок, он потом переходит к видам его и к подверженным этим грехам, которых он с выразительностью и называет *исполненными зависти, убийства,* потому что убийство происходит от зависти, как это и показано на примерах Авеля и Иосифа. Потом, сказав: *рвения, лъсти, злонравия, шепотники, клеветники, богомерзски, досадители* (ст. 29, 30) и поставив в числе преступлений и те, которые для многих кажутся безразличными, апостол опять усиливает обвинение, восходя к твердыне зол и присовокупляя: *горды.* Согрешить и много думать о себе — хуже самого греха; потому апостол и коринфян обвиняет в том же самом, говоря: и *вы разгордестеся* (1 Кор. V, 2). Если тот, кто гордится добрым делом, обыкновенно этим все губит, то какого наказания достоин тот, кто делает это по поводу грехов? Такой человек, наконец, неспособен будет и раскаяться. Далее апостол говорит: *обретатели злых,* показывая, что они не довольствовались сделанным уже злом, но изобретали и другое, что

опять было свойственно людям, поступавшим намеренно и по собственному расположению, а не по увлечению и подражанию. Сказав о пороке в частности и доказав, что язычники опять восстали и против самой природы (*родителем*, говорит апостол, *непокоривы*), он восходит, наконец, к корню столь великой порчи, называя их *нелюбовными, непримиримыми* (ст. 31). И Христос указывает эту же причину порочности, когда говорит: *за умножение беззакония, изсякнет любы* (Мф. XXIV, 12). Об этом говорит здесь и Павел: *непримирительны, нелюбовны, неклятвохранительны, немилостивны*, — показывая, что они погубили самый дар природы. Мы имеем некоторое естественное расположение друг к другу, которое свойственно даже животным, как и сказано: *всяко животно любит подобное себе, и всяк человек искренняго своего* (Сир. XIII, 19). Но язычники сделались свирепее зверей. Таким образом Павел изобразил нам здесь болезнь, распространившуюся во вселенной от порочных учений, и ясно доказал, что та и другая немощь происходит от собственного нерадения больных. Наконец апостол, как сделал и относительно учения, показывает, что язычники и здесь (в жизни) лишены извинения, потому и говорит: *нецыи же и оправдание Божие разумевше, яко таковая творящии достойни смерти суть, не точию сами творят, но и соизволяют творящим* (ст. 32). Предположив два возражения, он предварительно разрешил здесь их оба. Может быть, ты скажешь, говорит он, что ты не знал, как должно тебе поступать. Хорошо; если и не знал, то виновен ты, оставивший Бога, дающего тебе знание. Но теперь мы, на основании многого, доказали, что ты знал и грешил добровольно. Но ты, скажешь, увлекался страстью? Зачем же содействуешь другим и хвалишь? *Не точию сами творят*, говорит апостол, *но и соизволяют творящим*. Таким образом, чтобы обличить язычника, апостол прежде всего ставит на вид самый

тяжкий и неизвинительный грех, потому что одобряющий грех гораздо хуже самого согрешившего. Итак, сказав об этом предварительно, апостол в следующих словах опять еще сильнее уличает язычника, говоря так: *сего ради безответен еси, о человече, всяк судяй: им же бо судом судиши друга, себе осуждаеши* (II, 1). Это он сказал, обращаясь к правителям, так как тот город (Рим) имел тогда у себя в руках власть над всей вселенной. Итак, апостол прежде всего говорит: всякий, кто бы ты ни был, сам лишаешь себя оправдания, так как когда ты осуждаешь прелюбодея, а сам прелюбодействуешь, то хотя бы никто из людей и не осуждал тебя, но ты в приговоре о виновном выносишь определение и о себе самом. *Вемы бо, яко суд Божий есть поистинне на творящих таковая* (ст. 2). Чтобы кто-нибудь не сказал о себе, что он доселе избегал суда, апостол, устрашая его, говорит, что у Бога не так, как здесь. Здесь один наказывается, а другой, делающий то же самое, избегает наказания. Но там – иначе. Таким образом, апостол говорит, что судья знает правду, но откуда знает – не прибавил, потому что было излишне. Ведь в рассуждении нечестия он указал то и другое – и то, что человек поступал нечестиво, зная о Боге, и то, что он знал о Нем из рассмотрения творения. Так как там не всем было ясно, то он сказал о причине, здесь же, когда стало всем известно, он проходит мимо. Когда же говорит – *всяк судяй,* обращает речь не к одним начальникам, но также к людям частным и подчиненным.

2. Все люди, хотя бы не имели ни (судейского) престола, ни палачей, ни палки, однако судят согрешающих, делая это в разговорах и общих беседах, а также судят и судом своей совести. Так, никто не осмелился бы сказать, что прелюбодей не заслуживает наказания. Но осуждают, говорит апостол, других, а не самих себя. Поэтому он сильно восстает на таковых, говоря: *помыш-*

ляеши ли же сие, о человече, судяй таковая творящим и творя сам такожде, яко ты избежиши ли суда Божия (ст. 3)? Так как апостол, и на основании учения и на основании дел, доказал великий грех вселенной, состоящий в том, что, хотя люди и были мудры и имели руководителем мир, однако не только оставили Бога, но избрали, вместо Него, подобия гадов, обесчестили добродетель, по влечению естества предались пороку и даже восстали на самое естество, то, наконец, переходит к доказательству того, что все делающие так будут наказаны. Впрочем, говоря о самых делах, он уже упоминал и о наказании, сказав: *возмездие еже подобаше прелести их в себе восприемлюще* (Рим. I, 27). Но так как они не чувствуют этого возмездия, то апостол возвещает о другом, которого они особенно боялись. Впрочем, он уже открыл и это наказание. Когда говорит: *суд Божий есть поистине* (II, 2), говорит ни о чем-либо другом, но именно об этом наказании. Кроме того, он опять подтверждает свою речь другими более сильными доводами, говоря так: *помышляеши ли же сие о человече, судяй таковая творящим и творя сам такожде, яко ты избежиши ли суда Божия?* И своего суда ты не избежал, — неужели же избежишь суда Божия? И кто может это сказать? Конечно, ты осудил самого себя. Но если так велика строгость этого судилища и ты не мог пощадить самого себя, то каким образом Бог, безгрешный и безгранично праведный, тем более не сделает этого? Или ты себя самого осудил, а Бог одобрит и похвалит? И какой это могло бы иметь смысл? Конечно, ты сам достоин большего наказания, чем тот, которого ты осудил. Не одно ведь и тоже — просто согрешить и, наказав другого согрешившего, самому впасть в тот же самый грех. Ты видишь, как апостол увеличил вину? Если ты, говорит он, наказываешь меньшего грешника, между тем как сам не перестаешь осквернять себя грехами, то как Бог, никогда

непричастный греху, гораздо больше не осудит и не обвинит тебя, уже осужденного собственными твоими помыслами? А если ты говоришь, что сам признаешь себя достойным наказания, но вследствие долготерпения (Божия) пренебрегал исправлением и, так как не подвергся наказанию вслед за преступлением, имел даже надежду на милость Божью, то знай, что вследствие этого самого тебе нужно наиболее бояться и трепетать. Господь медлит наказанием не для того, чтобы совсем не подвергать наказанию, но для того, чтобы, если ты останешься неисправимым, наказать с большей строгостью, чего никогда пусть не случится с тобой. Потому апостол присовокупляет, говоря: *или о богатстве благости и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет* (ст. 4)? Восхвалив долготерпение Божие и показав величайшую его пользу для внимательных (а она – в том, чтобы привлекать грешников к покаянию), апостол усиливает страх. Для воспользовавшихся, как должно, оно служит основанием спасения, а для презревших – поводом к большему наказанию. А что касается распространенного мнения, что Бог, будучи благ и долготерпелив, не ищет наказания, то, когда ты, внушает апостол, говоришь это, то говоришь не о чем ином, как о привлечении на себя наказания. Ведь Бог являет Свою величайшую милость для того, чтобы ты освободился от грехов, а не для того, чтобы ты прибавил новые, а как скоро этого не делаешь, то наказание будет ужаснее. Так как Бог долготерпелив, то поэтому тебе особенно и не должно грешить и Его благодеяния обращать в повод к неблагодарности; ведь хотя Он и долготерпелив, но все-таки и наказывает. Откуда это видно? Из следующих слов апостола. А именно, если нечестие велико и нечестивые остались без наказания, то всецело необходимо их подвергнуть ему. Если и люди не оставляют этого без вни-

мания, то как оставит Бог? Таким образом апостол отсюда повел речь о суде. Доказав, что многие, если не раскаются, оказываются виновными, а потом — что здесь они не подвергаются наказанию, он заключает отсюда, что суд должен быть и при этом — строжайший. Поэтому говорит: *по жестокости зле твоей и непокаянному сердцу собираеши себе гнев* (ст. 5). Когда человека не смягчает благость и не преклоняет страх, то что может быть грубее его? Апостол уже показал Божие человеколюбие, а теперь говорит о наказании, именно о том, что оно, для не обратившегося и при таких условиях, будет невыносимо. И смотри, какие точные он употребляет выражения, когда говорит: *собираеши себе гнев,* — представляя его вообще чем-то сберегаемым и показывая, что виновником гнева служит не судья, а сам подсудимый. Сам ты, говорит он, *собираеши себе,* а не Бог тебе. Он сделал все, что было нужно, дал тебе способность распознавать доброе и недоброе, явил долготерпение, призвал к покаянию, угрожал страшным днем, всем привлекая тебя к покаянию. Если же ты остаешься непреклонным, то *собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия* (ст. 5). Чтобы ты, услышав о гневе, не признал его действием страсти, апостол прибавил: *праведного суда Божия.* И прекрасно сказал — *откровения,* потому что тогда это открывается, когда каждый принимает по достоинству. Здесь многие часто вредят и злоумышляют вопреки справедливости, а там не так. *Иже воздаст коемуждо по делом его: овым убо по терпению дела благаго* (ст. 6).

3. В беседе о суде и будущем наказании апостол был грозным и строгим, а здесь он не тотчас изобразил ожидаемое мучение, но обратил речь к более приятному — к воздаянию добрых, говоря так: *овым убо по терпению дела благаго, славы и чести и нетления ищущим, живот вечный* (ст. 7). Здесь он ободряет и тех, которые пали в

искушениях, и показывает, что не должно полагаться только на веру, потому что тот (будущий) суд будет оценивать и дела. Заметь, что, говоря о будущем, апостол не может ясно изобразить всех благ, но говорит о славе и чести. Так как эти блага превосходят все человеческое и апостол не может указать здесь (на земле) подобия их, то он, насколько доступно, изображает их при помощи того, что у нас считается лучшим, сравнивая их со славой, честью, жизнью, которые для всех людей являются предметом особого попечения. Но однако небесные блага не таковы, а, как нетленные и бессмертные, несравненно выше этого.

Видишь ли, как апостол, упомянув о нетлении, отверз нам двери к познанию воскресения тел? Ведь нетление принадлежит телу, подверженному тлению. Потом, так как этого было недостаточно, он присовокупил славу и честь. Все ведь восстанем нетленными, но не все в славу, а одни для наказания, другие же для славы. *А иже по рвению* (ст. 8), говорит далее. Опять он лишает извинения тех, которые жили в пороке, и доказывает, что они впали в грех по упорству и беспечности. *Противляются убо истине, повинуются же неправде.* Вот и другое опять обвинение. Какую защиту может иметь тот, кто избегает света и избирает тьму? И притом апостол не сказал: принуждаются и подвергаются насилию, но: *повинуются неправде,* — чтобы ты понял, что их падение — от свободной воли, а преступление — не от необходимости. *Скорбь и теснота на всяку душу человека творящаго злое* (ст. 9). То есть: хотя бы кто-нибудь был богат, хотя бы был консулом или даже царем — слово суда никого не устыдится, и достоинства здесь не имеют никакого места. Итак, показав чрезмерность болезни, представив ее причину — беспечность больных, конец — ожидающую их погибель и легкость исправления, апостол опять и в наказании увеличивает

тяжесть для иудея, говоря: *Иудеа же прежде и Еллина* (ст. 9). Кто пользовался большим наставлением, тот, нарушив закон, должен подвергнуться и большему наказанию. Таким образом, насколько мы рассудительнее и могущественнее, настолько большему наказанию подвергаемся за грехи. Если ты богат, то от тебя потребуется больше пожертвований, чем от бедного; если ты более умен, то потребуется и больше послушания; а если облечен властью, то нужны выдающиеся добрые дела; и во всем прочем ты должен поступать по мере своих сил и возможности. *Слава же и честь и мир всякому делающему благое, Иудееви же прежде и Еллину* (ст. 10). О каком иудее здесь говорит апостол и о каких эллинах беседует? О живших до пришествия Христова. Не дошла еще речь до времен благодати, но апостол пока останавливается на временах более ранних, приготовляя издали и постепенно уничтожая различие между иудеем и эллином, чтобы, когда сделает это в рассуждении благодати, не показалось бы чем-то новым и затруднительным для понимания. Ведь если не было никакого различия в более ранние времена, когда не воссияла еще благодать Христова, когда деяния иудеев для всех были почтенны и блестящи, то что могли бы об этом сказать тогда, когда явилась столь великая благодать? Вследствие этого, конечно, апостол и раскрывает такое учение с большим тщанием. Слушатель, узнав, что оно господствовало в древние времена, тем скорее примет его теперь — по принятии веры. А под эллинами апостол разумеет здесь не идолопоклонников, по людей богобоязненных, повинующихся естественному закону, которые, за исключением соблюдения иудейских обрядов, исполняли все относящееся до благочестия. Таковы были Мелхиседек и бывшие с ним, Иов, ниневитяне, Корнилий. Итак, апостол заранее подкапывает преграду между обрезанием и необре-

занием, еще издали уничтожает это различие, чтобы совершить это без всякого подозрения со стороны и приступить к делу на другом основании, как и свойственно всегда апостольской мудрости. Если бы он стал доказывать это прямо о временах благодати, то, кажется, речь его вызвала бы большое подозрение; но когда, рассуждая о господствующих в мире нечестии и развращении, он, по связи речи, доходит и до этого предмета, то делает свое учение совершенно свободным от подозрения.

4. А что таково было намерение Павла и по этой именно причине он так расположил свою речь, видно из следующего. Если бы он не старался подготовить это, то ему достаточно было бы сказать: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу собираеши себе гнев в день гнева* (II, 5) и – прекратить эту речь, потому что она уже окончена. Но так как задача его была не в том, чтобы сказать только о будущем суде, но и доказать, что иудей не имеет никакого преимущества перед таким эллином и не должен много думать о себе, то он идет далее и воспользовался указанным планом. Итак, смотри же: апостол привел слушателя в страх, возвестив ему о страшном дне, сказал, насколько дурна порочная жизнь, доказал, что никто не грешит по неведению и не свободен от наказания, значит, если еще не подвергся *наказанию*, то несомненно подвергнется; после этого, наконец, он желает раскрыть, что учение закона не было чем-то совершенно необходимым, так как и наказание и награда бывают за дела, а не за обрезание и необрезание. Итак, когда апостол сказал, что эллин несомненно будет наказан, и из этого положения, как неоспоримого, вывел заключение, что он будет и награжден, то этим уже показал, что закон и обрезание излишни. Здесь он борется преимущественно с иудеями. Так как они любили спорить и, во-первых, вслед-

ствие гордости признавали для себя низким считаться наравне с язычниками, а во-вторых, смеялись над учением о том, что вера покрывает все грехи, то апостол сперва обвинил язычников, о которых завел речь, чтобы без всякого подозрения и смелее напасть на иудеев; потом, перейдя к рассуждению о наказании, доказывает, что иудей не только не получает никакой пользы от закона, но даже обременяется им; все это он и подготовил выше. Если язычник неизвинителен в том отношении, что не сделался лучшим при руководстве природы и разума, то гораздо более неизвинителен иудей, который вместе с этим руководством получил учение и от закона. Таким образом апостол, убедив иудея легко согласиться с этой мыслью в отношении к грехам других, поневоле заставляет его, наконец, сделать тоже самое и по поводу своих грехов. А чтобы речь его была хорошо принята, он начинает ее с более приятного, говоря так: *слава же и честь и мир всякому делающему благое, Иудееви же прежде и Еллину,* Здесь, какие бы блага кто ни имел, пользуется ими среди многих беспокойств, — будет ли это богач, владелец или царь; он часто бывает в раздоре, если не с другими, то с самим собой, и имеет в своих помыслах жестокую брань. Но там (в пользовании небесными благами) не бывает ничего подобного, напротив — все тихо, свободно от смятения, соединено с истинным миром. Итак, апостол, научив при помощи сказанного выше, что и не имеющие закона будут наслаждаться теми же благами, представляет и основание, говоря так: *несть бо на лица зрения у Бога* (ст. 11). Когда он говорил, что за грехи наказываются и иудей и язычник, то это не имело нужды в доказательствах. Но когда желает показать, что и язычник удостаивается чести, то это уже требует основания. Казалось ведь удивительным и странным, чтобы тот, кто не слышал закона и пророков, удоста-

ивался награды за добрые дела. Потому, как заметил я выше, он, говоря о временах, бывших прежде благодати, приучал к этому их слух, чтобы легче было привести их к признанию этого тогда, когда речь будет о временах веры. И здесь он остается совершенно вне всякого подозрения, так как излагает то, что не прямо относилось к его цели. Потому, сказав: *слава, честь и мир всякому делающему благое, Иудееви же прежде и Еллину,* прибавил: *несть бо на лица зрения у Бога.* Вот с каким успехом апостол одержал победу. Доведя речь до нелепости, он заключает, что Богу не свойственно поступать иначе, потому что это было бы лицеприятием, а в Боге нет лицеприятия. И не сказал: «если бы этого не было, то Бог был бы лицеприятен», но выразился величественнее: *несть бо на лица зрения у Бога,* то есть Бог испытует не качества лиц, но различие дел. А сказав это, он раскрыл, что различие между иудеем и язычником состоит не в делах, а только в лицах. После этого следовало бы сказать: тем не менее, так как один — иудей, а другой — эллин, то, вследствие этого, один принимает честь, а другой — поругание, но то и другое воздается по делам. Однако апостол не сказал так, потому что мог бы возбудить гнев иудея. Он предлагает нечто иное, большее, повергая еще ниже мудрствование иудеев и ослабляя его до такой степени, чтобы они могли принять и его учение. Что же это такое? То, что следует далее. *Елицы бо беззаконно погрешиша,* говорит он, *беззаконно и погибнут, и елицы в законе согрешиша, законом суд приимут* (ст. 12). Здесь, как я заметил выше, апостол доказывает не только равночестность иудея и язычника, но и то, что иудей более обременен, вследствие дарования ему закона. Язычник осуждается без закона, но это — *беззаконно* указывает здесь не на большую строгость, а на большую снисходительность, то есть, что язычник не имеет обвинителем закона;

беззаконно, то есть – вне осуждения по закону; это, говорит апостол, означает то, что язычник судится по одному только естественному разуму. А иудей судится по закону, то есть вместе с природой его обличает и закон, так как чем большим попечением он пользовался, тем большему наказанию подвергнется.

5. Видишь ли, как апостол представил иудеям большую необходимость прибегать к благодати? Так как они говорили, что не имеют нужды в благодати, как оправдываемые одним только законом, то апостол доказывает, что они больше эллинов нуждаются в ней, если только должны подвергнуться и большему наказанию. После этого опять приводит другое доказательство в подтверждение сказанного. *Не слышателие бо закона праведни пред Богом* (ст. 13). Справедливо прибавил: *пред Богом.* Ведь перед людьми только можно казаться честным и много хвалиться, но перед Богом совершенно наоборот: одни *творцы закона оправдятся.* Видишь, какой способностью владеет апостол, чтобы обратить речь к противоположному? Если ты думаешь спастись посредством закона, говорит он, то язычник, явившись исполнителем написанного (в законе), восхитит у тебя первенство. И как возможно, спросишь, сделаться исполнителем, не будучи слушателем? Возможно, отвечает апостол, даже не только это, но и гораздо большее. Не только возможно быть исполнителем помимо слушания, но и не быть таковым после слушания, что яснее и с большей силой апостол выразил ниже, говоря: *научая убо иного, себе ли не учиши* (Рим. II, 21)? А здесь он пока доказывает первое. *Егда бо языцы,* говорит (апостол), *не имуще закона, естеством законная творят, если закона не имуще, сами себе суть закон* (ст. 14). Не отвергаю закона, говорит он, но и при этом оправдываю язычников. Видишь ли, как он, подрывая славу иудейства, не подает ни малейшего повода говорить о себе,

что он унижает закон, а напротив как бы хвалит его и выставляет великим и таким образом все хорошо устрояет? Говоря же — *естеством,* разумеет естественный разум. И он показывает здесь, что другие (язычники) были лучше иудеев, и самое главное — лучше потому, что не получили закона и не имеют того, в чем иудеи, по их мнению, имели над ними преимущество. Язычники, говорит (апостол), потому и удивительны, что не имели нужды в законе, но обнаруживали все, свойственное закону, начертав в умах своих не письмена, а дела. Вот что именно он говорит. *Иже являют дело законное написано в сердцах своих, спослушествующей им совести, и между собою помыслом осуждающим или отвещающим, в день, егда судит Бог тайная человеком, по благовестию моему, Иисусом Христом* (ст. 15, 16). Видишь ли, как (апостол) опять указал на тот день и представил его близость, потрясая их мысль и показывая, что большей чести достойны те, которые, живя вне закона, старались исполнить законное? Уместно теперь сказать о том, что особенно достойно удивления в рассуждении апостола. Доказав уже предварительно, что эллин выше иудея, он не приводит этого в заключении своих суждений, чтобы не ожесточить иудея. А чтобы представить яснее сказанное мной, приведу собственные слова апостола. Так как он сказал: *не слышателие закона, но творцы закона оправдятся,* то ему следовало бы и сказать: *егда бо языцы не имуще закона естеством законная творят,* то они гораздо лучше научаемых от закона. Но (апостол) не говорит этого, а останавливается на похвале язычникам и пока не продолжает далее сравнения, чтобы иудей принял хотя бы и то, что уже сказано. Потому Павел не сказал так, но как же? *Егда бо языцы не имуще закона, естеством законная творят, сии закона не имуще, сами себе суть закон. Иже являют дело законное написано в сердцах своих, спослушествую-*

щей им совести, потому что взамен закона достаточно совести и разума. Этим (апостол) опять доказал, что Бог сотворил человека с достаточными силами избирать добродетель и избегать зла. И не удивляйся тому, что одно и то же он раскрывает раз, два и более. Для него весьма было необходимо доказать эту важную истину, так как находились люди, которые говорили: «почему Христос пришел ныне, и где в прежнее время проявлялись действия Божия промысла?» Апостол, мимоходом отражая их, доказывает, что и в древние времена, даже до закона, род человеческий находился под тем же промыслом. *Разумное Божие яве есть в них.* (Рим. I, 19) и люди знали, что добро и что худо, поэтому судили и других, за что (апостол) укорял их, говоря: *имже судом судиши друга, себе осуждаеши* (Рим. II, 1). Иудеям же даны были не только разум и совесть, но еще и закон. Для чего же (апостол) присовокупил: *осуждающим или отвещающим?* Ведь если имеют писанный закон и проявляют свои дела, то что, наконец, может осудить разум? Но слово – *осуждающим* (апостол) относит не только к язычникам, а и ко всему роду человеческому. В день суда предстанут собственные наши мысли, то осуждающие, то оправдывающие, и человеку на том судилище не нужно будет другого обвинителя. Далее (апостол), усиливая страх, не сказал: человеческие грехи, но: *тайная человеком.* Так как он выше сказал: *помышляеши ли судяй таковая творящим и творя сам таяжде, яко ты избежиши ли суда Божия* (II, 31)? – то, чтобы ты не допустил, что приговор Божий таков же, какой и ты сам произносишь, но понял, что определение Божие гораздо строже твоего, (апостол) и заметил: *тайная человеком,* а потом присовокупил: *по благовестию моему, Иисусом Христом.* Ведь люди бывают судьями одних только явных дел. Хотя выше (апостол) говорил об одном Отце, но, когда уже поразил слушателей страхом, начал речь и о

Христе, однако не просто, но и здесь сперва упомянул об Отце, а потом наименовал Христа. Этим он возвышает достоинство своей проповеди, и говорит, что проповедь эта возвещает то же самое, что раньше открыла природа.

6. Видишь ли, как (апостол), мудро ведя своих слушателей, приблизил их к евангелию и Христу я как доказал, что наши дела не останавливаются здесь, но простираются далее? Что он раскрыл выше, сказав: *собираеши себе гнев в день гнева,* тоже подтверждает теперь и здесь: *судит Бог тайная человеком.* Итак, каждый, обратясь к своей совести и размышляя о грехах своих, пусть потребует строгого отчета от себя самого, чтобы тогда не быть нам осужденным вместе с миром. Суд тот страшен, престол Судьи грозен, требования отчета исполнены ужаса, река огненная пространна. *Брат не избавит, избавит ли человек* (XLVIII, 8)? Вспомни то, о чем говорится в евангелии, вспомни ангелов, повсюду летающих, чертог заключенный, светильники неугасимые, воинства небесные, влекущие к печи. Помысли и о том, что если бы теперь перед одной только церковью был обнаружен тайный проступок кого-либо из нас, то он пожелал бы лучше погибнуть и дать себя поглотить земле, чем иметь стольких свидетелей своего преступления. Что же мы будем испытывать тогда, когда перед целой вселенной будет все выставлено на этом блистательном и открытом позорище и когда знакомые и незнакомые будут созерцать все наши дела? Но, увы мне, чем я вынуждаюсь устрашать вас? Не людским ли мнением, тогда как следовало бы сделать это силой страха Божия и собственного сознания? Скажи мне, что с нами будет тогда, когда нас связанных, со скрежещущими зубами, поведут во тьму кромешную? А лучше сказать, что мы будем делать, когда (что всего страшнее) предстанем перед Богом? Если кто имеет чувство и разум,

тот уже подвергся геенне, как только оказался вне лицезрения Божия. Но так как и это нас не огорчает, то Бог и угрожает огнем. Но ведь следовало бы не тогда скорбеть, когда нас наказывают, а тогда, когда грешим. Послушай, как Павел плачет и сокрушается из-за грехов, за которые он не имел подвергнуться наказанию: *несм достоин нарещися апостол*, говорит он, *зане гоних церковь Божию* (1 Кор. XV, 9). Послушай, как и Давид, хотя и был освобожден от наказания, но поелику признавал себя оскорбившим Бога, призывает на себя мщение и говорит: *да будет рука Твоя на мне, и на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). Оскорбить же Бога — тяжелее, чем быть наказанным. А мы находимся в столь жалком расположении духа, что если бы не было страха геенны, то, может быть, и не пожелали бы сделать что-нибудь доброе. Потому мы и достойны геенны, если не за что-либо иное, то именно за то, что страшимся геенны больше, нежели Христа. Не таков был блаженный Павел, но совершенно противоположного настроения. Но так как мы — иные в сравнении с ним, потому и осуждаемся в геенну. Если бы мы любили Христа, как и должно любить, то знали бы, что оскорбить любимого тяжелее геенны. Но мы не любим, потому и не понимаем громадности этого наказания. И это именно есть то, о чем я преимущественно сокрушаюсь и плачу. И чего не делал Бог, чтобы быть любимым нами? Чего Он не предпринимал и что оставил без применения? Мы оскорбили Бога, Который ничем нас не обидел, а напротив облагодетельствовал бесчисленными и неизреченными благами; мы отвратились от Него, когда Он призывал нас и всеми мерами привлекал к Себе, — и однако Он не наказал нас, но сам поспешил к нам, остановил бегущих, а мы устремились от Него и предались диаволу. Но Бог и в этом случае не оставил нас, а посылал к нам опять тысячи

призывающих – пророков, ангелов, патриархов; мы же не только не приняли посольства, а еще оскорбили пришедших. И после всего того Бог не возгнушался нами, но, как ревностные из презираемых почитателей, всюду ходил и говорил – небу, земле, Иеремии, Михею, не с тем, чтобы нас обвинить, но чтобы оправдать собственные деяния. Вместе с пророками Он и сам приходил к удалившимся от Него, готов был дать им отчет, просил, чтобы мы вступили с Ним в разговор, и так как мы были ко всему глухи, Он привлекал к беседе с Собой. *Людие мои*, говорил Он, *что сотворих вам, или чим стужих вам? Отвещайте Ми* (Мих. VI, 3). После всего этого мы умертвили пророков, побили их камнями и совершили тысячи других злодеяний. Что же было взамен этого? Бог послал – не пророков, не ангелов, не патриархов, но самого Сына. Умерщвлен был и Сын, пришедший на землю; но это не потушило любви, а еще сильнее воспламенило ее, и Господь, и после убиения Сына Его, не престает просить, молить и делать все, чтобы привлечь нас к Себе. И Павел восклицает: *по Христе убо посольствуем, яко Богу молящу нами: примиритеся с Богом* (2 Кор. V, 20).

7. Но ничто из этого не изменило нас, а Господь не оставил нас в таком положении, но продолжает то угрожать геенной, то обещать царство, чтобы хотя этим привлечь нас; мы же еще пребываем в своей бесчувственности. Что может быть хуже такого зверства? Если бы это совершил человек, то не сделались бы мы его рабами навсегда? А от благодетельствующего нам Бога мы отвращаемся. О, беспечность, о, неблагодарность! Мы, которые всегда живем во грехах и пороках, если когда-нибудь сделаем какое-либо и малое добро, то, по примеру безрассудных рабов, с большой мелочностью высчитываем и со строгой точностью определяем вознаграждение, если только дело заслуживает какой-ни-

будь платы. Но ты получишь большую награду, если станешь работать не в надежде на награду. Ведь говорить об этом и точно высчитывать — это занятия свойственные больше наемнику, нежели благоразумному слуге. Должно все делать для Христа, а не для награды. Потому Он и угрожал геенной, и обещал царство, чтобы мы возлюбили Его. Итак, возлюбим Христа, сколько и должно любить: в этом великая награда, в этом царство и радость, наслаждение и слава и честь, в этом свет, неисчислимое блаженство, которого не может ни слово выразить, ни ум постигнуть. Впрочем, я и не знаю, как я перешел на такт речи, советуя людям, которые не презирают ради Христа настоящего господства и славы, пренебречь царством, хотя великие и знаменитые те мужи достигли и этой меры любви. Послушай, как Петр пламенеет любовью ко Христу, предпочитая Его и душе, и жизни, и всему; даже когда отрекся от Него, то не из страха наказания плакал, по потому, что отвергся Возлюбленного, что было для него мучительнее всякого наказания. И все это он обнаружил прежде получения благодати Духа и часто обращался ко Христу, говоря: *камо идеши* (Ин. XIII, 36)? И прежде этого: *к кому идем* (Ин. VI, 68)? И опять: *иду по Тебе, аможе аще идеши* (Мф. VIII, 19). Христос составлял для апостолов все и они ни неба, ни царства небесного не предпочитали Возлюбленному. «Ты для меня все это», говорит Петр. И почему ты удивляешься, если Петр был так привержен ко Христу? Послушай, что говорит пророк: *что бо ми есть на небеси, и от Тебе что восхотех на земли* (Пс. LXXII, 25)? Слова эти значат следующее: из всего горнего и дольнего ничего иного не желаю, как только Тебя одного. Вот это — любовь, вот это — привязанность. Если и мы так станем любить, то не только настоящее, но и будущее почтем за ничто в сравнении с этой любовью нашей и, наслаждаясь лю-

бовью к Нему, приобретем через это царство. Но как это будет возможно? спросишь ты. Если мы представим себе, сколько раз мы оскорбляли Бога после бесчисленных благ, от Него полученных, и Он не преставал призывать нас, — сколько раз мы удалялись от Него, и Он не презирал нас, но сам приходит к нам, призывает нас и привлекает к Себе, — если мы размыслим о всем этом и подобном, то получим возможность возжечь в себе такую любовь. Если бы тот, кто так любил, был незначительный человек, а тот, кого так сильно любят, был царь, то неужели бы он не тронулся величием любви? Даже весьма был бы тронут. Но когда бывает наоборот и с одной стороны — неизреченная красота, слава и богатство любящего нас, а с другой — совершенное наше ничтожество, то как же не достойны бесчисленного наказания мы, ничтожные и презренные, любимые чрезмерной любовью Существа великого и чудного, но высокомерно отвергающие Его любовь? Ведь Бог не имеет в нас никакой нужды и однако не перестает любить нас, а мы крайне нуждаемся в Нем, однако любви Его не принимаем, предпочитая Ему деньги, человеческую дружбу, телесный покой, власть и славу, тогда как Он ничего нам не предпочитает. Он одного имел Сына единородного и возлюбленного и Его не пощадил ради нас; а мы многое предпочитаем Ему. Итак, разве не по справедливости нам угрожают геенна и наказание, хотя бы они были вдвое, втрое, даже в тысячу раз ужаснее? Что мы можем сказать в ответ, когда повеления сатаны предпочитаем законам Христа и нерадим о своем спасении, предпочитая дела лукавства Тому, Кто все за нас претерпел? И какого извинения заслуживает все это? Какого оправдания? Никакого. Станем же наконец твердо; не увлекаясь по стремнинам, образумимся и, размыслив обо всем этом, воздадим Богу славу посредством дел, потому что одних слов

не достаточно, — чтобы и нам насладиться славой от Него, достигнуть коей да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

Се ты иудей именуешися, и почиваеши на законе, и хвалишися о Бозе, и разумееши волю, и разсуждаеши лучшая, научаем от закона (II, 17, 18)

1. Сказав, что для спасения язычника, если он бывает исполнителем закона, ничего более не нужно, и окончив удивительное свое сравнение, апостол указывает, наконец, преимущества иудеев, которыми они гордились перед язычниками. Прежде всего, само имя иудея, как ныне имя христианина, было очень почтенно, так как и тогда различие людей зависело от имени, почему апостол и начинает речь с этого. И заметь, как он уничтожает это (преимущество); он не сказал: ты иудей, но говорит: *именуешися и хвалишися о Бозе,* то есть ты возлюблен Богом и предпочтен прочим людям. А мне думается, что он здесь слегка осмеивает высокомерие и безумное честолюбие иудеев, потому что они этим даром Божиим воспользовались не для собственного своего спасения, но для того, чтобы заводить распри и презирать остальных людей. *И разумееши волю, и рассуждаеши лучшая.* Конечно, и то был недостаток, если не подтверждалось делами, но однако иудеям казалось, что в этом состоит преимущество, почему апостол с ясностью на это и указывает. Но он не сказал — исполняешь, а: *разумееши и рассуждаеши,* сам же не следуешь и не исполняешь этого. *Уповая же себе вожда быти слепым* (ст. 19). Опять и здесь не сказал: ты путеводитель сле-

пых, но говорит: *уповая,* ты этим хвалишься, потому что высокомерие иудеев действительно было велико. Потому апостол выражается почти теми же словами, какие употребляли, величаясь, и иудеи. Смотри, например, что говорят они о себе в евангелии: *во гресех ты, родился еси весь, и ты ли ны учиши* (Ин. IX, 34)? Они много гордились перед всеми. Павел настойчиво и изобличал это, одних восхваляя, а других унижая, чтобы таким образом сильнее укорить их и увеличить обвинение. Потому он и продолжает, усиливая ту же мысль и подкрепляя ее различными выражениями: *уповая же себе вожда быти слепым, света сущим во тме, наказателя безумным, учителя младенцем, имуща образ разума и истины в законе* (ст. 19, 20). Опять не сказал: в совести, в делах и в оправданиях, но: *в законе.* Как поступил апостол, обличая язычников, так поступает и здесь. Как там сказал: *имже бо судом судиши друга, себе осуждаеши,* так и здесь говорит: *научая убо иного, себе ли не учиши* (ст. 21)? Впрочем, там он употребляет выражение более резкое, а здесь более легкое. Не сказал: ты достоин большого наказания за то, что, тогда как тебе так много было вручено, ты ничем не воспользовался, как должно; но, излагая свою мысль в виде вопроса, обращается и говорит: *научая убо иного, себе ли не учиши?* Обрати внимание на мудрость Павла и в другом отношении. Он перечисляет такие преимущества иудеев, которые зависели не от их усердия, но составляют дар свыше, и доказывает, что эти преимущества, по нерадению иудеев, не только для них излишни, но и приносят увеличение наказания. Называться иудеем, получить закон и все прочее, что перечислил теперь апостол, не составляет их заслуги, но есть дар благодати свыше. И хотя в начале он говорил, что одно слышание закона, если не присоединится исполнение, не приносит никакой пользы, *ибо не слышателие закона,* говорит, *праведни пред Богом,* но те-

перь он доказывает нечто гораздо большее, а именно, что не только слышание, но и то, что важнее — самое обучение закону не поможет учащему, если он не исполняет того, чему учит, и не только не поможет, но еще навлечет большее наказание. И как искусно употребляет апостол выражения. Ведь он не сказал: ты получил закон, но: *почиваеши на законе.* Иудей не трудился, ходя повсюду и спрашивая, что ему должно делать, но он с удобством владел законом, указывающим путь, который вел к добродетели. Если язычники и имели природный разум, в котором и заключалось их преимущество, так как они все исполняли без слушания закона, то там (у иудеев) было больше удобства. А если ты говоришь: «я не только слушаю, но и учу», то это служит лишь к увеличению наказания. И так как иудеи этим много превозносились, то апостол и доказывает, что они преимущественно вследствие этого и достойны осмеяния. Когда же говорит: *вожда слепым, наказателя безумным, учителя младенцем,* то изображает надменность иудеев, потому что они весьма худо обходились с обращенными из язычества и называли их подобными наименованиями.

2. Потому апостол пространно и указывает то, что иудеи сами ставили себе в похвалу, зная, что все сказанное служит к большему их обвинению. *Имуща образ разума и истины, в законе.* Это подобно тому, как кто-нибудь, имея у себя царское изображение, не может по нему ничего написать, а те, у которых нет его, и без образца верно ему подражают. Итак, сказав о преимуществах, которые иудеи получили от Бога, (апостол) говорит об их недостатках, в которых обвиняли их и пророки, и изображает их так: *научая убо инаго, себе ли не учиши? Проповедая не красти, крадеши: глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши: гнушаяся идол, святая крадеши* (ст. 21, 22). Хотя вам (иудеям) и было строго

запрещено касаться имуществ, принадлежащих идольским капищам, как скверны, но страсть сребролюбия заставляла вас, говорит (апостол), нарушать и этот закон. После того (апостол) излагает наиболее тяжкую вину иудеев, говоря: *иже в законе хвалишися, преступлением закона Бога безчествуеши* (ст. 23). Он представил две вины, а правильнее – три. Иудеи бесчестят, бесчестят тем, что назначено к их чести, бесчестят Того, Кто даровал им честь, а это и есть верх крайней неблагодарности. Но чтобы не подумали, что (апостол) обвиняет иудеев сам от себя, он выставил их обвинителем пророка, теперь Исаию, который в немногих словах и вообще изобличает их в главном пороке, а после и Давида, который и раскрыл их вины подробно и с большей доказательностью. Не я укоряю вас в этом, говорит (Павел), а послушайте, что сказал Исаия: *имя бо Божие вами хулится во языцех* (Рим. II, 24; сравн. Ис. LII, 5). Вот и еще два обвинения. Они, говорит, не только сами оскорбляют Бога, но и других приводят к тому. Итак, какая польза от обучения, как скоро вы не учите самих себя? Но об этом (апостол) сказал уже выше, а здесь он обратился к противоположному. Вы не только сами себя, но и других не учите тому, что должно делать; и, что всего хуже, вы не только не учите жить по закону, но учите противоположному, учите хулить Бога, что противно закону.

Но важно обрезание, говорит (иудей). Согласен и я, но важно тогда, когда сопровождается внутренним обрезанием. И обрати внимание на благоразумие (апостола), как благовременно он завел речь об обрезании. Он не стал говорит о нем сначала, потому что оно было в великом уважении. Но когда доказал, что иудеи оскорбили Бога в важнейшем и виновны в богохульстве, когда слушатель готов был сам обвинить их и лишить первенства, тогда начинает речь об обрезании, надеясь,

что уже никто его не осудит, и говорит: *обрезание бо пользует, аще закон твориши* (ст. 25). Конечно, обрезание можно было отвергнуть и другим способом, например, спросив: что такое обрезание? Не есть ли это заслуга обрезывающегося? Не составляет ли оно доказательства его доброй воли? Но ведь оно совершается в незрелом возрасте, затем многие, жившие в пустыне, оставались необрезанными, а также и из многих других примеров можно видеть, что обрезание не весьма было необходимо. Но однако (апостол) не этими доводами отвергает обрезание, а примером Авраама, чем преимущественно и следовало. Ведь в этом и было торжество победы, чтобы малозначительность обрезания доказать тем самым, за что оно было уважаемо иудеями. Хотя (Павел) мог сказать, что и пророки называют иудеев необрезанными, но это было недостатком не самого обрезания, но злоупотреблявших им. А требовалось доказать, что обрезание не имеет никакой силы и при добродетельной жизни. Это наконец и раскрывает (апостол). И здесь он не приводит еще в пример патриарха, но, сперва опровергнув обрезание другими доводами, оставляет его (патриарха) для последующего, когда он ведет речь о вере, говоря: *како убо вменися* вера Аврааму? *Во обрезании ли сущу, или в необрезании* (Рим. IV, 10)? (Апостол) пока противополагает обрезание языческому необрезанию и не желает сказать ничего другого, чтобы не слишком было обидно (иудею); а когда рассматривает обрезание в отношении к вере, тогда и сильнее нападает на него. Конечно, пока предлагается противоположение обрезания необрезанию, (апостол) выражается легко и говорит: *обрезание бо пользует, аще закон твориши, аще же закона преступник еси, обрезание твое необрезание бысть*. Здесь (апостол) говорит о двух обрезаниях и двух необрезаниях, равно как допускает и два закона. Есть закон естественный и есть закон писаный; но есть и

средний между обоими – закон от дел. Смотри же, как (апостол) показывает и раскрывает все эти три закона. Он говорит: *егда бо языцы не имуще закона* – какого закона, скажи мне? – закона писанного – *естеством законное творят* – по какому закону? – по закону, обнаруживающемуся в делах – *сии закона не имуще* – какого? – писанного – *сами себе суть закон* – как это? – пользуясь законом естественным – *иже являют дело законное* – какого закона? – закона дел. Один закон, именно тот, который в письменах, есть внешний, другой, который дан природой, есть внутренний, а третий открывается в делах. Первый сообщают письмена, второй – природа, а третий – дела. Этот именно третий закон и нужен, для него даны и первые два – естественный и письменный; если его не существует, то нет никакой пользы и в тех, даже от них бывает и величайший вред. Это именно доказывает (апостол), когда говорит о законе естественном: *имже бо судом судиши друга, себе осуждаеши,* и о законе писанном: *проповедая не красти, крадеши.* Равным образом, и необрезаний два, одно естественное, а другое нравственное. И обрезание одно совершается над плотью, а другое зависит от воли. Например, я говорю, что некто обрезан в восьмой день; это – обрезание плотское; а когда говорю, что кто-нибудь исполнил все узаконенное, то это есть обрезание сердца, которого преимущественно и требует Павел, или вернее сказать, самый закон.

3. Итак, ты видишь, как (апостол), допустив обрезание на словах, уничтожает на деле. Он не сказал, что обрезание излишне, бесполезно, непригодно, но что же именно говорит? *Обрезание бо пользует, аще закон твориши.* Он пока принял обрезание, говоря: согласен, не спорю, что обрезание есть дело хорошее, но когда? Когда ты соблюдаешь и закон. *Аще же закона преступник еси, обрезание твое не обрезание бысть.* И здесь не сказал:

оно уже не приносит пользы, — чтобы не подумали, что он уничтожает обрезание; но, сперва освободив иудея от обрезания, потом уже поражает его, так что теперь укоризна падает не на обрезание, а на того, кто утратил его по нерадению. Как тех, которые находятся в чинах, а потом уличены в важнейших преступлениях, судьи сперва лишают отличия чинов, а потом уже наказывают, так и Павел поступил (с иудеем). Сказав: *аще же закона преступник еси,* прибавил: *обрезание твое необрезание бысть,* и доказав, что он необрезанный, безбоязненно, наконец, изрекает над ним приговор. *Аще убо необрезание оправдание закона сохранит, не необрезание ли его во обрезание вменится* (ст. 20)? Смотри, что делает (апостол): он не говорит, что необрезание превосходит обрезание, — это было бы очень прискорбно для тогдашних его слушателей, — но говорит, что необрезание сделалось обрезанием. Потом рассматривает, что такое обрезание и что такое необрезание, и говорит, что обрезание есть дело доброе, а необрезание — дело худое. Затем необрезанного, имеющего добрые дела, включив в понятие обрезания, а обрезанного, пребывающего в порочной жизни, исключив из обрезания, он таким образом отдает преимущество необрезанному. И не говорит уже о человеке необрезанном, но переходит к самому действию — необрезанию, говоря так: *не необрезание ли его во обрезание вменится?* Опять и здесь не сказал: признается, но: *вменится во обрезание,* что гораздо выразительнее; равно и выше не сказал: *обрезание твое* считается в необрезание, но: *бысть необрезание. И осудит еще от естества необрезание* (ст. 27). Видишь ли, что апостол имел в виду два необрезания, одно естественное, а другое добровольное? Здесь, конечно, он говорит о естественном, но не останавливается на этом, а продолжает: *закон совершающее тебе, иже писанием и обрезанием еси преступник закона* (ст. 27). Заметь весьма тонкое разумение апосто-

ла. Он не сказал, что необрезанием естественным осуждается обрезание, но там, где было преимущество обрезания, он говорит и о необрезании, а где была недостаточность его, он показывает, что не самое обрезание побеждается, а иудей, имеющий обрезание, избегая оскорбить слушателя словом. Не сказал также: осудит тебя, имеющего закон и обрезание, но выражается еще снисходительнее: *тебе, иже писанием и обрезанием еси преступник закона,* то есть естественное необрезание защищает обрезание, потому что оно поругано, и помогает закону, потому что он нарушен. Вот какой замечательный он ставит трофей, – так как победа тогда должна быть более блестящей, когда иудей осуждается не иудеем, а необрезанным, как некогда и сказал Христос: *мужие Неневитстии возстанут, и осудят* (Мф. XII, 41) род сей. Итак, (апостол) унижает не закон (напротив, он весьма уважает его), но нарушителя закона. Потом, когда (апостол) ясным образом раскрыл это, он смело, наконец, определяет, что такое иудей, и показывает, что он не отвергает ни иудея, ни обрезания, а отвергает того, кто не иудей, и не обрезанный. И кажется, что он с одной стороны защищает обрезание, а с другой опровергает понимание его, основывая свой приговор на опыте. Он доказывает, что не только нет ничего общего между иудеем и необрезанным, но даже необрезанный, если он внимателен к себе самому, выше иудея, и он именно и есть истинный иудей. Потому говорит: *не бо иже яве иудей есть, ни еже яве, во плоти, обрезание* (ст. 28). Здесь он поражает иудеев, как делающих все напоказ. *Но иже в тайне иудей, и обрезание сердца духом, не писанием* (ст. 29).

4. Сказав это, (апостол) отверг все плотское. И обрезание наружное, и субботы, и жертвы, и очищения – все это он разумел под одним выражением, сказав: *не бо иже яве иудей есть.* Но так как у них (иудеев) преимуще-

ственная речь была об обрезании, которому уступала и суббота, то (апостол), естественно, о нем больше и распространяется. Сказав же: *обрезание сердца духом,* (апостол) этим пролагает путь жизни церковной и вводит веру, так как верование сердцем и духом имеет похвалу от Бога. И для чего (апостол) не сказал, что добродетельный эллин не меньше добродетельного иудея, но говорит, что добродетельный эллин лучше преступающего закон иудея? Для того, чтобы сделать победу несомненной. Как скоро признано (сказанное апостолом), то обрезание плоти по необходимости отвергается и становится ясно, что повсюду нужна жизнь. Когда эллин спасается без этого (без обрядов), а иудей и при обрядах наказывается, то иудейство становится упраздненным. А под эллином (апостол) разумеет не идолопоклонника, но человека благочестивого и добродетельного, освобожденного от законных обрядов. *Что убо лишшее иудею* (III, 1)? Так как (апостол) все отринул – слышание, учение, имя иудея, обрезание и все остальное, сказав, что не тот иудей, кто таков по наружности, но тот иудей, кто внутренне таков (II, 28), то предвидит естественно возникающее возражение и опровергает его. Какое же это возражение? Если, скажут, в этом нет никакой пользы, то для чего и был призван народ и было дано обрезание? Что же делает (апостол) и как он разрешает возражение? Так же, как он решил и предыдущие. Как выше он ничего не ставил в похвалу иудеям, но во всем видел Божии благодеяния, а не их заслуги, потому что именоваться иудеем, разуметь волю, рассуждать о лучшем – все это дано им не по заслугам, а по Божией благодати, – в чем укорял иудеев и пророк, говоря: *не сотвори тако всякому языку, и судьбы своя не яви им* (Пс. CXLVII, 9), а также и Моисей, говоря: спросите, было ли по слову сему, разве *слыша* народ *глас* Бога *жива из среды огня,* я остался жив (Втор. V, 26), – так же

поступает (апостол) и здесь. Как тогда, когда шла речь об обрезании, он не сказал, что обрезание не приносит никакой пользы без жизни, но, раскрывая тоже самое и лишь выражаясь менее резко, говорит, что обрезание приносит пользу вместе с делами, и опять: *аще же преступник Закона еси,* не прибавил: обрезание не приносит тебе никакой пользы, но выражается так: *обрезание твое не обрезание бысть,* и далее опять говорит, что необрезанием осуждается не самое обрезание, но преступник закона, — щадя, с одной стороны, закон, а с другой — нападая на людей, — так он поступает и здесь. Возразив самому себе, и сказав: *что убо лишшее иудею?* — он дал на это ответ не отрицательный, а утвердительный, сказанным же впоследствии он опроверг это и доказал, что иудеи за такое преимущество подвергаются наказанию. Каким же образом? Объясню это, представив самое возражение. *Что убо лишшее иудею, или кая польза обрезания? Много, по всякому образу. Первее, яко вверена быша словеса Божия* (III, 1, 2). Замечаешь ли, что, как сказал я выше, (апостол) исчисляет не заслуги (иудеев), но благодеяния Божии? Что же значат слова: *вверена быша?* То, что им был вручен закон, так как Бог считал их настолько достойными, что вверил им предсказания, возвещенные свыше. И я знаю, что некоторые относят выражение — *вверена быша* не к иудеям, а к слову (Божию), то есть — закон сделан предметом веры; но последующее не позволяет так думать. Во-первых, (апостол) говорит это, обвиняя иудеев и показывая, что они хотя получили многие благодеяния свыше, но явили великую неблагодарность. Потом это видно и из последующего. (Апостол) прибавил: *что бо, аще не вероваша нецыи* (ст. 3)? А если не уверовали, то как же некоторые говорят, что слово (Божие) сделалось предметом веры? Итак, что же говорит (апостол)? То, что Бог вверил им (слово Свое), а не то, что они уверовали слову. Иначе,

какой же смысл имеет последующее? Ведь (апостол) прибавил: *что бо, аще не вероваша нецыи?* Тоже самое видно и из того, что (апостол сказал) после этого, а именно он говорит: *еда неверстие их веру Божию упразднит? Да не будет* (ст. 4). Итак, то, что им было вверено, (апостол) провозглашает даром Божиим. Ты же обрати внимание на благоразумие (Павла) и в этом случае. Обвинение их он опять представляет не от самого себя, но как бы в виде возражения, и говорит как бы следующим образом: но, может быть, ты спросишь, какая польза от этого обрезания? Сами иудеи не сделали из него должного употребления; им вверен был закон, а они не уверовали. И сначала (апостол) не нападает на них сильно, но как только начинает оправдывать Бога от упреков, то обращает на них все свое обвинение. И почему, говорит он, ты обвиняешь Бога в том, что они не уверовали? И какое это имеет отношение к Богу? Неужели неблагодарность облагодетельствованных Богом уничтожает Его благодеяние? Или — обращает ли она честь в нечесть? Это, именно, означают слова: *еда неверствие их веру Божию упразднит? Да не будет.* Это подобно тому, как если бы кто̀-нибудь сказал: я оказал честь такому-то человеку, если же он не принял чести, то в этом не моя вина и это не оскорбляет моего человеколюбия, а показывает лишь его бесчувственность. Но Павел говорит не только это, а нечто гораздо большее, именно, что неверие иудеев не только не может быть поставлено в вину Богу, но, напротив, доказывает наибольшую славу Его и человеколюбие, когда Он явно оказывает честь и тому, кто готов Его обесчестить.

5. Видишь ли, как (апостол) обвинил иудеев тем самым, чем они хвалились? Хотя Бог оказал им столько чести, что, даже предвидя будущее, не лишил их Своего благоволения, однако они оскорбили Почтившего их

именно тем, чем были почтены. Потом, так как (апостол) сказал: что же, если *некоторые* и неверны были? – а между тем оказались неверными все, то, чтобы сказанным не согласно с действительностью, опять не показаться строгим обвинителем иудеев, как бы их врагом, он то, что оказалось в действительности, излагает в виде общего суждения и заключения, говоря так: *да будет же Бог истинен, всяк же человек лож* (ст. 4). Это означает следующее: я не утверждаю, говорит (апостол), что только некоторые были неверны, но, если угодно, признавай, что все были неверны (этот почти совершившийся факт допуская условно, чтобы не огорчить иудеев и не навлечь на себя их подозрение). Впрочем, и в этом случае Бог еще более оправдывается. Что значит: *оправдывается?* Если рассудить и исследовать то, что Бог совершил для иудеев и что было от них в отношении к Богу, то победа будет на стороне Божией и все оправдания принадлежат Богу. И ясно доказав это сказанным выше, (апостол) приводит потом и слова пророка, который подтверждает его слова и говорит: *яко да оправдишися со словесех Твоих, и победиши внегда судити Ти* (Пс. L, 6). Бог все сделал со Своей стороны, но иудеи не стали от того лучшими. Потом (апостол) представляет другое возникающее отсюда возражение и говорит: *аще ли неправда наша Божию правду составляет, что речем? Еда ли неправеден Бог наносяй гнев! По человеку глаголю. Да не будет* (ст. 5, 6). (Апостол) одну неправильность устраняет другой. Но так как это не ясно, то необходимо сказать яснее. Итак, о чем говорит (апостол)? Бог почтил иудеев, а они оскорбили Его. Но это составляет победу Его, доказывает великое Его человеколюбие, так как Он почтил и людей столь неблагодарных. А так как, говорит (иудей), Бог победил и правда Его просияла в полном блеске вследствие того, что мы оскорбили Его и поступили несправедливо, то за что же, говорит, под-

вергаюсь наказанию я, сделавшийся виновником Его победы именно потому, что оскорбил Его? Как же (апостол) решает это? Другим неправильным суждением, как сказал я. Если ты, говорит он, сделался виновником победы Божией и после того подвергаешься наказанию, то это несправедливо, а если Бог не несправедлив, однако тебя наказывает, то ты еще не сделался для Него виновником победы. И обрати внимание на благоговение апостола. Сказав: *еда неправеден Бог наносяй гнев?* — прибавил: *по человеку глаголю*. Так сказал бы всякий, говорит (апостол), рассуждая по человеческому разуму; но ведь праведный суд Божий несравненно превосходит то, что представляется справедливым для нас, и имеет некоторые другие непостижимые для нас основания. Затем, так как это было не совершенно ясно, то он говорит тоже самое в другой раз: *аще бо истина Божия в моей лжи избыточествова в славу Его, что еще и аз яко грешник осуждаюся* (ст. 7)? Ведь если Бог, говорит, явился человеколюбив, справедлив и благ вследствие того, что ты преслушался Его, то ты не только не должен подвергаться наказанию, но и еще получить награду. А если это так, то получится другая нелепость, повторяемая многими, именно, будто из зла происходит добро и причиной добра служит зло. Необходимо допустить одно из двух — или Бог, когда наказывает, является несправедливым, или же Он получает от наших злых дел победу, когда не наказывает. Но то и другое до крайности нелепо. Апостол, доказывая это, признал родоначальниками таких учений эллинов, считая достаточным для опровержения сказанного качество тех лиц, которые говорят это. Тогдашние язычники, осмеивая нас (христиан), именно говорили: будем делать зло, чтобы произошло добро. Потому (апостол) ясно и изложил это, говоря так: *и не якоже хулимся, и якоже глаголют нецыи нас глаголати, яко сотворим злая, да приидут благая:*

ихже суд праведен есть (ст. 8). Так как Павел учил: *идеже умножися грех, преизбыточествова благодать* (Рим. V, 20), то язычники, осмеивая его и давая превратный смысл словам его, говорили, что должно предаваться порокам, чтобы насладиться благами. Но Павел, конечно, не так учил, – потому, исправляя это, говорит: *что убо? Пребудем ли во гресе, да благодать преумножится! Да не будет* (Рим. VI, 1). Ведь я, говорит (апостол), сказал о минувших временах, а не затем, чтобы мы сделали это своим правилом. Отклоняя заблуждающихся от такого понимания его слов, (апостол) сказал, что это, наконец, и невозможно. Как мы, говорит он, умершие для греха, будем еще жить во грехе (Рим. VI, 2)?

6. Итак, (апостол) легко обличил эллинов, потому что жизнь их была очень развращена, а жизнь иудеев хотя и представлялась в полном пренебрежении, но у них были большие основания для своего оправдания – закон и обрезание, а также то, что с ними беседовал Бог и они были учителями всех людей. Поэтому (апостол) лишил их такой защиты и даже доказал, что они из-за этого именно и подвергаются наказанию, – чем и заключил здесь свою речь. Если же делающие это, говорит он, не наказываются, то необходимо допустить богохульное положение: *сотворим злая, да приидут благая.* А если и это нечестиво и если говорящие так подвергнутся наказанию (что Павел и объявил, сказав: *их суд праведен есть),* то вполне ясно, что грешники наказываются; притом, если достойны наказания говорящие так, то тем более – делающие, а если достойны наказания, то достойны, как согрешившие. Ведь наказывает не человек, – чтобы кто-нибудь мог заподозрить его приговор, – но Бог, все делающий справедливо. Если же они наказываются справедливо, то несправедливо говорили то, что говорили осмеивающие нас, так как Бог все сделал и делает для того, чтобы жизнь наша во

всем сияла и всюду усовершалась. Итак, не будем предаваться беспечности; тогда в состоянии будем и язычников отвратить от заблуждения. Если мы станем любомудрствовать на словах, а на деле будем вести себя непристойно, то какими глазами будем смотреть на них? Какими устами станем рассуждать о догматах? Тогда язычник всякому из нас скажет: «ты, не исполнивший малого, как можешь быть достоин учить других большему? Еще сам не научившийся тому, что корыстолюбие есть зло, как ты можешь любомудрствовать о небесных предметах? Ведь знаешь, что это худо? Тем больше вина твоя, что ты и зная грешишь». Но зачем мне говорит об язычнике? Наши законы, когда жизнь наша порочна, даже не позволяют нам и пользоваться такой свободой. Сказано: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя* (Пс. XLIX, 16)? Когда иудеи отведены были в плен и персы усиленно просили их, чтобы они пели им священные свои песни, они ответили: *како воспоем песнь Господню в земли чуждей* (Пс. CXXXVI, 3)? Если же непозволительно было петь слово Божие в варварской земле, то гораздо более непозволительно это варварской душе, так как жестокая душа есть варварская. Если тем, которые находились в плену и сделались на чужой земле рабами людей, закон повелевает молчать, то гораздо более справедливо сомкнуть свои уста рабам греха и живущим чужой жизнью. И хотя иудеи имели тогда органы, как сказано: *на вербиях посреди его обесихом органы наша* (Пс. CXXXVI, 2), но и при всем этом нельзя было петь. Так и нам, хотя мы имеем уста и язык, эти органы слова, непозволительно пользоваться свободой речи, пока мы раболепствуем греху, наиболее жестокому из всех варваров.

И скажи мне, что ты станешь говорить язычнику, как скоро сам хищничаешь и лихоимствуешь? Отступи, скажешь, от идолослужения, познай Бога, не стремись к

серебру и золоту. Но разве он не засмеется и не скажет в ответ: сперва научи этому самого себя. Ведь не одно и то же — идолопоклонствовать, будучи язычником, и совершать тот же самый грех, будучи христианином. И как мы будем в состоянии других отклонить от идолопоклонства, когда и сами не удалились от него? Ведь мы к себе ближе, чем к ближнему. Когда не можем убедить самих себя, как мы убедим других? Кто не правит хорошо собственным домом, тот не порадеет и о церкви. Как же может исправить других тот, кто не умеет управлять своей душой? Не говори мне, что ты не кланяешься золотому идолу, но докажи мне, что ты не делаешь того, что повелевает золото. Ведь бывают различные виды идолопоклонства: один почитает своим господином мамону, другой признает богом чрево, а третий — грубейшую страсть. Но ты (говоришь) не приносишь им в жертву волов, как язычники? Правда; зато ты, — что гораздо хуже, — закалаешь им в жертву свою душу. Ты не преклоняешь перед ними колена и не кланяешься? Но ты с очень большой покорностью исполняешь все то, что прикажут тебе и чрево, и золото, и господствующая страсть. И эллины потому именно и гнусны, что обоготворили страсти, назвав вожделение — Афродитой, ярость — Аресом, пьянство — Дионисом. Если ты не делаешь изваяния идолов, как язычники, зато с большим усердием подчиняешься тем же страстям, делая члены Христовы членами блудницы, оскверняя себя и прочими беззакониями. Потому прошу вас избегать идолопоклонства (так Павел называет любостяжание), поняв всю важность этого порока, — избегать любостяжания не только в деньгах, но и во всякой порочной склонности, в платье, в трапезе и во всем прочем. Ведь мы за неповиновение законам Господним подвергнемся гораздо более жестокому наказанию, как и сказано: *раб, ведевый волю господина свое-*

го, и не сотворив, биен будет много (Лк. XII, 47). Итак, чтобы нам избегнуть этого наказания и сделаться полезными для других и для самих себя, станем стремиться к добродетели, удалив из души всякий порок. Таким образом мы достигнем и будущих благ, получить которые да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Что убо, преимеем ли? Никакоже: прежде бо обвинении есмы, Иудеи же и Еллины, вси под грехом быти. Якоже есть писано: несть праведен никтоже, несть разумеваяй, несть взыскаляй Бога. Вси уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благостыню, несть даже до единаго. Гроб отверст гортань их, языки своими льщаху, яд аспидов под устнами их. Ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги их пролияти кровь, сокрушение и озлобление на путех их, и пути мирнаго не познаша. Несть страха Божия перед очима их (III, 9—19)

1. Апостол обвинил эллинов, обвинил иудеев, следовало, наконец, говорить об оправдании, которое совершается через веру. Ведь если не помог закон естественный, не сделал что-нибудь больше и закон писанный, но оба даже послужили бременем для людей, не воспользовавшихся ими, как должно, и показали, что они сделались достойными большего наказания, то, наконец, необходимо было спасение при помощи благодати. Итак, скажи нам об этом, Павел, и открой. Но (апостол) еще не решается, опасаясь бесстыдства иудеев; он опять ведет речь об их обвинении и сперва представляет обвинителем Давида, который пространно

изображает то, что Исаия выразил кратко, – налагая на них (иудеев) крепкую узду, чтобы они не убежали, и чтобы всякий из поучаемых о вере слушателей, будучи достаточно убежден обвинениями пророков, не уклонился. Пророк же указывает три большие недостатка, говоря, что они все без исключения делали зло, не примешивали ко злу добра, но предавались только одному пороку, и, наконец, делали зло со всей настойчивостью. Но чтобы (иудеи) не могли возразить: «так что же? ведь это не о нас сказано», – (апостол) и прибавил: *вемы же, яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет* (ст. 19). После Исаии, который несомненно говорил о них, (апостол) привел слова Давида, для того, чтобы показать, что они имеют связь со сказанным у Исаии. Какая была, говорит (апостол), необходимость пророку, посланному для вашего исправления, обличать других? Ведь закон дан не другим, но вам. А почему (апостол) не сказал: вемы, яко елика пророк глаголет, но: *елика закон глаголет?* Потому, что Павел весь Ветхий Завет обыкновенно называет законом. Так и в другом месте говорит: *закона ли не слушаете, яко Авраам два сына име* (Гал. IV, 21, 22); а здесь он назвал законом псалмы, сказав: *вемы, яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет.* Потом (апостол) доказывает, что это сказано не просто для обвинения, но потому, что закон пролагал также путь вере. Согласие Ветхого Завета с новым таково, что обвинения и обличения совершались всецело с той целью, чтобы перед слушателями отверзлась светлая дверь веры. Так как иудеев погубило преимущественно то, что они высоко о себе думали, о чем (апостол) потом и заметил, говоря: *не разумеюще бо Божия правды и свою правду имуще поставити, правде Божией не повинушася* (Рим. X, 3), то закон и пророки прежде всего и укрощали их высокомерие и низлагали надменность, чтобы, придя в сознание собственных грехов, отложив всякую

гордость и увидев себя в крайней опасности, они с великим усердием притекли к Подающему им прощение грехов и приняли благодать через веру. Намекая на это и здесь, Павел говорит: *вемы, яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет, да всяка уста заградятся и повинен будет весь мир Богови* (ст. 19). Здесь он показывает, что иудеи, не смея хвалиться делами, бывают хвастливы и бесстыдны только на словах. Потому главным образом он употребил выражение: *да всяка уста заградятся,* указывая на их бесстыдное и неудержимое хвастовство и на их буквально требующий заграждения язык: ведь как неудержим поток, так стремился и он; но пророк заградил его. Когда же Павел говорит: *да всяка уста заградятся,* он не то говорит, будто они для того грешили, чтобы заградились уста их, но (говорит) обличались они потому, что, греша в одном и том же, не сознавали этого. *И повинен будет весь мир Богови.* Не сказал – иудеи, но – весь род человеческий. Именно словами: *да всяка уста заградятся* апостол намекает на иудеев, хотя и не сказал этого ясно, чтобы речь не была для них резкой, а словами: *повинен будет весь мир Богови* сказано вместе и об иудеях, и об эллинах. Но и этого не мало для смирения гордыни иудеев, как скоро и здесь они не имеют никакого преимущества перед язычниками, но, по слову спасения, преданы наравне с ними. Так, повинным в собственном смысле может называться тот, кто не в силах оказывается защитить себя сам, а имеет нужду в помощи другого, каково и было наше положение, когда мы погубили дарованные нам средства к спасению. *Законом бо познание греха* (ст. 20). Апостол опять напал на закон, но уже с пощадой, так как сказанное служит обвинением не закона, но нерадения иудеев; при всем том, намереваясь говорить о вере, он постарался и здесь доказать, что закон весьма немощен. Если, говорит он,

ты хвалишься законом, то сам себя больше посрамляешь, потому что он обличает твои грехи. Но (апостол) не сказал так резко, а снисходительнее: *законом бо познание греха.* Значит, и наказание больше, но только для иудеев. Ведь закон совершил то, что грех сделался для тебя известен, а от тебя зависело избегать его (греха); ты же, не уклонившись, навлек на себя большее наказание, и таким образом вразумление закона сделалось для тебя поводом к большему мучению.

2. Итак, когда (апостол) усилил страх, тогда, наконец, начинает речь о дарах благодати, возбудив в слушателях сильное желание получить отпущение грехов, и говорит: *ныне же кроме, закона правда Божия явися* (ст. 21). Здесь (апостол) изрек нечто великое и нуждающееся во многом разъяснении. Если жившие в законе не только не избегли наказания, но даже навлекли на себя большее, то как возможно без закона не только избегнуть наказания, но и оправдаться? Апостол и говорит здесь о двух весьма важных предметах: об оправдании и о достижении этих благ независимо от закона. Потому сказал не просто – правда, но – *правда Божия,* достоинством лица доказывая величие дара и силу обещания, так как Богу все возможно. И не сказал – дана правда, но – *явися,* устраняя обвинение в нововведении; являться может только то, что существовало прежде, но было сокрыто. И не только этим, но и следующими словами (апостол) доказывает, что явившееся не есть что-либо новое. Сказав – *явися,* присовокупил: *свидетельствуема от закона и пророк.* Не приходи в смущение оттого, что правда Божия дарована только ныне, говорит (апостол), и не смущайся этим, как делом новым и необычайным: об этом издревле говорили и закон и пророки. Частью доказал это (апостол) выше, а частью докажет впоследствии, – выше, когда привел слова Аввакума: *праведный от веры жив будет*

(Рим. I, 17; Авв. II, 4), а впоследствии, когда укажет на Авраама, Давида, которые говорили нам об этом. У иудеев было большое уважение к этим лицам, из которых один был патриарх и пророк, а другой царь и пророк, и обетования относительно этого были даны им обоим. Потому и Матфей, начиная евангелие, прежде всего упоминает об Аврааме и Давиде, а потом уже по порядку перечисляет праотцов. Сказав: *книга родства Иисуса Христа,* он не после Авраама, Исаака и Иакова, но вместе с Авраамом упомянул о Давиде. И что удивительно – Давида поставил прежде Авраама, говоря так: *сына Давидова, сына Авраамля* (Мф. I, 1), а потом уже начал перечислять Исаака, Иакова и всех следующих. Потому и апостол часто упоминает здесь об Аврааме и Давиде и говорит: *правда Божия свидетельствуема от закона и пророк.* Чтобы кто-нибудь не сказал: «как мы спасаемся, коль скоро нисколько не содействуем этому сами?» – (апостол) и показывает, что и мы немало вносим в это дело, – я разумею веру. Потому, сказав: *правда Божия,* присовокупил: *верою во всех и на всех верующих* (ст. 22). Здесь опять иудей может прийти в смущение, не имея никакого преимущества перед прочими людьми и поставляемый вместе со всей вселенной. Чтобы он не испытал этого, (апостол) поражает его страхом, прибавив: *несть бо разнствия. Вси бо согрешиша* (ст. 23). Не говори мне, что такой-то эллин, этот скиф, а тот фракиянин: все находятся в одном и том же положении. Хотя ты получил закон, но научился из закона только тому одному, как узнавать грех, а не как избегать его. Потом, чтобы (иудеи) не сказали: «хотя мы и грешим, но не так, как язычники», – (апостол) присовокупил: *и лишени суть славы Божия* (ст. 23). Таким образом, хотя ты грешил и неодинаково с остальными, однако и ты лишаешься славы: ведь ты из числа оскорбивших Бога, а оскорбитель принадлежит не к про-

славляемым, но к посрамленным. Но ты не страшись; я сказал это не для того, чтобы ввергнуть тебя в отчаяние, а для того, чтобы показать тебе человеколюбие Владыки. Потому (апостол) и присовокупил: *оправдаеми туне благодатию Его, избавлением, еже о Христе Иисусе, Егоже предположи Бог очищение верой в крови Его, в явление правды Своея* (ст. 24, 25). Смотри, сколько доводов приводит (апостол) в подтверждение сказанного. Во-первых, доказывает достоинством лица: совершает это не человек слабый силами, но Бог, для Которого все возможно, так как сказано, что *правда есть Божия*. Во-вторых, доказывает законом и пророками: и не устрашайся, когда ты и услышишь слова: *кроме закона,* так как это имеет значение по отношению к самому закону. В-третьих, доказывает ветхозаветными жертвами, почему сказал: *в крови Его,* напоминая иудеям об овцах и тельцах. Если, говорит (апостол), заклания бессловесных избавляли от греха, то тем более – кровь Иисуса Христа. И сказал не просто – куплей, но – *искуплением,* чтобы нам больше не возвращаться в то же самое рабство. Вследствие этого же он называет Иисуса Христа *очищением,* показывая, что если столь великую силу имел образ, то гораздо большее действие окажет сама истина. И опять, показывая, что это не есть что-либо недавнее и новое, апостол говорит: *предположи*. Сказав же: *предположи Бог* и признав это делом Отца, он показывает, что то же самое принадлежит и Сыну. Отец предположил, а Христос совершил все дело Своей кровью. *В явление правды Своея*. Что значит – *явление правды?* Как явление богатства состоит в том, чтобы не только самому быть богатым, но и других делать богатыми, явление жизни – в том, чтобы не только самому быть живым, но и мертвых оживлять, и явление силы – в том, чтобы не только самому быть сильным, но и укреплять слабых, так и явление правды состоит в том,

чтобы не только самому быть праведным, но и других, истлевших в грехах, мгновенно делать праведными. Изъясняя это, (апостол) и сам раскрыл, что значит явление, сказав: *быти ему праведну и оправдающу сущаго от веры Иисусовы* (ст. 26).

3. Итак, не сомневайся: ты оправдываешься не делами, но верой. Не избегай же правды Божией, так как она представляет двойное блага, — и легко приобретается, и предложена всем. Не стыдись и не красней. Если сам Бог явно совершает это дело, даже, как мог бы сказать кто-нибудь, хвалится им и превозносится, то как ты можешь скрываться и прятаться от того, чем прославляется твой Владыка? Итак, ободрив слушателя словами, что совершающееся есть явление правды Божией, он колеблющегося и не решающегося прийти опять побуждает страхом, говоря так: *за отпущение прежде бывших грехов* (ст. 25). Ты видишь, как он часто напоминает иудеям о грехах? Выше он сказал: *законом бо познание греха;* потом: *вси бо согрешиша;* а здесь выражается еще сильнее. Он не сказал: по причине грехов, но: *за отпущение,* то есть вследствие омертвения от грехов. Ведь больше уже не было надежды на выздоровление, но как расслабленное тело нуждалось в помощи свыше, так и омертвевшая душа. И — что всего поразительнее — (апостол) более сильным обвинением людей считает то, что он указывает в качестве причины расслабления. Что же такое? То, что расслабление случилось во время долготерпения Божия. Вы не можете сказать, говорит он, что не пользовались многим долтотерпением и благостью. Слова — *в нынешнее время* означают, что Бог оказал великое долготерпение и человеколюбие. Когда мы дошли до отчаяния, говорит (апостол), и было время суда, когда зло возросло и грехи умножились, тогда Бог явил силу Свою, чтобы уразуметь тебе, как велико у Него богатство правды. Если бы это совершилось в начале,

то не показалось бы настолько удивительным и необычайным, как теперь, когда испытаны уже все способы врачевания. *Где убо похвала? Отгнася*, говорит. *Которым законом? Делы ли? Ни, но законом веры* (ст. 27). Великого труда стоило Павлу доказать, что вера получила такую силу, о какой закон не мог никогда и воображать. Так как он уже сказал, что Бог оправдывает человека верой, то теперь опять обращается к закону и не говорит: где заслуги иудеев, где праведные дела? но: *где похвала?* – везде показывая, что иудеи только хвалились, будто имеют какое-то преимущество перед остальными, но ничего не доказали на деле. И, спросив: *где убо похвала?* – не сказал: исчезла и погибла, но: *отгнася*, чем больше указывается на неблаговременность, так как хвалиться было уже не время. Подобно тому как, когда наступил суд, желающие раскаяться не имеют уже удобного времени, так и тогда, когда приговор, наконец, был произнесен, все готовы были погибнуть, явился Тот, Кто благодатью уничтожает все зло, – иудеи не имели уже времени защитить себя оправданием от закона. Если им и нужно было утверждаться на этом, то прежде пришествия Христова. А когда пришел спасающий через веру, время подвигов было уже отнято, и так как все прежние средства оказались недействительными, Христос спасает благодатью. Потому и пришел Он ныне, чтобы не сказали (если бы он явился в начале), что возможно было спастись и при помощи закона, собственными трудами и заслугами. Итак, устраняя такое их бесстыдство, Христос промедлил долгое время, чтобы спасти Своей благодатью тогда, когда посредством всего ясно было доказано, что людям недостаточно собственных сил. Потому (апостол), говоря и выше: *в показание правды*, присовокупил: *в нынешнее время*. А если бы некоторые и стали противоречить, то они поступили бы подобно тому человеку, который,

совершив тяжкие преступления и оказавшись не в состоянии оправдаться на суде, был бы осужден и должен был подвергнуться наказанию, но потом царской милостью был бы освобожден, а после освобождения имел бы бесстыдство хвалиться и утверждать, что он не совершил никакого проступка. Это надлежало доказать прежде явления дара, а когда он явился, хвалиться уже было не время. Это именно и случилось с иудеями. Они уже были проданы из своего отечества, почему и пришел (Христос) и Своим пришествием лишил их похвалы. Ведь тот, кто говорит о себе, что он — учитель младенцев, кто хвалится законом, называет себя наставником неразумных, а между тем, подобно им, имеет нужду в Учителе и Спасителе, тот не имеет основания хвалиться. Если и прежде этого обрезание было необрезанием, то тем более ныне, так как оно уничтожено и для прошедшего, и для настоящего времени. Сказав же — *отгнася,* (апостол) и показывает, как это случилось. Итак, как уничтожено? — спрашивает (апостол). *Которым законом? Делы ли? Ни, но законом веры.*

4. Вот и веру (Павел) назвал законом, охотно пользуясь для того прежними наименованиями, чтобы сгладить кажущееся нововведение. В чем же состоит закон веры? В спасении по благодати. Здесь (апостол) доказывает могущество Бога, потому что Он не только спас, но и оправдал и привел в похвалу, не имея для того нужды в наших делах, а требуя одной веры. И он говорит это, приучая уверовавшего иудея к скромности, а неуверовавшего смиряя, чтобы и его потом привлечь. Тот, кто получил спасение, если станет много о себе думать, то, вникнув в закон, узнает, что закон сам заградил ему уста, сам обвинил его, сам отказал ему в спасении и лишил похвалы; а неуверовавший, в свою очередь, наученный тем же самым смирению, может быть

приведен к вере. Видишь ли, каково богатство веры, как она удалила нас от всего прежнего, не дозволив даже хвалиться этим? *Мыслим убо верою оправдатися человеку, без дел закона.* Когда (апостол) доказал, что оправдывающиеся верой стоят выше иудеев, тогда, наконец, он с большой свободой рассуждает и о вере и опять устраняет то, что по-видимому могло смущать. Иудеев смущали две следующие мысли: первая – возможно ли спастись без дел тем, которые не спаслись делами, а вторая – справедливо ли необрезанным пользоваться равными правами с теми, которые столько времени воспитывались в законе; последняя мысль беспокоила их гораздо больше первой. Вследствие этого (апостол), раскрыв первую, переходит к этой последней, которая настолько смущала иудеев, что они и после принятия веры обвиняли по этому поводу Петра, из-за Корнилия и его дела. Что же говорит (Павел)? *Мыслим убо верою оправдатися человеку, без дел закона.* Он не сказал – иудею, или – находящемуся под законом, но, выразившись общее и открыв дверь спасения всей вселенной, употребил родовое имя и говорит – *человеку.* Потом, исходя из этого слова, (апостол) разрешает не указанное здесь возражение. Так как естественно было, что иудеи, услышав о том, что вера оправдывает всякого человека, будут недовольны и соблазнятся, то (Павел) и прибавил: *или Иудеев Бог токмо* (ст. 29)? Здесь он как бы говорит следующее: почему тебе кажется нелепым, что всякий человек спасается? Неужели Бог есть частный Бог? Этим он показывает, что желающие унижать язычников больше оскорбляют славу Божию, если не допускают, что Он есть Бог всех. Если же Он есть Бог всех, то о всех и промышляет; а если о всех промышляет, то всех равно спасает через веру. Потому (апостол) говорит: *или Иудеев Бог токмо, а не языков? Ей, и языков* (ст. 29). Бог есть не частный Бог, как это допускается в эллинских мифах,

но для всех общий и единый. Потому и присовокупляет: *понеже един Бог* (ст. 30), то есть Он один Владыка и тех, и этих (иудеев и язычников).

Если укажешь мне на Ветхий Завет, то и там промысл Божий простирался на всех, хотя и не одинаково. Тебе дан закон писанный, а им закон естественный, но они нисколько не имели меньше, а если желали, то могли и превзойти тебя. Намекая на это самое, (апостол) присовокупил: *иже оправдит обрезание от веры, и необрезание верою* (ст. 30), напомнив иудеям, сказанное выше о необрезании и обрезании, где он доказал, что между ними нет никакого различия. А если тогда (в Ветхом Завете) не было никакого различия, то тем более ныне; раскрывая теперь это яснее, (апостол) показал, что то и другое одинаково нуждается в вере. *Закон ли убо разоряем верою?* говорит. *Да не будет: но закон утверждаем* (ст. 31). Ты заметил разнообразную и неизреченную мудрость (апостола)? Самым словом — *утверждаем* он показал, что закон уже не стоит, но разорен. Обрати внимание и на превосходство силы Павла, а также на то, с каким богатством доказательств он раскрывает то, что желает. Так, здесь он доказывает, что вера не·только не вредит закону, но и помогает ему, равно как и закон пролагает путь вере. Как закон, предваряя веру, о ней свидетельствовал, — о чем (апостол) и говорит: *свидетельствуема от закона и пророк,* — так и вера восстановила изнемогающий закон. Как же восстановила? — спросишь. Но какое было дело закона и для чего он заставлял все совершать? Для того, чтобы сделать человека праведным. Но он оказался бессилен в этом: *вси бо,* говорит, *согрешиша;* а вера, явившись, успела в этом, так как, всякий, кто уверовал, вместе с тем и оправдался. Итак, вера утвердила волю закона и привела к концу то, для чего он все делал. Значит, она не упразднила, а усовершила закон. Таким образом (апостол) доказал

здесь три положения: возможно оправдаться без закона, закон оказался в этом бессилен и вера не противоборствует закону. Так как иудеев всего более смущало то, что вера представлялась противоборствующей закону, то (апостол) более того, чем сколько желал иудей, доказывает, что она не только не противоборствует, но еще способствует и содействует закону, а это особенно и желали услышать (иудеи).

5. Но так как после той благодати, которой мы оправдались, является нужда и в делах, то покажем прилежание, достойное дара. А покажем мы это тогда, когда со всем тщанием будем хранить любовь – матерь всех благ. Любовь же заключается не в пустых словах и не в простых приветствиях, но в явлении и совершении дел, например, в том, чтобы избавлять от бедности, помогать больным, освобождать от опасностей, покровительствовать находящимся в затруднениях, плакать с плачущими и радоваться с радующимися. Ведь и последнее служит признаком любви; хотя и представляется маловажным радоваться с радующимися, однако это очень великое дело и требует ума философского. Можно найти много людей, которые совершают очень трудное, но в этом оказываются слабыми. Многие плачут с плачущими, но не радуются с радующимися, а напротив, когда другие радуются, они плачут из недоброжелательства и зависти. Потому немалая заслуга – радоваться тогда, когда брат радуется, напротив – важнее как той, чтобы плакать с плачущими, так и той, чтобы помогать в бедах. Многие подвергаются опасности вместе с находящимися в опасностях, но, когда другие успевают в делах, они терзаются. Такова сила зависти. Хотя там нужны труды и пот, а здесь одно доброе желание и расположение, однако многие, перенеся более тяжелое, не совершили более легкого, но томятся и сами себя губят, когда увидят, что другие преуспевают и что всей

церкви оказана услуга или словом, или иным чем-либо. Что может быть хуже такого человека? Он противится уже не брату, но воле Божией. Помыслив об этом, уничтожь недуг свой и по крайней мере избавь самого себя от множества зол, если не желаешь избавить и ближнего. Для чего ты ведешь борьбу со своими мыслями? Зачем наполняешь душу смятением, воздвигаешь бурю, все ниспровергаешь? Находясь в таком состоянии, как ты можешь просить себе отпущения грехов? Если Бог не отпускает грехов тем, которые не прощают сделанных против них грехов, то какое прощение Он даст тем, которые мыслят зло на людей, нисколько их не обидевших? Это – доказательство крайней злобы; таковые вместе с диаволом враждуют на церковь, а может быть они и гораздо хуже самого диавола. Ведь от диавола можно остеречься, а такие люди, нося личину дружбы, тайно возжигают огонь, сами же себя ввергая в печь первыми и страдая болезнью, которая не только не может вызвать сожаления, но и возбуждает сильный смех. Скажи мне: почему ты бледнеешь; трепещешь и сделался крайне робок? Какое случилось несчастье? Не то ли, что брат твой богат, знаменит и пользуется почетом? Значит, тебе нужно бы украсить себя венком, радоваться и прославлять Бога, что твой сочлен стал знатен и славен, а ты скорбишь о том, что Бог прославляется. Видишь ли, куда направляется вражда? Ты скажешь: не Бог прославляется, а прославляется брат. Но через него слава восходит к Богу, а следовательно – и вражда твоя. Но не то печалит меня, говоришь ты, а я желал бы, чтобы Бог прославлялся через меня. Так радуйся успехам брата и вот – Бог прославляется и через тебя, и все скажут: благословен Бог, имеющий таковых рабов, свободных от всякой зависти, взаимно радующихся счастью друг друга. И что мне сказать о брате? Если он и был твоим недругом и вра-

гом, а Бог через него прославился, то потому самому он должен сделаться твоим другом. А ты друга делаешь врагом, когда он получает почести и прославляет Бога. Если бы кто-нибудь излечил твое страждущее тело, то хотя бы он был и враг твой, не стал ли бы ты считать его между первыми своими друзьями? А украшающего тело Христово, то есть церковь, и своего друга ты считаешь врагом? И как ты можешь иным способом доказать свою вражду ко Христу? Потому, хотя бы кто и творил чудеса, хотя бы соблюдал девство и пост и спал на земле, хотя бы сравнялся и с ангелами в добродетели, но если имеет этот недостаток, — будет нечестивее всех и беззаконнее даже прелюбодея, блудника, разбойника и гробокопателя.

6. И чтобы кто-нибудь не обвинил меня в преувеличении речи, я охотно спрошу вас о следующем: если бы кто-нибудь, взяв огонь и заступ, стал разорять и сжигать этот дом (Божий) и разрушать вот этот жертвенник, то каждый из присутствующих разве не стал бы бросать в него камнями, как в человека нечестивого и беззаконного? Так что же? А если кто приносит пламя более губительное, чем этот огонь, — я говорю о зависти, которая разоряет не каменные здания и разрушает не золотой престол, но ниспровергает и губит то, что гораздо ценнее и стен и престола, здание учителей, — то может ли он заслуживать какого-либо снисхождения? Пусть никто не говорит мне, что покушающийся на преступление часто не имеет сил исполнить его: дела оцениваются по расположению; так, Саул умертвил уже Давида, хотя и не осуществил этого на деле. Скажи мне, неужели ты не понимаешь, что, враждуя с пастырем, ты злоумышляешь и на овец Христа, на тех овец, за которых Христос пролил кровь Свою, и нам повелел все делать и терпеть? Неужели ты не приводишь себе на память, что твой Владыка искал твоей славы, а не

Своей, ты же ищешь не Его славы, а своей? Конечно, если бы ты искал Его славы, то ты достиг бы и своей, а ища своей прежде Его, никогда не достигнешь и этой. Итак, какое же будет врачество от этого? Будем молиться все вместе и вознесем один глас за них, как за одержимых бесом. Ведь они находятся в положении даже более жалком, потому что безумие их произвольно, и болезнь эта имеет нужду в молитве, притом в молитве многой. Если не любящий брата, хотя бы расточил имение и просиял в мученичестве, ни в чем не достигнет успеха, то пойми, какого наказания может заслуживать тот, кто враждует на человека, ничем его не обидевшего? Такой хуже и язычника. Если любовь к любящим нас не дает нам никакого преимущества перед ними (язычниками), то, скажи мне, где займет место завидующий любящим?

Завидовать хуже, чем ссориться. Ссорящийся, как скоро будет устранена причина ссоры, обыкновенно прекращает вражду; но завистник никогда не может сделаться другом. Первый ведет борьбу открытую, а второй – тайную; тот иногда может представить благовидный предлог к ссоре, а этот не может ни на что указать, кроме своего безумия и сатанинского настроения. Итак, чему можно уподобить таковую душу? Какой ехидне? Какому аспиду? Какому червю? Какому ядовитому насекомому? Ведь нет ничего нечестивее и злее такой души. Это, именно это (зависть) ниспровергло церкви, породило ереси, вооружило братскую руку, побудило обагрить десницу в крови праведника, попрало законы природы, отверзло двери смерти, привело в исполнение древнее проклятие, заставило того несчастного (Каина) забыть муки рождения, своих родителей и всех других, привело его в такое неистовство и ввергло в такое бешенство, что когда Бог призывал его и говорил: *к тебе обращение его и ты тем обладаеши*

(Быт. IV, 7), то он не тронулся и этим. Хотя бы Бог и простил ему вину и подчинил брата, однако эта рана настолько неизлечима, что, если бы были приложены и бесчисленные лекарства, она все-таки будет обильно источать свой гной. Почему же ты скорбишь, несчастнейший из всех? Неужели потому, что честь воздана Богу? Но это – сатанинское настроение. Или потому, что брат превзошел тебя славой? Но тебе возможно опять опередить его. Таким образом, если желаешь победить, то не убивай и не истребляй, но оставь жить, чтобы у тебя сохранился повод к состязаниям, и победи живого: тогда и у тебя будет светлый венец; а если ты убьешь, то на самого себя произнесешь приговор, который постыднее поражения. Но ничего этого не признает зависть. Ради чего же ты стремишься к славе в такой пустыне? Вот и они (Каин с Авелем) тогда одни только населяли землю, однако это не удержало Каина и он, все исторгнув из души своей, стал рядом с диаволом и ополчился: именно диавол был тогда вождем Каина. Так как ему недостаточно было того, что человек сделался смертным, то он самым родом смерти постарался увеличить несчастье и внушил Каину сделаться братоубийцей; он, никогда не насыщающийся нашими бедствиями, спешил, нетерпеливо желал видеть исполнение своего дела. Подобно тому, как если кто-нибудь, имея врага своего в узах и увидев, что над ним произнесен уже приговор, спешит, прежде чем он вышел из города, увидеть его умерщвленным и внутри города и не может переждать надлежащего времени, так спешил тогда и диавол. Хотя он и услышал, что человек должен возвратиться в землю, но он весьма сильно желал увидеть нечто большее, – чтобы сын умер прежде отца, брат убил брата и смерть была преждевременная и насильственная.

7. Видишь ли, к чему послужила зависть, как она исполнила ненасытное желание диавола и предложила ему такую снедь, какую только он желал увидеть. Итак, будем избегать этого недуга. Ведь тем, которые не освободились от этой болезни, невозможно совсем избежать того огня, уготованного диаволу. А освобождаться от болезни мы станем тогда, когда помыслим, как возлюбил нас Христос и как повелел нам любить друг друга. Как же Он возлюбил нас? Он дал и честную кровь Свою за нас, бывших Его врагами и причинивших Ему величайшие оскорбления. И ты делай это по отношению к брату своему, как Он и говорит: *заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы* (Ин. XIII, 34). Лучше же сказать, Христос не ограничился этой мерой, так как сделал это за врагов. Но ты – неужели не хочешь отдать крови своей за брата? Зачем же ты, без меры нарушая заповедь, даже проливаешь его кровь? Затем, Христос совершил то, к чему Он не был обязан, а если это сделаешь ты, то лишь исполнишь долг свой. И тот, который, получив десять тысяч талантов, стал требовать сто динариев, был наказан не за одно только то, что требовал, но и за то, что не сделался лучшим под влиянием благодеяния, не последовал примеру царя и не простил долга (Мф. XVIII, 23–35). Раб, если бы простил долг, исполнил бы только свою обязанность. И мы во всем, что ни делаем, исполняем только свою обязанность. Потому и Христос сказал: *егда вся сотворите, глаголите, яко раби неключими есмы: еже бо должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. XVII, 10). Итак, если мы обнаруживаем любовь, если отдаем имение нуждающимся, то исполняем нашу обязанность не потому только, что сам Бог показал нам пример благодеяний, но и потому, что, когда даем, уделяем из принадлежащего Богу. Почему же ты лишаешь самого себя того, над чем Бог хочет поставить тебя

господином? Ведь Он велел тебе давать другому, чтобы и сам ты владел тем же. Пока ты один владеешь, то и сам не имеешь, а когда даешь другому, тогда получаешь и сам. И что может сравняться с такой любовью? Христос пролил кровь за врагов, а мы и имения не отдаем за благодетеля; Он пролил собственную Свою кровь, а мы жалеем имения, которое не наше; Он совершил это прежде нас, а мы не делаем и после Него; Он сделал это для нашего спасения, а мы не хотим и для собственной своей пользы; Ему нет никакого прибытка от нашего человеколюбия, но вся выгода возвращается к нам. Для того мы получили повеление раздавать имение, чтобы не лишиться и самим. Подобно тому как кто дает деньги малому ребенку и приказывает ему держать крепко, или отдает их на сбережение слуге, чтобы нельзя было желающему похитить, так делает и Бог. Отдай нуждающемуся, говорит Он, чтобы кто-нибудь не похитил их у тебя, например: клеветник, вор, диавол, а после всех смерть. Пока ты сам владеешь ими, то не в безопасном месте хранишь, а если передашь их через бедных Мне, то я все сберегу тебе в целости и в надлежащее время возвращу с большой прибылью. Я беру их не затем, чтобы отнять для Себя, но для того, чтобы приумножить, сберечь в совершенной целости и сохранить их для тебя к тому времени, когда никто не даст взаймы, никто не сжалится. Итак, что может быть жестокосерднее нас, не соглашающихся и после таких обещаний дать взаймы Богу? Конечно, вследствие этого мы и отходим к Нему скудными, нагими и нищими, не имея при себе вверенного нам, потому что со своей стороны не передаем этого на сохранение Тому, Кто сберегает всех тщательнее. Потому мы и подвергнемся крайнему наказанию. Во время нашего обвинения, что мы в состоянии будем сказать о своей погибели? Какое представим оправдание? Какую защи-

ту? В самом деле, почему ты не дал? Не веришь, что получишь обратно? И как можно сказать это? Давший тому, кто не дал, не тем ли вернее отдаст после получения? Но вид их (имуществ) веселит тебя? Вследствие этого и давай усерднее, чтобы еще больше увеселяться там, когда никто не отнимет их у тебя, тогда как, владея этим теперь, ты подвергнешься бесчисленным бедствиям. Диавол, подобно псу, бросается на богатых, как бы желая вырвать кусок хлеба или пирога из рук у ребенка. Итак, отдадим это Отцу. Диавол, как скоро увидит это, непременно убежит прочь, а по уходе его, Отец в сохранности отдаст тебе все это тогда, когда диаволу нельзя уже будет беспокоить тебя, именно в будущем веке. Богатые в настоящей жизни ничем не отличаются от малых детей, которых беспокоят щенята, так как все лают вокруг них, теребят их и тащат — не только люди, но и низкие страсти, чревоугодие, пьянство, лесть и всякого рода распутство. Когда нужно дать взаймы деньги, то мы обыкновенно отыскиваем тех, кто дает больше (прибыли), высматриваем людей честных. А в этом случае мы поступаем напротив: оставляем справедливого Бога, подающего не сторицей, но в сто крат больше, тогда как тех, которые не отдадут нам и самого капитала, мы ищем,

8. Чем, в самом деле, заплатит нам чрево, пожирающее большую часть (нашего имущества)? Нечистотой и тлением. Чем заплатит тщеславие? Завистью и клеветой. Чем заплатит скупость? Заботами и попечениями. Чем заплатит распутство? Геенной и ядовитым червем. Вот должники богачей, такую именно прибыль они получают с капитала — зло в настоящей жизни и бедствие в будущей. Итак, скажи мне, неужели мы будем давать взаймы им, под условием столь великого наказания, а не вверим богатство Христу, Который обещает нам небо, бессмертную жизнь и неизреченные блага?

И какое мы будем иметь оправдание? Почему же ты не даешь Тому, Кто несомненно возвратит и возвратит с избытком? Может быть, потому, что Он возвратит спустя продолжительное время? Но Бог возвращает и в настоящей жизни, так как неложен сказавший: *ищите царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Замечаешь ли ты необыкновенную щедрость? То, говорит Он, сохранено для тебя и не умаляется, а настоящие блага даю в виде прибавки и прибыли. Кроме того, получение через продолжительное время увеличивает твое богатство, потому что прибыль становится больше. Мы видим, что и ростовщики так поступают с берущими взаймы, охотнее снабжая тех, которые берут на долгое время. Тот, кто возвратил весь долг вскоре, пресек и увеличение роста; а тот, кто держал у себя более продолжительное время, доставил и больше прибыли. Потом, о людьми мы не затрудняемся отсрочкой, но даже сами придумываем средства продлить ее, а по отношению к Богу неужели мы будем настолько малодушны, что вследствие этого станем колебаться и отказывать, хотя, как я сказал, Бог и здесь отдает, и там, по указанной причине, хранит все, уготовляя нечто иное, большее. Ведь величие даваемого и красота того дара превышают малоценность настоящей жизни и, находясь в тленном и смертном теле, невозможно принять те неувядаемые венцы и нельзя в настоящей мятежной жизни, исполненной беспокойств и подверженной многим переменам, принять тот непреложный и безмятежный жребий. Если бы кто-нибудь, заняв у тебя золото, обещался возвратить тебе долг тогда, когда ты живешь в чужой земле, не имеешь рабов и не можешь даже привезти деньги домой, то ты, конечно, весьма много стал бы просить его, чтобы он лучше отдал их тебе дома, а не на чужой стороне. А духовные и неизреченные блага неужели ты желаешь получить здесь? Какое

это безумие! Если возьмешь здесь, то, без сомнения, получишь тленное, а если подождешь будущего времени, то Господь отдаст тебе нетленное и бессмертное. Если возьмешь здесь, то получишь свинец, а если — там, то — чистое золото. Кроме того, Бог не лишил тебя и настоящих благ, так как вместе с тем обещанием дал и другое, говоря так: всякий возлюбивший те дела получит во сто крат в этом веке и наследует жизнь вечную (Мф. XIX, 29).

Если же мы получаем во сто крат, то виноваты мы сами, не давая взаймы тому, кто может столько заплатить, так как все давшие, хотя бы дали и немного, получили именно столько (во сто крат). Скажи мне: что великое дал Петр? Не изорванную ли сеть, не трость ли только и уду? Однако Бог отверз ему дома вселенной, распростер перед ним сушу и море, все призывали его к себе и, продавая свои имущества, приносили цену их к ногам его, не отдавая даже в руки (потому что не смели): столько были для него щедры и такую оказывали ему честь. Но скажешь: он был Петр. Так что же? Ведь не одному только Петру обещал это Христос, не сказал ему: Петр, ты один получишь во сто крат, но (сказано): *всяк иже оставит дом и братьев, сторицею приимет* (Мф. XIX, 29). Бог не знает различия лиц, но — достоинства дел. Но меня, говоришь ты, окружает куча детей и я желаю оставить их богатыми. И конечно, — зачем ты станешь делать их бедняками? Но если ты все оставишь им, то опять все свое имущество вверишь ненадежной охране, а если сделаешь их сонаследником и попечителем Бога, то оставишь им и бесчисленные сокровища. Подобно тому как, когда мы сами себя защищаем, Бог за нас не вступается, а когда вверяем себя Ему, получаем от Него больше, чем ожидаем, тоже бывает и в отношении нашего имущества: если мы сами заботимся о нем, Бог удаляется от промышления о нем,

а если все возложим на Его попечение, Он устроит во всякой безопасности и наше имение, и детей. И почему ты удивляешься, если так поступает Бог? Всякий может видеть, что тоже бывает и у людей. Если ты перед смертью не пригласишь никого из близких позаботиться о детях твоих, то часто и тот, кому бы очень хотелось, стыдится и не решается вступиться в это дело самовольно, а если ты возложишь на него такое попечение, то, будучи удостоен столь великой чести, он и сам вознаградит за это величайшей благодарностью.

9. Итак, если желаешь оставить детям своим большое богатство, оставь им промысл Божий. Тот, Кто без всякого твоего участия дал тебе душу, образовал тело и даровал жизнь, когда увидит, что ты обнаруживаешь столь великую преданность и поручаешь Ему и детей и им принадлежащее, неужели не отверзет для них всего Своего богатства? Если Илия, прокормленный малым количеством муки, когда увидел, что та женщина предпочитает его детям, явил в хижине вдовицы гумно и точило, то подумай, какую милость покажет Владыка Илиин. Потому станем заботиться не о том, чтобы детей оставить богатыми, но о том, чтобы сделать их добродетельными. Если они станут надеяться на богатство, то не будут заботиться ни о чем другом, как имеющие возможность прикрыть порочность нравов обилием денег; а когда увидят, что они лишены этой опоры, то сделают все, чтобы посредством добродетели найти себе большее утешение в вечности. Итак, не оставляй богатства, чтобы оставить добродетель. Ведь крайне безрассудно при жизни своей не делать детей господами того, что имеем, а по смерти давать легкомыслию молодости полную свободу. Когда мы живы, то можем требовать у них и отчета и, если они дурно пользуются настоящим, можем вразумлять и обуздывать их, а по смерти своей, если мы, вместе с нашим отсут-

ствием и их молодостью, предоставим им и свободное пользование богатством, то ввергнем этих несчастных и жалких в величайшую бездну, подложив огонь к огню и подлив масла в раскаленную печь. Таким образом, если желаешь оставить детей подлинно богатыми, то оставь должником их Бога и Ему вручи свое завещание. Если они сами получат богатство, то не будут знать, кому отдать его, а встретятся со многими – и клеветниками, и людьми бесчестными, если же ты заранее отдашь его взаймы Богу, то сокровище останется, конечно, неприкосновенным и возвращение его состоится с большой легкостью. Бог милостив, возвращает нам то, что должен, и взирает на Своих заимодавцев приятнее, нежели на тех, которые ничего не давали Ему взаймы, и, кому больше всего должен, того особенно и любит. Потому, если хочешь всегда иметь Его своим другом, во многом сделай Его своим должником. Не столько заимодавец радуется тому, что имеет должников, сколько веселится Христос, имея заимодавцев; кому Он ничего не должен, от тех бежит прочь, а кому должен, к тем притекает. Итак, станем делать все, чтобы иметь Его должником своим, – теперь самое удобное время давать взаймы, теперь настоит в этом нужда. Если не дашь Ему теперь, то после удаления отсюда Он не будет уже иметь в тебе нужды. Здесь Он жаждет, здесь алчет; жаждет же потому, что жаждет твоего спасения; вследствие этого Он и просит, вследствие этого Он и ходит наг, приготовляя тебе бессмертную жизнь. Итак, не презри Его: не сам напитаться Он хочет, но напитать тебя, не сам одеться, но одеть тебя и приготовить тебе ту золотую ризу, царскую одежду. Не видел ли ты, что наиболее заботливые врачи, когда моют больных, и сами моются, хотя это для них и не нужно? Так и Христос все делает для тебя недужного. Поэтому Он и не насильно требует у тебя, чтобы дать тебе большое воз-

награждение, — чтобы ты понял, что Он требует не по Своей нужде, а для исправления твоей нужды. Для того Он приходит к тебе в бедном одеянии, протягивая десницу и не гнушается, если дашь самую мелкую монету, не отходит, если укоришь, но приступает к тебе снова, так как Он желает, сильно желает нашего спасения. Итак, станем презирать имущество, чтобы не быть и нам презренными от Христа; станем пренебрегать богатством, чтобы приобрести его. Если мы будем беречь его здесь, то несомненно погубим и здесь, и там, а если будем раздавать его со многой щедростью, то в той и другой жизни насладимся великим благополучием. Потому желающий сделаться богатым пусть сделается нищим, чтобы быть богатым, — пусть тратит, чтобы собрать, и расточает, чтобы соединить. А если это кажется тебе новым и странным, то посмотри на сеятеля и рассуди, что он не может иначе собрать большего, если не разбросает того, что имел, и не истратить того, что приготовил. Итак, станем сеять и мы, будем возделывать небо, чтобы пожать нам в большем изобилии и достигнуть вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Что убо речем Авраама отца нашего обрести по плоти? Аще бо Авраам от дел оправдася, имать похвалу, но не у Бога (IV, 1, 2)

1. Сказав, что мир сделался виновен перед Богом, что все согрешили и невозможно спастись иначе, как через веру, апостол старается далее доказать, что такое спасение — основание не для стыда, но для блестящей

славы и даже большей, чем слава от дел. А так как спасение, совершающееся со стыдом, внушает некоторую и печаль, то он теперь устраняет такое предположение, хотя уже намекнул на это и прежде, когда (спасение через веру) назвал не только спасением, но и правдой. *Правда бо Божия*, говорит, *в нем является* (Рим. I, 17), то есть он так спасается, как спасается и праведник, с полным дерзновением. И называет это спасение не только правдой, но и явлением Бога, а Бог является в славных, светлых и великих делах. Кроме того, то же самое он раскрывает и в другом месте, излагая речь в вопросах, как он обыкновенно всегда делает для ясности и вследствие уверенности в словах своих. Так поступил он и выше, говоря: *что убо лишшее иудею?* И: *что убо преимеем ли лишшее?* И еще: *где похвала? Отгнася* (Рим. III, 1, 9, 27). Так и здесь он говорит: *что убо речем Авраама отца нашего?* В виду того, что иудеи постоянно ссылались на то, что патриарх и друг Божий первый принял обрезание, апостол и хочет доказать, что и он оправдался верой: это и составляет торжество его великой победы. Ведь нимало не странно оправдаться верой тому, кто не имеет дел; но украшенному заслугами сделаться праведным не вследствие их, а по вере — это было удивительно и особенно обнаруживало силу веры. Поэтому апостол, умолчав о всех остальных, обращается с речью к Аврааму. Он назвал его отцом по плоти, лишая иудеев истинного с ним родства и открывая путь к родству с ним язычникам. Потом говорит: *аще бо Авраам от дел оправдася, иматъ похвалу, но не у Бога.* Итак, сказав, что Бог оправдывает обрезание от веры и необрезание верой, и достаточно раскрыв это выше, он примером Авраама подтверждает это даже больше, чем обещал, вводит в состязание веру и дела и всю борьбу сосредоточивает около праведника, и не без намерения. Ведь он сильно возвеличивает Авраама, называя его

праотцом, с той целью, чтобы этим заставить иудеев во всем повиноваться ему. Не говори мне об иудее, рассуждает (Павел), не приводи в пример того, или другого; я восхожу к главе всех, откуда и получило начало обрезание. *Аще бо Авраам от дел оправдася*, говорит (апостол), *иматъ похвалу, но не у Бога*. Сказанное неясно, — потому необходимо сделать это более ясным. Существуют две похвалы: одна за дела, другая за веру. Апостол, сказав: *аще от дел оправдася, иматъ похвалу, но не у Бога,* указал здесь на то, что можно иметь похвалу за веру, притом гораздо большую. Великая сила Павла в том особенно и обнаруживается, что он предмет своего рассуждения обратил к противоположному и доказал, что спасение через веру гораздо в большей мере имеет все то, что принадлежит спасению от дел, то есть похвалу и дерзновение. Хвалящийся делами может выставлять на вид собственные труды; а кто вменяет себе в честь, что верует в Бога, тот представляет гораздо лучший предлог к похвале, так как он славит и возвеличивает Господа. По вере в Бога признав истинным то, чего не открыла природа видимых вещей, он доказал тем искреннюю любовь к Богу и торжественно возвестил силу Его: а это свойственно благороднейшей душе, философскому разуму и высокой мысли. Не красть, не убивать — это свойственно людям обыкновенным; но верить, что Бог силен совершить невозможное — для этого нужен благородно мыслящий дух, крепко приверженный к Богу, — потому что это служит признаком истинной любви. Почитает Бога и тот, кто исполняет заповеди, но гораздо более чтит Его тот, кто умудряется верой; первый послушался Его, а последний приобрел о Боге надлежащее понятие, прославил и возвеличил Его более прославления делами. Первая похвала принадлежит совершающему добрые дела, а последняя прославляет Бога и принадлежит всецело Ему, так как веру-

ющий хвалится высоким своим представлением о Боге, которое и переходит в его славу. Потому (апостол) и говорит, что он имеет похвалу перед Богом, но, впрочем, не по этой одной причине, а и по другой. Верующий хвалится не тем только одним, что искренне возлюбил Бога, но еще и тем, что удостоился от Него великой чести и любви. Как он возлюбил Бога, имея о Нем высокое понятие (а это и служит доказательством любви), так и Бог возлюбил его, тысячекратно повинного перед Богом, не только освободив его от наказания, но и сделав праведным. Значит, верующий имеет основание хвалиться, как удостоенный великой любви. *Что бо писание глаголет? Верова Авраам Богови, и вменися ему в правду. Делающему же мзда не вменяется по благодати, но по долгу* (IV, 3, 4). Итак, последнее важнее? — спрашивает он. Ни мало, потому что вменяется и верующему; но не вменилось бы, если бы он и сам ничего не привнес.

2. Таким образом, и верующий имеет должником Бога, и притом в делах не случайных, но великих и высоких. Доказав же высоту его ума и духовного разумения, (апостол) сказал не просто — верующему, но: *верующему во оправдающего нечестива, вменяется вера его в правду* (ст. 5). Пойми же, насколько важно увериться и убедиться в том, что Бог и жившего в нечестии может вдруг не только освободить от наказания, но сделать праведным и удостоить бессмертных почестей. Но не думай, что верующий ниже делающего потому, что последнему вменяется не по благодати. Верующего преимущественно то и делает славным, что он воспользовался такой благодатью и обнаружил такую веру. Заметь, что верующему назначено и большее воздаяние, так как делающему дается мзда, а ему праведность; праведность же гораздо важнее мзды, потому что сама есть воздаяние, заключающее в себе многие награды. Итак, дока-

зав сказанное примером Авраама, (апостол) обращается к Давиду, который подтверждает ту же мысль. Что же говорит Давид и кого называет блаженным? Того ли, кто хвалится делами, или того, кто удостоился благодати и получил прощение грехов и дар? А когда я говорю о блаженстве, то разумею вершину всех благ. Как праведность выше мзды, так блаженство выше праведности. Итак, (апостол), доказав превосходство праведности не только примером Авраама, получившего ее, но и рассудочными доводами (сказав: *иматъ бо похвалу, но не у Бога)*, – опять раскрывает ее важность иным способом, ссылаясь на Давида, свидетельствующего в ее пользу. И Давид, как утверждает (апостол), называет оправдавшегося через веру блаженным, говоря: *блажени, ихже отпустишася беззакония* (ст. 7). По-видимому, (апостол) приводит неподходящее свидетельство, так как Давид не сказал: блаженны те, коих вера вменена в праведность; но (апостол) делает это намеренно, а не по незнанию, чтобы показать большее превосходство веры. Если блажен тот, кто получил прощение по благодати, то тем более блажен оправданный и обнаруживший веру. А где блаженство, там изъят всякий стыд и пребывает великая слава, потому что блаженство и есть полнота наград и славы. Потому (апостол), говоря о преимуществе делающего: *делающему же мзда не вменяется по благодати*, не подтверждает этого Писанием, а превосходство верующего доказывает свидетельством из Писания, словами Давида: *блажени, ихже отпустишася беззаконие и ихже прикрышася греси*. Почему ты, спрашивает (апостол), смущаешься тем, что получаешь отпущение грехов не по долгу, а по благодати? Но вот – этот именно (получивший отпущение по благодати) и ублажается, так как (пророк) не назвал бы его блаженным, если бы не знал, что он наслаждается многой славой. И (апостол) не говорит, что такое отпущение относит-

ся к обрезанию, а что? *Блаженство сие,* — что гораздо важнее прощения грехов, — *на обрезание ли, или на необрезание* (ст. 9)? Итак, спрашивается: это великое благо (блаженство) с чем находится в связи, с обрезанием или с необрезанием? Заметь особенность речи: (апостол) доказывает, что блаженство не только не чуждо необрезания, но и совмещается с ним более обрезания. А так как и сам Давид, называющий блаженным получившего прощение грехов, был обрезан и говорит обрезанным, то заметь, какое искусство обнаружил Павел, чтобы сказанное Давидом приложить к необрезанным. Усвоив блаженство праведности и доказав, что оба они составляют одно, (апостол) рассматривает, как оправдался Авраам. Если блаженство свойственно праведнику, а с другой стороны и Авраам оправдался, то посмотрим, когда он оправдался, будучи еще необрезанным, или уже обрезанным. Будучи необрезанным, говорит (апостол): *како убо вменися ему? в обрезании ли сущу, или во необрезании. Ее во обрезании, но в необрезании. Глаголем бо, яко вменися Аврааму вера в правду* (ст. 9, 10). Выше, ссылаясь на Писание, (апостол) сказал: *что бо писание глаголет? Верова Авраам Богови и вменися ему в правду;* а здесь он предлагает другое мнение и утверждает, что праведность была в необрезании. Потом он решает новое, возникающее отсюда, возражение: если (Авраам), рассуждает он, оправдался будучи необрезанным, то для чего введено обрезание? *Знамение прият,* отвечает (апостол), *и печать правды веры, яже в необрезании* (ст. 11). Заметил ли ты, каким образом он доказал, что (скорее) иудеи находились в положении незваных гостей, чем те, которые, пребывая в необрезании, потом приобщены были к иудеям? Ведь если (Авраам) оправдался и увенчан, будучи необрезанным, потом принял обрезание, а впоследствии вошли и иудеи, то значит, Авраам прежде всего есть отец необрезанных,

имеющих с ним родство по вере, а потом уже отец обрезанных, — он есть сугубый праотец. Замечаешь ли, что вера воссияла? Пока не было веры, патриарх не оправдался. Замечаешь ли, что необрезание нисколько не препятствует? (Авраам) был необрезан, и это не помешало ему оправдаться. Следовательно, обрезание явилось позднее веры.

3. И почему ты удивляешься, что обрезание явилось позднее веры, как скоро оно позднее и необрезания? И не только позднее веры, но и гораздо несовершеннее ее, и притом настолько, насколько знак вещи бледнее самой вещи, насколько, например, изображение воина ниже самого воина. А почему, спросишь, (Авраам) нуждался в подобном знамении или печати? Не он сам нуждался. Для чего же принял? Для того, чтобы сделаться общим отцом верующих как в необрезании, так и в обрезании, а не просто только обрезанных: потому (апостол) присовокупляет: *не сущим точию от обрезания* (ст. 12). Если (Авраам) — отец необрезанных не потому, что сам был необрезан, хотя оправдался в необрезании, но потому, что необрезанные подражали ему в вере, то тем более он не будет по одному обрезанию прародителем обрезанных, если не присоединится и вера. Он принял обрезание, говорит (апостол), для того, чтобы мы, те и другие, имели его праотцом и чтобы необрезанные не изгнали обрезанных. Ты замечаешь, как необрезанные первые имели (Авраама) своим праотцом? Если же обрезание есть нечто почтенное потому, что возвещает праведность, то немалое преимущество имеет и необрезание, которое достигло ее прежде обрезания. Итак, ты тогда будешь в состоянии иметь (Авраама) праотцом, когда будешь *ходить в стопах веры* (ст. 12) и когда не станешь упорствовать и спорить, отстаивая закон. Какой же веры? скажи мне. *Яже в необрезании.* (Апостол) опять принижает иудейскую надмен-

ность, вспоминая о времени праведности. И хорошо сказал: *в стопах,* чтобы ты, подобно Аврааму, веровал в воскресение мертвых тел, так как и относительно этого он обнаружил веру свою. Таким образом, если ты отвергаешь необрезание, то знай ясно, что тебе нет никакой пользы и в обрезании. Если ты не последуешь по стопам веры, то, хотя бы и тысячу раз был обрезан, не сделаешься чадом Авраама, так как он для того и принял обрезание, чтобы не отвергнуть тебя, пребывающего в необрезании. И ты не требуй этого от него: дело это послужило пособием тебе, а не ему. Но скажешь, что обрезание служит знамением праведности. И это для тебя, теперь же этого уже нет, так как тогда ты нуждался в телесных знамениях, а теперь в них нет уже нужды. Еще спросишь: по вере (Авраама) разве нельзя было узнать о душевной его доблести? Конечно, можно было, но ты нуждался и в этом дополнении. Так как ты не возревновал о душевной добродетели и не мог ее увидеть, то тебе и дано чувственное обрезание, чтобы ты, упражняясь в этом телесном знамении, мало-помалу руководился и в направлении к душевному любомудрию, и, со всем усердием приняв обрезание, как знак самого высокого достоинства, научился подражать прародителю и почитать его. И это Бог установил не в одном только обрезании, но и во всем прочем, например, в жертвах, субботах и праздниках. А что (Авраам) для тебя принял обрезание, узнай из следующих слов (апостола). Сказав, что (Авраам) принял знамение и печать, он указывает и причину, говоря: *яко быти ему отцу обрезания,* — для тех, которые принимают и внутреннее обрезание, потому что, если имеешь только одно наружное обрезание, то никакой пользы от него тебе не будет. Обрезание тогда бывает знамением, когда вещь знамением которой оно служит, то есть — вера, бывает видна в тебе; равным образом, если ты не име-

ешь веры, то и знамение не может уже быть знамением. Чего, в самом деле, оно будет знамением, чего печатью, как скоро нет запечатленного? Это было бы подобно тому, как если бы ты стал показывать нам денежный мешок с печатью, когда внутри его ничего не положено. Так же смешно и обрезание, когда внутри нет веры. Если же обрезание есть знамение праведности, а ты не имеешь праведности, то, значит, не имеешь и знамения. Для того ты и получил знамение, чтобы отыскать вещь, знак которой ты имеешь, потому что, если бы ты мог найти ее без знамения, то ты в нем и не нуждался бы. Обрезание возвещает не одну только праведность, но именно праведность в необрезании. Значит, обрезание возвещает не что иное, как именно то, что нет нужды в обрезании. *Аще бо сущии от закона наследницы, испразднися вера, и разорися обетование* (ст. 14). (Апостол) доказал, что вера необходима, что она древнее обрезание, сильнее закона и утверждает его. Как скоро все согрешили, то она необходима; если (Авраам) оправдался, будучи необрезанным, то она древнее обрезания: если через закон бывает познание греха, а вера явилась вне закона, то она и сильнее его; если, наконец, закон свидетельствует о вере, а она утверждает его, то она не противоположна ему, но дружественна и пребывает с ним в союзе. Теперь (апостол) опять, но иным способом, доказывает, что посредством закона невозможно было получить наследия. Сопоставив веру с обрезанием и отметив ее преимущества, он опять противополагает ее закону, говоря так: *аще бо сущии от закона наследницы, испразднися вера.* Чтобы кто-нибудь не сказал, что можно иметь веру и соблюсти закон, (апостол) и доказывает, что это невозможно. Кто держится закона в том мнении, что он может спасти, тот бесчестит силу веры. Потому и говорит: *испразднися вера,* то есть нет нужды в спасении благодатью, так как вера

не может показать своей силы, и *разорися обетование.* Может быть, иудей возразит: какая мне нужда в вере? Значит, если это справедливо, то с верой уничтожаются и обетования.

4. Обрати внимание на то, что (апостол) борется с иудеями во всем от самого начала, — со времени патриарха. Доказав его примером, что праведность есть сонаследница веры, он доказывает то же самое и относительно обетования; и чтобы иудей не сказал: какое мне дело до того, что Авраам оправдался через веру? — Павел и говорит, что наиболее важное для иудея, именно — обетование наследия, не может прийти в исполнение без веры; а это особенно и устрашает иудеев. О каком же обетовании он говорит? О том, что иудей есть наследник мира и все в нем благословляются. А как упразднено это обетование, (апостол) говорит далее. *Закон бо гнев соделовает: идеже бо несть закона, (ту) ни преступления* (ст. 15). Если же закон производит гнев и делает виновными в преступлении, то ясно, что он подвергает и клятве, а те, которые подлежат клятве и наказанию и виновны в преступлении, достойны не наследовать, но подвергнутся наказанию и быть изгнанными. Итак, что же бывает? Приходит вера, привлекаемая благодатью, и обетование приводится в исполнение. Где благодать, там прощение, а где прощение, там нет никакого наказания; если же и наказание отменено и является затем праведность от веры, то нет уже никакого препятствия нам сделаться наследниками обетования от веры. *Сего ради от веры,* говорит (апостол), *да по благодати, во еже быти известну обетованию* Божию *всему семени, не точию сущему от закона, но и сущему от веры Авраамовы, иже есть отец всем нам* (ст. 16). Видишь ли ты, что вера не только утверждает закон, но и обетование Божие делает непреложным; закон же, соблюдаемый не по времени, напротив, и веру упраздняет, и обетованию препятствует.

Этим (апостол) доказывает, что вера не только не излишня, но и настолько необходима, что без нее невозможно и спастись. Ведь закон производит гнев, потому что все его преступили, а вера не оставляет и повода, к возникновению гнева: *идеже бо несть закона*, говорит (апостол), *(ту) ни преступления*. Видишь ли, как вера не только истребляет совершенный грех, но и не позволяет ему рождаться? Потому (апостол) и говорит: *по благодати*. Для чего же это? Не для того, чтобы нас устыдить, но *во еже быти известну обетованию всему семени*. Здесь (апостол) указывает два блага, — во-первых, что дары непреложны и, во-вторых, что они даются всему семени, причем он включает сюда и язычников и показывает, что иудеи окажутся вне, если станут враждовать против веры. Ведь это (вера) более надежно, чем то (закон): вера не вредит тебе, только не упорствуй, она даже спасает тебя, бедствующего от закона. Потом (апостол), после того как сказал — *всему семени*, определяет, какому семени, и говорит: *сущему от веры*, указывая на родство (Авраама) с язычниками и на то, что не могут мудрствовать об Аврааме те, которые не веруют, подобно ему. Вот вера совершила и иное, третье: она сделала родство с праведником более полным и явила его праотцом многочисленнейшего потомства. Потому (апостол) наименовал его не просто Авраамом, но отцом всех нас, верующих. Потом, подтверждая сказанное свидетельством, (апостол) говорит: *якоже есть писано, яко отца многим языком положих тя* (ст. 17). Видишь ли, что это издревле установлено. Но что же? — возразишь ты: может быть, это говорится об измаильтянах или амаликитянах или агарянах? Впоследствии (апостол) яснее доказывает, что не о них сказано, а пока для подтверждения того же самого спешит к другому, определяя образ такого сродства и раскрывая это с великим глубокомыслием. Что именно он говорит? *Прямо Богу*,

Ему же верова (ст. 17). Смысл этих слов таков: как Бог не есть Бог частный, но Отец всех, так и Авраам. И еще: как Бог есть Отец наш не по естественному родству, а по усвоению веры, так и Авраам, потому что послушание делает его отцом всех нас. И так как иудеи думали, что такое родство не имеет никакого значения, после того как они получили другое, более грубое, то (апостол) переведя речь на Бога, доказывает, что родство по вере гораздо важнее. А вместе с этим открывает и то, что (Авраам) получил его в награду за веру, так что, если бы этого не было, то, хотя бы он и был отцом всех живущих на земле, выражение: *прямо Богу* не имело бы места, но дар Божий был бы умален; слово — *прямо* значит — подобно. Скажи мне, в самом деле, что удивительного — быть отцом тех, которые произошли от него? Это свойственно и всякому человеку. Но удивительно то, что он по дару Божию получил тех, которые не были его детьми по природе.

5. Таким образом, если хочешь поверить, что патриарх был удостоен чести, то верь, что он — отец всех. И (апостол) сказав: *прямо Богу, Ему же верова,* не остановился на этом, но прибавил: *животворящему мертвые, и нарицающему несущая яко сущая* (ст. 17), Здесь он ведет предварительную речь о воскресении, которая и нужна была ему для настоящего предмета. Если для Бога возможно оживлять мертвых и несуществующее приводить в бытие, то возможно также и нерожденных (от Авраама) сделать детьми его. Потому (апостол) не сказал: приводящему в бытие несуществующее, но — *порицающему,* указывая на большую легкость этого дела (для Бога). Как нам легко назвать существующее, так легко и Ему, даже гораздо легче привести в бытие несуществующее. А когда (апостол) говорит, что дар Божий велик и неизреченен, и когда рассуждает о силе его, то доказывает, что и вера Авраама достойна этого дара, чтобы ты не

подумал, что Авраам удостоен почестей не по заслугам. Итак, ободрив слушателя, чтобы он не смущался и чтобы иудей не возражал и не говорил: «как можно не детей сделать детьми», (апостол) опять переводит речь на патриарха и продолжает: *иже паче упования во упование верова, во еже быти ему отцу многим языком, по реченному: тако будет семя твое* (ст. 18).

Как сверх надежды он поверил с надеждой? Сверх надежды человеческой, с надеждой Божией. (Апостол) доказывает и величие дела, и устраняет невероятность сказанного, а что было противоположно друг другу, то согласила вера. И если бы (апостол) говорил о потомстве, происшедшем от Измаила, то слова *(паче упования)* излишни были бы, потому что это потомство родилось (от Авраама) не по вере, а по естеству. Но (апостол) разумеет здесь Исаака, потому что (Авраам) уверовал не ради тех язычников, но ради того, кто должен был родиться от бесплодной жены. Значит, если (для Авраама) составляет награду то, чтобы сделаться отцом многих народов, то ясно, что именно тех народов, ради которых он уверовал. А чтобы тебе убедиться, что (апостол) говорит именно об этих народах, выслушай последующее: *и не изнемог верою, ни усмотри своея плоти, уже умерщвленныя, столетен негде сый, и мертвости ложесн Сарриных* (ст. 19). Видишь ли, как (апостол) указывает и препятствия, и высокий, все превосходящий, ум праведника? Обетованное, говорит он, было сверх надежды, это – первое затруднение, так как Авраам не имел возможности увидеть другого, который бы при таких обстоятельствах получил сына. Жившие после него взирали на него, а он ни на кого не взирал, кроме единого Бога, потому и сказано: *паче упования*. Потом, омертвевшая плоть его составляла второе затруднение, а омертвение утробы Сарриной – третье и четвертое. *Во обетовании же Божии не усумнеся неверованием* (ст. 20). Бог не

дал доказательства (Своего обетования) и не совершил чуда, но были одни простые слова, заключающие такое обетование, (исполнение) которого природа не обещала. Однако же, (Авраам) *не усумнеся*, говорит. (Апостол) не сказал – не поверил, но – *не усумнеся,* то есть не усомнился, не поколебался, хотя и было столько затруднений. Отсюда мы узнаем, что если Бог обещает и тысячи невозможностей, а слышащий не принимает этого, то слабость происходит не от природы вещей, но от неразумия не принявшего обетований. *Но возможе верою* (ст. 20). Обрати внимание на мудрость Павла. Так как речь была об исполняющих закон и о верующих, то (апостол) доказывает, что верующий делает больше, чем исполнитель закона, имеет нужду в большей силе и во многой крепости и переносит не обыкновенный труд. Ведь (иудеи) унижали веру, как нечто не требующее труда. Потому (апостол), восставая против этого, доказывает, что не только преуспевающий в целомудрии или в другой какой-либо добродетели, но и являющий веру нуждаются в очень многой силе. Как первый имеет нужду в мужестве, чтобы отгонять помыслы невоздержания, так и верующий нуждается в мощной душе, чтобы отражать мысли неверия. Как же укрепился (Авраам)? Он, говорит (апостол), все предоставил вере, а не разуму, так как и он (в противном случае) пал бы. Как же он преуспел в самой вере? *Дав славу Богу*, говорит (Павел), и *известен быв, яко, еже обеща, силен есть и сотворити* (ст. 21). Итак, не испытывать – значит славить Бога, а испытывать – значит грешить. Если мы, испытывая и исследуя земное, не прославляем Бога, то, любопытствуя о рождении Владыки, тем более навлечем на себя крайнее наказание, как оскорбляющие его. Если не должно входить в исследования об образе воскресения, то тем более – о тех неизреченных и страшных тайнах. И (апостол) не сказал

просто — поверив, но — *известен быв.* Таково-то свойство веры; она яснее доказательств разума и более убеждает, и невозможно, чтобы другой помысел, проникнув в область веры, поколебал ее. Тот, кто следует доказательствам разума, может и изменить свои убеждения, а кто утверждается на вере, тот уже заградил свой слух для доводов, разрушающих веру. Потому, сказав, что (Авраам) оправдался верой, (апостол) доказывает, что он верой и прославил Бога. Это главным образом и свойственно жизни, как и сказано: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). Вот в этом и проявляется вера. Но с другой стороны, как дела требуют силы, так и вера. Здесь (в делах) часто и тело разделяет труд, а там (в вере) проявляется преуспеяние одной души; таким образом, и труд ее больше, как скоро никто не разделяет с ней подвигов.

6. Замечаешь ли, как (апостол) доказал, что все то, что свойственно делам, как-то: иметь похвалу у Бога, нуждаться в силе и труде и опять прославлять Бога, — в большей степени принадлежит вере? Сказав же о том, что (Бог) силен исполнить то, что обетовал, апостол, мне кажется, провозглашает о будущем, потому что Бог обетовал не одно настоящее, но и будущее, образом которого служит настоящее. Итак, не веровать свойственно уму слабому, малому и скудному, так что, всякий раз как кто-нибудь станет хулить нас за веру, то мы в свою очередь будем укорять их в неверии, как людей несчастных, мадодушных, неразумных и слабых, которые ничем не лучше ослов. Как веровать свойственно душе возвышенной и благородной, так неверие служит признаком души неразумнейшей, низкой, опустившейся до безумия животных. Потому, оставив тех (неверующих), будем подражать патриарху и прославим Бога, как и он воздал Ему славу. Что же значит: *воздал славу*

Богу? Значит: уразумел Его правду, Его бесконечное могущество и, составив себе надлежащее понятие о Боге, совершенно уверился в (Божиих) обетованиях. Итак, станем и мы прославлять Бога верой и делами, чтобы и нам получить в награду прославление от Него, как Он и сказал: *прославляющия Мя прославлю* (1 Цар. 11, 30). Но если бы не было обещано и никакой награды, то удостоиться славить Бога само по себе было бы славой. Если люди, возглашающие славословия перед царями, хвалятся только одним этим, хотя бы и не получали от того никакой другой выгоды, то рассуди, какая нам хвала, когда через нас прославляется наш Владыка, а с другой стороны, какое наказание поступать так, чтобы Он хулился через нас, тем более, что и прославления Он желает для нас же, потому что сам не имеет нужды в этом деле. Какое, по твоему мнению, существует расстояние между Богом и человеком? Разве не такое же, какое между людьми и червями? Впрочем, указав и такое расстояние, я еще ничего не сказал, да и вообще нельзя об этом сказать ничего определенного. Но неужели ты пожелаешь от червя иметь великую и громкую себе славу? Итак, если ты и при сильном стремлении к славе не пожелал бы этого, то будет ли нуждаться в твоем прославлении Тот, Кто свободен от такого желания и бесконечно выше тебя? Однако, и не имея нужды в твоем прославлении, Он говорит, что желает его ради тебя. И если Он не погнушался сделаться рабом ради тебя, то почему ты удивляешься, что по тому же побуждению Он принимает и другое? Он ничего не считает недостойным Себя, что бы ни способствовало нашему спасению. Итак, зная это, будем избегать всякого греха, которым Бог хулится. *Якоже лица змиина,* сказано, *бежи от греха* (Сир. XXI, 2). Если ты подойдешь к греху, он угрызнет тебя; но он не сам к нам подходит, а мы добровольно бежим к нему. Так устроил Бог, что-

бы мы не подпали владычеству диавола, потому что иначе никто бы не мог противостоять его силе. Потому Бог удалил его, как какого-нибудь разбойника и мучителя; он не смеет напасть, если только не застигнет кого-нибудь в своих владениях безоружным и одиноким; не дерзает приблизиться, если не увидит, что мы идем пустыней; а эта пустыня и жилище диавола есть не иное что, как грех. Итак, нам нужны щит веры, шлем спасения и меч духовный, чтобы не только не потерпеть нам зла, но, если диавол захочет напасть на нас, отсечь ему голову; нам нужны непрестанные молитвы, чтобы попрать его ногами. Диавол бесстыден и нагл; к тому же нападает снизу, однако, и таким способом побеждает. А причина этого та, что мы сами не стараемся оказаться выше его ударов: ведь он не может подняться высоко, но пресмыкается по земле, и потому змий есть его образ. А если Бог такое указал ему место в начале, тем более таков он ныне. Если же ты не знаешь, что значит нападать снизу, я попытаюсь объяснить тебе способ такой борьбы. Итак, что значит нападать снизу? Одолевать посредством земных вещей, посредством удовольствий, богатства и всего житейского. Потому, если диавол увидит, что кто-нибудь парит к небу, то, во-первых, он не может наскочить на него, а во-вторых, если и решается, то быстро сам упадет: ведь он не имеет ног, — не бойся, не имеет и крыльев, — не страшись, он ползает только по земле и пресмыкается среди земных дел. Пусть же у тебя не будет ничего общего с землей; тогда тебе не потребуется и труда. Диавол не умеет сражаться открыто, но, как змий, скрывается в терниях, часто притаившись в прелести богатства. Если ты посечешь это терние, то он, тотчас придя в робость, убежит, а если ты умеешь заговорить его божественными заклинаниями, то тотчас ранишь его. Есть у нас духовные заклинания — имя Господа нашего

Иисуса Христа и сила креста. Это заклинание не только изгоняет дракона из его логовища и ввергает в огонь, но даже исцеляет раны.

Если же многие, хотя и произносили (это заклинание), но не исцелились, то это произошло от маловерия их, а не от бессилия произнесенного; также точно многие прикасались к Иисусу и теснили Его, но не получили никакой пользы, а кровоточивая жена, прикоснувшаяся не к телу, но к краю одежды Его, остановила долговременные токи крови. Имя Иисуса Христа страшно для демонов, страстей и болезней. Итак, станем Им украшаться, Им ограждаться. Так и Павел сделался велик; хотя он и был одинакового с нами естества, но вера сделала его совершенно иным, и таково было в нем обилие даров, что и одежды его имели великую силу. Какого же оправдания достойны мы, если тень и одежды апостолов отгоняли смерть, а у нас даже молитвы не усмиряют страстей? Какая причина этого? Большое различие в духе. Естественные способности у нас с Павлом общие и равные: одинаково с нами он родился и воспитан, обитал на той же земле и дышал тем же воздухом. Но в остальном он был гораздо лучше и совершеннее нас, именно в отношении ревности, веры, любви. Станем же подражать ему, дадим возможность Христу и через нас возвещать: ведь Он желает этого более нас и потому устроил орган слова и не хочет, чтобы он оставался без пользы и без действия, но желает всегда иметь его у Себя в руках. Почему же ты не держишь его в готовности для руки художника, но ослабляешь струны, размягчаешь их роскошной жизнью и делаешь гусли для Него вовсе негодными, тогда как следовало бы натянуть и настроить струны, натереть духовной солью? Если Христос увидит, что душа наша так настроена, то извлечет из нее звуки. А когда это произойдет, ты увидишь ликую-

щих ангелов, архангелов и херувимов. Итак, сделаемся достойными пречистых рук; станем просить Господа, чтобы Он прикоснулся к сердцу нашему. Но, лучше сказать, и просьбы не нужны: сделай только сердце свое достойным такого прикосновения, и Господь первый притечет к тебе. Если Он притекает к тем, которые хотят прибегнуть к Нему так Он превознес похвалами Павла, не бывшего еще таковым, то чего Он не сделает, когда увидит, что ты совершенно приготовился? А как скоро Христос извлечет звуки из души нашей, то несомненно снизойдет на нас Дух и мы будем лучше неба, имея не солнце и луну отпечатленными на теле нашем, но самого Владыку солнца, луны и ангелов, в нас поселившегося и шествующего.

Я говорю это не для того, чтобы нам воскрешать мертвых, очищать прокаженных, но для того, чтобы мы явили чудо, которое больше всего этого, именно — любовь. Где только есть это благо, там немедленно является Сын с Отцом и снисходит благодать Духа. *Идеже бо*, говорит Христос, *еста два или трие собрани во имя мое, ту есмъ посреде их* (Мф. XVIII, 20). Иметь вокруг себя лиц любимых означает сильную привязанность, свойственную сильно любящим. Но кто же, спросишь, настолько ничтожен, чтобы не захотеть иметь с собой Христа? Мы, враждующие друг против друга. Может быть, кто-нибудь засмеется надо мной и скажет: что ты говоришь? Ты видишь, что все мы собрались под одними и теми же стенами, в одной и той же церковной ограде, составляем одно согласное стадо, ни с кем не препираемся, руководствуемся все одним пастырем, все вместе слушаем, что говорят нам, воссылаем общие молитвы, — и ты упоминаешь о брани и вражде? Да, напоминаю о брани и говорю это в полном уме, не потеряв рассудка. Я вижу то, что вижу, и знаю, что мы находимся в одной общей ограде, под властью одного

пастыря. Но потому я особенно и плачу, что при стольких побуждениях к единодушию мы восстаем друг на друга. Опять спросишь: какую же распрю видишь ты здесь? Здесь – никакой, но когда разойдемся, один обвиняет другого, иной явно оскорбляет, этот завидует, лихоимствует и грабит, тот притесняет, иной предается постыдной любви, иной сплетает тысячи козней. И если бы можно было раскрыть наши души, то вы увидели бы все это в точности и согласились бы, что я не безумствую.

8. Не видите ли вы в воинских лагерях, что воины, по заключении мира, сложив с себя оружие, без всякого прикрытия и защиты входят в неприятельский стан? А когда они защищены оружием, везде стражи, дозоры, ночи без сна и постоянно горят костры, то это уже не мир, а война. Это можно наблюдать и среди нас: мы друг друга остерегаемся и опасаемся, каждый с соседом перешептывается на ухо, а как скоро увидим, что подходит посторонний, замолчим и все на виду прикроем: это свойственно не людям доверчивым, но чрезмерно осторожным. Но, скажешь, мы делаем это не затем, чтобы обидеть, а затем, чтобы не подвергнуться обиде. Потому-то я и скорблю, что, живя среди братьев, мы во избежание обиды нуждаемся в охране, зажигаем так много огней и расставляем стражу и дозоры. А причина этого – частая ложь, частые обманы, общий недостаток любви и непримиримая вражда. Вследствие этого, конечно, и случается видеть, что многие доверяют больше язычникам, нежели христианам. Какого стыда, конечно, заслуживает это, скольких слез, скольких стенаний! Что же мне делать? – говоришь ты, – этот человек груб и несносен. А где твое любомудрие? Где апостольские уставы, повелевающие нам носить бремена друг друга? Если не умеешь обходиться с братом, то как можешь хорошо

жить с чужим? Если не умеешь устроиться с собственным своим членом, то как ты можешь привлечь к себе и приспособить постороннего? Но что же я буду делать? Я вижу крайнее неудобство проливать слезы, так как, по примеру пророка, испустил бы обильные источники из очей, видя на этом поле тысячи браней, которые ужаснее виденных пророком. Он, видя вторжение варваров, говорил: *чрево мое болит мне* (Иер. IV, 19), а я вижу, что подчиненные одному военачальнику восстают друг на друга, грызут и терзают члены друг друга, одни из-за денег, другие из-за славы, иные просто без всякой причины смеются и издеваются друг над другом, наносят друг другу тысячи ран, вижу и мертвых, более обезображенных, чем на войне, вижу, что осталось одно пустое имя братства, и не могу придумать, как достойно оплакать такое печальное зрелище. Итак, устыдитесь, устыдитесь этой трапезы, которой все мы приобщаемся; устыдитесь Христа, за нас закланного, и жертвы, здесь предложенной. Даже разбойники, принимая участие в пище, перестают уже быть разбойниками для тех, кого они делают своими сотрапезниками: трапеза переменяет их нравы и делает смиреннее овец тех, которые в другое время лютее зверей. А мы, участвуя в этой трапезе, приобщаясь этого брашна, вооружаемся друг против друга, тогда как следовало бы делать это против диавола, враждующего со всеми нами. Потому, конечно, мы с каждым днем становимся слабее, а он сильнее. Мы не вместе друг с другом ополчаемся на него, но вместе с ним восстаем друг на друга и пользуемся им, как вождем, в этих бранях, тогда как всем нам надлежало бы против него одного сражаться; взамен этого мы, оставив его в покое, обращаем стрелы против братьев. Какие стрелы? спрашиваешь. Стрелы языка и уст. Ведь не только стрелы и копья, но и слова наносят раны, которые даже гораздо болезненнее на-

несенных стрелами. Как мы можем прекратить эту борьбу? – спросишь. Если поймешь, что, говоря худо о брате, ты источаешь из уст своих грязь, если будешь представлять, что клевещешь на того, кто составляет один из членов Христовых, что поедаешь собственную плоть свою, что страшный тот и нелицеприятный суд делаешь для себя еще более строгим, что стрела твоя убивает не пораженного ею, но тебя, пустившего ее. Но он обидел в чем-нибудь и сделал зло? Поскорби, но не говори худо; заплачь, но не ради своей обиды, а вследствие погибели обидчика, как и Владыка твой плакал об Иуде не потому, что сам был распинаем, но потому, что Иуда предал Его. Он оскорбил тебя и укорил? Помолись Богу, чтобы Он скорее над ним умилосердился. Он брат твой, разрешил те же самые болезни рождения, он твой сочлен, призван к одной с тобой трапезе. Но он очень часто нападает на меня, говоришь ты. Значит, тебе высшая и большая награда, и в этом случае тебе особенно и справедливо отложить свой гнев, так как он получил смертельный удар, его поразил диавол.

9. Итак, не наноси ему ран и ты, не падай с ним и сам: пока стоишь, ты можешь спасти и его, а если нанесением обиды ниспровергаешь и себя самого, кто потом поднимет вас? Тот, раненый (поднимет)? Но он лежит и не сможет. Или ты, с ним вместе павший? Но как ты, неспособный подать руку помощи самому себе, поможешь другому? Итак, стой мужественно и, держа перед собой щит, своим долготерпением извлеки из битвы своего мертвого брата. Его уязвил гнев? Но не уязвляй и ты, а прежде всего извлеки стрелу. Если мы так станем обходиться друг с другом, то скоро все сделаемся здоровыми, а если станем вооружаться друг против друга, то, наконец, не нужно будет и диавола для нашей погибели. Всякая война тяжела, особенно же

война междоусобная. Но эта борьба тяжелее и междоусобной, насколько важнее права христианского общества, а лучше сказать права и самого нашего родства. Некогда брат убил Авеля и пролил родственную кровь, но это убийство беззаконнее того, насколько важнее наше родство и насколько ужаснее эта смерть. Каин поразил тело, а ты изострил меч против души. Но ты первый потерпел зло? Не терпеть, но причинять зло – вот что значит подвергнуться злу. Смотри же: Каин умертвил, Авель умерщвлен, но кто оказался мертвым? Тот ли, который вопиет по смерти и о котором сказано: *глас крове брата твоего вопиет ко Мне* (Быт. IV, 10), или тот, который в жизни трепетал и боялся? Конечно, Каин, который жалок более всякого мертвеца. Видишь ли, насколько лучше подвергнуться обиде, хотя бы (обида) простиралась и до убийства? Пойми, что гораздо хуже делать неправду, хотя бы кто-нибудь дошел и до убийства. Каин поразил и убил брата, но последний увенчан, а первый наказан; Авель был несправедливо истреблен и умерщвлен, но он, умирая, обвинял, одерживал верх и смирял, а оставшийся в живых молчал, покрывался стыдом, побеждался и делал все вопреки своему желанно. Он убил брата, так как видел, что он любим, надеясь лишить его и любви, но лишь увеличил к нему любовь, и Бог, по смерти его, больше искал его, говоря: *где есть Авель брат твой* (Быт. IV, 9)? Ты не потушил любви завистью, но сильнее воспламенил ее; не умалил честь убийством, но увеличил ее. Прежде сам Бог подчинял тебе брата, но, так как ты умертвил его, он по смерти будет твоим судьей: такова у Меня любовь к нему. Итак, кто из них был осужден: наказывающий или наказанный? Тот ли, кто получил от Бога столь великую честь, или тот, кто был предан новому и необыкновенному мучению? Ты не убоялся его живого, говорит (Бог), потому убойся мертвого; ты не трепетал,

намереваясь приблизить меч, потому, пролив кровь, ты будешь объят непрестанным страхом; при жизни он был твоим рабом, и ты не терпел его, за то по смерти он сделался грозным для тебя господином. Итак, помышляя об этом, будем, возлюбленные, избегать зависти, потушим злобу, воздавая друг другу любовь, чтобы получить нам благие плоды ее, как в настоящей, так и в будущей жизни, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Не писано же бысть за того единаго точию, яко вменися ему в правду; но и за ны, имже хощет вменитися, верующим в воскресившаго Иисуса Господа нашего из мертвых (IV, 23, 24)

1. Сказав многое и великое об Аврааме, о его вере, праведности и чести у Бога, апостол, чтобы слушатель не возразил: «Что же нам от этого? Ведь Авраам один оправдался», — опять ставит нас вблизи патриарха. Такова сила духовных глаголов. Он сказал, что тот из язычников, который недавно пришел (к вере) и ничего сам не сделал, не только ничего не имеет меньше верующего иудея, но и даже патриарха, а лучше сказать, если нужно сказать что-нибудь удивительное, имеет перед ним и преимущество. Наше благородство настолько велико, что вера патриарха была только образом нашей. И апостол не сказал: если ему вменилось, то, естественно, вменится и нам, — чтобы не вывести тебе отсюда такого умозаключения: он вещает по силе божественных законов и все основывает на изречении Писания. Для чего, говорит он, и было написано, если не для того, чтобы научить нас, что и мы также оправ-

дываемся? Ведь мы поверили тому же Богу и относительно одних и тех же дел, хотя и не в отношении к одним и тем же лицам. Сказав же о нашей вере, (апостол) говорит и о неизреченном Божием человеколюбии, к которому он всегда обращает (речь), вынося на середину крест; это теперь он ясно и выразил, сказав: *иже предан бысть за прегрешения наша, и воста за оправдание наше* (ст. 25).

Заметь, каким образом (апостол), указав на причину смерти, обращает ее в доказательство воскресения. За что Христос распят? спросишь ты. Не за собственный грех, как видно из Его воскресения. Если бы Он был грешен, то как бы воскрес? А если воскрес, ясно, что не был грешником. Если же не был грешен, то как Он был распят? Ради других. А если за других, то без сомнения и воскрес. Что бы ты не возразил: как мы можем оправдаться, будучи виновны в столь многих грехах? — (апостол) указал на Того, Кто изгладил все грехи, — чтобы утвердить свое учение (об оправдании), как верой Авраама, которой он оправдался, так и верой в спасительное страдание, которым мы освободились от грехов. Говоря же о смерти Христовой, он говорит и о воскресении. Христос умер не для того, чтобы подвергнуть нас наказанию и осуждению, но чтобы облагодетельствовать. Он и умер и воскрес для того, чтобы сделать нас праведными. *Оправдившеся убо верою, мир имамы к Богу Господем нашим Иисусом Христом* (V, 1). Что значит: *мир имамы?* Некоторые объясняют в том смысле, чтобы мы не враждовали, оспаривая введение закона, а мне кажется, что (апостол) беседует здесь о нашей жизни. Так как выше, после многих рассуждений о вере и об оправдании посредством дел, он впереди поставил веру, то, чтобы не подумали, что эти слова служат основанием беспечности, (апостол) говорит: *мир имамы,* то есть не будем впредь грешить и не станем возвращать-

ся к прежнему, потому что это значило бы враждовать против Бога. Но спросишь: как возможно больше не грешить? А как было возможно первое (освобождение от грехов)? Если мы, будучи столько виновны, от всего были освобождены Христом, то тем более с Его помощью окажемся в состоянии остаться в том положении, в каком находимся. Ведь не одно и то же — получить мир, которого не было, и сохранить уже дарованный, так как приобретение всегда труднее сохранения; но однако более трудное сделалось уже легким и приведено в исполнение. Итак, более легкое будет для нас и вполне осуществимо, если станем держаться Того, Кто совершил для нас труднейшее. А здесь, мне кажется, (апостол) намекает не только на легкость успеха, но и на необходимость его. Если Христос примирил нас, когда мы находились во вражде с Ним, то с нашей стороны благоразумно пребывать в примирении и явить Ему это воздаяние, чтобы не оказалось, что с Отцом были примирены злые и неблагодарные. *Им же*, продолжает (апостол), *и приведение обретохом верою* (ст. 2). Итак, если Христос привел нас к Богу, когда мы были от Него далеко, то тем более Он нас удержит, когда мы оказались близко.

2. Не оставляй без внимания, что апостол всегда указывает два условия: то, что требуется от Христа, и то, что требуется с нашей стороны. Но благодеяния Христовы разнообразны, многочисленны и превосходны, так как Он умер за нас, примирил нас, привел к Богу и даровал неизреченную благодать; а мы со своей стороны принесли одну только веру, — потому Павел и говорит: *верою во благодать сию, в ней же стоим* (ст. 2). Какую благодать? — скажи мне. То, что мы были удостоены ведения о Боге, освобождены от заблуждения, познали истину и получили все блага, даруемые через крещение. Христос для того и привел нас, чтобы мы

получили эти дары, то есть чтобы было не просто отпущение грехов и одно только примирение, но и мы приняли бесчисленные достоинства. Даже и этим Он не ограничился, но обещал другие несказанные блага, превышающие разум и слово. Поэтому (апостол) указал те и другие дары: словом – *благодать* он обозначил дары настоящие, которые мы получили, а в словах – *и хвалимся упованием славы Божией* (ст. 2) открыл нам все будущие дары. И прекрасно он сказал: *в нейже стоим*. Такова именно благодать Божия: она не имеет конца, не знает предела и постоянно простирается на большее, что у людей невозможно. Укажу, например, на следующее: иной достиг начальствования, славы и владычества, но не удерживается на этом навсегда, но скоро лишается, и если этого не отнимет у него другой человек, то смерть, явившись, совершенно все похищает. А дары Божии не таковы: их не могут отнять у нас ни человек, ни время, ни стечение обстоятельств, ни сам диавол, ни явившаяся смерть; напротив, когда умрем, будем владеть ими прочнее и, постепенно усовершаясь, станем пользоваться ими еще в большей мере. Затем, если ты не уверен в благах будущих, то поверь им на основании настоящих, которые уже получил. Потому (апостол) и сказал: *и хвалимся упованием славы Божией*, чтобы ты узнал, какую душу нужно иметь верующему. Ему должно быть несомненно уверенным не только в дарованных ему благах, но и в будущих, как уже дарованных, так как всякий хвалится тем, что уже дано ему. А так как надежда на будущие блага столько же тверда и ясна, как и надежда на блага дарованные, то мы, говорит (апостол), хвалимся и надеждой на будущее, – почему он и назвал будущие блага *славою*. Ведь если эти блага служат к славе Божией, то несомненно и исполнятся, если и не ради нас, то ради Бога. И что я говорю, продолжает (апостол), что будущие блага достойны

похвалы? Даже и настоящие бедствия способны нас возвеличить и побудить ими превозноситься. Потому (апостол) и присовокупил: *не точию же, но и хвалимся в скорбех* (ст. 3). Итак, пойми, каковы будущие блага, как скоро мы величаемся и тем, что представляется для нас печальным. Таков дар Божий и так-то в нем нет ничего неприятного.

В делах внешних подвиги сопровождаются трудом, болезнью и несчастьем, а венки и награды приносят удовольствие; а там не так, но и борьба для нас приятна не менее награды. Так как испытания тогда были многочисленны, а царство было только в упованиях, бедствия были под руками, а блага в ожидании и все это более ослабляло немощных, то (Павел) еще прежде небесных венцов дает им награды, говоря, что должно хвалиться и в скорбях. Впрочем, не сказал: вы должны хвалиться, но говорит: *хвалимся*, представляя увещание в собственном своем примере. Потом, так как сказанное представлялось странным и необыкновенным, то есть что человек, борящийся с голодом, находящийся в узах и муках, оскорбляемый и унижаемый, должен хвалиться этим, то (апостол) раскрывает это и, что еще важнее, утверждает, что настояние скорби не только по причине будущих благ, но даже сами по себе достойны того, чтобы ими хвалиться, потому что скорби сами по себе — благо. Почему же? Потому что приучают к терпению. Потому, сказав: *хвалимся в скорбех*, присовокупил и причину, говоря: *ведяще, яко скорбь терпение соделовает* (ст. 3). Заметь опять искусство Павла, как он обращает речь свою совершенно к противоположному. Так как скорби всего чаще заставляли христиан отрекаться от будущих благ и ввергали в отчаяние, то он утверждает, что вследствие скорбей следует надеяться, а не отчаиваться в будущем. *Скорбь бо*, говорит, *соделовает терпение, терпение же искусство, искусство же*

упование, упование же не посрамит (ст. 3–5). Скорби не только не лишают этой надежды, но и способны создать ее. Скорбь и до получения будущих благ приносит уже весьма важный плод – терпение и подвергающегося испытанию делает опытным, а затем она несколько содействует и в отношении к будущим благам, потому что усиливает в нас надежду. Ведь ничто так не ведет к благой надежде, как добрая совесть.

3. Потому ни один человек из живущих честно не теряет уверенности относительно будущего, а с другой стороны многие из нерадивых, угнетаемые лукавой совестью, не желают ни суда, ни воздаяния. Итак, что же, неужели наши блага состоят в одних надеждах? Конечно, в надеждах, но не человеческих, которые часто разрушаются и посрамляют надеявшегося, когда обещавший покровительство умирает, или, хотя и жив, но переменяет расположение. Но не таковы наши надежды: они тверды и непоколебимы. Тот, Кто дал нам обетование, всегда жив, а мы, имеющие воспользоваться ими, хотя умрем, но опять воскреснем, так что нет ничего, что бы могло нас посрамить, как напрасно и безрассудно утешавших себя пустыми надеждами. Итак, этими словами достаточно освободив слушателей от всякого сомнения, апостол не останавливает свою речь на настоящих благах, но опять переходит к будущим, зная, что более слабые люди, хотя и ищут настоящих благ, но не довольствуются ими. В будущих же благах он удостоверяет благами уже дарованными. Чтобы кто-нибудь не возразил: «Что же? А если Богу не угодно даровать нам эти блага? Правда, мы все знаем, что Он имеет силу, пребывает и живет, но откуда известно, что Он и пожелает нашего блаженства»? – апостол и отвечает, что это видно из благ, нам уже данных. Из каких же именно благ? Из любви, которую Бог явил о нас.

Что же именно Он сделал? — спросишь ты. Даровал Святого Духа. Потому (апостол), сказав: *упование не посрамит,* представил и доказательство этого, говоря: *яко любы Божия излияся в сердца наша* (ст. 5). И он не сказал: дана, но: *излияся в сердца наша,* указывая на изобилие. Бог даровал нам самое величайшее благо, даровал не небо, не землю, не море, но то, что драгоценнее всего этого, — Он сделал людей ангелами, сынами Божиими, братиями Христовыми. Какое же это благо? Дух Святой. Если бы Богу не угодно было наградить нас великими венцами после трудов, то Он не дал бы столь великих благ прежде трудов. Ныне же сила любви Его открывается из того, что Он не медленно и не мало-помалу даровал нам почести, но вдруг излил весь источник благ, и притом прежде подвигов. Потому, хотя ты и не очень достоин, не отчаивайся, имея великим своим защитником любовь Судьи. По этой причине и апостол, говоря: *упование не посрамит,* все возложил не на наши заслуги, но на любовь Божию. Сказав же о даровании Духа, он опять обращается к кресту и говорит: *еще бо Христос сущим нам немощным, по времени за нечестивых умре. Едва бо за праведника кто умрет, за благаго бо негли кто и дерзнет умрети: составляет же Свою любовь к нам Бог* (ст. 6—8). Эти слова означают следующее. Если не скоро кто-нибудь согласится умереть и за добродетельного человека, то представь любовь твоего Владыки, когда Он оказался распятым не за добродетельных, но за грешников и врагов. Это и (апостол) говорит далее: *яко еще грешником сущим нам Христос за ны умре. Много убо паче оправдани бывше ныне кровию Его, спасемся Им от гнева. Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертию Сына Его, множае паче примиривщеся спасемся в животе Его* (ст. 8—10). Кажется, как будто в этих словах заключается тождесловие, но при внимательном чтении его не найдется. Смотри же, (Апостол) желает убедить рим-

лян относительно будущих благ и сначала он убеждает их мыслью праведника, говоря, что этот совершенно уверен, *яко еже обеща Бог, силен есть и сотворити:* потом доказывает это дарованной благодатью; далее — скорбями, говоря, что они способны привести нас к надежде; опять тем, что Бог даровал нам Духа, Которого мы и приняли, и, наконец, доказывает это Христовой смертью и нашей прежней порочностью. И хотя, как замечено выше, сначала представляется, что сказано одно и то же, но на самом деле открываются две, три и более различных мыслей: первая — та, что Христос умер, вторая — что умер за нечестивых, третья — что примирил, спас, оправдал, сделал бессмертными, сынами и наследниками. Потому, говорит (апостол), нам должно укрепляться в уповании не только смертью Христовой, но и тем, что даровано через эту смерть. И хотя уже одно то, что Христос умер за нас таковых (грешников), было величайшим доказательством Его любви, но когда умирающий оказывается еще подателем даров и притом весьма великих для тех, которые их не заслуживали, то такое благодеяние превосходит всякую меру и должно привести к вере и совсем бесчувственного. И не другой хочет нас спасти, но Тот, Кто нас, бывших еще грешниками, возлюбил до того, что самого Себя предал за нас. Видишь ли, как и в этом месте содержится доказательство относительно надежды на будущее? Прежде этого были два затруднения к нашему спасению: то, что мы были грешники, и то, что надлежало спастись смертью Владыки. Но последнее, прежде чем совершилось, было невероятным и, чтобы совершиться, нуждалось в великой любви, ныне же, когда это совершилось, и остальное сделалось гораздо легче: ведь мы сделались друзьями, и смерти Господа более уже не нужно. Итак, Тот, Кто пощадил врагов до того, что не пощадил Сына, неужели не защитит сделавшихся друзь-

ями, когда притом Ему нет уже нужды предавать Сына? Иной часто не спасает потому, что не хочет, или не может, хотя бы и желал. Ни того, ни другого нельзя сказать о Боге, после того как Он отдал Сына. А что Бог и может спасти, (апостол) и это доказал тем, что Бог оправдал нас, бывших грешниками. Итак, какое, наконец, остается для нас препятствие достигнуть будущих благ? Никакого. Затем, чтобы ты, услышав о грешниках, врагах, немощных и нечестивых, не стал стыдиться и краснеть, послушай, что говорит (апостол) далее: *не точию же, но и хвалимся о Бозе Господем нашим Иисусом Христом. Им же ныне примирение прияхом* (ст. 11). Что значит: *не точию же?* Не только мы спасены, говорит (апостол), но и хвалимся тем, чего бы, по мнению других, надлежало нам стыдиться. То, что мы, жившие в столь великой порочности, были спасены, служит величайшим признаком сильной любви к нам Спасающего. Он спас нас не через ангелов и архангелов, но через Своего Единородного. Итак то, что Он спас, спас грешников, совершил это через Единородного, и не просто через Единородного, но кровью Его, — все это сплетает нам бесчисленные венки похвалы. В понятии славы и дерзновения нет ничего равного тому, как быть любимыми от Бога и любить Его, нас возлюбившего. Это делает блистательными ангелов, начала и силы, это больше царства, вследствие чего Павел и поставил это прежде царства: и я ублажаю бестелесных, потому что они любят Бога и во всем повинуются Ему. Потому и пророк удивлялся им, говоря: *сильнии крепостию, творящии слово Его* (Пс. CII, 20), а Исаия восхвалял серафимов, приписывая им великую добродетель, так как они стоят близ славы Божией, а это было знаком величайшей любви.

4. Итак, будем и мы подражать горним силам и постараемся не только стоять близ престола, но и быть

обителью для сидящего на престоле. Он возлюбил ненавидящих и не прекращает любить: *солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя* (Мф. V, 45). Ты же возлюби любящего, потому что и Он любит. А почему же, спросишь, этот любящий угрожал геенной, наказанием и мучением? Потому самому, что любить, так как, отсекая твое лукавство и страхом, как бы некоторой уздой, удерживая тебя от стремления к худшему, Он все делает и предпринимает, чтобы и приятными, и прискорбными средствами остановить тебя в стремительном падении, привести в себя самого и отвлечь от всякого порока, который ужаснее геенны. А если ты смеешься по поводу сказанного и желаешь лучше постоянно жить в пороке, чем один день подвергаться наказаний, то это нисколько неудивительно: это признак твоего несовершенного образа мыслей, твоего опьянения и неисцелимой болезни, — так как и малые дети, когда увидят, что врач намеревается прижечь или надрезать (больное место), бросаются и бегут прочь, кричат и вырываются и предпочитают лучше страдать от постоянного гниения тела, нежели перенести временную боль, а после этого наслаждаться здоровьем. А люди, имеющие ум, знают, что болезнь тяжелее надреза, а равно и быть порочным хуже, чем подвергнуться наказанию, так как от одного возможно вылечиться и быть здоровым, а от другого можно погибнуть или остаться в постоянном недуге. Но всякому известно, что здоровье лучше болезни. Потому и о разбойниках должно плакать не тогда, когда им ломают ребра, но тогда, когда они подламывают стены и убивают. Если душа превосходнее тела, как и действительно она превосходнее, то более справедливо стенать и плакать, когда она погибает, если же она не чувствует этого, то тем более должно скорбеть о ней. Так и предающихся необузданной любви следует жалеть больше, чем силь-

но страдающих горячкой, а пьяниц больше, чем подвергаемых мучению. Но если все это вреднее, то почему, спросишь, мы больше избираем это? Потому что многим из людей, по пословице, нравится худшее и они предпочитают его, миновав лучшее. Это можно наблюдать при выборе пищи и рода деятельности, в склонностях житейских и в наслаждениях, в удовольствиях, в выборе жен, домов, рабов, угодий и всего прочего. Скажи мне, что доставляет больше удовольствия — сообщение с женщинами или мужчинами? С женщинами или с лошаками? Однако мы найдем много таких, которые избегают женщин, а имеют соитие с бессловесными и наносят поругание мужчинам, несмотря на то, что сообразное с природой приятнее противоестественного.

Вообще есть много людей, которые, как за приятным, гонятся за тем, что смешно, неприятно и влечет за собой наказание. Скажешь, что им это кажется приятным. Но потому-то и жалки эти люди, что неприятное считают приятным. Так они считают наказание хуже греха, а в самом деле это не так, но совершенно наоборот. Если бы наказание было злом для грешников, то Бог не присоединил бы зла ко злу и не восхотел бы сделать их еще худшими. Ведь тот, кто делает все, чтобы истребить зло, не может и увеличивать его. Итак, для грешника нет зла быть наказанным, а напротив, зло — не быть наказанным, подобно как зло для больного — не лечиться. Но ничего нет настолько вредного для человека, как неумеренная страсть. Неумеренной же страстью я называю страсть к наслаждениям, праздной славе, господству и вообще ко всему тому, что сверх потребности. Тот, кто проводит роскошную и распущенную жизнь, представляется счастливее всех, но на самом деле он всех несчастнее, потому что предает душу свою во власть жестоким владычицам и мучите-

лям. Бог для того и сделал настоящую жизнь нашу исполненной труда, чтобы избавить нас от такового рабства и привести к полной свободе; для того Он угрожает наказанием, для того дал в удел нашей жизни заботы, чтобы обуздать склонность к неге. Так иудеи, пока были заняты копанием глины и деланием кирпичей, и были покорны и непрестанно призывали Бога, а когда получили свободу, начали роптать, огорчать Владыку и погрузились в тысячи пороков. Но что сказать о людях, спрашиваешь ты, которые под влиянием скорби нередко изменяются к худшему? Такая порча бывает следствием не скорби, по людской слабости. Если кто, имея больной желудок, не может принять горького лекарства, которое бы его очистило, и погибает, то мы обвиняем не лекарство, а слабость органа; так и здесь причина – в слабости души. Если человек испортился в нужде, то тем более подвергнется этому в довольстве. Если он падает, когда связан, – а таков человек в нужде, – то тем более упадет, когда развязан. Если в тесных обстоятельствах портится, то еще легче испортится в благополучии. Но как я могу, спросишь, не испортиться под влиянием несчастий? Если поймешь, что хочешь или не хочешь, но ты должен перенести то, что терпишь; и если станешь переносить с благодарением, то получишь весьма большую пользу, а если будешь сетовать, негодовать и роптать, то и несчастья своего этим не убавишь, и воздвигнешь еще большую бурю. Имея такие мысли, мы все, что бы ни случилось с нами по необходимости, будем принимать так, как бы происходило это по нашему желанию. Положим, например, что один потерял любимого сына а другой все имущество; если ты рассудишь, что избежать происшедшего было невозможно, а с другой стороны, что из неустранимого несчастья можно извлечь для себя и некоторую пользу и мужественно перенести случивше-

еся, и если ты, вместо хулы, воздашь хвалу Господу, то несчастья, постигшие тебя против твоей воли, вменяются тебе в заслугу, как бы происшедшие по твоему желанию. Узнаешь ли ты, что похищен сын преждевременной смертью, — скажи: *Господь даде, Господь отъят* (Иов. I, 21). Увидишь ли, что оскудело твое имущество, — скажи: *наг изыдох от чрева матери моея, наг и отыду* (Иов. I, 21). Ты видишь, что злые благоденствуют, а праведные злополучны и терпят тысячи несчастий, и не умеешь найти причину происходящего? Скажи: *скотен бых у Тебе, и аз выну с Тобою* (Пс. LXXII, 22, 23). А если ты желаешь узнать и причину этого, то помысли, что Бог назначил день, в который будет судить вселенную, и у тебя исчезнет всякое недоумение, так как тогда каждый получит по заслугам, как Лазарь и богатый. Приведи себе на память апостолов: они подвергались бичеванию и гонению, терпели тысячи бедствий, они радовались, что удостоились принять поругание за имя Христово. И ты, если страдаешь каким-либо недугом, переноси болезнь мужественно и благодари Бога, и таким образом получишь такую же награду, как и апостолы. Но как тот, кто находится в болезни и мучениях, может воздавать благодарение Господу? Если ты любишь Его искренне. Если три отрока, вверженные в печь, и другие, находившиеся в узах и в бесчисленных иных бедствиях, не преставали благодарить, то тем более могут это делать те, которые находятся в болезнях и одержимы тяжкими недугами. Ведь нет, действительно нет ничего такого, чего бы не победила любовь. А когда проявляется любовь Божия, то она выше всего, и ни огонь, ни меч, ни бедность, ни болезнь, ни смерть, ни все прочее — не страшны для того, кто пользуется этой любовью; посмеваясь над всем, он станет парить к небу и душевным настроением окажется нисколько не ниже живущих на небе; он не посмотрит ни на что

иное, ни на небо, ни на землю, ни на море, но устремлен будет к одной только красоте небесной славы; как скорби настоящей жизни не смогут унизить его, так земные блага и удовольстствия не в состоянии будут возвысить и сделать надменным. Итак, возлюбим и мы эту любовь (ведь ей нет ничего равного) и ради настоящего, и ради будущего, а лучше сказать, ради самой природы этой любви, потому что мы избавимся от наказаний и в настоящей жизни, и в будущем веке и достигнем царства. Но и кроме избавления от геенны и приобретения царства, нужно упомянуть и нечто другое важное; выше всего это — любить Христа и быть от Него любимым. Если у людей взаимная любовь ценится выше всякого удовольствия, то какое слово, какая мысль может изобразить блаженство души, которая любит Бога и Ему любезна? Это блаженство познается не иначе, как только на опыте. Потому, чтобы познать опытно таковую духовную радость, блаженную жизнь и сокровище неисчислимых благ, мы, оставив все, станем искать этой любви, как для собственной нашей радости, так и для славы любимого Бога, потому что Ему принадлежит слава и держава с Единородным (Сыном) и со Святым Духом, ныне и присно, и во все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Сего ради, якоже единем человеком грех в мир вниде и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, в немже вси согрешиша (V, 12)

1. Подобно тому как самые лучшие врачи всегда исследуют корень болезней и доходят до самого источника зла, так делает и блаженный Павел. Сказав, что мы оправданы, и доказав это примером патриарха,

ниспосланием Духа и смертью Христовой (так как Христос и не умер бы, если бы не хотел оправдать нас), он теперь рассматривает прежде доказанное с другой стороны и подтверждает свою речь противоположными доводами, а именно — говорит о смерти и грехе и исследует, как, каким путем и откуда явилась смерть и как она возобладала. Итак, как взошла и возобладала в мире смерть? Через грех одного. Что же значит: *в немже вси согрешиша?* То, что как скоро пал один, через него сделались смертными все, даже и не вкусившие запрещенного плода. *До закона бо грех бе в мире: грех же не вменяшеся не сущу закону* (ст. 13). Некоторые думают, что апостол словом — *до закона* назвал все время, протекшее до дарования закона, то есть когда жили Авель, Ной, Авраам и далее до самого рождения Моисея. Какой же грех был тогда? Иные утверждают, что апостол ведет речь о грехе в раю, так как грех этот, говорят они, еще не был отпущен и плод его процветал: этот грех и внес общую смерть, которая владела всеми и мучила. Но для чего (апостол) присовокупляет: *грех же не вменяется не сущу закону?* Те, которые держатся изложенного нами мнения, утверждают, что (апостол) сказал это в ответ на возражение иудеев: «Если без закона нет греха, то как смерть истребила всех, живших до закона?» А по моему мнению, будет более согласно с разумом и с мыслью апостола то, что намереваюсь я сказать. Что же именно? Когда (апостол) говорит, что грех был в мире еще до закона, то этим, как мне кажется, он сказал то, что, после дарования закона, возобладал уже грех преступления и господствовал потом во все то время, пока существовал закон, так как грех не мог утвердиться, говорит (апостол), пока не было закона. Итак, если этот именно грех, происшедший от нарушения закона, породил смерть, то как умерли все жившие до закона? Ведь если смерть имела свой корень в грехе, а грех,

пока не было закона, не вменялся, то как возобладала смерть? Отсюда ясно, что не этот грех, не грех преступления закона, но другой, именно грех преслушания Адама, был причиной общего повреждения. Чем же это доказывается? Тем, что умерли все жившие и до закона. *Царствова смерть*, говорит (апостол), *от Адама даже до Моисея и над несогрешившими*. Как царствовала? *По подобию преступления Адамова, иже есть образ будущего* (ст. 14). Итак, Адам есть образ Иисуса Христа. В каком отношении, спросишь? В том, что как Адам для своих потомков, хотя они и не вкусили древесного плода, сделался виновником смерти, введенной в мир Адамовым ядением, так Христос для верующих в Него, хотя и не совершивших праведных дел, сделался виновником праведности, которую даровал всем нам через крест. Потому (апостол), как выше, так и ниже, высказывает одну мысль и много раз повторяет ее, говоря *якоже единем человеком грех в мир вниде;* еще: *прегрешением единаго мнози умроша;* или: *не якоже единем согрешим, дарование;* или: *грех из единаго во осуждение;* еще: *аще бо единаго прегрешением смерть царствова единем;* еще: *темже убо, якоже единаго прегрешением,* и еще: *якоже ослушанием единаго человека грешни быша мнози* (Рим. V, 12, 15–19.). Апостол не отступает от *единаго* для того, чтобы на возражение иудея: «каким образом род человеческий спасен заслугами одного Христа?» – мог и ты возразить ему: каким образом весь род человеческий осужден за преслушание одного Адама, – тем более, что нет и сравнения между грехом и благодатью, между смертью и жизнью, между диаволом и Богом, но между ними существует бесконечное расстояние? Потому, когда и свойство дела, и могущество совершившего, и самое соответствие дела (ведь Богу более естественно спасать, нежели наказывать) – все показывает, что превосходство и победа на стороне Христа, то, скажи мне, какое ты имеешь основание для

неверия? А что совершившееся согласно с разумом, (апостол) доказал это следующими словами: *но не якоже прегрешение, тако и дар. Аще бо прегрешением единаго мнози умроша, множае паче благодать Божия и дар благодатию единаго человека Иисуса Христа во многих преизлишествова* (ст. 15). Это означает следующее: если получил столь великую силу грех и притом грех одного человека, то как же его не превзойдет гораздо большей силой благодать, — благодать Бога, и не только Бога Отца, но и Бога Сына? Это более сообразно с разумом, чем первое. Чтобы один наказывался по вине другого — это представляется не совсем справедливым, но чтобы один был спасен через другого — это более благоприлично и сообразно с разумом. Если же произошло первое, то тем более должно быть и последнее.

2. Итак, этим (апостол) доказал, что (спасение через одного) и справедливо и сообразно с разумом, а как скоро это раскрыто, то и прочее должно быть несомненным. В следующих же словах (апостол) доказывает, что (спасение) было и необходимо. Как же он раскрывает это? *Не якоже единым согрешим, дарование; грех бо из единаго во осуждение, дар же от многих прегрешений во оправдание* (ст. 16). Что означают эти слова? То, что один грех имел силу навлечь смерть и осуждение, а благодать изгладила не только этот единый грех, но и другие грехи, за ним следовавшие. Чтобы употреблением слов — *как* и *так* не подать мысли, что для зла и добра берется одинаковая мера, и чтобы ты, слыша об Адаме, не подумал, что изглажен только тот грех, который внес Адам, (апостол) и говорит, что совершилось отпущение многих преступлений. Но из чего это видно? Из того, что после бесчисленных грехов, следовавших за грехом, совершенным в раю, все кончилось оправданием. Но где оправдание, там необходимо и всецело следуют жизнь и тысячи благ, равно как, где грех, там и смерть.

Праведность выше жизни, так как она — корень жизни. А что были дарованы блага более многочисленные и был истреблен не один только первородный грех, но и все прочие грехи, это (апостол) показал словами: *дар же от многих прегрешений во оправдание.* Отсюда с необходимостью доказывается и то, что смерть исторгнута с корнем. А так как (апостол) сказал, что первое было больше второго (то есть благодатью даровано больше, чем сколько повреждено грехом), то нужно было доказать опять и это. Потому он сперва сказал, что если грех одного умертвил всех, тем более может спасти благодать одного; после этого он раскрыл, что благодатью истреблен не один только первородный грех, но и все прочие грехи, даже не только истреблены грехи, но и дарована праведность, и Христос не только принес исправление в том, что повредил Адам, но и совершил нечто гораздо большее и высшее. Когда (апостол) объяснил это, то опять здесь является нужда в дальнейшем доказательстве. Как же он раскрывает это? *Аще бо единаго прегрешением смерть царствова единем, множае паче избыток благодати и дар правды приемлюще в жизни воцарятся единем Иисус Христом* (ст. 17). Смысл этих слов таков. Что вооружило смерть против всей вселенной? То, что только один человек вкусил от древа. Если же смерть приобрела такую силу через преступление одного, то как скоро найдутся некоторые получившие благодать и праведность, несравненно превосходящие тот грех, то каким образом они могут оставаться повинными смерти? Потому (апостол) не сказал здесь: благодать, но: *избыток благодати,* потому что мы получили от благодати не столько, сколько нам было нужно для освобождения от греха, но гораздо больше. Ведь мы были освобождены от наказания, совлеклись всякого зла, были возрождены свыше, воскресли после погребения ветхого человека, были искуплены, освяще-

ны, приведены в усыновление, оправданы, сделались братьями Единородного, стали Его сонаследниками и сотелесными с Ним, вошли в состав Его плоти и соединились с Ним так, как тело с главой. Все это Павел и назвал избытком благодати, показывая, что мы получили не только врачество, соответствующее нашей язве, но и здоровье, красоту, честь, славу и такие достоинства, которые гораздо выше нашей природы. Каждый из этих даров мог бы сам по себе истребить смерть. А когда все они открыто стекаются вместе, тогда смерть истребляется с корнем и не может уже появиться ни следа ее, ни тени. Это подобно тому, как если бы кто за десять оволов вверг какого-нибудь должника своего в темницу и не только его самого, но, по вине его, и жену его, детей и слуг, а другой, придя, не только внес бы те десять оволов, но еще подарил десять тысяч талантов золота, привел узника в царский дворец, посадил на месте самой высокой власти и сделал бы его участником самой высокой чести и других отличий, — тогда давший взаем не мог бы и вспомнить о десяти оволах. Также случилось и с нами. Христос заплатил гораздо больше того, сколько мы были должны, и настолько больше, насколько море беспредельно в сравнении с малой каплей. Итак, не сомневайся, человек, видя такое богатство благ, не спрашивай, как потушена искра смерти и греха, как скоро излито на нее целое море благодатных даров. На это и намекнул Павел, сказав, что *избыток благодати и дар правды приемлюще в жизни воцарятся.* Когда (апостол) ясно доказал это, он опять употребляет прежнее умозаключение и усиливает его повторением, говоря, что если все были наказаны за преступление Адама, то все могут и оправдаться Христом. Потому и говорит: *темже убо, якоже единаго прегрешением во вся человеки вниде осуждение, такожде и единаго оправданием во вся человеки вниде оправда-*

ние жизни (ст. 18). Потом, излагая тот же довод, говорит так: *якоже бо ослушанием единаго человека грешни быша мнози, сице и послушанием единого праведни будут мнози* (ст. 19). Сказанное (апостолом) ведет, повидимому, к немалому недоумению, которое, впрочем, при тщательном внимании, удобно разрешается. Какое же это недоумение? Речь о том, что непослушанием одного человека многие сделались грешными. Конечно, нет ничего непонятного в том, что все происшедшие от того, кто согрешил и стал смертен, сделались также смертными; но какая может быть последовательность в том, что от преслушания одного сделался грешным и другой? Тогда ведь окажется, что последний и не подлежит наказанию, так как не сам собой сделался грешником.

3. Итак, что значит здесь слово — *грешни?* Мне кажется, оно означает людей, подлежащих наказанию и осужденных на смерть. Что все мы после смерти Адама сделались грешными, (апостол) доказал это ясно и многими доводами, но остается вопрос о том, почему это произошло. Но (апостол) этого и не касается, так как это не относится к предмету его рассуждения. Ведь у него идет спор с иудеем, который отрицает и осмеивает оправдание через одного. Потому, доказав, что наказание от одного распространилось на всех, он не присоединил речи о том, почему это случилось, так как (апостол) не говорит ничего лишнего, а ограничивается одним только необходимым. Правило состязаний не понуждало ни иудея, ни тем более его говорить об этом потому он и оставляет вопрос нерешенным. А если бы кто-либо из вас постарался узнать об этом, то я скажу, что мы не только не получили никакого вреда от этой смерти и осуждения (если только станем бодрствовать), но даже имеем пользу от того, что сделались смертными. Первая наша от этого выгода та, что мы

грешим не в бессмертном теле, а вторая та, что это доставляет нам тысячи побуждений к любомудрию. Предстоящая и ожидаемая нами смерть располагает нас быть умеренными, целомудренными, воздержными и удаляться всякого зла. А после этого, или лучше сказать – прежде этого, она доставила уже нам и другие очень многие блага. Отсюда венцы мученические, награды апостольские; так оправдался Авель; так оправдался Авраам, принесший на заклание сына; так оправдался Иоанн, умерщвленный за Христа; так оправдались три отрока; так оправдался Даниил. Если и мы пожелаем, то не только смерть, но и самый диавол не сможет повредить нам. Кроме этого, нужно сказать о том, что нас ожидает бессмертие, что после кратковременных вразумлений мы безопасно насладимся будущими благами, будучи приготовлены в настоящей жизни, будучи наставлены, как бы в некотором училище, болезнями, скорбями, искушениями, нищетой и другими кажущимися нам бедствиями к тому, чтобы сделаться способными к принятию будущих благ.

Закон же привниде, да умножится прегрешение (ст. 20). После того, как (апостол) доказал, что вся вселенная осуждена в Адаме, а спасена и освобождена от осуждения во Христе, он благовременно рассуждает опять о законе, опровергая мнение относительно его. Закон, говорит он, не только не принес никакой пользы и не только не оказал никакой помощи, но с появлением его увеличилась и болезнь. Но слово *да* здесь указывает не на причину, а на следствие. Ведь закон не дан для того, чтобы умножился грех, но дан с таким расчетом, чтобы мог уменьшить и истребить преступление; а если случилось противоположное, то не по свойству закона, а по нерадению принявших закон. Для чего же (апостол) не сказал: закон был дан, а говорит: *закон привниде?* Чтобы показать, что нужда в нем была временной, а не

главной и важнейшей, о чем (апостол) говорит и в послании к Галатам, хотя мысль эту выражает иначе, а именно: *прежде пришествия веры, под законом стрегоми бехом затворени в хотящую веру открытися* (Гал. III, 23). Следовательно, закон охранял стадо не для самого себя, а для другого. Так как некоторые иудеи были завистливы, распущены и нерадивы к собственным дарам, ради этого и дан был им закон, который бы сильнее обличал их, ясно показывал, в каком они находятся состоянии, и, увеличив обвинение, сильнее их обуздывал. Но не бойся: все это послужило не к большему наказанию, но к явлению большей благодати. Потому (апостол) присовокупил: *идеже умножися грех, преизбыточествова благодать* (ст. 20). Не сказал: изобиловала, но: *преизбыточествова*. Благодать не только освободила от наказания, но и даровала отпущение грехов, жизнь и другие блага, о которых мы многократно упоминали; это подобно тому, как если бы кто одержимого горячкой не только избавил от болезни, но сделал красивым, сильным и уважаемым, или голодного не только накормил, но и сделал его господином многих владений и возвел на высочайшую степень власти. А каким образом умножился грех? спросишь ты. Закон дал бесчисленные заповеди; а так как люди преступили их все, то грех и умножился. Понял ли ты, какое различие между законом и благодатью? Закон послужил дополнением осуждения, а благодать умножением дара.

4. Сказав же о неизреченной Божией щедрости, (апостол) снова исследует начало и корень как смерти, так и жизни. Что же составляет корень смерти? Грех. Потому он и сказал: *да якоже царствова грех во смерть, такожде и благодать воцарится правдою в жизнь вечную, Иисус Христом Господем нашим* (ст. 21). В этих словах (апостол) представляет грех в положении царя, а смерть в положении воина, который находится под его

властью и им вооружается. Итак, если грех вооружил смерть, то вполне ясно, что праведность, сообщаемая благодатью и уничтожающая грех, не только обезоруживает смерть, но уничтожает ее и ниспровергает все царство греха, поскольку она сильнее греха, произошла не от человека или диавола, но от Бога и благодати, и ведет жизнь нашу к более совершенному и бесконечному благу; этой жизни даже и конца не будет, из чего ты можешь узнать преимущества благодати. Грех лишил нас настоящей жизни, а явившаяся благодать даровала нам не только настоящую, но и бессмертную и вечную жизнь. Виновником же всего этого был для нас Христос. Потому, имея праведность, не сомневайся касательно жизни: ведь праведность выше жизни, так как она – матерь ее. *Что убо? Пребудем ли во гресе, да благодать преумножится? Да не будет* (VI, 1). (Апостол) опять переходит к нравоучительной речи, но не преимущественно держится ее, чтобы не показаться для многих неприятным и тягостным, а касается ее только в связи с речью о догматах. Если и при таком искусстве в речи он опасался, как бы некоторые не были недовольны его словами, почему и оговаривался: *дерзее же писах вам отчасти* (Рим. XV, 15), то тем более он показался бы им резким, если бы не делал этого. Итак, он доказал, что благодать вполне достаточна для уврачевания и великих грехов. Но все же для неразумных эти слова могли показаться побуждением ко греху. Если, могли бы они говорить, благодать явилась в большей мере, когда мы много и согрешили, то не престанем грешить, чтобы обильно являлась и благодать. Чтобы они этого не говорили и не думали, смотри, как (апостол) устраняет их возражение, – сначала запрещением, сказав: *да не будет,* как обыкновенно выражается о чем-нибудь по общему признанию крайне нелепом, а потом приводит неопровержимое доказательство. Какое же? *Иже бо умро-*

хом греху, како еще жити будем в нем (ст. 2)? Что значит – *умрохом?* Или то, что все мы подпали тому же приговору, какой произнесен против греха, или то, что мы, уверовав и просветившись, сделались мертвыми для греха. Лучше принять последнее, как это видно и из дальнейшего. Что же значит – сделаться мертвым для греха? Ни в чем более не слушаться его. Хотя крещение и совершило это однажды, то есть умертвило нас для греха, но далее мы сами должны постоянно и со всем нашим прилежанием совершенствоваться, так чтобы не слушаться греха, что бы он ни приказывал нам, и оставаться неподвижно, подобно мертвецу. Хотя в других местах (апостол) говорит, что умер самый грех, но там он говорит это, желая показать легкость достижения добродетели; здесь же, чтобы скорее возбудить слушателя, к нему самому относит смерть. Потом, так как сказанное было неясно, то он опять объясняет тоже самое, пользуясь выражениями более сильными. *Или не разумеете,* братия, говорит он, *яко елицы во Христа крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть* (ст. 3, 4). Что значит: *в смерть Его крестихомся?* То, что и мы должны умереть, как Он, потому что крещение есть крест. Чем для Христа был крест и гроб, тем для нас стало крещение, хотя и в другом отношении: Христос умер и погребен плотью, а в нас умер и погребен грех. Потому (апостол) не сказал: снасаждени смерти, но: *подобию смерти.* То и другое – смерть, но не в отношении к одному и тому же бытию: во Христе – в отношении к плоти, а в нас – в отношении к греху. Как во Христе, так и в нас смерть есть истинная. Но хотя грех и истинно в нас умирает, однако нужно опять содействие и с нашей стороны. Потому (апостол) присовокупил: *да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем* (ст. 4). Здесь вместе с попечением о жизни (апостол) прикро-

венно говорит и о воскресении. Как же? Ты, спрашивает (апостол), уверовал тому, что Христос умер и воскрес? Потому верь и собственному воскресению, так как и в этом ты уподобляешься Христу, – и тебе предлежат крест и гроб. Если ты участвовал в смерти и погребении, то тем более будешь участвовать в воскресении и жизни: когда ты освобожден от большего, то есть от греха, тебе не должно сомневаться в меньшем, то есть в уничтожении смерти. Но (апостол) пока предоставляет слушателям обсуждать это по собственному разумению, а сам, в ожидании будущего воскресения, требует от нас иного воскресения, именно новой жизни, заключающейся в перемене нравов настоящей нашей жизни. Когда блудник делается целомудренным, корыстолюбец – милосердным, жестокий – кротким, то и в этом заключается воскресение, служащее началом будущего. В каком же смысле это есть воскресение? В таком, что грех умерщвлен, а праведность воскресла, ветхая жизнь упразднилась, а начата жизнь новая и евангельская. А всякий раз, как слышишь о новой жизни, разумей великую перемену и большое превращение.

5. Но мне остается плакать и тяжко воздыхать, когда представлю, с одной стороны, какого великого любомудрия требует от нас Павел, а с другой – какой беспечности мы предали себя, возвращаясь после крещения к прежней старости, поворачивая опять в Египет и вспоминая после манны об египетском чесноке. Через десять или двадцать дней по принятии крещения мы уже переменяемся и снова беремся за прежние дела. Павел требует от нас доброго поведения не на известное число дней, а на целую жизнь нашу, мы же возвращаемся на прежнюю блевотину, даже после юности, полученной от благодати, уготовляя себе прежнюю старость от грехов. Ведь любовь к деньгам, служение гнусным страстям и всякий вообще грех обыкно-

венно делают старым всякого совершающего их, а ветхое и состарившееся близко к разрушению. Невозможно, подлинно невозможно видеть, чтобы и тело изнемогало от времени так, как портится и ослабевает душа от множества грехов. Она впадает в крайнюю болтливость, говорит невнятно, как старики или безумные, страдает притуплением внешних чувств, поражением членов тела, забывчивостью и гноетечением из глаз, становится отвратительной для людей и вполне пригодной для диавола. Таковы души грешников. Но не таковы души праведников, а юны и бодры, пребывают всегда в полном расцвете возраста, всегда готовы ко всякой борьбе и брани; души же грешников, когда подвергаются и слабому нападению, обыкновенно тотчас падают и погибают. Это выразил пророк, сказав, что *яко прах, его же возметает ветр от лица земли* (Пс. I, 4), так непостоянны и подвержены всякому нападению живущие во грехах. Они не видят хорошо, не слышат правильно, говорят нераздельно, постоянно заикаются, рот их всегда полон слюны, и хорошо бы — только слюны, это было бы не так отвратительно, но они испускают речи зловоннее всякой грязи, а хуже всего то, что они оказываются не в силах выплюнуть слюну таких речей, но с большим бесстыдством вытаскивают ее рукой, и снова растирают ее, так как она сделалась густой и трудно разделимой. Вероятно, вы чувствуете отвращение, слыша мое описание; тем отвратительнее сам предмет. Если неприятно это видеть в теле, то гораздо неприятнее в душе. Таков был тот юноша, который, расточив все свое имущество, дошел до последней порочности, сделавшись расслабленнее всякого больного и помешанного в уме. Но как только он пожелал, вдруг сделался молодым от одного лишь расположения и перемены мыслей. Как только он сказал: возвращусь к отцу моему (Лк. XV, 18), одно это слово, или правиль-

нее сказать, не только слово, но и дело, последовавшее за словами, доставили ему все блага. Он не сказал: пойду и — остался, но сказал: пойду и — пошел и совершил весь путь свой. Станем так поступать и мы; если мы будем увлечены на чужую сторону, то возвратимся в отеческий дом и не побоимся продолжительности пути. Если только пожелаем, наше возвращение будет удобно и весьма скоро, оставим только чужую и неродную нам сторону, то есть грех, который далеко отводит нас от родительского дома. Итак, оставим грех, чтобы скорее возвратиться под отеческий кров. Отец любвеобилен и не меньше, а еще больше полюбит нас кающихся, чем угождавших Ему, так как и блудного сына отец удостоил тогда большей чести и сам, найдя сына, обрадовался в большей мере. Но как мне возвратиться? — говоришь ты. Положи только начало дела, и все уже сделано; остановись в порочной жизни и не иди далее, и — ты уже все получил. Как и с больными и то уже составляет начало улучшения, если не делается им хуже, тоже бывает и в отношении ко злу: не иди далее и порочные дела придут у тебя к концу. Если ты будешь так поступать в продолжение двух дней, то на третий тебе будет легче воздержаться, а к трем дням ты потом приложишь десять, после — двадцать, потом — сто, потом — и целую жизнь. Чем далее станешь подвигаться вперед, тем легче будет казаться твой путь; наконец, достигнешь самой вершины и тогда сразу насладишься многими благами. Ведь и тогда, когда возвратился блудный сын, явились свирели, гусли, лики, пиршества и празднества; тот, кто должен был потребовать у сына отчета в безвременной расточительности и в таком продолжительном бегстве, не сделал ничего подобного, но встретил его, как заслужившего похвалу, не сказал ему ни одного укоризненного слова, даже не показал вида, что вспомнил о прежней его жизни, но обнял его, поцеловал, заколол

теленка, облек в одежду и много украсил его. И мы, имея такие примеры, сделаемся смелыми и не будем отчаиваться. Ведь Бог не столько радуется, когда Его называют Владыкой, сколько тогда, когда Его называют Отцом, не столько тогда, когда Он приобретает раба, сколько тогда, когда приобретает сына, и Ему более угодно иметь сына, чем раба. Все, что Он ни делал, Он делал для этого именно, и не пощадил Единородного Своего, чтобы мы получили усыновление, чтобы мы любили Его не только как Владыку, но и как Отца. И если Он достигает этого от нас, то превозносится, как и тот, кто прославляет Его; всем об этом объявляет, хотя не имеет нужды ни в чем нашем. Это Он делал и с Авраамом, непрестанно повторяя: Я Бог Авраама, Исаака и Иакова. Хотя следовало бы слугам хвалиться этим, но теперь Господин открыто делает это. Потому и Петра спрашивает: *любиши ли Мя паче сих* (Ин. XXI, 15)? Показывая, что прежде любви ничего от нас не требует. Потому и Аврааму велел принести сына в жертву, чтобы показать всем, как сильно любит Его патриарх. А желание быть сильно любимым происходит от сильной любви. Потому и апостолам Христос говорил: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. X. 37).

6. Поэтому, хотя к нам ближе всего душа наша, однако Бог ставит ее в отношении любви к Себе на втором месте, так как желает, чтобы мы любили Его выше всякой меры. И мы, когда не сильно к кому-нибудь расположены, от того и не требуем сильной привязанности, хотя бы он был велик и знаменит; когда же когонибудь любим горячо и искренне, то, хотя бы любимый человек был прост и незначителен, мы взаимную его любовь считаем для себя величайшей честью. Так и Христос вменил Себе в славу не только быть нами любимым, но и перенести за нас поношение. Но то по

одной только Его любви было славой, а что мы переносим ради Него, это поистине может быть названо и действительно есть слава не только по одной любви, но также по величию и достоинству Любимого нами.

Итак, когда мы станем стремиться к величайшим венцам, то не будем считать для себя обременительным и неприятным ни опасности за Него, ни бедность, ни болезнь, ни поругание, ни клевету, ни самую смерть, всякий раз как терпим это за Него. Если будем бодрствовать, из всего этого получим величайшую пользу; а если не будем бодрствовать, то не получим никакой пользы и от противоположных дел. Смотри же: вредит ли кто-нибудь тебе и враждует? Он учит тебя бодрствовать и доставляет тебе случай сделаться подобным Богу. Если ты возлюбишь злоумышляющего против тебя, то уподобишься Тому, Кто *солнце свое сияет на злыя и благия* (Мф. V, 45). Другой отнимает от тебя имущество? Если ты великодушно это перенесешь, получишь одинаковую награду с теми, которые раздали все нищим: (апостол) говорит: *и разграбление имений ваших с радостию прияссте, ведяще лучшее имети себе имение на небесех, и пребывающее* (Евр. X, 34). Кто-нибудь зло отозвался о тебе и укорил тебя? Правда ли это, или ложь, но ты сплел себе величайший венок, если кротко перенес укоризну. Клеветник также доставит нам большую награду, так как сказано: *радуйтеся и веселитеся, егда рекут всяк зол глагол на вы лжуще: яко мзда ваша много на небесех* (Мф. V, 11, 12). А кто говорит о нас правду, опять приносит нам величайшую пользу, если только слова его переносим смиренно. Так, фарисей злословил мытаря и, хотя говорил правду, однако сделал из мытаря праведника. И нужно ли перечислять все отдельные случаи, когда можно в точности узнать все это, вспомнив о подвигах Иова? Потому и Павел сказал: *аще Бог по нас, кто на ны* (Рим. VIII, 31)? Итак, если мы заботливы, то и от неприятно-

го получаем пользу, а если беспечны, то и от полезного не делаемся лучшими. Скажи мне: принесло ли Иуде пользу пребывание вместе с Христом? Полезен ли был иудеям закон? Адаму – рай? Евреям в пустыне – Моисей? Потому, оставив все, должно обратить внимание только на то единственно, чтобы нам благоустроить себя самих; если мы сделаем это, то и сам диавол никогда не в состоянии будет одолеть нас, а принесет нам еще большую пользу, научив нас бодрствовать. Так и Павел побуждал к бдительности ефесян тем, что изобразил лютость диавола. Но мы спим и храпим, притом тогда, когда имеем столь лукавого противника. И если бы мы узнали, что притаилась змея у нашей постели, то, конечно, приложили бы все старание к тому, чтобы убить ее; а когда диавол спрятался в наших душах, то мы думаем, что с нами не происходит ничего худого, а между тем мы уже пали. Причина же этого та, что диавола мы не видим телесными очами, хотя вследствие этого нам следовало бы более бодрствовать и быть осторожными. Ведь от видимого врага и уберечься можно легко, а от невидимого мы не можем поспешно убежать, если не будем всегда вооружены, тем более, что диавол не умеет сражаться открыто, чтобы тотчас самому не попасться в плен, но часто под видом дружбы впускает жестокий яд свой. Так он поступил с женой Иова, внушив ей под личиной нежной любви предложить свой злой совет; так, и беседуя с Адамом, он притворяется, что заботится и радеет о нем, и говорит: *отверзутся очи ваши, в онъже аще день снесте от древа* (Быт. III, 5); так Иеффаю, под видом благочестия, внушил умертвить дочь и принести беззаконную жертву. Заметил ли ты козни его? Заметил ли разнообразную его брань? Итак, будь осторожен, оградись отовсюду духовным оружием, постарайся в точности узнать его замыслы, чтобы самому тебе не оказаться пленником,

а легко захватить его. Так Павел, в точности зная все ухищрения диавола, одолел его, о чем и сам говорит: *не не разумеваем бо умышлений его* (2 Кор. II, 11). Подобным образом и мы постараемся узнать козни диавола и избегать их, чтобы, одержав над ним победу, заслужить похвалу и в настоящей жизни и в будущем веке и получить нетленные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Аще бо снасаждени быхом подобию смерти Его, но и воскресения будем (VI, 5)

1. О чем я говорил уже выше, о том скажу и теперь, а именно, что (апостол в послании к Римлянам) часто переходит к нравоучительному слову не так, как в остальных посланиях, которые он разделяет на две части и первую назначает для догматического учения, а вторую попечению о нравах; но здесь не так, а попеременно делает это на протяжении всего послания, чтобы слово его было хорошо принято. Итак, он говорит здесь, что существуют два умерщвления и две смерти: одно умерщвление совершается Христом в крещении, а другое должно совершаться нами посредством нашей деятельности после крещения. То, что в крещении погребены прежние наши грехи, составляет Христов дар, а пребывание после крещения мертвыми для греха — это должно быть делом собственного нашего попечения, хотя и здесь, как увидим, всего более помогает нам Бог. Крещение имеет силу не только заглаждать прежние согрешения, но и защищает от будущих. И как для заглаждения прежних грехов ты принес веру, так и для

того, чтобы опять не оскверняться грехами после крещения, ты должен обнаружить перемену в усердии. Советуя это самое, (апостол) и говорит: *аще бо снасаждени быхом подобию смерти Его, но и воскресения будем.* Заметил ли ты, как он возвысил слушателя, возведя его прямо к самому Господу и стараясь доказать большое с Ним подобие. А чтобы ты не стал возражать, апостол не сказал: смерти, но: *подобию смерти,* так как в тебе не самая сущность умерла, а умер греховный человек, то есть порочность. Не сказал также (апостол): если мы приобщились подобию смерти, но как говорит? *Аще бо снасаждени быхом,* намекнув словом — насаждение на плод его в нас. Как Христово тело, погребенное в земле, принесло плод — спасение мира, так и наше тело, погребенное в крещении, принесло плод — правду, освящение, усыновление и бесчисленные блага, а впоследствии принесет и дар воскресения. И так как мы погребены в воде, а Христос в земле, ты в отношении греха, а Он телом, то (апостол) не сказал: снасаждены быхом смерти, но: *подобию смерти,* потому что хотя то и другое есть смерть, но не в отношении к одному и тому же. *Аще снасаждени быхом в смерти*, говорит, *и воскресения будем.* Здесь он разумеет будущее воскресение. Так как выше, когда рассуждал о смерти и говорил: *или не разумеете,* братия, *яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смертъ Его крестихомся,* — он ясно ничего не сказал о воскресении, но о жизни после крещения, повелев *ходить в обновлении жизни,* то здесь, употребив тоже выражение, предвозвещает уже нам о будущем воскресении. А чтобы ты понял, что (апостол) говорит именно о будущем воскресении, а не о воскресении в крещении, он, сказав: *аще снасаждени быхом подобию смерти его,* не сказал, что и подобию воскресения снасаждены будем, но просто — *и воскресение будем.* Чтобы ты не возразил: «если мы не умерли, как умер Христос, то как же мы

воскреснем, как Он воскрес?» – апостол, когда упомянул о смерти, не сказал: снасаждены смерти, но – *подобию смерти;* а когда говорит о воскресении, не сказал: подобию воскресения, но и самого *воскресения будем.* И опять не сказал: были, но: *будем,* указывая и этими словами не на бывшее уже, но будущее воскресение. Потом, желая сделать свою речь достоверной, он указывает на другое воскресение, совершающееся здесь прежде будущего, чтобы ты по настоящему уверовал и в будущее. Сказав именно, что *снасаждени воскресения будем,* присовокупил: *сие ведяще яко ветхий наш человек с ним распятся, да упразднится тело греховное* (ст. 6). Здесь (апостол) представил вместе причину и доказательство будущего воскресения; и он не сказал: распятся, но: *с ним распятся,* сближая крещение и крест. Так и выше говорил: *снасаждени быхом подобию смерти Его, да упразднится тело греховное,* называя так не это наше тело, но всю порочность. Как именем ветхого человека он называет вообще все зло, так телом ветхого человека опять называет зло, слагающееся из разных видов порока. И что сказанное – не мое предположение, послушай, как сам Павел объясняет это далее. Сказав: *да упразднится тело греховное,* он присовокупил: *яко ктому не работати нам греху* (ст. 6). Желаю, чтобы тело было мертво, но не в том смысле, чтобы оно разрушилось и погибло естественной смертью, а в том, чтобы не грешило. И дальше (апостол) еще более разъясняет это, говоря: *умерый бо свободися от греха* (ст. 7). Это (апостол) говорит о всяком человеке, потому что как умерший освободен от греха уже тем самым, что лежит мертв, так и вышедший из крещения: он однажды уже умер, поэтому ему должно навсегда оставаться мертвым для греха.

2. Итак, если ты умер в крещении, оставайся мертвым, потому что всякий умерший не может уже гре-

шить; а если ты грешишь, то уничижаешь дар Божий. Таким образом, потребовав от нас столь высокого любомудрия, (апостол) немедленно указывает и на награду, говоря: *аще же умрохом со Христом* (ст. 8). Хотя быть в общении с Владыкой, прежде всякой иной награды, само по себе есть уже величайший венец, но, кроме его, говорит (апостол), я предлагаю тебе другую награду. Какую же? Вечную жизнь. *Веруем*, говорит он, *яко и живи будем с Ним* (ст. 8). Откуда же это видно? *Ведяще, яко Христос воста от мертвых, ктому уже не умирает* (ст. 9). Обрати опять внимание на искусство (апостола), как он раскрывает свою мысль от противоположного. Так как крест и смерть естественно приводили некоторых в страх, то он доказывает, что они именно и должны укреплять в надежде. Если Христос умер однажды, говорит (Павел), то не подумай, что Он смертен; напротив, вследствие этого самого Он пребывает бессмертным, так как смерть Его была смертью смерти, и так как Он умер; то и не умирает. Это и есть – смертью *греху умре* (ст. 10). Что значит: греху? То есть, Сам по Себе Он не был повинен смерти, а умер за наш грех. Для того Он и умер, чтобы истребить грех, подрезать ему жилы и отнять у него всю силу. Замечаешь ли ты, как (апостол) устрашил? Если Христос не умирает в другой раз, то нет и второго крещения, а если нет второго крещения, то ты не должен иметь склонности к греху. Все это (апостол) говорит, восставая против думавших: *сотворим злая, да приидут благая*, или: *пребудем во гресе, да благодать приумножится*. Желая с корнем уничтожить такое мнение, он и высказывает это. *А еже живет*, продолжает, *Богови живет* (ст. 10), то есть непрерывно, так что смерть не имеет уже над ним власти. Если Христос умер первой смертью, не будучи повинен смерти, а за грех других, тем более не умрет Он ныне, истребив грех. То же самое выразил (Павел) и в посла-

нии к Евреям, говоря: *единою в кончину веков, во отметание греха, жертвою Своею явися. И якоже лежит человеком единою умрети, тако и Христос единою принесеся, во еже вознести многих грехи, второе без грехи явится ждущим Его во спасение* (Евр. IX, 26–28). Апостол показывает и силу жизни по Боге и могущество греха, – силу жизни по Боге тем, что Христос уже не умрет, а могущество греха тем, что он побудил умереть Безгрешного; следовательно, как же он не погубит тех, которые действительно виновны? Потом, так как (апостол) беседовал о жизни Христовой, то, чтобы кто-либо не сказал: «какое эти слова имеют отношение к нам»? – он присовокупил далее: *такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови* (ст. 11). Хорошо сказал – *помышляйте,* потому что пока невозможно представить видимым образом то, о чем он говорит. О чем же мы должны помышлять, спросишь? *Мертвых себе быти греху, живых же Богови о Христе, Иисусе Господе нашем,* то есть живущий для Бога достигнет всякой добродетели, имея своим споборником самого Иисуса; это и значит – *о Христе.* Если он воскресил нас мертвых, то тем более может поддержать нас, когда мы живем. *Да не царствует убо грех в мертвеннем вашем теле, во еже послушати его* (ст. 12). Не сказал (апостол): да не живет, или: да не действует плоть, но: *да не царствует грех,* потому что Христос пришел не упразднить природу, но исправить волю. Затем, показывая, что мы удерживаемся во власти порока не силой или по необходимости, но добровольно, (апостол) не сказал: да не господствует, что указывало бы на принуждение, но: *да не царствует.* Неуместно было бы руководимым в царство небесное иметь царем грех и призываемым царствовать со Христом желать сделаться пленниками греха, как нелепо было бы и то, если бы кто-нибудь, сняв с головы диадему, захотел быть рабом безумной женщины, убогой

и одетой в рубище. Потом, так как тяжело победить грех, то смотри, как (апостол) и легкость показал, и в труде утешил, сказав: *в мертвеннем вашем теле.* Этим он дает понять, что подвиги временны и скоро прекращаются, а вместе напоминает нам о прежних злых делах и о корне смерти, так как сначала тело сделалось смертным через грех. Но можно не грешить, имея и смертное тело. Заметил ли ты все богатство Христовой благодати? Адам, еще не имея смертного тела, пал, а ты можешь быть увенчанным, получив в удел тело, подверженное смерти. А каким образом, спросишь, царствует грех? Не собственной силой, но по твоей беспечности. Потому, сказав: *да не царствует,* объясняет самый образ этого царствования, присовокупив следующие слова *во еже послушати его в похотех его.* Уступить телу все, даже и власть, не составляет чести, но есть крайнее рабство и верх бесчестья. Когда оно делает, что желает, тогда бывает лишено всякой свободы, а когда встречает препятствия, тогда оно преимущественно сохраняет свое достоинство. *Ниже представляйте уды ваша оружия неправды греху, но оружия правды* (ст. 13).

3. Итак, тело служит средством и для порока, и для добродетели, подобно оружию, которое у пользующегося им пригодно на дела того и другого рода; так одним и тем же оружием защищаются – и воин, сражающийся за отечество, и разбойник, вооружающийся против граждан; следовательно, вина падает не на оружие, а на того, кто употребляет его во зло. Тоже самое можно сказать о плоти, которая бывает тем или другим не по собственной природе, а по расположению души. Когда ты с излишним вниманием смотришь на чужую красоту, то оружием неправды бывает глаз не по собственной своей деятельности (потому что глазу свойственно смотреть и не лукаво смотреть), но по лукавству управ-

ляющего им помысла; если ты обуздал помысл, то и глаз делается орудием правды. Тоже должно сказать о языке, о руках и всех прочих членах. И апостол хорошо наименовал грех неправдой: кто грешит, тот поступает несправедливо или в отношении себя самого, или в отношении ближнего, но гораздо больше в отношении себя, чем в отношении ближнего. Итак, отводя от порока, (апостол) ведет к добродетели и говорит: *но представляйте себе Богови, яко от мертвых живых* (ст. 13). Смотри, как он побуждает простыми наименованиями, там назвав грех, а здесь Бога. Указав, как велико различие между царствующими, он лишил всякого извинения того воина, который оставил Бога и пожелал подчиниться царству греха. И не здесь только, но и в следующих словах он раскрывает это, говоря: *яко от мертвых живых.* Этими словами он показывает гибельность греха и величие Божьего дара. Представьте себе, говорит он, каковы вы были прежде и каковы вы стали теперь. Кто же вы были? Мертвецы и погибшие такой гибелью, от которой не было никакой возможности избавиться, потому что не было никого, кто бы мог помочь вам. И какими же вы стали из тех мертвецов? Живущими жизнью бессмертной. Через кого? Через всемогущего Бога. Итак, справедливо подчиниться Ему с таким усердием, какое свойственно сделавшимся из мертвых живыми. *И уды, ваша орудия правды Богови* (ст. 13). Следовательно, тело не есть что-либо худое, если оно может сделаться оружием правды. Сказав же об оружии, (апостол) возвестил, что наступила тяжкая брань. Потому нам нужны крепкое вооружение, дух мужественный и хорошо сведущий в делах браней такого рода, а всего нужнее вождь. Но вождь уже присутствует, будучи всегда готов для союза с нами, никогда непобедимый; Он приготовил нам и крепкое оружие, требуется лишь от нас согласие употреблять это оружие как должно, под

условием и вождю повиноваться, и действовать оружием за отечество. Итак, внушив нам столь великое, напомнив об оружии, битве и бранях, (апостол) опять воодушевляет воина и возбуждает в нем готовность, говоря: *грех бо вами да не обладает: несте бо под законом, но под благодатию* (ст. 14). А если грех более уже не господствует над нами, то для чего апостол (увещевал) прежде: *да не царствует грех в мертвеннем вашем теле, ниже представляйте уды ваша оружия неправды греху?* Что значит эта речь? Здесь (апостол) мимоходом высказывает мысль, которую впоследствии должен раскрыть и обработать со всем искусством. Какая же это мысль? Тело наше до пришествия Христова было легкодоступно греху. Ведь после смерти в него вошло большое множество страстей и потому оно сделалось крайне неспособным идти путем добродетели. Не было еще ни вспомоществующего Духа, ни крещения, могущего умертвить, но оно бежало, подобно какому-то необузданному коню, и часто грешило, потому что закон, хотя и предписывал, что нужно делать и чего не делать, не давал подвизающимся ничего, кроме словесного увещания. Когда же явился Христос, борьба сделалась легче. Потому нам, как получившим участие в большей помощи, назначены и более трудные подвиги, почему Христос и сказал: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидите в царствие небесное* (Мф. V, 20). Впоследствии апостол говорит об этом яснее, а пока он здесь кратко намекает на это, показывая, что если мы не слишком подчинились греху, то он нас не одолеет. Ведь не один только закон повелевает, но и благодать, которая простила прежнее и укрепляет для будущего. Закон обещал венцы после трудов, а благодать сперва увенчала, а потом призвала к подвигам. Но, по моему мнению, здесь разумеется не целая жизнь верующего, а делается сравнение между крещением и законом, о чем (апостол) гово-

рит и в другом месте, что *писмя убивает, а Дух животворит* (2 Кор. III, 6). Закон обличает преступление, а благодать освобождает от него. Как закон, обличая, обнаруживает грех, так благодать, прощая, не позволяет оставаться под грехом, так что ты в двояком отношении бываешь освобожден от власти греха, потому, во-первых, что не находишься под законом, и во-вторых, потому что пользуешься благодатью.

4. Итак, после того как (апостол) успокоил слушателя предыдущими словами, он опять утверждает его, предлагая увещание в виде возражения и говоря так: *что убо? согрешим ли, зане несмы под законом, но под благодатию? Да не будет* (ст. 15). Хотя сначала (апостол) на предложенный вопрос, как крайне неуместный, отвечает отрицанием, но потом переводит речь на увещание и доказывает что легкость подвигов велика, говоря так: *не весте ли, яко ему же представляете себе рабы в послушание, рабы, есте, егоже послушаете, или греха в смерть, или послушания в правду* (ст. 16)? Не говорю уже, рассуждает (апостол), о геенне и о тяжком будущем наказании, но о настоящем стыде, когда вы становитесь рабами и притом рабами добровольными, рабами греха, и за такую награду, чтобы снова умереть. Если до крещения грех произвел телесную смерть, и рана потребовала такого врачевания, что Владыка всяческих принял смерть и таким образом разрушил зло, то чего не произведет грех, овладев тобой, когда после столь великого дара и свободы ты снова и добровольно склонишься под его иго? Итак, не стремись в эту бездну, не предавайся добровольно греху. Во время войн часто воины сдаются и невольно, но здесь никто не победит тебя, если ты сам не сделаешься изменником. Потому внушив надлежащим образом стыд, (апостол) устрашает и воздаяниями и указывает на возмездия за дела того и другого рода, именно — на праведность и смерть, смерть не теле-

сную, но гораздо более ужасную. В самом деле, если Христос более уже не умрет, то кто разрушит эту смерть? Никто. Следовательно, необходимо вечно терпеть наказание и мучиться, так как не будет уже и чувственной смерти, как здесь, которая дала бы покой телу и разлучила его с душой: *последний враг иепразднится смерть* (1 Кор. XV, 26). Отсюда, наказание будет бессмертно. Но не то ожидает повинующихся Богу, а их наградой будет праведность и блага из нее произрастающие. *Благодарим убо Бога, яко бесте раби греху, послушасте же от сердца, в оньже и предастеся образ учения* (ст. 17). Пристыдив рабством, устрашив и побудив воздаяниями, (апостол) опять ободряет (слушателей) напоминанием о благодеяниях. В настоящих словах он показывает, что они освободились от великих зол, что освободились не собственными силами и что будущее более приятно. Подобно тому как кто-нибудь, освободив пленника от жестокого мучителя и убеждая не возвращаться к нему, напоминает об ужасной его власти, так и Павел весьма ясно изображает минувшие бедствия, говоря и о благодарении Богу. Нужна была нечеловеческая сила, говорит он, чтобы освободить нас от всех тех зол; но благодарение Богу, Который восхотел и возмог избавить нас. И прекрасно сказал (апостол): *послушасте от сердца,* то есть вы не подверглись принуждению или насилию, но добровольно, по собственному расположению отстали от греха. В этом заключается как похвала, так вместе и упрек. Если вы пришли добровольно и не подверглись никакому принуждению, то какое вы можете иметь извинение и какое оправдание, когда возвратитесь опять на прежнее? А потом, чтобы ты познал, что все это зависело не от их только расположения, но и от Божией благодати, апостол, сказав: *послушасте от сердца,* присовокупил: *в оньже предаетеся образ учения.* Послушание от сердца показывает свободную

волю, а слово – *предастеся* намекает на помощь Божию. Какой же образ учения? Жить правильно и осмотрительно. *Свободшеся же от греха, поработистеся правде* (ст. 18). (Апостол) указывает здесь на два Божия дара: на освобождение от греха и порабощение правде, которое лучше всякой свободы. Бог поступил так же, как поступает, например, тот человек, который, взяв сироту, уведенного варварами в их землю, не только освободил его от плена, но заменил ему собой попечительного отца и возвел его в весьма высокое достоинство. Подобное случилось и с нами. Бог не только освободил нас от древних зол, но привел в ангельскую жизнь, уравнял нам путь к совершеннейшей добродетели, после того как отдал нас под защиту праведности, убил древнее зло, умертвил ветхого человека и руководил нас к бессмертной жизни. Итак, пребудем в этой жизни, как действительно живые, потому что многие, хотя повидимому и дышат и ходят, однако находятся в состоянии более жалком, чем мертвые.

5. Ведь существуют различные роды мертвенности: есть мертвенность телесная, по которой Авраам, будучи мертв, не был мертвым, как и сказано: *несть Бог, Бог мертвых, но живых* (Мф. XXII, 32); есть мертвенность душевная, которую разумел Христос, говоря: *остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. VIII, 22); есть и другая мертвенность, достойная похвалы, происходящая при посредстве любомудрия, о которой говорит Павел: *умертвите уды ваша яже на земли* (Кол. III, 5); наконец, есть мертвенность, производящая предыдущую и бывающая в крещении, как сказано: *ветхий наш человек распятся* (Рим. VI, 6), то есть умерщвлен. Итак, зная это, станем избегать того умерщвления, по которому мы, и будучи живыми, умираем, и не станем бояться того, по которому наступает общая смерть. А два другие рода умерщвления, из которых одно есть блажен-

ное и дано Богом, а другое похвально и зависит как от нас, так и от Бога, мы и изберем и с ревностью станем осуществлять. Одно из этих двух умерщвлений Давид ублажает, говоря: *блажени, ихже оставишася беззакония* (Пс. XXXI, 1), а другое восхваляет Павел, говоря в послании к Галатам: *иже Христовы суть, плоть распяша* (Гал. V, 24). Из другой же пары умерщвлений одно Христос называет достойным пренебрежения, говоря: *не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убити,* а другое — страшным, говоря: *убойтеся же паче могущего и душу и тело погубити в геенне* (Мф. X, 28). Итак, избегая геенны, изберем для себя то умерщвление, которое ублажается и восхваляется, чтобы из других двух мертвенностей одной избегать, а другой бояться. Нет для нас никакой пользы видеть солнце, есть и пить, если жизнь наша не ознаменуется добрыми делами. В самом деле, скажи мне, какая польза, если царь облекся в порфиру, имеет при себе оружие, но не управляет ни одним подданным, а доступен всем, желающим оскорбить его и обидеть? Так и для христианина не будет никакой пользы, если он, имея веру и дар крещения, окажется подвержен всем страстям; в таком случае и обида будет больше, и стыд сильнее. Как царь, облеченный в диадему и багряницу, не только такой одеждой не прибавляет к своей чести, но собственным стыдом бесчестит ее, так и верующий, если ведет порочную жизнь, не только не внушит этим никакого к себе почтения, но еще сделается более смешным. *Елицы бо беззаконно согрешиша,* говорит (апостол), *беззаконно и погибнут, и елицы в законе согрешиша, законом суд приимут* (Рим. II, 12). И в послании к Евреям он говорил: *отверглся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих и триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый* (Евр. X, 28, 29)? И вполне естественно, так как Я, говорит (Христос), через крещение покорил тебе все стра-

сти. Отчего же случилось, что ты оскорбил столь великий дар и сделался вместо одного другим? Я умертвил и похоронил прежние грехи твои, как червей, – зачем же ты породил другие? Ведь грехи хуже червей: черви точат тело, а грехи повреждают душу и производят большее зловоние. Но мы не чувствуем этого, а потому и не спешим очистить душу. Ведь и пьяный не замечает дурного запаха от испорченного вина, а не пьяный хорошо это ощущает. Так и в отношении грехов – живущий целомудренно с точностью примечает их зловоние и нечистоту, а предавший себя пороку, как бы страдая головой вследствие какого-то опьянения, не чувствует даже и того, что он болен. Самое ужасное действие порока состоит в том, что впавшим в него он не дает видеть всю опасность собственной гибели, напротив, валяясь в грязи, они воображают, будто наслаждаются благоуханиями, потому-то они и не могут освободиться, а будучи полны червей, гордятся, точно украшены драгоценными каменьями. Они даже и не желают истребить их, но откармливают и разводят в самих себе до тех пор, пока не передадут их червям будущего века, так как здешние – приспешники будущих, а лучше – не только приспешники, но родоначальники тех, никогда неумирающих червей, по сказанному: *червъ их не умирает* (Мк. IX, 44). Они-то возжигают и геенну, никогда не угасающую. Итак, чтобы этого не было и с нами, иссушим источник зол, угасим печь, исторгнем снизу корень порока, так как, если худое дерево срубишь поверх земли, никакой не сделаешь пользы, потому что снизу останется корень порока, из которого опять пойдут худые отпрыски. Что же составляет корень зла? Узнай об этом от доброго садовника, который в точности знает это, ухаживает за духовным виноградником и возделывает целую вселенную. Что же называет он причиной всех зол? Страсть к деньгам. *Корень бо всем злым*, говорит

он, *сребролюбие есть* (1 Тим. VI, 10). Отсюда битвы, вражда и войны; отсюда ссоры, брани, подозрения и обиды; отсюда убийство, воровство и гробокопательство; вследствие сребролюбия не только города и области, но дороги, места обитаемые и необитаемые, горы, леса, овраги, словом – все полно крови и убийств. Зло это не щадит и моря, но и там неистовствует со всем бешенством, так как морские разбойники, постоянно совершают здесь нападения и изобретают новые способы грабежа. Вследствие сребролюбия извратились законы природы, поколебались союзы родства, рушились права самого бытия.

6. Власть денег вооружила руки не только против живых, но и против умерших; со сребролюбцами нельзя примириться и при посредстве смерти, но они, разломав гробницы, простирают злодейские руки и к мертвым телам и освободившегося от жизни не освобождают от злых своих умыслов. Что бы ты ни встретил худого, в доме ли, или на торжище, в судах или в правительственных местах, в царских чертогах или где бы то ни было, ты можешь заметить, что все зло возникло из сребролюбия. Это именно, это зло наполнило все кровью и убийствами, оно возжгло пламень геенны, оно сделало так, что города стали ничем не лучше, но даже гораздо хуже пустыни. От тех, которые производят грабежи на дорогах, можно еще уберечься, так как они не всегда нападают; а те, которые делают то же самое среди городов, настолько хуже первых, насколько труднее от них уберечься, так как они со всей дерзостью отваживаются на такие дела, какие первые производят скрытно. Сребролюбцы, привлекли к союзу с собой те законы, которые постановлены с целью упразднения их лукавства, наполнили города множеством убийств и преступлений. Скажи мне, не убийство ли и не хуже ли еще убийства – предать нищего голоду, ввер-

гнуть его в тюрьму и вместе с голодом подвергнуть его и мукам и бесчисленным истязаниям. Хотя ты не сам все это делаешь, но служишь причиной этого дела и совершаешь его больше тех, которые тебе служат. Убийца однажды вонзает меч и, причинив кратковременную боль, не продолжает далее мучений; а ты, делая своими клеветами, оскорблениями и злоумышлениями и самый свет для него тьмой и заставляя тысячу раз желать смерти, подумай, сколько причиняешь ему смертей вместо одной. И хуже всего то, что ты грабишь и лихоимствуешь не потому, чтобы тебя угнетала нищета и понуждал голод, но для того, чтобы больше вызолотить узду у коня, кровлю на доме и капители у столбов. И какой не может быть достойно геенны все это, когда ты брата, который вместе с тобой сделался участником неизреченных благ и столько почтен от Владыки твоего, ввергаешь в бесчисленные бедствия, чтобы украсить камни, помост и бессловесных животных, не сознающих этого украшения? И собака у тебя на большом попечении, а человек или, лучше сказать, Христос, ради собаки и всего сказанного осуждается на крайний голод. Что хуже такого безразличия? Что ужаснее такого беззакония? Сколько будет потребно огненных рек для такой души? Сотворенный по образу Божию стоит обесчещен вследствие твоего бесчеловечия, а головы мулов, везущих твою жену, сияют обильным золотом, а также — покровы и деревянные принадлежности балдахина; если нужно сделать стул или подножие, все делается из золота и серебра; а тот, для кого Христос сошел с неба и пролил драгоценную кровь, вследствие твоего корыстолюбия, не имеет у себя самой необходимой пищи. Твои ложа отовсюду обложены серебром, а тела святых лишены и необходимого покрова; для тебя Христос маловажнее всего — и слуг, и мулов, и ложа, и стула, и подножия. Не говорю уже о других бесчестнейших ве-

щах, предоставляя вам самим подумать о том. Если же ты, слыша это, приходишь в ужас, то перестань так поступать и сказанное нисколько тебе не повредит. Перестань, удержись от этого безумия. Явное ведь безумие заботиться об этом. Потому, оставив это, возведем, наконец, когда-нибудь свои взоры на небо, вспомним о будущем дне, помыслим о страшном суде, о строгом отчете, о неподкупном приговоре; помыслим, что Бог все это видит и однако не посылает на нас молний свыше, хотя дела наши не молний только достойны. Но Он и этого не делает, ни моря на нас не воздвигает, ни земли в середине не разверзает, ни солнца не погашает, ни небу со звездами не повелевает пасть, словом сказать, ничего не изменяет, но оставляет, чтобы вся тварь оставалась в порядке и служила нам. Итак, помыслив об этом, возблагоговеем перед величием Его человеколюбия и возвратимся к своему благородству, потому что ныне мы являемся нисколько не лучше, но еще хуже бессловесных. И они любят сродное с ними и довольствуются общностью природы для взаимной склонности друг к другу.

А ты, имея кроме общей природы еще тысячи побуждений быть в тесном союзе с собственными своими членами, именно – одарение разумом, участие в благочестии, общение в бесчисленных благах, сделался однако грубее бессловесных животных, обнаруживаешь большую заботу о вещах бесполезных, и пренебрегаешь храмами Божиими, которые погибают от голода и наготы, даже часто сам подвергаешь их тысячам бедствий. Если ты поступаешь так из славолюбия, то надлежало бы тебе позаботиться о брате больше, чем о лошади. Ведь чем лучше пользующийся твоим благодеянием, тем прекраснее оплетается тебе венец за твое усердие; а теперь, поступая совершенно иначе, ты не чувствуешь, что вооружаешь против себя тысячи обвинителей. Кто

не скажет о тебе худо? Кто не обвинит тебя в крайней жестокости и человеконенавистничестве, видя, что ты унижаешь человеческий род и ценишь бессловесных выше людей, а вместе с бессловесными и свой дом и домашнюю утварь? Разве ты не слышал, как апостолы говорили, что первые, принявшие учение, продавали дома и имения, чтобы кормить братий? А ты и у других отнимаешь дома и угодья, чтобы украсить лошадь, деревья, покровы, стены, помост. А хуже еще то, что не только мужчины, но и женщины страдают этим безумием, вовлекают мужчин в большие напрасные труды и весьма часто принуждают их тратиться на все пустое больше, чем на необходимое. А если кто-нибудь обличает их в этом, они выдумывают оправдание, достойное всякого осуждения. И то, и это бывает, говорят они. Что ты говоришь? Неужели ты не боишься это произносить, ставя алчущего Христа наряду с лошадьми, мулами, ложами и подножками, а лучше сказать и не наряду, но большую часть ты отдаешь другим, а Христу уделяешь едва и малую долю. Разве ты не знаешь, что все принадлежит Ему — и ты сам, и все, что у тебя? Разве не знаешь, что Он образовал тело, даровал душу, дал в удел весь мир? А ты не даешь взамен этого и малого воздаяния. Если ты отдаешь в наем и небольшой домик, то с большой точностью требуешь за него плату; а теперь, пользуясь всем творением Божиим и обитая в столь великом мире, не соглашаешься заплатить и малой цены, но и самого себя и все, что имеешь, отдал в жертву тщеславию, от которого все это и зависит. Ведь конь, украшенный таким нарядом, не может от этого сделаться лучше в своем достоинстве, а также и сидящий на коне человек, который иногда даже теряет в своем достоинстве. Ведь многие, оставив без внимания седока, обращают взоры на убранство коня, на слуг, идущих спереди и сзади и важно выступающих, а того,

кого они сопровождают, многие ненавидят и смотрят, как на общественного врага. Этого не бывает, когда ты украшаешь свою душу, но и люди, и ангелы и сам Владыка ангелов – все сплетают тебе венец. Таким образом, если любишь славу, удержись от того, что делаешь ныне, и не дом, но душу украшай, чтобы сделаться знаменитым и славным; теперь же ничего не может быть ниже тебя, выставляющего напоказ красоту дома и имеющего совершенно пустую душу. Если же ты не выносишь слов моих, послушай, что сделал один из язычников, и постыдись их любомудрия. Рассказывают, что один из них, войдя в великолепный дом, блиставший обильным золотом и сиявший красотой мраморов и колонн, когда увидел, что весь пол в доме устлан коврами, плюнул в лицо хозяину дома. Потом, в ответ на упрек, он сказал, что, так как ни на каком другом месте дома нельзя было этого сделать, он и вынужден был нанести обиду лицу хозяина. Видишь ли, как смешон человек, украшающий наружность, и как презирает его всякий, у кого только есть ум? И вполне справедливо. Ведь если бы кто-нибудь заставил жену твою ходить в рубище и быть в пренебрежении, а служанок одел в пышные одежды, то ты, конечно, не перенес бы этого равнодушно, но разгневался и такой поступок назвал бы крайней обидой. Так помышляй и о душе. Когда ты украшаешь стены, пол, домашнюю утварь и все прочее, но не подаешь щедрой милостыни, не упражняешься и в других делах любомудрия, тогда и ты поступаешь точно также и даже гораздо хуже. Ведь между рабой и госпожой нет различия, но между душой и плотью – большое; а если между душой и плотью велико различие, то гораздо больше между душой и домом, между душой и ложем и подножкой. Итак, какого извинения ты можешь быть достоин, когда все это богато покрываешь серебром, а не обращаешь внимания на то, что душа

твоя одета в рубище, неопрятна, томится голодом, покрыта ранами и терзается тысячами псов, и когда при всем этом ты еще думаешь хвалиться украшением наружных вещей? Это верх безумия — величаться такими делами тому, кто осмеян, поруган, обезображен, обесчещен и подпал самому ужасному наказание. Потому умоляю, размыслив обо всем этом, наконец, отрезвимся, придем в себя и это украшение совне перенесем на душу. Тогда такое украшение пребудет прочным, а нас сделает равными ангелам и доставит нам непреложные блага, которых да будет дано достигнуть всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

Человеческо глаголю, за немощь плоти вашея. Якоже бо представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню (VI, 19)

1. Так как (апостол) потребовал (от римлян) большой строгости в жизни, повелевая им быть мертвыми для мира, умереть пороку и пребывать твердыми в отношении к действию грехов, и так как казалось, что он говорит нечто великое и тяжелое, даже превосходящее человеческую природу, потому, желая доказать, что он не требует ничего чрезмерного и даже не столько, сколько следовало бы от человека, воспользовавшегося столь великим даром (благодати), но и очень соразмерное с человеческими силами и легкое, — он раскрывает это от противного и говорит: *человеческо глаголю*, то есть: он как бы говорил по человеческим соображениям, применительно к тому, что обыкновенно бывает; словом — *человеческо* он обозначает соразмерность (требо-

вания с силами), как и в другом месте говорит: *искушение вас не достиже, точию человеческое* (1 Кор. X, 13), то есть — соразмерное с силами и малое. *Якоже бо представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню.* Хотя велико различие между господами, но однако (апостол) требует равномерного им служения. Надлежало бы предложить гораздо больше и настолько больше, насколько господство правды обширнее и лучше владычества греха, тем не менее (говорит апостол) ничего больше не требую, вследствие вашей *немощи.* И не сказал: по немощи вашей воли или усердия, но: по немощи *плоти вашея,* чтобы сделать речь менее неприятной. Но иное — нечистота, а другое — святыня, иное — беззаконие, а другое — правда. И кто настолько жалок и беден, чтобы не внести такую же ревность в служение Христу, с какой служил греху и диаволу? Выслушай, однако, что (говорит апостол) дальше, тогда ясно узнаешь, что мы не приносим и этого малого. Так как сказанное таким образом казалось просто невероятным и неправдоподобным и никто не согласился бы и слышать, что он не служит Христу столько же, сколько служил диаволу, то (апостол) следующими словами раскрывает это и доказывает достоверность, выводя на середину самое рабство и говоря, как служили греху. *Егда бо раби бесте греха,* говорит (апостол), *свободни бесте от правды* (ст. 20). Это имеет такой смысл: когда вы жили в пороке, нечестии и ужасном зле, то вы жили с таким повиновением греху, что вовсе не делали ничего доброго. Это и есть — *свободни бесте от правды,* то есть вы не были подчинены правде, но были совершенно чужды ей. Вы не разделяли дело служения между правдой и грехом, но всецело предали себя пороку. Потому и ныне, так как вы отложились к правде, всецело предайте самих себя добродетели, вовсе не делая ничего худого, чтобы выполнить

хотя бы равную меру. Но не только нет сходства во владычестве, но и в самом рабстве существует большое различие; это самое (апостол) и раскрывает с большой ясностью и показывает, в чем состояло рабство прежде и в чем состоит теперь. И еще не говорит о вреде, происходившем от этого дела, а пока об одном позоре. *Кий убо тогда имеете плод, о нихже ныне стыдитеся* (ст. 21)? Рабство было таково, что и одно воспоминание о нем приносит теперь стыд. А если воспоминание заставляет стыдиться, то тем более самое дело. Таким образом, вы теперь получили двоякую пользу: освободились от стыда и узнали, в каком состоянии вы были; равно как тогда терпели двоякий вред: делали достойное стыда и не сознавали стыда; это еще хуже первого, и однако, вы оставались в рабстве. Достаточно доказав таким образом вред прежних деяний на основании стыда, (апостол) переходит к самому последствию. Какое же это последствие? *Кончина бо онех смерть* (ст. 21). Так как стыд кажется еще не слишком тягостным бременем, (апостол) переходит к наиболее ужасному, то есть смерти, хотя достаточно было и сказанного выше. Размысли же, какова чрезмерность зла, когда, освободившись от наказания, не могли избавиться от стыда. Какой награды тебе ожидать за такое дело, от которого покрываешься стыдом и краснеешь при одном воспоминании, хотя ты уже избавился от наказания и пользуешься обилием благодати? Но не таково рабство Богу. *Ныне же,* продолжает (апостол), *свобождшеся от греха, порабощшеся же Богови, имате плод ваш во святыню, кончину же жизнь вечную* (ст. 22). Плодом прежних дел, даже по освобождении, был стыд, а плодом нынешних – освящение, а где освящение, там много и упования. Концом тех дел была смерть, а концом нынешних – жизнь вечная.

2. Заметил ли ты, что (апостол) на одно указывает, как на данное, а на другое, как на ожидаемое? Но по

данному бывает уверенность в ожидаемом, по освящению — в жизни. И чтобы не мог ты сказать, что все есть только ожидаемое, (апостол) доказывает, что ты и здесь уже получил плод: во-первых, освободился от порока и от тех худых дел, о которых одно воспоминание приводит в стыд; во-вторых, поработился правде; в-третьих, получил освящение; в-четвертых, достиг жизни, и жизни не временной, но вечной. Но при всем том, говорит (апостол), послужите Богу хотя бы в той же мере, в какой служили греху. Несмотря на то, что Владыка имеет несравнимое превосходство, и разность как в самом служении, так и в наградах, за которые вы служите, велика, я пока ничего больше не требую. Потом, так как он упомянул об оружии и о царе, то продолжает иносказание и говорит: *оброцы бо греха — смерть, дарование же Божие – живот вечный, о Христе Иисусе Господе нашем* (ст. 23). Сказав, что смерть есть возмездие за грех, (апостол) не сохранил подобного порядка и в отношении к делам добрым и не сказал: награда за ваши заслуги, но — *дарование Божие,* показывая, что мы освободились не сами собой и получили не долг, не награду, не воздаяние за труды, но все это произошло по благодати. И отсюда видно преимущество благодати, потому что она не только освободила нас и не только привела к лучшему, но и совершила все это без наших усилий и трудов; она не только освободила, но даровала гораздо больше, — даровала через Сына. Все это указал (апостол), так как и о благодати беседовал и должен был отвергнуть закон. А чтобы то и другое не расположило к большей беспечности, он вставил учение о строгости жизни, постоянно побуждая слушателя к заботе о добродетели. Также и тем, что смерть назвал оброком греха, он опять хочет устрашить и утвердить относительно будущего. Чем приводит (слушателям) на память прежнее, тем же побуждает их к благодарности и укрепля-

ет против всего, что бы ни встретилось. Итак, окончив здесь нравоучение, (апостол) возвращается к догматам и говорит: *или не разумеете, братие? Ведущим бо закон глаголю* (VII, 1). Так как он сказал, что мы умерли для греха, то доказывает здесь, что не только грех, но и закон не имеет уже над нами власти. А если закон не имеет власти, тем более грех. И желая сделать речь приятной, объясняет это примером, взятым из человеческой жизни. И кажется, что он говорит об одном, а предлагает два доказательства предмета, первое — то, что жена, по смерти мужа, не подлежит закону, касающемуся этого мужа, и ей не возбранено стать женой другого; а второе — то, что в настоящем случае не только муж умер, но и жена, так что можно пользоваться двойной свободой. Если по смерти мужа она освободилась от власти, то тем более она стала свободной, когда и сама оказалась умершей. Если одно обстоятельство освобождает ее от власти, тем более оба обстоятельства вместе. Итак, приступая к изложению доказательства относительно этого, (апостол) начинает речь с похвалы слушателям и говорит: *или не разумеете, братие? Ведущим бо закон глаголю,* то есть говорю о деле весьма известном и ясном, говорю людям, знающим все это в точности. *Яко закон обладает над человеком, во елико время живет* (ст. 1). Не сказал: над мужем или женой, но: *над человеком,* так как это имя принадлежит обоим. *Умерый бо,* говорит, *свободися от греха* (Рим. VI, 7). Следовательно, закон положен для живых, а на мертвых не простирается. Замечаешь ли, как он изобразил двоякую свободу? Потом, сделав на это намек в начале, он в доказательстве ведет речь о жене, говоря так: *ибо мужатая жена живу мужу привязана есть законом: аще ли же умрет муж ея, разрешается от закона мужескаго. Темже убо живу сущу мужу прелюбодейца бывает, аще будет мужеви иному: аще ли умрет муж ее, свободна есть от закона, не быти ей прелюбодей-*

це, бывшей мужу иному (ст. 2, 3). (Апостол) раскрывает это часто и с большей точностью, потому что твердо уверен в доказываемой им истине. И под именем мужа он разумеет закон, а под именем жены всех верующих. А потом, заключение он выводит не согласно с предыдущим. Следовало бы сказать: таким образом, братия мои, закон не будет иметь над вами власти, так как он умер. Но он не сказал так, но в предыдущем намекнул на это, а в заключении, чтобы сделать свою речь неоскорбительной для иудеев, представляет жену уже умершей и говорит: *темже, братие моя, и вы умросте закону* (ст. 4). Если как то, так и другое обстоятельство дает одинаковую свободу, то что препятствует угождать закону, коль скоро это дело не приносит никакого вреда? *Мужатая жена живу мужу привязана есть законом.* Где теперь находятся клеветники закона? Пусть они услышат, как (апостол), находясь и в необходимости, не лишает его достоинства, но с уважением отзывается о его власти, говоря, что если закон жив, то иудей привязан к нему, и что являются прелюбодеями те, которые преступают и оставляют закон при жизни его; а если кто оставит его после смерти, то это нисколько не странно, потому что и у людей поступающий так не подлежит осуждение. *Аще же умрет муж, разрешится от закона мужескаго.*

3. Замечаешь ли, как этим примером он показывает, что закон умер? Но не в заключении он это высказывает. *Живу сущу мужу прелюбодейца бывает жена.* Смотри, как он настойчив в обвинениях нарушителей живого закона. Так как закон перестал существовать, то, без всякого опасения, можно заменить его верой, нимало этим его не оскорбляя. *Живу бо сущу закону*, говорит (апостол), *прелюбодейца бывает жена, аще будет мужеви иному. Тем же, братие моя, и вы* — следовало бы сказать: так как закон умер, вы не виновны в прелюбодеянии,

выйдя за другого мужа; но апостол не сказал так, но как? – *умросте закону*. Если вы сделались мертвыми, то не находитесь под законом. Если жена, по смерти мужа, не подлежит ответственности, тем более она свободна от этого, когда умрет сама. Заметил ли ты мудрость Павла, как он доказал, что по воле закона можно разлучиться с законом и стать женой другого мужа. Закон не запрещает, говорит он, по смерти первого мужа выходить за другого. Да и как запретить, когда и при жизни мужа позволяет жене выходить за другого, если она получила разводную? Впрочем, (апостол) не упоминает о том, что служило преимущественно виной женщин, потому что хотя это и было позволено, но однако не было совершенно свободно от обвинения. А когда (апостол) имеет возможность одержать победу с помощью необходимого и всеми признанного, тогда он не ищет излишних доказательств, потому что и не имеет в них нужды. Итак, удивительно то, что сам закон освобождает нас от вины, в случае отступления от него, так что его есть воля, чтобы мы принадлежали Христу. И сам закон умер, и мы умерли, и права власти вдвойне уничтожены. Но (апостол) не довольствуется одним только этим, но прибавляет и причину; он не просто упомянул о смерти, но опять прибавил, что это совершил крест, и таким образом сделал нас повинными. Он не просто говорит: вы освободились, но: смертью Владыки. Именно сказано: *умросте закону телом Христовым*. И убеждает не отсюда только, но также превосходством второго мужа, прибавив: *во еже быти вам иному, восставшему из мертвых*. Потом, чтобы не возразили: «что же? а если мы не желаем выйти за другого мужа? ведь закон не признает прелюбодейцей вдову, вступающую во второй брак, однако и не принуждает к новому союзу», – чтобы этого не говорили, (апостол) и доказывает, что мы должны желать нового союза вследствие того, что уже сде-

лал для нас Христос. Это самое он яснее выразил в другом месте, говоря: *несте свои;* и: *куплени есте ценою;* и еще: *не будите раби человеком* (1 Кор. VI, 19; 20; VII, 23); и еще: *един за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них* (2 Кор. V, 14, 15). Тоже самое он разумел и здесь, сказав: *телом.* Потом (апостол) убеждает высокими надеждами, говоря: *да плод принесем Богови.* Тогда вы приносили плод смерти, а теперь Богу. *Егда бо бехом во плоти, страсти греховныя, яже законом действоваху во удех наших, во еже плод творити смерти* (ст. 5). Видишь ли ты, какой плод от первого мужа? И (апостол) не сказал: когда были мы под законом, — всячески избегая дать какой-нибудь повод еретикам, но говорит: *егда бехом во плоти,* то есть в худых делах, в плотской жизни. Не то он разумеет, что доселе они были во плоти, а теперь ходят, сделавшись бесплотными. Сказав это, он и не говорит, что закон был причиной грехов, и не избавляет его от ненависти, так как закон занимал положение строгого обличителя, обнаруживая грехи; а кто человеку, не расположенному повиноваться, дает большие повеления, тот увеличивает и преступление. Потому (апостол) не сказал: страсти греховные, бывающие под законом, но говорит: *яже законом;* даже не присовокупил: бывающие, но просто: *законом,* то есть законом обнаруживаемые или познаваемые. Потом, чтобы не обвинить и плоти, не сказал: страсти, которые производимы были членами, но: *яже действоваху во удех наших,* показывая, что в человеке есть иное начало порочности, зависящее не от управляемых членов, а от действующих помыслов. Душа занимала положение художника, а природа плоти была как бы гуслями и звучала так, как заставлял художник. Потому нестройную игру нужно вменять не гуслям, а художнику. *Ныне же,* продолжает (апостол), *упраздни́хомся от закона* (ст. 6). Видишь ли, как он опять щадит здесь и плоть и закон?

Не сказал – упразднился закон, или – упразднилась плоть, но – *мы упраздняхомся.* Но когда же *упраздняхомся?* Когда ветхий человек, одержимый грехом, умер и погребен. Это и выразил (апостол), сказав: *умерше, имже держими бехом.* Этим он как бы сказал: узы, державшие нас, истлели и порвались, так что держащему, то есть греху, нечего стало держать. Но ты не падай, не предавайся большей беспечности; ты для того освободился, чтобы снова служить, не по-прежнему, но *яко работати нам во обновлении духа, а не в ветхости писмене.* О чем же говорит здесь (Павел)? Необходимо раскрыть это, чтобы не приходить уже в смущение, всякий раз как встретимся с подобным выражением. Когда Адам согрешил, говорит (апостол), тело его сделалось смертным и страстным, в нем обнаружилось множество природных недостатков, оно стало упрямым и необузданным конем; но Христос, придя, посредством крещения сделал тело для нас более легким, подняв его крылом Духа.

4. Потому нам и предстоят подвиги неодинаковые с подвигами древних, так как тогда был не так удобен путь. Потому (Христос) и требует от нас не только быть чистыми от убийства, как требовалось от древних, но даже быть чистыми от гнева, предписывает нам воздерживаться не только от прелюбодеяния, но и от похотливого взгляда, не только не нарушать клятвы, но и не клясться, и повелевает нам любить вместе с друзьями и врагов; и во всем прочем Он назначил нам более длинные пути для упражнений, в случае же неповиновения угрожает геенной, показывая, что требуемое Им не предоставляется ревности подвизающихся, как девство и нестяжательность, но непременно должно быть исполнено. Заповеданное Христом необходимо и обязательно, и неисполнивший этого подвергается крайнему наказанию. Потому и сказал Он: *аще не избудет правда*

ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное (Мф. V, 20). А кто не увидит царства, тот неминуемо впадет в геенну. Потому и Павел как выше говорил: *грех бо вами да не обладает: несте бо под законом, но под благодатию* (Рим. VI, 14), так и теперь говорит: *яко работати нам во обновлении духа, а не в ветхости писмене.* Теперь не буква осуждающая, то есть ветхий закон, но Дух вспомоществующий. Потому для древних казалось весьма удивительным, если кто-нибудь соблюдал девство; а теперь это явление распространилось повсюду во вселенной; и смерть тогда лишь немногие мужчины презирали, а теперь и в селах и в городах бесчисленные сонмы мучеников, состоящие не только из мужчин, но и из женщин. Потом, сказав это, (апостол) опять разрешает возникающее возражение и в этом разрешении доказывает то, что желает. При этом он представляет решение не прямо, а через противоположение, чтобы при помощи необходимости решения получить повод сказать то, что хотел, и чтобы сделать свое обвинение менее резким. Так, сказав: *во обновлении духа, а не в ветхости письмене,* он присовокупил: *что убо речем? Закон ли грех? Да не будет* (ст. 7). Выше было сказано, что *страсти греховныя, яже законом действодаху во удех наших,* и еще: *грех вами да не обладает: несте бо под законом, но под благодатию;* также: *идеже несть закона, ту ни преступления* (IV, 15); и еще: *закон же привниде, да умножится прегрешение* (V, 20); и еще: *закон гнев соделывает* (IV, 15). Так как все это повидимому служило обвинением закона, то апостол, чтобы устранить такое подозрение, представляет и возражение и говорит: *что убо? Закон ли грех? Да не будет.* Он ответил отрицательно прежде доказательства, чтобы расположить к себе слушателя и уврачевать соблазняющегося, так как, услышав и удостоверившись в направлении мыслей апостола, он вместе с ним будет исследовать то, что представляется недоуменным, и не будет

подозревать говорящего; потому-то апостол заранее и предложил возражение. При этом он не выразился — что мне сказать? но — *что убо речем?* как бы подавались совет и мнение и как бы собралась вся церковь, а возражение исходило не от апостола, а явилось в силу последовательности из сказанного и из сущности дела. Что буква убивает, никто не станет отрицать, говорит апостол; что дух животворит, и это ясно и никто не может это оспаривать. Итак, если в этом нет сомнения, — что мы можем сказать о законе? Что он есть грех? *Да не будет.* Итак, разреши недоумение. Ты заметил, как (апостол) рядом с собой ставит противника и, приняв тон учителя, приступает к решению? В чем же состоит решение? Закон не есть грех, говорит апостол, *но греха не знах, точию законом.* Обрати внимание на высоту мудрости. Что закон не есть грех, (апостол) изложил при помощи возражения, чтобы, отвергнув это и тем угодив иудею, убедить его принять менее важное. Что же это такое менее важное? То, что *греха не знах, точию законом; похоти не ведах*, говорит, *аще не бы закон глаголал: не похощеши* (ст. 7). Ты видишь, как мало-помалу он показывает, что закон не только есть обвинитель греха, но и некоторым образом подает повод к нему? Впрочем, (апостол) раскрывает, что это случается не по вине закона, но от неразумных иудеев. Он постарался заградить уста и манихеев, которые обвиняли закон, именно, сказав: *греха не знах, точию законом, и похоти не ведах аще не бы закон глаголал: не похощеши*, присовокупил: *вину же приемъ грех заповедию, содела во мне всяку похоть* (ст. 8).

5. Замечаешь ли, как (апостол) освободил закон от обвинений? *Вину прием* грех, говорит (апостол), а не закон, увеличил похоть, и произошло противоположное тому, чего желал закон, а это зависело от слабости, а не от дурного его характера. Всякий раз как мы питаем к

чему-нибудь вожделение, а потом встречаем препятствие, то пламя страсти разгорается сильнее. Но это происходит не от закона, который наложил запрещение с тем, чтобы совсем отклонить (от страсти), а грех, то есть твоя беспечность и твоя злая воля употребили добро во зло. Но в худом употреблении лекарства виновен не врач, а больной. Бог не для того дал закон, чтобы им воспламенять похоть, но для того, чтобы угашать ее; случилось же обратное; но вина в этом не его, а наша. Несправедливо было бы обвинять того, кто больному горячкой, не вовремя желающему холодного питья, не дает насытиться и тем усиливает в нем страсть этого гибельного для него удовольствия; дело врача – только запретить, а воздерживаться должен сам больной. Что из того, если грех получил повод от закона? Многие дурные люди и при посредстве добрых приказаний увеличивают собственную порочность. Так диавол погубил Иуду, ввергнув в сребролюбие и побудив воровать принадлежащее нищим; но не то обстоятельство, что ему был вверен денежный ящик, сделало его таковым, а лукавство воли. Оно же изгнало из рая Адама и Еву, побудив их вкусить от древа, и не древо в том было виной, хотя им и был подан повод. Не удивляйся, что Павел, говоря о законе, употребил весьма сильные выражения; он ограничивается необходимым, лишая возможности думающих иначе найти в его словах повод к возражению и обнаруживая большое старание правильно изобразить настоящее. Потому не просто оценивай настоящую речь, но вникни в причину, которая заставила (апостола) так говорить, представь себе неистовство иудеев, и непреодолимое их упорство, которое он старался преодолеть. По-видимому он много говорит против закона, но не с тем, чтобы обвинить закон, а с тем, чтобы уничтожить упорство иудеев. Если же в вину закону поставить то,

что грех посредством него получил повод, то окажется, что это случилось и в Новом Завете. И в Новом Завете имеются бесчисленные законы и притом относительно многих очень важных предметов; и всякий может видеть, что то же самое бывает здесь не только относительно похоти, но и вообще относительно всякого порока. *Аще не бых пришел и глаголал им*, говорит (Христос), *греха не быша имели* (Ин. XV, 22). Значит, грех и здесь нашел для себя содержание, а наказание сделалось больше. Также и Павел, рассуждая о благодати, говорит: *колика мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый* (Евр. X, 29)? Следовательно, и худшее наказание получило повод отсюда — от большего благодеяния. Подобно и об язычниках (апостол) говорит, что они сделались безответными, потому что, будучи одарены разумом, созерцая красоту природы и имея возможность этим путем руководствоваться к Творцу, не воспользовались, как должно, Божией премудростью. Замечай, что добрые действия во многих случаях для порочных служили поводом к большему наказанию. Но, конечно, не будем за это винить Божиих благодеяний; напротив, после этого еще более станем им удивляться и осудим настроение тех, которые воспользовались добром для противоположных целей. Это же сделаем и в отношении закона. Но все это легко и удобопонятно, вызывается же только следующее затруднение. Почему (апостол) говорит: *похоти не ведах, аще не бы закон глаголал: не похощеши*? Ведь если человек не знал похоти, пока не получил закона, то почему произошел потоп? За что был попален Содом? Итак, о чем же говорит (апостол)? О похоти напряженной. Потому не сказал: произвел во мне похоть, но — *всяку похоть*, намекая здесь на сильное ее развитие. Какая же, спросишь, польза от закона, если он усилил страсть? Никакой; но даже большой вред. Впрочем, не

закон виновен, а виновна беспечность принявших закон. Похоть произведена грехом, притом посредством закона, но тогда, когда закон заботился не об этом, а о противоположном. Значит, грех сделался гораздо сильнее закона; но и опять вина в этом не закона, а людской неблагодарности. *Без закона бо грех мертв есть* (ст. 8), то есть не так известен. Хотя жившие и до закона знали, что грешат, но вполне узнали после дарования закона. Вследствие того с этого времени стали подлежать и большему осуждению. Не одно ведь и тоже – иметь обвинителем природу или вместе с природой и закон, который дает на все ясные предписания. *Аз же живях кроме закона иногда* (ст. 9). Когда же, скажи мне? До Моисея. Смотри, как (апостол) старается доказать, что закон и тем, что сделал, и тем, чего не сделал, обременил человеческую природу. Когда я жил без закона, говорит (апостол), не подвергался такому осуждение. *Пришедшей же заповеди, грех убо оживе* (ст. 9). *Аз же умрох* (ст. 10). По-видимому в этом заключается обвинение закона; но если кто тщательно исследует, то здесь обнаружится похвала закону. Ведь закон не произвел греха, дотоле не существовавшего, а только обнаружил грех скрытый; в этом и заключается похвала закону. Если до закона грешили незаметно для себя, то после пришествия закона, хотя и не получили никакой другой пользы, по крайней мере в точности узнали, что грешили; а это уже немало значило в деле освобождения от порока. Если же люди не освободились от порока, то это нисколько не говорит против закона, все для того сделавшего, но вся вина падает на собственную волю людей, повредившуюся сверх всякого ожидания.

6. Ведь совсем несообразно с разумом получать вред от того, что приносит пользу, почему (апостол) и сказал: *и обретеся ми заповедь, яже в живот, сия в смерть*

(ст. 10). Он не сказал: сделалась смертью, или породила смерть, но: *обретеся в смерть,* изъясняя этим необычность и странность такой несообразности и все обращая на голову людей. Если ты хочешь узнать цель закона, говорит (апостол), то – он вел к жизни и для этого дан; если же отсюда произошла смерть, то вина в этом принявших заповедь, а не самой заповеди, которая ведет к жизни. Еще яснее высказал это (апостол) в следующих словах, говоря: *грех бо вину приемъ заповедию, прельсти мя, и тою умертви мя* (ст. 11). Ты заметил, как он везде касается греха, освобождая закон от всякого обвинения? Почему и присовокупил, говоря: *темже убо закон свят: и заповедь свята и праведна и блага* (ст. 12). Если вы желаете, то мы введем в нашу речь толкования и извращающих эти слова (апостола), так как от этого собственная наша мысль будет яснее. Некоторые утверждают, что (апостол) в этих словах говорит не о законе Моисея, но по одним – о законе естественном, а по другим – о заповеди, данной в раю. Но ведь вся цель Павла состояла в том, чтобы отменить закон Моисея, о тех же законах он и не ведет никакой речи, – и вполне естественно, потому что иудеи боялись и трепетали именно закона Моисеева и вследствие этого противились благодати. Притом же, заповедь, данную в раю, как Павел, так и никто никогда, кажется, не называл законом. Чтобы это сделалось более явным из собственных слов (апостола), обратимся к его изречениям, высказанным немного выше. Со всем вниманием беседуя с иудеями о жизни, он говорил: *или не разумеете, братие, яко закон обладает над человеком, во елико время живет? Темже вы умросте закону* (VII, 1). Итак, если это сказано о естественном законе, то оказывается, что мы не имеем его, а если это верно, то мы не разумнее бессловесных. Но не так это – нет! Относительно заповеди, данной в раю, нет необходимости и спорить, чтобы не

предпринять нам напрасного прения о том, что признано всеми. В каком же смысле (апостол) говорит: *греха не знах, точию законом?* Он разумеет не совершенное неведение, а самое точное знание. И если это сказано о законе естественном, то какой смысл имеют следующие слова: *аз же живях кроме закона иногда?* Ведь ни Адам, ни другой какой человек никогда, кажется, не жил без закона естественного; вместе с тем, как Бог сотворил (Адама), Он вложил в него и этот закон, сделав его надежным сожителем для всего человеческого рода. Кроме того, (апостол) нигде, кажется, не называет естественный закон заповедью, а этот закон называет заповедью праведной и святой, законом духовным. Закон же естественный дан нам не от Духа, потому что и варвары, и язычники, и все люди имеют этот закон. Отсюда ясно, что (Павел) и выше, и ниже, — везде рассуждает о законе Моисеевом. Потому и называет его святым, говоря: *закон свят, и заповедь свята, праведна и блага.* Хотя иудеи и после закона были нечистыми, неправедными и корыстолюбивыми, но это не упраздняет достоинства закона, равно как их неверие не уничтожает веру в Бога. Таким образом, из всего этого видно, что апостол говорит это о законе Моисеевом. *Благое ли убо бысть мне смерть?* — спрашивает апостол. *Да не будет: но грех, да явится грех* (ст. 13), то есть да будет доказано, насколько великое зло — грех, а также — беспечная воля, стремление к худшему, самое дело худое и развращенный ум, потому что в этом заключается причина всех зол. (Апостол) увеличивает грех, показывая преизбыток Христовой благодати и поучая, от какого великого зла она избавила человеческий род, так как это зло от всех врачебных средств становилось хуже, а от средств задерживавших его развитие разрасталось еще больше. Потому он и присовокупляет, говоря: *да будет по премногу грешен грех заповедию* (ст. 13). Ты заметил, как повсюду

закон сплетается с грехом? Чем апостол обвиняет грех, тем самым в большей еще степени он доказывает и достоинство закона. И он немалого достиг, показав, какое зло грех, обнаружив и изобразив всю его ядовитость. Он и выразил это в словах: *да будет по премногу грешен грех заповедию,* то есть чтобы открылось, какое зло, какая погибель – грех; а открылось все это через заповедь. Этим (апостол) доказывает и превосходство благодати перед законом, – превосходство, а не противоположность. Не смотри на то, что принявшие закон сделались хуже, но прими во внимание, что закон не только не хотел усилить зло, а даже старался пресечь и зло, прежде существовавшее. Если же он оказался бессилен, то увенчай его за назначение, а еще больше повергнись перед могуществом Христа, потому что Он столь разнообразное и непреоборимое зло уничтожил и, вырвав с корнем, истребил. А всякий раз, как услышишь о грехе, не подумай, что это какая-либо самостоятельная сила, но – порочное действие, постоянно начинающееся и прекращающееся, не существующее прежде совершения, а после совершения опять исчезающее. По причине греха и дан был закон; а закон никогда не дается для истребления чего-либо естественного, но для исправления произвольного худого действия.

7. Об этом знают и внешние (языческие) законодатели, и весь человеческий род. Они (законодатели) противодействуют только тем порокам, которые происходят от нерадения; но не обещаются пресечь тех, которые получены в наследство от природы, потому что это невозможно. Все природное остается непоколебимым, о чем неоднократно я вам и говорил в других беседах. Потому, оставив такие труды, опять займемся нравоучительной речью, а лучше сказать, это и составляет часть тех трудов. Если мы изгоним из себя порок и

поселим в себе добродетель, этим ясно научим, что порок не есть природное зло, а спрашивающим, откуда зло, мы легко сможем заградить уста не словами только, но и делами, когда явимся перед ними свободными от их пороков, хотя имеем одинаковую с ними природу. Не на то станем смотреть, что добродетель трудна, а на то, что возможно в ней усовершенствоваться, а если постараемся, то это будет и легко нам, и удобно. Если ты говоришь мне о приятности порока, то скажи и о конце его: ведь он ведет к смерти, как добродетель руководит нас к жизни. Но лучше, если угодно, рассмотрим порок и добродетель без отношения к их концу; мы увидим, что порок сам в себе заключает большую печаль, а добродетель заключает удовольствие. Скажи мне, в самом деле, что тяжелее худой совести? Что прекраснее доброй надежды? Ведь ничто, ничто обыкновенно так не мучит и не угнетает нас, как ожидание худого; ничто столько не поддерживает и едва не окрыляет, как добрая совесть. Это можно узнать и на основании событий, происходящих перед нами. Так, обитающие в заключении и ожидающие осуждения, хотя бы наслаждались бесчисленными удовольствиями, живут беспокойнее тех нищих, которые ходят по улице, но не сознают за собой ничего худого, потому что ожидание бедствий не позволяет испытывать настоящих удовольствий. И что говорит о заключенных? Трудолюбивые ремесленники, занимающиеся работами в течение целого дня, находятся в гораздо лучшем настроении, чем люди свободные и богатые, но сознающие за собой что-либо худое. Потому мы считаем жалкими и гладиаторов; хотя мы и видим, что они упиваются, веселятся и едят в корчемницах, однако называем их несчастнее всех, потому что горечь ожидаемой смерти несравненно превосходит эти удовольствия. Если же такая жизнь им и кажется приятной, то припомните то, о чем я

неоднократно говорил вам, – что нет ничего удивительного, когда живущий в пороке не избегает неприятности и муки порока. И вот дело, достойное только проклятия, представляется любезным для тех, кто участвует в нем. Но мы не ублажаем их за это, а напротив, вследствие именно этого считаем несчастными, потому что они и сами не сознают, в каких бедствиях находятся. Что, например, сказать о прелюбодеях, которые для ничтожного удовольствия подвергаются позорному рабству, трате имущества и непрерывному страху, коротко сказать, ведут жизнь Каина и даже еще более тяжелую, потому что боятся настоящего, трепещут будущего, подозревают друзей и врагов, знающих и ничего не знающих. Даже и во время сна они не освобождаются от этого мучения, так как нечистая совесть создает у них страшные сновидения и этим пугает их. Но не таков человек целомудренный: он проводит настоящую жизнь в радости и совершенной свободе. Итак, сравни ничтожное удовольствие с бесчисленными волнениями этих ужасов, а кратковременный труд воздержания с спокойствием целой жизни, и ты увидишь, что последний приятнее первого. А желающий похитить и присвоить себе чужое имение, тот, скажи мне, разве не переносит бесчисленные труды, непрестанно бегая, обманывая лестью рабов, свободных, придверников, устрашая, грозя, поступая бесстыдно, проводя без сна ночи, дрожа, мучась и всех подозревая? Но не таков тот, кто пренебрегает деньгами: он опять наслаждается полным удовольствием, живя без страха и в совершенной безопасности. А если кому угодно рассмотреть и прочие виды порока, то везде увидит большое смятение, множество подводных камней. Всего же важнее то, что в добродетели начало исполнено трудов, а продолжение приятно, так что этим и самый труд облегчается; в пороке же все бывает наоборот, – за удо-

вольствием следуют болезни и мучения, так что от этого и самое удовольствие пропадает. Как ожидающий венцов нисколько не чувствует настоящей тяжести, так и ожидающий наказаний после удовольствия не может пользоваться чистой радостью, потому что страх все приводит в смятение. А вернее, если внимательнее исследовать, то можно найти, что у порочных еще прежде наказания, определенного за худые дела, возникает большое мучение в тот момент, когда они отваживаются на худое.

8. И если угодно, то посмотрим на людей, которые захватывают себе чужое и всякими средствами наживают деньги. Не станем говорит о страхах, опасностях, трепете, мучении, заботе и о всем подобном, а предположим, что этот человек обогащается беспечально и совершенно уверен в сбережении того, что у него есть. Допустим все это, хотя оно и невозможно. Но какое удовольствие приобретет себе этот человек? То, что он много собрал? Но это именно и не позволяет ему радоваться; пока человек желает другого и большего, до тех пор продолжаются и его мучения. Всякая страсть тогда доставляет удовольствие, когда останавливается. Испытывая жажду, мы тогда приходим в себя, когда выпиваем столько, сколько желаем, а пока чувствуем жажду, то хотя бы исчерпали все источники, мучение наше бывает больше, и хотя бы выпили тысячи рек, наше наказание бывает тяжелее. Так и ты, хотя бы и приобрел все в мире, но если еще ощущаешь в себе страсть, то тем больше будешь мучиться, чем больше станешь исполнять свое желание. Итак, пойми, что некоторое для тебя удовольствие заключается не в том, чтобы собирать много, но в том, чтобы не желать обогащения, а если станешь желать обогащения, то никогда не перестанешь мучиться. Ведь желание это бесконечно и насколько больший путь ты прошел, настолько больше ты

удаляешься от конца. Неужели это не странность, не помешательство, не крайнее безумие? Итак, удержимся от первого шага к пороку, или, лучше сказать, и совсем не будем касаться порочного вожделения, а если прикоснемся, то убежим в самом же начале, как и увещевает нас Приточник, говоря о жене блуднице: *отъиди, не умедли и не приближися к дверем домов ея* (Притч. V, 8). То же самое и я говорю тебе относительно любостяжания. Если бы ты и мало погряз в море этого безумия, с трудом можешь выйти из него; и как в водовороте, сколько бы ты ни старался, не преодолеешь легко (стремления воды), так — и еще гораздо хуже — впав в бездну этой страсти, погубишь себя со всем своим имуществом. Потому, умоляю, станем остерегаться в начале и избегать зла малого, потому что из малого рождается большее. Кто во всяком грехе привык говорить: «это еще ничего», тот мало-помалу все погубит. Такая именно привычка говорить: «это еще не беда» — ввела зло, открыла двери разбойнику и ниспровергла стены городов. Так и в теле усиливаются самые опасные болезни, когда не обращено бывает внимания на незначительные. Если бы Исав не продал первородства, то не сделался бы недостойным благословения; а если бы не сделал себя недостойным благословения, то не дошел бы до того, чтобы желать братоубийства. И Каин, если бы не возлюбил первенства, а уступил его Богу, то не занял бы второго места; потом, занимая второе место, он, если бы послушался увещания, то не совершил бы убийства; и опять, совершив убийство, если бы он обратился к покаянию, а когда призывал его Бог, если бы не дал столь бесстыдного ответа, то не потерпел бы последующих несчастий.

Если же жившие до закона от такого нерадения мало-помалу погрязли в самой глубине зла, то помысли, что потерпим мы, призванные к большим подвигам, если

со всей тщательностью не будем обращать на себя внимания и не угасим искры зла, прежде нежели воспламенится целый костер. Например, ты часто нарушаешь клятву? Не только удерживайся от этого, но перестань и клясться; тогда первое сделается уже нетрудным, потому что гораздо труднее клянущемуся не нарушать клятвы, чем вовсе не клясться. Ты привык делать обиды, порицать и бить? Предпиши себе самому закон — не сердиться и вовсе не кричать; тогда вместе с корнем исторгнется и плод. Ты похотлив и сластолюбив? Положи себе за правило не смотреть на женщин, не ходить в театр, не любопытствовать на торжище относительно чужой красоты. Гораздо легче сначала не смотреть на красивую женщину, чем, увидев ее и почувствовав вожделение, усмирить вызванную ею бурю. Ведь подвиги в начале более легки, а лучше сказать, нам и не потребуется бороться, если мы не отворим дверей врагу и не примем семени порока. Потому и Христос определил наказание всякому, кто смотрит на женщину бесстыдно, — чтобы избавить нас от большего труда; повелевает изгонять противника из дома прежде, чем он усилился, — тогда, когда легко можно его выгнать. Какая же необходимость принимать на себя лишние труды и бороться с противниками, когда возможно и без боя доставить себе победный трофей и прежде борьбы восхитить себе награду? Не смотреть на красивых женщин не такой большой труд, как, смотря на них, усмирять себя; лучше же сказать, первое вовсе и не может быть трудом, но, после того как посмотришь, бывает большая неприятность и беда.

9. Итак, когда труд бывает меньше, или даже вовсе не нужен бывает ни труд, ни усилие, а пользы больше, то зачем мы стараемся ввергнуть себя в пучину бесчисленных зол? Ведь не смотреть на женщину не только легче, но и дает более чистую победу над возникающей

отсюда страстью, тогда как тот, кто смотрит на нее, если иногда и освобождается от вожделения, то с очень большим трудом и с некоторой нечистотой для себя. Тот, кто не увидел красивого лица, бывает чист от возбуждаемого им вожделения, а кто пожелал увидеть, тот, извратив помысл и тысячекратно осквернив его, тогда только отвергает скверну похоти, когда захочет отогнать ее. Потому и Христос, чтобы мы не пострадали от этого, запрещает не только убийство, но и гнев, не только прелюбодеяние, но и нечистый взгляд, не только клятвопреступление, но и клятву вообще. Даже и здесь не устанавливает меру добродетели, но, узаконив таковое, простирается и далее. Отклонив от убийства и повелев быть чистыми от гнева, он повелевает и быть готовыми к перенесению зла и приготовиться терпеть его не в той только мере, какой желает злоумышляющий на нас, но и превосходить ее в гораздо большей степени и побеждать чрезмерность его неистовства избытком нашего любомудрия. Он не сказал: если кто ударит тебя в правую щеку, перенеси равнодушно и успокойся, но присовокупил, что ты должен подставить ему и другую, – говорит: *обрати ему и другую* (Мф. V, 39). В этом и состоит блестящая победа, чтобы предоставить ему больше того, что он желает, и пределы его злого желания превзойти богатством своего долготерпения. Таким образом ты укротишь его бешенство, из второго поступка получишь награду за первый и укротишь гнев его.

Видишь ли, что от нас всегда зависит, чтобы не терпеть зла, а не от делающих нам зло? Или, правильнее сказать, мы сами имеем власть не только не терпеть зла, но даже испытывать добро. А особенно удивительно то, что, если мы бываем бдительны, то не только не подвергаемся обиде, но даже от тех, которые нас обижают, получаем большее благодеяние, чем от других.

Кто-нибудь оскорбил тебя? Ты имеешь власть обиду эту обратить для себя в похвалу. Если ты со своей стороны оскорбишь, то навлечешь на себя стыд, а если будешь благословлять оскорбившего тебя, то увидишь, что все присутствующие восхваляют тебя и прославляют. Понял ли ты, как мы, если пожелаем, получаем благодеяние от тех, которые нас обижают? Это же можно сказать и относительно денег, ударов и всего остального. Если и за все это мы станем воздавать противоположным, то как тем, что потерпели зло, так и тем, что сделали добро, сплетем себе сугубый венец. И всякий раз, как кто-нибудь, придя к тебе, скажет: «такой-то человек оскорбил тебя и в присутствии всех постоянно худо отзывается о тебе», — ты похвали обидчика в присутствии говорящих; таким образом, если бы ты и желал отомстить, то можешь получить и удовлетворение. Все услышавшие, хотя бы и были очень неразумны, будут хвалить тебя, а обидчика твоего возненавидят, как человека, который лютее всякого зверя, потому что он огорчил тебя, нисколько тобой не обиженный, между тем как ты, потерпев зло, воздал ему добром. И таким образом ты можешь доказать, что все сказанное о тебе несправедливо. Кто выражает досаду, когда говорят о нем худо, тот своей скорбью доказывает, что сознается в справедливости о нем сказанного; а кто смеется, то этим устраняет всякое о себе подозрение в присутствующих. Итак, смотри, сколько от этого ты приобретаешь себе добра: во-первых, избавляешься от смущения и беспокойства, во-вторых, или лучше — считай это первым, если имеешь грехи, очистишься от них, подобно мытарю, который великодушно перенес обвинение фарисея. Сверх того, таким упражнением ты сделаешь свою душу любомудрой, услышишь от всех бесчисленные похвалы и уничтожишь всякое о себе подозрение по поводу сказанного. Если же хочешь и отомстить

обидчику, то это последует в изобильной мере, потому что Бог накажет его за то, что он сказал, а прежде этого наказания и твое любомудрие будет для него как бы жестоким ударом. Ничто обыкновенно так не уязвляет наших обидчиков, как то, что мы смеемся над обидами, нам нанесенными. И как любомудрие самые обиды обращает для нас во благо, так следствием малодушия бывает совершенно противное – и себя мы стыдим, и присутствующим кажемся виновными в том, что говорили о нас, и душу свою наполняем смятением, и врага радуем, и Бога огорчаем, и число грехов своих увеличиваем. Размыслив о всем этом, будем избегать бездны малодушия, поспешим в пристань долготерпения, чтобы и здесь обрести покой душам своим, как предрек Христос, и достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIII

Вемы бо, яко закон духовен есть: аз же плотян есмь, продан под грех (VII, 14)

1. Так как (апостол) сказал выше, что зло увеличилось и что грех, встретившись с заповедью, сделался более сильным и произошло противоположное тому, к чему стремился закон, и так как он привел этим слушателя в большее недоумение, то, освободив сперва закон от худого подозрения, объясняет потом причину, вследствие которой это случилось. Чтобы кто-нибудь, слыша, что грех получил повод в заповеди, что, когда пришла заповедь, грех ожил, что грех обольстил и умертвил заповедь, – чтобы не подумал, что закон был виной всех этих зол, (апостол) прежде всего излагает с боль-

шим дерзновением защиту закона, не только освобождая его от обвинения, но и сплетая ему величайшую похвалу. И это он представляет не в таком виде, что сам говорит в пользу закона, но как бы произносит общий приговор. *Вемы бо*, говорит он, *яко закон духовен есть.* Этим он как бы сказал: всеми признается и хорошо известно то, что закон духовен, а потому и нельзя допустить, чтобы он был причиной греха и чтобы на нем лежала вина происшедших зол. И смотри, как он не только освобождает его от обвинения, но и хвалит без меры. Назвав его духовным, он показывает, что закон есть наставник добродетели и враг порока, так как быть духовным значит отводить от всех грехов; это именно и делал закон, устрашая, вразумляя, наказывая, исправляя, советуя все относительно добродетели. Откуда же, спросишь, произошел грех, если наставник был так достоин удивления? От нерадения учеников. Потому (апостол) присовокупил: *аз же плотян есмь*, изображая человека, жившего и в законе и до закона. *Продан под грех.* После смерти, говорит он, толпой нахлынули страсти. Когда тело сделалось смертным, то оно по необходимости приняло и похоть, и гнев, и болезнь, и все прочее, что требовало многого любомудрия, чтобы наводнившие нас страсти не потопили помысла в глубине греха. Сами по себе они не были еще грехом, но произвела это необузданная их неумеренность. Так, — если взять для примера одну из страстей, — плотская похоть не составляет греха, но когда она впала в неумеренность и, не желая оставаться в пределах брака законного, стала наскакивать на чужих жен, тогда, наконец, сделалась любодеянием, но не от похоти, а от неумеренности в ней. И заметь мудрость Павла. Восхвалив закон, он немедленно обратился к временам древним, чтобы, показав, в каком состоянии находился род человеческий тогда (до закона) и после того, как

получен закон, представить необходимость преизобилующей благодати, что (апостол) везде старался раскрыть. Когда он говорит: *продан под грех,* разумеет не только живших под законом, но и тех, которые жили до закона и существовали с самого начала мира. Потом объясняет способ того, как человек продан и отдан. *Еже бо содеваю,* говорит он, *не разумею* (ст. 15). Что значит: *не разумею?* Не знаю. Как же случилось это? Ведь никто никогда не согрешил в неведении? Видишь ли ты, что если станем выбирать слова не с надлежащей осмотрительностью и не будем обращать внимания на цель апостола, то последует множество несообразностей? Если бы люди грешили в неведении, то они недостойны были бы и подвергаться наказанию. Поэтому, как выше (апостол) говорит — *без закона грех мертв есть,* не то выражая, что тогда грешили в неведении, а то, что они знали, но не так ясно, потому и наказывались, но не так сильно, — и опять, говоря — *похоти не ведах,* не выражает совершенного незнания, а указывает на самое ясное познание, равным образом, говоря — *содела во мне всяку похоть,* не то разумеет, что заповедь произвела похоть, но то, что грех посредством заповеди усилил похоть, так и здесь, когда говорит: *еже бо содеваю, не разумею,* не выражает этим совершенного неведения, потому что как же он соуслаждался *закону Божию по внутреннему человеку?* Что же значит: *не разумею?* Пребываю во мраке, увлекаюсь, терплю насилие, сам не знаю, как впадаю в обман, как и мы обыкновенно говорим: не знаю, как такой-то человек пришел и увлек меня, — не оправдывая себя незнанием, а только указывая на какой-то обман, нападение и умысел. *Не еже бо хощу, сие творю, но еже ненавижду, то соделоваю* (ст. 15). Как же ты не знаешь, что делаешь? Если ты желаешь добра и ненавидишь зло, то это свойственно совершенному знанию. Отсюда ясно, что словами — *не еже хощу*

апостол не уничтожает свободной воли и не вводит какую-то насильственную необходимость. Ведь если мы грешим не произвольно, а по принуждению, то опять наказания, прежде бывшие, не имели бы основания. Но как словом — *не разумею* (апостол) выразил не незнание, а то, что сказано нами выше, так, прибавив — *не еже хощу*, обозначил не необходимость, а неодобрение сделанного, потому что если бы словами — *не еже хощу, сие творю* он не это выразил, то почему бы не присовокупить ему; делаю то, к чему принуждаюсь и подвергаюсь силой: ведь это именно и противоположно воле и свободе. Но (апостол) не сказал так, а вместо этого поставил — *еже ненавижду*, чтобы ты понял, что он и словами — *не еже хощу* не уничтожил свободы. Итак, что значит: *еже не хощу?* Что не хвалю, не одобряю, не люблю; в противоположность этому он прибавил и следующее: *но еже ненавижду, то соделоваю. Аще ли, еже не хощу, сие творю, хвалю закон, яко добр* (ст. 16).

2. Видишь ли ты, что разум, пока не поврежден, действительно сохраняет свойственное ему благородство? Если и предается пороку, то предается с ненавистью, что и может быть величайшей похвалой закона, как естественного, так и писанного. Что закон хорош, говорит (апостол), это видно из того, что я сам себя обвиняю, преступая закон и ненавидя сделанное мной; а если бы закон был виновником греха, то каким образом, находя удовольствие в законе, можно было бы ненавидеть повелеваемое законом? *Хвалю закон*, говорит (апостол), *яко добр. Ныне же не к тому аз сие содеваю, но живый во мне грех. Вем бо, яко не живет во мне, сиречь в плоти моей, доброе* (ст. 17, 18). На этих словах основываются те, которые восстают против плоти и исключают ее из числа творений Божиих. Что же мы можем сказать на это? То же, что сказали недавно, рассуждая о законе, потому что как там (апостол) приписывает все

греху, так и здесь. Он не сказал, что плоть делает это, но совершенно напротив: *не ктому аз сие содеваю, но живый во мне грех.* Если же говорит, что не живет в нем доброе, то это еще не обвинение плоти, так как то обстоятельство, что не живет во плоти доброе, не доказывает, что она сама в себе зла. Мы соглашаемся, что плоть ниже и недостаточнее души, но вовсе не противоположна ей, не враждебна и не зла, но, как гусли – музыканту и как корабль – кормчему, так и плоть подчинена душе; и гусли, и корабль не противоположны тем, кто управляет и пользуется ими, но и вполне согласны, хотя и не одинакового достоинства с художником. И подобно тому, как тот, кто говорит, что искусство не в гуслях и не в корабле, а в кормчем и в гусляре, не унижает этих предметов, а показывает различие между художником и искусством, так и Павел, сказав: *не живет в плоти моей доброе,* не унизил тела, а показал превосходство души. Ведь именно душа всем заведует – и искусством править кораблем, или играть на гуслях; то же самое показывает здесь и Павел, приписывая господствующее значение душе. Разделив человека на две эти половины – душу и тело, он утверждает, что плоть более неразумна, лишена понимания и есть нечто управляемое, а не управляющее; душа же премудра, способна познавать, что должно делать и чего не делать, хотя и не имеет столько сил, чтобы править конем, как желает; в этом вина может быть не одной плоти, но и души, которая, зная, что должно делать, не приводит в исполнение признанного. *Еже бо хотети,* говорит (апостол), *прилежить ми, а еже содеяти доброе не обретаю.* Опять и здесь, сказав – *не обретаю,* разумеет не неведение или сомнение, а нападение и козни греха; выражая это яснее, он прибавил: *не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сие содеваю. Аще ли еже не хощу аз, сие творю, уже не аз сие творю, но живый во мне грех* (ст. 19, 20).

Замечаешь ли ты, как (апостол), освободив от обвинения и существо души, и существо плоти, все перенес на порочную деятельность? Если человек не хочет зла, то душа свободна, а если он не делает зла, то и тело свободно: все зависит только от одной злой воли. Душа, тело и воля в сущности не одно и то же, но первые суть творения Божии, а последняя есть движение, рождающееся из нас самих, которое мы направляем куда хотим. Воля сама в себе есть природная способность, данная от Бога; но та же воля есть нечто и наше собственное и зависит от нашего разума. *Обретаю убо закон, хотящу ми творити доброе, яко мне злое приложит* (ст. 21). Сказанное неясно; что оно значит? Хвалю закон по совести, рассуждает Павел, и, когда я хочу делать доброе, нахожу себе в нем защитника, который напрягает мою волю; как я услаждаюсь законом, так и он одобряет мое расположение. Видишь ли, как (апостол) доказывает, что с начала было вложено в нас разумение добра и зла, и что закон Моисея хвалит это разумение и сам восхваляется им? Как выше он не сказал: я учусь у закона, но: *хвалю закон,* так и теперь не говорит: воспитываюсь законом, но: *соуслаждаюся закону*. Что значит — *соуслаждаюся?* Соглашаюсь с ним, как с добрым, равно как и он согласен со мной, желающим делать добро. Человеку дано было свыше — желать добра и не желать зла. Закон же, явившись, и во зле сделался обвинителем очень многого и в добре хвалителем большего. Видишь ли ты, что (апостол) приписывает закону не больше, как некоторое усиление и дополнение? Хотя закон хвалит доброе, а я соуслаждаюсь и желаю добра, однако злое еще прилежит и действие его не уничтожено. Таким образом, закон для намеревающегося сделать что-нибудь доброе является в этом только союзником и настолько, насколько он сам себе того же желает. А так как (апостол) неясно это выразил, то впоследствии рас-

крывает и приводит в большую ясность, показывая, каким образом приложить зло и каким образом закон содействует желающему делать доброе. *Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку* (ст. 22). Я знал добро и до закона, говорит (апостол), и, найдя его изображенным в письменах, хвалю. *Вижду же ин закон во удех моих, противувоюющь закону ума моего* (ст. 23).

3. Здесь опять законом противовоюющим (апостол) назвал грех, не по достоинству, а вследствие чрезмерного послушания повинующихся ему. Как мамону он называет господином и чрево богом не по собственному их достоинству, но вследствие большого рабства подчиненных, так и здесь назвал грех законом вследствие того, что люди служат ему и боятся оставить его так же, как получившие закон страшатся не исполнить закона. И грех, говорит (апостол), противится закону естественному; это и есть — *закону ума моего.* И вот (апостол) изображает состязание и битву и весь подвиг возлагает на закон естественный. Закон Моисея дан после и как бы в добавление; но однако и тот и другой закон, один научивший доброму, а другой — восхваливший, не совершили в этой борьбе ничего великого: такова побеждающая и превосходящая власть греха. Павел, изображая это и говоря о поражении в зависимости от силы, сказал: *вижду ин закон противоюющь закону ума моего, и пленяющь мя.* Не сказал просто — побеждающий, но — *пленяющь мя законом греховным.* Не сказал также — влечением плоти, или — природой плоти, но — *законом греховным,* то есть властью, силой. Как он говорит — *сущим во удех моих?* Что это значит? Не члены называет грехом, но совершенно отделяет от греха, потому что иное пребывающее в чем-нибудь, и иное то, в чем оно пребывает. Как заповедь не есть зла, хотя грех получил в ней повод, так не зла и природа плоти, хотя грех через нее борется с нами, потому что в таком случае и

душа будет зла, и еще в большей мере, насколько она имеет власть в том, что должно делать. Но это не так, нет! Если тиран или разбойник овладеет каким-нибудь прекрасным зданием или царским дворцом, то случившееся не может быть осуждением для дома, а вся вина падает на тех, кто совершил это злоумышление. Этого не понимают враги истины, которые вместе с нечестием впадают в совершенное безумие. Они не только обвиняют плоть, но клевещут и на закон. Хотя плоть и зла, но закон добр, потому что воюет с ней и противится ей. А если закон не благо, то благо плоть, потому что она, согласно их мнению, борется с законом и враждует против него. Как же они говорят, что плоть и закон от диавола и вводят противоположное друг другу? Видишь ли, какое вместе с нечестием и безрассудство? Но не таково учение церкви, которое осуждает только один грех и утверждает, что оба закона, данные от Бога, – и естественный и Моисеев, – находятся во вражде с грехом, а не с плотью; плоть же есть не грех, а Божие творение, весьма полезное для нас и в подвигах добродетели, если мы бодрствуем. *Окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея* (ст. 24)? Заметил ли ты, какова власть зла, как оно побеждает и ум, находящий удовольствие в законе? Никто не может сказать, говорит (апостол), что грех делает меня своим пленником, потому что я ненавижу закон и отвращаюсь от него, напротив, я нахожу в нем удовольствие, хвалю его, прибегаю к нему, но он не получил силы спасти даже и прибегающего к нему, а Христос спас и убегающего от Него. Заметил ты, как велико превосходство благодати? Но апостол не раскрыл этого, а только восстенав и горько заплакав, подобно человеку, лишенному помощников, самым затруднительным своим положением доказывает силу Христову и говорит: *окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея?* Закон оказался бес-

сильным, совесть недостаточной, хотя я хвалил доброе, даже не только хвалил, но и боролся со злом: ведь (апостол), назвав грех противовоюющим, показал, что и сам вооружался против греха. Итак, откуда же будет надежда на спасение? *Благодарю Бога моего Иисус Христом, Господем нашим* (ст. 25). Видишь, как (апостол) показал необходимость явления благодати, а также и то, что она есть общий дар Отца и Сына? Хотя он и благодарит Отца, но причиной этого благодарения есть Сын. А когда ты слышишь, что он говорит: *кто мя избавит от тела смерти сея?* – не думай, что он обвиняет плоть. Он не назвал ее телом греха, но телом смерти, то есть смертным телом, плененным смертью, а не породившим смерть; это служит доказательством не порочности тела, но поврежденности, которой оно подверглось. Как тот, кто пленен варварами, считается принадлежащим к числу варваров не потому, что он варвар, а потому, что находится во власти варваров, так и тело называется телом смерти, потому что оно находится во власти смерти, а не потому, что произвело смерть. Потому и (апостол) желает избавиться не от тела, но от тела смертного, намекая на то, о чем я неоднократно говорил, что тело, сделавшись доступным страсти, от этого самого стало легко подвержено греху.

4. Но если такова была власть греха до благодати, то за что, спросишь, грешники наказывались? За то, что им даны были такие повеления, которые можно было исполнять и во время господства греха. Закон не требовал от них высокого совершенства в жизни, но позволял пользоваться своим имуществом, не запрещал иметь многих жен, предаваться гневу с правдой и пользоваться умеренным наслаждением; им столько было сделано снисхождения, что закон писаный требовал меньше того, сколько повелевал закон естественный. Хотя естественный закон всегда предписывал од-

ному мужчине вступать в брак с одной женщиной, что ясно засвидетельствовал Христос, сказав: *яко Сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил я есть* (Мф. XIX, 4), но закон Моисея как не запрещал, разведясь с одной, вступать в брак с другой, так не препятствовал иметь вместе двух жен. Кроме того, можно видеть, что жившие прежде этого закона, руководимые одним естественным законом, исполняли и другое больше тех, которые жили под законом. Итак, жившие в Ветхом Завете не потерпели никакого убытка, когда у них было введено столь умеренное законодательство. Если же и при этом они не могли остаться победителями, то виной служит их собственное нерадение. Потому Павел и благодарит за то, что Христос не подверг нас никакому испытанию и не только не потребовал отчета в наших делах, но сделал нас способными к большому поприщу. Поэтому говорит он: *благодарю Бога моего Иисус Христом,* и не говоря уже о спасении, как о таком деле, которое, по доказанному выше, всеми признано, переходит к другому, очень важному, и раскрывает, что мы не только освободились от прежних грехов, но и на будущее время сделались непобедимыми для греха. *Ни едино убо ныне*, говорит, *осуждение сущим о Христе Иисусе, не по плоти ходящим* (VIII, 1). Но (апостол) сказал об этом не прежде, как упомянув еще раз о прежнем состоянии. Сказав сперва: *темже убо сам аз умом моим работаю закону Божию, плотию же закону греховному* (VII, 25), присовокупил потом: *ни едино убо осуждение сущим о Христе Иисусе.* А так как словам его противоречило то, что многие грешат и после крещения, то он спешит и к этому и не просто говорит: *сущим о Христе Иисусе,* но прибавляя: *не по плоти ходящим,* чем и показывает, что все происходит уже от нашего нерадения, так как ныне возможно ходить не по плоти, а тогда (до Христа) было трудно. Потом это же самое (апостол)

раскрывает иначе, продолжая так: *закон бо Духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть* (ст. 2). Под именем закона духа (апостол) разумеет здесь Духа, – как грех назвал законом греха, так и Духа называет законом духа. Но и закон Моисея он наименовал также духовным, сказав: *вемы бо, яко закон духовен есть.* Итак, какое же различие? Большое и бесконечное. Тот есть закон духовный, а этот закон Духа. Чем же отличается один от другого? Тем, что один только дан Духом, а другой принявшим его обильно даровал Духа. Потому (апостол) наименовал его также законом жизни, в противоположность закону греха, а не закону Моисея. Когда говорит: *свободил мя есть от закона греховнаго и смерти,* то разумеет здесь не Моисеев закон, так как нигде не называет его законом греховным (да как он мог и назвать так закон, который неоднократно именовал праведным и святым, разрушителем греха?), но разумеет закон, противовоющий закону ума. Эту жестокую брань прекратила благодать Духа, умертвившая грех и сделавшая борьбу легкой для нас, сперва увенчавшая, а потом с большой помощью увлекающая на подвиг. И как (апостол) всегда делает, переходя от Сына к Духу, а от Духа к Сыну и Отцу, все наше вменяя Троице, так поступает и здесь; сказав: *кто мя избавит от тела смерти сея?* показал, что Отец совершает это через Сына; потом опять приписывает это Святому Духу вместе с Сыном, когда говорит: *закон Духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть;* после снова приписывает Отцу и Сыну. *Немощное бо закона,* говорит, *в немже немоществоваше плотию, Бог Сына Своего посла в подобии плоти греха, и о гресе осуди грех во плоти* (ст. 3). Опять кажется, будто он осуждает закон, но при тщательном внимании открывается, что он очень хвалит его, доказывая, что закон согласен с Христом и предписывает то же самое. Ведь не сказал – худое закона, но – *немощное,* и опять – *в немже немоще-*

ствоваше, а не — в нем поступал худо или злоумышлял. Самую немощь приписывает не закону, а плоти, говоря: *в немже немоществоваше плотию*. Плотью же опять здесь называет не самое существо и основание ее, а мудрование плотское, почему и освобождает от обвинения как тело, так и закон, и не только этим, но и следующими словами.

5. Если бы закон был враждебен, то как Христос явился к нему на помощь, выполнил его праведность и протянул руку, осудив грех во плоти? Это именно и оставалось (сделать), потому что закон давно уже осудил грех в душе. Итак, что же? Неужели закон совершил больше, а Единородный Божий меньше? Никак. Ведь и первое совершил преимущественно Бог, дав закон естественный, а потом приложив и закон писанный; иначе не было бы никакой пользы от большего, если бы не было предложено меньшее. Какая в самом деле польза знать, что должно делать, не делая этого? Никакой, — напротив, за это будет даже большее осуждение. Таким образом, Кто спас душу, Тот и сделал плоть благопокорной. Учить не трудно, но показать путь, которым с удобством можно достигнусь этого, — вот дело достойное удивления. Для того пришел Единородный и не прежде удалился, как освободив нас от того неудобства. Всего же важнее сам образ победы: (Христос) не другую принял плоть, но ту же самую, покоренную, подобно тому, как царский сын, увидев, что на рынке бьют женщину худую и продажную, называет себя ее сыном и таким образом освобождает ее от нападающих. Тоже самое сделал (Сын Божий): Он исповедал Себя Сыном человеческим, явился на помощь плоти и осудил грех. Итак, грех не осмелился бить ее больше, а лучше сказать он уже поразил ее ударом смерти; но всего удивительнее то, что не пораженная плоть, но поразивший грех подвергся за это осуждению и гибели. Если бы

победа совершилась не во плоти, это не так было бы удивительно, потому что и закон производил это; но удивительно то, что (Христос), имея плоть, воздвиг победный трофей, и та самая плоть, которая тысячекратно была побеждена грехом, одержала над ним блистательную победу. Смотри же, сколько совершилось необычайного: во-первых, грех не победил плоть, во-вторых, он сам был побежден и притом побежден плотью, — ведь не одно и тоже — не быть побежденной и победить того, кто всегда побеждал, — в-третьих, плоть не только победила, но и наказала так как тем, что (Христос) не согрешил, Он явился непобежденным, а тем, что умер, Он победил и осудил грех, сделав для него страшной ту самую плоть, которая была прежде презираема. Так, Он уничтожил и силу греха, уничтожил и смерть, введенную в мир грехом. Пока грех встречал грешников, он по справедливому основанию наносил им смерть; когда же, найдя тело безгрешное, предал его смерти, то, как сделавший несправедливость, подвергся осуждению. Ты видишь, сколько совершилось побед: плоть не была побеждена грехом, но и сама его победила и осудила, и не просто осудила, но осудила, как согрешивший. (Христос) сперва изобличил его в неправде, потом осудил и осудил не просто силой и властью, но и словом правды. Это и выразил (апостол), сказав о грехе: *осуди грех во плоти;* это тоже значит, что сперва изобличил в тяжком грехе, а потом уже осудил его. Ты видишь, что всюду осуждается грех, а не плоть, плоть же увенчивается и произносит свой приговор над грехом? А если сказано, что (Бог) послал Сына *в подобии плоти,* то не думай на основании этого, что плоть Христа была иная: так как (апостол) сказал — *греха,* то и прибавил слово — *подобие.* Христос имел не грешную плоть, а подобную нашей грешной, но безгрешную и по природе одинаковую с нами. Таким образом и отсюда

видно, что природа плоти не зла. Христос уготовал победу, не приняв другой плоти, вместо прежней, и не изменив эту в существе, но, согласившись пребывать в том же самом естестве, достиг того, что оно приобрело венец за победу над грехом, а после этой победы воскресил его и сделал бессмертным. Но какое, спросишь, имеет отношение ко мне то, что совершилось в той плоти? Для тебя преимущественно это и имеет значение, потому и прибавил: *да оправдание закона исполнится в нас не по плоти ходящих* (ст. 4). Что значит *оправдание?* Конец, цель, успех. Чего же закон желал и что некогда производил? Чтобы человек был безгрешен. Это именно ныне совершено для нас Христом; Его дело было противостать и победить, а наше воспользоваться победой. Итак, мы не согрешим, если не слишком ослабеем и не падем, почему (апостол) и присовокупил: *в нас не по плоти ходящих.* А чтобы ты, услышав, что Христос избавил тебя от греховной брани и что, после осуждения греха во плоти, исполнилось в тебе оправдание закона, не отверг всякое приготовление, апостол, как выше, сказав: *ни едино осуждение,* присовокупил: *не по плоти ходящих,* так и здесь то же самое прибавил к словам: *да оправдание закона исполнится в нас;* а лучше сказать, здесь прибавлено и нечто гораздо большее. Сказав: *да оправдание закона исполнится в нас не по плоти ходящих,* присовокупил: *но по духу,* давая тем разуметь, что должно не только воздерживаться от зла, но и украшаться добром. Дать тебе венец – дело Христово, а удержать данное – твое. Христос совершил для тебя то, в чем состояло оправдание закона, именно, чтобы ты не подлежал клятве.

6. Итак, не погуби этого дара, но постоянно сохраняй это прекрасное сокровище. Здесь (апостол) внушает тебе, что для нашего спасения недостаточно крещения, если после него не покажем жизни достойной это-

го дара. Таким образом, говоря и это, он опять защищает закон. И после того, как мы уверовали во Христа, надлежит все делать и исполнять, так чтобы оправдание закона, исполненное Христом, в нас пребывало и не было уничтожено. *Сущии бо по плоти,* говорит (апостол), *плотская мудрствуют, а иже по духу, духовная. Мудрование бо плотское, смерть есть: а мудрование духовное, живот и мир. Зане мудрование плотское, вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может* (ст. 5–7). Но это не есть обвинение плоти. Пока она сохраняет собственное свое значение, не бывает ничего несообразного; когда же мы позволяем ей все, и она, преступив свои пределы, восстанет на душу, тогда все губит и портит не по собственной своей природе, но вследствие неумеренности и происходящего из нее беспорядка. *А иже по духу, духовная. Мудрование бо плотское смерть есть.* Не сказал: естество плоти или сущность тела, но – *мудрование плотское,* то, что можно исправить и уничтожить. А говоря это, он не приписывает плоти собственного помышления, – нет, – но указывает на более грубое стремление ума, которому дает имя, заимствованное от худшей части человека, подобно тому как часто и целого человека вместе с душой обыкновенно называет плотью. *А мудрование духовное.* Опять и здесь говорит о духовном помышлении, как и ниже пишет: *испытаяй же сердца, весть, что есть мудрование духа* (Рим. VIII, 27), и показывает многочисленные блага, проистекающие из него для настоящей и будущей жизни. В сравнении со злом, какое производится плотским мудрованием, гораздо более добра доставляет духовное мудрование, что (апостол) и выразил, сказав: *живот и мир. Живот* – в противоположность прежде сказанному – *мудрование плоти смерть есть,* а *мир* – в противоположность сказанному после, потому что, сказав – *мир,* присовокупил: *зане мудрование плотское вражда на Бога,* что хуже смерти.

Потом показывая, почему плотское мудрование есть смерть и вражда, говорит: *закону бо Божию не покоряется, ниже бо может.* Но не смущайся, слыша: *ниже бо может,* так как это затруднение легко разрешить. Под именем плотского мудрования (апостол) разумеет здесь домысл земной, грубый, пристрастный к житейскому и к худым делам, о котором говорит, что он не может покориться Богу. Какая же надежда на спасение, если, будучи злым, невозможно сделаться добрым? Но не это говорит (апостол), иначе как же сам Павел сделался столь великим? Как – разбойник? Как – Манассия? Как – ниневитяне? Как восстал Давид после своего падения? Как пришел в себя Петр, отрекшийся (от Христа)? Как блудный сын был причислен к стаду Христову? Как возвратили себе прежнее блаженство галаты, утратившие благодать? Итак, (апостол) не то говорит, что худому невозможно сделаться добрым, но то, что невозможно, оставаясь порочным, покориться Богу; а кто применяется, тому, конечно, легко сделаться добрым и покориться Богу. Он не сказал, что человек не может покориться Богу, но говорит, что худой поступок не может быть добрым; это то же значит, что сказать: блудодеяние не может быть целомудрием, а порок – добродетелью. Так, когда (Христос) говорит в евангелии: *не может древо зло плоды добры творити* (Мф. VII, 18), то Он не отрицает этим возможности перехода от порока к добродетели, а говорит только, что пребывание в пороке не может приносить добрых плодов. Он не сказал, что худое дерево не может сделаться хорошим, а говорит, что, оставаясь худым, оно не может приносить добрых плодов. А что худое может измениться, это (Христос) показал и здесь, и в другой притче, когда говорил о плевелах, сделавшихся пшеницей, почему и запрещает их выдергивать, *да не когда восторгающе плевелы,* как сказал Он, *восторгнете купно с ними и пшеницу* (Мф. XIII, 29), то есть ту,

которая из них будет. Итак, (апостол) плотским мудрованием называет порок, а духовным мудрованием данную благодать и деятельность, одобряемую благой волей, и рассуждает здесь вовсе не о существе и природе, а о добродетели и о пороке. Чего не мог ты сделать, находясь под законом, говорит (апостол), то можешь сделать ныне, — можешь ходить прямо и правильно, если получишь помощь от Духа. Недостаточно ведь еще не ходить по плоти, но должно ходить по духу, потому что для нашего спасения нужно не только уклоняться от зла, но и делать добро. А это будет, если мы душу предадим духу, а плоть убедим познавать свое положение. Таким образом мы и ее сделаем духовной, равно как, если станем предаваться беспечности, сделаем душу плотской.

7. Так как дар сообщен не по естественной необходимости, но вручен по свободному произволению, то от тебя уже зависит сделаться тем или другим. (Христос) совершил все, что от Него зависело: грех не противовоюет закону ума нашего и не пленяет нас, как прежде, но все это миновало и исчезло, страсти скрылись, страшась и трепеща благодати Духа. Если же ты погашаешь свет, сталкиваешь возницу и изгоняешь кормчего, то самому себе приписывай причину обуревания волнами. А что теперь добродетель сделалась более исполнимой, потому и стремление к любомудрию увеличилось, ты можешь видеть из того, в каком состоянии находился род человеческий, когда господствовал закон, и в каком находится ныне, когда воссияла благодать. Что прежде казалось ни для кого невозможным, как-то: девство, презрение смерти и других очень многочисленных страданий, то ныне с успехом исполняется повсюду в мире. Не только у нас, но и у скифов, фракиян, индийцев, персов и у других варварских народов есть лики дев, сонмы мучеников, общины монахов

и монахинь, и притом в большем числе, чем живущих в брачном союзе, везде ревностное исполнение поста, обилие нищеты, а жившие под законом, кроме одного или двух примеров, не могли и во сне того себе представить. Итак, видя истину событий, взывающую громогласнее трубы, не предавайся изнеженности и не теряй столь великой благодати. Беспечному, и по принятии веры, невозможно спастись. Подвиги сделались легкими для того, чтобы ты, совершая борьбу, побеждал, а не для того, чтобы дремал и величием благодати воспользовался как предлогом к нерадению, опять погрузившись в прежнюю тину грехов. Потому (апостол) и присовокупляет: *сущии же во плоти, Богу угодити не могут* (ст. 8). Итак, что же? Неужели, скажут, мы будем отсекать тело и станем разлучаться с плотью, чтобы угодить Богу? Неужели ты, ведя нас к добродетели, повелеваешь нам быть самоубийцами? Видишь ли, сколько рождается несообразностей, если сказанное (апостолом) мы станем понимать буквально? Под именем плоти Павел и здесь разумеет не тело, не сущность тела, а плотскую и мирскую жизнь, исполненную роскоши и распутства, которая целого человека делает плотью. Как окрыляемые духом делают и самое тело духовным, так и удаляющиеся духа, служащие чреву и удовольствиям, делают самую душу плотью, не изменяя ее сущности, но губя ее благородство. Такой образ выражения часто встречается и в Ветхом Завете и означает, под именем плоти, грубую и нечистую жизнь, исполненную гнусных удовольствий. Так и Ною было сказано: *не имать дух мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. VI, 3). Хотя и сам Ной облечен был плотью, но быть облеченным плотью не составляло вины, так как это было естественно; преступно же возлюбить плотскую жизнь. Потому Павел говорит: *сущии же во плоти, Богу угодити не могут,* и продолжает: *вы же*

несте во плоти, но в дусе (ст. 9). И здесь опять разумеет не просто плоть, но такую плоть, которую увлекают страсти и предают мучению. Для чего же, спросишь, не сказал он именно так и не указал такого различия? Чтобы ободрить слушателя и показать, что не в теле будет жить тот, кто истинно живет. Так как всякому известно, что пребывание во грехе не свойственно духовному, то (апостол) указывает нечто большее, говоря, что духовный человек не только не пребывает во грехе, но даже и не в плоти, — еще здесь делается ангелом, возносится на небо и просто носит только тело. Если же ты осуждаешь плоть за то, что (апостол) по имени ее называет жизнь плотской, то таким образом будешь осуждать и мир, потому что по имени его часто называется порочная жизнь, как и Христос говорил ученикам: *вы от мира несте* (Ин. XV, 19); и опять братиям Своим говорил: *не может мир ненавидети вас, Мене же ненавидит* (Ин. VII, 7). И душу в таком случае придется назвать отчужденной от Бога, потому что (апостол) живущих в заблуждении наименовал душевными. Но не так это, — нет. Везде необходимо обращать внимание не просто на выражения, но на мысль говорящего, и нужно в точности понимать различие сказанного. Одно — добро, другое — зло, иное же — среднее; например, душа или плоть есть нечто среднее и может сделаться как тем, так и другим. А дух всегда благ и никогда не делается чем-либо иным. Опять, плотское мудрование, то есть порочное действие, всегда зло, так как не покоряется закону Божию. Итак, если ты отдашь душу и тело лучшему, то и сам будешь принадлежать к той же стороне, а если отдашь худшему, сделаешься участником гибели, происходящей отсюда, не по природе души или плоти, но по настроение, имеющему власть избирать то или другое. А, что действительно это имеет такое значение и в сказанном нет

осуждения плоти, мы исследуем это точнее, опять обратившись к тому же выражению. *Вы же несте во плоти, но в дусе*, говорит.

8. Как это? Неужели они не были во плоти, но пребывали бестелесными? Какой же это может иметь смысл? Замечаешь ли, что он разумел плотскую жизнь? Для чего жене сказал: вы не во грехе пребываете? Чтобы ты узнал, что Христос не только угасил мучительство греха, но и плоть сделал более легкой и духовной, не через изменение ее природы, но посредством большего окрыления ее. Как железо от пребывания в огне само делается огнем, сохраняя собственную природу, так и у верующих, имеющих Духа, самая плоть перерождается в ту же деятельность, делаясь всецело духовной, во всем распинаемая и окрыляемая вместе с душой. Таково, например, было тело говорящего об этом (апостола), почему оно презирало всякую роскошь и удовольствия, а увеселялось голодом, побоями, узами и, терпя это, не скорбело. Свидетельствуя об этом, (Павел) говорил: *еже бо ныне легкое печали нашея* (2 Кор. IV, 17): так было ему хорошо и так он приучил плоть идти наравне с духом. *Понеже Дух Божий живет в вас.* Слово — *понеже* (апостол) употребляет часто не для означения сомнения, но при полной уверенности и вместо «поелику», как например говоря: *понеже праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющим вас* (2 Сол. I, 6); и в другом месте: *толика пострадасте туне, аще точию и туне* (Гал. III, 4). *Аще же кто Духа Христова не имать.* Апостол не сказал: если вы не имеете, но неприятное отнес к другим. *Сей несть егов* (ст. 9), говорит.

Аще же Христос в вас (ст. 10). Опять говорит, что Христос в них. О неприятном упомянул кратко и в середине, а о приятном говорит и прежде, и после, притом во многих словах, так что смягчает первое. А говоря об этом, он не называет Духа Христом, — нет, но

показывает, что имеющий Духа не только принимает имя Христа, но и имеет в себе самого Христа. Невозможно, чтобы Христос не находился там, где присутствует Дух. Где находится одно из лиц Троицы, там присутствует и вся Троица: Она сама в Себе нераздельна и теснейшим образом соединена. Что же будет, спрашиваешь ты, если Христос в вас? *Плоть убо мертва греха ради, дух же живот правды ради* (ст. 10). Видишь ли, сколько бедствий возникает от того, что не имеем в себе Духа Святого: смерть, вражда на Бога, невозможность угодить Его законам, невозможность принадлежать Христу, как должно, иметь Его в себе обитающим. Смотри также, сколько благ бывает, если имеем в себе Духа: принадлежать Христу, иметь в себе самого Христа, соревновать ангелам. Это и значит – умертвить плоть, то есть жить вечной жизнью, еще здесь на земле иметь залог воскресения и с легкостью идти стезей добродетели. (Апостол) не сказал, что тело уже недеятельно в отношении греха, но – мертво для греха, чем и возвышает легкость подвигов. Тот (кто имеет Христа) увенчивается даже без дел и трудов. Потому (апостол) и присовокупил – *для греха,* чтобы ты понял, что Он раз и навсегда истребил порок, а не естество тела. В противном случае было бы уничтожено многое такое, что может быть полезно для души. Итак, не об этом говорит (апостол), но он желает, чтобы тело, живя и пребывая, было мертво. Когда наши тела, в отношении телесной деятельности, нисколько не отличаются от лежащих в могиле, это и есть знак того, что имеем в себе Сына, что в нас пребывает Дух. Но ты, услышав о смерти, не страшись, потому что имеешь в себе действительную жизнь, за которой не будет следовать никакая смерть. Такова жизнь Духа; она уже не покоряется смерти, но губит и истребляет смерть и сохраняет бессмертным то, что получила. Потому (апостол), назвав тело

мертвым, не сказал — Дух живит, но наименовал его жизнью, давая тем разуметь, что он может дать жизнь и другим. Потом опять, привлекая слушателя, говорит о причине и свидетельстве жизни: это есть праведность. Когда не бывает греха, не является и смерть, а когда нет смерти, бывает вечная жизнь. *Аще ли же, Дух воскресившего Иисуса от мертвых живет в вас, воздвигий Господа оживотворит и мертвенная телеса ваша живущим Духом его в вас* (ст. 11). Опять (апостол) начинает говорить о воскресении, потому что надежда воскресения особенно поощряет слушателя и укрепляет его примером Христовым. Не страшись, говорит, того, что ты облечен смертным телом; имей в себе Духа, и тело несомненно воскреснет. Итак, что же? Разве не воскреснут тела, не имеющие Духа? А как же всем должно предстать перед судилище Христово? Как же будет достоверным учение о геенне? Ведь если не имеющие Духа не воскреснут, то нет и геенны. Итак, что значит сказанное (апостолом)? Все воскреснут, но не все в жизнь, а одни — в наказание, другие же — в жизнь. Потому не сказал: воскресит, но: *оживотворит,* что обозначает больше, нежели воскресение, и даровано одним праведным. Указывая же причину этой чести, он прибавил, говоря: *живущим Духом Его в вас.* Таким образом, если ты, живя здесь, утратишь благодать Духа и умрешь, не сохранив ее в целости, то без сомнения погибнешь, хотя и воскреснешь. Подобно тому, как (Христос), видя, что в тебе сияет Дух Его, не восхочет предать тебя наказанию, так, увидев, что Он в тебе угас, не согласится ввести тебя в брачный чертог, как и юродивых дев. Итак, не позволяй телу жить ныне, чтобы оно жило тогда; заставь его умереть, чтобы оно не умирало впоследствии. Если оно останется живым, оно не будет жить, а если умрет, будет тогда жить. Тоже будет и при всеобщем воскресении: тело сперва должно умереть и быть погребено, а

потом сделаться бессмертным. Тоже совершилось и в крещении: сперва человек распят и погребен, а потом воскрес. Тоже было и с Господним телом: и оно было распято и погребено, а потом воскресло.

9. Итак, станем и мы делать это, будем непрестанно умерщвлять тело в делах его. Я говорю это не о сущности тела, — да не будет, — а о склонностях к порочным делам. Не терпеть ничего человеческого и не служить удовольствиям — в этом тоже состоит жизнь, а лучше сказать, это и есть единственная жизнь. А тот, кто покорился удовольствиям, не может уже и жить, вследствие возникающих отсюда беспокойств, страхов, опасностей и бесчисленного роя страстей. Придет ли ему мысль о смерти, он уже прежде смерти умер от страха; представится ли ему в уме болезнь, обида, бедность или что-нибудь другое из неожиданного, он уже погиб и уничтожен. Что может быть несчастнее такой жизни? Но не таков живущий Духом: он стоит выше и страхов, и скорби, и опасностей, и всякой перемены, потому что ничего не терпит, но, — что гораздо важнее, — презирает все, что бы ни случилось. Как же это бывает? Если Дух постоянно живет в нас, как и (апостол) не просто сказал, чтобы Дух на короткое только время пребывал в нас, но всегда жил, вследствие чего и не сказал: Дух живший, но *живущий,* означая тем постоянное пребывание. Итак умерший для жизни есть преимущественно таковой (живущий Духом). По этой причине (апостол) и сказал: *дух живет правды ради.* А чтобы сказанное было яснее, представим себе двоих людей — одного преданного роскоши, удовольствиям и житейской прелести, а другого умершего для всего этого, и посмотрим, кто из них больше живет. Пусть один из этих двоих будет весьма богат и знатен, кормит тунеядцев и льстецов, пирует и упивается и проводит в этом целые дни; а другой, живя в нищете, посте, в прочем суровом житии и любо-

мудрии, только к вечеру принимает необходимую пищу, или, если хочешь, не ест по два и по три дня. Кто же у нас из этих двоих преимущественно живет? Хорошо знаю, что многие укажут на того, который веселится и расточает свои имущества, а мы называем того, который удовлетворяется умеренностью. Если же возникает еще спор и противоречие, то войдем в жилище каждого, и именно во время самого веселья, когда богач, по твоему мнению, живет в полном смысле, и, войдя, посмотрим, в каком состоянии каждый из них находится: из дел их видно будет, кто жив и кто мертв. Итак, одного найдем за книгами, в молитве и в посте или бодрствующим за каким-либо другим необходимым делом, трезвящимся и беседующим с Богом; а другого найдем погруженным в пьянство и в состоянии нисколько не лучше мертвого; если же подождем до вечера, то увидим, что он еще больше бывает объят смертью и в таком состоянии застает его сон, между тем как первый проводит ночь без сна и бодрствует. Итак, о котором мы можем сказать, что он преимущественно живет, о том ли, который лежит в бесчувственном состоянии и служит для всех предметом смеха, или о том, кто трудится и беседует с Богом? Если ты подойдешь к первому и спросишь о чем-нибудь необходимом, то не услышишь ни слова, как от мертвого; а если пожелаешь побеседовать со вторым, хотя бы и ночью, или днем, то увидишь, что он походит более на ангела, нежели на человека, и услышишь, как он любомудрствует о небесных предметах. Видишь ли ты, что один живет выше всех живущих, а другой лежит в состоянии, которое хуже состояния умерших. Последний, если и примется за какое-нибудь дело, видит одно вместо другого и подобен безумным, а лучше сказать — несчастнее и этих. Если кто-нибудь обидит помешанного в уме, то все мы чувствуем сострадание к обиженному и порицаем обид-

чика; а если увидим, что кто-нибудь издевается над таким человеком, то не только не чувствуем к нему жалости, но и осуждаем самого лежащего. И, скажи мне, это ли жизнь? Не хуже ли она бесчисленных смертей? Видишь ли ты, что предающийся удовольствиям не только мертв, но даже хуже мертвеца и несчастнее сумасшедшего? Один возбуждает к себе жалость, а другой ненависть, один получает прощение, а другой подвергается наказанию за то именно, чем и болеет. Если же и по наружности так смешон человек, у которого течет гнилая слюна и от которого дурно пахнет вином, то представь, каково положение несчастной души, погребенной в таком теле, как в гробе. Видеть это – то же самое, как если бы кто-нибудь дал полную власть служанке варварского происхождения, безобразной и бесстыдной, издеваться и оскорблять девицу скромную, благоразумную, свободную, благородного происхождения и прекрасную. Таково пьянство.

10. Кто из имеющих ум не предпочел бы лучше тысячу раз умереть, чем прожить таким образом один день? На следующий день после такого смешного препровождения времени человек по-видимому встает и трезвым, однако и тогда не имеет совершенного целомудрия, так как его глаза подернуты еще туманом после бури пьянства. Положим даже, что он и совершенно трезв: какая от этого польза? Трезвость его непригодна ни к чему иному, как только заметить порицателей его. Пока он был в безобразном положении, то имел ту выгоду, что не чувствовал насмешек, а с наступлением дня лишается и этого утешения, потому что сам замечает, как слуги перешептываются, жена краснеет от стыда, друзья осуждают и враги насмехаются. Что может быть печальнее такой жизни – в течении дня служить посмешищем для всех, а вечером опять приводить себя в то же безобразное положение? Но что? Ты желаешь,

чтобы я представил тебе в пример лихоимца? И лихоимство есть пьянство своего рода, даже более неприятное; а если оно есть пьянство, то, без сомнения, есть и смерть, притом гораздо хуже той смерти, так как и самое опьянение сильнее. Не так гибельно упиться вином, как страстью к деньгам; там вред ограничивается болезнью и оканчивается бесчувственностью и гибелью самого упившегося, а здесь простирается на тысячи душ, всюду возбуждая различные нападения. Итак, противопоставим одно другому, посмотрим, что у них общего и в чем один превосходит другого, и сделаем сейчас сравнение обоих упившихся. Ведь с тем блаженным, живущих по Духу, их нельзя и сравнивать, а можно только рассматривать в отношении друг к другу. Итак, представим еще раз трапезу, за которой тысячи убийств. Что между ними общего и в чем они походят один на другого? В самом характере болезни: хотя вид пьянства различен, так как одно производится вином, а другое деньгами, но страсть одинакова, потому что они оба одинаково одержимы безумной похотью. Как упивающийся вином, чем больше выпьет чаш, тем больше их желает, так и любящий деньги, чем больше приобретает, тем сильнее разжигает пламя страсти и тем большей томится жаждой. В этом они имеют сходство между собой, а в другом сребролюбец, в свою очередь, имеет преимущество. В чем же именно? В том, что один переносит нечто сообразное с природой, потому что вино имеет горячительное свойство и, усиливая врожденную сухость, таким образом производит у пьяных жажду. А лихоимец вследствие чего постоянно желает большего? Отчего происходит, что когда он больше обогащается, тогда живет в большей нищете? Страсть эта неудобопонятна и походит больше на загадку. Но посмотрим на них, если угодно, когда опьянение их прошло; впрочем сребролюбца никогда и нельзя увидеть по окончании пьянства:

он всегда находится в состоянии опьянения. Итак, посмотрим на них обоих в состоянии опьянения, разберем, кто из них смешнее, и изобразим их самыми точными чертами. Представим себе человека, потерявшего рассудок от вина, как он при наступлении вечера смотрит во все глаза и никого не видит, как бесцельно и без причины блуждает кругом, натыкается на встречающихся, изрыгает, как он растрепан и обнажен до бесстыдства, как жена, дочь, служанка и все много смеются над ним. Выведем также на середину и сребролюбца. Здесь поступки достойны не только смеха, но и проклятия, сильного гнева и бесчисленных громов. Впрочем, рассмотрим пока одно смешное. И сребролюбец, подобно пьяному, никого не узнает, ни друзей, ни недругов, также слеп, хотя смотрит во все глаза, и как тот везде видит вино, так этот везде видит деньги. Изрыгаемое им гораздо гнуснее, потому что он извергает из себя не пищу, но слова хулы, оскорблений, вражды и смерти, привлекая тем на свою голову тысячи небесных молний. Как у пьяного тело бывает синее и расслабленное, такова же у сребролюбца душа, а лучше сказать, и самое тело у него не свободно от этой болезни, но подвержено ей в большей степени, потому что хуже вина изъедают и постепенно истощают его заботы, гнев, бессонница. Одержимый пьянством может хотя ночью протрезвиться, а сребролюбец пьян постоянно, и днем и ночью, и в бодрственном состоянии и во сне, подвергаясь наказанию больше всякого узника и работающих в рудниках, или даже другому более тяжелому мучению.

11. Скажи же теперь – жизнь ли это, а не смерть ли, или – не хуже ли и всякой смерти? Смерть доставляет покой телу, избавляет от насмешек, стыда и грехов, а эти два рода пьянства ввергают во все это, заграждают слух, ослепляют глаза и держат рассудок в большом

мраке. Сребролюбец ни о чем не хочет ни слышать, ни говорить, как только о прибыли и росте на прибыль, о бесстыдных барышах, о ненавистных торговых заведениях, о делах приличных рабам, а не свободному человеку; как собака, он на всех лает, всех ненавидит, от всех отвращается, против всех враждует без всякой к тому причины, восстает на бедных, завидует богатым, ни с кем не водит дружбы. Если он имеет жену, детей и друзей и если из всего этого нельзя извлечь ему для себя выгоды, то они являются ему врагами более злыми, чем враги действительные. Что может быть хуже такого безумия? Что несчастнее того, когда человек сам себе всюду устрояет утесы, подводные камни, стремнины, пучины и бесчисленные бездны, когда он имеет одно только тело и служит одному чреву? Если тебя привлекают к общественным делам, ты избегаешь этого, опасаясь больших издержек, а сам на себя налагаешь тысячи дел, которые гораздо труднее общественных, совершаешь мамоне служения, которые не только более убыточны, но и более опасны, и приносишь этому злому мучителю не только деньги, телесный труд, душевные мучения и скорби, но и самое тело свое, чтобы у тебя, жалкий и бедный человек, от этого варварского рабства что-нибудь прибавилось. А разве ты не видишь, сколько людей относится на кладбище каждый день, не видишь, что они идут в могилу нагими и лишенными всего и не только не имеют возможности взять ничего из своей собственности, но и то, чем прикрыты, должны уступить червям? Смотри же на них ежедневно и, может быть, это укротит твою страсть, если только, вследствие издержек на погребение, не будешь безумствовать еще больше: ведь страсть жестока, болезнь ужасна. Потому-то и мы в каждое ваше собрание беседуем об этом и постоянно оглашаем ваш слух, чтобы хотя вследствие повторения мог получить-

ся какой-нибудь успех. Но не возражайте: эта разновидная страсть готовит вам многие мучения не только в будущий день, но и прежде его. Стану ли говорить о тех, кто постоянно находится в узах, или кто одержим долговременной болезнью, или борется с голодом, или о ком-либо другом, — ни о ком не смогу сказать, что он терпит столько же, сколько сребролюбцы. Что может быть ужаснее — для всех представляться ненавистным и всех ненавидеть, ни к кому не относиться хорошо, никогда не быть сытым, всегда терпеть жажду, непрестанно бороться с голодом, который гораздо тяжелее обыкновенного, иметь ежедневные скорби, никогда не быть в здравом уме, постоянно находиться в волнении и тревогах? Все это и еще больше этого переносят сребролюбцы: в случае прибыли, хотя бы получили и владеют всем, они не чувствуют никакого удовольствия, потому что желают большего, а в случае ущерба, хотя бы потеряли один обол, они представляют себе, что ни с кем не случалось большего несчастья, как будто они потеряли и самую жизнь. Какое слово может изобразить это зло? А если такова здешняя участь сребролюбца, то помысли, что ожидает его по смерти: лишение царства, гееннские муки, вечные узы, внешний мрак, ядовитый червь, скрежет зубов, скорбь, теснота, огненные реки, никогда неугасающая печь. Сообразив все это и сравнив с удовольствием от денег, исторгни с корнем эту болезнь, чтобы, получив истинное богатство и освободившись от ужасной этой нищеты, достигнуть тебе и настоящих и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

Темже убо, братие, должни есмы не плоти, еже по плоти жити. Аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете (VIII, 12, 13)

1. Показав, какова награда духовной жизни, которая вселяет в нас Христа, оживотворяет мертвенные тела, окрыляет к небу, делает стезю добродетели более удобной, – (апостол) необходимо потом представляет увещание, говоря: итак, мы не должны жить по плоти. Впрочем, он не так сказал, а гораздо выразительнее и сильнее, говоря, что мы должники духу, – словами: *должни есмы не плоти* он именно на это указал. И всюду он это раскрывает, доказывая, что все, совершенное для нас Богом, было не по долгу, а по одной только благодати, все же, происходящее после этого от нас, есть не дар, а долг. На это он намекает, когда говорит: *ценою куплени есте, не будите раби человеком* (1 Кор. VII, 23), и то же самое показывает, когда пишет: *несте свои* (1 Кор. VI, 19). И о том же самом упоминает еще в другом месте, говоря: *яко, аще един за всех умре, то убо вси умроша,* и: *за всех умре, да живущии не ктому себе живут* (2 Кор. V, 14, 15). Тоже подтверждает и здесь словами: *должни есмы.* Потом, так как сказал: *должни есмы не плоти,* то, чтобы ты опять не отнес этого к существу плоти, он не остановился на этом, но присовокупил: *еже по плоти жити.* Многое обязаны мы делать и для плоти, питать ее, греть, покоить, лечить в болезни, одевать и оказывать ей множество других услуг. Итак, чтобы ты не подумал, что (апостол) запрещает такое служение плоти, он, сказав *должни есмы не плоти,* поясняет это, говоря: *еже по плоти жити.* Запрещаю, говорит он, иметь такое попечение о плоти, которое доводит до греха, а с другой стороны желаю, чтобы были заботы и о ней, что он и

разъяснил впоследствии. А именно, сказав: *плоти угодия не творите,* не остановился на этом, но присовокупил: *в похоти.* Тому же и здесь учит, говоря: пусть и плоть будет предметом попечения, потому что мы должники ее в этом, но, конечно, не станем жить по плоти, то есть не станем делать ее госпожой нашей жизни. Необходимо, чтобы она шла позади, а не впереди, чтобы она не управляла нашей жизнью, а принимала законы Духа. Итак, определив это и подтвердив, что мы должники Духа, потом показывая, должниками каких благодеяний мы состоим, (апостол) говорит не о прошедшем, но о будущем, в чем и должно особенно дивиться его благоразумию. Хотя и прежних благодеяний было достаточно, но однако он не представляет их теперь и не говорит о неизреченных тех милостях, а указывает на будущие. Многих обыкновенно трогает не столько оказанное уже прежде благодеяние, сколько ожидаемое и будущее. Намереваясь же (говорить о будущих благодеяниях, апостол) сперва устрашает скорбными и худыми последствиями плотской жизни и говорит так: *аще бо по плоти живете, имате умрети,* понимая здесь смерть бессмертную, то есть наказание и мучение в геенне. Лучше же сказать, – если тщательно рассмотреть это, – живущий по плоти мертв даже и в здешней жизни, как бы то уже вам объяснено нами в предыдущей беседе. *Аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете.* Замечаешь ли ты, что он говорит не о природе тела, но о плотских делах? Он не сказал: «если Духом умерщвляете телесное естество, будете живы», но – *деяния* и притом не все, а порочные: это ясно и из последующего, где он говорит: если сделаете это, будете живы. Да и как это было бы возможно, если бы он говорил о всех делах вообще? Ведь и видеть, и слышать, и говорить, и ходить есть плотское дело и если станем умерщвлять такие дела, то настолько отрешимся от жизни, что под-

вергнемся обвинению и в самоубийстве. Итак, какие же дела (апостол) повелевает умерщвлять? Те, которые приводят к пороку, клонятся ко злу, которых невозможно умертвить иначе, как Духом. Убив же другие дела, можно убить и себя самого, что непозволительно; а эти дела умерщвляются только Духом. Если Дух является, все волнения утихают, все страсти усмиряются и ничто не восстает против нас. Заметил ли ты, как (апостол) увещевает нас будущими благами (о чем я сказал выше) и доказывает, что мы должники не в силу только сделанного уже для нас? Благодеяние Духа, говорит он, состоит не только в том, что Он отпустил нам прежние грехи, но и в том, что соделывает нас и в будущем непобедимыми для греха и удостаивает бессмертной жизни. После того, указывая на новую награду, присовокупил: *елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии* (ст. 14).

2. Этот венец гораздо важнее прежнего. Потому не просто сказал: все живущий Духом Божиим, но – *елицы Духом Божиим водятся,* чем выражает свое желание, чтобы Дух Божий быть господином нашей жизни, как кормчий управляет кораблем, или возница парой коней. Не на одно тело, но и на душу (апостол) налагает такую узду. Он не желает, чтобы душа господствовала, но власть ее подчинил силе Духа. Чтобы (римляне), уповая на дар крещения, не пренебрегли последующей своей жизнью, (апостол) говорит, что, хотя ты и принял крещение, однако, если после этого не будешь водиться Духом, то утратишь дарованное тебе достоинство и право усыновления. Потому не сказал – те, которые приняли Духа, но – *елицы Духом Божиим водятся,* то есть те, которые так живут в продолжение целой жизни, *сии суть сынове Божии.* А как это достоинство дано было и иудеям, потому что сказано: *Аз рех, бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. LXXXI, 6), и еще: *сыны родих и возвысих*

(Ис. I, 2), и опять: *сын мой первенец Израиль* (Исх. IV, 22), а также сам Павел говорит: *ихже всыновление* (Рим. IV, 4), то он и раскрывает какое существует различие между той и другой честью. Хотя названия одни и те же, говорит он, но дела не одни и те же. И ясное доказательство этого представляет в сравнении и благоуспевших, и сообщенных даров, и будущих наград. И во-первых, показывает, какие дары сообщены были иудеям. Какие же именно? Дух рабства. Потому присовокупил: *не приясте бо духа работы паки в боязнь* (ст. 15). Потом, не сказав о противоположном рабству, то есть духе свободы, указал на то, что гораздо важнее, – именно на дух усыновления, через который сообщается и дух свободы, говоря: *но приясте духа сыноположения*. Понятно, что значит дух усыновления, но что такое дух рабства, это не понятно, а потому необходимо это объяснить, тем более, что сказанное (апостолом) не только не ясно, но даже совершенно невразумительно. Ведь народ иудейский не получил Духа, – о чем же говорит здесь (Павел)? Так он назвал письмена, потому что они были духовны, а равно и закон духовен, и вода из камня, и манна: *вси бо*, говорит, *тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пиша* (1 Кор. X, 3). И камень называет также духовным, говоря: *пияху же от духовнаго последующаго камене* (ст. 4). Так как все эти действия были сверхъестественны, то (апостол) назвал их духовными, хотя участвовавшие тогда в них и не приняли Духа. Почему же ветхозаветные письмена были письменами рабства? Рассмотри всю жизнь иудеев и тогда ясно узнаешь это. У них и наказания воздавались вскоре, и награда следовала тотчас, будучи соразмерной и подобной какому-то ежедневному содержанию, выдаваемому слугам; повсюду перед взором их предносился сильный страх, строго соблюдались телесные омовения, до воздержания в поступках включительно. У нас же не так, но

очищается помысл и совесть. (Христос) не говорит только — не убивай, но и — не гневайся, или не только — не прелюбодействуй, но и — не смотри нечистым оком, — чтобы мы не из страха настоящего наказания, а из любви к Нему приобретали навык в добродетели и успевали во всем прочем. (Бог) не обещает земли, текущей медом и молоком, но делает нас сонаследниками Единородного, всеми мерами отклоняя нас от настоящих благ и обещая преимущественно даровать такие, какие свойственно получить сделавшимся сынами Божиими; у нас ничего нет чувственного, ничего телесного, но все духовно. Иудеи, хотя и назывались сынами, но как рабы, а мы, как сделавшиеся свободными, получили усыновление и ожидаем себе неба; с иудеями (Бог) беседовал через других, а с нами сам лично; иудеи все делали, побуждаемые страхом наказания, а духовные все делают по желанию и любви и доказывают это тем, что преуспевают сверх предписанного в заповедях. Иудеи, как наемники и неблагодарные, никогда не переставали роптать, а христиане угождают Отцу; те, будучи облагодетельствованы, богохульствовали, а мы и в опасностях благодарим. Хотя грешникам и теперь должно подвергнуться наказанию, но и в этом большое различие. Иудеев священники побивали камнями, сжигали и подвергали отсечению членов тела; равно и мы подлежим взысканию, но для нас достаточно отлучения от Отчей трапезы и удаления от созерцания ее на определенное число дней. Для иудеев усыновление было только честью наименования, а у нас за этим следует и дело — очищение посредством крещения, дарование Духа и ниспослание прочих благ. К этому можно прибавить много и других доказательств нашего благородства и их незначительности. Апостол, все это обозначив словами — Дух, страх и усыновление, представляет и другое доказательство того, что мы имеем духа

усыновления. Какое же именно? *О Немже вопием, Авва Отче.*

3. Насколько это важно – о том хорошо знают просвещенные, так как им в таинственной молитве повелевается прежде всего произносить это изречение. Итак, что же? Разве иудеи не называли Бога Отцом? Не слышишь ли, что говорит Моисей: *Бога рождшаго тя оставил еси* (Втор. XXXII, 18)? Не слышишь ли, как Малахия укоряет и говорит: *не Бог ли един созда нас, не Отец ли един всем вам* (II, 10)? Но хотя бы были приведены и другие многие изречения (Писания), однако мы нигде не найдем того, чтобы иудеи называли Бога именем Отца и молились Ему. У нас же и священникам, и мирянам, и начальникам, и подчиненным – всем повелено так молиться. И это есть первое слово, которое мы произносим после чудесного того рождения и после нового и необычайного порядка вскормления. Притом, если иудеи когда-нибудь называли Бога Отцом, то по собственному разумению, а живущие по благодати называют так, побуждаемые силой Духа, Как есть дух мудрости, посредством которого немудрые сделались мудрыми, что и обнаружилось в учении, как есть дух силы, посредством которого немощные воскрешали мертвых и изгоняли бесов, есть также дух дара исцелений, дух пророчества и дух языков, так есть и дух усыновления. И как о духе пророчества мы знаем, что имеющий его предсказывает будущее, изрекая не от своего ума, но движимый благодатью, так должно сказать и о духе усыновления, что принявший его именует Бога Отцом, побуждаемый Духом. Апостол, желая показать истинное наше происхождение, употребил и еврейское выражение, он не сказал только – Отче, но – *Авва Отче,* как преимущественно законные дети называют отца. Итак, сказав о различии в жизни, в дарованной благодати и свободе, (апостол) представляет и новое доказательство

превосходства, получаемого от этого усыновления. Какое же именно? *Самый Дух*, говорит он, *спослушествует духови нашему, яко есмы чада Божия* (ст. 16). Я утверждаю это, говорит он, не только на основании слова, но и на основании причины, порождающей слово, так как произношу это по внушению Духа. Это (апостол) еще яснее выразил в другом месте, сказав: *посла Бог Духа Сына своего в сердца наша, вопиюща: Авва Отче* (Гал. IV, 6). Что же значит – *Дух спослушествует духови?* Утешитель, говорит (апостол), свидетельствует о сообщенном нам даровании. Это – не только голос дарования, но и голос Утешителя, подавшего дар; Он сам посредством дарования научил нас произносить это слово. А когда свидетельствует Дух, какое может быть недоумение? Если бы это обещал человек, или ангел, или архангел, или другая какая-нибудь подобная сила, то для некоторых сомнение, пожалуй, было бы возможно, но когда высочайшее Существо и даровало это, и свидетельствует нам об этом тем словом, которое повелено произносить в молитве, тогда кто может сомневаться в достоинстве? Когда царь кого-нибудь жалует и перед всеми объявляет о его чести, то осмелится ли кто-нибудь из подданных ему противоречить? *Аще же чада, и наследницы* (ст. 17), продолжает (апостол). Замечаешь ли, как он постепенно увеличивает дар? Так как можно быть детьми и не сделаться наследниками (ведь не все дети бывают наследниками), то (апостол) присовокупляет еще: *и наследницы*. Иудеи, помимо того, что не были усыновлены, как мы, еще лишены были и наследства: *злых бо зло погубит, и виноград предаст иным делателем* (Мф. XXI, 41). А прежде того (Христос) сказал: *яко мнози от восток и запад приидут, и возлягут со Авраамом, сынове же царствия изгнани будут вон* (Мф. VIII, 11, 12). Но (апостол) и на этом не останавливается, а прибавляет нечто большее. Что же именно? То, что мы наследники

Божии, почему и присовокупил: *и наследницы убо Богу.* И что еще важнее, не просто наследники, *но и снаследницы Христу.* Видишь ли, как (апостол) старается приблизить нас к Владыке? Так как не все дети бывают наследниками, то он показывает, что мы и дети, и наследники. Далее, так как не все наследники бывают наследниками великих деяний, то он показывает, что мы и это имеем, будучи наследниками Бога. И опять, так как можно быть наследником Бога, но не сонаследником Единородного, то показывает, что мы и это имеем. И заметь мудрость (апостола): когда он говорил о том, что потерпят живущие по плоти, он не распространился в описании скорбей, а сказал только, что они умрут; а коснувшись обетований, говорит гораздо обширнее, упоминает о воздаянии наград и перечисляет различные и великие дары. Если и быть сыном — неизреченная благодать, то представь, насколько важно быть притом и наследником. А если это важно, то гораздо выше быть сонаследником. Потом, желая показать, что все это не есть дар одной благодати, и вместе придать более достоверности словам своим, (апостол) присовокупил: *понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся.* Если мы, говорит (Павел), участвовали (с Христом) в скорбях, тем более будем участвовать в радостях. Тот, кто одарил такими великими благами еще не оказавших никаких заслуг, не тем ли более вознаградить их, когда увидит, что они и потрудились и столько страдали?

4. Итак, доказав, что воздаяние действительно существует, апостол, чтобы речь его получила достоверность и чтобы никто не сомневался, снова доказывает что оно имеет также силу благодати, — отчасти для того, чтобы и сомневающиеся поверили сказанному, и поверившие не стыдились, будто бы они всегда спасаются по милости, отчасти для того, чтобы ты знал, сколько воздания Божии превосходят труды твои. Первое он

выразил, сказав: *понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся,* а относительно второго прибавил, говоря: *яко недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (ст. 18). В предыдущих словах (апостол) требует духовного исправления нравов, когда говорит: вы не должны жить по плоти, то есть должны удаляться похоти, гнева, сребролюбия, тщеславия, зависти; а теперь, после того как напомнил верующему о всем данном ему даре, имеющем значение и для будущего, после того как укрепил и возвысил его упованиями, поставил близ Христа и объявил сонаследником Единородного, теперь смело выводит его на бедствия. Не одно ведь и то же побеждать страсти, в нас возникающие, и переносить внешние искушения – побои, голод, лишение имущества, заточения, оковы, ведение на казнь: для последнего много нужно благородства души и бодрости. И заметь, как (апостол) вместе принижает и возвышает мудрование подвизающихся. Всякий раз как он указывает на то, что награды выше трудов, он побуждает к большим трудам и не допускает высоко о себе думать, как побеждаемых воздаянием венцов. И в другом месте он говорит: *еже бо ныне легкое печали нашея по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделовает нам* (2 Кор. IV, 17). Эта речь у него была к более любомудрым; здесь же он не признает страданий легкими, а утешает в них воздаянием будущих благ, говоря: *непщую бо, яко не достойны страсти нынешняго времени.* И не сказал: ничего не стоят в сравнении с будущей радостью, но – что гораздо сильнее – в сравнении с будущей славой. Где радость, там не всегда бывает и слава, а где слава, там, конечно, и радость. Потом, сказав, что слава есть будущая, доказывает, что она уже и существует. Не сказал: в сравнении с той, которая будет, но: *хотящей явитися,* то есть она и теперь есть, но скрыта, что яснее он выразил в другом месте, сказав: *живот наш*

сокровенен есть со Христом в Бозе (Кол. III, 3). Итак, уповай на эту славу: она уже готова и ожидает твоих трудов. Тебя печалит то, что она еще впереди, но это самое и должно радовать тебя, так как там уготована слава великая, неизреченная и превосходящая настоящее твое состояние. (Апостол) не без цели сказал: *страсти нынешняго времени*, но с намерением показать, что будущая слава превосходит настоящую, не только качеством, но и количеством. Нынешние страдания, каковы бы они ни были, прекращаются с настоящей жизнью, а будущие блага простираются на бесконечные века. И так как (апостол) не мог подробно исчислить и изобразить их словом, то наименовал их славой, которая в особенности представляется для нас приятной, потому что почитается вершиной и главой всех благ. (Апостол) и другим способом ободряет слушателя и усиливает речь указанием на творение, имея в виду в следующих словах две цели: внушить презрение к настоящему и — желание будущего; вместе с этим он имеет и третью цель, которую правильнее назвать первой, именно показать, насколько любезным является Богу человеческий род и в какой чести у Него естество наше. Кроме того, одним этим учением (апостол), как паутину и детские игрушки, ниспровергает все толки философов, составленные ими об этом мире. Но, чтобы это было более ясно, выслушаем собственные апостольские слова. *Чаяние бо твари*, говорит, *откровения сынов Божиих чает. Суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании* (ст. 19, 20). (Апостол) говорит здесь о следующем: тварь эта сильно мучится, чая и ожидая тех благ, о которых мы теперь сказали, — чаяние и есть сильное ожидание. А чтобы речь была выразительнее, (апостол) олицетворяет весь этот мир, как делают и пророки, говоря, что реки рукоплещут, холмы скачут, горы прыгают, — но не затем, чтобы мы считали их одушевленными и припи-

сывали им какой-нибудь помысл, но для того, чтобы мы заключали о преизбытке благ, простирающихся и на самых бесчувственных тварей.

5. То же самое (пророки) нередко делают и при изображении чего-нибудь печального, говоря, что виноградник плачет, вино, горы и своды в храмах громко шумят, — чтобы мы опять поняли чрезмерность зол. И апостол, подражая (пророкам), олицетворяет здесь творение и говорит, что оно стенает и мучится, не потому, чтобы действительно он услышал стенание земли и неба, но с целью выразить изобилие будущих благ и желание освобождения от настоящих зол. *Суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго.* Что значит — *суете тварь повинуся?* Сделалась тленной. Для чего же и по какой причине? По твоей вине, человек. Так как ты получил смертное и подверженное страданиям тело, то и земля подверглась проклятию, произрастила терния и волчцы. А что и небо, обветшавшее вместе с землей, впоследствии будет иметь лучший жребий, послушай, как говорит об этом пророк: *в началех Ты, Господи, землю основал еси, и дела руку Твоею суть небеса. Та погибнут, Ты же пребываеши, и вся яко риза обетшают и яко одежду свиеши я, и изменятся* (Пс. CI, 26, 27). И Исаия восклицает: *воздвигните на небо очи ваша, и воззрите на землю долу, понеже небо яко дым утвердися, и земля яко риза обетшает, живущии же на земли яко сия изомрут* (Ис. LI, 6). Понял ли ты, как тварь послужила суете и как она освобождается от тления? Один говорит: *яко одежду свиеши я, и изменятся,* а Исаия говорит: *живущии же на земли, яко сия изомрут,* указывая не на совершенную гибель, так как живущие на земле, то есть люди, подвергнутся не конечной, а временной гибели, от которой перейдут в бессмертие; также и тварь. Все это (пророк) и выразил словами: *яко сия изомрут.* То же самое говорит и Павел впоследствии, а пока он рассуждает о рабстве и показы-

вает, отчего оно произошло, и причиной считает нас самих. Итак, что же? Неужели тварь, подвергаясь этому из-за другого, оскорблена? Нисколько, потому что она для меня и существует. А если она существует для меня, то каким образом она может подвергаться обиде, как скоро переносить это для моего исправления? Да и вообще, к неодушевленному и бесчувственному не следует и прилагать понятия о справедливом и несправедливом. Но Павел, после того как олицетворил тварь, и не входит в дальнейшие рассуждения по поводу сказанного, а спешит как можно более утешить слушателя другой мыслью. Какой же именно? Что ты говоришь? рассуждает он: неужели тварь через тебя потерпела зло и стала тленной? Но ей не причинено этим никакой обиды, потому что через тебя же она опять будет нетленной, как это и указано словом – *на уповании.* Когда же говорит – *повинуся не волею,* то этими словами он вовсе не показывает, что тварь владеет разумом, но вразумляет тебя, что все было делом попечения Христова, а не ее заслуги. Дальше (апостол) говорит, в какой надежде (тварь покорилась суете). *Яко и сама тварь свободится* (ст. 21). Что значит: *сама?* Не ты один, но то, что ниже тебя, что не имеет ни разума, ни чувства, – и то будет с тобой участвовать в благах. *Свободится,* говорит (апостол), *от работы истления,* то есть не будет уже тленной, но сделается соответственной благообразию твоего тела. Как тварь сделалась тленной, когда тело твое стало тленным, так и тогда, когда тело твое будет нетленным, и тварь последует за ним и сделается соответственной ему. Выражая это, (апостол) прибавил: *в свободу славы, чад Божиих,* то есть посредством свободы. Как кормилица, воспитавшая царского сына, когда он получит отеческую власть, наслаждается вместе с ним благами, так и тварь, по словам апостола. Видишь ли ты, что человек всюду

бывает впереди и что все для него делается? Замечаешь ли, как (апостол) утешает подвизающегося и доказывает неизреченное Божие человеколюбие? Зачем скорбишь по поводу искушений? говорит он. Ты терпишь сам за себя, а тварь за тебя терпит. И не только утешает, но и доказывает достоверность сказанного им. Если надеется тварь, которая из-за тебя стала тем, что она теперь, тем более надейся ты, через которого тварь будет наслаждаться всеми теми благами. И люди обыкновенно одевают слуг в лучшее платье ради чести сына, когда ему нужно показаться во всем своем достоинстве. Так и Бог облекает тварь нетлением в свободу славы чад. *Вемы до, яко вся тварь совоздыхает и сболезнует даже до ныне* (ст. 22).

6. Замечаешь ли, как (апостол) стыдит слушателя, говоря как бы так: не будь хуже твари и не прилепляйся к настоящему. Тебе не только не должно прилепляться, но и нужно воздыхать по поводу замедления в твоем переселении отсюда. Если и тварь так делает, тем более прилично это тебе, одаренному разумом. Но этого еще мало, чтобы пристыдить тебя, потому (апостол) присовокупил: *не точию же, но и сами начаток духа имуще, и мы сами в себе воздыхаем* (ст. 23), то есть как предвкусившие уже будущих благ. Хотя бы кто был и каменным человеком, все же дарованного нам уже достаточно, чтобы возбудить, отвлечь от настоящего и сугубо окрылить к будущему, — как тем, что дарованное велико, так и тем, что эти столь великие и многие дары только начаток. Если же начаток таков, что через него можно освободиться от грехов и достигнуть праведности и освящения, а (апостолы) изгоняли бесов и своей тенью и одеждами воскрешали мертвых, то представь, каковы все будущие блага. И если воздыхает тварь, которая лишена разума и дара слова и которая о всем этом не имеет никакого познания, то тем более должны воздыхать мы.

Но, чтобы еретики не имели повода думать, что (апостол) осуждает все настоящее, он говорит далее: мы воздыхаем не потому, что осуждаем настоящее, но потому, что желаем большего. Это самое выразил он словами: *всыновления чающе.* Что ты говоришь, Павел? Почему ты постоянно обращаешься взад и вперед, то восклицаешь, что мы стали уже сынами, то опять причисляешь это благо к предметам надежды и пишешь, что нам еще должно получить его? Итак, исправляя это последующим, (апостол) прибавляет: *избавления телу нашему,* то есть совершенной славы. Теперь участь наша, до последнего нашего издыхания, находится в тайне, потому что многие из сынов делались потом псами и пленниками. А когда мы переселимся отсюда с доброй надеждой, тогда дар сделается неотъемлемым, более явным и великим, тогда не будет и страха, что грех и смерть могут изменить его. Тогда только благодать сделается безопасной, когда и тело наше освободится от смерти и бесчисленных страданий. Слово — *избавление* значит не простой выкуп, но такой, после которого уже нельзя возвратиться в прежний плен. А чтобы ты не впадал в недоумение, непрестанно слыша о славе и не имея о ней ясного понятия, (апостол) в подробности раскрывает будущие блага, указывая на изменение твоего тела и соответственно с тем и всей твари. Это он яснее выразил в другом месте сказав: *иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы* (Флп. III, 21). И в другом послании он пишет: *егда же смертное сие облечется в бессмертие, тогда будет слово написанное: пожерта бысть смерть победою* (1 Кор. XV, 54). А в доказательство того, что вместе с разрушением тела последует изменение в состоянии и всех предметов, участвующих в жизни, (апостол) написал в другом месте: *преходит бо образ мира сего* (1 Кор. VII, 31). *Упованием бо спасохомся* (ст. 24), продолжает он. Так как (апостол)

доселе вел речь об обетовании будущих благ, а для более немощного слушателя казалось прискорбным иметь лишь надежду на благо, то он сперва раскрыл, что будущие блага гораздо достовернее настоящих и видимых, много беседовал и о дарах уже сообщенных и доказал, что мы получили начаток будущих благ, а затем, чтобы мы не искали всего здесь и не погубили своего благородства, приобретенного через веру, говорит: *упованием бо спасохомся*. Смысл этих слов следующий. Не нужно здесь всего искать, но нужно и надеяться. Ведь мы и принесли Богу только один тот дар, что поверили Ему в обетование будущих благ, и только одним этим путем мы спаслись. Если мы потеряем этот путь, то погубим свое приношение. Спрашиваю тебя, говорит: не был ли ты виновен в бесчисленных худых делах? Не погибший ли ты человек? Не подлежишь ли ты приговору? Не все ли оказались бессильными спасти тебя? Итак, что спасло тебя? Одна только надежда на Бога, одна вера в то, что Он обещал и даровал: ты ничего большего не мог и принести в дар Богу. А если надежда спасла тебя, храни ее и теперь. Как скоро она доставила тебе столько благ, то очевидно, что не обманет тебя и относительно будущего. Если она, найдя тебя мертвым, погибшим, пленником и врагом, сделала другом, сыном, свободным, праведным и сонаследником и доставила тебе столько благ, сколько никто никогда не ожидал, то, после столь великой щедрости и благосклонности, неужели она оставит тебя в последующих обстоятельствах? Итак, не говори мне: опять надежды, опять ожидания, опять вера. Таким образом ты спасся в начале и этот единственный дар ты принес жениху. Потому соблюдай его и храни. Если ты будешь требовать здесь всего, то погубишь свой заслугу, при посредстве которой ты прославился. Вот почему (апостол) и присовокупляет: *упование же видимое несть упова-*

ние: еже бо видит кто, что и уповает (ст. 24)? *Аще ли, егоже не видим, надеемся, терпением ждем* (ст. 25), то есть если всего будешь искать здесь, к чему тогда и надежда? Что же такое надежда? Твердая уверенность в будущем. Большего ли требует от тебя Бог, после того как сам Он даровал тебе все Свои блага? Он требует от тебя одного только – надежды, чтобы и ты сам мог сколько-нибудь содействовать своему спасению. На это именно и намекает (апостол), говоря: *аще ли, егоже не видим, надеемся, терпением ждем.* Бог венчает надеющегося так же, как и того, кто трудится, бедствует и переносит бесчисленные напасти. Слово – *терпение* указывает на усилие в трудах и большое постоянство. Но однако Бог и это даровал надеющемуся, чтобы утешить утружденную душу.

7. Потом, доказывая, что и для этого легкого труда мы пользуемся сильной помощью, (апостол) присовокупляет: *сице же и Дух способствует нам в немощех наших* (ст. 26). Одно принадлежит тебе – именно терпение, а другое есть дарование Духа, поощряющего тебя к надежде и посредством ее облегчающего и труды твои. Потом, чтобы ты знал, что благодать не только сопутствует тебе в трудах и опасностях, но и содействует в самых легких, по-видимому, делах и во всем оказывает свою помощь, (апостол) присовокупил, говоря: *о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы.* Этими словами (апостол) указывает на великое о нас промышление Духа и научает римлян не считать полезным все то, что таковым представляется по человеческому суждению. Так как христианам того времени, которых били и изгоняли и которые терпели бесчисленные бедствия, естественно было искать покоя, считать его полезным для себя и испрашивать у Бога такой благодати, то (апостол) говорит: не считайте для себя действительно полезным того, что вам таковым представляется. Ведь и в

том, чтобы знать полезное для себя, мы имеем нужду в Божией помощи: настолько человек слаб и ничтожен сам по себе. Потому (апостол) и сказал: *о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы.* А чтобы ученик не стыдился неведения, (апостол) открыл, что и сами учители находятся в неведении. Он не сказал: вы не знаете, но: *не вемы.* И что он сказал это не из скромности, обнаружил в других обстоятельствах. Он непрестанно просил Бога в молитвах своих о том, чтобы увидеть Рим, однако это исполнилось не вдруг после его молитвы; также и о жале, данном ему во плоти, то есть о бедствиях он часто молился, и вовсе не получил просимого. Так и в Ветхом Завете не получили желаемого Моисей, просивший увидеть Палестину, Иеремия, молившийся за иудеев, Авраам ходатайствовавший за содомлян. *Но сам дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными.* Сказанное неясно, вследствие того, что чудеса, которые были тогда многочисленны, теперь прекратились. Потому необходимо сказать вам о тогдашнем состоянии, и таким образом речь будет более ясной. Каково же было тогдашнее состояние? Всем тем, кто тогда принимал крещение, Бог сообщал различные дарования, которые вообще назывались духом. *Дуси пророчестии пророком повинуются* (1 Кор. XIV, 32). Один имел дар пророчества и предсказывал будущее; другой — дар мудрости и учил народ; иной — дар врачевания и исцелял больных; иной — дар силы и воскрешал мертвых; иной — дар языков и говорил на разных наречиях. Кроме всех этих даров, был и дар молитвы, который также назывался духом; кто имел этот дар, тот молился за весь народ. Так как мы, не зная многого полезного для нас, просим бесполезного, то дар молитвы нисходил на кого-нибудь одного из тогдашних христиан, который один за всех просил общеполезного для всей церкви и учил других молиться. Итак, (апостол) называет здесь духом как са-

мый дар, так и душу, которая получает его, ходатайствует перед Богом и воздыхает. Удостоенный такой благодати, встав с великим сокрушением, с сильными внутренними воздыханиями припадая к Богу, просил о том, что полезно для всех. Теперь знамением этого служит диакон, который приносит молитвы за народ. Указывая на это, Павел и говорил: *сам дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными. Испытаяй же сердца* (ст. 27). Видишь ли, что идет речь не об Утешителе, а о духовном сердце? В противном же случае надлежало бы сказать: испытующий же Духа. Но чтобы ты понял, что говорится о духовном человеке, имеющем дар молитвы, апостол и присовокупил: *испытаяй же сердца весть, что есть мудрование духа,* то есть духовного человека. *Яко по Богу проповедует о святых.* Ходатайствует не для того, рассуждает (апостол), что Богу неизвестны наши нужды, но чтобы мы научились молиться о том, о чем нужно, и просить у Бога угодного Ему: это и значит — *по Богу.* Таким образом, это делалось и для утешения присутствующих, и для наилучшего наставления, так как Тот, Кто сообщает дары и подает бесчисленные блага, был Утешитель. *Вся же сия,* говорит (апостол), *действует един и тойже Дух* (1 Кор. XII, 11). И это бывает для вашего научения и для того, чтобы явить любовь Духа, Который нисходит к нам до такой степени. Потому молящегося слушали все, так как молитва совершалась по воле Божией. Видишь ли, сколько уроков преподает им (апостол) о любви Бога к ним и о чести, им оказываемой.

8. В самом деле, чего не сделал для нас Бог? Для нас Он создал мир тленный, для нас и нетленный; для нас соизволил, чтобы пророки терпели напасти, для нас послал в пленение, для нас попустил впасть в печь и претерпеть бесчисленные страдания. Для нас самих создал пророков, для нас — и апостолов; для нас предал

Единородного, для нас наказывает диавола, нас посадил одесную, за нас терпел поругания, потому что говорит: *поношения поносящих ти нападоша на Мя* (Пс. LXIII, 10). Но однако, если мы и после этого отступаем от Него, Он не оставляет нас, но опять призывает и располагает других просить за нас, чтобы даровать нам благодать Свою, как и было при Моисее, которому Бог сказал: *остави Мя, и потреблю их* (Исх. XXXII, 10), чтобы тем побудить его ходатайствовать за иудеев; и теперь Он делает то же самое, почему и сообщает дар молитвы. (Бог) делал это не потому, что сам нуждается в нашей молитве, но для того, чтобы мы, спасаясь без молитв, не сделались худшими. По этой, конечно, причине Он неоднократно говорит, что примиряется с иудеями для Давида, для того или другого, делая опять и это с той це́лью, чтобы примирению дать вид законности, хотя Он более показывал бы Себя человеколюбивым, если бы говорил, что прекращает гнев Свой на иудеев сам по Себе, а не для того или другого. Но (Бог) не столько об этом заботился, сколько о том, чтобы самая причина примирения не послужила для спасаемых поводом к беспечности. Так, сказав Иеремии: *не молися о людех сих, не услышу бо тебя* (Иер. XI, 14), Он желал не того, чтобы (пророк) перестал молиться (ведь Бог весьма желает нашего спасения), но чтобы устрашить иудеев; потому пророк, узнав это, не перестал молиться. А чтобы тебе убедиться, что это сказано с намерением пристыдить (иудеев), а не (пророка) отклонить от молитвы, послушай, что говорит (Бог): разве не видишь, что делают они? И когда говорит городу (Иерусалиму): *аще умыешися нитром, и умножиши себе травы борифовы, порочен еси предо Мною* (Иер. II, 22), то не в отчаяние хочет ввергнуть, но побудить к покаянию. Как ниневитян Он устрашил и расположил к покаянию больше всего тем, что изрек о них неопределенный приговор и не подал им

доброй надежды, так поступает и здесь, возбуждая (иудеев) и внушая им почтение к пророку, чтобы хотя таким путем послушали его. А так как они пребывали в неисцелимой болезни и нисколько не вразумились тем, что другие были отведены в плен, то (Бог) сперва увещевает их остаться там, а когда они не выдержали этого и стали убегать в Египет, то (Бог) попустил это, но требовал от них, чтобы они не предавались египетскому нечестию. Когда же они и в этом не послушались, Он посылает к ним пророка, чтобы, не развратились совершенно. И так как они не пошли на зов Его, Он сам идет за ними, исправляет их, удерживает их от большего нечестия и постоянно сопутствует и следует за ними, как нежно любящий отец за сыном, во всем терпящем неудачи. Для этого (Бог) посылал не только Иеремию в Египет, но и Иезекииля в Вавилон. Пророки не противились этому, потому что знали, как много Владыка любит иудеев, даже охотно делали это, подобно благодарному рабу, который исполняется жалости к беспутному сыну (своего господина), когда видит, что отец о нем скорбит и сокрушается. И чего (пророки) не терпели от иудеев? Они были перепиливаемы пилой, гонимы, поносимы, подвергались бесчисленным напастям, и после всего этого опять приходили к ним. Самуил не переставал сокрушаться о Сауле, хотя жестоко был оскорблен им и понес нестерпимые обиды; впрочем, он и не помнил ни об одной из них. Иеремия даже написал плач для иудейского народа; а когда персидский военачальник дал ему полную свободу безопасно жить, где хочет, то он предпочел терпеть зло со своим народом и бедствовать на чужой стороне, нежели пребывать в отечестве. Так и Моисей, оставив царский дворец и придворную жизнь, поспешил разделить несчастья израильтян. Даниил в течение двадцати шести дней не вкушал хлеба и томил себя самым строгим постом, что-

бы умилостивить Бога к иудеям. Три отрока, находясь в печи и в сильном огне, возносили усердные молитвы об иудеях, а о себе не сокрушались, потому что были невредимы; и так как надеялись тогда иметь особенное дерзновение, то и молились о них, говоря: *душею сокрушенною и духом смиренным да приятьı будем* (Дан. III, 39). Ради них Иисус Навин растерзал ризы свои, ради них Иезекииль проливал слезы и сетовал, видя, что их убивали, а Иеремия говорил: *оставите мене, да горце восплачуся* (Ис. XXII, 4). А прежде того, не осмеливаясь ходатайствовать о совершенном прекращении бедствий, спрашивал, когда они окончатся, говоря: *доколе Господи?* Так был исполнен любви весь сонм святых мужей. Потому и Павел говорил: *облецытеся убо, якоже избраннии Божии святи, во утробы щедрот, благость, смиреномудрие* (Кол. III, 12).

9. Замечаешь ли всю выразительность слов, а также то, как (апостол) хочет, чтобы мы постоянно были милостивы? Не сказал просто – будьте милосерды, но – *облецытеся*, давая тем знать, что милосердие, подобно одежде, всегда должно быть при нас. Не сказал также просто – облекитесь в милосердие, но – *во утробы щедрот*, чтобы мы подражали естественному чувству нежной любви. Но мы поступаем напротив. Если кто-нибудь подойдет с просьбой о самой малой монете, то мы укоряем его, поносим, называем обманщиком. И ты не содрогаешься, человек, ты не стыдишься того, что за кусок хлеба называешь обманщиком? Если он и притворяется, то по одному тому заслуживает сожаления, что до такой степени мучится голодом, что вынужден принимать на себя такую личину. И это – доказательство нашей жестокости. Так как мы нелегко подаем добровольно, то бедные поневоле должны выдумывать бесчисленные хитрости, чтобы обмануть наше бесчеловечие и смягчить жестокость. Иное дело, если бы он про-

сил у тебя серебряной или золотой монеты, — тогда ты имел бы основание подозревать; если же он подходит к тебе за необходимым пропитанием, то зачем тебе без нужды любомудрствовать и с излишней точностью исследовать, обвиняя его в бездействии и лености? Если нужно говорить об этом, то не других, а нас самих следует укорять. Потому, когда приходишь к Богу просить помилования во грехах, вспомни об этих словах и ты поймешь, что справедливее тебе самому слышать их от Бога, нежели нищему от тебя. И однако Бог никогда не говорил тебе таких слов, не сказал: иди прочь, ты ведь лицемер; хотя ты постоянно ходишь в церковь и слушаешь Мои законы, но на площади и золото, и свое желание, и дружбу, словом — все предпочитаешь заповедям Моим; теперь представляешься смиренным, а после молитвы бываешь дерзок, жесток и бесчеловечен; итак, уходи отсюда и никогда ко Мне не приходи. Это и даже большее мы достойны бываем слышать, однако же Бог никогда не укорил нас ничем подобным, но и долготерпит, все выполняет со Своей стороны и дает нам больше того, что просим. Размыслив об этом, избавим от нищеты просящих и, хотя бы они притворялись, не станем расследовать этого. Ведь мы и сами имеем нужду в спасении, притом со снисхождением, с человеколюбием и многой милостью. Если по нашему входить в строгое расследование, то невозможно когда-либо и спастись, но все должны подвергнуться наказанию и погибнуть. Итак, не будем строгими судьями других, чтобы и у нас не потребовали строгого отчета: а мы ведь обременены грехами, превышающими всякое помилование. Будем иметь больше сожаления к тем, которые грешат, не заслуживая снисхождения, чтобы и мы сами могли надеяться на такую к себе милость, хотя, сколько бы мы ни старались, никогда не будем в состоянии оказать такое человеколюбие, в каком имеем нуж-

ду от человеколюбивого Бога. Отсюда не безрассудно ли, когда мы сами находимся в столь великой нужде, строго разбирать дела своих собратий и все делать против самих себя? Таким образом не столько ты выставляешь его недостойным твоего благодеяния, сколько самого себя – недостойным Божия человеколюбия. Кто строго взыскивает со своего собрата, с того гораздо строже взыщет Бог. Потому не будем говорить против себя, но, подойдет ли кто-нибудь по беззаботности, или по лености, станем подавать. Ведь и мы сами часто, а вернее сказать, всегда грешим по нерадению, и однако Бог не тотчас требует от нас отчета, но дает нам срок для покаяния, – каждый день питает нас, вразумляет, учит и снабжает всем прочим, чтобы и мы подражали Ему в таком милосердии. Отложим и мы жестокость, свергнем с себя зверство, так как этим мы благодетельствуем больше себе самим, чем другим. Другим даем деньги, хлеб, одежду, а себе самим уготовляем величайшую славу, которую и невозможно изобразить словом, потому что, облекшись в нетленные тела, мы прославимся и воцаримся со Христом. На сколько это велико, узнаем из последующего, а лучше сказать, ныне мы не можем никак получить о том ясного понятия. Но чтобы составить некоторое об этом понятие, на основании настоящих наших благ, постараюсь, сколько могу, изобразить то, что я сказал. Скажи мне, если бы кто-нибудь тебя, достигшего старости и живущего в бедности, обещался вдруг сделать молодым, привести в цветущий возраст, устроить крепким и красивым больше всех, дать тебе царскую власть над целой землей на тысячу лет и царствование твое оградить совершеннейшим миром, то чего не согласился бы ты сделать и вытерпеть за такое обещание? Но вот Христос обещает не это, но гораздо более важное. Ведь не так велико различие между старостью и молодостью, как между тлением и нетлением,

и не так велика разность между царством и нищетой, как между славой будущей и настоящей, между которыми такое же различие, какое между сновидением и действительностью.

10. Но я и этим еще ничего не объяснил, да и вообще нет слов изобразить великость различия между будущим и настоящим, так как, по причине времени, умом совсем невозможно постигнуть всего различия. В самом деле, как сравнить с настоящим жизнь, не имеющую конца? А мир будущей жизни столько же отличен от мира настоящей жизни, сколько мир от войны, нетление столько же превосходнее тления, сколько чистая жемчужина лучше куска грязи, а лучше – чтобы ни сказал кто-нибудь, нисколько не изобразит вполне этой разности. Если красоту будущих тел я сравню со светом солнечного луча, или с самой яркой молнией, то не скажу еще ничего достойного той блистательности. Каких же земных сокровищ, каких тел, или лучше, каких душ не должно презреть ради будущего? Если бы кто-нибудь теперь ввел тебя в царский дворец, доставил тебе возможность говорить с царем в присутствии всех, даже находиться с ним и вкушать с одного стола пищу, то ты, конечно, признал бы себя счастливее всех. А намереваясь взойти на небо, предстать самому Царю вселенной, соревновать в блистательности с ангелами, наслаждаться той неизреченной славой, ты еще колеблешься, нужно ли тебе презирать деньги, тогда как, хотя бы предстояло тебе лишиться и самой жизни, тебе следовало бы ликовать, радоваться, окрыляться восторгом. Для получения должности начальника, которая доставляет тебе поводы к воровству (я не могу назвать этого честным прибытком), – ты отдаешь все, что имеешь, одалживаешь у других, а если нужно, не пожалеешь заложить жену и детей, а когда тебе предстоит небесное царство, такая власть, в которой не будешь иметь преемника, когда сам

Бог вверяет тебе в управление не уголок земли, но целое небо, ты медлишь и отказываешься, жалеешь денег и не понимаешь, что если видимая нами сторона неба так прекрасна и привлекательна, то сколько превосходнее высшая его часть и небо небес?

Но так как телесными очами пока невозможно увидеть этого, то вознесись умом и, став выше видимого неба, воззри на то небо, которое выше этого, на бесконечную высоту, — на свет, вселяющий ужас, на сонмы ангелов, на бесчисленные лики архангелов и на прочие бестелесные силы. И потом, спустившись с этой высоты, возьми нашу картину и представь то, что вокруг нашего царя, как-то: мужей в одеждах, вышитых золотом, пары белых мулов с золотыми украшениями, колесницы с дорогими камнями, белоснежные ковры, бляхи, зыблющиеся на колесницах, драконов, изображенных на шелковых одеждах, щиты с золотыми выпуклостями на середине, ремни от них, испещренные по направлению к окружности множеством камней, коней, убранных в золото, и золотые узды. Но как только мы увидим самого царя, то перестанем смотреть на все это. Он один обращает на себя наше внимание, его порфира, диадема, седалище, пояс, обувь и необыкновенный блеск внешнего вида. В точности объединив все это, опять возведи от этого свой ум горе, к тому страшному дню, в который явится Христос. Тогда увидишь не пары мулов, не золотые колесницы, не драконов и щиты, но то, что полно великого ужаса и производит такое поражающее впечатление, что и сами бесплотные силы приходят в изумление, как сказано: *силы небесныя подвигнутся* (Мф. XXIV, 29). Тогда все небо откроется, отворятся врата небесного свода, снизойдет единородный Сын Божий в сопровождении не двадцати или ста человек, но в сопровождении тысяч и тем*

* Тьма — десять тысяч.

ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и прочих сил, все исполнится ужаса и трепета, земля рассядется, и сколько ни было на свете людей – от Адама и до того дня, все восстанут из земли, все будут восхищены, а Христос явится в такой славе, что и луна, и солнце, и всякий свет скроется при этом блеске. Какое слово изобразит то блаженство, тот блеск и славу? Бедная душа моя! Мне и теперь приходится плакать и тяжело вздыхать при мысли, каких мы лишились благ, какого отчуждены блаженства, именно отчуждены (я и о себе говорю тоже), если не совершим чего-либо великого и удивительного. Пусть никто не говорит мне здесь о геенне, так как лишиться столь великой славы – мучительнее всякой геенны, а быть отчужденным от этого жребия – хуже бесчисленных наказаний. Но однако мы еще стремимся к настоящему и не помышляем о кознях диавола, который за малое отнимает у нас большее, дает нам грязь, чтобы похитить золото, или правильнее сказать, небо, показывает тень, чтобы отогнать нас от истины и обольщает сновидениями (таково и есть настоящее богатство), чтобы, при наступлении того дня, мы оказались беднее всех.

11. Итак, размыслив об этом, станем, пока не поздно, избегать обмана и стремиться к будущему. Ведь нельзя сказать, что мы не знали о кратковременности настоящей жизни, когда дела ежедневно громче трубы возглашают о настоящей малоценности, смехе, позоре, опасностях и гибели. Какое извинение будем мы иметь, как скоро с великой ревностью гоняемся за тем, что соединено с опасностями и стыдом, как скоро убегаем того, что безопасно и доставляет нам славу и блеск, как скоро предаемся в полную власть сребролюбия? Рабство богатства тяжелее всякого мучения, о чем хорошо знают все те, которые удостоились освободиться от него. Потому, чтобы и вам узнать эту прекрасную сво-

боду, разорвите узы, бегите от сетей; пусть у вас в доме хранится не золото, но то, что дороже бесчисленных богатств, – милостыня и человеколюбие. Это дает нам дерзновение перед Богом, а золото покрывает нас великим стыдом и много содействует диаволу влиять на нас. Но зачем же ты вооружаешь своего врага и делаешь его более сильным? Вооружи против него свою десницу, всю красоту собери в свою душу, все богатство свое сложи в уме, пусть небо, а не кивот и дом, хранит твое золото, а мы облечемся во все свое, потому что мы сами гораздо лучше стен и важнее основания дома. К чему нам, забыв о самих себе, все свое попечение обращать на то, чего, уходя отсюда, нельзя взять с собой, а часто нельзя удержать и оставаясь в здешней жизни, тогда как представляется возможность обогатиться так, что не только здесь, но а там окажемся всех достаточнее? Кто носит в душе и поля, и дома, и золото, тот, куда бы ни явился, приходит со всем этим богатством. Но как, спросишь, это возможно? Возможно с большим удобством. Если ты руками нищих перенесешь это на небо, то все сложишь в свою душу, так что, хотя бы и смерть пришла к тебе, никто не отнимет у тебя этого, но ты и в будущую жизнь переселишься с богатством. Таким сокровищем владела Тавифа, которую прославили не дом, не стены, не камни, не колонны, но прикрытые ею тела вдовиц, пролитые слезы, убежавшая от нее смерть и возвратившаяся жизнь. Станем и мы приготовлять себе такие хранилища, станем и мы строить себе такие дома. В этом мы будем иметь сотрудником Бога и сами будем Его сотрудниками. Бог привел нищих из небытия в бытие; ты же тех, которые приведены уже в бытие и существуют, не допустил погибнуть от голода и других несчастий, врачуя и исправляя их и всеми мерами поддерживая храм Божий: что со стороны пользы и славы может сравняться с этим? Но если

ты неясно еще понял, какое украшение даровал тебе Бог, повелев снабжать нищих, то размысли сам с собой о следующем. Если бы Бог даровал тебе такую власть, что ты мог бы восстановить обрушивающееся небо, то не признал ли бы ты этого такой честью, которая гораздо выше тебя? Но Бог удостоил тебя еще большей чести. Он поручил тебе исправлять то, что для Него дороже самых небес: а перед лицом Бога ничто видимое не может сравниться с человеком. Для человека Он сотворил и небо, и землю, и море; в нем Он желает обитать больше, чем на небе. Но мы, хотя и знаем это, однако нимало не имеем старания и заботы о Божиих храмах, но, оставив их в небрежении, строим для себя великолепные и огромные дома. За это мы и лишаемся всех благ, делаемся беднее всякого нищего, потому что украшаем те дома, которых, переселясь отсюда, мы не можем взять с собой, и нерадим о тех, которые можно перенести вместе с собой и туда. Ведь истлевшие тела нищих, без сомнения, воскреснут. И тогда Бог, заповедавший любить нищих, собрав их, похвалит тех, которые заботились о них, и подивится тому, что они всякими способами старались поддерживать их жизнь, которая готова была угаснуть то от голода, то от наготы и холода. А мы, когда предлежат нам столь великие похвалы, все еще медлим и не хотим принять на себя этого прекрасного попечения. Хотя Христос не имеет для Себя пристанища, но ходит странен, наг и голоден, однако ты без нужды и пользы строишь загородные домы, бани, галереи и множество чертогов, Христу же не даешь и малого крова, а украшаешь верхние части дома для ворон и коршунов. Что может быть хуже такого легкомыслия? Что ужаснее этого безумия? Это действительно признак крайнего безумия, а лучше сказать — нечто такое, что и нельзя выразить достойным образом. Но однако, если пожелаешь, то, конечно, возмож-

но вылечиться от этой, хотя и тяжкой болезни, и не только можно, но даже легко, и не только легко, но гораздо легче освободиться от этой опасности, нежели от телесных страданий, насколько и Врач лучше. Итак, станем привлекать Его к себе, станем просить прикоснуться к нам и приложим и со своей стороны все потребное, — я разумею желание и готовность. Он ничего другого не потребует, но как скоро примет от нас только это, принесет со Своей стороны все остальное. Принесем же Ему все, что можем, чтобы и здесь наслаждаться совершенным здоровьем и получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Вемы же, яко любящим Бога вся поспешествуют во благое (VIII, 28)

1. Мне кажется, что все это место обращено у апостола к тем, которые находятся в опасностях, лучше же сказать, к ним относится не только это, но и то, что было сказано несколько выше. Так, слова: *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас*, также и то, что *вся тварь воздыхает*, а равно сказанное выше, что *упованием спасохомся, терпением ждем, о чесом помолимся, якоже подобает, не вемы*, — все это относится к людям, находящимся в напастях. (Апостол) учит их избирать не то, что сами они почитают для себя полезным, но то, что внушает Дух. Ведь многое им представляется полезным, а в самом деле приносит великий вред. Так, покой, освобождение от опасностей и безмятежная жизнь кажутся для них полезными. И удивительно ли, что они так думают, как скоро и самому блажен-

ному Павлу представлялось тоже самое? Но однако он впоследствии понял, что полезное совершенно противоположно этому и, поняв, возлюбил. После того, как он три раза молил Господа освободить его от бед и услышал в ответ: *довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. XIII, 9), то стал уже радоваться, когда был гоним, терпел обиды и невыносимые страдания. *Темже благоволю*, говорит он, *в досаждениих, в бедах, в изгнаниих* (ст. 10). Потому он и говорил: *о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы*, и всех убеждал предоставить это Духу, потому что Святой Дух весьма о нас печется, и это угодно Богу. Итак, подготовив их всех этим, он присовокупляет и теперь сказанное, употребляя довод, достаточный к тому, чтобы ободрить их. *Вемы бо*, говорит он, *яко любящим Бога вся поспешествуют во благое.* Когда же говорит – вся, разумеет и то, что нам кажется прискорбным. Хотя и постигла тебя скорбь или нищета, узы или голод, смерть и другое подобное, но Бог властен изменить все это в противоположное, так как Его неизреченной силе свойственно делать для нас легким и обращать нам на помощь то, что кажется тяжелым. Потому (апостол) не сказал, что с любящими Бога не случается что-либо неприятное, но говорит, что им все содействует ко благу, то есть Бог сами бедствия употребляет для прославления бедствующих, а это гораздо важнее, чем воспрепятствовать наступлению несчастья или отвратить его, когда оно случилось. Так сделал (Бог) и с печью вавилонской: Он не воспрепятствовал ввергнуть святых отроков в печь, и, когда они были ввержены, не угасил пламени, но, оставив его гореть, посредством этого пламени сделал отроков более достойными удивления. И на апостолах показал Бог разные подобные чудеса. Если люди, умеющие любомудрствовать, могут из вещей делать употребление противоположное их природе и, живя в бедности, казаться

достаточнее богатых и сиять даже в бесчестьи, то тем более Бог на любящих Его покажет не только что-нибудь подобное, но и гораздо большее. Нужно только одно – любить Его искренне, а все остальное последует само собой. Как для любящих Бога и то, что, по-видимому, вредно, обращается в пользу, так не любящим Его вредит и полезное. Иудеям все служило во вред – и явление чудес, и правота догматов, и любомудрие учения; за одно называли они Христа беснующимся, за другое богопротивным, а за чудеса покушались убить Его. Напротив, разбойник распятый, пригвожденный, поносимый, претерпевающий бесчисленные страдания, не только не понес никакого вреда, но еще получил от этого величайшую пользу. Видишь ли, как *любящим Бога вся поспешествуют во благое?* Итак, сказав об этом великом благе, превышающем всецело человеческое естество, так как оно для многих казалось невероятным, (апостол) удостоверяет в этом, на основании происшедшего, так: *сущим по предуведению званным* (ст. 28). Заметь, что благо это начинается со времени призвания. Почему же (Христос) не призвал всех сначала, и самого Павла призвал не вместе с прочими, тогда как такая отсрочка представлялась вредной? Но однако сами дела показали, что она была полезна. Говорит же здесь (апостол) о предуведении для того, чтобы не все приписать званию, потому что в таком случае стали бы спорить и язычники, и иудеи. Ведь если достаточно было одного звания, то почему не все спаслись? Потому он и говорит, что спасение званных совершено не одним призванием, но и предуведением, призвание же не было вынужденное и насильственное. Итак, все были призваны, но не все послушались. *Ихже бо предуведе, (тех) и предустави сообразных быти образу Сына Его* (ст. 29). Замечаешь ли высоту чести? Чем был Единородный по естеству, тем они стали по благодати. Однако (апосто-

лу) было недостаточно сказать — *сообразных,* но он присовокупил еще: *яко быти Ему перворðодну.* И этим не ограничился, но и после этих слов прибавляет еще: *во многих братиях,* — желая всеми способами показать явное родство. Впрочем, все это должно разуметь относительно воплощения (Сына Божия), потому что по божеству Он есть Единородный.

2. Видишь, сколько сообщено нам благодатных даров? Итак, не сомневайся и относительно будущих даров, тем более, что (апостол) представляет и другое доказательство Божия человеколюбия, говоря, что это было прообразовано так издревле. Люди делают о других заключения на основании дел, но Богу изначала все известно и Он издревле имеет к нам расположение. Потому (апостол) и говорит: *а ихже призва, сих и оправда* (ст. 30). Оправдал баней возрождения. *А ихже оправда, сих и прослави.* Прославил благодатью, усыновлением. *Что убо речем к сим* (ст. 31)? (Апостол) как бы так говорит: не упоминай мне более об опасностях и злоумышлении против тебя всех. Если некоторые и не верят будущему, но они ничего не могут сказать против благ уже дарованных, например, об изначальной к тебе Божией любви, оправдании, славе. (Бог) даровал тебе это посредством того, что для тебя казалось прискорбным. Ты считал позорным крест, побои, узы, а все это послужило к исправлению целой вселенной. Как ни жестоко тебе кажется, что претерпел (Христос), но Он обратил это в свободу и спасение всей природы; так и то, что переносишь ты, твои страдания (Бог) обыкновенно обращает в славу тебе и похвалу. *Аще Бог по нас, кто на ны?* Но кто же не против нас, спросишь ты? Против нас целая вселенная, и мучители, и народы, и родственники, и граждане, но однако все те, которые против нас, так далеки от возможности вредить нам, что невольно делаются для нас виновниками венцов, ходатаями бес-

численных благ, так как Божия премудрость обращает все козни к нашему спасению и славе. Видишь ли, как никто не оказывается против нас. И Иова сделало знаменитым то, что против него вооружился диавол. Диавол воздвиг против него друзей, жену, раны, домашних и бесчисленные другие ухищрения, однако ничто не было против него. И это еще не велико было для Иова, хотя само по себе и было весьма велико, а для него гораздо важнее было то, что все кончилось в его пользу. Так как за него был Бог, то все то, что по-видимому было против него, оказалось в его пользу. Тоже случилось и с апостолами. Иудеи, язычники, лжебратия, правители, народы, голод, нищета и бесчисленные бедствия восставали против них, но ничто не было против них. Все это сделало их особенно знаменитыми, славными и достойными похвалы перед Богом и перед людьми. Итак, пойми, что то слово, которое произнес Павел о верных и истинно распявшихся, не мог бы сказать о себе и увенчанный диадемой. Против последнего вооружаются многие иноплеменники, делают покушения враги, злоумышляют телохранители, часто восстают многие из подданных, а против верующего, строго исполняющего закон Божий, не может восстать ни человек, ни демон и ничто другое. Если ты лишишь его имущества, то доставишь этим награду; если худо отзовешься о нем, то своим злоречием сделаешь его блистательнее перед Богом; если доведешь его до голода, тем большая для него слава и большее воздаяние; а если предашь смерти, что всего ужаснее, тем сплетешь ему мученический венец. Что может сравниться с жизнью человека, против которого ничто не может стоять, которому и намеревающиеся причинить зло не менее приносят пользы, чем и сами благодетели? Потому (апостол) говорит: *аще Бог по нас, кто на ны?* Потом, не довольствуясь этими словами, представляет и здесь тот

величайший признак Божией к нам любви, к которому он всегда обращается, – именно смерть Сына. Не только, говорит, оправдал и прославил и сделал соответственными тому образу, но и Сына не пощадил для тебя, – потому и присовокупил слова: *иже убо Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его, како убо не и с Ним вся нам дарствует* (ст. 32)? (Апостол) говорит с выразительностью и большой горячностью, чтобы показать любовь Божию. Как Бог оставит нас, ради которых не пощадил Сына Своего, но за всех нас предал Его? Пойми же, насколько велика благость – не пощадить Своего Сына, но предать, предать за всех ничтожных, неблагодарных, врагов, богохульников. *Како убо не и с Ним вся нам дарствует* (ст. 32)? Слова эти означают следующее: если Бог даровал нам Сына Своего и не просто даровал, но предал закланию, то, приняв в дар самого Владыку, почему ты еще сомневаешься во всем прочем? Имея Господа, почему ты недоумеваешь относительно прочих даров? Кто даровал врагам более важное, тот неужели не дарует друзьям менее важного? *Кто поемлет на избранныя Божия* (ст. 33)?

3. Это сказано против утверждавших, что вера нисколько не приносит пользы, и против сомневающихся в возможности мгновенного изменения. И смотри, как быстро (апостол) заградил им уста, при помощи достоинства избравшего. И не сказал: кто будет обвинять рабов Божиих, но: *избранныя Божия*, потому что избрание есть знамение добродетели. Если занимающийся объезживанием молодых коней признает их способными к бегу, то никто не может опорочить его, и всякий, кто станет обвинять его, становится смешным; тем более смешны те, которые обвиняют, когда сам Бог избирает души. *Бог оправдаяй, кто осуждаяй* (ст. 34)? (Апостол) не сказал: Бог отпускает грехи, но, что гораздо́ важнее: *Бог оправдаяй*. Если приговор судьи, и притом

такого судьи, объявляет кого правым, то чего заслуживает обвинитель? Итак, не должно бояться ни искушений, потому что за нас Бог, Который и доказал это Своими делами, ни иудейского пустословия, потому что Бог и избрал и оправдал нас, а что еще удивительнее, оправдал смертью Сына. Кто нас осудит, когда сам Бог венчает, когда Христос за нас закалается и не только закалается, но и после этого ходатайствует за нас? *Христос Иисус умерый, паче же и воскресый из мертвых, иже есть одесную Бога, иже и ходатайствует о нас* (ст. 34). Явившись в собственном Своем достоинстве, Он не прекратил Своего о нас промышления, но ходатайствует о нас и постоянно сохраняет к нам ту же самую любовь. Он не ограничился просто закланием, но, что особенно доказывает величайшую любовь, не только совершает все, что от Него зависело, но и умоляет об этом другого. Это одно (апостол) и пожелал выразить словом — *ходатайствует,* беседуя человеколюбиво и снисходительно, чтобы показать любовь; равным образом, из слова — *не пощаде,* если принять его не в таком смысле, будет следовать много несообразного. А чтобы ты понял, что именно это (апостол) хочет раскрыть, он, сперва сказав, что Христос *есть одесную,* потом присовокупил: *ходатайствует о нас,* чем и доказал равночестие и равенство, так что ходатайство надобно уже представлять проявлением не меньшего достоинства, но одной только любви. Когда Он сам есть жизнь, источник всех благ, имеет равную с Отцом власть, воскрешает мертвых и животворит и все прочее делает, то как Он может нуждаться в ходатайстве для оказания нам помощи? Кто лишенных надежды и осужденных освободил от осуждения собственной властью, сделал праведными и сынами, возвел их на высочайшую степень чести и осуществил на деле то, чего и ожидать было невозможно, Тот, после совершения всего этого и после возведения есте-

ства нашего на царский престол, нуждался ли в ходатайстве о том, что более легко? Видишь ли, как все служит доказательством, что слово — *ходатайствует* (апостол) употребил лишь для того, чтобы выразить горячность и силу любви Его к нам, так как и сам Отец представляется умоляющим людей о примирении с Ним: *по Христе убо посольствуем, яко Богу молящу нами* (2 Кор. V, 20). Но, однако, когда Бог увещевает и когда люди бывают от имени Христа посланниками к людям, то мы не представляем при этом ничего унизительного для такого достоинства, но из таких выражений заключаем только об одном, именно о силе любви. Так поступим и здесь. Потому, если Дух ходатайствует воздыханиями неизглаголанными, если Христос умер и ходатайствует за нас, если Отец не пощадил ради тебя Сына Своего, избрал тебя и оправдал, то чего ты боишься, чего трепещешь, пользуясь такой любовью и таким попечением? И (апостол), показав великое о нас промышление свыше, со всей уже свободой продолжает речь свою и не говорит, что и вы должны столько же любить Бога, но, как бы приведенный в восторг этим неизреченным промыслом, восклицает: *кто ны, разлучит от любве Христовой* (ст. 35)? И не сказал — Божией: так безразлично ему называть и Христа, и Бога. *Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?* Обрати внимание на мудрость блаженного Павла. Он не упомянул о том, что ежедневно уловляет нас в плен, — о любви к деньгам, о страсти к славе, о власти гнева; но перечисляет то, что гораздо мучительнее этого и способно победить самую природу, указывает на то, что часто против нашей воли потрясает крепость ума, именно говорит о скорбях и теснотах. И хотя легко перечислить все сказанное, но каждое слово заключает в себе бесчисленные ряды искушений. Когда (апостол) говорит о скорби, то разумеет и темницы, и

узы, и доносы, и изгнания, и все прочие бедствия, — одним словом указывает на беспредельное море опасностей и в одном выражении открывает перед нами все человеческие злоключения. И, несмотря на это, он отваживается на все эти бедствия. Потому (апостол) и употребляет образ речи вопросительный, как бы ни мало не сомневаясь; что, кто так любим и находится под таким промышлением, того ничто не может отлучить от любви.

4. Потом, чтобы ты не подумал, что эти бедствия являются признаком оставления, (апостол) приводит слова пророка, который за долгое время предвещал это и говорил: *яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день: вменихомся якоже овцы заколения* (ст. 36, срав. Пс. XLIII, 23), то есть нам определено терпеть зло от всякого. Но при столь многочисленных и великих бедствиях, среди этих необычайных несчастий для нас служит достаточным утешением самая причина подвигов, или правильнее сказать, не только достаточным, но и гораздо большим, так как мы терпим это, говорит (апостол), не для людей и не для чего-либо житейского, но для Царя всяческих. И не этим одним, но и другими многоразличными и многоцветными венцами он опять украсил подвижников. Так как им, как людям, невозможно подвергнуться смерти много раз, то (апостол) доказывает, что от этого награды нисколько не уменьшаются. Хотя по природе человеку дарован жребий умереть только однажды, но, если захотим, Бог даровал нам возможность ежедневно подвергаться этому, по своей воле. Отсюда ясно, что мы переселимся, имея столько венцов, сколько проживем здесь дней, или даже число венцов будет больше, потому что в один день можно умереть и однажды, и дважды, и много раз. Тот, кто уготован на это, всегда получает совершенную награду. Это понимал и пророк, сказав: *весь день*. Апостол же привел слова его

для большего ободрения слушателей. Если жившие в Ветхом Завете, говорит он, имевшие наградой трудов своих землю и то, что разрушается вместе с настоящей жизнью, настолько презирали настоящую жизнь, искушения и бедствия, то какое извинение можем иметь мы, которые и после неба, горнего царства и неизреченных благ, пребываем в лености и не достигаем даже той меры, какой достигали ветхозаветные? (Апостол) однако не сказал этого, но, предоставив это совести слушателей, довольствуется одним свидетельством и доказывает, что тела их суть жертва и что они не должны страшиться и смущаться, потому что так устроил сам Бог. (Апостол) предлагает им и другого рода увещание. Чтобы кто-нибудь не сказал, что он просто любомудрствует вопреки действительному опыту, он и присовокупил: *вменихомся, яко овцы заколения,* означая этим то, что апостолы ежедневно подвергались смерти. Замечаешь ли мужество и кротость? Как овцы не противятся, когда их закалают, так и мы, говорит (Павел). Но так как человеческий разум, и после стольких примеров, по своей немощи страшился множества искушений, то смотри, как (апостол) снова восстановляет слушателя, возвышает его и возвеличивает, говоря: *но во всех сих препобеждаем за возлюбльшаго ны* (ст. 37). То и удивительно, что мы не только побеждаем, но побеждаем тем самым, посредством чего злоумышляют на нас, и не просто побеждаем, но препобеждаем, то есть со всей легкостью, без трудов и пота. Повсюду мы воздвигаем памятники побед над врагами, не только тогда, когда в самом деле терпим, но даже тогда, когда лишь подготовляем к тому душу. И весьма справедливо, — потому что Бог нам споборствует. Итак, поверь, что мы, будучи подвергаемы побоям, одолеваем наносящих их, будучи изгоняемы, побеждаем гонителей и, умирая, поражаем живых. Когда примешь во внима-

ние Божию силу и любовь, то увидишь, что нет никакого препятствия для совершения таких чудесных и необыкновенных действий и для чрезвычайного воссияния победы. Апостолы не просто побеждали, но со многими чудесами, так что можно было понять, что у них была брань с злоумышляющими не против людей, но против той неодолимой силы. Смотри, как иудеи, окружив их, недоумевают и говорят: *что сотворим человекома сима* (Деян. IV, 16)? То и удивительно, что те, которые задерживают их и требуют отчета, связывая их и подвергая избиению, недоумевали и были в затруднении, будучи побеждены теми, кого они надеялись победить. Ни мучитель, ни палачи, ни полчища бесов, ни сам диавол не могли победить их, но напротив все они совершенно побеждены и видят, что все то, что они замышляли против них, обращается в их же пользу. Потому и сказал (Павел): *препобеждаем.* Это был новый способ победы – одолевать посредством противоположного, никогда не быть побеждаемым и выходить на состязания, как бы имея в своей воле окончание битвы. *Известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни ангели, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем* (ст. 38, 39).

5. Велико сказанное, но мы не понимаем этого, так как не имеем настолько великой любви. Но хотя сказанное и велико, апостол, желая показать, что оно ничто в сравнении с той любовью, какой возлюбил Бог, о своей любви говорит после любви Божией, чтобы никто не подумал, что он превозносит самого себя. И смысл слов его таков. К чему говорить о настоящем и о неразлучных с этой жизнью бедствиях? Хотя бы кто-нибудь мне указал на будущие состояния и силы, каковы жизнь и смерть, ангелы, архангелы и все горние твари, – и

этого для меня мало в сравнении с Христовой любовью. Если бы кто стал угрожать мне будущей нескончаемой смертью, чтобы отлучить меня от Христа, или обещал бы мне бесконечную жизнь, я не согласился бы. Зачем же нужно говорить о земных царях и о народных правителях, и именно о том или другом из них? И если ты мне укажешь на ангелов, на все горние силы, на все существующее и на все будущее, то, в сравнении с любовью Христовой, все для меня мало, — все, что находится на земле, что на небе, что под землей, что превыше небес. Потом, так как и этого было недостаточно для изображения сильной любви, которую (апостол) имел, он представил нечто другое, настолько же великое, и говорит: *ни ина кая тварь*. Это означает следующее: если бы существовала другая подобная тварь, как видимая, так и постигаемая умом, и тогда ничто не отвлекло бы от той любви.

Выразился же так (апостол) не потому, чтобы ангелы или другие небесные силы действительно отвлекали его от Христа, — нет, — но желая представить в высшей степени ту любовь, какую имел он ко Христу. Он любил Христа не ради принадлежащего Христу, но ради самого Христа, к Нему устремлял взор свой и одного страшился — отпасть от этой любви. Отпасть от любви Христовой для него было ужаснее самой геенны равно как пребывать в любви вожделеннее царства. Итак, чего же можем быть достойны мы, как скоро (апостол) в сравнении с Христовой любовью не удивлялся тому, что на небесах, а мы предпочитаем Христу лежащее в грязи и в пыли? Он из любви ко Христу готов был подвергнуться геенне и лишиться царства, если бы ему предстояло то и другое, а мы не можем пренебречь и настоящей жизнью. Неужели мы достойны даже обуви апостола, будучи так далеки от величия духа его? Он и самое царство вменял ради

Христа ни во что, а мы презираем Христа и придаем большое значение тому, что принадлежит Христу. И хорошо было бы, если бы мы высоко ценили хотя бы принадлежащее Христу, но теперь, оставив и это, а также царство, которое предложено было нам, мы каждый день гоняемся за тенями и призраком, хотя Бог, по Своему человеколюбию и величайшей кротости, сделал то же самое, что делает чадолюбивый отец, который, видя, что частые наставления его не нравятся его сыну, благоразумно предлагает их иным образом. Так как мы не имеем надлежащей любви к Богу, то Он предлагает нам многое другое, чтобы удержать нас при Себе; при всем том, мы не остаемся с Ним, но бежим от Него к детским играм. Не таков был Павел, но как благородный, свободный и любящий отца сын, он ищет только одного – быть вместе с Отцом, остальному же не придает большого значения, а лучше сказать, он во многом превосходит такого сына. Он не одинаково ценит отца и принадлежащее отцу, но когда обращает взоры на отца, ни во что считает принадлежащее ему и предпочел бы терпеть с ним наказания и побои, нежели веселиться вдали от него.

6. Итак, ужаснемся мы, которые не можем презреть денег для Бога или, лучше сказать, не можем презреть денег для самих себя. Один Павел терпел все подлинно для Христа, – не для царства, не для чести, но из любви ко Христу. А нас ни Христос, ни все Христово не отвлекает от житейских занятий, но, как змеи, как ехидны или свиньи, или как все это вместе, мы пресмыкаемся в грязи. Чем мы лучше этих животных, когда, имея столь многие и великие примеры, все еще смотрим вниз и даже немного не можем посмотреть на небо? Бог за тебя предал Сына, а ты не даешь и хлеба Ему, за тебя преданному, за тебя убиенному. Отец для тебя не пощадил Его, не пощадил, притом, истинного Своего

Сына, а ты не обращаешь и внимания на Него, когда Он томится голодом, и притом готовясь растратить Его собственность и растратить для себя. Что может быть хуже такого беззакония? Ради тебя предан, ради тебя умерщвлен, ради тебя странствует, терпя жажду, ты даешь из Его же собственности, чтобы получить от этого пользу, но ты, несмотря и на это, не даешь ничего. Не бесчувственнее ли всякого камня те, которые, при стольких побуждающих обстоятельствах, остаются в такой диавольской жестокости? Христос не ограничился только смертью и крестом, но благоизволил сделаться нищим, странником, бесприютным, нагим, быть заключенным в темницу, терпеть болезни, чтобы хотя этим привлечь тебя к Себе. Если ты не воздаешь Мне за то, что Я страдал за тебя, говорит Он, то сжалься надо Мной ради нищеты. Если не хочешь сжалиться над нищетой, тронься Моей болезнью, умилосердись ради уз, если же и это не склоняет тебя к человеколюбию, обрати внимание на легкость просьбы. Я не прошу ничего дорогого, но хлеба, приюта и утешительного слова. А если и после этого остаешься жестоким, то сделайся добрее хотя бы ради царства, ради наград, которые Я обещал тебе. Но и они не имеют для тебя значения? Так склонись жалостью хотя бы к самому естеству, видя Меня нагим, и вспомни о той наготе, какую Я терпел за тебя на кресте. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, какую терплю в лице нищих. И тогда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, чтобы ты, тронувшись тем или другим, захотел оказать какое-нибудь милосердие; для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голод, жаждал, вися на кресте, жажду и в лице нищих, только бы тем или другим привлечь тебя к Себе и для твоего же спасения сделать тебя человеколюбивым. Потому, хотя ты обязан Мне воздаянием за бесчисленные благодеяния,

но Я не прошу у тебя, как у должника, а венчаю тебя, как за дар, и за это малое дарю тебе царство. Я не говорю: избавь Меня от нищеты, или дай Мне богатство, хотя именно для тебя Я обнищал; но прошу только хлеба, одежды, небольшого утешения в голоде. Когда нахожусь в темнице, Я не принуждаю снять с Меня узы и вывести из темницы, но ищу только одного, – чтобы ты навестил связанного за тебя, и это принимаю за большую милость, и за это одно дарю тебе небо. Хотя Я избавил тебя от самых тяжких уз, но для Меня достаточно и того, если ты захочешь увидеть Меня связанного. Конечно, Я и без этого могу увенчать тебя, однако хочу быть должником твоим, чтобы венец принес тебе и некоторое дерзновение. И потому, имея возможность пропитать сам Себя, Я хожу и прошу, стою у дверей твоих и простираю руку. Я желаю от тебя именно получить пропитание, потому что сильно люблю тебя, Я стремлюсь к твоей трапезе, как это и бывает у друзей, и хвалюсь этим перед лицом целой вселенной, возвещаю о тебе постоянно во услышание всех и показываю всем Своего кормильца. Мы, когда у кого-нибудь питаемся, стыдимся этого и обыкновенно скрываем, но сильно нас любящий Христос, хотя бы мы и молчали, всем рассказывает о случившемся со многими похвалами и не стыдится сказать, что мы одели Его, когда Он был наг, накормили, когда Он был голоден. Размыслив о всем этом, не остановимся на одних только похвалах, но исполним слова наши на деле. Какая польза от этих рукоплесканий и этого шума? Я требую от вас одного только – доказательства на деле, повиновения в действительности: это моя похвала, это ваше приобретение, это блистательнее для меня диадемы. Итак, выйдя отсюда, вы и себе и мне приготовьте венец руками нищих, чтобы и в настоящей жизни питаться нам доброй надеждой и, переселившись в будущую

жизнь, достигнуть бесчисленных благ, получить которые да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

Истину глаголю о Христе, не лгу, послушествующей ми совести моей Духом Святым (IX, 1)

1. Не представлялось ли вам великим и сверхъестественным то, что я говорил в предыдущей беседе о любви Павла ко Христу? Подлинно, все это само по себе велико и превосходит всякое слово. Но, однако, сказанное теперь столько превосходит прежнее, сколько прежнее превосходит все, что можно сказать о нас. Я и сам не представлял, чтобы могло быть что-нибудь выше сказанного в прошлой беседе, однако же то, что пришлось прочитать нам сегодня, гораздо блистательнее всего прежнего. Сам (Павел), предвидя это, и объявил в самом начале, что он намерен коснуться еще важнейшего, чему многие не поверят. И прежде всего свидетельствует об истине того, что намерен сказать. Так обыкновенно поступают многие, когда намереваются говорить о чем-либо для большинства невероятном и в чем сами они твердо уверены. *Истину глаголю,* говорит он, *не лгу,* – в том свидетель мне совесть моя. *Яко скорбь ми есть велия, и непрестающая болезнь сердцу моему. Молилбыхся бо сам аз отлучен быти от Христа* (ст. 2, 3).

Что ты говоришь, Павел? От возлюбленного Христа, от Которого не могли отлучить тебя ни царство, ни геенна, ни видимое, ни представляемое умом, ни другое тому подобное, – от этого (Христа) ты желаешь

теперь быть отлученным? Что произошло? Не изменился ли ты, не погубил ли любовь свою? Нет, говорит, не бойся, я только усилил в себе эту любовь. Как же ты желаешь быть отлученным, домогаешься отчуждения и такого разрыва, после которого другого уже не найти? Потому что сильно люблю Его, говорит. Как, скажи мне, и каким образом? Ведь твои слова походят на загадку? Но лучше, кажется, сперва узнаем, что такое отлучение, а потом уже станем спрашивать его об этом, и таким образом уразумеем эту невыразимую и необыкновенную любовь. Итак, что такое отлучение? Послушай, что говорит сам (Павел): *аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят* (1 Кор. XVI, 22), то есть да будет отлучен от всех и сделается чужим для всех. Как никто не смеет прикоснуться просто руками или приблизиться к дару, который посвящен Богу, так (апостол) называет этим именем, в противоположном смысле, и отлученного от церкви, отсекая его от всех и как можно больше отдаляя, повелевая всем с большим страхом удаляться и бежать прочь от такого человека. К дару никто не осмеливался приблизиться из уважения, а от отлученного все удалились по другому, противоположному чувству. Таким образом, отлучение одно, и одинаково то и другое делается для людей чуждым, но способ отлучения не одинаков, но один другому противоположен. От одного удаляются потому, что это посвящено Богу, а от другого потому, что отчуждено от Бога и отлучено от церкви. В последнем смысле сказал и Павел: *молилбыхся отлучен быти от Христа.* Не сказал просто: желал бы, но усиливает речь и говорит: *молилбыхся.* Но если тебя смущают слова, которые представляются очень слабыми, то ты размысли о самом деле, и не только о том, что (Павел) хотел быть отлученным, но и о самой причине, по которой желал этого, — тогда увидишь всю чрезмерность его любви. Например, он и

совершил обрезание, но если мы обратим внимание не на действие, а на намерение и причину действия, то поэтому еще более будем удивляться ему. Он не только совершил обрезание, а и остриг волосы и принес жертву, но, конечно, мы не считаем его за это иудеем, а напротив, говорим, что вследствие этого он в особенности сделался свободен и чист от иудейства и стал истинным служителем Христа. А потому, как видя, что (Павел) обрезывает и приносит жертвы, ты вследствие этого не осуждаешь его в приверженности к иудейству, а преимущественно за это хвалишь, как чуждого иудейства, так и видя, что он желает быть отлученным, не смущайся этим, но, поняв причину, по которой он желает этого, тем более прославляй его за то. А если мы не будем расследовать причин, то должны будем назвать и Илию убийцей, а Авраама не просто убийцей, по еще детоубийцей, а также обвиним в убийстве Финееса и Петра; не соблюдая этого правила, мы сделаем нелепые заключения не только о святых, но и о Боге всяческих. Чтобы этого не было во всех подобных случаях, станем исследовать обстоятельства, обращая внимание на причину, намерение, время и на все то, что может служить к оправданию происшедшего. Так нам следует поступить и теперь с блаженной этой душой. Итак, какая причина? Опять сам возлюбленный Иисус. И конечно, (апостол) не Его называет причиной, так как говорит: я желал бы отлучен быть от Него *по братии моей*. Но это указывает только на его смиренномудрие; он не хочет подать и вида, что говорит о деле великом и что приносит это в дар Христу. Потому он и сказал: *сродницех*, – чтобы скрыть величие дела. А что он желал всего для Христа, выслушай следующее. Сказав: *сродницех*, присовокупил: *ихже всыновление и слава и завети и законоположение и служение и обетование, ихже отцы, и от нихже Христо́с*

во плоти, сый над всеми Бог благословен во веки. Аминь (ст. 4, 5).

2. Что же это, спросишь. Если (Павел) хотел быть отлученным для того, чтобы уверовали другие, то ему надлежало о том же молиться и за язычников; а если он молится только об иудеях, то показывает, что желал отлучения не ради Христа, а ради сродства с иудеями. И, конечно, если бы молился об одних только язычниках, то это не было бы так явно, а так как молится об одних иудеях, то ясно показывает, что заботится об этом для славы Христа. Знаю, что слова мои кажутся для вас странными, но если вы не будете производить шума, то я тотчас постараюсь объяснить их. Не без причины сказал (апостол) то, что сказал, но на том основании, что все, порицая Бога, говорили, что изгнаны и лишены чести те, которые удостоились именоваться сынами Божиими, приняли закон, познали Бога прежде всех народов, пользовались особенной славой, служили Богу прежде всей вселенной, получили обетования, были отцами своих колен и, что всего важнее, стали праотцами самого Христа (это и значат слова: *от нихже Христос по плоти)* и что, вместо них, введены люди из язычников, никогда не знавшие Бога. Так как, говоря это, они хулили Бога, то Павел, слыша это, терзался, скорбел о славе Божией и желал быть отлученным, если это было возможно, под тем условием, чтобы спаслись иудеи, — чтобы такое богохульство прекратилось и не казалось бы, что Бог обманул их прародителей, которым обещал дары. (Павел желал быть отлученным), чтобы ты понял, сколько его сокрушало мнение, будто осталось без исполнения обетование Божие, данное Аврааму: *тебе дам землю сию и семени твоему* (Быт. XII, 7). После же этих слов (апостол) присовокупил: *не такоже, яко отпаде слово Божие* (ст. 6). Здесь он показывает, что готов все это претерпеть за слово Бо-

жие, то есть за обетование, данное Аврааму. Как Моисей по-видимому ходатайствовал за иудеев, но все делал для славы Божией [говорил: прекрати гнев, – чтобы не сказали, что Ты не мог спасти и *изведе погубити их в пустыни* (Втор. IX, 28)], так и Павел говорит: я пожелал быть отлученным, чтобы не сказали, что обетование Божие осталось без исполнения, что Бог не сделал обещанного и слова Своего не привел в действие. Потому он говорит это не за язычников (им ведь не дано было обетования, они не служили Богу и не хулили Его), а молился об этом за иудеев, получивших обетование, и за прочих близких ему. Замечаешь ли, что если бы он молился за язычников, то не так ясно открывалось бы, что он делает это для славы Христовой; так как он желал быть отлученным за иудеев, то особенно ясно показал, что он желал этого для Христа. Потому и говорил: *ихже всыновление, и слава, и служение, и обетование.* У них, говорит (апостол), закон, свидетельствующий о Христе, с ними заключены были все заветы, от них произошел сам Христос, из них были все отцы, получившие обетования; но тем не менее случилось противоположное и они лишились всех благ. Потому-то и терзаюсь, говорит, и если бы можно было быть исключенным из лика Христова, отчужденным, не от любви Христовой (да не будет этого, потому что он и делал это из любви ко Христу), но от блаженства и славы, я согласился бы на это, под тем условием, чтобы мой Владыка не подвергался хуле и мне ни от кого не слышать, будто дела Его были тенью, будто одним Бог обещал, а другим дал, Христос от одних родился, а других спас. Он дал обетования предкам иудеев и, оставив их потомков, ввел во владение их благами тех, которые никогда не знали Его; иудеи трудились, поучаясь закону и читая пророков, а язычники, недавно отвратившиеся от жертвенников и идолов, сделались выше

иудеев. Где же тут промысл Божий? Итак, говорит (апостол), хотя и несправедливо это мнение, но чтобы не говорили этого о моем Владыке, я с удовольствием лишился бы царства и неизреченной той славы и потерпел бы все бедствия, считая величайшим из всех для себя утешением в скорбях не слышать более хулы на возлюбленного моего. Если ты еще не понял сказанного, то представь, что и многие отцы часто решались на подобное из-за своих детей и предпочитали быть с ними в разлуке, только бы видеть их благополучными, считая их счастье выше удовольствия жить с ними вместе. Но так как мы далеки от такой любви, то и не можем понять сказанного.

А некоторые недостойны даже и слышать учение Павла и настолько далеко стоят от величайшей той любви, что думают, будто бы (Павел) говорит здесь о временной смерти. О таких я могу сказать, что они так же не знают Павла, как слепые – солнечного луча, и даже гораздо больше. Тот, кто каждый день умирал, подвергался тучам опасностей и говорил: *кто ны разлучит от любве Христовы, скорбь ли, или теснота, или глад, или гонение?* – тот, кто не ограничивался сказанным, прошел небо и небо небес, опередил ангелов, архангелов и все горнее, кто постиг вместе настоящее и будущее, видимое и познаваемое умом, печальное, полезное и заключающееся в том и другом и вообще ничего не оставил без внимания, кто и этим не ограничился, но и предполагал другое подобное творение, еще не существующее – как он после всего этого мог бы упоминать о временной смерти, точно о чем-нибудь важном.

3. Не так это, нет. Такое мнение свойственно червям, гнездящимся в навозе. Если бы (апостол) говорил об этом, то как он стал бы желать быть отлученным от Христа? Ведь такая смерть более соединяла с ликом Христовым и содействовала доставлению будущей сла-

вы. Но есть и такие, которые осмеливаются утверждать еще другое, более достойное смеха. Не смерти желал (Павел), говорят они, но быть сокровищем и даром Христовым. И кто из людей, наиболее низких и недостойных, не пожелал бы этого? Но как (Павел) мог бы желать этого за своих родных? Итак, оставив басни и пустословие (которые не стоит и опровергать, так как они подобны детскому лепету), возвратимся опять к самому изречению (апостола) и, наслаждаясь морем любви его, станем безопасно плавать и размышлять о неизреченном пламени, о котором кто ни говорил бы, ничего не скажет достойного. (Любовь Павла) была шире всякого моря, сильнее всякого огня, никакое слово не может изобразить ее по достоинству, один (Павел) постигал ее, как в совершенстве обладавший ею. Итак, повторим опять слова его: *молилбыхся сам аз отлучен быти.* Что значит: *сам аз?* Я, который сделался общим учителем, оказал бесчисленные услуги, ожидаю себе бесчисленных венцов, возлюбил Христа настолько, что любовь Его предпочитаю всему на свете, ежедневно сгораю за Него и все ставлю ниже любви к Нему. (Павел) заботился не только о том, чтобы быть любимым от Христа, но и о том, чтобы крепко любить Его, и о последнем – в особенности. Потому он только это имел в виду и все легко переносил; во всех делах он наблюдал за одним – удовлетворить этой прекрасной любви. И он желал быть отлученным, но, как не могло это случиться, он пытается защитить себя от обвинений и, представив то, о чем все шумно говорили, старается опровергнуть это. И прежде чем приступить к явному оправданию, он уже бросает некоторые семена его. Когда именно говорит: *ихже всыновление, и слава, и законоположение, и служение, и обетования,* он выражает этим не что иное, как то, что Бог желал и им спастись; это Он и доказал тем, что сделал прежде, тем, что от

них произошел Христос и Он дал обетования отцам их. Но иудеи по собственной неблагодарности отвергли благодеяние. Потому (апостол) представляет то, что свидетельствует только о даре Божием, а не служит к их похвале, – усыновление же, слава, обетования и закон именно и были делом благодати Божией. Представив все это и размыслив, сколько приложили попечений о спасении иудеев Бог и Сын Его, (апостол) громогласно воскликнул и сказал: *Сый благословен во веки. Аминь.* Такое благодарение он воссылает за всех единородному Сыну Божию. Что нам, если другие хулят, говорит он; мы, зная тайны Его, неизреченную премудрость и всеобъемлющий промысл, хорошо знаем, что Он достоин не хуления, а прославления. Но, не довольствуясь собственным сознанием, он старается привести и рассудить довод, употребляет против иудеев самые сильные выражения и не прежде оставляет их, пока не уничтожает их подозрение. Чтобы не показалось, что он беседует как с врагами, он и потом говорит: *братие, благоволение убо моего сердца, и молитва, яже к Богу по Израили есть во спасение* (Рим. X, 1), и здесь, кроме прочего, им сказанного, он старается показать, что говорит не по вражде то, что должен сказать против них; потому и не отказывается называть их родственниками и братьями. И хотя все, что ни сказал, говорил для Христа, однако же привлекает к себе и их расположение, предварительно пролагает путь своему слову, отклоняет от себя всякое подозрение касательно того, что намерен сказать против них, и потом уже приступает к рассмотрению того, что занимало многих. Многие, как заметил я выше, спрашивали, почему получившие обетование погибли, а те, которые никогда не слышали о нем, спаслись прежде первых? Итак устраняя это недоумение, он предлагает свое разрешение прежде возражения. Чтобы кто-нибудь не сказал: что же, не-

ужели ты заботишься о славе Божией более, нежели сам Бог? Неужели Он нуждается в твоей помощи, чтобы Его слово не погибло? Отвечая на это, (апостол) и говорит: я сказал это не в том смысле, что слово Божие не сбылось, но чтобы доказать любовь ко Христу. И хотя дела исполнились в таком виде, продолжает (апостол), но мы не сомневаемся относительно слов Божиих и утверждаем, что обетование непреложно. Бог говорил Аврааму: *тебе и семени твоему дам землю, и благословятся о семени твоем все народы* (Быт. XVI, 4). Потому посмотрим, говорит, какое это семя, так как не все, происшедшие от Авраама, его семя, почему и сказано: *не вси бо сущии от Израиля, сии Израиль. Ни зане суть семя Авраамле, вси чада* (ст. 7).

4. Итак, если ты узнаешь, кто называется семенем Авраама, то увидишь, что обетование было дано семени его, и поймешь, что слово Божие не осталось без исполнения. Скажи же мне: кто называется семенем? Не я говорю, отвечает (апостол), но Ветхий Завет изъясняет сам себя, говоря так: *во Исааце наречется тебе семя* (Быт. XXI, 12). Объясни, что значит – *во Исааце? Сиречь, не чада плотская, сия чада Божия: но чада обетования причитаются в семя* (ст. 8). Заметь мудрость и высоту ума Павла: в объяснении своем он говорит, что не чада по плоти – дети Авраама, но чада Божии; так ветхозаветное он соединяет с настоящим и показывает, что и Исаак не просто был сыном Авраама. Смысл же его таков: те, которые родились по примеру Исаака, – дети Божии и семя Авраама. Потому и сказал – *во Исааце наречется тебе семя,* чтобы ты понял, что те, которые родились по образу Исаака, они-то в особенности – семя Авраама. Как же родился Исаак? Не по закону природы, не по силе плоти, но по силе обетования. Что значит: по силе обетования? *На сие время прииду* к тебе *и будет Сарре сын* (ст. 9). Таково было обетование, и

слово Божие образовало и родило Исаака. И что же? Хотя женские ложесна и утроба содействовали рождению, но не сила утробы, а сила обетования произвела чадо. Так и мы рождаемся словом Божиим, потому что то, что рождает нас и образует в купели водной, есть слово Божие, а с другой стороны, мы, когда крещаемся во имя Отца и Сына и Святого Духа, рождаемся. Это рождение не по естеству, а по обетованию Божию. Как предрекши рождение Исаака, Он тогда и исполнил его, так и о нашем рождении Он предвозвестил за долгое время через всех пророков, а потом привел это и в исполнение. Замечаешь ли, сколько он представил доказательств и как Давший великие обетования со всей легкостью исполнил их. Если же иудеи скажут, что слова — *во Исааце наречется ти семя* означают то, будто родившиеся от Исаака причитаются ему в семя, то должно будет считать сынами Исаака и идумеев, и всех, происшедших от него, потому что праотец их Исав был сын Исаака. Но идумеи не только теперь не называются детьми, а даже были весьма чуждыми для израильтян. Видишь ли, что не плотские чада — чада Божии, но и в самой природе предызображается рождение свыше через крещение? Если же ты скажешь мне о ложеснах, то и я могу сказать тебе о воде. И как здесь все от Духа, так там все от обетования, потому что ложесна, вследствие бесплодности и старости, были холоднее воды. Потому, со всем вниманием уразумеем свое благородство и покажем жизнь достойную его; в том нет ничего плотского и земного, — пусть не будет этого и в нас. Не сон, не похоть плотская, не объятия и не возбуждение страсти, но Божие человеколюбие все совершило. И как там, когда возраст не подавал никакой надежды, так и здесь, когда наступила вследствие грехов старость, внезапно явился новый человек, и все мы сделались сынами Божиими, семенем Авраамовым. *Не точию же, но и Ревек-*

ка от единаго ложа отца нашего Исаака имущи (ст. 10). Вопрос был важен, потому (апостол) приводит многие доводы и всеми мерами старается уничтожить затруднение. Если странным и неожиданным было то, что иудеи, после столь многих обетований, погибли, то более странным представляется, что мы, ничего подобного не ожидавшие, вступили в их достояние. Произошло то же самое, как если бы царский сын, которому обещано было наследование престола после царя, был низведен в ряд лишенных гражданских прав, а вместо него взят был из темницы человек, виновный в бесчисленных преступлениях и приговоренный к казни, и получил власть, принадлежащую первому. Что можно сказать по этому поводу? То, что сын недостоин? Но и тот недостоин, даже гораздо более. Значит следовало или вместе наказать, или вместе почтить. Подобное, говорю, случилось с язычниками и с иудеями, даже и гораздо более странное. Что все недостойны, об этом (апостол) объявил выше, сказав: *вси согрешиша, и лишени суть славы Божия* (Рим. III, 23); но то необычайно, что, тогда как недостойны были все, спаслись одни язычники. После этого можно предложить и другой вопрос, именно: если Бог не намеревался исполнить обетований, данных иудеям, то для чего Он давал их? Ведь только люди, не зная будущего и часто подвергаясь обману, обещают дары и тем, которые не достойны получить их; а Тот, Кто предвидит настоящее и будущее, Кто ясно знал, что иудеи сделаются недостойными обетований и, вследствие этого, не получат ничего из сказанного, для чего и давал обетования?

5. Как же решил это Павел? Он показал, кто такой Израиль, которому Бог дал обетования. А когда это было показано, то вместе с тем было и доказано, что все обетования исполнились. Указывая на это, он и сказал: *не вси бо сущии от Израиля, сии Израиль.* (Апостол)

употребил имя Израиля, а не Иакова потому, что это имя было знаком его добродетели, праведности и дара, полученного свыше, и того, что Иаков видел Бога. Но скажешь: все согрешили и лишены славы Божией, а если все согрешили, то почему одни спаслись, а другие погибли? Потому что не все захотели прийти, хотя по воле Божией все спасены, так как все призваны. Впрочем, (апостол) пока не говорит этого, но решает вопрос более широко, выводя из других примеров новый вопрос, как и прежде он наибольшее затруднение разрешил другим затруднением. Когда спрашивалось, как, после оправдания Христа, все прочие стали участвовать в этой праведности, он привел в пример Адама, сказав: *аще бо единаго прегрешнием смерть царствова, множае паче избыток благодати приемлюще в жизни воцарятся* (Рим. V, 4). Вопроса об Адаме он не решает, но его примером решает свой вопрос и доказывает, что есть большее основание допускать, чтобы умерший за них имел над ними власть, какую хочет. Большинству кажется не совсем сообразным с разумом, чтобы за грех одного терпели наказание все, а гораздо сообразнее с разумом и приличнее Богу, чтобы за услугу одного все были оправданы. Но, однако, (апостол) не решил первого затруднения, потому что, насколько более оно оставалось неясным, настолько сильнее заграждались уста иудея, недоумение касательно последнего затруднения переходило на первое и последнее делалось от того яснее. Так и здесь (Павел) разрешает вопрос посредством новых затруднений, потому что у него было состязание с иудеями. Потому-то он не решает вполне примеров, им представленных, к чему, как состязавшийся с иудеями, и не был обязан, но, однако, этими примерами объясняет все, что ему было нужно. Почему ты удивляешься, говорит он, что одни из иудеев спаслись, а другие нет? Всякий знает, что в древности случилось

то же и с патриархами. Почему один только Исаак называется семенем Авраама, хотя Авраам был отцом Измаила и многих других? Не потому ли, что мать Измаила была раба? Но какое это имеет отношение к сыну? Впрочем, не спорю; пусть Измаил будет исключен ради матери. Но что сказать о детях Хеттуры? Не свободными ли они были и не от свободной ли родились? Почему же они не удостоились преимуществ, данных Исааку? И что говорю о них? Ревекка была единственной женой Исаака, родила двоих сыновей и обоих от Исаака, однако родившиеся, будучи от одного и того же отца и от одной матери, причинив ей одни и те же болезни рождения, будучи единокровными, единоутробными и, сверх того, близнецами, получили неодинаковые права. Здесь нельзя уже тебе сослаться на рабство матери, как в отношении к Измаилу, и на то, что они родились не из одной утробы, как в отношении к детям Хеттуры и Сарры, но здесь в один и тот же час чувствовались болезни рождения. Потому и Павел, как бы считая последний пример более ясным, говорит, что это сбылось не с одним Исааком, но *и Ревекка от единого ложа Исаака отца нашего имущи. Еще бо не рождшимся, ни сотворшим что благо или зло, да по избранию предложение Божие пребудет, не от дел, но от призывающаго речеся ей, якоболий поработает меньшему, якоже есть писано: Иакова возлюбих, Исава же возненавидех* (ст. 11–13). Почему один был любим, а другой ненавидим? Почему один служил, а другой принимал услуги? Разве потому, что один был порочен, а другой добр? Но ведь когда они еще не родились, один удостоился чести, а другой был осужден, так как еще до рождения их Бог сказал, *яко болий поработает меньшему*. Почему же Бог сказал это? Потому что Он не ждет, как человек, окончания дела, чтобы видеть, кто добр, кто нет, но и прежде этого знает, кто порочен и кто нет. То же самое случилось и с израильтянами, при-

том гораздо чудеснее. Что говорит, – продолжает, – об Исаве и Иакове, из которых один был порочен, а другой добр? И у израильтян грех был общий: они все поклонились тельцу, однако одни были помилованы, а другие нет. *Помилую*, говорит, *егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (ст. 15). Это же можно видеть и на тех, которые наказываются. Что можно сказать о фараоне, – почему он был наказан и подвергся столь великому наказанию? Потому что был жесток и непокорен. Но разве он один только был таков, а другого никого не было? Почему же он был наказан так строго? Почему и по отношению к иудеям Бог не сказал обо всем народе, а также не всех удостоил одинаковой чести? Сказано: *аще будут яко песок морский, останок их спасется* (Ис. X, 22). И почему же только остаток? Видишь ли, сколько недоумений вызывает рассматриваемый предмет. И вполне естественно: всякий раз как противника можно привести в затруднение, не тотчас предлагай разрешение. Ведь если он сам оказывается виновным в своем неведении, то зачем тебе подвергаться излишней опасности? Зачем ты делаешь его более дерзким, принимая все на себя?

6. Скажи мне, иудей, на каком основании ты, находясь в столь больших затруднениях и не имея возможности разрешить ни одного из них, утруждаешь нас вопросами по поводу призвания язычников? А я, конечно, могу указать верную причину, по которой язычники оправданы, вы же (иудеи) лишились обетований. Итак, какая это причина? Та, что они оправданы верой, а вы хотите оправдаться делами закона и, вследствие такого своего упорства, потеряли все. *Не разумеюще бо Божия правды, и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинушася* (Рим. X, 3). Кратко сказать, блаженный (апостол) в этих словах дает общее решение вопроса; но для большей ясности мы исследуем подробно каждое сло-

во, имея в виду, что желанием блаженного Павла было — научить посредством всего сказанного, что один только Бог знает достойных, а из людей никто, и хотя им и кажется, будто они хорошо знают, но постоянно ошибаются в своем заключении. Знающий же тайны уже ясно знает и то, кто достоин венцов, а кто — наказания и мучения. Потому Он многих, которые, по мнению людей, были добры, изобличив, наказал, и многих, которые считались порочными, увенчал и засвидетельствовал, что они не таковы. Он произносит приговор не по отзыву рабов, но по собственному строгому и беспристрастному суду и не ожидает окончания дела, чтобы одного признать дурным, а другого нет. Впрочем, чтобы не сказать опять чего-либо неясного, обратимся к апостольским словам. *Не точию же, но и Ревекка от единаго ложа имущи.* Хотя я мог бы, рассуждает (апостол), указать и на детей Хеттуры, но не говорю об этом, а чтобы в совершенстве одержать победу, привожу в пример рожденных от одного отца и от одной матери. Оба родились от Ревекки и Исаака, законного сына безукоризненного и всем предпочтенного отца, которому сказано: *во Исааце наречется ти семя,* и который сделался отцом всех нас. А если он наш отец, то и происшедшие от него должны быть отцами, но этого не было. Ты видишь, что не с одним Авраамом, но и с сыном его случилось это, — что везде блистают вера и добродетель и они означают подлинное родство. Отсюда мы узнаем, что дети Авраама называются его детьми не только по рождению, но и потому, что достойны добродетели родившего. А если бы назывались только по одному рождению, то Исаву надлежало бы пользоваться равными с Иаковом правами, потому что и Исав произошел от омертвевшей утробы, и его мать была бесплодна. Но требовалось не одно только рождение, а и нрав, который не является чем-либо случайным, но

служит к назиданию в нашей жизни. И (апостол) не говорит, что так как один был добр, а другой порочен, то первый вследствие этого и был предпочтен, – чтобы тотчас не возразили ему: как же? кто более добр? те ли, кто из язычников, или те, кто из обрезанных? Хотя (апостол) мог бы в этом сослаться на действительный опыт, но он не делает этого, так как это казалось ему очень жестоким, а он все возложил на божественный разум, с которым никто не может осмелиться бороться, за исключением разве совершенно безумного. *Еще бо не рождшимся*, говорит *ни сотворившим что благо или зло, речеся ей, яко болий поработает меньшему*, и доказывает что никакой нет пользы в благородстве по плоти, но потребна душевная добродетель, которую Бог знает еще прежде дел. *Еще бо не рождшимся, ни сотворившим что благо или зло, да по избранию предложение Божие пребудет, речеся ей, яко болий поработает меньшему.* Избирать от самого рождения есть дело предвидения: чтобы обнаружилось, говорит, избрание Божие, совершившееся по изволению и предвидению; Бог с первого дня узнал и предрек и доброго, и недоброго. Итак, не говори мне, продолжает (апостол), что ты прочитал закон и пророков и столько времени служил. Знающий и испытующий душу знает также, кто достоин спасения. Потому уступи непостижимому в избрании; Он один правильно знает, кого увенчать. Сколько было таких, которые, судя по внешнему свидетельству дел, казались лучше Матфея? Но тот, кто знает тайны и умеет испытывать способности ума, заметил жемчужину, лежащую в грязи, и, миновав другие и дивясь благообразию Матфея, избрал его и, приложив к благородству его воли собственную благодать, явил его достойным. Кто способен судить о временных этих искусствах или о всех прочих делах, тот избирает не то, что одобряют люди несведущие, а то, что сам в совершенстве знает, и

одобряемое невеждами нередко отвергает, а отвергаемое ими одобряет. Так поступают в выборе коней занимающиеся их обучением, а также и оценщик дорогих камней и сведущие в остальных искусствах. Тем более человеколюбец Бог, бесконечная премудрость, один все ясно знающий, не будет держаться людских мнений, но о всем произнесет приговор по собственной премудрости, совершенно точной и непреткновенной. Так Он избрал и мытаря, и разбойника, и блудницу, а первосвященников, старейшин и правителей предал бесчестью и отверг.

7. Всякий знает, что то же самое случилось и с мучениками. Многие из людей, совершенно отверженных, были увенчаны во время гонений, и напротив иные, считавшиеся в народе великими, преткнулись и пали. Итак, не требуй отчета у Творца, и не спрашивай, почему один был увенчан, а другой наказан. Он умеет совершать все по справедливости, почему и сказал: *Иакова возлюбих, Исава же возненавидех.* Что это было справедливо, ты узнал из последствий, но Бог ясно это знал и прежде конца. Он требует не только обнаружения дел, но и благородной воли и благоразумной мысли. Такой человек, хотя бы когда-нибудь и согрешил под влиянием какого-нибудь обстоятельства, скоро исправится; хотя бы ему случилось и закоснеть в пороке, он не будет презрен, но всеведущий Бог скоро вспомнит о нем. А равно человек развращенный, хотя бы и сделал что-нибудь по-видимому доброе, погибнет, потому что делает это с худым расположением. Так Давид, совершив убийство и прелюбодеяние, скоро загладил свои преступления, потому что увлечен был обстоятельствами и сделал это не вследствие привязанности к пороку; а фарисей, не совершивший ничего подобного и даже хвалившийся добрыми делами, все погубил злой волей. *Что убо речем? Еда неправда у Бога? Да не будет* (ст. 14).

Итак, Бог справедлив и к нам, и к иудеям. Потом (апостол) прибавляет другую мысль, которая темнее предыдущей. Какую же? *Моисеови бо глаголет: помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (ст. 15). Опять он усиливает возражение, прерывая его на половине, разрешая и снова вводя другое затруднение. Но чтобы слова эти сделать более ясными, необходимо истолковать их. Бог еще до рождения Иакова и Исава, рассуждает (апостол), сказал, *яко болий поработает меньшему*. Итак, что же? Неужели Бог несправедлив. Нисколько. Слушай дальше. Иаков и Исав различались – один добродетелью, другой пороками; но иудеи все совершили один и тот же грех, именно – слили тельца и однако одни были наказаны, а другие нет. Потому Бог сказал: *помилую, его же аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю*. Не твое, Моисей, дело знать, кто достоин человеколюбия, но предоставь это Мне. А если не Моисеево дело знать это, тем более не наше. Потому (апостол), чтобы убедить возражающего и достоинством лица, не просто привел эти слова, но упомянул, кому они были сказаны. *Моисеови бо глаголет*, говорит он. Высказав же решение затруднения, он прерывает его на половине, вводя новое противоположное и говорит так: *темже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога. Глаголет бо Писание Фараонови: яко на истое сие воздвигох тя, яко да покажу тобою силу Мою, и да возвестится имя Мое по всей земли* (ст. 16, 17). Как выше сказал, что одни были спасены, а другие наказаны, так и здесь говорит, что фараон был сохранен для наказания. Потом опять вводит противоположение. *Темже убо егоже хощет, милует, а егоже хощет, ожесточает. Речеши убо ми: чесо ради еще укоряет. Воли бо Его кто противитися может* (ст. 18, 19)? Видишь ли, как (апостол) всеми мерами постарался сделать вопрос затруднительным? И не тотчас дает решение, делая и это с пользой, но сперва заграждает уста возражающему,

говоря так: *темже убо, о человече, ты кто еси против отвещаяй Богови* (ст. 20)? (Апостол) делает это с целью устранить праздное его любопытство и излишнюю суетливость, налагая на него узду и внушая понимать различие между Богом и человеком, а также то, как непостижим божественный промысл и превышает наше разумение, и как все должно покоряться Богу; и это он делает для того, чтобы, убедив в этом слушателя, укротив и смирив его мысль, с большим удобством можно было дать свое решение и слова свои сделать для слушателя вполне понятными. И не говорит, что невозможно этого решить, но что? Считает преступным и спрашивать об этом, так как что сказано Богом, тому должно повиноваться, а не расследовать, хотя бы мы и не знали причины. Потому (апостол) и говорит: *ты кто еси против отвещаяй Богови?* Замечаешь ли, как он уничижил и низложил надменность? *Ты кто еси?* Разве ты участник власти? Уж не назначен ли ты судьей для Бога? Но ведь в сравнении с Богом тебя нельзя и назвать чем-нибудь, нельзя и сказать, что ты то или другое, но ничто. А спросить: *ты кто еси?* – гораздо уничижительнее, нежели сказать: ты ничто. И вообще своим вопросом (апостол) выражает большое негодование. Он не сказал: кто ты, говорящий Богу? – но: *против отвещаяй,* то есть ты, который споришь, противишься. Говорить: «следовало так», «не следовало так» – это значит препираться. Видишь, как апостол устрашил, поразил, заставил больше трепетать, чем спрашивать и любопытствовать? Это свойственно опытнейшему учителю – не следовать во всем желанию учеников, но вести их по своей воле, сперва исторгнуть терние, а потом бросать семена и не вдруг давать ответ на каждый вопрос. *Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако? Или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь* (ст. 20, 21)?

8. Здесь (апостол) не уничтожает свободной воли, но показывает, до какой степени должно повиноваться Богу. В том, чтобы требовать отчета у Бога, тебе приходится чувствовать себя не более, как брением. И не только не должно тебе противоречить и предлагать вопросы, но даже должно и не говорить, не мыслить, уподобляться той бездушной глине, которая покорна рукам горшечника и употребляется им, как он желает. Для того именно и взят апостолом такой пример, не в образец жизни, но в доказательство покорного и безмолвного повиновения. И должно это наблюдать везде – принимать примеры не все целиком, а выбирать из них нужное, для чего они и приведены, а все остальное следует отбросить. Когда говорится: *возлег почи яко лев* (Числ. XXIV, 9), то мы берем лишь понятие о непобедимом и страшном, а не зверское или что-нибудь другое свойственное льву, и опять, когда говорится: *срящу их аки медведица лишаема* (Ос. XIII, 8), то берем понятие мстительности, а когда говорится: *Бог наш огнь потребляяй есть* (Втор. IV, 14), то берем понятие об истребительном наказании; так и здесь необходимо понимать слова: глина, горшечник и сосуд. Когда (апостол) присовокупляет и говорит: *или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь?* – то не думай, что у Павла это сказано в смысле творения или для доказательства необходимости воли, но – для выражения власти и различия в распоряжениях. Если же не в этом смысле мы поймем слова его, то получатся многие нелепые следствия. Ведь если здесь идет речь о воле, то Бог окажется творцом и добра, и зла, а человек и в том, и в другом нимало не будет виновен; тогда окажется, что и Павел, увенчивая везде свободную волю, сам себе противоречит. Итак, (апостол) хочет здесь раскрыть не что иное, как убедить слушателя во всей полноте повиноваться

Богу и ни в чем не требовать от Него отчета. Как горшечник, рассуждает он, из одной и той же смеси делает, что ему угодно, и никто ему не противоречит, так и ты не спрашивай Бога и не любопытствуй, почему Он одних из людей одного и того же рода наказывает, а других награждает, но благоговей перед Ним и подражай глине и, как она покорна рукам горшечника, так и ты покоряйся воле распорядителя вселенной. Он ничего не делает без цели и как случится, хотя сам ты и не постигаешь тайны премудрости. Ты позволяешь горшечнику из одной и той же смеси приготовлять разные изделия и не порицаешь его за это, а у Бога требуешь отчета относительно наказаний и почестей, а не предоставляешь Ему знать, кто достоин и кто не достоин, но так как самый состав имеет одну и ту же сущность, то предполагаешь, что и воля у всех одна и та же. Какая неосновательность! Ведь не от горшечника зависит, что из одной и той же смеси иное идет для почетного, а другое для низкого употребления, а от распоряжения пользующихся изделием; так и здесь дело зависит от свободной воли. Кроме того, как заметил я выше, пример должно брать в том одном отношении, что человек не должен противоречить Богу, а предоставлять все Его непостижимой мудрости. Пример должен быть обширнее того предмета, по поводу которого он приводится, чтобы мог сильнее подействовать на слушателей, так как если бы он не был обширнее и не заключал в себе большего, то и не мог бы тронуть и возбудить возражающего, как должно. Итак, (апостол) в надлежащей мере преградил неуместное упорство (слушателей), а потом дает и самое решение. Какое же? *Аще же хотя Бог показати гнев Свой, и явити силу Свою, пренесе во мнозе долготерпении сосуды гнева совершены в погибель, и да скажет богатство славы Своея на сосудех милости, яже предуготова во славу: ихже и призва нас не точию от иудей, но и от язык*

(ст. 22–24). Смысл этих слов такой: фараон был сосудом гнева, то есть человеком, который своим жестокосердием воспламенил гнев Божий; многократно испытав на себе Божие долготерпение, он не сделался лучше, но остался неисправимым. Потому (апостол) назвал его не только сосудом гнева, но и совершенным в погибель, то есть готовым к погибели и, конечно, от самого себя и по собственной своей воле. Как Бог не оставил ничего из того, что вело к его исправлению, так и сам он не оставил ничего из того, что служило к его погибели и лишало его извинения. Но однако Бог, зная это, переносил все со многим долготерпением, желая привести его к раскаянию, так как если бы не хотел этого, то и не терпел бы столько времени. А так как фараон не захотел воспользоваться (Божиим) долготерпением для покаяния, но уготовал себя во гнев, то (Бог) употребил его на исправление других, чтобы посредством его наказания сделать других более усердными и показать при этом Свое могущество. А что Бог хочет являть Свое могущество не в наказаниях, но иначе – в благодеяниях и милостях, это (апостол) постоянно выше утверждал. Если и Павел не хочет в этом показывать свою силу, потому что говорит: *не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите* (2 Кор. XIII, 7), то гораздо более Бог. Но так как (Бог) сперва долготерпел, чтобы привести (фараона) в раскаяние, а он не раскаялся, то немалое еще время Он терпел его, чтобы вместе показать и Свою благость, и Свое могущество, не пожелает ли он как-нибудь воспользоваться этим великим долготерпением. И как, наказав (фараона), оставшегося неисправимым, (Бог) показал Свое могущество, так, помиловав многих великих, но раскаявшихся грешников, явил Свое человеколюбие.

9. Но (апостол) не назвал это человеколюбием, а славой, показывая, что это преимущественно составля-

ет славу Божию и что Бог заботился об этом более, чем о всем остальном. Когда же говорит: *яже предуготова в славу,* то выражает этим, что не все происходит от одного Бога, потому что, если бы это было так, то ничто не препятствовало бы спасаться всем. Вместе с тем (апостол) опять показывает предвидение Божие и уничтожает различие между иудеями и язычниками. А отсюда опять извлекает немалое оправдание для своих слов. Не только из иудеев одни погибли, а другие спаслись, но это же случилось и с язычниками, почему (Павел) не сказал: все язычники, но – *от язык,* и не (сказал): все иудеи, но – *от иудей.* Как фараон сделался сосудом гнева по собственному беззаконию, так и спасшиеся сделались сосудом милости по своему благочестию. И хотя большая часть принадлежит Богу, но однако и мы приносим нечто малое от себя. Потому (апостол) не сказал: сосуды заслуг, или: сосуды дерзновения, но: *сосуды милости,* показывая, что все принадлежит Богу. Также слова: *ни хотящаго, ни текущаго,* хотя и сказаны в виде противоположения, но, как сказанные от лица самого Павла, не представляют никакого затруднения. Когда он говорит: *ни хотящаго, ни текущаго,* этим не уничтожает свободы, но показывает, что не все принадлежит человеку, а напротив он нуждается в благодати свыше. Должно и желать и совершать подвиги, но надеяться нужно не на собственные подвиги, а на Божие человеколюбие, как и в другом месте (апостол) сказал: *не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. XV, 10). И хорошо сказал: яже *предуготова в славу.* Так как иудеи укоряли (христиан) тем, что они спасаются по благодати, и думали этим пристыдить их, то (Павел) вполне устраняет такую мысль. Если дело спасения принесло славу Богу, то гораздо более и тем, через кого Бог прославился. Заметь же благомыслие и неизреченную мудрость (апостола). Рассуждая о наказанных, он мог бы предста-

вить в пример не фараона, но согрешивших из иудеев, сделать свою речь более ясной, доказать, что даже и там, где были одни и те же отцы и одни и те же грехи, одни погибли, а другие были помилованы, и убедить их более не недоумевать по поводу того, что некоторые из язычников спаслись, тогда как иудеи погибли. Но (апостол), чтобы не сделать свою речь неприятной, не быть вынужденным назвать иудеев сосудами гнева, в пример наказания представляет варвара, примеры же помилованных заимствует из иудейского народа. И хотя (апостол) достаточно оправдывает Бога, Который, хорошо зная, что (фараон) уготовал себя в сосуд гнева, употребил со Своей стороны все — ожидание, долготерпение и не просто долготерпение, но великое долготерпение, — однако не захотел сказать, что (Бог) также поступал и с иудеями. Почему же одни бывают сосудами гнева, а другие сосудами милости? По собственной своей воле. Но Бог, по безмерной Своей благости, оказывает милость тем и другим. Он миловал не только спасаемых, но и фараона, сколько мог, и те, и этот пользовались одинаковым долготерпением. А если (фараон) не был спасен, то совершенно вопреки воле Божией, так как со стороны Бога (фараон) не имел ничего меньше спасенных. Итак (апостол), представив решение вопроса на основании дел, для большей несомненности сказанного приводит и слова пророков, которые предвозвестили то же. И Осия, говорит он, давно писал об этом так: *нареку не люди моя, люди моя, и не возлюбленную, возлюбленну* (ст. 25; срав. Осии II, 23). Чтобы не сказали: ты вводишь нас в заблуждение, говоря это — (апостол) призвал во свидетели Осию, который взывает и говорит: *нареку не люди моя, люди моя*. Кто же это были — *не люди моя?* Очевидно, язычники. Кто — *невозлюбленная?* Опять они же. Однако о них сказано, что будут народом, возлюбленной и сынами Божиими. *Тамо*

нарекутся сынове Бога живаго, продолжает (апостол) (ст. 26). Если станут говорить, что это сказано об уверовавших из иудеев, то и тогда наше толкование будет уместно. Если произошла такая перемена с теми, которые после многих благодеяний оказались неблагодарными и чуждыми, утратили даже то, что делало их народом, то что могло воспрепятствовать призванию и удостоению за послушание таких же милостей тех, которые отчуждены были не после того, как приняты, но с самого начала были чужды? (Апостол) не довольствуется тем, что сослался на Осию, но после него приводит слова Исаии, который говорит согласно с Осией. *Исаия же,* продолжает (Павел), *вопиет о Израили* (ст. 27), то есть смело и не скрываясь провозглашает. Итак, почему вы обвиняете нас, когда и пророки громче трубы возглашают то же? Что же вопиет Исаия? *Аще будет число сынов Израилевых яко песок морский, останок спасется* (Ис. X, 22). Ты видишь, что и по словам Исаии не все будут спасены, но лишь достойные спасения? Я не боюсь множества, говорит (Бог), и Меня не устрашает род, так размножившийся, но Я спасаю только тех, которые оказываются того достойными. И не просто (пророк) упомянул о песке морском, но напоминает им и о ветхозаветном обетовании, которого они сделались недостойными. Итак, почему же вы волнуетесь, ссылаясь на то, будто обетование нарушено, когда все пророки объявляют, что не все спасаются? Потом он говорит и об образе спасения. Замечаешь ли точность пророка и благоразумие апостола, который приводит свидетельство наиболее подходящее? Оно не только показывает, что спасутся не все, а некоторые, но и добавляет, как спасутся. Как же они спасутся и каким образом Бог удостоит их благодеяния? *Слово скончавая и сокращая в правде,* говорит (пророк), *яко слово сокращено сотворит Господь на земли* (ст. 28, сравн. Ис. X, 23).

Это значит следующее: не нужно далеко ходить, трудиться и утомлять себя делами законными, напротив спасение совершится весьма кратким образом. Такова вера: она в кратких словах содержит спасение. *Аще бо исповеси усты твоими Господа Иисуса*, говорит (апостол), *и веруеши в сердце твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися* (Рим. X, 9).

10. Понял ли ты, что значит: *слово сокращено сотворит Господь на земли?* Достойно удивления то, что краткое слово это принесло не только спасение, но и праведность. *И якоже пророче Исаия: аще не бы Господь Саваов оставил нам семене, якоже Содом убо были быхом, и якоже Гоморру уподобилися быхом* (ст. 29, сравн. Ис. I, 9). Опять (апостол) доказывает здесь нечто другое, – именно то, что и немногие спаслись не сами собой. И они погибли бы и претерпели бы участь Содома, то есть подверглись бы истреблению, – так как и содомляне погибли все без исключения и от них не осталось даже и случайного семени; и эти, продолжает (апостол), погибли бы, как и те, если бы Бог не оказал великой благости и не сохранил их ради веры. Это произошло и во время чувственного (вавилонского) плена, потому что большинство иудеев были отведены в плен и погибли, а немногие только спаслись. *Что убо*, говорит, *речем? Яко языцы не гонящии правду, постигоша правду, правду же, яже от веры. Израиль же гоня закон правды, в закон правды, не постиже* (ст. 30, 31). Здесь, наконец, самое ясное решение. Так как (апостол) на основании дел доказал, что не *вси сущия от Израиля, сии Израиль*, и подтвердил это предками Иакова и Исава и свидетельством пророков, то он потом предлагает самое главное решение на основании Осии и Исаии, предварительно усилив недоумение. Было два вопроса: о том, что язычники получили спасение, и о том, что они получили его не домогаясь, то есть не позаботившись о нем. И опять касательно иуде-

ев было также два недоумения: иудеи не достигли спасения, и не достигли несмотря на то, что домогались. Потому (апостол) употребил самые сильные выражения. Он не сказал, что имели праведность, но — *постигоша*, потому что наиболее необычайным и странным было то, что искавший не получил, а не искавший получил. И по-видимому словом — *гоня* (апостол) угождает иудеям, но впоследствии он наносит решительный удар. А так как он мог дать сильное решение, то не побоялся и возражение сделать более неприятным. Поэтому он не беседует о вере и о праведности, из нее возникающей, но доказывает, что иудеи побеждены прежде веры и осуждены по собственным законам. Ты, иудей, говорит (Павел), не нашел даже законной праведности, потому что нарушил закон и стал повинен клятве; а язычники, вошедшие не при помощи закона, а иным путем, нашли праведность больше законной праведности, именно праведность от веры. Тоже говорил (апостол) и выше: *аще бо Авраам от дел оправдася, иматъ похвалу, но не у Бога* (Рим. IV, 2), — доказывая, что праведность от веры выше праведности от закона. Итак, выше я говорил, что было два недоумения, а теперь стало три вопроса: что язычники нашли праведность, что нашли ее, не искав, и что нашли праведность больше праведности от закона. Вопросы, противоположные первым, возникают и касательно иудеев: что Израиль не нашел праведности, что он не нашел ее, несмотря на то, что искал, и что не нашел даже меньшей праведности. Итак, поставив слушателя в затруднение, (апостол) предлагает потом краткое решение и излагает причину всего сказанного. Какая же это причина? Та, что человек оправдывается не от веры, но от дел закона. Вот самое ясное решение всего места, которое не так легко было бы принято, если бы (апостол) предложил его в начале; а так как он поместил его после многих недо-

умений, доводов и объяснений, и употребил многочисленные предварительные оговорки, то и сделал его вполне понятным и доступным. Причиной погибели иудеев, говорит он, было то, что *не от веры, но* как бы *от дел закона* (ст. 32) *хотели оправдаться.* Не сказал – от дел, но – как бы от дел закона, показывая, что они не имели и этой праведности. *Преткнушася бо о камень претыкания, якоже есть писано: се полагаю в Сионе камень претыкания и камень соблазна: и всяк веруяй в онь не постыдится* (ст. 33). Замечаешь ли опять, как от веры получается дерзновение и всеобщий дар. Сказано ведь не только об иудеях, но о всем человеческом роде. Всякий, говорит (апостол), и иудей, и эллин, и скиф и фракиянин, и кто бы то ни был, если уверовал, будет пользоваться большой свободой. У пророка же удивительна его речь не только о том, что уверуют, но и о том, что не уверуют, так как преткнуться значит не уверовать. Как выше, рассуждая о погибших и спасаемых, (апостол) сказал: *аще будет число сынов Израилевых яко песок морский, останок спасется,* и еще: *аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, якоже Содом убо были быхом,* и также: *призва не точию от Иудей, но и от язык,* – так и здесь говорит, что одни уверуют, а другие преткнутся; а преткновение происходит от невнимания и от того, что засматриваются на что-нибудь другое. И иудеи, обращая все внимание на закон, преткнулись о камень. Камень же претыкания (апостол) назвал и камнем соблазна, по отношению к настроению и концу неверующих. Теперь ясно ли для вас сказанное, или требует еще большего пояснения? Думаю, что для внимательных понятно, если же для иных не вразумительно, то можно и, случайно встретившись, спросить и узнать. Для того я и представил очень пространное толкование, чтобы, прервав последовательность речи, не быть вынужденным повредить ее ясности. По той же причине здесь я и оканчи-

ваю слово, не предлагая нравоучения, как имею обыкновение делать, – чтобы в вашей памяти не затемнить множества предметов, о которых было говорено. Теперь время заключить речь, ко̀нчив ее надлежащим образом, то есть славословием Богу всяческих. Итак, дав общий отдых – и себе говорившему, и вам слушавшим, воздадим Ему славу, потому что Его царство и сила и слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА XVII

Братие, благоволение убо моего сердца и молитва, яже к Богу, по них есть во спасение (X, 1)

1. (Апостол) намерен опять обвинить (иудеев) и притом сильнее прежнего; потому он опять отклоняет от себя всякое подозрение в неприязни и пользуется большим предварительным разъяснением. Не обращайте внимания на слова и обличения, говорит он, а на то, что я возвещаю это не с враждебным расположением. Не свойственно ведь одному и тому же лицу желать (иудеям) спасения и не только желать, но молиться об этом, и в то же время ненавидеть и отвращаться от них; а под словом *благоволение* (апостол) разумеет здесь, именно, сильное желание. Заметь, что и молитва его приходит от сердца. Не о том он прилагает великую заботу и молится, чтобы (иудеи) избегли наказания, но чтобы и спаслись. И не здесь только, но и в следующих словах (апостол) обнаруживает благорасположение, какое имеет к иудеям. Он с великим усилием старается, сколько можно, извинить (иудеев) и ищет для них хотя бы некоторой тени оправдания, и однако не успевает в этом, будучи побежден свойством дел. *Свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут, но не по разуму* (ст. 2). Итак, это достойно извинения, а не осуждения. Если они были

отвергнуты не по человеческой своей природе, а по ревности, то справедливее жалеть их, нежели наказывать. Но заметь, как (апостол) мудро и угодил им словом, и обнаружил неуместное их любопрение. *Не разумеюще бо Божия правды* (ст. 3), говорит он. Еще предлог к извинению, который впоследствии усиливает обвинение и лишает всякого оправдания. *И свою правду*, говорит, *ищуще поставити, правде Божией не повинушася.* Этими словами он показывает, что иудеи впали в заблуждение больше по упорству и властолюбию, чем по неведению, и даже не представили той праведности, какая требуется законом, что (апостол) и выразил словами — *ищуще поставити.* Впрочем ясно (апостол) и не раскрыл этого, так как не сказал, что они лишены той и другой праведности, но со свойственным ему благоразумием сделал только весьма вразумительный намек. Если иудеи усиливались еще представить законную праведность, то ясно, что не представили. А если не покорились правде Божией, то и лишились ее. Праведность же иудеев (апостол) называет собственной или потому, что закон не имел уже силы или потому, что она приобреталась трудами и потом; а правдой Божией он называет праведность от веры, потому что она приобретается единственно по благодати свыше и мы оправдываемся не трудами, но по дару Божию. Но те, которые постоянно противятся Святому Духу и усиливаются оправдаться посредством закона, далеки от веры; будучи далекими от веры и не получив оправдания, даруемого верой, а равно не имея возможности оправдаться законом, они все потеряли. *Кончина бо закона Христос в правду всякому верующему* (ст. 4). Заметь благоразумие Павла. Так как то и другое он назвал правдой, то, чтобы уверовавшие из иудеев не подумали, что они имеют одну правду, а лишены другой и потому обвиняются в беззаконии (ведь им, как новообращенным, надлежало еще

опасаться), и чтобы иудеи опять не предполагали исполнить правду и не говорили: если мы доселе не исполнили, то без сомнения исполним, – смотри, что делает (апостол). Он доказывает, что праведность одна, что законная праведность заключается в праведности по вере и кто приобрел праведность по вере, тот исполнил и праведность законную, а кто отверг первую, тот лишился и последней. Если Христос есть цель закона, то не имеющий Христа, хотя бы и думал, что имеет праведность, однако не имеет ее, а имеющий Христа, хотя бы и не исполнил закона, всего достиг. Цель врачевания есть здоровье. Как тот, кто может сделать здоровым, хотя бы и не знал врачебного искусства, все имеет, а не умеющий вылечить, хотя бы и думал, что следует искусству, всего лишается, так бывает и относительно закона и веры: кто имеет веру, тот достиг цели закона, а кто вне веры, тот чужд и веры, и закона. Чего желал, именно, закон? Сделать человека праведным. Но он оказался бессилен, потому что никто не исполнил закона. Такова была цель закона, к этому все клонилось, для этого все совершалось – и праздники, и заповеди, и жертвы, и все остальное, чтобы человек оправдался. Но этой цели вернее достиг Христос посредством веры. Итак, не бойся, говорит (апостол), что ты нарушаешь закон, после того как пришел к вере: ты тогда преступаешь закон, когда по причине закона не будешь веровать во Христа; когда же уверуешь в Него, тогда ты исполнил и закон, даже гораздо больше, потому что ты достиг гораздо большей праведности. Такую свою мысль (апостол) подтверждает и Писанием. *Моисей пишет правду, юже от закона*, говорит он. Это значит: Моисей показывает нам, в чем состоит законная праведность и какова она. Итак, в чем она состоит и как приобретается? Исполнением заповедей. *Сотворивый та, жив будет в них*, говорит он. Сделаться праведным по закону нельзя ина-

че, как исполнив все заповеди, но это никому не оказалось возможным.

2. Итак, праведность эта уничтожилась. Но скажи нам, Павел, о другой праведности, о праведности по благодати, – в чем она состоит и как приобретается? Выслушай, насколько ясно (апостол) описывает ее. После того как он обличил праведность по закону, он переходит к праведности по благодати и говорит: *а яже от веры правда, сице глаголет: да не речеши в сердцы твоем: кто взыдет на небо? сиречь Христа, свести. Или кто снидет в бездну? сиречь Христа от мертвых возвести. Но что глаголет? Близ ти глогол есть во устех твоих, и в сердцы твоем, сиречь глогол веры, егоже проповедаем. Яко аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердцы твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися* (ст. 6–9). Итак, чтобы иудеи не могли сказать: каким же образом нашли большую праведность те, которые не нашли меньшей? – (апостол) приводит бесспорное доказательство, что новый путь легче прежнего. Там требовалось исполнение всех заповедей: когда все исполнишь, жив будешь; а праведность от веры не то говорит, но что же именно? *Аще исповеси усты Господа Иисуса, и веруеши в сердцы твоем, яко Бог Того воздвиже от мертвых, спасешися.* Потом, чтобы вследствие доказательства, что путь этот удобен и легок, не показалось, что он не стоит и внимания, смотри, как (апостол) распространяется о нем. Не тотчас приступил к тому, о чем мы сказали, но что говорит? *А яже от веры правда, сице глоголет: да не речеши в сердцы твоем: кто взыдет на небо? сиречь Христа свести? Или кто снидет в бездну? сиречь Христа от мертвых возвести.* Как нерадение и расслабление, обессиливающие труды, сопротивляются добродетели, обнаруживающейся в делах, и нужна сильно бодрствующая душа, чтобы не уступить, так и всякий раз, когда необходимо уверовать, возникают помыслы, возмущающие и рас-

слабляющие мысли многих и, чтобы отразить их, нужна душа исполненная сил. Потому (апостол) обнаруживает эти самые помыслы, и как поступил, рассуждая об Аврааме, так делает и здесь. Доказав там, что Авраам оправдался верой, (апостол), чтобы не подумали, что он приобрел столь великий венец напрасно и даром, восхваляет свойство веры и говорит: *иже паче упования во упование верова, во еже ему быти отцу многим языком. И не изнемог верою, ни усмотри своея плоти уже умерщвленныя, и мертвости ложесн Сарриных. Во обетовании же Божии не усумнеся неверованием, но возможе верою, дав славу Богу и известен быв, яко, еже обеща, силен есть и сотворити* (Рим. IV, 18–21). Этим (апостол) доказал, что Аврааму нужны были и дела, и душа возвышенная, принимающая то, что выше надежды, и не соблазняющаяся видимым. Так он поступает и здесь и доказывает, что нам необходим ум любомудрый, воля сильная и стремящаяся к небесному. Не сказал просто: не говори, но: *да не речеши в сердцы твоем,* то есть даже не подумай сомневаться и сказать самому себе: как это возможно? Видишь ли, что в том преимущественно и состоит свойство веры, чтобы, отвергнув все земные соображения, искать того, что выше природы и, отринув слабость помыслов, принимать все при помощи всемогущества Божия? Иудеи не только это говорили, а также и то, что оправдаться от веры невозможно. Но (апостол) то же самое прилагает и к другому событию, чтобы, показав, что оно настолько важно, что и по исполнении своем требует веры, этим убедить, что справедливо сплетать венец верующим. И он пользуется изречением Ветхого Завета, стараясь всегда избегать обвинений в нововведениях и в противоборстве ему. То, что (апостол) говорит здесь о вере, Моисей говорил иудеям о заповеди, доказывая, что они получили от Бога множество благодеяний. Нет нужды говорить, рассуждает (апостол), что

должно взойти на небо, или переплыть обширное море и тогда получить заповеди, так как Бог сделал это столь великое и трудное дело удобным для нас. Что значит: *близ ти глагол есть?* То есть легко, потому что спасение у тебя в сердце и на устах. Тебе не нужно для своего спасения предпринимать дальний путь, переплывать море и переходить горы, напротив, если ты не желаешь даже переступить и порог, то можешь спастись и сидя дома, потому что средство к спасению у тебя на устах и в сердце. Потом, приводя новое доказательство относительно легкости слова веры, (апостол) говорит, что Бог воздвиг Христа из мертвых. Помысли о достоинстве совершившего и ты более не увидишь никакого затруднения в этом деле. Итак, что Христос есть Господь, это видно из воскресения, как (апостол) сказал и в начале послания: *нареченнем Сыне Божии из воскресения от мертвых* (Рим. I, 4). А что и воскресение возможно, это и для совсем неверующих доказано силой совершившего его. Итак, как скоро оправдание и очень важно, и легко, и удобоприемлемо, даже иначе и оправдаться невозможно, то не крайнее ли это упорство, оставив удобное и легкое, браться за невозможное? Ведь никто не может уже сказать, что отказался от дела по трудности его.

3. Замечаешь ли, как (апостол) лишает иудеев всякого извинения? Какого в самом деле оправдания заслуживают те, которые избирают самое трудное и неисполнимое, а оставляют легкое и могущее их спасти, чего и самый закон не в состоянии был дать? Все это доказывает не что иное, как только упорную волю, противящуюся Богу. Закон обременителен, а благодать легка, закон и при бесчисленных усилиях не спасает, а благодать дает оправдание как благодатное, так и законное. Итак, что скажут в свое оправдание те, которые упорствуют против благодати и без пользы и цели дер-

жатся закона? Потом, так как (апостол) сказал нечто важное, он опять удостоверяет в этом Писанием. *Глаголет бо Писание*, говорит он: *всяк веруяй в Он не постыдится. Несть бо разнствия Иудееви же и Еллину: той* бо Господь *всех, богатяй* во всем *и во всех призывающих Его. Всяк бо, иже аще призовет имя Господне, спасется* (ст. 11–13). Замечаешь ли, как (апостол) приводит свидетельства о вере и о исповедании? Когда говорит: *всяк веруяй*, указывает на веру, а когда говорит: *всяк, иже аще призовет*, разумеет исповедание. Потом, снова возвещая общность благодати и низлагая надменность иудеев, (апостол) в кратких словах напоминает о том, что выше доказывал пространно, и опять подтверждает, что нет разности между иудеем и необрезанным. *Несть бо разнствия Иудееви же и Еллину*, говорит он. И что выше, когда доказывал это, говорил об Отце, то говорит здесь о Христе. Как выше, раскрывая то же самое, сказал: *или Иудеев Бог токмо, а и не языков? Ей и языков, понеже един Бог* (Рим. III, 29 и 30), так и здесь говорит: *той бо* Господь *всех, богатяй* во всем *и во всех призывающих Его.* Видишь ли, как (апостол) доказывает, что Бог сильно желает нашего спасения, так что считает его даже Своим богатством. Потому иудеи и ныне не должны отчаиваться и думать, что они не могут быть прощены, хотя бы и пожелали покаяться. Считающий наше спасение Своим богатством не перестанет обогащаться, так как и изливать дар на всех для Него также есть обогащение. А так как иудеев особенно смущало то, что прежде они пользовались преимуществом перед всем человеческим родом, а теперь ради веры низвергаются с их престола и не имеют никакого преимущества перед остальными, то (апостол) неоднократно делает указания на пророков, которые предвещают им о таком равенстве. *Всяк бо веруяй в Он*, сказано, *не постыдится*, и еще: *всяк, иже аще призовет имя*

Господне, спасется. И чтобы не было возражений, в том и другом месте поставлено слово: *всяк.*

Нет ничего хуже тщеславия. Оно, именно оно больше всего и погубило иудеев. Потому и Христос сказал им: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете* (Ин. V, 44)? Тщеславие вместе с гибелью и возбуждает большой смех и прежде еще будущего наказания навлекает здесь бесчисленные бедствия. И если угодно тебе знать это, мы, не касаясь пока небес, откуда тщеславие низводит нас, и геенны, в которую оно ввергает, рассмотрим все то, что оно производит здесь. И действительно, что может быть вреднее, постыднее и тяжелее тщеславия? Что болезнь эта причиняет убытки, доказывается бесполезными и напрасными издержками на театры, ристалища и на другие столь же ненужные развлечения, вроде постройки великолепных и пышных домов и всяких других излишних сооружений, чего теперь нельзя и описать. Всякому же известно, что человек расточительный, любящий пышность и страдающий болезнью тщеславия, по необходимости делается похитителем и корыстолюбцем. Чтобы доставить пищу этому зверю, он налагает свои руки на чужое имущество. И что говорить об имуществе? Этот огонь пожирает не только деньги, но и души, уготовляет не только настоящую, но и будущую смерть. Тщеславие есть мать геенны, сильно воспламеняет адский огонь и ядовитого червя. Всякому известно, что оно и на мертвых простирает свою власть, а что может быть хуже этого? Все прочие страсти прекращаются со смертью, а тщеславие и после кончины продолжает свое действие и над умершим телом силится показать свое свойство. Когда умирающие заботятся, чтобы им были поставлены великолепные памятники, на которые надобно истратить все их имущество, и стараются и в гробе показать необыкновен-

ную пышность; когда люди при жизни за один овол или кусок хлеба оскорбляли подошедших нищих, а умирая, готовят червю обильную пищу, — то какую власть ты найдешь мучительнее этой болезни? От этого же зла рождается и нечистая любовь, так как многие вовлечены в прелюбодеяние не красотой лица, не похотью совокупления, но желанием похвастаться: я соблазнил такую-то и вовлек в любодеяние.

4. И нужно ли говорить о других пороках, которые произрастают отсюда? Я предпочел бы лучше быть рабом у множества варваров, чем у одного тщеславия, так как варвары не повелевают того пленникам, что приказывает тщеславие своим подчиненным. Будь слугой всех, говорит оно, будут ли они знатнее тебя, или незначительнее. Не радей о душе, не заботься о добродетели, смейся над свободой, жертвуй своим спасением; а если сделаешь какое-либо добро, то делай не из угождения Богу, но напоказ людям, чтобы от них получить себе венец; если подаешь милостыню, или постишься, труд перенеси, а пользу старайся погубить. Что может быть бесчеловечнее таких требований? Отсюда ведут свое начало и зависть, и высокомерие, и сребролюбие — мать всех зол. Толпа рабов, одетые в золото варвары, тунеядцы, льстецы, высеребренные колесницы и многое другое, что и того смешнее, употребляются не для удовольствия и пользы, но из одного тщеславия. Да, говоришь ты, всякому известно, что страсть эта — зло, но как нам избежать ее, — вот о чем следует сказать. Главное, если ты вполне убедишь себя в том, что эта болезнь тяжела, то сделаешь самое лучшее начало к исправлению, потому что и больной немедленно ищет врача, как скоро прежде всего узнает, что он болен. А если ты ищешь и другого пути избежать (проистекающего отсюда зла), то взирай непрестанно на Бога и довольствуйся славой, исходящей от Него. Если ты за-

метишь, что страсть эта подстрекает тебя и побуждает рассказать о заслугах своих собратьям, то ты прежде всего размысли, что из этого рассказа не произойдет для тебя никакой выгоды, угаси нелепую страсть и скажи душе своей: вот сколько времени ты мучилась, чтобы рассказать о своих заслугах, и не могла сохранить молчания, но всем объявила, – какая же от этого тебе польза? Пользы никакой, а вред всем большой – потеря всего того, что ты собрала с великим трудом. А после этого подумай и о том, что приговор и суд народа ошибочны, к тому же и скоро исчезают. На час они удивляются, а как скоро миновало время, обо всем забыли; венец, дарованный тебе Богом, похитили, а своего сохранить для тебя не сумели. Даже если бы людской венец остался у тебя, то было бы весьма жаль променять его на венец Божий; а когда и его не останется, то какое оправдание мы будем иметь в том, что за преходящее отдаем непреходящее и за похвалы немногих теряем столь великие блага? И хотя бы многие воздавали тебе похвалы, все они достойны сожаления, и тем больше, чем больше число людей, делающих это. Если ты удивляешься сказанному, послушай, как сам Христос подтверждает это: *горе вам*, говорит он, *егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. VI, 26). И совершенно справедливо. Если во всяком искусстве судьями следует избирать художников, то как же ты оценку добродетели вверяешь толпе, а не тому, кто больше всех сведущ в этом, кто может и одобрить и увенчать? Итак, напишем слово Христово на стенах, на дверях и в сердце, и постоянно будем говорить сами себе: *горе нам, егда добре рекут* нам *вси человецы,* потому что и те самые, которые говорят о тебе хорошо, впоследствии осуждают тебя, называя тщеславным, честолюбивым, пристрастным к людским похвалам. Но не так делает Бог; когда Он увидит, что ты любишь славу Его, тогда особенно похвалит тебя, уди-

вится и возвестит о тебе. А человек не так, но, считая тебя не свободным, а рабом, и часто угождая тебе ложной похвалой, состоящей в пустых словах, обыкновенно похищает у тебя истинную награду и подчиняет тебя себе больше, чем купленного раба. Ведь господа имеют рабов для того, чтобы они слушались их в том, что приказано, а ты служишь и без приказаний. Ты и не ждешь, чтобы услышать что-нибудь от них, но как только узнаешь, чем можно угодить им, все делаешь, хотя бы они и не приказывали. Какой же геенны достойны будем мы, которые услаждаем дурных людей и служим им прежде, нежели прикажут, а вовсе не слушаем Бога, несмотря на то, что Он ежедневно нам приказывает и увещевает? Если ты любишь славу и похвалы, то избегай похвалы человеческой, и тогда приобретешь славу; уклоняйся от людских одобрений, и тогда получишь многие похвалы и у Бога и у людей. Ведь и мы обыкновенно больше всего прославляем того, кто презирает славу, обыкновенно хвалим и удивляемся тому, кто ни во что ставит похвалы и удивление; если же мы так поступаем, то тем более Бог всяческих. А когда Бог восхвалит тебя и прославит, кто может быть счастливее тебя? В самом деле, каково различие между славой и бесчестьем, таково же различие между славой небесной и человеческой, лучше же сказать, гораздо больше, до бесконечности. Если же человеческая слава ни с чем несравнима, постыдна и безобразна, то рассуди, какой окажется ее гнусность, когда сопоставим ее со славой небесной. Как блудная женщина, находясь на кровле, отдает себя всем, так поступают и рабы тщеславия, а вернее сказать, они даже гнуснее и блудниц, потому что блудницы нередко пренебрегают некоторыми из полюбивших их, а ты предлагаешь себя всякому — и беглецам, и разбойникам, и мошенникам. При помощи таких и подобных лиц устраиваются вами зрелища, воз-

буждающие похвалы; и тех самых, из которых каждый сам по себе, по твоему же мнению, ничего не стоит, ты, когда они собраны вместе, предпочитаешь собственному спасению, этим показывая, что ты бесчестнее каждого из них.

5. Как же ты не бесчестнее, как скоро имеешь нужду в их похвалах и не бываешь доволен сам собой, если не приобретешь славы от других? Кроме всего этого, скажи мне, неужели ты не понимаешь, что, будучи человеком знаменитым и всем известным, ты имеешь бесчисленное множество обвинителей, если согрешишь, а оставаясь в неизвестности, ты будешь в безопасности? Да, говоришь ты: за то и заслугам моим удивляется бесчисленное множество людей. Но в том и несчастье, что болезнь тщеславия вредит тебе не только тогда, когда ты грешишь, а и тогда, когда оказываешь заслуги, и в одном случае она подвергает тебя бесчисленным укоризнам, в другом же лишает всей награды. Гибельно и исполнено всякого бесчестья любить славу в делах гражданских, а когда та же страсть овладеет тобой и в делах духовных, тогда какое оправдание останется тебе, не желающему воздать Богу такой же чести, какой сам требуешь от домашних? Ведь и раб смотрит в глаза господину, и наемник обращает внимание на хозяина работы, который должен выдать плату, и ученик смотрит на учителя, – а у тебя все напротив: ты, оставив нанявшего тебя Бога и Владыку, смотришь на собратий, хотя сам знаешь, что Бог и впоследствии будет помнить твои заслуги, а человек помнит только в настоящем; для тебя уготовано зрелище на небе, а ты собираешь зрителей на земле. Борец, где подвизается, там ждет себе и одобрений, а ты, подвизаясь для горнего, заботишься получить награду долу. Что может быть хуже такого безумия? Посмотрим же, если угодно, и на сами венцы: иной состоит из высокомерия, иной из

зависти к другому, один из насмешки и лести, другой из денег, иной из рабского служения. Как дети во время игры возлагают друг на друга венки из травы, и часто, увенчав кого-нибудь так, чтоб он сам не заметил, смеются над ним сзади, так и теперь те, которые тебя хвалят, часто сами между собой смеются, возложив на тебя траву. И пусть бы еще только траву, но их венец причиняет нам большой вред и губит все наши заслуги. Итак, рассудив о ничтожности его, избегай вреда. Сколько, по твоему мнению, должно быть хвалящих тебя? Сто человек или вдвое, втрое, вчетверо больше, даже, если хочешь, вдесятеро, во сто раз больше; пусть будет, если угодно, две, четыре, десять тысяч рукоплещущих; но они ничем не отличаются от каркающих ворон, а если ты представишь себе зрелище ангелов, то эти рукоплещущие окажутся ничтожнее червей, а их одобрения слабее паутины, дыма, сновидения. Послушай, как Павел, в точности узнавший людскую славу, не только не домогается ее, но и отвращается, говоря: *мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. VI, 14). Итак, и ты возревнуй об этой похвале, чтобы не разгневать Господа. А ища похвалы людской, ты бесчестишь не только себя, но и Бога. Будучи живописцем и имея у себя ученика, ты и сам не перенес бы равнодушно, если бы он не стал тебе показывать произведений своего искусства, а выставил бы картину напоказ простым зрителям. Если это обидно для собратий, то гораздо, более для Владыки. А если хочешь знать, какие еще есть побуждения презирать людскую славу, то будь исполнен высоких мыслей, смейся над видимым, возрастай в любви к истинной славе, исполнись духовных помыслов, скажи душе своей, как говорил Павел: *не веси ли, яко ангелов судити имамы* (1 Кор. VI, 3)? И возбудив ее этим, вразуми и скажи: неужели ты, судящая ангелов, желаешь, чтобы тебя судили нечистые и

хвалили, как хвалят плясунов, лицедеев, звероборцев и наездников, которые стремятся к таким именно похвалам? А ты постарайся быть выше этих кликов, подражай пустынножителю Иоанну, узнай, как он презирал народную толпу и, видя льстецов, не обращал на них внимания; когда же все жители Палестины собрались вокруг него, удивлялись ему и приходили в изумление, то он не хвалился и такой честью, но восставал против них и, обращаясь к многочисленному народу, как к ребенку, поражал их такими укоризнами: змеи, *рождения ехиднова* (Мф. III, 7). Хотя они сходились и оставляли города для него, чтобы видеть эту священную главу, однако ничто не смягчило Иоанна, — так он далек был от славы и свободен был от всякой гордости. И Стефан, видя, что опять тот же народ не чтит его, но неистовствует и скрежещет зубами, поставив себя выше их гнева, говорит: *жестоковыйнии и необрезании сердцы* (Деян. VII, 51). И Илия, в присутствии войска, царя и всего народа, сказал: *доколе вы, храмлете на обе плесне ваша* (3 Цар. XVIII, 21)? Но мы всем льстим, угождаем, покупая себе этим раболепным служением их почтение. Вследствие этого все переменилось, мы лишились благодати первых веков, дела христианства пришли в упадок и все пренебрежено для людской славы. Итак, искореним страсть, и тогда вполне узнаем свободу, найдем пристань и тишину. Ведь тщеславный подобен обуреваемым волнами, всегда трепещет, боится и служит очень многим господам. А кто находится вне этой мучительной власти, тот подобен достигшим пристани и наслаждающимся полной свободой. Но не таков тщеславный, который скольким бы ни был известен, столько же имеет и господ и всем вынужден служить. Как же нам освободиться от этого тяжкого рабства? Если возлюбим другую славу, славу истинную. Как влюбленных в красивое лицо обыкновенно отвлекает

от этой любви другое лицо, которое красивее прежнего, так и пристрастных к людской славе может отвлечь от нее слава, воссиявшая с небес. Потому, обратим взоры на эту последнюю, узнаем ее в точности, чтобы, удивившись красоте ее, избежать нам позора славы мирской и насладиться многим удовольствием, непрестанно утешаясь славой небесной, достигнуть которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

Како убо призовут, в Негоже не вероваша? Како же уверуют, Егоже не услышаша? Какоже услышат без проповедающаго? Како же проповедят, аще не послани будут? Якоже есть писано (X, 14, 15)

1. Апостол опять лишает иудеев извинения. Сказав: *свидетельствую им, яко ревность Божию имут, но не по разуму*, и еще: *не разумеюще Божия правды, не повинушася*, он показывает далее, что и за само незнание они должны быть наказаны Богом. Впрочем, он не говорит этого прямо, а раскрывает, излагая речь в вопросах, и, для большей ясности доказательств, все это место составляет из возражений и ответов. Смотри же: выше он сказал словами пророка, что *всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется*. Но, может быть, кто-нибудь скажет: как могли они призывать Того, в Кого не уверовали? Потом за возражением у него следует вопрос: почему не уверовали? И опять возражение, — потому что, несомненно, кто-нибудь мог бы спросить: как они могли уверовать, не слышав? Они слышали, отвечает (апостол). Потом опять другое возражение: как могли услышать

без проповедующего? И опять ответ: многие проповедовали и многие для этого именно и были посланы. Из чего же видно, что они были посланы для проповеди? Тут, наконец, (апостол) приводит слова пророка: *коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая* (Ис. II, 7). Видишь ли, как самим способом проповеди он доказывает, что они были проповедниками. Апостолы, обходя вселенную, возвещали не иное что, как неизреченные блага и совершившийся мир Бога с людьми. Потому вы, неверующие, не нам не верите, говорит (Павел), но Исаии, который за многие годы предвозвестил, что мы будем посланы, станем проповедовать и станем говорить то самое, что и сказали. Итак, если спасение зависит от призвания, призвание от веры, вера от слышания, слышание от проповедования, проповедование от послания, а апостолы были посланы и проповедовали, даже вместе с ними ходил и пророк, указывал на них, возвещал и говорил: вот те самые, о которых за долгое время я возвестил свыше и ноги которых я восхвалял за способ проповеди, — то ясно, что неверие есть собственная вина иудеев, а со стороны Божией все сделано. *Но не вси послушаша благовествования: Исаия бо глаголет: Господи, кто верова слуху нашему? Темже убо вера от слуха, слух же глаголом Божиим* (ст. 16, 17). Но вот иудеи опять делали новое возражение, говоря: «если именно эти (апостолы) были посланы и посланы от Бога, то следовало, чтобы все их послушались». И обрати внимание на благоразумие Павла, как он доказывает, что то самое, что приводило в смущение, должно уничтожить волнение и беспокойство. Почему, говорит он, после столь многочисленного и важного свидетельства и после подтверждения его делами, тебя, иудей, соблазняет то, что не все послушались благовествования? Но именно это самое, что не все слушаются, при других доказательствах достаточно

к тому, чтобы уверить тебя в истине проповедуемого. И об этом издревле предсказал пророк. Заметь же неизреченную мудрость (апостола), как он доказывает более того, сколько иудеи ожидали и надеялись противоречить ему. Что говорите вы, спрашивает он? То ли, что *не вси послушаша благовествования?* Но Исаия давно предсказал и это, вернее же сказать, он предрек не это одно, но и гораздо большее. Вы ставите в вину то, что не все послушались, а Исаия говорит и больше этого. Что же именно? *Господи, кто верова слуху нашему?* Потом, уничтожив словами пророка это смущение, (апостол) держится опять прежней связи. Так как он сказал, что нужно сперва призвание, а призываемым нужно уверовать, а уверовавшим прежде услышать, а готовым услышать необходимо иметь проповедников, а проповедники должны быть посланы, и так как он доказал, что они были посланы и проповедовали, то, намереваясь предложить еще новое возражение, взял для этого основание из другого пророческого свидетельства, которым незадолго перед тем решил возражение, и таким образом соединяет его и связывает с предыдущим. После того, как привел слова пророка: *Господи, кто верова слуху нашему?* он, благовременно взяв и другое свидетельство, говорит: *темже убо вера от слуха.* И это он сказал не без цели, так как иудеи постоянно искали чудес и желали видеть воскресение; и так как много было таких, которые домогались этого, то (апостол) и говорит, что и пророк возвестил о том, что вера наша должна происходить от слышания. Потому он заранее это и доказывает говоря: *темже убо вера от слуха.* А так как это, по-видимому, было незначительно, смотри, каким образом он усиливает речь свою. Не о простом слышании сказал я, продолжает он, не о том, что должно услышать человеческие речи и им поверить, но говорю о слышании высоком: *слух же глаголом Божиим.* Проповедники не свое говори-

ли, а возвещали то, что узнавали от Бога; это гораздо выше чудес. Богу, когда Он говорит и совершает чудеса, одинаково должно верить и повиноваться, потому что дела и чудеса производятся словом Его; так именно явилось небо и все прочее.

2. Итак, доказав, что должно верить пророкам, которые всегда говорят не свое, но Божие, и что не нужно искать ничего больше слышания, (апостол) излагает уже то возражение, о котором я упоминал, и говорит: *но глаголю: еда не слышаша* (ст. 18)? (Апостол) спрашивает: что же из того, если проповедники были посланы и проповедовали то, что им повелено было, – ведь иудеи не слышали? Потом со всей полнотой предлагается решение возражения. *Темже убо во всю землю изыде вещание их, и в концы, вселенныя глаголы их.* Что ты говоришь, спрашивает (Павел), неужели они не слышали? Но услышала вселенная, услышали все пределы земные, а вы, у которых проповедники провели столько времени и от которых они произошли, неужели не слышали? Возможное ли это дело? Если услышали пределы вселенной, тем более вы. Потом опять новое возражение. *Но глаголю: еда не разуме, Израиль* (ст. 19)? А если иудеи, хотя и слышали, но не поняли сказанного, не узнали, что посланные были те самые проповедники, то не заслуживают ли они извинения ради такого неведения? Нимало. Исаия ведь указал признаки проповедников, сказав: *коль красны ноги благовествующих мир.* А прежде Исаии изобразил их сам Законодатель, почему (апостол) и присовокупил: *первый Моисей глаголет: аз раздражу вы о не языце, о языце неразумне прогневаю вас.* Таким образом должно было узнать проповедников не только потому, что иудеи не уверовали, что проповедники благовествовали мир и возвещали о благах и что слово сеялось повсюду во вселенной, но и потому, что удостоены были большей чести те, которые ниже иудеев, то есть языч-

ники. Язычники неожиданно стали любомудрствовать о том, чего никогда не слышали ни сами они, ни предки их; это было знаком высокой чести, которая должна уязвлять иудеев, побуждать их к соревнованию и приводить на память пророчество Моисея — *раздражу вы о не языце.* Не только величие чести достаточно было к тому, чтобы подвигнуть иудеев к соревнованию, но и то, что народ, удостоившийся ее, был настолько низок, что недостоин был и названия народа. *Аз раздражу вы о не языце,* сказано, *о языце неразумне прогневаю вас.* Что было неразумнее и ниже язычников? Посмотри, как Бог заранее дал иудеям признаки и ясные знамения всех этих времен, чтобы отверзть слепоту их. При том это происходило не в тесном углу, но на суше и море и всюду во вселенной; тех, кого иудеи прежде презирали, они увидели обладателями бесчисленных благ. Итак, следовало понять, что это тот самый народ, о котором говорит Моисей: *раздражу вы о не языце, о языце неразумне прогневаю вас.* Но один ли Моисей сказал это? Никак, но и после него тоже подтвердил Исаия. Потому Павел и сказал: *первый Моисей,* показывая, что есть и второй, говорящий о том же самом яснее и внятнее. И как выше сказал: *вопиет Исаия,* так и здесь: *Исаия же дерзает и глаголет* (ст. 20). Это значит, что Исаия старался и употреблял все меры к тому, чтобы не выразиться темно, а представить дело перед взорами нашими во всей наготе, предпочитая лучше подвергнуться опасности за то, что сказал ясно, нежели, заботясь о собственном спасении, оставить вам какой-нибудь предлог к извинению; и хотя пророк и не обязан был говорить об этом так ясно, однако он, чтобы совершенно заградить вам уста, обо всем предсказывает вполне ясно и определенно. О чем же — обо всем? И о вашем падении, и о введении язычников, говоря так: *обретохся не ищущим Мене, явлен бых не вопрошающим о Мне.* Кто же эти не искавшие и не

вопрошавшие? Очевидно, что не иудеи, а язычники, которые никогда не знали Бога. Как Моисей отличительный их признак выразил словами: *о не языце,* и: *о языце, неразумие,* так и Исаия изображает здесь тоже их свойство – незнание в крайней степени. Это и было самым важным обвинением для иудеев, что не искавшие нашли, а искавшие потеряли. *Ко Израилю же глаголет: весь день воздех руце Мои к людем непокоривым и пререкающим* (ст. 21). Замечаешь ли, что то, что затрудняло и о чем многие недоумевали, было известно и раньше и ясно разрешено было еще в пророческих писаниях? Что же это такое? Ты слышал, что Павел говорил выше: *что убо речем? Яко языцы не гонящии правду постигоша правду: Израиль же гоня закон правды, в закон правды не постиже.* То же говорит здесь и Исаия, – слова: *обретохся не ищущим Мене, явлен бых не вопрошающим о Мне,* – значат то же, что и сказанное апостолом: *языцы не гонящии правду постигоша правду.* Потом, показав, что совершившееся было делом не одной Божией благодати, но и собственного расположения пришедших, равно как и падение иудеев было следствием упорства непослушных, выслушай, что (апостол) прибавил: *ко Израилю же глаголет: весь день воздех руце Мои к людем непокоривым и пререкающим.* Под словом – *день* он разумеет здесь все прошедшее время; а *воздевать руце* значит у него – звать, привлекать и призывать. Потом, показывая, что во всем этом были виновны сами иудеи, говорит: *к людем непокоривым и пререкающим.*

3. Замечаешь ли, как сильно обвинение? Иудеи не только не повиновались (Богу) даже тогда, когда призывал их, но и еще противоречили, и притом не раз, не два, не три, но и во все то время, когда видели, что (Бог) зовет их. А язычники, никогда не знавшие Бога, имели силу привлечь Его к себе. Впрочем, (апостол) не говорит, что они сами смогли привлечь к себе Бога,

но, низлагая гордость язычников и показывая, что все произвела благодать Божия, он выражается: *явлен бых, и обретохся*. Итак, язычники свободны от всего, спросишь ты? Никак, но их делом было взять найденное и познать открывшееся. После того, чтобы иудеи не сказали: почему же Он не явился и нам? – (апостол) указывает и на нечто большее, говоря, что Он не только им являлся, но и не переставал простирать руки и призывать, являя заботливость чадолюбивого отца и сердобольной матери. Смотри, какое ясное решение дал (апостол) на все возникшие выше недоразумения, доказав, что иудеи погибли по собственной воле и во всех отношениях не заслуживают извинения. Хотя они и слышали и понимали сказанное, но при всем том не захотели прийти. И что гораздо важнее, Бог не только дал им услышать и уразуметь это, но и присоединил и более сильные меры для побуждения и привлечения упорных и противящихся. Какие же именно? Ободрение их и возбуждение соревнования. Вы сами знаете власть этой страсти, знаете, какую силу имеет соревнование в деле преодоления всякого препятствия и в восстановлении падших. И нужно ли говорить это о людях, когда соревнование оказывает великое влияние и на бессловесных и на детей в незрелом возрасте? Часто ребенок, когда зовет его отец, не слушается и продолжает упрямиться; но когда видит, что ухаживают за другим ребенком, он без всякого приглашения бежит к родительской груди, и то, чего не могла сделать просьба, легко производит соревнование. Так и Бог поступил с иудеями. Он не только призывал их, простирал к ним руки, но и возбуждал в них страсть соревнования, наделяя благами тех, которые были гораздо ниже их (а это особенно возбуждает соревнование), и притом, не теми благами, какие даны были иудеям, но – что гораздо важнее и делает страсть более мучительной – благами гораздо

большими и нужнейшими, такими, каких иудеи и во сне себе не представляли. Но они и при всем том не послушались. Итак, какого извинения достойны те, которые показали свое упорство в столь великой степени? Никакого. Впрочем, (апостол) сам не говорит этого, но предоставляет совести слушателей заключить об этом на основании сказанного и в следующих словах со свойственной ему мудростью опять доказывает то же самое. Как он поступал и выше, вводя в рассуждение о законе и о народе возражения, в которых заключалось более сильное обвинение, чем сколько было нужно, потом в решении, где опровергалось обвинение, уступал в такой мере, в какой позволяли обстоятельства, чтобы не огорчить своим словом, – так поступает и здесь, говоря: *глаголю убо, еда отрину Бог люди Своя, ихже прежде разуме? Да не будет* (XI, 1). (Апостол), как бы взяв основание в сказанном, представляет себя сомневающимся и, произнеся эти грозные слова, посредством отрицаний их делает удобоприемлемым то, что он старался доказать везде выше и что раскрывает и здесь. Что же такое? То, что хотя число спасенных и невелико, но обетование непреложно. Потому не просто сказал – люди, но присовокупил: *ихже прежде разуме.* Далее, в доказательство того, что иудеи не отвержены, говорит: *ибо и аз израильтянин есмь, от семене Авраамля, колена Вениаминова.* Я, говорит, учитель, проповедник. А так как это противоречило, по-видимому, сказанному выше, именно: *кто верова слуху нашему?* и: *весь день воздех руце Мои к людем непокоривым и прекающим,* и еще: *Аз раздражу вы о не языце,* – то (апостол) не ограничился отрицанием и словом: *да не будет,* но то же самое повторяет утвердительно и говорит: *не отрину Бог людей Своих* (ст. 2). Но, скажешь, это не подтверждение, а отрицание. Так вот же тебе сперва одно, а потом и другое подтверждение. Первое, – когда (апостол) объявляет, что он и сам

иудей; если бы Бог определил отвергнуть иудеев, то не избрал бы из среды их Павла, которому вверил всю проповедь, дела целого мира, все тайны, все домостроительство человеческого спасения. Это — первый довод, а второй, за ним следующий, заключается в словах: *люди, ихже прежде разуме,* то есть о которых Он ясно знал, что они способны к принятию веры и примут ее, так как и из иудеев уверовали три тысячи и пять тысяч и великое множество.

4. А чтобы кто-нибудь не возразил: разве ты составляешь народ, и из того, что ты призван, разве следует, что призван целый народ? — (апостол) присовокупил: *не отрину людей Своих, ихже прежде разуме* (ст. 2). Он как бы так говорит: со мной есть три тысячи, есть пять тысяч, есть великое множество. Так что же? Неужели в трех, в пяти тысячах и в великом множестве людей заключается то семя, которое уподоблялось можеству небесных звезд и морскому песку? Не явно ли ты нас обманываешь и вводишь в заблуждение, когда себя и немногих с тобой выдаешь за целый народ? Не пустыми ли надеждами ты обольщаешь нас, говоря, что обетование исполнилось, тогда как все погибли, и спасение досталось в удел немногим? Это — хвастовство и кичливость, и мы не потерпим таких ложных заключений. Но чтобы иудеи не могли сказать этого, смотри, какой ответ дает (апостол) в последующих словах: не высказывая возражения, но предупреждая его, он предлагает решение на основании ветхозаветной истории. Какое же это решение? *Или не весте о Илии,* говорит он, *что глаголет Писание, яко проповедует Богови на Израиля, глаголя: Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша и аз остах един, и ищут души моея. Но что глаголет ему* (божественный) *ответ? Оставих Себе седмь тысяч мужей, иже не преклониша колена перед Ваалом. Тако убо и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть*

(ст. 2–5). Смысл этих слов таков: Бог не отверг народа, потому что если бы отверг, то никого бы не принял, а если некоторых принял, то не отверг. Но если не отверг, говоришь ты, то, значит, всех принял? Нимало. И при Илии спаслось не более семи тысяч, и ныне, вероятно, много есть уверовавших. Нисколько не удивительно, если вы и не знаете их, так как не знал их и пророк Илия, столь великий муж; но Бог устроял Свои дела, хотя пророк и не знал. Заметь же благоразумие (апостола), как он, доказывая то, что предположил доказать, незаметно увеличивает вину иудеев. Он для того вспомнил о всем этом свидетельстве, чтобы яснее обнаружить их неблагодарность и показать, что они издревле таковы. А если бы он не имел этого намерения, но хотел доказать одно то, что народ состоит из немногих, то сказал бы только, что и при Илии осталось семь тысяч. Но теперь он приводит все свидетельство с начала, так как всеми мерами старался доказать, что поступки иудеев с Христом и апостолами не представляют ничего странного, но обыкновенны у них и обратились в привычку. А чтобы они не сказали: мы убили Христа, как обманщика, и преследуем апостолов, как обольстителей, – (апостол) приводит свидетельство, в котором говорится: *Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша.* Потом, чтобы не слишком огорчить этим словом, он представляет другую причину для приведения этого свидетельства. Он приводит его будто бы не с той главной целью, чтобы обвинить их, но имея в виду доказать нечто иное; а между тем лишает их всякого извинения и в прежних делах. Смотри же, как обвинение получает особенную силу в зависимости от обличающего лица. Обличителем является не Павел, не Петр, не Иаков, не Иоанн, но тот, кому иудеи удивлялись больше всех, глава пророков, друг Божий, такой ревнитель в пользу иудеев, что решился терпеть и го-

лод, тот, кто еще и теперь не умер. Что же говорит он? *Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша, а аз остах един, и ищут души моея.* Что может быть ужаснее такого зверства? Тогда как следовало молиться о содеянных уже грехах, они намеревались убить и его. Все это лишает их всякого извинения. Ведь не во время голода, но при наступившем плодородии, когда позор уже уничтожен, бесы посрамлены, могущество Божие явлено и сам царь смирился, – они отважились на такое злодеяние, переходя от убийств к убийствам и умерщвляя учителей и тех, кто исправлял их жизнь. И что они могли сказать по поводу этого? Неужели и те были обманщиками? Неужели и о тех не знали, откуда они? Они огорчали вас? Но они же говорили и полезное. А что же жертвенники? Неужели и они огорчали? Неужели и они оскорбляли? Вот какие примеры упорства и высокомерия всегда показывали иудеи. Потому Павел и в другом месте, в послании к Фессалоникийцам, говорит: *таяжде и вы пострадаете от своих сплеменник, якоже и тии от Иудей, убивших и Господа Иисуса и Его пророки, и нас изгнавших, и Богу не угодивших, и всем человеком противящихся* (1 Сол. II, 14, 15). Подобное он и здесь говорит, – что иудеи разрушили жертвенники и избили пророков. Но что говорит ему божественный приговор? *Оставих Себе седмь тысящ мужей, иже не преклониша колена пред Ваалом.* Ты спросишь, относится ли это к настоящему времени? Вполне относится, – этим и доказывается, что Бог обыкновенно всегда спасает достойных, хотя обетование дано целому народу. То же доказывает (апостол) и выше, когда говорит: *аще будешь число сынов Израилевых яко песок морской, останок спасется,* и: *аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, якоже Содом убо были быхом.* То же доказывает и здесь, почему и присовокупляет: *тако и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть.*

5. Смотри, как каждое слово (апостола) сохраняет свою силу, выражая и благодать Божию, и благоразумие спасаемых. Словом — *по избранию* (апостол) показал достоинство спасаемых, а словом — *благодати* означил дар Божий. *Аще ли по благодати, то не от дел, зане благодать уже не бывает благодать. Аще ли от дел, ктому несть благодать: зане дело уже несть дело* (ст. 6). Апостол опять, по выше сказанному, нападает на упорство иудеев, и здесь восстает против них, и здесь лишает их извинения. Вы не можете сказать, говорит он, что, хотя пророки увещевали, Бог призывал, самые дела вопияли и соревнование достаточно было для привлечения нас, но повеления были тяжелы и поэтому мы не могли прийти, так как от нас требовали показать дела и трудные заслуги, о чем даже и нельзя сказать. Но как Бог мог потребовать от вас того, что должно было омрачать благодать Его? Говорил же он это, желая показать, как сильно хотел их спасения. Не только спасение их могло совершиться удобно, но и для Бога было бы величайшей славой явить Свое человеколюбие. Итак почему же ты побоялся приступить, когда от тебя не требуют дел? Зачем ты споришь и упорствуешь, когда предлагают тебе благодать, а ты без нужды и пользы ссылаешься на закон? Ведь законом ты себя не спасешь, а дар этот унизишь. Если ты упорно хочешь спасаться законом, то уничтожаешь благодать Божию. Потом, чтобы не признали этого новым учением, (апостол) заранее говорит, что и те семь тысяч спасены благодатью. Словами: *тако и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть* он именно показывает, что и те были спасены благодатью. То же самое видно и из слов: *оставих Себе,* которыми Бог показывает, что большую часть дела совершил Он сам. А если по благодати, говоришь ты, то почему мы не все спасаемся? Потому, что вы сами не хотите. Благодать, хотя и есть именно бла-

годать, спасает однако желающих, а не тех, которые не хотят и отвращаются ее, которые постоянно восстают на нее и противятся ей? Видишь, как (апостол) везде раскрывает ту истину, что невозможно, чтобы слово Божие не сбылось, и доказывает, что обетование исполнилось на достойных и что достойные, хотя их и немного, могут составить народ Божий (Рим. IX, 6)? В начале послания ту же мысль он выразил с большей силой, сказав: *что бо, аще не вероваша нецыи,* и не остановившись на этом присовокупил: *да будет же Бог истинен, всяк же человек лож* (Рим. III, 3, 4); и теперь он опять раскрывает эту мысль другими доводами, доказывает могущество благодати и то, что всегда одни спасаются, а другие погибают. Итак, возблагодарим Бога за то, что мы оказались в числе спасаемых и, не имея возможности спастись делами, были спасены по дару Божию. Благодарность же свою мы засвидетельствуем не словами только, но и делами и поступками. Благодарность тогда-то бывает совершенной, когда мы исполняем то, что служит к славе Божией, и когда избегаем того, от чего мы освободились. Ведь если мы, оскорбив царя, вместо того, чтобы подвергнуться наказанию, удостоены награды, потом опять оскорбили его, то справедливость требует, чтобы мы, как виновные в крайней неблагодарности, понесли и крайнее наказание, притом гораздо больше прежнего, потому что прежнее оскорбление не так доказывало нашу неблагодарность, как совершенное после оказанной нам чести и многих услуг. Потому станем избегать того, от чего мы освободились, и станем благодарить не одними устами, чтобы и о нас не было сказано: *людие сии устнами почитают Мя, сердце же их далече отстоит от Мене* (Ис. XXIX, 13). Не странно ли, что небеса возвещают славу Божию, а ты, для которого и небеса славят Бога, совершаешь такие дела, что через тебя хулится

сотворивший тебя Бог? Конечно, за это не один тот, кто хулит, но и ты сам подлежишь наказанию. Небеса славят Бога не тем, что они издают звук, но посредством созерцания побуждают других к славословию; однако и о них говорится, что они возвещают славу Божию. Так и проводящие достойную удивления жизнь, хотя безмолвствуют, но славят Бога, когда через них другие славят Его. И не столько небо, сколько чистая жизнь возбуждает удивление. Поэтому, когда мы беседуем с язычниками, то ссылаемся не на небо, но на людей, которые прежде были хуже зверей и которых Бог сделал подобными ангелам, и, указывая на эту перемену, мы заграждаем им уста.

6. Человек гораздо лучше неба и может стяжать душу, превосходнее красоты небесной. Небо, будучи видимо в течение такого продолжительного времени, убедило немногого, а Павел, проповедавший недолгое время, привлек целую вселенную, потому что обладал душой, которая не меньше неба и могла всех привлечь. Ведь наша душа не достойна и земли; а его (душа) равноценна и небесам. Небо стоит, сохраняя свой предел и закон, а высота души Павла превзошла все небеса и беседует с самим Христом; ее красота так велика, что сам Бог свидетельствует о ней. При сотворении звезд дивились ангелы, а Павлу удивился и Христос, сказавший: *сосуд избран Ми есть сей* (Деян. IX, 15). Небо часто покрывают тучи, а душу Павла не омрачило никакое искушение, но и среди бурь она являлась блистательнее ясного полдня и сияла так же, как и до мрака. Солнце, в нем сиявшее, изливало не такие лучи, которые могли бы омрачиться от стечения искушений, но при искушениях оно блистало еще больше. Потому и сказал Христос: *довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Итак, будем ему подражать, и если пожелаем, то и в сравнении с нами ничего не

будут значить ни небо, ни солнце, ни весь мир, потому что все это для нас, а не мы для этого. Покажем же, что мы достойны того, чтобы все это было создано для нас. Если же окажемся недостойными этого, то как будем достойны царства? И если недостойны смотреть на солнце те, которые живут для хулы на Бога, то богохульствующие недостойны наслаждаться и тварями, которые прославляют Бога, так как и сын, оскорбляющий отца, недостоин пользоваться услугами честных рабов. Потому творения Божии удостоятся великой славы, а мы подвергнемся наказанию и мучению. И какое будет несчастье, если тварь, для тебя призванная к бытию, преобразится в свободу славы чад Божиих, а мы, бывшие чадами Божиими, по вине которых тварь насладится тем великим блаженством, будем посланы за великое нерадение на гибель и в геенну. Потому, чтобы этого не было, мы, приобретя чистую душу, станем и сохранять ее таковой, а лучше сказать — увеличим блеск ее; а если мы осквернили душу, не будем отчаиваться. *Аще будут греси ваши*, говорит (Бог), *яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко волну убелю* (Ис. I, 18). А если Бог обещает, ты не сомневайся, но делай то, чем можешь привлечь эти обетования. Ты совершил много худых дел и преступлений? Что же? Ты не сошел еще в ад, где никто не исповедуется, ристалище еще не уничтожено, но ты стоишь среди поприща и можешь даже последней борьбой возместить всё поражения. Ты не там еще, где находится богач, и тебе еще не сказано: *между вами и нами пропасть велика утвердися* (Лк. XVI, 26). Жених еще не пришел и никто не побоится дать елея; ты еще можешь купить и оставить для запаса. Никто еще не скажет: *еда како не достанет нам и вам* (Мф. XXV, 9), но есть много продающих, есть нагие, голодные, больные, заключенные в узы. Одних накорми, других одень, лежащих посети, и елея будет у

тебя больше источников. Не наступил еще день отчета. Воспользуйся временем, как должно, уменьши долги и тому, кто должен сто мер масла, скажи: *приими писание твое, и напиши пятьдесят* (Лк. XVI, 6). Также поступай и в отношении денег, слов и всего другого, подражая тому управителю; убеждай к тому и себя и родственников. Еще ты в праве говорить это, еще не находишься в необходимости просить об этом другого, но имеешь власть давать советы и себе, и другим. А когда переселишься туда, тебе невозможно будет делать, как должно, ни того, ни другого. И справедливо. Тебе дано было столько времени, но ты не принес пользы ни себе, ни другому: как же ты сможешь получить такую милость, находясь уже в руках Судьи? Сообразив все это, станем заботиться о своем спасении и не станем губить благовременности настоящей жизни. Возможно, вполне возможно и при последнем издыхании угодить Богу; возможно и посредством завещания получить одобрение; хотя и не так удобно, как при жизни, однако можно. Как же именно? Если в число своих наследников впишешь Христа и уделишь Ему часть из всего наследства. Ты не напитал Его при жизни своей? По крайней мере после смерти, когда ты уже не господин своего имения, передай его Христу: Он человеколюбив и не строго с тебя взыскивает. Конечно, и любовь больше и награда больше, если питаешь Его при жизни своей, но если ты и не сделал этого, то, по крайней мере, исполни второе, оставь Его сонаследником своего имущества вместе с детьми своими. А если ты не решаешься и на это, то вспомни, что Отец Его сделал тебя сонаследником Его, и изгони свое бесчеловечие. В самом деле, какое извинение ты будешь иметь, если вместе со своими детьми не сделаешь участником и Того, Кто сделал тебя участником неба и умерщвлен ради тебя? Конечно, сам Он, что ни сделал, сделал не в уплату долга, но для

обнаружения благодати, а ты и после стольких благодеяний остался еще и должником Его. Однако, при всем этом, Он венчает тебя, как будто получает от тебя милость, а не долг взыскивает, тогда как в действительности получает от тебя только Свое.

7. Итак, отдай ему деньги, для тебя уже бесполезные, над которыми ты и не господин, а Христос даст тебе царство, всегда для тебя полезное, а вместе с ним дарует тебе и здешние блага. Если Он будет сонаследником детей твоих, то облегчит их сиротство, избавит от обид, отразит злоумышления, заградит уста клеветников; если дети твои не будут в состоянии защитить завещание, то Он сам это сделает, и не допустит нарушить. А если и допустит, то сам по Себе исполнит все написанное с большей щедростью, потому что ты и Его удостоил вписать вместе с детьми. Потому, оставь Его своим наследником; ведь ты к Нему должен идти и Он будет судить тебя во всем здесь совершенном. Но есть и такие несчастные и жалкие люди, которые, не имея у себя детей, не соглашаются это сделать, а предпочитают разделить свое имущество сотрапезникам и льстецам, охотнее отдать тому или другому, нежели Христу, столько их облагодетельствовавшему. Что может быть неразумнее таких людей? Если ты сравнишь их с ослами или с камнями, то и тогда не выразишь вполне их неразумия и бесчувственности, не найдешь и примера, которым можно было бы достаточно изобразить их безумие и нерассудительность. И какое найдут себе оправдание те, которые не только не накормили Христа при жизни своей, но, и собираясь идти к Нему, из того самого имущества, которым они уже не владеют, не хотят подарить Ему и малой доли, но питают к Нему столь враждебные и неприязненные чувства, что не уделяют Ему даже того, что для них самих сделалось бесполезным? Разве ты не видишь сколько людей не удостоились

иметь и такой конец, но похищены внезапно? Бог сделал тебя господином для того, чтобы ты смотрел за принадлежащим тебе, сказал свое слово и распорядился всей своей собственностью. Какое же ты будешь иметь оправдание, когда, получив от Него такую великую милость, пренебрегаешь Его благодеянием и ведешь себя совершенно противно тому, как вели себя твои праотцы по вере? Они еще при жизни своей продавали все и приносили к ногам апостолов, а ты и при смерти не даешь никакой доли нуждающимся. Хотя освобождать других от нищеты при жизни своей и лучше и подает многое дерзновение, но ты, если не захотел того, по крайней мере при смерти сделай что-нибудь доблестное. Не большую, правда, любовь ко Христу означает это, однако – любовь. Ведь если и не будешь иметь первенства с агнцами, но немаловажно находиться и позади них, а не стоять с козлищами и ошуюю. А если ты не исполняешь и этого, то что скажешь в защиту свою, как скоро не делают тебя человеколюбивым ни страх смерти, ни то, что деньги становятся уже для тебя бесполезными, ни то, что доставишь безопасность детям, ни то, что и себе приобретешь там великое снисхождение? Потому советую преимущественно при жизни своей уделять большую часть имущества нуждающимся. А если некоторые настолько малодушны, что не могут решиться на это, те, хотя бы по необходимости, пусть сделаются человеколюбивыми. При жизни своей ты был так пристрастен к деньгам, как будто был бессмертным, но теперь, когда сам видишь, что ты смертен, хоть теперь оставь такую мысль и распорядись своим добром, как смертный, или, лучше сказать, как назначенный постоянно наслаждаться бессмертной жизнью. Как ни тяжко, как ни ужасно то, что намерен сказать я, однако необходимо это сказать: Владыку причисли к рабам своим. Ведь ты отпус-

каешь на волю рабов? Освободи и Христа от голода, нужды, уз и наготы. Ты пришел в ужас, услышав это? Гораздо ужаснее будет, если не сделаешь этого. Здесь одно слово приводит тебя в трепет, но что скажешь там, когда переселишься туда, услышишь слова гораздо более ужасные и когда увидишь орудия нестерпимого мучения? К кому ты прибегнешь? Кого призовешь союзником своим и помощником? Авраама ли? Но он не услышит. Или мудрых дев? Но они не дадут тебе елея. Отца или деда? Но никто из них, сколько бы ни был свят, не властен отменить грозного приговора. Размыслив о всем этом, проси и моли Того, Кто один властен загладить твое рукописание и угасить вечный огонь, Его преклони на милость, всегда питая и одевая, чтобы и отсюда тебе отойти с благой надеждой, и, явившись туда, насладиться вечными благами, которых достигнуть да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIX

Что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи, а избрание получи: прочии же ослепишася (XI, 7)

1. (Апостол) сказал, что Бог не отверг Своего народа и, объяснив, в каком смысле Он не отверг, прибег снова к пророкам и доказал на основании их, что большая часть иудеев погибла; но, чтобы не подумали, что он обвиняет их самовольно, оскорбляет своей речью и нападает на них, как враг, он прибегает к Давиду и к Исаии, говоря: *якоже есть писано: даде им Бог духа умиления* (ст. 8). Но нам лучше начать речь со сказанного выше. (Павел), упомянув о случившемся при Илии и

показав, что такое благодать, присовокупил: *что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи.* Это не только вопрос, но и обличение. (Апостол) говорит, что иудей борется сам с собой, ищет оправдания и не хочет принять его. Потом, снова лишая иудеев оправдания, он доказывает их неблагодарность тем, что некоторые получили, и говорит: *а избрание получи.* Избранные и осуждают иудеев, как и Христос сказал: *аще же Аз о веельзевуле изгоню бесы, сынове ваши о ком изгонят? Сего ради тии вам будут судии* (Лк. XI, 19). Чтобы никто не осуждал самое свойство дела, а всякий винил настроение иудеев, (апостол) и упоминает о получивших, а потому и употребил весьма выразительное слово, изображающее вместе и благодать свыше, и собственное их старание. Он сказал – *получи* – не с целью отвергнуть свободную волю, но чтобы обозначить величие благ и то, что большее, хотя и не все, было свойственно благодати. И у нас о человеке, которому выпала большая выгода, есть обычай говорит: такой-то получил, или нашел, – потому что большая часть приобретается не человеческими трудами, но по дару Божию. *Прочии же ослепишася.* Заметь, когда отвержение остальных (апостол) осмелился назвать собственным именем. Он и прежде говорил об этом, но обвинителями представлял пророков, а теперь сам уже является обвинителем. Однако и здесь не довольствуется собственным своим мнением, но опять указывает на пророка Исаию; сказав – *ослепишася,* присовокупил: *якоже есть писано, даде им Бог духа умиления.* Откуда же произошло это ослепление? (Апостол) и прежде объяснил причины его и всю вину сложил на голову самих иудеев, доказывая, что они подверглись ослеплению за неуместное упорство; и теперь он повторяет то же самое. Когда говорит: *очи не видети, и уши не слышати,* обвиняет не иное что, как упорную их волю. Имея очи, чтобы видеть чудеса, получив уши, чтобы

слышать чудесное учение, они ни теми, ни другими не воспользовались, как должно. Под словом же — *даде* разумей здесь не содействие, а попущение. Умилением же здесь (апостол) называет навык души к худшему, совершенно неисцелимый и неисправимый. И в другом месте Давид говорит: *яко да воспоет тебе слава моя, и не умилюся* (Пс. XXIX, 13), то есть не переменюсь. Как умилившийся в благочестии не легко изменяется, так и умилившийся во зле тоже с трудом может уклоняться от него, потому что умилиться значит не иное что, как укрепиться и прилепиться к чему-нибудь. Потому (апостол), желая выразить, что воля иудеев неисцелима и трудно исправима, назвал это духом умиления. Потом в доказательство того, что иудеи за такое неверие подвергнутся крайнему наказанию, опять ссылается на пророка, который угрожает им тем именно, что с ними случилось и исполнилось. Пророк именно говорит: *да будет трапеза их в сеть, и в лов, и в соблазн* (ст. 9), то есть роскошь и все блага пусть минуют и погибнут и пусть они будут легко обладаемыми для всех. А чтобы видно было, что иудеи переносят это в наказание за грехи, (Давид) присовокупил: *и в воздаяние им. Да помрачаются очи их, еже не видети и хребет их выну сляцай* (ст. 10). Нужно ли здесь какое-либо толкование? Не ясно ли это и для совсем неразумных? Еще прежде наших слов случившийся исход событий засвидетельствовал сказанное пророком. Когда иудеи были столь легко захвачены, когда легко пленены? Когда был так согбен хребет их? Когда они подвергались столь великому рабству? И важнее всего то, что этим бедствиям не будет конца, как намекнул пророк. Он не просто сказал: *хребет их сляцай*, но и присовокупил: *выну*. Если же ты, иудей, утверждаешь, что бедствия кончатся, то суди о настоящем по прошедшему. Ты отправился в Египет, но прошло двести лет, и, при всем твоем нечестии и при самом тяж-

ком твоем блудодеянии, Бог скоро освободил тебя от этого рабства. По освобождении из Египта, ты поклонился тельцу, принес сынов своих в жертву Веелфегору, осквернил храм, погрузился во все виды порока, забыл самую природу, наполнил мерзкими жертвами горы, дебри, холмы, источники, реки, сады, убил пророков, опрокинул жертвенники и в высшей степени преуспел в пороках и нечестии; однако Бог, предав тебя вавилонянам на семьдесят лет, опять извел в прежнюю свободу, возвратив тебе и храм, и отечество, и древний образ пророчества; опять у тебя были и пророки, и благодать Духа, а лучше сказать, даже и во время самого плена ты не был оставлен, но и там были у тебя Даниил и Иезекииль, а в Египте Иеремия и в пустыне Моисей.

2. После этого ты снова обратился к прежним порокам, предался распутству и при нечестивом Антиохе установил эллинский образ жизни. Но и тогда, три года или немного больше пробыв в подданстве у Антиоха, через Маккавеев вы опять воздвигли себе знаменитые победные памятники. Но теперь у вас нет ничего подобного, а все пошло иначе. И особенно удивительно то, что прежние пороки прекратились, а наказание увеличено и нет никакой надежды на перемену вашего положения. Прошло не семьдесят, не сто и не двести лет, но триста и гораздо более, однако же нельзя найти и тени подобной надежды, и при том тогда́, когда вы не служите идолам, не делаете ничего такого, на что отваживались прежде. Какая же причина этого? Та, что образ заменен истиной и закон исключен благодатью. Издревле предрекая это, пророк и сказал: *хребет их выну слячай.* Замечаешь ли точность пророчества, как оно предсказало неверие, показало упорство, обнаружило следующий затем суд и обозначило нескончаемость наказания? Так как многие из

людей наиболее грубых не верили будущему и хотели судить о будущем по настоящему, то Христос и в этом случае доказал Свое могущество двояким образом, как тем, что уверовавших язычников превознес выше неба, так и тем, что неуверовавших иудеев привел в крайнюю нищету и предал неотвратимым бедствиям. Итак, апостол, сильно поразив их изображением их неверия, а равно прошедших и будущих бедствий, снова утешает следующими словами: *глаголю убо: еда согрешиша, да отпадут? Да не будет* (ст. 11). Когда (апостол) доказал, что иудеи, подвержены бесчисленным бедствиям, он потом придумывает и утешение. И обрати внимание на благоразумие Павла: обвинение он заимствовал у пророков, а утешение предлагает сам от себя. Никто не будет спорить, говорит (апостол), что грехи иудеев велики, но посмотрим, действительно ли падение их так велико, что нельзя помочь ему и нет средств исправить дело. Нет, оно не таково. Замечаешь ли, как он снова касается их и, в ожидании утешения, представляет виновными в грехах, в которых они и сами сознаются? Но посмотрим, какое он придумывает для них утешение. Какое же это утешение? Когда войдет вся полнота язычников, тогда говорит (апостол), весь Израиль спасется, то есть во время второго пришествия и при конце мира. Но не тотчас говорит об этом (Павел), а после сильных упреков, после того, как приложил обвинения к обвинениям, после того как раз, два и многократно привел свидетельства одного пророка за другим — Исаии, Илии, Давида, Моисея, Осии, которые все вопиют против них. Но чтобы этим не ввергнуть иудеев в отчаяние и не заградить пути к вере, а уверовавшим из язычников не дать повода к высокомерию, чтобы они, возгордившись, не потерпели ущерба в вере, (апостол) снова утешает иудеев, говоря: *но тех падением спасение языком.* Мы должны не просто слушать то, что говорится, но

вникать в мысль и намерение говорящего, в то, чего он старался достигнуть, о чем и всегда умоляю любовь вашу. Если мы с таким размышлением будем принимать каждое слово, то ни в одном не встретим затруднения. А в настоящем случае главная цель (апостола) состоит в том, чтобы в уверовавших из язычников истребить высокомерие, которое могло возникнуть под влиянием сказанного выше; ведь язычники, научившись скромности, таким образом безопаснее пребудут в вере, а иудеи, освободившись от отчаяния, охотнее приступят к благодати. Итак, обращая внимание на эту цель (апостола), выслушаем все сказанное им в настоящем месте. Что же он говорит? Чем доказывает, что иудеи пали не безнадежно, и что они не в конец отвержены? Указанием на язычников, говоря так: *тех падением спасение языком, во еже раздражити их*. Это не апостола только слова, но и притчи в евангелиях имеют такой же смысл. Так, устроивший брачный пир для сына тогда уже стал звать с распутий, когда не захотели прийти званные (Мф. XXII, 9). И насадивший виноградник тогда только отдал его другим виноградарям, когда первые убили наследника (Мф. XXI, 38). И кроме притчи (Христос) говорил: *немь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (Мф. XV, 24). А когда стала приступать к нему хананейская женщина, Он сказал и еще больше: *несть добро отъяти хлеба чадом, и поврещи псом* (ст. 26). И Павел к восставшим против него иудеям сказал: *вам бе лепо первее глаголати слово Божие: а понеже недостойны творите сами себе, се обращаемся во языки* (Деян. XIII, 46).

3. И всем этим он показывает, что порядок событий был таков: сперва следовало прийти иудеям, а потом язычникам; но так как иудеи не уверовали, порядок изменен, и неверие и падение иудеев сделали то, что язычники вошли прежде. Потому (апостол) и говорит: *тех падением спасение языком, во еже раздражити их*. И не

дивись, если прежде случившимся он называет то, что было следствием: он хочет ободрить пораженные их сердца; а смысл слов его таков: Иисус пришел к иудеям, но они, несмотря на великое множество совершенных Им чудес, не приняли Его, а распяли; после этого Он начал привлекать к Себе язычников, чтобы их честь уязвила бесчувственность иудеев и хотя бы взаимным соревнованием убедить их прийти к Нему, так как надлежало прежде принять иудеев, а потом и нас, почему и сказал (апостол): *сила бо Божия есть во спасение всякому верующему, Иудеови же прежде, и Еллину* (Рим. I, 16). А так как иудеи удалились, мы — вторые стали первыми. Вот видишь, какую честь он выводит для них и из этого. Во-первых, — ту, что мы призваны тогда уже, когда они не захотели; во-вторых, — ту, что мы призваны не для нашего единственно спасения, но чтобы и они сделались лучше, возревновав нашему спасению. Что же, скажет кто-нибудь. Неужели мы не были бы призваны и спасены, если бы это не стало нужным ради иудеев? Конечно, не были бы призваны и спасены прежде иудеев, а спаслись бы в надлежащем порядке. Потому и (Христос), посылая учеников, не просто сказал: *идите ко овцам погибшим дому Израилева*, но: *идите паче* (Мф. X, 6), — показывая тем, что после иудеев должно идти и к язычникам. И Павел опять не сказал: вам бе лепо глаголати слово, но: *вам бе лепо первее глаголати* (Деян. XIII, 46), — показывая, что во второй прием надлежало проповедовать и нам. Все же это и сделано и сказано для того, чтобы иудеи не прибегали к бесстыдному извинению, будто они были оставлены без внимания, а потому и не уверовали. Потому и Христос, хотя все предвидел, однако пришел к ним первым. *Аще ли же прегрешение их богатство мира, и отпадение их богатство языков, кольми паче исполнение их* (19)? Здесь (апостол) говорит приятное иудеям. Если бы они и тысячекратно пали, то языч-

ники не спаслись бы, не приняв веры; а равно и иудеи не погибли бы, если бы не впали в неверие и упорство. Но, как сказал я, (апостол) утешает падших иудеев, в совершенстве доказывая, что они могут надеяться на свое спасение, если переменятся. Если, говорит (апостол), столь многие получили спасение, когда они (иудеи) преткнулись; и столь многие были призваны, пока они были отвержены, то подумай, что будет, когда они обратятся. Не сказал: кольми паче обращение их, или изменение их, или исправление, но: *кольми паче исполнение их*, то есть когда все они придут ко Христу. А этими словами он показывает, что тогда будет большая и почти полная мера благодати и дара Божия. *Вам бо глаголю языком, понеже убо есмь аз языком апостол, службу мою прославляю, аще како раздражу мою плоть, и спасу некия от них* (ст. 13, 14). (Апостол) опять старается освободить себя от дурного подозрения и хотя, по-видимому, наносит удар обратившимся из язычников, смиряя их высокое о себе мнение, но слегка поражает и иудея; он ищет, чем бы прикрыть такую погибель иудеев и утешить их в этом, однако ничего не находит по сущности самого дела. На основании того, что он сказал, иудеи достойны были еще большего осуждения, когда другие, будучи гораздо ниже их, приняли то, что для них было приготовлено. Потому от иудеев он переходит к язычникам и помещает вводную речь о них, желая показать, что все это он говорит для того, чтобы научить их скромности. Хвалю вас, говорит он, по двум причинам: во-первых, потому, что имею в этом необходимость, как назначенный для служения вам, а во-вторых, чтобы через вас спасти мне других. И не говорит: братий моих, сродников моих, но: *плоть*. Потом, указывая на их упорство, не говорит: не могу ли как-нибудь убедить, но: *аще како раздражу и спасу*, и при этом опять не говорит: всех, но: *некие от них:* так жестокосерды были иудеи. И опять

в самом упреке (апостол) обнаруживает превосходство язычников; хотя иудеи и язычники взаимно служат друг другу в деле спасения, однако неодинаково: иудеи доставляют блага язычникам неверием своим, а язычники иудеям своей верой. Отсюда видно, что язычники и равны с иудеями и превосходят их.

4. Но что можешь сказать ты, иудей? Если бы мы не были отвержены, то вы не были бы призваны так скоро? Это говорит и язычник: если бы я не был спасен, в тебе не возникла бы ревность. А если ты желаешь узнать, в чем мы превосходим, то – скажу тебе – я спасаю тебя тем, что уверовал, а ты, преткнувшись, даровал нам возможность прийти прежде тебя. Потом (апостол), чувствуя, что нанес удар иудеям, обращается к прежней речи и говорит: *аще бо отложение их примирение миру, что приятие, разве жизнь из мертвых* (ст. 15)? Но и это опять обвиняет иудеев, как скоро другие извлекли для себя выгоду из их грехов, а они не воспользовались даже добрыми делами других. Не удивляйся также, если (апостол) приписывает иудеям то, что случилось по необходимости, – он, как я говорил неоднократно, ведет так речь, чтобы одних смирить, а других ободрить. Между тем, как я сказал выше, если бы иудеи тысячу раз были отвергнуты, а язычники не показали веры, то последние никогда бы и не спаслись. Но (апостол) содействует слабой стороне и помогает утружденной. Вникни же и в то, в чем он угождает иудеям, утешая их только на словах. *Аще бо отложение их*, говорит он, *примирение миру*. А что из того иудеям? *Что приятие, разве жизнь из мертвых?* Но и в этом нет для них пользы, если бы они не были приняты. А что говорит (апостол), означает следующее: если Бог, прогневавшись на иудеев, оказал столько милости другим, то чего Он не дарует им, после того как примирится с ними? Но как воскресение мертвых зависит не от принятия их, так не от

них же и нынешнее наше спасение. Напротив, они были отвержены за свое неразумие, а мы спаслись своей верой и благодатью свыше. И все это не может принести им никакой пользы, если они не покажут надлежащей веры. Затем (апостол), по обыкновению своему, переходит к новой похвале, но не действительной, а только кажущейся, подражая искуснейшим врачам, которые также ободряют больных, насколько позволяет свойство болезни. Что же говорит он? *Аще ли начаток свят, то и примешение: и аще корень свят, то и ветви* (ст. 16). Начатком и корнем он называет здесь Авраама, Исаака, Иакова, пророков, патриархов и всех прославившихся в Ветхом Завете, а ветвями тех из потомков их, которые уверовали. Потом, так как иудеи противопоставляли ему многочисленность неуверовавших, то смотри, как он опровергает такое возражение и говорит: *аще нецыи от ветвей отломишася* (ст. 17). Но ведь выше ты, (Павел), выше сказал, что погибли очень многие, немногие же спаслись, – как же здесь, говоря о погибших, употребляешь слово: *нецыи,* указывающее на немногих? Я не противоречу себе, отвечает (апостол), но спешу уврачевать и привлечь утружденных. Замечаешь ли, как в целой этой речи он обнаруживает одно намерение, именно желание утешить иудеев? А если потеряешь это из вида, то получится много противоречий. Ты обрати еще внимание на мудрость (апостола), как он, по-видимому, говорит в пользу иудеев и придумывает для них утешение, но незаметно поражает их и словами – *корень* и *начаток* – показывает, что они не имеют никакого извинения. В самом деле, подумай о негодности ветвей, когда они, имея сладкий корень, не уподобляются ему, и о негодности месива, когда оно не изменяется от начатка. *Аще ли нецыи от ветвей отломишася.* Отломилась большая часть ветвей, но (апостол), как я сказал, хочет утешить иудеев, потому приводит не

свои собственные, но их слова, и этим незаметно уязвляет их, доказывая, что они отступили от родства с Авраамом; это именно (апостол) и старался сказать, то есть что у иудеев нет ничего общего с Авраамом. Если корень свят, а они не святы, то значит, они далеки от корня. Потом, по-видимому, утешая иудея, снова поражает его своим обвинением язычников. Сказав: *аще нецыи от ветвей отломишася,* присовокупил: *ты же дивия маслина сый, прицепился еси в них.* Насколько малоценнее был язычник, настолько более скорбит иудей, видя, что он наслаждается его достоянием; язычнику же не столько велик стыд от его малоценности, сколько велика честь от его перемены. И заметь мудрость (апостола); он не сказал: ты посажен, но: *прицепился еси,* чем опять уязвляет иудея, и показывает, что язычник стал на дереве вместо иудея, а иудей лежит на земле. А потому не остановился на этом и, сказав: *прицепился еси,* не кончил речи, хотя уже и все сказал этим, но продолжает описывать благоденствие язычника и распространяется в изображении чести, говоря: *и причастник корене и масти маслинныя сотворился еси.* И, по-видимому, (апостол) поставил язычника в положение какого-то добавления, однако показывает, что он от этого не терпит никакого вреда, а имеет все, что свойственно ветви, вышедшей от корня. И чтобы ты, услышав: *ты же прицепился еси,* не подумал, что язычник унижен в сравнении с природной ветвью, смотри, как (апостол) равняет его, говоря: *и причастник корене и масти маслинныя сотворился еси,* то есть получил то же благородство и ту же природу. Потом, сказав с упреком: *не хвалися на ветви* (ст. 18), (апостол), по-видимому, утешает иудея, на самом же деле показывает его малоценность и большое бесчестье. Потому не сказал: не хвались, но: *не хвалися на ветви,* не превозносись перед ними, как перед отломленными, потому

что ты поставлен на их место и пользуешься тем, что им принадлежало.

5. Видишь ли, как по-видимому укоряет язычников, а на самом деле уязвляет иудеев? *Аще ли же хвалишися,* продолжает, *не ты коренъ носиши, но коренъ тебе* (ст. 18). Что же от этого пользы отломленным ветвям? Ничего. Как я уже заметил, (апостол) придумывая, по-видимому, и некоторую слабую тень утешения, даже тем самым, чем укоряет язычников, наносит смертельный удар иудеям. Сказав: *не хвалися на ветви,* и: *аще ли хвалишися, не ты коренъ носиши,* он показал иудею, что совершившееся достойно того, чтобы им хвалиться, хотя и не должно хвалиться; а этим возбуждает и поощряет его к вере, представляет себя защитником его, показывает ему понесенный им ущерб и то, что другие владеют его собственностью. *Речеши убо: отломишася ветви, да аз прицеплюся* (ст. 19). Опять в виде возражения раскрывает противоположное прежнему, показывая, что и незадолго перед этим сказанное он говорил не с иным каким намерением, а единственно для привлечения иудеев. Спасение язычников произошло не вследствие прегрешений иудеев и не прегрешение их есть богатство миру, а равно мы спаслись не потому, что они пали, но совершенно напротив. (Апостол) показывает особенный о язычниках промысл, хотя по-видимому слова выражают иное, и все это место излагает в виде возражения, освобождая себя от подозрения в неприязненности и делая речь свою удобоприемлемой. *Добре* (ст. 20). (Апостол) похвалил сказанное, а потом снова устрашает, говоря: *неверием отломишася, ты же верою прицепился.* Вот опять новая похвала язычникам и новое обвинение иудеев. Но (апостол) опять низлагает кичливость первых, присовокупляя и говоря: *не высокомудрствуй, но бойся.* Это не дело природы, но дело веры и неверия. И по-видимому он опять заграждает уста язычнику, но на самом деле по-

учает иудея, что не должно обращать внимания на естественное родство, почему и присовокупляет: *не высокомудрствуй,* и не сказал: смиряйся, но: *бойся,* так как высокомерие производит презрение и нерадение. Потом, намереваясь в печальном виде изобразить их несчастье и сделать свою речь менее неприятной, он излагает это в виде предостережения для язычника, и сказав: *аще бо Бог естественных ветвей не пощаде* (ст. 21), не продолжил так: и тебя не пощадит, но говорит: *да не како и тебе не пощадит.* Таким образом, исключая из речи жесткие выражения и побуждая верующего быть деятельным, он иудеев привлекает, а язычников смиряет. *Виждь убо благость и непощадение Божие: на отпадших убо непощадение, а на тебе благость, аще пребудеши в благости, аще ли же ни, то и ты отсечен будеши.* (Апостол) не сказал: видишь заслуги свои, видишь труды свои, но: видишь человеколюбие Божие, показывая этим, что все совершено благодатью свыше, и располагая тебя к трепету. Самое основание похвалы заставляет тебя бояться. Владыка стал к тебе милостив, потому и бойся, – ведь блага не остаются у тебя неотъемлемыми, если ты сделаешься нерадив; равно как и для иудеев не неотвратимо зло, если они переменятся. И ты будешь отсечен, говорит (апостол), если не пребудешь в вере. *И они же, аще не пребудут в неверствии, прицепятся* (ст. 23), потому что не Бог отсек их, но они сами отломились и отпали. И прекрасно сказал (апостол): отломились. Бог никогда их так не отвергал, хотя они согрешали многократно и во многом. Замечаешь ли, какова сила свободы и какова власть воли? Ничто не остается без изменения, ни твое благо, ни его зло. Видишь ли, как (апостол) и восстановил отчаивающегося иудея, и смирил самонадеянного язычника? И ты, иудей, слыша о строгости, не приходи в отчаяние; и ты, язычник, слыша о благости, не надейся на себя. Бог не пощадил тебя и отсек для того, чтобы

ты пожелал возвратиться; а тебе оказал благость для того, чтобы ты пребывал: не сказал (апостол) — в вере, но — *в благости,* то есть чтобы ты делал достойное Божия человеколюбия, потому что требуется не одна вера. Замечаешь ли, как (апостол) не позволяет одним лежать, а другим высокомудрствовать, но первых возбуждает к соревнованию, на примере язычников показывая иудею возможность снова стать на их месте, так же, как язычник наперед занял место иудея? Чтобы язычники не превозносились перед иудеями, (апостол) устрашает их примером иудеев и тем, что с ними случилось, а иудею внушает смелость тем, что сделано для эллина. И ты будешь отсечен, говорит (апостол) язычнику, если вознерадишь. И иудей отсечен, но он прицепится, если постарается, потому что и ты прицепился. И вполне разумно (апостол) обращает всю речь к язычнику, как он обыкновенно и всегда делает, исправляя слабых ударом, наносимым более сильным. То же самое он делает и в конце послания, рассуждая о разборчивости в яствах. Потом он доказывает то же самое не только будущим, но и прошедшим, так как это сильнее убеждает слушателя. И намереваясь соблюсти бесспорную последовательность суждений, он прежде всего предлагает доказательство на основании всемогущества Божия. Хотя иудеи отсечены и отвержены и другие заступили их место, но ты, при всем том, не отчаивайся. *Силен бо есть* Бог, говорит он, *паки прицепити их,* так как Он производит и то, что сверх надежды.

Но если ты ищешь ряда событий и последовательности заключений, то на себе самом имеешь вполне достаточный пример. *Аще бо ты,* говорит (апостол), *от естественныя отсечен дивия маслины, и через естество прицепился еси к добрей маслине, кольми паче сии, иже по естеству, прицепятся своей маслине* (ст. 24)? Если вера смогла произвести то, что не по природе, тем более произведет

то, что согласно с природой. Если язычник, отсеченный от естественных своих родителей, не по природе присоединился к Аврааму, тем более можешь ты получить свое собственное. Язычнику по природе свойственно зло, так как он по природе и был дикой маслиной; добро же не в его природе и не по природе он прицепился к Аврааму. А тебе, напротив, по природе свойственно добро; ты, если захочешь возвратиться, утвердишься не на чужом, как язычник, а на собственном корне. Итак, можешь ли ты быть достоин какого-либо извинения, когда для язычника стало возможным то, что не в его природе, а ты оказался не в силах сделать то что в твоей природе, и даже погубил это? Затем, так как (апостол) сказал: *через естество,* и: *прицепился еси,* то, чтобы ты не подумал, что иудей имеет перед тобой некоторое преимущество, он опять устраняет такое заключение, говоря, что и иудей привьется. *Кольми паче сии,* говорит он, *иже по естеству, прицепятся своей маслине?* И еще: *силен Бог прицепити их.* И выше сказал: *аще не пребудут в неверствии, прицепятся.* А всякий раз, как слышишь, что (апостол) постоянно употребляет выражение: *через естество* и: *по естеству,* не подумай, что он разумеет здесь эту непреложную природу, но этими наименованиями он означает как сообразное и соответствующее, так и несообразное природе. Добрыми и злыми бывают не естественные действия, а только действия ума и воли. Заметь же, как (апостол) смягчает речь свою. Сказав язычнику, что он будет отсечен, если не пребудет в вере, а также иудеям, — что и они привьются, если не пребудут в неверии, (апостол), умолчав о более неприятном, упоминает только о более приятном и на этом оканчивает свою речь, подавая иудеям большие надежды, если только они сами пожелают. Потому и продолжает так: *не бо хощу вас не ведети тайны сея, братия, да не будете о себе мудри* (ст. 26). Тайной назы-

вает он здесь неизвестное и сокровенное, в чем много и чудесного и непонятного. Так и в другом месте говорит: *се тайну вам глаголю: вси бо не успнем, вси же изменимся* (1 Кор. XV, 51). В чем же состоит эта тайна? *Яко ослепление от части Израилеви бысть.* Здесь опять наносит удар иудею, хотя, по-видимому, унижает и язычника. Разумеет же он под этим то же, что говорил и выше, именно, что не со стороны всех иудеев было неверие, а лишь со стороны *части,* как он и говорил: *аще ли кто оскорбил мене, не мене оскорби, но от части, да не отягчу всех вас* (2 Кор. II, 5); и в другом месте: *аще вас прежде от части насыщуся* (Рим. XV, 24). Так и здесь он выражает то же, о чем говорил выше: *не отрину Бог людей Своих, ихже прежде разуме,* и еще: *еда согрешиша, да отпадут? Да не будет.* И здесь он подтверждает это именно, что не целый народ отвержен, но многие уже уверовали, или должны уверовать впоследствии. А так как он возвестил о важном, то приводит в свидетели пророка, говорящего то же. Что произошло ослепление, (апостол) не представляет свидетельства, так как это для всех очевидно, а что иудеи уверуют и спасутся, он опять указывает на Исаию, который восклицает и говорит: *приидет от Сиона избавляяй, и отвратит нечестие от Иакова* (ст. 26). Потом, указав на знамение спасения, чтобы кто-нибудь не отнес и не приложил его ко временам прошедшим, говорит: *и сей им от Мене завет, егда отъиму грехи их* (ст. 27, сравн. Ис. LIX, 20, 21; XXVII, 9). Не тогда совершится это, когда они будут обрезываться, приносить жертвы, совершать и прочие законные дела, но когда получат отпущение грехов. А если это предвозвещено и еще не исполнилось на иудеях, которые еще не получили отпущения грехов посредством крещения, то несомненно исполнится. Потому (апостол) и присовокупил: *нераскаянна бо дарования и звание Божие* (ст. 29). Но не этим одним он утешает их, а и тем, что уже случилось, и при

этом случившееся впоследствии ставит как происшедшее раньше, говоря так: *по благовествованию убо вразu вас ради, по избранию же возлюблени отец ради* (ст. 28). Чтобы язычник не гордился, говоря: «вот я перед тобой, говори мне не о том, что может случиться, но что уже случилось», — (апостол) удерживает его от этого, говоря: *по благовествованию убо врази вас ради.* Так как вы были призваны, то они сделались упорнее.

7. Однако Бог и при этом не пресек вашего призвания, но ожидает, пока войдут все, имеющие уверовать из язычников, и тогда уже придут и иудеи. Потом (апостол) дарует иудеям еще новое утешение, говоря: *по избранию же возлюблени отец ради.* Что же это такое? Где враги, их ожидает наказание, а где возлюбленные, им добродетель предков не принесет никакой пользы, если они не уверуют. Впрочем, как я заметил прежде, (апостол) не перестает утешать их словами, чтобы привлечь. Потому, раскрывая сказанное выше и иным путем, он продолжает: *якоже бо и вы иногда противистеся Богови, ныне же помиловани бысте сих ради противления: такожде и сии ныне противишася вашей милости, да и тии помиловани будут. Затвори бо Бог всех в противление, да всех помилует* (ст. 30–32). Здесь (апостол) показывает, что прежде были призываемы язычники, а потом, когда они не захотели, избраны иудеи, и что впоследствии опять случилось то же самое: так как иудеи не захотели веровать, то снова были призваны язычники. Но (апостол) не останавливается и на этом и все обращает не к тому, что иудеи отвержены, а к тому, что и они опять будут помилованы. Смотри: он язычникам дает столько же, сколько прежде дал иудеям. Так как вы, язычники, говорит (апостол), были некогда непослушны, то пришли иудеи; и опять, так как они стали непослушными, пришли вы. Однако они не совсем погибнут, потому что Бог *затвори всех в противление,* то есть всех обличил,

показал непослушными, не для того, чтобы остались непослушными, но для того, чтобы упорством одних спасти других, иудеев через язычников, и язычников через иудеев. Смотри же: вы были непослушны, и они спаслись; потом они стали непослушными, и вы спасены, но спасены не для того, чтобы снова удалиться, подобно иудеям, но для того, чтобы и их привлечь, побудив к соревнованию. *О глубина богатства и премудрости и разума Божия, яко не испытани судове Его* (ст. 23)! Здесь, обратившись мыслью к первым временам, размыслив о древнем Божием домостроительстве от начала мира и до настоящих событий, рассудив о том, как разнообразно Бог все устроял, (апостол) пришел в изумление и воскликнул, удостоверяя тем слушателей, что несомненно совершится то, о чем он сказал. Иначе он не стал бы восклицать и изумляться, если бы это не могло вполне осуществиться. И он знает, что это глубина, но какая глубина, этого не знает. Это речь человека изумляющегося, но не такого, который знает все. Исполненный же удивления и изумления перед благостью, он возвестил о ней двумя выразительными словами, какие нашел: *богатство* и *глубина;* в изумление он приведен тем, что Бог и захотел, и смог совершить это, и произвел противоположные действия одно другим: *яко не испытани судове Его.* Не только невозможно постигнуть это, но даже и исследовать. *И неисследовани путие Его,* то есть способы домостроительства, потому что и их не только невозможно познать, но даже и исследовать. И я, говорит (апостол), не все нашел, но малую часть, далеко не все; один Бог совершенно знает Свои дела. Потому (апостол) и присовокупил: *кто бо разуме ум Господень? или кто советник Ему бысть? или кто прежде даде Ему, и воздастся ему* (ст. 34, 35)? Эти слова означают то, что Бог, будучи так премудр, не от другого заимствует премудрость, но сам есть источник благ; что Он,

столько для нас совершивший и столько нам даровавший, не заимствованное у другого дал нам, но излил это от Себя; что Он никого не должен вознаграждать, как взявший что-либо у другого, но всегда сам есть главный виновник благ.

Богатство в том преимущественно и состоит, чтобы во всем иметь изобилие и ни в чем не одолжаться другому. Потому (апостол) и присовокупил: *яко из Того, и Тем, и в Нем всяческая* (ст. 36). Он сам создал, сам сотворил, сам поддерживает, потому что богат и не имеет нужды брать у другого, потому что премудр и не нуждается в совете. И что я говорю — в совете? Никто не в состоянии даже знать, что принадлежит Ему, Он один богат и премудр. Великое богатство проявилось в том, что язычники так были обогащены, а великая мудрость в том, что учителями иудеев сделаны те, которые ниже их. Потом, после того как (апостол) приведен был в изумление, он воздает благодарение, говоря: *Тому слава во веки. Аминь.* Он всегда в удивлении заключает речь славословием, как скоро говорит о чем-нибудь столько же важном и неизреченном. Так он поступает, говоря о Сыне: и там, исполнившись удивления, он присовокупил то же, что и здесь: *от них же Христос по плоти, сый над всеми Бог благословен во веки. Аминь* (Рим. IX, 5).

8. Будем и мы подражать апостолу и всегда станем прославлять Бога своей заботливостью в жизни, а не будем полагаться на добродетели предков, имея в виду пример иудеев. Ведь нет у христиан, нет родства плотского, а есть только близость по Духу. Таким образом и скиф делается сыном Авраама, а сын Авраама становится для него более чуждым, нежели скиф. Потому не будем полагаться на заслуги отцов, но хотя бы ты имел и удивительного по жизни родителя, однако не думай, что этого достаточно тебе для спасения, чести и славы,

если ты не сделаешься родным ему и в нравах; а равно, если бы ты имел дурного отца, не думай, что и ты вследствие этого подвергнешься осуждение и позору, хотя бы сам после ты и жил хорошо. Что было бесславнее язычников? Однако они посредством веры скоро сделались родными святых. Что было ближе иудеев к Богу? Однако же и они за неверие были отчуждены. Плотское родство есть дело природы и необходимости, по нему мы все родные, потому что все родились от Адама, и по отношение к Адаму и Ною и к общей всем матери земле – все мы друг другу родные в одинаковой степени. То родство достойно награды, которое разделяет нас от людей порочных. В этом отношении не все между собой родные, а только те, которые согласны по образу жизни. В этом отношении не того мы называем братом, кто родился от одной с нами матери, но того, кто оказывает одинаковую с нами ревность. Так и Христос одних называет чадами Божиими, а других сынами диавола, сынами противления, сынами геенны, сынами погибели. Так Тимофей по добродетели сделался сыном Павла и наименован *присным чадом* (1 Тим. I, 2); а сына сестры Павла мы не знаем и по имени; хотя по плотскому рождению он был близок Павлу, но никакой пользы не получил от этого, а Тимофей далек был и по плотскому рождению, и по месту жительства, как гражданин города Листры, однако же стал всех ближе. Потому и мы постараемся сделаться сынами святых, или лучше сделаемся сынами Божиими. А что нам можно сделаться сынами Божиими, послушай, что сказано: *будите совершени, якоже Отец ваш небесный* (Мф. V, 48). Потому и в молитве мы называем Бога Отцом и тем напоминаем себе не только о благодати, но и о добродетели, чтобы нам не делать ничего недостойного такого родства. Но спросишь: как можно сделаться сыном Божиим? Если ты свободен будешь от

всех страстей, а по отношению к оскорбителям и обидчикам будешь вести себя кротко. Так и Отец твой поступает с теми, которые хулят Его. И Христос, хотя и часто говорил о многих предметах, но нигде не говорил: будьте подобными Отцу вашему, но когда сказал: *молитеся за творящих вам напасть, и добро творите ненавидящим вас* (Мф. V, 41), тогда упомянул и об этой награде за подвиг. Ничто так нас не приближает к Богу и не делает подобными Ему, как это совершенство. Потому и Павел, когда говорит: *бывайте подражатели Богу* (Еф. V, 1), разумеет именно это.

Мы имеем нужду во всех добрых делах, но больше всего в человеколюбии и кротости, потому что и сами мы нуждаемся в человеколюбии. Так как мы каждый день много грешим, то и нужно нам много милосердия. Много или мало оценивается не количеством подаваемого, а достатком подающего. Богатый пусть не думает о себе много, а бедный пусть не унывает, как подающий мало, потому что часто бедный подает и больше богатого. Вследствие бедности вам не следует считать себя несчастными, так как она дает нам возможность более удобно подавать милостыню. Кто имеет у себя много, тот удерживается и высокомерием и желанием приобрести больше, а кто имеет у себя мало, тот освобожден от мучительства обеих этих страстей, потому находит и больше случаев делать добро. Он без труда идет в темницу, посещает больных, подает чашу холодной воды, а богач, надменный своим богатством, не допустит себя до этого. Итак, не сетуй на нищету, потому что нищета дает тебе большую возможность приобрести небо. Хотя бы ты и ничего не имел, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебе готова награда. Потому и Павел повелел *плакать с плачущими* (Рим. XII, 15) и с узниками обращаться так, как бы и мы *были с ними в узах*

(Евр. XIII, 3). Иметь многих сострраждущих доставляет некоторое утешение не только плачущим, но и находящимся в других затруднительных обстоятельствах; иногда одно слово может укрепить удрученного не меньше, чем деньги. И Бог повелел давать деньги нуждающимся не для того только, чтобы помогать им в нищете, но и для того, чтобы научить нас состраданию к бедствиям ближнего. А сребролюбец ненавистен не только потому, что презирает живущих в скудости, но и потому, что сам привыкает к жестокости и бесчеловечию, а равно презирающий деньги для бедных тем и любезен, что милосерд и человеколюбив. И Христос, когда ублажает милостивых, ублажает и хвалит не просто подающих денежную милостыню, но делающих это с добрым расположением. Итак, будем иметь такое усердие к делам милосердия, и все блага последуют за этим. Имеющий человеколюбивое и милосердное расположение, если есть у него деньги, раздаст их, если увидит кого-нибудь в несчастьях, станет плакать и проливать слезы, если встретит обижаемого, заступится, если найдет бедствующего, подает ему руку. Имея сокровище благ — человеколюбивую и милосердную душу, он изольет из нее все нужное для братий и получит все уготованные Богом награды. А чтобы и нам достигнуть их, прежде всего позаботимся сделать свое сердце кротким. Таким образом мы и в этой жизни совершим много добрых дел, и сподобимся будущих венцов, достигнуть которых да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX

Молю убо вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше (XII, 1)

1. Сказав многое о Божием человеколюбии и показав неизреченную Божию попечительность, несказанную и неисследимую благость, (апостол) этой самой благостью пользуется для того, чтобы убедить облагодетельствованных Богом – явить жизнь, достойную дара. И будучи столь велик и высок, он не отказывается умолять их, к тому же умолять не о том, что послужило бы для его пользы, но о том, отчего могли получить пользу они сами. И удивительно ли, что он не отказывается умолять, если представляет умоляющим самое милосердие Божие? Так как от Божиих щедрот, говорит он, излились на вас бесчисленные блага, то постыдитесь их и побойтесь, потому что сами эти щедроты обращаются к вам с просьбой не делать ничего их недостойного. И я, говорит (апостол), умоляю вас теми же щедротами, которыми вы спасены. Так и желающий пристыдить много облагодетельствованного обыкновенно представляет умоляющим самого благодетеля. О чем же ты умоляешь, скажи мне? *Представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше.* Так как сказал: *жертву,* то, чтобы кто-нибудь не подумал, что повелевает закалать тела, тотчас присовокупил: *живу.* Потом, отличая ее от иудейской, продолжает: *святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше,* иудейская же жертва плотская и не очень благоугодная. *Кто бо изыска сия из рук ваших,* говорит (Бог) (Ис. I, 12). И в других многих местах Писания видим, что Бог отвергает иудейские жертвы. Но не отвергает этой жертвы, напротив даже требует ее, когда и иудейская принесена. Потому и сказал: *жертва хвалы*

прославит Мя (Псал, XLIX, 23). И еще сказано: *восхвалю имя Бога моего с песнию, и угодно будет Богу паче тельца юна, роги износяща и пазнокти* (Пс. LXVIII, 31, 32). И в другом месте, отвергая иудейскую жертву и сказав: *еда ям мяса юнча, или кровь козлов пию?* – (Господь) присовокупил: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Пс. XLIX, 13, 14). Так и Павел повелевает здесь: *представите телеса жертву живу*.

Но как тело, спросишь ты, может служить жертвой? Глаз пусть не смотрит ни на что дурное, и он уже сделался жертвой; язык пусть не говорит ничего постыдного, и он стал приношением; рука пусть не делает ничего беззаконного, и она стала всесожжением. А вернее сказать, и этого недостаточно, но мы должны и делать добро: пусть рука творит милостыню, уста благословляют обидящих, слух постоянно упражняется в слушании слова Божия. Ведь жертва не имеет никакой нечистоты, она есть начаток всего. Принесем же Богу начаток рук, ног, уст и всего прочего; такая жертва благоугодна, как и иудейская была нечиста: *требы их*, сказано, *хлеб жалости им* (Ос. IX, 4). Но не такова наша жертва. В иудейской приносимое в жертву делалось мертвым, а наша делает жертвуемое живым. Когда мы умертвим члены наши, тогда и в состоянии будем жить; этот способ жертвоприношения новый, потому и род огня необыкновенный. Нет нужды в дровах и в сгораемом веществе, но огонь наш горит сам собой и не сжигает жертву, а более оживляет ее. Такой жертвы Бог требовал издревле, почему пророк и сказал: *жертва Богу, дух сокрушен* (Пс. L, 19). Такую жертву приносили три отрока, говоря: *несть князя, и пророка, ни места, еже пожрети и обрести милость; но душею сокрушенною и духом смиренным да приняты будем* (Дан. III, 38, 39). Заметь же, как (апостол) с большой точностью пользуется словом. Не сказал он: сделайте тела свои жертвой, но: *предста-*

вите, и этим как бы сказал: вы не имеете уже ничего общего с ними, вы отдали их другому. Как те, которые предоставили боевых коней, не имеют уже на них права собственности, так и ты, предоставив члены свои на брань с диаволом, на это грозное ополчение, не отвлекай их для собственных своих услуг. При этом (апостол) внушает еще и то, что, готовясь принести члены свои в жертву, мы должны сделать их безукоризненными, потому что представляем их не кому-либо из живущих на земле людей, но самому Царю вселенной – Богу, и не для употребления их только на брани, но чтобы восседал на них сам Царь. Господь не отказывается восседать на наших членах, но и весьма этого желает, и чего не избрал бы царь, служащий одному с нами Господу, то избирает Владыка ангелов. Итак, если члены твои должны быть принесены и сделаться жертвой, то отсеки от них всякую скверну, потому что пока есть в них что-либо скверное, они не могут быть жертвой. Так, глаз, если смотрит на предметы, возбуждающие сладострастие, не может быть принесен в жертву, а равно и рука хищная и любостяжательная, ноги хромающие при движении и ходящие на зрелища, чрево раболепствующее сластолюбию и возжигающее страсти к удовольствиям, сердце питающее гнев или нечистую любовь, язык говорящий срамное.

2. Поэтому со всех сторон должно рассмотреть, нет ли в нашем теле чего скверного. Если приносившие ветхозаветные жертвы обязаны были все осматривать и им не позволялось приносить безухого, бесхвостого, покрытого коростой или проказой, тем более мы, которые приносим не бессловесных овец, но себя самих, должны наблюдать большую осмотрительность и во всех отношениях быть чистыми, чтобы можно было сказать нам с Павлом: *аз бо уже жрен бываю, и время моего отшествия наста* (2 Тим. IV, 6). И так как (Павел) был

чище всякой жертвы, то и назвал себя жертвой. И с нами это будет, если мы истребим ветхого человека, умертвим земные члены, распнем для себя мир. В таком случае мы не будем уже нуждаться ни в ноже, ни в жертвеннике, ни в огне, или правильнее говоря, все это будет нам нужно, но не руками сделанное, а все будет дано нам свыше, – и огонь свыше, и нож, а широта неба будет для нас жертвенником. Если в то время как Илия приносил чувственную жертву, пламень, сошедший с неба, истребил все – и воду, и дрова, и камни, то тем более совершится это с тобой. Если ты и имеешь что-нибудь неустойчивое и житейское, но принесешь жертву с истинным расположением, то снисшедший огонь Духа потребит все житейское и исполнит все приношение. Что же такое *словесное служение?* Духовное служение, жизнь во Христе. Как служащий и священнодействующий в Божием доме, каков бы ни был в другое время, при служении сосредоточивается в себе и делается более благоговейным, так и мы целую жизнь должны быть в таком расположении духа, как совершающие служение Богу и священнодействующие. А это будет, если ты каждый день станешь приносить Богу жертвы, сделаешься священником своего тела и добродетели, возникающей в душе, например, когда принесешь целомудрие, милостыню, кротость и незлобие. Исполняя это, ты будешь совершать словесное служение, то есть не имеющее ничего телесного, ничего грубого и чувственного. Итак, самыми наименованиями ободрив слушателя и доказав, что каждый бывает священник собственного тела и жизни, (апостол) говорит и о способе, по которому можно во всем достигнуть успеха. Какой же это способ? *Не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего* (ст. 2), потому что образ этого века привержен к земле, низок, кратковременен, не имеет ничего возвышенного, постоянного,

правильного, а все извращенное. И ты, если хочешь идти правильным путем, не напечатлевай в себе образа настоящей жизни, потому что в нем нет ничего постоянного и твердого. Поэтому апостол и назвал его образом, как и в другом месте говорит: *преходит бо образ мира сего* (1 Кор. VII, 31). В нем нет ничего постоянного, прочного, но все временно, почему и сказал: *веку сему*, указывая этим на тленность, а словом: образ – на вещественность. Укажешь ли ты на богатство, славу, телесную красоту, удовольствия, на все прочее, что люди считают великим, – все это только образ, а не действительная вещь, явление, – личина, а не постоянная какая-либо сущность. Но ты не сообразуйся с этим, говорит (апостол), а преобразуйся обновлением ума. Он не сказал: преобразуйся наружно, но преобразуйся по существу, показывая этим, что мир имеет наружный только образ, а добродетели принадлежит не наружный, но истинный, существенный образ, который имеет природную красоту и не нуждается во внешнем украшении и формах, одновременно появляющихся и исчезающих, так как все это исчезает прежде, чем появится. Итак, если ты отбросишь внешность, то тотчас достигнешь (настоящего) образа.

Ведь ничего нет слабее порока, ничто так скоро не ветшает. Потом, так как людям ежедневно свойственно грешить, то (апостол) утешает слушателя, говоря, чтобы он ежедневно обновлялся. Как мы поступаем с домами, постоянно починяя те из них, которые обветшали, так поступай и с самим собой. Ты согрешил сегодня, душа твоя обветшала? Не отчаивайся, не унывай, но обнови ее покаянием, слезами, исповеданием, добрыми делами и никогда не переставай это делать. Но как мы можем делать это? *Во еже искушати вам лучшее, что есть воля Божия, благая и угодная и совершенная* (ст. 2); это и значит: обновляйтесь, – чтобы вам по-

знать полезное для себя и волю Божию; или: вы тогда можете обновиться, когда узнаете полезное для себя, и то, чего хочет Бог. Если ты познал это и научился распознавать свойства вещей, то ты постиг и весь путь добродетели. Спросишь: кто же не знает для себя полезного и того, в чем состоит воля Божия? Все те, которые стремятся к настоящему, которые считают завидным богатство, а бедность унижают, которые домогаются власти, стремятся к внешней славе, считают себя великими, когда настроят великолепных домов, купят пышные гробницы, имеют толпу слуг и водят за собой множество евнухов. Такие люди не знают, что для них полезно и в чем состоит воля Божия, — ведь то и другое — одно и то же.

3. Что полезно для нас, того хочет Бог, и чего хочет Бог, то полезно для нас. Итак, чего же хочет Бог? Того, чтобы мы жили в нищете, смиренномудрии, в презрении славы, в воздержании, а не в роскоши, в скорби, а не в неге, в печали, а не в веселье и смехе, жили бы и во всем остальном, что заповедал нам Бог. Но многие отвращаются от этого, — настолько они далеки от того, чтобы признавать это полезным и волей Божией; и потому они никогда не могут даже приблизиться к подвигам добродетели. Такие люди, не зная и того, что такое добродетель, но вместо ее восхищаясь пороком и, вместо целомудренной супруги, вступая в союз с блудницей, как могут отрешиться от настоящего века? Потому, прежде всего прочего, нам надлежит иметь правильное суждение о вещах, и если мы еще не следуем добродетели, то, по крайней мере, научимся хвалить ее, если еще не избегаем порока, то, по крайней мере, навыкнем порицать худое, чтобы пока приговоры наши были неподкупны. Вступив на этот путь, мы будем иметь возможность приняться потом и за дела. Потому и Павел повелевает обновляться, *во еже искушати вам, что есть*

воля Божия. Здесь он укоряет, как мне кажется, и иудеев, державшихся закона. Хотя была воля Божия — и на жизнь ветхозаветную, но не преимущественная, а приспособленная к слабости иудеев, совершенная же и благоугодная воля открыта в жизни новозаветной. И когда апостол новозаветную жизнь наименовал разумным служением, то назвал так в противоположность жизни ветхозаветной. *Глаголю бо благодатию давшеюся мне, всякому сущему в вас не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати, но мудрствовати в целомудрии, коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры* (ст. 3). Выше сказав: *молю вас щедротами Божиими,* здесь опять говорит: *глаголю благодатию.* Заметь смиренномудрие учителя, заметь кротость его души. Для столь великого увещания и совета он никак не признает достаточными собственные свои слова, но в подтверждение их ссылается то на милосердие Божие, то на благодать. Не от себя предлагаю я слово, говорит он, но от Бога. И не сказал: говорю вам премудростью Божией, или законом Божиим, но: *благодатию,* постоянно напоминая о благодеяниях, чтобы внушить им большую благодарность и доказать, что и благодать требует исполнения того, о чем говорится. *Всякому сущему в вас.* Не тому только или другому, но и начальнику и подчиненному, рабу и свободному, неученому и мудрецу, женщине и мужчине, юноше и старцу, — это общий закон, потому что Господний. Итак, апостол никого не обижает словом своим, предлагая наставления всем, даже и тем, которые невиновны, чтобы виновные удобнее приняли это вразумление и исправление.

И что говоришь ты, скажи мне? *Не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати.* Здесь он указывает на смиренномудрие, мать всех благ, подражая в этом своему Учителю. Как Христос, взойдя на гору, чтобы предложить нравоучительное слово, начал речь прежде всего

о смиренномудрии и его положил основанием: сказав: *блажени нищии духом* (Мф. V, 3), так и Павел, переходя от догматических истин к нравственным, преподал урок о добродетели вообще, требуя от нас достойной удивления жертвы, но, намереваясь изобразить добродетель в частности, начинает со смиренномудрия, как бы с главы, и советует *не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати,* – потому что такова воля Божия, *но мудрствовати в целомудрии.* Слова эти означают следующее: мы приобрели благоразумие, чтобы обращать его не в высокомерие, но в скромность. И апостол не сказал: думайте о себе смиренномудренно, но: *целомудренно,* разумея здесь под целомудрием не противоположную надменности добродетель и не удаление от невоздержности, но ум трезвенный и здравый: иметь здравые мысли и называется целомудрием. Таким образом, показав, что нескромный не может быть целомудренным, то есть устойчивым и здравым, но заблуждается, выходит из границ и бывает неразумнее всякого безумного, (апостол) смиренномудрие назвал целомудрием. *Коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры.* Так как подаяние дарований привело многих из римлян и из коринфян к высокомерию, то обрати внимание, как (апостол) делает ясной причину этой болезни и мало-помалу удаляет ее. Сказав, что должно *мудрствовати в целомудрии,* он присовокупил: *коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры,* называя здесь верой духовное дарование. Словом же: *разделил* – он утешил и того, кто получил меньший дар, и смирил того, кто воспользовался большим даром. Если Бог разделил, а не твое преуспеяние имеет значение, то почему ты много думаешь о себе?

4. Если же кто скажет, что здесь говорится о вере, а не о даровании, то это еще более доказывает что (апостол) смиряет тщеславных. Если вера есть причина дара, ею творятся чудеса и все это от Бога, то на каком

основании ты думаешь о себе много? Ведь если бы Бог не пришел на землю и не воплотился, то вера не имела бы таких успехов. Таким образом все блага имеют начало в Боге. А если Он сам дает, то умеет и разделить; Он сам всех сотворил и о всех одинаково печется. От Его человеколюбия зависело как дать, так и сколько дать. Тот, Кто явил благость в главном, именно в том, что сообщил дары Свои, не оставит тебя и в отношении меры. Если бы Он хотел лишить тебя чести, то не дал бы тебе и самого первого, а если Ему благоугодно было спасти и почтить тебя (а для того Он и пришел на землю и распределил такое множество благ), то для чего ты приходишь в смущение и страх и из разумного становишься глупцом, стыдя себя больше, чем глупый по природе? Быть глупым по природе не составляет вины, а сделаться глупым, имея разум, неизвинительно и влечет за собой большое наказание. Таковы те, которые по причине своей мудрости много о себе думают и впадают в крайнее высокомерие. Ничто ведь так не делает глупым, как кичливость. Потому и пророк, называя варвара глупцом, говорил: *юрод бо юродивая изречет* (Ис. XXXII, 6). А чтобы ты мог заключить о его глупости из собственных речей его, послушай, что говорит он: *выше звезд небесных поставлю престол мой, я буду подобен Вышнему* (Ис. XIV, 13, 14). *Вселенную всю обиму рукою моею яко гнездо, и яко оставлена яица возму* (Ис. X, 14). Что может быть глупее этих слов? Но и всякое хвастливое слово легко навлекает на себя такое же нарекание. И если я буду тебе представлять все речи высокомерных, ты не различишь, высокомерным ли это сказано, или глупцом; таким образом в них один и тот же недостаток. И другой варвар говорит опять: *аз есмъ Бог, а не человек* (Иез. XXVIII, 2), и еще другой: не возможет Бог спасти вас или исхитить из рук моих (Дан. III, 15); также и египтянин: *не вем Господа, и Израиля не отпущу*

(Исх. V, 2). Таков и безумец, упомянутый у пророка, говоривший в сердце своем: *несть Бог* (Пс. XIII, 1). Таков и Каин, сказавший: *еда страж брату моему есмь аз* (Быт. IV, 9)? Различишь ли ты, какие слова сказаны высокомерными и какие глупцами? Высокомерие, не соблюдая умеренности и возникая помимо ума, создает и глупых, и тщеславных. И если начало премудрости есть страх Господень, то начало глупости есть неведение Господа. Итак, если ведение Бога есть мудрость, а неведение — глупость, неведение же происходит от гордости (а начало гордости есть неведение Господа), то следует, что гордость есть крайняя глупость. Таков был и Навал, если не перед Богом, то перед человеком, сделавшийся от высокомерия безумным; впоследствии он умер от страха. Как скоро человек потеряет меру благоразумия, то по причине душевной слабости делается вместе и робким, и дерзким. Как тело, когда потеряет равномерное соединение жизненных сил, становится расстроенным и подвергается всяким болезням, так и душа, когда утратит свою возвышенность и смиренномудрие, впав в некоторое болезненное состояние, делается и робкой, и дерзкой, и безумной, и наконец, перестает узнавать саму себя. А кто не знает самого себя, как узнает то, что выше его? Как одержимый умопомешательством, когда не узнает себя, не знает и того, что у него под ногами, и как глаз, когда сам слеп, помрачает и все прочие члены, так бывает и с высокомерием. Потому высокомерные несчастнее и помешанных в уме, и глупых по природе; они возбуждают смех подобно последним, и неприятны подобно первым, и хотя столько же расстроены в уме, как помешанные, но не возбуждают столько сожаления, как те; они безумствуют, как и глупцы, но не заслуживают оправдания, как те, а внушают только одно отвращение. Имея недостатки тех и других, они лишены оправдания, по-

добно тем и другим, будучи смешны не только своими речами, но и всеми приемами. Скажи мне: для чего ты вытягиваешь шею? Для чего ходишь, привстав на пальцы, поднимаешь брови и надуваешь грудь? Ведь ты не можешь волоса сделать белым или черным, а ходишь будто по воздуху, представляя себя владыкой всего? Тебе, может быть, хотелось бы, чтобы у тебя выросли крылья, чтобы не ходить тебе по земле; может быть, тебе желательно сделаться необыкновенным. А теперь разве ты не делаешь из себя чуда, когда, будучи человеком, замышляешь летать? Но лучше сказать, ты летаешь уже внутренне, все тебя поднимает вверх. Как мне назвать тебя? Чем истребить твое высокоумие? Если я назову тебя пеплом, прахом, дымом и пылью, то я, хотя и назвал низкие предметы, но ни один не изображает тебя в точности, как я хотел бы; ведь я желаю представить всю надутость и пустоту людей высокомерных. Какой же нам найти образ, им соответствующий? Мне кажется, что они подобны зажженному льну. Как вспыхнувший лен, по-видимому, раздувается и приподнимается, но от легкого прикосновения руки опадает и оставляет самый мелкий пепел, таковы же и души высокомерных: их пустую надутость может смирить и уничтожить случайное прикосновение. Всякий высокомерный по необходимости должен быть слабым, потому что высокое не бывает крепко, но, как водяные пузыри скоро лопаются, так и высокомерные легко погибают. Если ты не веришь этому, то представь мне человека наглого и высокомерного и увидишь, что от случайного обстоятельства он приходит в большую робость, чем иной от падения. Как хворост быстро обращается в пепел, едва вспыхнет охвативший его пламень, а толстые деревья нелегко воспламеняются и долго поддерживают пламя, так души твердые и непоколебимые с трудом и воспламеняются, и сгорают, а над слабыми в

одно мгновение времени совершается и то, и другое. Итак, зная это, будем упражняться в смиренномудрии. Нет ничего могущественнее его, оно тверже камня, крепче адаманта, ставит нас в большую безопасность, чем крепости, города и стены, будучи выше всех ухищрений диавола, тогда как высокомерие делает нас доступными всяким случайным нападениям, лопаясь, как сказано выше, легче водяного пузыря, разрываясь скорее паутины и рассеиваясь быстрее дыма. Потому, чтобы нам утвердиться на твердом камне, отложив высокомерие, возлюбим смиренномудрие. Тогда и в настоящей жизни найдем спокойствие, и в будущем веке насладимся всеми благами, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXI

Якоже бо во единном телеси многи уды имамы, уды же вси не тождe имут делание: такожде мнози едино тело есмы о Христе, а по единому, друг другу уди (XII, 4, 5)

1. Апостол употребил здесь то же сравнение, каким он воспользовался в послании к Коринфянам, когда врачевал их от того же самого недуга. Сила этого врачества велика и значение примера достаточно для того, чтобы избавить от болезни высокомерия. Почему, говорит он, ты думаешь о себе высоко, тогда как другой, напротив, принижает себя? Не все ли мы, большие и малые, составляем одно тело? А когда по отношению к главе мы одно тело, а по отношению друг к другу члены, то зачем ты отсекаешь себя высокомерием, зачем стыдишься брата? Как он есть твой член, так и ты его

член, и в этом отношении существует большая равночестность. (Апостол) предложил два достаточные довода, чтобы побудить слушателей отложить высокомерие: первый тот, что мы члены друг друга, не только малый для большего, но больший для меньшего, а второй тот, что все мы составляем одно тело; вернее же сказать, им представлено три довода, так как он доказал, что всем сообщено одно благодатное дарование. Итак, не думай о себе много, — ведь все, что ты получил, дано тебе от Бога, а не сам ты приобрел. По этой причине (апостол), коснувшись духовных дарований, не сказал, что один получил больше, а другой меньше, а как назвал дарования? Различными. Он говорит: *имуще дарования,* не большие и меньшие, но — *различна.* Что за дело, если не то же тебе вверено, когда ты принадлежишь к тому же телу? И (апостол), начав говорить о даровании, заканчивает речь словами о милостыне, прилежании и заступничестве. И так как некоторые из римлян, как и естественно, были добродетельны, но не имели дара пророчества, то (апостол) доказывает, что и быть добродетельным есть также дар, притом гораздо больший дара пророчества (он доказал это в послании к Коринфянам), так как первый влечет за собой награду, а последний лишен вознаграждения, и все в нем — дар и благодать. Поэтому говорит: *имуще же дарования по благодати данней нам различна: аще пророчество, по мере веры* (ст. 6). Так как он достаточно утешил слушателей, то желает побудить их к подвигам и сделать более ревностными, указывая на то, что и от них самих зависит получить больший или меньший дар. Чтобы смирить гордых, он утверждает, что дается это от Бога, когда, например, говорит: *коемуждо яко же Бог разделил есть меру веры,* и еще: *по благодати данней нам.* А чтобы поощрить беспечных, он присовокупляет, что первое основание полагают сами люди, как он утверждает в послании к

Коринфянам, побуждая к тому и другому. Когда говорит: *ревнуйте дарований* (1 Кор. XII, 31), показывает, что и они сами бывают причиной различия даруемого; а когда говорит: *вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя коемуждо, якоже хощет* (1 Кор. XII, 11), показывает, что получившие дар не должны им превозноситься: в обоих случаях (апостол) врачует недуг коринфян, — как он поступает и здесь. И опять, поощряя к восстанию падших, говорит: *аще пророчество, по мере веры.* Хотя пророчество дается по благодати, но изливается не просто, а получая меру от принимающих, и течет настолько, насколько велик будет принесенный сосуд веры. *Аще ли служение, в служении* (ст. 7). Здесь служение взято в общем смысле: и апостольство называется служением, и всякое доброе духовное дело — служение. Конечно, это наименование употребляется и для означения частной деятельности, но здесь сказано вообще. *Аще учай, во учении.* Заметь, как (апостол) не наблюдает строгого порядка, но малое ставит на первом месте, а великое после, научая опять тому же самому, то есть не гордиться и не превозноситься. *Аще утешаяй, во утешении* (ст. 8). И это — вид учения, так как сказано: *аще есть в вас слово утешения к людем, глаголите* (Деян. XIII, 15). Потом, показывая, что невелика польза держаться добродетели без надлежащего соблюдения закона, присовокупляет: *подаваяй, в простоте.* Не достаточно того, чтобы подать, но должно делать это и со щедростью; так и всегда это разумеется под словом — *простота;* ведь и девы (юродивые) имели елей, но не имели его в избытке, почему и лишены были всего. *Начальствуяй, со тщанием.* Не довольно быть начальником, но надобно начальствовать с усердием и готовностью. *Милуяй, с добрым изволением.* Недостаточно благотворить, но должно и это делать нескудно и без скорби, или лучше сказать, не только без скорби, но еще с веселым и радостным духом, пото-

му что не одно и то же не быть печальным, и радоваться. То же самое с большим тщанием доказывал Павел и в послании к Коринфянам; побуждая их к щедрости, он говорил: *сеяй скудостию, скудостию и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (2 Кор. IX, 6), и научая, с каким расположением должно это делать, он присовокупил: *не от скорби, ни от нужды* (ст. 7). В совершающем благотворение должно быть то и другое — и щедрость, и веселое расположение. Зачем ты плачешь, подавая милостыню? Зачем скорбишь, оказывая милосердие, и тем лишаешься плода заслуг своих? Если ты скорбишь, то нет в тебе милосердия, но ты жесток и бесчеловечен. Ведь если ты сам скорбишь, то как можешь ободрить того, кто в горе? Приятно то, чтобы он не подозревал ничего дурного, а также и то, когда подаешь ему с радостью, потому что для людей ничто не представляется столько унизительным, как принимать что-нибудь от других, если только ты особенной веселостью не отвратишь подозрения и не покажешь, что сам получаешь больше, нежели даешь, что скорее роняешь, чем восстановляешь принимающего. Потому (апостол) и говорит: *милуяй, с добрым изволением.*

2. Кто с печальным лицом получает царскую власть? Кто остается в унынии, получив прощение грехов? Итак, обращай внимание не на трату денег, но на пользу от этой траты. Если сеятель радуется, хотя и сеет в неизвестности на будущее, тем более должен радоваться возделывающий небо. Если ты и мало дал, но с радостью, то дал много, равным образом, если ты и много подал, но с прискорбием, то из многого сделал мало. Так две лепты вдовицы превзошли многие таланты, потому что ее расположение было исполнено щедрости. Скажешь: как может подавать с радушием тот,

кто сам живет в крайней бедности и имеет во всем недостаток? Спроси вдовицу, у нее научишься, как это можно делать, и узнаешь, что не бедность создает затруднительное положение, но собственная воля производит как это, так и все противоположное. Можно и в бедности быть великодушным, и при богатстве малодушествовать. Потому (апостол) требует при подаянии простоты, при благотворении радушия, при начальствовании усердия. Он желает, чтобы мы помогали нуждающимся не только деньгами, но и словами, делами, телесным трудом и всем прочим. И сперва упомянув о главном роде вспомоществования — учением и увещанием (все это более необходимо, так как служит пищей душе), потом уже переходит к вспоможению деньгами и всем иным. Затем, научая, как можно успеть в этих добродетелях, представляет их мать — любовь. Именно говорит: *любы нелицемерна* (ст. 9). Если будешь иметь любовь, то не почувствуешь ни траты денег, ни телесного труда, ни тяжести учения, ни пота и служения, но все будешь переносить мужественно, потребуется ли помочь ближнему телесными трудами, деньгами, словом, или иным чем. Как (апостол) требует не одного только подаяния, но в простоте, не одного начальствования, но с усердием, не одной только милостыни, но с радушием, так он не просто требует и любви, но любви непритворной, а такова истинная любовь, и если это будет, все прочее последует само собой. Ведь оказывающий милосердие, если оказывает его с радушием, дает себе самому; начальствующий, если начальствует усердно, доставляет пользу себе самому; и подающий, если подает со щедростью, наделяет себя самого. А так как любовь бывает и в худых делах, например, любовь людей развратных или думающих только о деньгах и хищениях, или предающихся

пьянству и пирам, то (апостол), очищая любовь от этого, говорит: *ненавидяще злого.* И он не сказал: удаляйтесь зла, но: ненавидьте его, и не просто ненавидьте, но весьма сильно ненавидьте. Так как многие, хотя и не делают зла, но имеют злые пожелания, то (апостол) и сказал: *отвращайтесь* с *ненавистью.* Он хочет, чтобы наши помышления были чисты, и чтобы мы имели в отношении к пороку полную вражду, ненависть и войну. Из того, что я сказал вам, говорит (апостол), – возлюбите друг друга, – не заключайте, что я предлагаю и в худых делах содействовать друг другу. Я предписываю вам совершенно противоположное – чуждаться зла не только делом, но и расположением, и не только чуждаться такого расположения, но и совершенно отвращаться зла и ненавидеть его. Но (апостол) не довольствуется только этим, а требует упражнения в добродетели, говоря: *прилепляйтеся благому.* Не сказал – делайте добро, но – будьте расположены к нему; это он выразил, повелев *прилепляться.* Так Бог, сопрягая мужа и жену, сказал: *прилепится к жене своей* (Быт. II, 24). После того (апостол) излагает причины, по которым мы должны любить друг друга. *Братолюбием друг ко другу любезни* (ст. 10). Вы – братья, говорит (апостол), и произошли из одной утробы, уже и по этой причине правильно было бы, чтобы вы любили друг друга. Это и Моисей сказал дравшимся египтянам: вы – братья, для чего же обижаете друг друга (Исх. II, 13)? И (апостол), когда ведет речь о внешних, говорит: *аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте;* когда же рассуждает о своих, говорит: *братолюбием друг ко другу любезни.* Там требует, чтобы они не ссорились, не ненавидели, не отвращались друг друга, а здесь повелевает любить друг друга и не просто любить, но любить сильно. Любовь, говорит он, должна быть не

только не притворная, но крепкая, горячая, пламенная. Что пользы, если любишь, хотя искренно, однако же не горячо? Потому (апостол) и сказал: *друг ко другу любезни,* то есть любите горячо. Не жди, чтобы другой проявил к тебе любовь, но сам стремись к нему и начни первый, так как тогда ты приобретешь награду и за его любовь.

3. Показав причину, по которой мы обязаны любить друг друга, (апостол) объясняет, как любовь наша может сделаться непоколебимой, почему и присовокупляет: *честию друг друга больша творяще.* Таким-то образом любовь возникает и поддерживается. И ничто не приобретает нам столько друзей, как старание превзойти ближнего почтительностью. От этого возрастает не только любовь, но и честь. Как описанное выше происходит от любви, так любовь от чести, а равно и честь – от любви. Потом, чтобы мы оказывали не только уважение, апостол требует и еще другого, большего, говоря: *тщанием не лениви* (ст. 11). И то рождает любовь, когда вместе с почтительностью мы оказываем и услуги, потому что ничто так не заставляет любить, как почтение и попечительность. Не достаточно любить, но нужно иметь и это, а лучше сказать, и это происходит от любви, равно как и любовь от этого разгорается, вообще одно подкрепляет другое. Многие, хотя сердечно друг друга любят, однако не подают руки помощи. Потому апостол отовсюду укрепляет любовь. А как мы можем быть *тщанием не лениви? Духом горяще.* Ты замечаешь, что апостол во всем требует усиления. Он сказал: не только подавайте, но не скудно, не только начальствуйте, но с усердием, не только совершайте дела милосердия, но с радостью, не только будьте почтительны, но предупреждайте в почтении других, не только любите, но любите непритворно, не только воздерживайтесь от зла, но ненавидьте его, не только держитесь доброго,

но прилепляйтесь к нему, не только будьте дружелюбны, но с нежностью, не только будьте тщательны, но неослабно, не только имейте дух, но пламенейте духом, то есть будьте ревностны и возбужденны. Если ты будешь иметь все теперь исчисленное, то привлечешь Духа, а если пребудет в тебе Дух, то сделает тебя усерднее ко всему исчисленному, когда же воспламенен будешь Духом и любовью, тогда все сделается для тебя легким. Неужели ты не знаешь, насколько ужасны для всех волы, когда они имеют на спине огонь? Так и ты сделаешься нестерпимым для диавола, если возьмешь оба эти пламени. *Господеви работающе.* Посредством всего этого возможно служить Богу. Все, чтобы ты ни делал для брата, восходит к Владыке твоему и Он, как бы сам получив от тебя благодеяние, вознаграждает тебя за это. Замечаешь ли, куда (апостол) направил помыслы исполняющего это? Показав, как может возгореться огонь Духа, (апостол) говорит далее: *упованием радующеся, скорби терпяще, в молитве пребывающе* (12). Все это служит для воспламенения того огня. И так как апостол требовал уже денежных издержек, телесных трудов, покровительства, усердия, учения и других подвигов, то вместе с любовью и Духом поощряет еще подвижника надеждой. Ничто так не делает душу мужественной и на все готовой, как добрая надежда. Между тем до получения ожидаемых благ (апостол) дает другую награду. Так как надежда касается будущего, то, говорит он, в бедствии будьте терпеливы. Прежде будущих благ, в настоящей жизни ты пожнешь великий плод от бедствий, – сделаешься терпеливым и опытным. Сверх того, (апостол) представляет и другую помощь, говоря: *в молитве пребывающе.* Итак, когда любовь доставляет тебе удобство, Дух вспомоществует, надежда облегчает, бедствия делают тебя опытным и способным переносить все мужественно, когда, сверх

того, ты имеешь и другое сильнейшее оружие — молитву и помощь, испрашиваемую по молитве, тогда что останется трудного в исполнении заповедей? Ничего. Видишь ли, как (апостол) отовсюду утвердил подвижника и доказал, что заповеди его весьма легки? Заметь также, что опять он начинает говорить о милостыне и не просто о милостыне, но о милостыне святым. Выше, сказав: *милуяй с добрым изволением*, он отверз руку для всех, а здесь он говорит, конечно, о верующих, почему присовокупляет: *требованием святых приобщающеся* (ст. 13). Не сказал: помогайте святым в нуждах, но: принимайте участие в их нуждах, показывая, что они более получают, нежели дают, и что это дело есть купля, так как есть общение. Ты даешь деньги, а они дают тебе дерзновение перед Богом. *Страннолюбия держащеся*. Не сказал апостол: будьте странноприимны, но: ревнуйте о странноприимстве, — научая нас, чтобы мы не ожидали, когда нуждающиеся придут к нам, но сами бежали к ним и догоняли их. Так поступал Авраам. Целый день провел он, выжидая этого прекрасного лова и, увидев, вскочил, побежал навстречу, поклонился до земли и сказал: *Господи, аще убо обретох благодать пред Тобою, не мини раба Твоего* (Быт. XVIII, 3). Он не сделал так, как мы, которые, как скоро увидим странника или нищего, поднимаем брови и не хотим удостоить их даже словом; а если, склоненные бесчисленными просьбами, мы прикажем слугам подать небольшую монету, то думаем, что с нашей стороны выполнено все должное. Не так поступил Авраам, но представлял из себя просителя и слугу, хотя не знал, кого примет у себя.

4. А мы ясно знаем, что принимаем у себя Христа, однако не делаемся вследствие этого кроткими. Авраам зовет, просит, кланяется, а мы оскорбляем приходящих к нам. Авраам все исправляет сам с женой, а мы не

хотим заставить слуг. Если угодно тебе посмотреть на самое угощение, предложенное Авраамом, то и здесь увидишь великую щедрость, состоявшую не в обилии предложенного, но в богатстве усердия. Сколько было тогда людей достаточных? Но ни один не сделал ничего подобного. Сколько было вдовиц в земле Израильской? Но ни одна не приняла в дом свой Илию. Сколько опять было достаточных людей и при Елисее? Но одна сомантянка пожала плод странноприимства, подобно Аврааму, который отличался в свое время щедростью и усердием. Особенно же заслуживает удивления то, что он совершил это, не зная, кто были пришедшие к нему. Так и ты не любопытствуй, потому что принимаешь ради Христа; а если всякий раз будешь допытываться, то часто будешь проходить и мимо человека достойного и лишишься следовавшей за то награды. Между тем принимающий и недостойного не делается виновным, но имеет свою награду: *приемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу приимет* (Мф. X, 41). А кто от неуместного любопытства обходит человека достойного удивления, тот навлекает на себя наказание. Итак, не любопытствуй о жизни и делах: ведь за один кусок хлеба подвергать обследованию целую жизнь — это признак крайнего тщеславия. Если бы он был убийцей, разбойником или подобным тому, неужели, по твоему мнению, он не стоит куска хлеба и немногих монет? Господь твой и для него повелевает сиять солнцу, а ты считаешь его не стоящим дневного пропитания? Но я скажу тебе и еще больше: хотя бы ты хорошо знал, что он исполнен бесчисленных зол, и тогда ты не будешь иметь оправдания, если лишишь его дневного пропитания. Ты раб Того, Кто сказал: *не весте, коего духа есте вы* (Лк. IX, 53); ты слуга Того, Кто оказывал услуги метавшим в Него камнями, или лучше сказать, Кто за них распят. Не говори мне, что он убил человека; если он намеревает-

ся убить и тебя самого, и в таком случае не презирай его, когда он голоден. Ведь ты ученик Того, Кто желал спасения распявшим Его, Кто даже на кресте говорил: *Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят* (Лк. XXIII, 34). Ты раб Того, Кто оказал услугу ударившему Его, увенчал поносившего Его даже на кресте. Может ли что-нибудь с этим сравниться? Ведь сначала оба разбойника поносили Его; несмотря на это, одному из них Он отверз рай. Он плачет о тех, которые намереваются убить Его, беспокоится и смущается, видя предателя, не потому, что сам будет распят, но потому, что тот погибнет; смущается, потому что предвидит удавление, а за удавлением наказание. Зная лукавство Иуды, Он до последнего часа терпел его и не отринул, но целовал предателя. Твой Владыка целует, допускает прикоснуться к устам Своим того, кто вскоре имел пролить честную кровь Его; а ты нищего не удостаиваешь и куска хлеба, не уважаешь закона, дарованного Христом? Ведь этими действиями Он доказал, что не должно отвращаться не только нищих, но и тех, которые ведут нас на смерть. Итак, не говори мне, что такой-то человек причинил тебе зло, но подумай, что сделал Христос перед самым крестом, посредством целования, которым предал Его Иуда, – желая исправить предателя. И смотри, в какой стыд должно бы привести его это целование. Христос сказал: *Иудо, лобзанием ли Сына человеческаго предаеши* (Лк. XXII, 48)? Кого бы не смягчил, кого бы не тронул этот голос, какого зверя, какой адамант? Но он не смягчил того несчастного. Потому не говори, что такой-то убил такого-то, и вследствие этого я отвращаюсь его. Если кто хочет пронзить тебя мечом, погрузить руку в гортань твою, ты поцелуй эту руку, потому что Христос облобызал уста, причинившие Ему смерть.

5. И ты не подвергай ненависти, но слезами и милосердием воздавай злоумышляющему, потому что такой

заслуживает нашего сожаления и слез. Ведь мы рабы Того, Кто целовал предателя (я никогда не перестану повторять это), Кто произнес слова, нежнее самого целования. Господь не сказал Иуде: скверный, вселукавый и предатель, такую ли воздаешь ты Нам награду за столько благодеяний? Но что говорит Он? *Иудо,* то есть называет его по имени, что свойственно более сожалеющему и призывающему, чем гневающемуся. Он не сказал также: предаешь своего Учителя, Владыку и Благодетеля, но говорит: *предаешь Сына человеческаго.* Хотя бы Я и не был твоим Учителем и Владыкой, но можно ли предавать Того, Кто расположен к тебе так милостиво и искренне, что целует тебя во время предательства, когда целование служит знаком предательства? Благословен Ты, Господи. Какого смирения, какого незлобия Ты показал нам пример? Так поступил Христос с Иудой, а в отношении к тем, которые пришли с дрекольями и мечами, он поступил иначе. И что может быть скромнее сказанного им Господом? Имея возможность сразу всех их истребить, он не сделал ничего подобного, но вступает в разговор, чтобы пробудить в них стыд, и говорит: *яко на разбойника ли изыдосте со оружием и дрекольми* (Мф. XXVI, 55)? Повергнув их перед Собой на землю, когда они лежали без чувств, Он добровольно предал опять Себя и спокойно взирал, как они возлагали узы на святые руки, хотя мог все мгновенно поколебать и ниспровергнуть. А ты и после этого жестоко обходишься с нищим? Если бы он был виновен в бесчисленных преступлениях, то достаточно его бедности и голода, чтобы смягчить твою душу, если она не слишком огрубела. А ты стоишь как зверь, уподобляясь гневом льву; но и львы никогда не могут вкушать мертвых тел, а ты, видя человека, истомленного множеством зол, наступаешь на лежащего, терзаешь его тело обидами, присоединяешь бурю к буре и прибегшего к приста-

ни ударяешь об утес и подвергаешь крушению, которое ужаснее морского. И как скажешь Богу: помилуй меня? Просишь себе отпущения грехов, а сам обижаешь человека, который ни в чем не погрешил против тебя, осуждаешь за то, что он терпит голод и нужду, и превосходишь всяких зверей своей жестокостью. Звери, когда понуждает их голод, кидаются на обычную свою пищу, а ты, без всякого понуждения и необходимости, пожираешь брата, грызешь, терзаешь, если не зубами, то словами, которые язвительнее всякого укушения. Как же ты совершишь святое приношение, когда гортань твоя обагрена кровью человеческой? Как произнесешь слово мира устами, которые полны вражды? Как будешь есть чувственную пищу, когда ты собираешь столько яда? Ты не помогаешь бедному, зачем же тебе и угнетать? Не поднимаешь лежащего, для чего же низвергаешь? Не избавляешь от печали, зачем же огорчаешь? Не даешь денег, для чего же оскорбляешь словами? Неужели ты не слышал, какому наказанию подвергаются и на какие мучения осуждаются те, которые не кормят нищих? Им будет сказано: *идите во огнь, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф. XXV, 41). Если так осуждаются те, которые не кормят нищих, то какому подвергнутся наказанию те, которые не только не кормят, но еще оскорбляют? Какому они подлежат мучению и какой геенне? Итак, чтобы не возжечь против себя столько зол, уврачуем этот злой недуг, пока имеем власть, и обуздаем язык свой. Не только не станем оскорблять нищих, но будем утешать их и словом и делом, чтобы уготовить себе многое милосердие и получить обетованные нам блага, достигнуть которых да дарует Бог всем нам, благодатью и человеколюбием и прочее.

БЕСЕДА XXII

Благословляйте гонящия вы, благословите, а не клените (XII, 14)

1. Научив римлян, как надлежит быть расположенными друг к другу, и тесно соединив между собой члены (тела Христова), апостол, наконец, выводит их на внешнее ратоборство, облегчив его предшествовавшими своими наставлениями. Как не исправившему своих домашних дел очень трудно устроить чужие, так, достигнув опытности в управлении своими делами, очень легко управиться с посторонними. Потому и Павел идет таким же путем и после обязанностей к своим излагает обязанности к посторонним и говорит: *благословляйте гонящия вы.* Не сказал: не помните обид, не мстите, но потребовал гораздо большего; первое свойственно и человеку любомудрому, а последнее свойственно лишь ангелу. И сказав: *благословите,* присовокупил: *а не клените,* чтобы мы не делали того и другого, но только благословляли. Гонители бывают для нас виновниками наград. А если будешь бодрствовать, то сверх этой награды сам приготовишь себе другую. Он доставит тебе награду за гонение, а сам приобретешь ее за благословение гонителя, представляя этим вернейшее доказательство любви своей ко Христу. Как проклинающий гонителя показывает, что он не с большой радостью терпит гонение за Христа, так благословляющий обнаруживает этим сильную любовь. Итак, не укоряй гонителя, чтобы тебе самому получить большую награду, а его научить, что это есть дело желания, а не необходимости, что это составляет для тебя торжество и веселье, а не бедствие и унижение. Потому и Христос сказал: *радуйтеся, егда рекут всяк зол глагол на вы лжуще* (Мф. V, 11, 12). Потому и апостолы возвращались, радуясь тому, что они не только услышали дурное, но и

подверглись бичеванию. Сверх того, ты приобретешь и другую малую выгоду, так как приведешь в изумление противников и вразумишь их своими делами, что ты готовишься к другой жизни. Как скоро заметит твой гонитель, что ты радостно и охотно терпишь зло, то на основании дел ясно поймет, что у тебя есть иные надежды, превосходящие все настоящее. А если станешь вести себя иначе, будешь плакать и скорбеть, то откуда он может узнать, что ты ожидаешь другой жизни? И вместе с этим ты исправишь и другого, потому что твой гонитель увидит, что ты не оскорбляешься обидами, но еще благословляешь обидевшего, и он перестанет тебя гнать. Итак, вот сколько происходит отсюда добра: награда твоя увеличится, искушение уменьшится, гонитель прекратит гонение, Бог прославится, а любомудрие твое сделается для заблуждающегося уроком, руководствующим к благочестию. Потому не только оскорбителям, но и гонителям и притеснителям (апостол) повелел воздавать противоположным. И теперь он заповедует благословлять их, а раньше убеждал оказывать им благодеяния. *Радоватися с радующимися, и плакати с плачущими* (ст. 15). Так как можно благословлять и не проклинать, но делать это не из любви, то (апостол) хочет, чтобы мы были согреты дружбой. Потому он и присовокупил, что должно не только благословлять, но и соболезновать и сострадать, когда видим, что другие впали в несчастье. Хорошо, скажешь: (апостол) справедливо предписал, чтобы мы скорбели с плачущими, но для чего он дал другое поведение, которое не заключает в себе никакой важности? Напротив, для того, чтобы радоваться с радующимися, душе нужно более любомудрия, нежели для того, чтобы плакать с плачущими. К последнему влечет нас сама природа, и нет такого каменного человека, который бы не плакал при виде несчастного; но для того, чтобы, видя человека в

благополучии, не только ему не завидовать, но еще разделять с ним радость, нужна душа очень благородная. Потому (апостол) и сказал об этом раньше. Ничто так не располагает нас к любви, как то, когда мы разделяем друг с другом и радость и печаль. Не чуждайся же сострадания, на том основании, что ты далеко стоишь от несчастья. Когда твой ближний терпит зло, ты должен несчастье его считать общим. Разделяй с ним слезы, чтобы облегчить печаль его, разделяй радость, чтобы упрочить веселье, укрепить любовь и самому раньше его получить пользу, так как посредством плача ты делаешься милостивым, а посредством радости очищаешься от зависти и недоброжелательства. Смотри же, как необременительна заповедь Павла. Ведь он не сказал: избавь от беды, – чтобы ты не мог возразить, что это во многих случаях невозможно, – но предписал более легкое, что совершенно в твоей власти. Если ты не можешь отвратить несчастья, то проливай слезы, и этим уже ты многое отгонишь; если не можешь увеличить благополучия, то принеси свою радость, и этим ты уже сделаешь большое облегчение. Потому, (апостол) повелевает не только не завидовать, но, что гораздо важнее, и радоваться; это гораздо больше значит, нежели не завидовать. *Тожде друг ко другу мудрствующе: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся* (ст. 16).

2. Опять апостол, как и в начале речи, весьма заботится о смиренномудрии; ведь римляне и по месту жительства, и по другим многим причинам, как и естественно, были исполнены гордости, почему апостол постоянно и старается удалить болезнь и низложить надменность. Ничто так не раздирает тела Церкви, как высокомерие. Что же значат слова: *тожде друг ко другу мудрствующе?* К тебе в дом пришел нищий? Будь с ним единомыслен, не принимай на себя надменного вида,

вследствие своего богатства, потому что во Христе нет ни богатого, ни бедного. Не стыдись наружного одеяния, а принимай по внутренней вере. Равным образом, если увидишь плачущего, не считай его недостойным утешения, если увидишь благоденствующего, не стыдись приобщиться к его удовольствию и возрадоваться, но как думаешь о себе, так думай и о нем. Будьте единомысленны между собой, говорит апостол. Например, ты считаешь себя важным человеком? Считай и его таким же. Ты подозреваешь, что он человек ничтожный и малый? Произнеси такой же суд и о себе, и отбрось всякое неравенство. А как это может быть? Если ты отложишь высокомерие. Потому (апостол) и присовокупил: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся,* то есть снизойди, применись, приспособься к его низости. Не просто разделяй смиренные его чувствования, но и помогай, подавай ему руку, не чужую, а свою, как отец заботится о сыне и голова о теле. То же самое говорит (апостол) и в другом месте: *поминайте юзники, аки с ними связани* (Евр. XIII, 3). Под именем же *смиренных* (апостол) разумеет здесь не просто смиренномудрых, но униженных и презираемых. *Не бывайте мудри о себе,* то есть не думайте довлеть самим себе. И в другом месте Писание говорит: *горе, иже мудри в себе самих, и пред собою разумни* (Ис. V, 21). Потому (апостол) опять подрывает высокомерие, низлагает кичливость и гордость. Ничто так не отвращает и не отделяет нас от остальных людей, как то, если кто-нибудь думает, что он довлеет самому себе, почему Бог и поставил нас в зависимости друг от друга. Хотя ты и умен, но имеешь нужду в другом, а если думаешь, что не нуждаешься, то ты стал неразумнее и слабее всякого. Кто так думает, тот сам себя лишит всякой помощи, и если в чем-нибудь согрешит, то не будет искать никакого исправления и извинения, прогневит Бога своим высокомерием

и совершит множество грехов. Часто, очень часто бывает, что умный не видит должного, а менее умный открывает, что нужно. Это случилось с Моисеем и тестем его, с Саулом и отроком его, с Исаакам и Ревеккой. Итак, не считай для себя унижением иметь нужду в другом. Напротив, это больше возвышает тебя, делает сильнее, знаменитее и безопаснее. *Ни единому же зла за зло воздающе* (ст. 17). Если ты другого упрекаешь в злоумышлении, то зачем и самого себя делаешь ответственным в этой вине? Если он сделал зло, то для чего ты не уклоняешься от подражания ему? Заметь, что (апостол) не сделал здесь никакого разграничения, но дал общий закон. Он не сказал: не воздавай злом за зло верующему, но говорит: *не воздавай ни единому,* хотя бы то был злодей или кто бы то ни было. *Промышляюще добрая пред всеми человеки. Аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте,* то есть — *да просветится свет ваш пред человеки* (Мф. V, 16). Мы должны жить не для тщеславия, но для того, чтобы не подать повода укорять нас тем, которые желают этого. Потому (апостол) и в другом месте говорит: *безпреткновени бывайте Иудеем и Еллином и церкви Божией* (1 Кор. X, 32). Хорошо также сказал (апостол) и последующее: *аще возможно, еже от вас.* Ведь иногда невозможно быть в мире, например, когда идет речь о благочестии, когда возникает борьба за обижаемых. И что удивительного, если не всегда возможно быть в мире со всеми людьми, как скоро (апостол) устранил необходимость этого между мужем и женой, сказав: *аще ли неверный отлучается, да разлучится* (1 Кор. VII, 15)? Смысл слов (апостола) таков: насколько зависит от тебя, никому не подавай повода ко вражде и ссоре — ни иудею, ни язычнику; если же увидишь, что как-нибудь нарушается благочестие, не предпочитай согласия истине, но стой за нее мужественно, даже до смерти; но и в этом случае не враждуй душой, не отвращайся доб-

рым расположением, а восставай только против поступков. Вот что значат слова: *еже от вас, со всеми человеки мир имейте.* Если бы другой не соблюдал мира, ты не воздвигай бури в душе своей, но внутренне будь его другом, однако нимало не изменяя истине, как заметил я выше. *Не себе отмщающе, возлюбленнии, но дадите место гневу: писано бо есть: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь* (ст. 19). Какому гневу должны мы давать место? Божию. Так как обиженный всего более желает видеть и насладиться возмездием за свою обиду, то Бог дает то же самое в большей мере: если ты сам не отметишь, Он будет твоим мстителем. Итак, Ему, говорит (апостол), предоставь отмщение. Вот что значат слова: *дадите место гневу.*

3. Потом для большего успокоения (апостол) привел свидетельство и, этим еще более ободрив слушателя, требует от него и большего любомудрия, говоря: *аще убо алчет враг твой, ухлеби его, аще ли жаждет, напой его. Сие бо творя, углие огненно собираеши на главу его* (Притч. XXV, 22, 23). *Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (ст. 20, 21). Зачем я говорю, продолжает (апостол), что надобно жить в мире с врагом? Я повелеваю и благодетельствовать ему. *Ухлеби его, напой,* сказано. А так как он заповедал весьма трудное и великое, то присовокупил: *сие бо творя, углие огненно собираеши на главу его.* Апостол сказал это для того, чтобы обидчика смирить страхом, а обиженного поощрить надеждой воздаяния. Когда обиженный ослабевает (духом), то не столько поддерживается собственными благами, сколько наказанием оскорбившего его. Ведь ничто так не приятно, как видеть врага наказанным. А чего человек желает, то (апостол) и дает ему прежде; когда же яд извлечен, предлагает ему увещания более возвышенные, говоря: *не побежден бывай от зла.* (Апостол) знал, что враг, хотя бы он был зверь, будучи накормлен, не

останется врагом, и что обиженный, хотя бы он был весьма малодушен, накормив и напоив врага, не станет уже и сам желать наказания его. Потому, будучи уверен в значении дела, он не только не запретил, но делается щедрым на наказание. Не говорит, что ты отметишь, но — *углие огненно собираеши на главу его.* А потом и заповедал ему, говоря: *не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое.* И этим он как бы слегка намекнул, что не должно поступать с таким намерением, так как помнить обиду — значить уже быть побежденным злом. Сначала (апостол) не сказал этого, потому что было еще неблаговременно; когда же истощил гнев слушателя, тогда и присовокупил, говоря: *побеждай благим злое.* Это и есть победа. Ведь и боец удачнее одерживает победу не тогда, когда подвергает себя ударам противника, но когда приводит себя в такое положение, что противник принужден тратить силу на воздух. Таким образом, он не только сам спасается от ударов, но и истощает всю силу противника. То же бывает и при оскорблениях. Когда ты в свою очередь наносишь обиду, тогда побеждает тебя не человек, а, что гораздо постыднее, низкая страсть, потому что тобой овладел гнев; когда же ты молчишь, ты победил, без труда воздвиг себе трофей и будешь иметь тысячи людей, готовых увенчать тебя и сознающих ложь злословия. Кто возражает, тот своими возражениями показывает, что он уязвлен, а кто уязвляется, тот внушает подозрение в том, что сознается в сказанном о нем; а если ты ответишь смехом, то ты смехом уже опроверг худое о тебе суждение. И если ты желаешь получить ясное доказательство справедливости моих слов, то спроси самого врага своего, что для него больнее, то ли, что ты, разгорячившись за оскорбление, платишь ему оскорблением, или то, что ты смеешься над обидчиком? Ты скорее услышишь последнее. Он не столько радуется тому, что

не подвергся в свою очередь оскорблению, сколько уязвляется тем, что не может вывести тебя из терпения. Разве ты не видел, что находящиеся во гневе, ни во что ставя наносимые им удары, со всей стремительностью кидаются и злее дикого вепря стараются только наносить раны ближнему, на одно это обращают внимание и об этом заботятся больше, чем о том, чтобы предохранить себя от болей? Итак, когда ты лишил врага того именно, чего особенно он желает, то ты лишил его всего, унизил и показал, что он достоин презрения, что он ребенок, а не муж, а сам ты, получив известность человека любомудрого, заставишь других думать о нем, как о негодном звере. Так мы и будем поступать и во время нанесения нам побоев, и когда желаем бить, а не будем платить ударом за удар. Но хочешь ли нанести смертельный удар? Ударившему тебя подставь другую щеку – и этим нанесешь ему тысячи ран. Те, которые рукоплещут и удивляются, сделаются для него хуже побивающих камнями, а прежде этих осудит и приговорит его к ужасному наказанию совесть, и он пойдет прочь со стыдом, как осужденный на смерть. Если же ты заботишься и о людской славе, то и ее достигнешь в большей мере таким поступком. И вообще к тем, которые подвергаются несчастьям, мы имеем некоторое сострадание, а когда увидим людей, которые не сопротивляются, но и сами предают себя, то не только сожалеем, но и удивляемся им.

4. Это именно ныне и побуждает меня плакать, – то, что мы, имея возможность получить и настоящие блага и достигнуть будущих, если бы как должно повиновались заповедям Христа, теряем то и другое, потому что не следуем заповеданному и излишне мудрствуем. Христос все узаконил надлежащим образом, и показал, что служит к нашей славе и что к нашему позору. И, конечно, Он предписал не с тем, чтобы сделать учеников

Своих смешными, но заповедал все это потому, что не злословить, когда слышишь злословие, и не делать зла, когда терпишь его, — это возвеличивает нас перед всеми. А если это так, то гораздо лучше на злоречие отвечать добром, хвалить оскорбляющих и благодетельствовать злоумышляющим на нас. Потому Христос и дал такую заповедь. Он щадит учеников Своих и ясно знает, что делает человека малым и великим. А если Он щадит и знает, то зачем ты упорствуешь и хочешь идти иным путем? Ведь побеждать посредством зла есть один из диавольских законов, почему и достигают таким образом победы все подвизающиеся на олимпийских играх, которые посвящены диаволу. Не таков, но совершенно противоположен порядок наград на поприще Христовом: там узаконено увенчивать не поражающего, но поражаемого. Таково поприще Христово, которое все постановления имеет совершенно противоположные и не только победой но и самым способом победы возбуждает еще большее удивление; то, что в другом месте считается поражением здесь составляет победу. Это сила Божия, это небесное поприще, это ангельское зрелище.

Знаю, что и ваши сердца теперь согреты, что и вы теперь стали мягче воска; но вы всего этого лишаетесь, как только удаляетесь отсюда. Потому-то я и скорблю, что мы не исполняем на деле сказанного, хотя и должны приобрести от этого величайшие выгоды. Если мы обнаружили кротость, то сделаемся для всех непобедимыми и ни один человек, ни малый, ни большой, не в состоянии будет причинить нам вреда. Если кто-нибудь станет говорить о тебе худо, он тебе не повредит нисколько, а себе самому нанесет величайший вред, если кто причинит тебе обиду, весь вред падет на обидчика. Разве ты не видел и на судах, что обиженные бывают спокойны, стоят совершенно смело и говорят свободно, а обидчики стоят с поникшей головой, в стыде и

страхе? Но что мне говорит о злоречии и обидах? Если кто изострит на тебя меч и руку свою обагрит в твоей гортани, то не сделает тебе никакого вреда, а себя самого убьет. Это может засвидетельствовать тот, кто первый пал от руки брата. Он отошел в безмятежную пристань, стяжав бессмертную славу, а братоубийца проводил жизнь хуже всякой смерти, стеня и трясясь и на самом теле нося улику своего злодеяния. Конечно, не последнего пожелаем мы, а первого. Кто терпит зло, в том не живет зло, потому что не он его произвел, а принял совне и посредством терпения обратил в добро. А кто сделал зло, в том остается язва зла. Иосиф не был ли в темнице, а жена блудница, умыслившая на него зло, не жила ли в светлом и великолепном доме? Однако кем бы из них ты желал быть? Не говори мне о воздаянии, но исследуй дело само в себе, и тогда в тысячу раз предпочтешь темницу с Иосифом тому дворцу, который вмещал в себе блудницу. А если заглянешь в душу того и другой, то увидишь, что душа Иосифа пользуется всем простором и свободой, а душа египтянки пребывает в тесноте и стыде, в унижении и в страхе, в великой тоске; хотя, по-видимому, она победила, но это была не победа. Итак, зная это, приготовим себя к злостраданиям, чтобы нам и освободиться от злостраданий и получить будущие блага, достигнуть которых да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием и прочее.

БЕСЕДА XXIII

Всяка душа властем предержащим да повинуется (XIII, 1)

1. (Апостол) много рассуждает об этом предмете и в других посланиях, когда говорит о покорности слуг господам и подначальных начальникам. А это он делает с

целью показать, что Христос ввел Свои законы не для ниспровержения общего гражданского устройства, но для лучшего его исправления, и вместе хочет научить, чтобы мы не предпринимали лишних и бесполезных войн. С нас достаточно тех козней, какие строятся против нас за истину, а лишних и бесполезных испытаний присоединять не следует. Заметь же, как благовременно завел (апостол) речь об этом предмете. После того, как предложил слушателям различные требования любомудрия, расположил их жить в мире с друзьями и врагами, научил быть полезными для счастливых, для несчастных, для нуждающихся и, кратко сказать, для всех, после того как насадил житие приличное ангелам, истощил гнев, смирил высокомерие и совершенно умягчил их сердце, – после всего этого предлагает наставление о повиновении властям. В самом деле, если обижающим должно воздавать противоположным, то тем более надлежит повиноваться делающим добро. Но это побуждение (апостол) отлагает к концу своего увещания, а пока не представляет таких доказательств, о которых я упомянул, а призывает нас делать это по сознание долга. И желая внушить, что это всем повелевается, не одним только мирянам, но и священникам и монахам, он объявляет об этом в начале, говоря так: *всяка душа властем предержащим да повинуется;* хотя бы ты был апостол или евангелист, хотя бы ты был пророк и кто-либо другой, но подчинение власти не подрывает благочестия. И (апостол) не просто сказал – да будет послушна, но – *да повинуется.* Первое основание такого законоположения, удовлетворяющее и правильным рассудочным доводам, состоит в том, что власти учреждены от Бога. *Несть бо властъ, аще не от Бога,* говорит (апостол). Как это? Неужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю я, отвечает (апостол). У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о са-

мой власти. Существование властей, при чем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, — все это я называю делом Божией премудрости. Потому (апостол) и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существе власти и говорит: *несть власть, аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть.* Так и Премудрый, когда говорит, что *от Господа сочетавается жена мужеви* (Притч. XIX, 14), разумеет здесь, что брак установлен Богом, а не то, что Бог сочетает каждого вступающего в брак, так как мы видим, что многие вступают в брак с дурным намерением и не по закону брака, и этого мы, конечно, не можем вменить Богу. Но что сказал Христос: *сотворивый искони, мужеский пол и женский сотворил я есть; и рече: сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей* (Мф. XIX, 4, 5), то же самое разумел и Премудрый. Так как равенство часто доводит до ссор, то Бог установил многие виды власти и подчинения, как-то: между мужем и женой, между сыном и отцом, между старцем и юношей, рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. И почему ты удивляешься этому в отношении к людям, когда то же самое Бог устроил и в теле? И здесь Он не все члены устроил равночестными, но сделал один меньше, другой важнее, одни для управления, другие для подчинения. То же самое можно заметить и у бессловесных: у пчел, у журавлей, в стадах диких овец. Даже и море не лишено такого благоустройства, и там многие породы рыб управляются одной, которая и предводительствует прочими и под начальством которой они отправляются в отдаленные путешествия. А безначалие везде есть зло и бывает причиной беспорядка. Апостол, сказав, откуда возникают власти,

присовокупил: *темже противляйся власти, Божию повелению противляется* (ст. 2). Смотри, куда он ведет дело, чем устрашает и как доказывает, что повиноваться – наша обязанность. Чтобы верующие не сказали: ты нас унижаешь и делаешь презренными, подчиняя начальникам тех, которые должны получить небесное царство, – (апостол) доказывает, что и в настоящем случае он подчиняет их не начальникам, но опять Богу, так как подчиняющийся властям повинуется Богу. Впрочем, (апостол) не говорит это в таких, например, словах: кто слушается начальников, тот повинуется Богу; но устрашает противоположным и то же самое подтверждает с большей силой, сказав: кто не повинуется начальнику, тот противится Богу, узаконившему это. И он везде старается внушать это, то есть что мы не дарим властям повиновение, но исполняем долг. Такими наставлениями (апостол) и верующих побуждал к повиновению, и неверующих начальников располагал в пользу (христианского) благочестия. Ведь тогда повсюду носилась молва, обвинявшая апостолов в восстании и нововведениях, а также в том, будто они и словом и делом стараются подорвать все общественные законы. А доказав, что общий наш Владыка повелевает всем соблюдать эти законы, можно и заградить уста клеветников, обвиняющих в нововведениях, и с большей смелостью защищать истинное учение.

2. Итак, не стыдись такого повиновения, говорит (апостол). Этот закон дал Бог, Который грозно и отмщает тем, которые нарушают его. Если ты ослушаешься Его, то Он накажет тебя не случайным наказанием, а самым строгим, и никакие отговорки не спасут тебя, да и от людей ты понесешь жесточайшее наказание, потому что никто за тебя не вступится, а Бога ты сильно прогневаешь. Это самое и внушает (апостол), говоря: *противляющиися же себе грех приимут.* Затем, после стра-

ха, (апостол) доказывает пользу повиновения и убеждает на основании рассудочных доводов, говоря так: *князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым* (ст. 3). Прежде он нанес сильный удар и привел слушателей в страх, а теперь опять делает послабление и, как мудрый врач, дает успокаивающее лекарство, утешает и говорит: чего боишься, чего ужасаешься? Разве начальник наказывает делающего добро? Разве он страшен для заботящегося о добродетели? Потому (апостол) и присовокупляет: *хощеши же ли не боятися власти, благое твори, и имети будеши похвалу от него.* Видишь ли, как он делающего добро примирил с начальником, показав, что начальник поставлен хвалить его? Видишь ли, как он устранил всякий гнев? *Божий бо есть слуга тебе во благое* (ст. 4). Начальник не только не страшен для тебя, но еще и хвалит тебя, не только не препятствует тебе, но еще и содействует. Если же ты имеешь в его лице помощника и хвалителя, то почему не подчиняешься? Он и вообще делает для тебя добродетель более достижимой, так как наказывает злых, а добрым оказывает благодеяния и почести и этим содействует воле Божией; потому (апостол) и назвал его слугой. Смотри: я даю тебе советы относительно целомудрия и он того же требует по законам: я увещеваю тебя, что не должно быть любостяжательным и похищать, и он над тем же поставлен судьей. Таким образом, он наш сотрудник и помощник, на это он и послан Богом. Значит, он в двояком отношении достоин уважения – и потому, что он послан Богом, и потому, что приставлен к одинаковому с нами делу. *Аще ли злое твориши, бойся.* Таким образом, не начальник создает страх, но наша порочность. *Не бо без ума меч носит.* Замечаешь ли, как (апостол) представляет его вооруженным, подобно какому-нибудь воину, чтобы сделать страшным для грешников? *Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему.* А чтобы ты услышав о

наказании, мщении и мече, не побежал прочь, (апостол) снова подтверждает, что начальник исполняет Божий закон. Что из того, если он и сам того не знает? Но Бог так устроил. Итак, если начальник, наказывает ли он, или награждает, Божий есть слуга, потому что защищает добродетель и изгоняет порок, чего и сам Бог хочет, то зачем ты противишься тому, кто производит столько добра и споспешествует успеху твоих дел? Ведь многие сначала навыкли добродетели ради начальников, а впоследствии прилепились к ней из-за страха Божия. На людей более грубых не столько действует будущее, сколько настоящее. Потому тот, кто и страхом и почестями предрасполагает души людей, чтобы они были способны воспринять слово учения, по справедливости назван Божьим слугой. *Тем же, потреба повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть* (ст. 5). Что значит: *не токмо за гнев?* Ты должен повиноваться, говорит (апостол), не потому только, что, не подчиняясь, противишься Богу и от Бога и людей навлекаешь на себя великие бедствия, но и потому, что начальник, как охранитель мира и гражданского благоустройства, есть величайший твой благодетель. Ведь от властей для государств бывают бесчисленные блага; если упразднить их, все погибнет и не устоят ни города, ни села, ни дома, ни торжище и ничто другое, но все испровергнется, так как более сильные поглотят более слабых. Таким образом, если бы за неповиновением и не следовал гнев, то и тогда тебе надлежало бы подчиняться, чтобы тебе не оказаться бессовестным, а также и неблагодарным по отношению к благодетелю. *Сего бо ради и дани даете,* продолжает (апостол): *служители бо Божии суть во истое, сие пребывающе* (ст. 6). Не перечисляя в частности всех благодеяний, какими государства обязаны своим правительствам, как-то: благочиние, мир и другие услуги, происходящие от воен-

ных властей и от заведующих общественными делами, (апостол) на все это приводит одно следующее доказательство. Платя дань правительству, говорит он, этим самым ты свидетельствуешь, что оно благодетельствует тебе. Заметь мудрость и благоразумие блаженного Павла. То, что признавалось тягостным и обременительным, то есть налоги, он обращает в доказательство попечительности властей. За что, спрашивает он, мы даем царю дани? Не за то ли, что он заботится о нас, и не даем ли мы эту награду правителю за его попечение? Конечно, мы не стали бы платить даней, если бы заранее не знали, что покровительство начальства будет для нас полезно: потому издревле, с общего согласия, всеми принято, чтобы правители содержались на наш счет, потому что они, оставив собственные дела, заботятся о делах общественных и все свое время тратят да то, чтобы наша собственность была неприкосновенна.

3. Но сказав о внешних побуждениях (к признанию властей), апостол опять возвращается к прежнему своему доказательству, потому что таким образом он удобнее мог привлечь на свою сторону верующих, и снова показывает, что так угодно Богу, чем и заключает свое увещание, говоря: *служители бо Божии суть*. Потом, изображая заботы и труды начальников, он присовокупляет: *во истое сие пребывающе,* то есть на то посвящена вся жизнь их, к тому направляются и все их заботы, чтобы ты наслаждался миром. Потому и в другом послание (Павел) повелевает не только подчиняться начальникам, но и молиться за них, причем, показывая общую от этого пользу, присовокупил: *да тихое и безмолвное житие поживем* (1 Тим. II, 2). Ведь начальники немало содействуют нам в устройстве настоящей жизни тем, что действуют оружием, отражают неприятелей, усмиряют крамольников в городах, разрешают всякие ссоры. Не

говори мне, что иной употребляет власть во зло, но обрати внимание на благочинность строя, и увидишь великую мудрость у того, кто в начале узаконил это. *Воздадите убо всем должная: емуже убо урок, уроку, а емуже дань, дань; а емуже страх, страх; и емуже честь, честь. Ни единому же ничимже должни бывайте, точию еже любити друг друга* (ст. 7, 8). Апостол продолжает речь о том же самом и повелевает приносить начальникам не только деньги, но и честь и страх. Как же он выше сказал: *хощеши ли не боятися власти, благое твори,* а теперь говорит: *воздадите страх?* Здесь под страхом он разумеет высшую степень почтения, а не страх, происходящий от худой совести, какой разумел выше. И не сказал: дайте, но: *воздадите,* притом присовокупил: *должная,* так как исполнение этого не есть дар, но долг, и если не исполнишь, то будешь наказан, как неблагодарный. Не думай, что достоинство твоего любомудрия унижается и терпит ущерб, если в присутствии начальника ты встанешь или откроешь голову. Если (апостол) узаконил это, когда начальниками были язычники, то тем более должно это быть ныне, когда мы имеем начальниками верующих. Если же скажешь, что самому тебе вверено больше, то знай, что еще не пришло твое время; ведь ты еще странник и пришлец, а будет время, когда окажешься светлее всех. Ныне *живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же Христос явится, тогда и вы с Ним явитеся в славе* (Кол. III. 3, 4). Итак, не ищи себе воздаяния во временной жизни; но если бы и со страхом надлежало тебе предстать перед начальником, не думай, что это недостойно твоего благородства. Так угодно Богу, чтобы начальник, принявший от Него власть, имел свою силу. Если и не сознающий за собой ничего худого предстает перед судьей со страхом, то тем более должен страшиться делающий дурное. А ты от этого будешь еще в большей чести, потому что

унижение создается не тем, что ты оказываешь другому почтение, а тем, что не оказываешь его. И начальник тебе же больше станет удивляться, и хотя бы был даже неверный, прославит твоего Господа. *Ни единому ничимже должни бывайте, точию еже любити друг друга.* (Апостол) снова обращается к матери всех благ, к наставнице во всем сказанном выше, к создательнице всякой добродетели, и говорит, что и любовь есть долг наш, но не такой, как подать или оброк, но постоянный. Он желает, чтобы долг этот никогда не был уплачен, а лучше сказать, чтобы он всегда уплачивался, но не вполне, а так, чтобы нам постоянно оставаться в долгу. Ведь это и есть такого рода долг, чтобы всегда его уплачивать и всегда быть должным. Сказав же, как должно любить, (апостол) указывает и пользу любви, говоря: *любяй бо друга, закон исполни.* И этого не считай милостью, так как и это долг; ты обязан любить брата по духовному с ним родству, и не только по родству, но и потому, что мы члены друг для друга, и если любовь в нас оскудеет, то все разрушится. Итак, люби брата. Если от любви к нему ты приобретаешь ту пользу, что исполняешь закон, то ты обязан любить его и потому, что облагодетельствован им. *Еже бо: не прелюбы сотвориши, не убиеши, не украдеши, не лжесвидетельствуеши, и аще кая ина заповедь, в сем словеси совершается, во еже: возлюбиши искренняго твоего, якоже сам себе* (ст. 9). (Апостол) не сказал просто — исполняется, но — *совершается,* то есть сокращенно и вкратце вмещается весь состав заповедей, так как начало и конец добродетели — любовь; она — и корень и необходимое условие, и вершина добродетели. А если любовь есть начало и полнота, то что ей равняется?

4. Впрочем, (апостол) требует не просто любви, а любви в высшей степени, так как не просто сказал: *возлюбиши искренняго твоего,* но присовокупил: *якоже сам*

себе. И Христос сказал, что на любви утверждаются закон и пророки (Мф. XXII, 40), и, указав два вида любви, смотри, какое высокое место дал любви к ближнему. Сказав: *возлюбиши Господа Бога твоего, сия есть первая заповедь,* он продолжал: *вторая же,* и здесь не замолчал, а прибавил: *подобна ей, возлюбиши искренняго твоего яко сам себе.* Что может сравняться с таким великим человеколюбием, с такой кротостью? Хотя мы бесконечно отстоим от Бога, однако Он любовь нашу друг к другу ставит близ любви к Нему самому и одну называет подобной другой. Потому для той и другой любви Он положил почти равную меру, и о любви к Богу сказал: *всем сердцем твоим, и всею душею твоею,* а о любви к ближнему – *яко сам себе* (Мф. XXII, 37–39). А Павел говорит, что если нет любви к ближнему, то немного пользы и от любви к Богу. Как мы, когда любим кого-нибудь, говорим, что если ты полюбил его, то и меня полюбил, так и Христос, выражая это, сказал: *подобна ей,* а Петру: если любишь Меня, *паси овцы Моя* (Ин. XXI, 16). *Любы искреннему зла не творит: исполнение убо закона любы есть* (ст. 10). Замечаешь ли, что любовь имеет то и другое совершенство – и воздержание от зла *(зла бо,* сказано, *не творит),* и делание добра (сказано – она есть *исполнение закона),* не только вкратце представляя для нас учение о том, что должно делать, но и делая легким исполнение этого. Она не только заботится о том, чтобы мы уразумели полезное для нас (это делает и закон), но и много споборствует нам в исполнении обязанностей, совершая в нас не одну какую-либо часть заповедей, но всю добродетель во всей ее полноте. Потому, будем любить друг друга, и таким образом возлюбим любящего нас Бога. У людей так бывает, что когда ты полюбишь кого, то другой, любящий его, вооружается против тебя; но Бог требует, чтобы и ты приобщился любви, и ненавидит того, кто не разделяет с Ним любви.

Любовь человеческая исполнена зависти и злобы, а любовь Божия свободна от всякой страсти. Потому Бог и ищет сообщников любви. Люби вместе со Мной, говорит Он, тогда и Я больше буду любить тебя. Вот слова беспредельно любящего! Если ты любишь любимых Мной, тогда Я вижу, что и Меня ты любишь усердно. Бог сильно желает нашего спасения и доказал это в самом начале. Послушай, что говорил Он, когда творил человека: *сотворим человека по образу* Божию (Быт. I, 26), и еще: *сотворим ему помощника, не добро быти ему единому* (Быт. II, 18). И потом, когда первый человек впал в преступление, заметь, как Бог кротко укорял его; Он не сказал ему: нечистый и пребеззаконный, получив от Меня так много благодеяний, ты и после всего этого поверил диаволу и, оставив Благодетеля, послушался демона! Но что говорит? *Кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы, от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси* (Быт. III, 11)? Так сказал бы и отец сыну, которому он приказал не трогать меча и который, не послушавшись, ранил себя: отчего ты ранен? От того, что меня не послушался. Замечаешь ли, что это – слова больше друга, чем Владыки, друга, подвергшегося обиде, но и при всем том не переставшего любить? Будем же и мы подражать Богу и, когда станем укорять других, будем сохранять такую же кротость. С той же снисходительностью укоряет Бог и жену, а правильнее сказать, слова, обращенные к жене, были не укоризной, а советом, вразумлением и предостережением на будущее время. Потому Бог не говорит ничего такого змию, так как он был изобретателем зла и не мог сложить вины на другого. Зато Бог сильно наказал его, и даже не остановился на этом, но и самую землю подверг общему с ним проклятию. Если же Он и человека изгнал из рая и осудил на труд, то за это в особенности и должно поклоняться Ему и удивляться. Так как жизнь, проте-

кающая в удовольствиях, приводит человека к нерадению, то Бог пресекает для него веселье, и скорбями, как стеной, ограждает нерадение, чтобы мы возвратились к любви Его. А как поступил Он с Каином? Не с такой ли кротостью? Будучи опять оскорблен им, Он не отвечает обидой, но увещевает и говорит: *вскую испаде лице твое* (Быт. IV, 6)? Хотя поступок Каина не заслуживает никакого извинения, что и доказывает младший брат, но при всем том Бог не укоряет его, но говорит: *не согрешил ли еси? Умолкни,* не приложи к тому, *к тебе обращение его,* то есть брата, *и ты тем обладаеши* (Быт. IV, 7). Если ты боишься, говорит Бог, что ради этой жертвы я навсегда лишу тебя прав первородства, то ободрись: я отдаю в твои руки полную власть над братом, исправься только и люби брата, который ничем тебя не обидел; Я забочусь о вас обоих. И Меня более всего радует то, чтобы вы не враждовали друг на друга. Так Бог, подобно чадолюбивой матери, употребляет все средства и меры, чтобы ни один человек не был отторгнут от другого.

5. А чтобы тебе яснее из примера понять сказанное много, подумай о Ревекке, как она тревожилась и прибегала к разным способам, когда старший сын враждовал против младшего. Ведь хотя и любила она Иакова, но не отвращалась и от Исава, почему и говорила: *да не когда бесчадна буду от обоих вас в день един* (Быт. XXVII, 45). По такому же побуждению и Бог говорил Каину: *не согрешил ли еси? Умолкни, к тебе обращение его,* — желая предотвратить убийство и стараясь водворить между братьями мир. Даже когда Каин убил брата, Бог не лишил его Своего промышления, но опять с кротостью обращается к братоубийце и говорит: *где есть Авель брат твой* (Быт. IV, 9), — чтобы хотя таким образом заставить его сознаться в преступлении. Но Каин, как и прежде, и даже с большим и грубейшим бесстыдством, упорству-

ет. Но и после этого Бог не оставляет его, а словами оскорбляемого и пренебрегаемого друга говорит ему: *глас крове брата твоего вопиет ко Мне* (Быт. IV, 10). И вместе с убийцей опять поражает проклятьем землю, на нее изливает гнев Свой, и говорит: проклята земля, *яже разверзе уста своя, прияти кровь брата твоего* (Быт. IV, 11), – подражая в этом случае плачущим по умершим. Так поступил и Давид, узнав, что Саул пал; он проклинал горы, принявшие кровь Саула, и восклицал: *горы Гельвуйския, да не снидет роса, ниже дождь на вас: яко тамо повержен бысть щит сильных* (2 Цар. I, 21). Так и Бог, как бы возглашая надгробную песнь Авелю, говорит: *глас крове брата твоего вопиет ко Мне; и ныне, проклят ты от земли, яже разверзе уста своя, прияти кровь брата твоего от руки твоея.* Этими словами Бог хотел укротить кипящий гнев Каина и возбудить в нем любовь хотя бы к умершему. Ты угасил жизнь его, говорит Господь, почему же не угашаешь вражды? Но что еще делает Господь? Он любит и Авеля и Каина, потому что Он сотворил их обоих. Как же поступить Ему теперь? Оставить убийцу без наказания? Но он может сделаться от этого еще хуже. Или наказать его? Но Бог чадолюбивее всякого отца. Итак, смотри, как Он и наказывает Каина, и в самом наказании обнаруживает любовь, или лучше сказать, не наказывает, а только исправляет. Он не предал его смерти, но связал трепетом, чтобы он мог загладить вину свою, чтобы хотя таким путем мог он возвратиться в лоно любви Божией и примириться с Авелем, хотя и умершим, так как Бог не хотел, чтобы Каин ушел из этого мира во вражде против умершего брата. Так поступают любящие, которые, когда не могут возбудить к себе любви благодеяниями, прибегают к строгим мерам и угрозам, побуждаемые к этому не внушением своей воли, но любовью, чтобы хотя таким средством привлечь к себе тех, которые их презирают.

Конечно, такая любовь возникает в других под влиянием принуждения, однако они и ею утешаются, вследствие сильной своей любви; таким образом и наказание бывает следствием любви. Ведь те, которые не оскорбляются тем, что их ненавидят, не желают и наказывать. Это самое Павел подтверждает в послании к Коринфянам говоря: *кто есть веселяяй мя, точию приемляй скорбь от мене* (2 Кор. II, 2)? Таким образом, всякий раз, когда усиливают наказание, тогда доказывают и любовь. Так и египтянка, вследствие сильной любви, жестоко наказала Иосифа. Но она наказала по злому побуждению, потому что любовь ее была бесстыдна; а Бог наказывает с доброй целью, потому что Его любовь достойна любящего. И чтобы ты уразумел силу любви Его, Бог не отказывается употреблять более грубые выражения, приписывать Себе страсти человеческие и называть Себя ревнивым. *Аз бо есмь Бог ревнитель* (Исх. XX, 5), говорит Он.

Потому, возлюбим Его так, как Он желает, – это Он считает великим делом. Если мы и отвращаемся от Него, Он не перестает призывать нас, если и не хотим обратиться, Он наказывает, потому что любит, а не для того, чтобы подвергать наказанию. Послушай, что у Иезекииля говорит Он городу, Им любимому и презиравшему Его: *Аз соберу на тя вся похотники твоя, и предам тя в руце их; и побиют тебе камением, и изсекут, и отъмется рвение Мое от тебе, и почию, и ктому не попекуся* (Иез. XVI, 37–42). Мог ли больше этого сказать горячо любящий друг, презираемый своей возлюбленной и, несмотря на это, еще пламенеющий к ней любовью? Бог все делает, чтобы склонить нас любить Его; для этого Он не пощадил и Сына Своего. Но мы непреклонны и жестокосерды. Сделаемся же, наконец, кроткими и возлюбим Бога, как любить должно, чтобы мы могли с полным удовольствием наслаждаться добродетелью. Если

тот, кто имеет любимую жену, нисколько не чувствует ежедневных огорчений, то представь, каким удовольствием будет наслаждаться тот, кто любит божественной и чистой любовью. В этом, именно в этом заключается небесное царствие, в этом наслаждение благами, удовольствие, веселье, радость, блаженство, а вернее — что бы я ни сказал об этом, ничто не в состоянии будет изобразить его, но один только опыт может с ним познакомить. Потому и пророк сказал: *насладися Господеви* (Пс. XXXVI, 4), и в другом месте: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. XXXIII, 9). Итак, станем повиноваться и насладимся любовью Его. И тогда еще здесь мы узрим царство, поживем ангельской жизнью и, пребывая на земле, будем иметь у себя нисколько не меньше, чем обитающие на небе, а после переселения отсюда, светлее всех предстанем престолу Христову и будем наслаждаться неизреченной славой, быть участниками которой да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV

И сие ведяще время, яко час уже нам от сна востати (XIII, 11)

1. Апостол, после того как предписал все то, что нужно, побуждает римлян к совершению добрых дел и самой краткостью времени. Время суда, говорит он, стоит уже при дверях, как он писал коринфянам: *яко время прекращено есть прочее* (1 Кор. VII, 29), а также евреям: *еще мало елико елико, грядый приидет и не укоснит* (Евр. X, 37). Но там он говорил, восстановляя трудящихся и утешая в подвигах от постоянных искушений,

а здесь он пробуждает спящих; и действительно, это слово (апостола) полезно для нас в обоих случаях. Что же значит это: *час уже нам от сна востати?* Это значит: близко воскресение, близок страшный суд, близок день, как раскаленная печь, и нам должно уже освободиться от нерадения. *Ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом.* Видишь ли, как (апостол) представляет уже им воскресение? С течением времени, говорит он, настоящая жизнь истрачивается, а жизнь будущего века становится ближе. Если ты приготовился и исполнил все заповеданное Богом, то день этот будет для тебя днем спасения, в противном же случае этого не будет. Впрочем, (апостол) пока убеждает указанием не на скорби, а на блага, и таким образом отвлекает римлян от пристрастия к настоящему. Затем, так как было вполне естественно, что они сначала, вскоре по принятии веры, отличались большей ревностью, потому что в них еще сильно было чувство, а с течением времени всякая ревность ослабела, то (апостол) и внушает, что следует поступать совершенно напротив и, с течением времени, не ослабевать, но более процветать. Ведь чем ближе к нам царь, тем более мы должны быть готовы, чем ближе награда, тем больше мы должны возбуждать себя к подвигам. Так делают и состязающиеся в беге: они, когда приближаются к цели и к получению награды, тогда еще больше напрягают свои силы. Потому-то (апостол) сказал: *ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом. Нощь убо прейде, а день приближися* (ст. 12). Итак, если ночь оканчивается, а день приближается, то займемся уже дневными делами, а не ночными. Так бывает и в делах житейских: как только мы замечаем, что ночь близится к утру, и услышим пение ласточки, то будим каждый своего ближнего, хотя бы ночь еще и не прошла; а когда, наконец, она пройдет, то мы понуждаем друг друга,

говоря: наступил день, и, одевшись, расставшись с грезами и освободившись от сна, принимаемся за все дневные дела, чтобы день застал уже нас готовыми, чтобы нам не пришлось вставать и потягиваться тогда, когда солнечные лучи уже сияют. Как мы ведем себя в делах житейских, так будем поступать и в делах духовных: совлечем с себя мечтания, освободимся от грез настоящей жизни, отложим глубокий сон и, вместо одежд, облечемся в добродетель. Все это ясно и выразил (апостол), сказав: *отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света*. Ведь день призывает нас в строй и на сражение. Но не бойся, услышав об ополчении и оружии. Тяжело и нежелательно облекаться в вещественное оружие; но облечься в духовное оружие вожделенно и достожелательно, потому что это есть оружие света. Оно являет тебя светлее солнечных лучей, испускающих яркое сияние, оно ставит тебя в безопасность, потому что есть *оружие;* оно делает тебя светоносным, потому что оно есть оружие *света*. Что же? Поэтому не нужно и сражаться? Сражаться необходимо, но не опасайся при этом бед и трудов, потому что это не брань, а ликование и торжество. Таково свойство этого оружия; таково могущество вождя. Облеченный в это оружие так же украшен, как и жених, выходящий из брачного чертога, потому что он вместе и воин и жених. Сказав: *день приближися,* (апостол) изображает его не приближающимся, но уже наступившим. Он говорит: *яко во дни, благообразно да ходим* (ст. 13), потому что день уже настал. И чем преимущественно большинство людей побуждается к деятельности, этим (апостол) и привлекает их, то есть благообразием. И он не сказал — ходите, но — станем ходить, чтобы сделать увещание не тяжким и упрек легким. *Не козлогласовании и пиянствы.* Здесь (апостол) не пить запрещает, а пить без меры, не употребление вина изгоняет, но пьянство. Так и в сле-

дующих словах он предписывает меру наслаждений, говоря: *не любодеянии и студодеянии.* И здесь он возбраняет не совокупление с женщинами, а блуд. *Не рвением и завистию.* (Апостол) угашает главные страсти — вожделение и гнев, и возбраняет не только сами страсти, но и источник их.

2. Ничто ведь так не разжигает вожделение и не воспламененяет гнев, как нетрезвость и пьянство. Потому (апостол), сказав сначала: *не козлогласовании и пианствы,* присовокупил потом: *не любодеянии и студодеянии, не рвением и завистию.* И на этом он не остановился, но, совлекши с нас худые одежды, послушай, как украшает, говоря: *но облецытеся Господем нашим Иисусом Христом* (ст. 14). Не сказал — облекитесь в дела; но возвел слушателей выше. В самом деле, когда он говорил о пороках, то сказал и о делах, а когда начал речь о добродетели, то не говорит уже о делах, но об оружии, показывая тем, что добродетель поставляет обладающего ею в совершенной безопасности и полном блеске. Даже и этим он не ограничился, но простираясь выше, вместо одеяния, дает нам — что возбуждает великий трепет — самого Владыку, самого Царя. Кто в Него облечен, тот вполне вмещает в себе всякую добродетель. Когда же говорит: *облецытеся,* то повелевает нам отовсюду окружать себя Им. Подобное тому он выражает и в других местах, именно: *аще же Христос в нас* (Рим. VIII, 10), и еще: *во внутреннем нашем человеце вселитися Христу* (Еф. III, 16, 17). Апостол желает, чтобы душа наша была домом Христовым, чтобы Христос облегал нас, как одежда, был для нас всем и внутри и совне. Христос есть наше исполнение, так как Он *исполнение исполняющаго всяческая во всех* (Еф. I, 23). Он путь, Он супруг и жених: *обручих бо вас единому мужу деву чисту* (2 Кор. XI, 2). Он корень и питье, пища и жизнь: *живу не ктому аз,* говорит (Павел), *но живет во мне Христос*

(Гал. II, 20). Он апостол, архиерей и учитель, отец, брат и сонаследник, сообщник в гробе и в кресте: *спогребохомся Ему,* сказано, *и снасаждени быхом подобию смерти Его* (Рим. VI, 4, 5). Он ходатай: *по Христе бо посольствуем* (2 Кор. V, 20). Он защитник наш перед Отцом, потому что, как говорит (Павел), *ходатайствует о нас* (Рим. VIII, 34). Он дом и обитатель: *во мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. VI, 56). Он Друг: *вы друзи Мои есте* (Ин. VI, 14). Он основание и краеугольный камень, а мы Его члены и нива. Его здание, ветви и сотрудники. И чем только не желает Он сделаться для нас, чтобы всяким способом прилепить и присоединить к Себе? Все это свойственно безмерно любящему. Итак, покорись Ему и, восстав от сна, облекись в Него, а облекшись, держи в покорности перед Ним и плоть свою. Это и разумел (апостол), сказав: *плоти угодие не творите в похоти.* Как выше он запретил не употребление вина, но пьянство, не брачную жизнь, но распутство, так и теперь запрещает не попечение о плоти, но попечение, простирающееся до похотей, то есть сверх нужды. А что сам он велит иметь попечение о плоти, послушай, как говорит об этом Тимофею: *мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых недугов* (1 Тим. V, 23). Подобно и во всем прочем имей попечение о плоти, но для поддержания здоровья, а не для удовлетворения чувственности. Ведь это не значит, конечно, иметь попечение, когда подкладываешь огонь и разжигаешь печь. А чтобы точнее вам узнать, когда попечение о плоти простирается до похоти, и чтобы избегать такого попечения, представьте себе людей, предающихся пьянству, объедению, пристрастных к нарядам, забавам, ведущих жизнь изнеженную и роскошную, и тогда вы поймете сказанное (апостолом). Такие люди все делают не для поддержания здоровья, а для того, чтобы веселиться и распалять похоть. Но ты, облекшись во Христа и отвергнув все

это, стремись только к одному тому, чтобы иметь здоровое тело, заботясь о нем столько, сколько нужно для этого, далее же того не простирайся, но все свое попечение употреби на заботы о духовном. Таким образом ты, не будучи отягчен этими различными похотями, будешь в состоянии восстать от греховного сна. Подлинно, настоящая жизнь есть сон и случающееся в жизни этой ничем не отличается от сонных грез. И как спящие говорят сами с собой и часто видят нечто совсем недействительное, так и мы поступаем и даже гораздо хуже того. Сделавший или сказавший что-нибудь непристойное во сне, освободившись от сна, обыкновенно освобождается и от стыда и не подвергается наказанию. Не то будет с нами после этой жизни, но позор и наказание будут вечными. Равным образом, те, которые богатеют во сне, с наступлением дня, удостоверяются, что напрасно льстили себя богатством; в настоящей же жизни часто удостоверение приходит и прежде наступления дня, и прежде, чем мы переселимся отсюда, эти грезы уже рассеиваются. Итак, отрясем, наконец, этот лукавый сон. Если день застигнет нас спящими, то мы сделаемся добычей неумирающей смерти. Да и до наступления того дня всем здешним врагам – и людям, и демонам – легко будет нападать на нас; если даже они захотят умертвить нас, никто им в том не воспрепятствует. Если бы много было бодрствующих, то не было бы и такой опасности; но так как теперь кой-где один и другой, зажегши светильник, бодрствуют, все же прочие, как в глубокую ночь, погружены в сон; то нам необходимо совершенное бодрствование и полная осторожность, чтобы не потерпеть ужасных бедствий.

3. Но не кажется ли нам, что и ныне ясный день? Не думаем ли мы, что все бодрствуем и трезвимся? Может быть, вы и засмеетесь словам моим, но я, конечно, ска-

жу: все мы подобны погруженным в сон и храпящим среди глубокой ночи. И если бы можно было видеть бестелесное существо, то я показал бы вам, как очень многие предаются крепкому сну, а между тем диавол подкапывает стены, умерщвляет спящих и похищает внутренние сокровища, делая все без опасения, как в глубокой тьме. А лучше сказать, хотя и невозможно видеть этого глазами, опишем в слове и размыслим, сколько существует людей, отягченных злыми страстями, сколько одержимых тяжким помрачением сладострастия и угасивших в себе свет Духа. Потому они, вместо одного, смотрят и слушают другое и не обращают внимания ни на что, здесь излагаемое. Если же я говорю неправду и ты стоишь теперь в состоянии бодрствования, то скажи мне, что здесь происходило сегодня, если, действительно, ты все это слышал не как сон? Знаю, что некоторые мне ответят, да я и говорю это не о всех. Но ты повинный в том, о чем здесь сказано, ты, который пришел сюда напрасно, скажи, какой пророк, какой апостол беседовал ныне с нами и о чем? Но ты не можешь сказать этого, потому что в это время ты о многом беседовал сам с собой, как бы во сне, и не слышал того, что вне тебя происходило в самой действительности. То же самое я должен сказать и женщинам, потому что и они пребывают в глубоком сне, и хорошо было бы, если бы только во сне. Ведь спящий не говорит ничего ни худого, ни хорошего, а бодрствующий, подобно вам, много изрекает слов на несчастье собственной своей головы, высчитывая проценты, оценивая залоги, вспоминая о бесстыдных барышах и посевая множество терний в душе своей, а доброму семени не давая пустить даже небольшого ростка. Но восстань от сна, исторгни с корнем эти терния, отрезвись от опьянения, от которого и сон. Я разумею здесь опьянение, происходящее не только от вина, но и от житей-

ских забот, а вместе с тем и от вина. И в этом я увещеваю не одних богатых, но и бедных, всего же более тех, которые устраивают дружеские пиршества. Ведь это не есть ни удовольствие, ни отдых, но наказание и мука, потому что удовольствие состоит не в постыдном разговоре, но в благопристойной беседе, не в пресыщении, а в насыщении. Если же ты считаешь это удовольствием, то покажи мне и в течение вечера это удовольствие; но ты не можешь. Я еще не говорю о вреде, происходящем отсюда, а пока беседую с тобой об удовольствии, тотчас происходящем; едва пир окончился, как веселье тотчас обыкновенно и улетает. Но если еще упомяну о рвоте, о тяжести в голове, о бесчисленных болезнях, о пленении души, то что ты скажешь мне на это? Неужели мы должны позорно вести себя потому, что бедны.

Но говоря это, я не запрещаю вам сходиться и совместно отобедать, а запрещаю вам позорить себя, желаю, чтобы ваше удовольствие было действительным удовольствием, а не обращалось в наказание, в муку, в пьянство и буйное веселье. Пусть узнают язычники, что христиане лучше всех умеют веселиться, но веселиться благопристойно, так как сказано: *радуйтеся Господеви с трепетом* (Пс. II, 11). Как же должно радоваться? Возглашая гимны, совершая молитвы, воспевая псалмы вместо позорных тех песен. Таким образом сам Христос будет присутствовать при твоей трапезе и исполнит благословения все пиршество, — когда ты будешь молиться, когда будешь петь духовные песни, когда призовешь нищих к участию в предлагаемом тобой, когда на своем пире ты будешь соблюдать полное благочиние и умеренность; таким образом место собрания ты сделаешь церковью, — когда, вместо неприличных криков и рукоплесканий, будешь воспевать Владыку всяческих. Не говори мне, что ныне заведен другой обычай, но

исправь то, что худо. *Аще ясте*, говорит (апостол), *аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. X, 31). А от ваших пиров рождаются у вас худые пожелания; отсюда распутные дела, отсюда жены ваши оказываются в презрении, а блудницы в чести; отсюда гибель домов, бесчисленные бедствия, все приходит в беспорядок и вы, оставив чистый источник, устремляетесь к грязному болоту. А что тело развратной женщины есть такое именно болото, об этом я спрашиваю не кого другого, а тебя самого, валявшегося в этом болоте, — не стыдишься ли ты самого себя, не считаешь ли ты сам себя нечистым после греха? Потому, умоляю вас, бегайте блуда и матери блуда — пьянства. Зачем ты сеешь там, где не можешь пожать, или лучше сказать, если и пожнешь, то самый плод покроет тебя большим бесславием? Если и родится ребенок, то и тебе будет позор, и он по твоей вине будет страдать, как незаконнорожденный и худородный. Хотя бы ты оставил ему тысячи, все-таки бесчестен в доме, бесчестен в городе, бесчестен и перед судом тот, кто рожден от блудницы или от рабы; бесчестен и ты сам, как при жизни, так и по смерти, потому что, когда и умрешь, останутся после тебя памятники твоего позора. Итак, зачем же ты все бесчестишь?

4. Да и зачем ты сеешь там, где самая нива усиливается погубить плод, где множество причин бесплодия, где прежде рождения совершается убийство, так что ты не только предоставляешь блуднице оставаться блудницей, но и делаешь ее убийцей? Видишь ли, как от пьянства происходит блуд, от блуда прелюбодеяние, от прелюбодеяния убийство, или правильнее сказать, нечто хуже убийства, я даже не знаю, как и назвать это, так как здесь не умерщвляется рожденное, но самому рождению полагается препятствие. Итак, что же? Не значит ли это, что ты оскорбляешь дар Божий, борешься

с божественными законами, стремишься, как за благословением, за тем, что есть клятва, сокровищницу рождения делаешь сокровищницей убийства, женщину, сотворенную для деторождения, располагаешь к убийству? Ведь порочная женщина, чтобы всегда быть приятной и привлекательной для своих любовников и выманивать от них больше денег, не отказывается и это сделать и тем собирает великий огонь на твою голову, так как хотя решение (на преступление) и принадлежит ей, но главной причиной бываешь ты. Отсюда возникает и идолослужение. Многие женщины, чтобы сделаться приятными, употребляют наговоры, возлияния, любовные снадобья и другие бесчисленные средства. Но, несмотря на столь великий позор убийства и идолослужения, многим это дело представляется безразличным, многим и из тех, которые имеют собственных жен: здесь-то и бывает наибольшее стечение пороков. Здесь приготовляются врачебные средства не только против плода в утробе блудницы, но и против оскорбленной супруги, здесь бывают тысячи злоумышлений, призывание демонов и вызывание мертвых, отсюда возникают ежедневные ссоры, непримиримая борьба и поминутные столкновения. Потому и Павел, сказав — *не любодеянии и студодеянии,* присовокупил: *не рвением и завистью,* так как знал, что следствием первого бывает вражда, гибель домов, обиды законным детям и тысячи зол. Чтобы нам избежать всего этого, облечемся во Христа и всегда с Ним пребудем, а облечься во Христа значит никогда не оставаться без Него, но всегда являть Его в себе своей святостью и правотой. И о друзьях, чтобы изобразить их сильную любовь и неразрывную связь, мы говорим, что один облечен в другого, так как облекшийся представляется тем, во что облечен. Потому пусть и в нас всегда остается Христос. Как же Он явится? Если Ты будешь подражать Ему и делам Его. Что же

сделал Христос? *Сын человеческий*, говорит (Он о Себе), *не имать где главу подклонити* (Лк. IX, 58). И ты подражай этому. Когда надлежало вкусить пищу, Христос употреблял ячменные хлебы; когда был в пути, не имел у себя ни коней, ни вьючных животных, но ходил пешком, даже до утомления; когда необходимо было уснуть, ложился вместо возглавия на корме лодки; когда надо было возлежать, приказывал садиться на траве. И одежды Его были не дорогие; часто Он ходил один, никого при Себе не имея. Далее, узнав все слова и дела Его на кресте и среди различных поруганий и вообще всю жизнь Его, старайся подражать ей; таким образом ты и облечешься во Христа, если попечений о плоти не будешь простирать до похотей, каковое занятие не доставит тебе никакого удовольствия. Ведь пожелания такого рода рождают новые, еще более беспокойные, и ты никогда не достигнешь насыщения, но будешь причинять себе великое мучение. Как томимый непрестанной жаждой, хотя бы перед ним были тысячи источников, не извлекает из того никакой пользы, не имея возможности угасить болезни, так бывает и с человеком, непрестанно живущим в похотях. Но если будешь ограничиваться потребным, то никогда не подвергнешься такой горячке, но освободишься от всего этого — и от пьянства и от распутства. Потому, ешь столько, сколько нужно для утоления голода, одевайся так, чтобы быть только прикрытым, не наряжай своей плоти в одежды, чтобы не погубить ее, потому что посредством излишней неги сделаешь ее более слабой, расстроишь ее здоровье и приведешь ее в совершенное изнеможение. Итак, чтобы плоть твоя была прекрасной колесницей души, чтобы кормчий безопасно сидел у кормила, чтобы воин легко мог владеть оружием, — соблюдай во всем благочиние. Не тот, кто много имеет, но тот, кто немногим удовлетворяется, бывает

непобедимым. Первый, хотя бы и не потерпел обид, боится, а последний, хотя бы и был обижен, останется в лучшем расположении духа, чем не обиженный, и потому будет благодушнее. Потому не о том будем стараться, чтобы никто не обижал нас, но о том, чтобы не мог сделать нам обиды и тот, кто бы захотел. А этого не иначе возможно достигнуть, как ограничивая себя одним необходимым и не желая большего. Таким образом мы будем иметь возможность и здесь наслаждаться радостью, и получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXV

Изнемогающаго же в вере приемлите, не в сомнение помышлений. Ов бо верует ясти вся, а изнемогаяй зелия да яст (XIV, 1, 2)

1. Знаю, что слова эти многим трудны для понимания. Потому прежде всего необходимо изложить содержание всего этого места и сказать, что (апостол) желал исправить, когда писал об этом. Итак, что же он хотел исправить? Были многие из уверовавших иудеев, которые, имея совесть, связанную законом, и по принятии веры, наблюдали строгую разборчивость в пище, еще не осмеливаясь совершенно отступить от закона. Затем, воздерживаясь только от свиного мяса, они, чтобы не подпасть нареканию, стали потом воздерживаться и от всего мясного и ели одни только овощи с таким расчетом, чтобы происходящее казалось соблюдением поста, а не закона. С другой стороны, были и более совершенные в вере, которые, сами нисколько не соблюдая подобной разборчивости в пище, отягощали и огорчали

соблюдавших ее своими укоризнами и обличениями, ввергая их в уныние. Потому блаженный Павел опасался, чтобы они, имея намерение исправить неважный недостаток, не испортили всего, желая отклонить немощных в вере от разборчивости в пище, не довели их до отпадения от веры и, стараясь прежде времени все возвести к совершенству, не нанесли бы вреда настоящему их благу, а непрестанными своими укоризнами не поколебали бы их в исповедании Христовом, так что после этого нельзя было бы исправить ни того, ни другого. Смотри же, как благоразумно действует апостол и как со свойственной ему мудростью он заботится о пользе той и другой стороны. Он не решается сказать укоряющим: «вы делаете худо», чтобы не утвердить других в разборчивости, а равно и не говорит: «хорошо вы делаете», чтобы они не стали нападать еще сильнее, но употребляет соразмерное запрещение: по-видимому, он укоряет сильнейшую сторону, однако его укоризна вся падает и на противную сторону. Это самый легкий способ исправления, когда, обращая слово к одному, наносишь удар и другому. Тогда тому, кому делается запрещение, не дается повода сердиться, и в него неприметным образом вливается врачество исправления. Заметь же, как благоразумно и благовременно (апостол) делает это. Сказав: *плоти угодия не творити в похоти,* переходит вдруг к настоящей речи, чтобы нельзя было подумать, что он говорит в пользу тех, которые запрещали разборчивость и советовали есть все. Слабую сторону всегда надо больше беречь, почему и (апостол) обращается прямо к сильнейшей стороне и говорит так: *изнемогающего же в вере.* Видишь ли, что нанесен уже один удар наблюдающему разборчивость? Назвав его изнемогающим, (апостол) показывает, что он болен. Потом наносит другой удар, сказав: *приемлите.* Этим он опять показывает, что он

нуждается в большой заботливости, что также служит признаком крайней болезни. *Не в сомнение помышлений.* Вот он нанес третий удар. Этими словами он показывает, что грех его настолько велик, что возбуждает сомнение даже в тех, которые, хотя сами не участвуют в этом грехе, однако соединены узами дружбы с совершающими его и заботятся о его уврачевании. Примечаешь ли, как, по-видимому, он говорит одним, а затем незаметно и слегка упрекает и других? После того, сравнивая тех и других, одних хвалит, а других обличает. Именно, говоря: *ов убо верует ясти вся,* он восхваляет веру, а присовокупив: *изнемогаяй зелия яст,* порицает немощь в вере. Потом, после того, как нанес весьма сильный удар, снова ободряет немощного, говоря так: *ядый не ядущего да не укоряет* (ст. 3). Не сказал: позволяй так делать, или: порицай, или: не побуждай к исправлению; но: не укоряй, не презирай, показывая, что они (не едящие) совершали дело достойное большого смеха. Но о том, кто верует есть все, (апостол) выразился иначе. Как же именно? *И не ядый ядущего да не осуждает.* Как более совершенные унижали не едящих, считая их маловерными, неистинными христианами, носящими внутри себя скрытый недуг и придерживающимися еще иудейства, так последние осуждали первых, считая их нарушителями закона или даже предающимися объедению, так как многие из них были, вероятно, обращенные из язычества. Потому (апостол) присовокупил: *Бог бо его прият.* Но он не сказал этого о не едящем, хотя унижать по-видимому следовало бы едящего, как маловерного. (Апостол) же сказал наоборот, показывая этим, что едящий не только не заслуживает уничижения, но и сам может уничижать других. Но сам (апостол) не осуждает ли едящего, спросишь ты? Нисколько, потому и присовокупил: *Бог бо его прият.* Итак, зачем ты говоришь о законе ему, как преступнику? Бог

принял его, то есть явил в нем неизреченную благодать свою и освободил его от всякой вины. Потом (апостол) снова обращает речь к твердому в вере: *ты кто еси судяй чуждему рабу* (ст. 4)? Отсюда видно, что и твердые в вере не только уничижали, но и осуждали слабых. *Своему Господеви стоит или падает.*

2. Вот опять новый удар. Упрек обращен, по-видимому, на сильного, но касается слабого. Когда (апостол) говорит: *станет же,* то показывает, что он еще колеблется, требует большого внимания и такого попечения, что для его уврачевания нужно призвать на помощь Бога. *Силен бо есть Бог поставити его,* продолжает он. Так говорится о людях весьма безнадежных. Но чтобы ты в нем не отчаивался, (апостол), несмотря на слабость, называет его Божиим рабом, говоря: *ты кто еси судяй чуждему рабу?* Между тем и здесь опять незаметно наносит удар слабому. Я приказываю тебе не судить его не потому, что действия его не заслуживают осуждения, но потому, что он чужой раб, то есть не твой, а Божий. Потом, снова ободряя его, не говорит: падает, – но как? *Стоит или падает.* Если случится с ним то или другое, все это зависит от Господа. Если он падет, ущерб для Бога, а равно, если стоит, приобретение для Бога. Впрочем, такое равнодушие было бы совершенно недостойно попечительности, приличной христианам, если бы мы опять не стали обращать внимание на цель Павла, который хочет, чтобы слабым в вере не делали укоризн прежде времени. Но, как я всегда говорил, необходимо принимать во внимание расположение, с каким что-либо говорится, сущность предмета, о котором говорится, и то, что старается исправить ведущий речь. (Апостол), сказав это, пристыдил укоряющего не без основания. Если Бог, рассуждает (Павел), подвергаясь ущербу, пока не делает ничего, то не безвременно ли действуешь ты и не выходишь ли из границ, муча и

беспокоя слабого в вере брата? *Ов убо разсуждает день чрез день, ов же судит на всяк день* (ст. 5). Здесь, как думаю, (апостол) слегка намекает и на пост. Естественно, что некоторые из постившихся постоянно осуждали не постившихся, или, может быть, и между разборчивыми в пище были такие, которые в известные дни наблюдали эту разборчивость, а в другие нет, почему (апостол) и сказал: *кийждо своею мыслию да извествуется*. Этим он избавил разборчивых от страха, назвав их действие безразличным, а у тех, которые слишком много нападали на них, он отнял повод к укоризнам, вразумив их, что не следует с таким большим усердием постоянно беспокоить людей за их разборчивость; и не нужна такая ревность не по свойству самого дела, но по соображению времени, потому что укоряемые ими были еще новыми в вере. В послании к Колоссянам он запрещает это весьма строго, говоря: *блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиам мира, а не по Христе* (Кол. II, 8). И еще: *да никто же убо вас осуждает о ядении или о питии и никто же вас да прельщает* (II, 16, 18). И в послании к Галатам он со всей строгостью требует от них высшего рассуждения и совершенства в этом отношении. Но здесь он не прибегает к такой настойчивости, так как вера еще недавно была насаждена у римлян. А потому мы и не должны на всех распространять слов (апостола): *кийждо своею мыслию да извествуется*. Так, когда идет речь об учении, послушай, как он говорит: *аще кто вам благовестит паче, еже приясте*, хотя бы то был ангел, *анафема да будет* (Гал. I, 8, 9). И в другом месте: *боюся же, да не како, яко же змий Еву прельсти, так истлеют и разумы ваша* (2 Кор. XI, 3). И в послании к Филиппийцам пишет: *блюдитеся от псов, блюдитеся от злых делателей, блюдитеся от сечения* (Флп. III, 2). Но в римлянах еще рано было исправлять это и потому он сказал: *кийждо своею*

мыслию да извествуется. Так как речь шла и о посте, то, низлагая гордость одних и изгоняя страх других, он присовокупил следующее: *мудрствуяй день, Господеви мудрствует, и не мудрствуяй день, Господеви не мудрствует. Ядый, Господеви яст, благодарит бо Бога, и не ядый, Господеви не яст, и благодарит Бога* (ст. 6). Опять он касается здесь того же самого. Смысл же его слов следующий: сущность не во временных делах (есть или не есть), спрашивается только, для Бога ли делает тот и другой, благодарением ли оканчивают оба? Ведь и тот и другой благодарят Бога. А если благодарят оба, то различие не велико. Заметь же, как и здесь (апостол) скрытным образом наносит удар придерживающимся иудейства. Если главное состоит в том, чтобы благодарить, то ясно, что благодарит тот, кто ест, а не тот, кто не ест. Как благодарить тому, кто придерживается еще закона? То же самое подтвердил (Павел) в послании к Галатам: *иже законом оправдаетеся, от благодати отпадосте* (Гал. V, 4). Впрочем, он здесь не раскрывает этой мысли, а только намекает на нее, потому что еще было не время, но пока терпит и тех, которые придерживались закона, а яснее раскрывает это в последующих словах, говоря: *никтоже бо нас себе живет, и никто же себе умирает. Аще бо живем, Господеви живем; аще умираем, Господеви умираем* (ст. 7, 8). Действительно, тот, кто живет для закона, может ли жить для Христа? Впрочем, в этих словах (апостол) не одно только это рассматривает, но и удерживает твердых в вере от поспешности в исправлении слабых и убеждает их быть терпеливыми, доказывая, что Бог не может презреть немощных, но в надлежащее время исправит их.

3. Что же это значит: *никто же нас себе живет?* Мы не свободны, мы имеем над собой Владыку, Который хочет, чтоб мы были живы, и не желает нашей смерти, и для Которого наша жизнь или смерть важнее, чем для

нас самих. Этим (апостол) показывает, что Бог заботится о нас больше, нежели мы сами, что Он жизнь нашу почитает для Себя приобретением, а смерть потерей. Если мы умираем, то умираем не только для себя, но и для Господа. Под смертью же разумеет здесь (апостол) смерть духовную, состоящую в отпадении от веры. Что Бог печется о нас, в этом достаточно нас убеждает и то, что мы для Него живем и для Него умираем. Однако (апостол) не довольствуется этим, но присовокупляет еще новое подтверждение, говоря: *аще убо живем, аще умираем, Господни есмы.* Здесь он от смерти духовной переходит к смерти естественной, чтобы речь его не показалась жестокой, и представляет новый самый важный признак Божия о нас промышления. Какой же именно? *На сие бо*, говорит, *Христос и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладает* (ст. 9). Таким образом и это должно удостоверить тебя в том, что Господь всегда печется о нашем спасении и исправлении. Если бы Он столько не промышлял о нас, то какая была бы нужда в домостроительстве? Тот, Кто употребил для усвоения нас Себе столько попечения, что принял на себя зрак раба и умер, пренебрежет ли тобой после совершения этого? Невозможно это, невозможно. Он не захочет, чтобы погибло столь великое дело. *На сие бо*, говорит (апостол), *и умре.* Это подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал: такой-то человек не согласится бросить своего раба, потому что бережет собственное стяжание. Но не так мы любим деньги, как Бог наше спасение. Он дал за нас не деньги, а Свою кровь, и потому не может оставить тех, за которых дал столь великую цену. Заметь также, как (апостол) показывает и неизреченное могущество Божие. *На сие бо*, говорит он, *и умре и оживе, да и мертвыми обладает.* И выше сказал: *аще бо живем, аще умираем, Господни есмы.* Видишь ли, как сильно Его владычество? Видишь ли,

как непреоборима Его крепость и как всеобъемлющ Его промысл? Не говори мне о живых, рассуждает (апостол): Бог промышляет и об умерших. А если промышляет об умерших, то ясно, что также и о живых. Он ничего не оставил вне Своего владычества, но на людей приобрел еще большие права, чтобы промышлять о нас больше, чем о всем прочем. Человек платит деньги за раба и потому тщательно бережет его, а Бог заплатил смертью и, конечно, не может считать маловажным спасение того, кого он купил столь великой ценой и приобрел во владение с таким усердием и усилием. А все это (апостол) говорит с целью пристыдить иудействующего христианина и убедить его, чтобы он помнил о величии благодеяния, потому что он был мертв и ожил, потому что он не получил никакой пользы от закона, и было бы с его стороны крайней неблагодарностью, если бы он, оставив Того, Кто явил ему столько милостей, прибег бы снова к закону. Итак, достаточно упрекнув его, (апостол) снова ободряет его, говоря: *ты же почто осуждаеши брата твоего? или ты, что уничижаеши брата твоего* (ст. 10)? Здесь, по-видимому, (апостол) уравнивает обоих, но однако полагает между ними большое различие. Он прекращает их споры прежде всего наименованием брата, а потом напоминанием о страшном дне суда, так как, сказав: *что уничижаеши брата твоего,* присовокупил: *вси бо предстанем судищу Христову*. И говоря это, он, по-видимому, опять делает упрек более совершенному, но на самом деле, старается потрясти дух иудействующего христианина, не только посрамляя его напоминанием об оказанном ему благодеянии, но и устрашая будущим наказанием: *вси бо*, говорит, *предстанем судищу Христову. Писано бо есть: живу Аз, глаголет Господь; яко Мне поклонится всяко колено, и всяк язык исповестся Богови. Темже убо кийждо нас слово о себе даст Богу* (ст. 11, 12). Видишь ли, как (Павел) опять

потрясает дух одного, нанося удар, по-видимому, другому? Слова его значат то же, как если бы он сказал: о чем ты заботишься? Ведь не ты будешь наказан за него? Он не высказал этого прямо, но это именно разумел, только выразил гораздо легче, сказав: *вси бо предстанем судищу Христову. Темже убо кийждо нас о себе слово даст Богу.* (Апостол) привел также слова пророка, который свидетельствует о всеобщем повиновении Богу, о повиновении безусловном всех, живших в Ветхом Завете, и вообще всех без исключения. Не просто сказано — всякий поклонится, но — *исповестся,* то есть даст отчет в том, что сделал.

4. Итак, представляя себе общего Владыку, сидящего на престоле, будь внимателен к себе, не раздирай и не разделяй церкви, отторгаясь от благодати и возвращаясь к закону, так как и закон принадлежит Ему. И что говорю — закон? Ему принадлежат все жившие и в законе и до закона. И не закон потребует у тебя отчета, а Христос, как у тебя, так и у всего человеческого рода. Видишь ли, как (апостол) освободил немощного в вере от страха закона? Потом, чтобы не показалось, что он говорит об этом с намерением устрашить немощных, но что он перешел к этому по связи речи, — (апостол) продолжает рассуждать о том же предмете, говоря: *не к тому убо друг друга осуждаем; но сие паче судите, еже не полагати претыкания брату, или соблазна* (ст. 13). Это к одному относится не больше, чем и к другому, а потому может быть приложено к обоим, и к совершенному, который соблазняется разборчивостью в пище, и к несовершенному, для которого служат преткновением слишком резкие укоризны. Смотри же, какому мы подвергнемся наказанию, если просто соблазняем ближних? Если здесь, где вся ошибка состояла в неблаговременности упреков, (апостол) воспрещает их, чтобы не соблазнялся и не претыкался брат, то чего будем до-

стойны мы, когда соблазняем брата, совсем не имея намерения исправить его? Если не сохранить – есть преступление, как это видно на примере закопавшего в землю талант, то чего не навлечем мы на себя, соблазняя другого? Ты скажешь: что же мне делать, если он соблазняется сам по себе, будучи слаб? Потому-то самому тебе и следовало бы переносить все. Если бы он был крепок, то и не имел бы нужды в такой попечительности, а теперь, так как он очень слаб, в силу этого и нуждается в большой заботе. Итак, представим ему это и станем поддерживать его во всех случаях. Ведь мы дадим ответ не за свои только грехи, но и за все то, в чем мы служили соблазном для других. А если трудно отвечать и за свои грехи, то как мы спасемся, когда на нас будет возложена и эта ответственность? Не будем же считать для себя извинением того, что найдем сообщников в наших грехах, так как от этого увеличится только наше наказание. Так и змий наказан строже жены, а жена больше мужа; Иезавель понесла более тяжкое наказание, чем Ахав, отнявший виноградник, потому что она была главной виновницей этой несправедливости и ввела в соблазн царя. И ты, если сделаешься виновником гибели других, подвергнешься более тяжкому наказанию, чем доведенные тобой до падения. Не так пагубно самому согрешить, как ввести в грех других, почему (апостол) и говорит: *не точию сия творят, но и соизволяют творящим* (Рим. I, 32). Таким образом, когда мы видим, что другие грешат, не только не станем побуждать их к греху, но постараемся извлечь из бездны порока, чтобы за гибель других нам самим не подвергнуться наказанию; будем непрестанно помнить о страшном суде, об огненной реке, о неразрешимых узах, о непроницаемом мраке, о скрежете зубов и ядовитом черве. Но Бог человеколюбив, говоришь ты. Значит, по твоему, все это одни слова? Богач, презрев-

ший Лазаря, не мучится (Лк. XVI)? Юродивые девы не изгоняются из брачного чертога? Отказавшиеся накормить Христа не пойдут в огонь, уготованный диаволу и ангелам его? Одетый в грязные одежды не будет связан по рукам и ногам и не будет осужден на гибель? Требовавший сто динариев не будет предан истязателям? И неправда то, что сказано о прелюбодеях: *червь их не умирает, и огнь их не угасает* (Мк. IX, 48)? Неужели все это одни только угрозы? Да, говоришь ты. Но на каком основании, скажи мне, ты осмеливается утверждать это и произносить от себя такой приговор? Я могу доказать тебе противное на основании и слов и дел Христа. Если ты не веришь относительно будущего наказания, то, по крайней мере, поверь тому, что уже совершилось, так как то, что уже было, что исполнилось на самом деле, не пустые угрозы и слова. Кто при Ное навел потоп на всю вселенную, произвел столь ужасное истребление водой и гибель всего нашего рода? Кто потом низвел молнию и огонь на землю содомскую? Кто погрузил в море целый Египет? Кто истребил шестьсот тысяч человек в пустыне? Кто попалил огнем сонм Авиронов? Кто повелел земле разверсть уста свои и поглотить Корея, Дафана и бывших с ними? Кто при Давиде в одно мгновение поразил семьдесят тысяч? Упоминать ли еще о наказаниях в отдельности? О Каине, преданном на непрестанное мучение? О сыне Хармиине, который был побит камнями со всем его родом? О собиравшем дрова в субботу и подвергшемся такому же наказанию? О сорока двух отроках, которые при Елисее были съедены зверями и которым не послужил извинением юный их возраст?

5. А если ты хочешь видеть подобные примеры и во времена благодати, то представь себе, какие наказания претерпели иудеи, как жены их ели собственных своих детей, одни жарили их, а другие приготовляли иначе;

как они при нестерпимом голоде, среди различных и тяжких войн, подвергались таким чрезвычайным бедствиям, с какими не могут сравниться никакие ужасные злоключения прежних времен. А что все это навел на них Христос, послушай, как сам Он предсказывает это и в причтах, и в ясных и вразумительных словах, — в притчах, когда говорит: *враги Моя они, иже не восхотеша Мене, да Царь бых был над ними, приведите семо и исецыте предо Мною* (Лк. XIX, 27), а также в притчах о винограднике, и о браке; а в ясных и открытых словах, когда угрожает, что *падут во острии меча, и пленены будут во вся языки; и будет на земли туга языком от нечаяния, шума морскаго и возмущения, издыхающим человеком от страха* (Лк. XXI, 24–26). *И будет скорбь велия, яковаже не была от начала мира доселе, ниже иматъ быти* (Мф. XXIV, 21). Известно также всем, какому наказанию подверглись Анания и Сапфира за утаение нескольких монет. Не замечаешь ли и ныне ежедневных несчастных случаев? Разве это не бывает? Неужели ты не видишь, что и ныне погибают от голода, страдают проказой и другими телесными болезнями, живут в постоянной нищете и терпят тысячи невыносимых бедствий?

Итак, какое может быть основание одних наказывать, а других нет? Если Бог вполне справедлив, что и несомненно, то, конечно, и ты подвергнешься наказание за грехи свои. Если же ты думаешь, что Бог тебя не накажет, потому что Он человеколюбив, то следовало бы и тех не наказывать. Но, как сказали мы выше, Бог и здесь многих наказывает чтобы вы, как скоро не верите словам угроз, поверили действительным наказаниям. И так как старое не так нас устрашает, то Он вразумляет беспечных современными событиями, которые совершаются при каждом поколении. Почему же, спросишь, Бог не наказывает всех здесь? Чтобы иным дать предопределенное от Него время для покаяния. А для

чего Он не наказывает всех там? Чтобы не оказалось много неверующих в Божий промысл. Теперь и я спрошу тебя: сколько разбойников было поймано и сколько было таких, которые умерли без наказания? Где же Божие человеколюбие и правосудие? Если бы никто совершенно не наказывался, то ты мог бы прибегнуть к этому (возражению), но когда одни наказаны, а другие нет, и притом без наказания остались те, которые больше и согрешили, то какой может быть смысл в том, что за одни и те же преступления бывают неодинаковые наказания, и не может ли показаться, что наказанные обижены? Итак, почему же не все наказываются здесь? Послушай, что отвечает тебе на это сам Христос. Когда упала башня и несколько человек погибли, то тем, которые приходили от этого в недоумение, Христос сказал: *мните ли, яко сии грешнейши паче всех бяху? Ни, глаголю вам, но аще не покаятеся, вси такожде погибнете* (Лк. XIII, 2–5). Этим Он учит нас не надеяться, что как скоро другие подверглись наказанию, мы, хотя и согрешим много, останемся без наказания. Если не покаемся, то непременно будем наказаны. За что же, спросишь, нам терпеть вечное наказание, когда мы грешили здесь недолгое время? А как же здесь человек, в одно мгновение совершивший одно только убийство, осуждается на всю жизнь работать в рудниках? Но Бог, скажешь, так не поступает. Как же Он расслабленному попустил тридцать восемь лет терпеть столь тяжкое наказание? Что Он, действительно, наказал его за грехи, послушай, что говорит Христос: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. V, 14). Однако· расслабленный, говоришь ты, получил освобождение от наказания? Но там этого не будет. Что там, действительно, не будет освобождения от наказания, послушай, как об этом говорит сам Христос: *червь их не умирает, и огнь не угасает* (Мк. IX, 44). И еще: *пойдут одни в жизнь*

вечную, а другие в муку вечную (Мф. XXV, 46). Итак, если будет жизнь вечная, то и наказание вечное. Или ты не знаешь, сколько было угроз иудеям? Исполнились ли эти угрозы, или остались только на словах? Сказано: *не останет камень на камени* (Лк. XXI, 6) – и, действительно, остался ли камень на камне? Христос сказал: *будет скорбь велия, якова же не была,* и неужели не сбылось и это? Прочитай историю Иосифа, и ты не в состоянии будешь даже прийти в себя, услышав о бедствиях, какие претерпели иудеи в действительности. Я говорю это не с тем, чтобы огорчить вас, но чтобы привести вас в безопасность, чтобы, утешая вас напрасными надеждами, не подвергнуть более тяжким наказаниям. И скажи мне: почему же ты не заслуживаешь наказания за грехи твои? Не сказал ли Бог тебе заранее все? Не запретил ли Он тебе? Не устрашил ли? Не употребил ли тысячи средств для твоего спасения? Не даровал ли тебе баню пакибытия и не простил ли все прежние грехи твои? И после этой бани, после отпущения грехов, не оказал ли Он тебе, когда, ты опять стал грешить, другую помощь в покаянии? Не сделал ли Он тебе легким путь отпущения грехов и после этого?

6. Итак, выслушай, что заповедал Бог. Если будешь прощать грехи ближнему, то и Я, говорит Он, прощу тебе. Какое же в этом неудобство? *Судите сиру,* сказано, *оправдите вдовицу, и приидите, и истяжемся, глаголет Господь; и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю* (Ис. I, 18). Какая же в этом трудность? *Глаголи ты беззакония твоя, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Какая в этом тягость? *Грехи твоя милостынями искупи* (Дан. IV, 24). Какой в этом труд? Мытарь сказал: *милостив буди мне грешному, и сниде оправдан* (Лк. XVIII, 13, 14). Трудно ли подражать мытарю? Но, несмотря на все это, ты не хочешь убедиться, что есть наказание и мучение. Но, может быть, ты скажешь, что диавол не подвергается

наказанию? Сказано: *идите во огнь, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф. XXV, 41). А ведь если бы не было геенны, то и диавол не наказывался бы; если же он наказывается, то ясно что и мы, совершая дела его, будем наказаны, так как и мы прослушали заповедь Божию, хотя не ту же, какую он. Как же ты не боишься дерзко говорить о Боге? Ведь когда ты говоришь, что Бог человеколюбив и не наказывает, то по твоему выходит, что Он уже не человеколюбив, если накажет. Замечаешь ли, на какие мысли наводит вас диавол? Что же? Неужели монахи, поселившиеся в горах и показавшие множество подвигов, останутся не увенчанными? Ведь если злые не наказываются и нет никакого воздаяния, то иной может сказать, что и добрые не награждаются. Я с этим не согласен, скажешь ты, так как с благостью Божией более сообразно существование только одного царства, а не геенны. Значит, блудник, прелюбодей, совершивший тысячи преступлений будет наслаждаться теми же благами, какими и отличившийся целомудрием и святостью? Значит, Павел станет наряду с Нероном, или даже диавол наряду с Павлом? Если нет геенны, а воскресение будет общее, то и злые удостоятся тех же благ, каких и праведники? Какой же безумец может утверждать это? Или, лучше сказать, кто из демонов осмелится говорить это? Ведь бесы признают геенну, потому *и возописта глаголюще: пришел еси семо прежде времени мучити нас* (Мф. VIII, 29). Как же ты не боишься, не ужасаешься отрицать то, что признают даже бесы? Как ты не замечаешь какой учитель внушает тебе это злое наставление? Кто обольстил человека в начале и предложением больших надежд исторг у него блага, бывшие уже в руках, тот и ныне наущает тебя так говорить и думать; диавол для того и убеждает некоторых думать, что нет геенны, чтобы ввергнуть в нее; напротив, Бог для того угрожа-

ет геенной и уготовывал ее, чтобы ты, зная об этом, так жил, чтобы не впасть в нее. Если диавол и теперь, когда есть геенна, уверяет тебя, что ее нет, то, если бы действительно ее не было, какая была бы нужда свидетельствовать о ней бесам, которые всего более стараются о том, чтобы мы и не подозревали существования геенны, чтобы, не страшась ее, стали беспечнее и впали с ними в гееннский огонь? Почему же, спросишь, они свидетельствовали тогда о геенне? Потому, что не переносят принуждающей их к тому необходимости. Итак, размышляя о всем этом, пусть перестанут говорящие это обманывать себя и других, так как за эти слова они понесут наказание, потому что смеются над страшными вещами, приводят к беспечности многих желающих истинно заботиться о своем спасении и даже нимало не подражают язычникам-ниневитянам. Те, будучи во всем несведущими, когда услышали, что город их будет истреблен, не только не обнаружили неверия, но и восстенали, облеклись во вретище, смирились и не прежде переставали все это делать, пока не утолили гнева Божия. А ты, зная столько случаев суда Божия, словами своими уничтожаешь то, что сказал Бог? Потому участь твоя будет противоположна участи ниневитян. Те, устрашившись слов, не подверглись наказанию на самом деле, а ты, презирая угрозы на словах, понесешь наказание на самом деле. Теперь слова эти кажутся тебе басней, но не покажутся такими тогда, когда убедишься в них на деле. Неужели ты не видишь, что сделал Христос и здесь на земле? Не одинакового жребия Он удостоил двух разбойников, но одного ввел в царство, а другого послал в геенну. Но что мне говорить о разбойнике и человекоубийце? Христос не пощадил и апостола, когда он сделался предателем, но, предвидя, что он стремится в петлю, удавится и рассядется (ведь сказано: *проседеся посреде, и излияся вся*

утроба его (Деян. I, 18), — предвидя, говорю, все это, однако попустил ему претерпеть это, чтобы посредством настоящего удостоверить тебя во всем будущем. Итак, не обманывайте сами себя, доверяя диаволу, — ведь это его внушения. Если судьи, господа, учители и даже люди необразованные награждают добрых и наказывают злых, то возможно ли, чтобы Бог поступил иначе, и доброго сравнял с порочным? Когда же совершится освобождение от пороков? Если и ныне люди порочные, ожидая наказания и находясь среди столь великого страха, — страха судей и законов, — не отстают от худых дел, то когда же они перестанут совершать злые дела, если, по переселении в вечность, избавятся от всякого страха и не только не впадут в геенну, но еще получат царство? Это ли будет человеколюбие, скажи мне, чтобы усиливать порок, награждать его, удостаивать одной чести целомудренного и распутного, верного и нечестивого, Павла и диавола? Но долго ли нам вести такие пустые речи? Умоляю же вас, освободитесь от этого безумия, будьте благоразумными, внушите душе страх и трепет, чтобы она освободилась от будущей геенны и, прожив настоящую жизнь в целомудрии, сподобилась будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVI

Вем и извещен есмь о Господе Иисусе, яко ничтоже скверно само собою, точию помышляющему что скверно быти, оному скверно есть (XIV, 14)

1. Апостол, сделав сперва запрещение осуждающему брата и отклонив его от укоризны, переходит потом к наставлению и спокойно поучает более слабого, пока-

зывая и здесь великую кротость. Он не говорит, что этот будет наказан, не употребляет даже и подобного выражения, но чтобы лучше убедить его в справедливости своих слов, только освобождает его от страха в этом деле и говорит: *вем и извещен есмь.* Потом, чтобы кто-нибудь из неверующих не мог возразить: «какое нам дело, что ты убежден? Ведь ты еще не настолько для нас достоверен, чтобы слова твои предпочесть самому закону и тому, что возвещено нам свыше», — (апостол) и присовокупляет: *о Господе,* то есть я узнал это от Господа, Он сам удостоверил меня в этом, значит, это — приговор не человеческого ума. Но, скажи, в чем ты уверен и что знаешь? *Яко ничтоже скверно само собою.* Ничего нет нечистого по природе, говорит (апостол), но делается нечистым от воли употребляющего, и для него одного бывает нечисто, а не для всех. *Помышляющему что скверно быти, оному скверно есть.* Почему же не исправить брата, чтобы он не считал чего-либо нечистым? Почему не употребить всей своей власти, чтобы отклонить от этой привычки и мнения — признавать что-либо нечистым для всех. Боюсь, отвечает (апостол), чтобы не огорчить его, почему и присовокупил: *аще же брашна ради брат твой скорбит, уже не по любви ходиши* (ст. 15). Замечаешь ли, как он старается сперва привлечь его к себе, показывая, что имеет к нему такое большое внимание, что, дабы не огорчить его, не решается приказывать даже вполне необходимого, но лучше хочет привлечь его снисходительностью и любовью? И даже после того, как рассеял страх его, он привлекает не силой и не принуждает, но предоставляет ему полную волю, потому что не одно и то же отклонить от употребления пищи — и причинить огорчение. Видишь ли, сколько он заботится о сохранении любви? Он знал, что любовь может все исправить, а потому и требует здесь от слушателей большего. Не только не должно вам, гово-

рит, доводить их до крайности, но если бы требовалось сделать снисхождение, то не должно и от этого отказываться. Потому присовокупляет: *не брашном твоим того погубляй, за него же Христос умре.* Неужели ты не считаешь брата стоящим того, чтобы посредством воздержания от пищи приобрести его спасение? Христос не отказался сделаться ради него рабом и умереть, а ты для его спасения не соглашаешься отказаться от пищи? Хотя Христос и знал, что не всем принесет пользу, однако исполнил Свое дело и умер за всех. А ты знаешь, что ради пищи губишь его в более важном и, несмотря на это, споришь, считаешь презренным того, кого Христос признал достойным столь великих почестей, бесчестишь того, кого Он возлюбил? Христос умер не только за немощного в вере, но и за врага, а ты для немощного в вере не хочешь воздержаться от пищи? Христос совершил самое великое дело, а ты не хочешь сделать малого, хотя Он Владыка, а ты брат. Этих слов достаточно для того, чтобы вразумить и немощного в вере, так как видно, что он малодушен и, получив от Бога великие дары, не жертвует и малым. *Да не хулится убо ваше благое. Несть бо царство Божие брашно и питие* (ст. 16, 19). Под именем *благого* (апостол) разумеет здесь или веру, или надежду на будущие блага, или совершенное благочестие. Ты не только не помогаешь брату, говорит (апостол), но заставляешь хулить само учение, Божию благодать и дар. Всякий раз как ты споришь, упорствуешь, огорчаешь, раздираешь церковь, укоряешь брата и обходишься с ним враждебно, тогда внешние хулят, так что от этого не только ничего не исправляется, но и делается все совершенно противоположное. Ваше благо состоит в любви, в братстве, в единении, в союзе, в жизни мирной и кроткой. Потом (апостол) опять, чтобы освободить одного от страха, а дру-

гого от упорства, говорит: *несть бо царство Божие брашно и питие.* Неужели этим мы можем достигнуть благополучия? И в другом месте говорит он тоже: *ниже аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. VIII, 8). Здесь нет нужды в доказательстве, а достаточно лишь сказать. Смысл же апостольских слов таков: если ты ешь, то неужели это введет тебя в царство? Укоряя за то, что считают это важным, (апостол) упомянул не только о пище, но и о питье. Итак, что же вводит в царство? *Правда, мир, радость,* добродетельная жизнь, братский мир, которому противится эта любовь к спорам, радость, происходящая от согласия и нарушаемая этой враждой. Это сказано апостолом не одной из двух сторон, но обеим, так как благовременно было это сказать и тем и другим.

2. Потом, после слов: *мир и радость* (а мир и радость бывают и в худых делах) присовокупил: *о Дусе Святе.* Погубивший брата нарушил мир и радость и обидел его больше, чем похитивший у него деньги; и, что еще хуже, другой спас, а ты оскорбляешь и губишь. А как скоро пища и мнимое совершенство не вводят в царство, а приводят к тому, что противоположно этому царству, то как же не следует пренебрегать малым, под условием утвердить великое! Потом, так как укоризны происходили частью и от тщеславия, (апостол) присовокупляет далее: *иже бо сими служит Христови, благоугоден есть Богови, и искусен человеком* (ст. 18). Все будут удивляться в тебе не столько совершенству, сколько миру и согласию. Последним благом воспользуются от тебя все, а первым никто. *Темже убо мир возлюбим, и яже к созиданию друг ко другу* (ст. 19). Первое (сохранять мир) относится к немощному, а последнее к соблазняющему брата, чтобы он не поколебал его в вере. Впрочем, (апостол), сказав: *ко взаимному назиданию,* отнес эти слова

вообще и к тому и другому и показал, что без мира трудно назидать. *Не брашна ради разоряй дело Божие* (ст. 20). Делом Божиим он называет спасение брата и усиливает страх, доказывая, что соблазняющий брата делает противное тому, о чем заботится. Ты не только не созидаешь, как думаешь, говорит (апостол), но разрушаешь, и притом не человеческое дело, а Божие, не для чего-либо важного, но для маловажной вещи – *брашна ради*. Потом, чтобы такой снисходительностью не утвердить брата в худом настроении, опять излагает общее положение, говоря так: *вся бо чиста, но зло человеку претыканием идущему*, то есть с лукавой совестью. Таким образом, если ты станешь принуждать и он станет есть, то не будет в этом никакой пользы, потому что не яства делают нечистым, а расположение, с каким ешь. Потому, если ты не исправишь расположения, то весь твой труд напрасен, даже вреден. Ведь не одно и то же считать что-нибудь нечистым и, считая нечистым, есть. В последнем случае ты грешишь вдвое, усиливая своим упорством предрассудок и заставляя есть нечистое; таким образом, пока не убедишь, дотоле и не принуждай. *Добро не ясти мяс, ниже пити вина, ни о немже брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает* (ст. 21). Опять (апостол) требует большего, – не только не принуждать, но и оказывать снисхождение. Так и сам он поступал нередко, именно, когда обрезывал, стриг волосы и приносил иудейскую жертву. Он не говорит слабому – делай, но предлагает это в виде своего мнения, чтобы слабейшего не сделать еще более беспечным. И что же он говорит? *Добро не ясти мяс*. И что говорю о мясе? Воздерживайся также от вина и от всего, что только служит соблазном, потому что ничто не может быть наравне со спасением брата. Это и показал Христос, Который сошел с небес и все

претерпел ради нас, что ни претерпел. Смотри же, как (апостол) вразумляет и другого, говоря: *претыкается, или соблазняется, или изнемогает.* Не говори мне, продолжает он, что это безрассудно, но помни, что это может и исправить. Для тебя достаточное оправдание в том, что ты помогаешь немощному, а себе нимало не вредишь, так как твой поступок — не лицемерие, но созидание и сбережение. Если ты будешь принуждать его, он станет противиться и осуждать тебя и еще более утвердится в том, чтобы воздерживаться от пищи; а если окажешь ему снисхождение, то он сначала полюбит тебя, без всякого подозрения будет слушать твое учение и, наконец, ты получишь возможность незаметно посеять в нем правые догматы. А если он сразу возненавидит тебя, то ты заградил вход словам своим. Итак, не принуждай брата, но сам воздерживайся для него, воздерживайся не как нечистого, но потому, что он соблазняется и что больше полюбит тебя. Так повелел и Павел, говоря: *добро не ясти мяс,* не потому, что это нечисто, но потому, что брат соблазняется и изнемогает. *Ты веру имаши? О себе сам имей* (ст. 22). Здесь, кажется мне, (апостол) слегка намекает на тщеславие более совершенного в вере. Смысл слов его таков: ты желаешь доказать мне, что ты во всем исправен и совершен? Не доказывай мне, а довольствуйся свидетельством совести.

3. О вере же он говорит здесь не в отношении к догматам, а в отношении к предмету рассуждения. О ней сказано: *усты исповедуется во спасение* (Рим. X, 10); также: *иже отвержется мене пред человеки, отвергуся его и аз* (Мф. X, 33). Она постыдит тебя, если ее не исповедуешь, она посрамит, если исповедуешь не вовремя. *Блажен не осуждаяй себе, о немже искушается.* Опять (апостол) наносит удар более слабому и доказывает, что для него

довольно одобрения совести. Хотя другой человек и не увидит твоего блаженства, но ты в самом себе будь доволен своим блаженством. Так как (апостол) сказал: *о себе сам имей,* то, чтобы ты не почел этого суда малым, утверждает, что оно для тебя лучше вселенной. Хотя бы и все обвиняли тебя, но если сам ты не осуждаешь себя и совесть не укоряет, ты – блажен. Но (апостол) не о всех без исключения дал такой отзыв. Много есть людей, которые сами себя не осуждают, хотя и весьма грешны; эти несчастнее всех; но пока (апостол) держится настоящего своего предмета. *А сомняяйся, аще яст, осуждается* (ст. 23). Опять (апостол) увещевает щадить немощного. Какая польза есть с сомнением и осуждать самого себя? Я одобряю того, кто ест и ест без всякого сомнения. Видишь ли, как он ведет его к тому, чтобы не только ел, но и ел с чистой совестью. Потом объясняет и причину, по которой осуждается, присовокупляя: *зане не от веры,* то есть осуждается не потому, что нечисто, но потому, что не по вере, так как не был уверен, что это чисто, но думал, что прикоснулся к нечистому. А этим (апостол) вразумляет их, сколько они делают вреда, принуждая других без предварительного убеждения прикасаться к тому, что, по их мнению, нечисто, и желает хотя этим удержать их от укоризны по отношению к немощным в вере. *Всяко же, еже не от веры, грех есть.* Когда, говорит, он не убежден и не верит, что чисто, то как не согрешить ему? Все же это говорится Павлом относительно настоящего предмета, а не вообще. И смотри, сколько он заботится, чтобы не соблазнить другого? Выше говорил: *аще брашна ради брат твой скорбит, уже не по любви ходиши.* А если не должно огорчать, тем более не должно соблазнять. И еще: *не брашна ради разоряй дело Божие.* Если разорить церковь и преступно и нечестиво, но тем бо-

лее разорить храм духовный, – ведь человек честнее церкви, так как Христос умер не за стены, а ради этих храмов. Итак, будем со своей стороны во всем осмотрительны и не подадим никому и малого повода для нападения на нас. Настоящая жизнь есть поприще, – повсюду необходимо иметь множество глаз и не должно думать, что для защиты достаточно неведения. Возможно, вполне возможно и за неведение подвергнуться наказанию, если оно непростительно. И иудеи были в неведении, однако же их незнание не было поставлено им в извинение. И язычники были в неведении, однако и они не имеют оправдания. Когда не знаешь того, что знать невозможно, ты не подвергнешься обвинению, а когда не знаешь того, что можно и удобно тебе знать, то подвергнешься крайнему наказанию. Вообще же, если мы не будем слишком беспечны, но употребим все зависящие от нас самих меры, то Бог подаст нам руку и в неизвестном. Так Павел говорил филипийцам: *аще ино что мыслите, и сие Бог вам открыет* (Флп. III, 15). Когда же мы не хотим совершить того, что в нашей власти, то лишимся и этого содействия. Так и случилось с иудеями. *Сего ради в притчах глаголю им*, говорит (Христос), *яко видяще не видят* (Мф. XIII, 13). Как же они видя не видели? Видели изгоняемых бесов, и говорили – *беса имать*. Видели воскрешаемых мертвых, и не поклонились Христу, но замышляли убить Его. Не таков был Корнилий. Так как он тщательно делал все то, что от него зависело, то Бог приложил ему и остальное. Потому, не спрашивай, почему Бог презрел такого-то язычника, который был добр и справедлив. Во-первых, людям невозможно знать, кто справедлив, а это известно Тому, Кто образовал сердце каждого; потом, можно сказать и то, что этот язычник часто сам не заботился и не старался. Но как, скажешь, он мог делать это, как

скоро он человек простой? Обрати однако внимание на этого простого и скромного человека и узнай его в делах житейских, и ты увидишь, что он употребляет здесь большую старательность и что, если бы он захотел употребить ее и в делах духовных, не оказался бы оплошным, так как истина яснее солнца. Куда бы кто ни направился, удобно достигнет своего спасения, если захочет быть внимательным и не будет почитать спасения делом маловажным. Ведь не одной Палестиной ограничены такие дела, не заключены же они в одном небольшом уголке вселенной? Разве ты не слышал, что говорит пророк: *яко вси познают Мя от мала даже и до великаго* (Иер. XXXI, 34)? Не видишь ли ты, что действительность доказала справедливость этого? Какое извинение могут иметь те, которые видят, что учение истины распространилось всюду, и не любопытствуют и не заботятся узнать его?

4. Ты скажешь: неужели ты требуешь этого от поселянина и варвара? Не только от поселянина и варвара, но и от того, кто оказался и грубее нынешних варваров. Скажи мне, почему в делах житейских обижаемый умеет возразить, подвергающийся насилию – противодействовать и вообще всякий делает и совершает все, чтобы не понести даже малого вреда, а в делах духовных не наблюдают того же самого благоразумия? Когда поклоняются камню, считают его богом и совершают празднества, тогда тратят деньги, обнаруживают сильный страх и никто не бывает нерадивым по простоте своей, а когда надлежит взыскать истинного Бога, тогда мне напоминают о простоте и неведении? Не так это, нет, но виной всему наша беспечность. Кого ты считаешь более простыми и грубыми – современников ли Авраама или своих? Очевидно, что современников Авраама. Когда было легче найти благочестие,

тогда или теперь? Очевидно, что теперь. Теперь у всех уже возвещается имя Божие; пророки предрекли, события уже совершились и язычество изобличено; а тогда большая часть людей оставалась без учения, грех владычествовал, закон не был пестуном, не было ни пророков, ни чудес, ни учения, ни множества знающих Бога и ничего другого тому подобного, но все лежало как бы в глубоком мраке в безлунную и зимнюю ночь. Но однако тот удивительный и благородный муж, при стольких затруднениях, познал Бога, упражнялся в добродетели и возбудил многих к такой же ревности, хотя при этом совсем не был опытен во внешней мудрости. Да и как и где он мог научиться, если и самих письмен не было еще изобретено? Но так как он все со своей стороны сделал, то и Бог также не оставил его. Ведь нельзя же сказать, что Авраам заимствовал религию от отцов, так как отец его был идолопоклонник. Однако, происходя от таких предков, будучи варваром, будучи воспитан среди варваров и не имея никакого учителя в благочестии, он познал Бога и всех своих потомков, пользовавшихся и законом и пророками, превзошел настолько, что и невозможно выразить. А почему? Потому что не слишком заботился о житейском, но всего себя посвятил духовному. А Мелхиседек не жил ли в те же времена, и не просиял ли настолько, что был назван священником Божиим? Невозможно, совершенно невозможно, чтобы бодрствующий когда-либо был презрен. Пусть это не смущает вас, но зная, что все зависит от расположения, будем внимательны к самим себе, чтобы сделаться нам лучше. Не будем требовать отчета у Бога и испытывать, почему Он одного оставил, а другого призвал, так как в противном случае уподобимся отверженному рабу, который с излишним любопытством входил в домашние

распоряжения господина. Жалкий и бедный человек! Тогда как тебе надобно позаботиться, как самому дать отчет и умилостивить Владыку, ты требуешь отчета в том, в чем сам должен его дать, и оставляешь без внимания то, за что понесешь наказание.

Итак, — спрашиваешь, — что мне сказать язычнику? То, что выше сказано. И ты заботься не о том только, что сказать язычнику, но и о том, как исправить его. Когда он, исследуя твою жизнь, соблазняется ею, то на основании этого и позаботься, что говорить тебе. Ведь за него, хотя он и соблазняется, ты не дашь ответа, а за жизнь свою, если она приносит вред, ты подвергаешься крайней опасности. Когда он увидит, что ты любомудрствуешь о царстве и тем не менее прилеплен к настоящему, боишься геенны и трепещешь здешних бедствий, тогда и позаботься. Когда, видя это, он станет укорять тебя и скажет: если желаешь царства, то почему не презираешь настоящего; если ожидаешь страшного суда, то почему не презираешь здешних бедствий; если надеешься на бессмертие, почему страшишься смерти? — когда он предложит тебе такие вопросы, ты позаботься, что ответить. Когда он увидит, что ты, ожидая неба, боишься потери денег, бываешь весьма рад каждой малой монете и за небольшую серебряную монету отдаешь душу, тогда и подумай: ведь это, это именно и соблазняет язычника. Таким образом, если ты заботишься о своем спасении, доказывай это не словами, а делами. Из-за того вопроса никто никогда не хулил Бога, а вследствие худой жизни везде слышны бесчисленные хулы. Потому постарайся исправить ее, так как язычник опять спросит (тебя): откуда мне знать, что Бог заповедал возможное? Вот ты, будучи христианином по самому рождению и воспитанный в этой превосходной религии, ничего такого не исполняешь. Что ты скажешь на это? Без сомнения станешь отве-

чать: я укажу тебе других, которые исполняют, именно: монахов, обитающих в пустынях. Но не стыдно ли тебе признавать себя христианином и отсылать к другим, как будто ты не можешь доказать того, что и сам совершаешь дела христианские? Язычник тотчас возразит тебе: какая мне необходимость ходить по горам и исследовать пустыни? Если невозможно философствовать, живя в городах, то это может быть большим обвинением христианской жизни, для осуществления которой необходимо оставить города и бежать в пустыни. Но ты покажи мне человека, который имеет жену, детей и дом, и однако живет благочестиво. Что мы скажем на это? Не придется ли нам потупить взоры свои и устыдиться? Не то заповедал Христос, но что же? *Да просветится свет ваш пред человеки* (Мф. V, 16), не в горах, не в пустынях, не в непроходимых дебрях. Говорю это не в укор живущим в горах, но из сожаления к обитателям городов, которые изгнали из них добродетель. Потому умоляю вас ввести пустынножительное любомудрие и в города, чтобы они сделались истинными городами, так как это может исправить язычника и предохранить от бесчисленных соблазнов. Таким образом, если хочешь и его освободить от соблазна, и себе приобрести бесчисленные награды, исправь жизнь свою и сделай ее во всем блистательной, *яко да видят* люди *ваша добрая дела, и прославят Отца вашего иже на небесех* (Мф. V, 16). Тогда мы насладимся и будущей неизреченной и великой славой, получить которую да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVII

Могущему же вас утвердити по благовествованию моему, и проповеданию Иисус Христову, по откровению тайны, леты вечными умолчанныя, явльшияся же ныне писании пророческими по повелению вечнаго Бога, в послушание веры, во всех языцех познавшияся: единому Богу, Иисусом Христом, Ему слава во веки. Аминь. (XIV, 24–26)

1. Это всегдашний обычай Павла – заключать увещание молитвами и славословием, так как он знал, что это имеет немалое значение, и привык делать это по сильной любви и благочестию. Чадолюбивому и боголюбивому учителю свойственно не только научать словом, но и молитвами испрашивать у Бога помощи учащимся. Так поступает (Павел) и в настоящем случае. Вот последовательность его речи: *могущему же утвердити вас слава во веки. Аминь.* Здесь он опять имеет в виду немощных и к ним обращает слово. Когда он предлагал обличения, то обличал и тех и других, но теперь, когда молится, он приносит молитву за немощных. Сказав же: *утвердити,* присовокупляет и то, каким именно образом: *по благовествованию моему.* Этим он дает знать, что они еще не были утверждены и, хотя стояли, но колебались. Потом, чтобы словам своим придать более достоверности, присовокупил: *и проповеданию Иисус Христову,* то есть и сам Христос об этом проповедовал. А если сам Христос так проповедал, то это не наше учение, а Его законы. (Апостол), любомудрствуя о самой проповеди, показывает, что она есть дар великого благодеяния и высокой ценности. И это он сперва раскрывает из указания на лицо проповедавшее, потом из свойства истин проповеданных, так как проповедано было благовестие, и, наконец, из того, что оно не было никому открыто прежде нас. На это и указал (апостол), сказав: *по откро-*

вению тайны. Это – доказательство величайшей к нам любви, если Бог сделал нас участниками тайн и никто не удостоен этого прежде нас. *Леты вечными умолчаянныя, явлшияся же ныне.* Тайна эта предопределена была издревле, но явилась ныне. Как же явилась? *Писании пророческими.* Здесь (апостол) опять освобождает немощного от страха. Чего ты боишься? Чтобы не отступить от закона? Но этого хочет закон, это предсказано им издревле.

А если ты допытываешься, почему тайна явилась ныне, то совершаешь небезопасное дело, когда любопытствуешь о тайнах Божиих и требуешь отчета, так как не любопытствовать тебе должно о них, но принимать их с любовью и радостью. Потому (апостол), желая остановить такое стремление ума, и присовокупил: *по повелению вечного Бога, в послушание веры.* Вера требует послушания, а не любопытства, и когда повелевает Бог, должно повиноваться, а не исследовать. Потом (апостол) новыми убеждениями подкрепляет их веру, говоря: *во всех языцех познавшияся.* Не ты один, но целая вселенная так верует и научена тому не человеком, но Богом. Потому и присовокупил: *Иисусом Христом.* Тайна не только возвещена, но и утверждена: то и другое есть дело Иисуса Христа. А потому должно читать так: *могущему же вас утвердити Иисусом Христом.* То и другое, как я сказал, (апостол) приписывает Ему, или лучше сказать, не только то и другое, но еще и славу, принадлежащую Отцу. Потому и сказал: *Ему же слава во веки. Аминь.* Славословит (апостол), опять выражая изумление перед непостижимостью этих тайн. И ныне ведь, когда тайны открыты, невозможно постигнуть их умом, но должно узнавать не иначе, как верой. Прекрасно сказал (апостол): *единому премудрому Богу.* Когда размыслишь, как Бог ввел (в церковь) язычников и присоединил их к древним праведникам, как Он спас отчаявших-

ся в спасении, как недостойных земли возвел на небо, отпавших от настоящей жизни ввел в высшую жизнь, бессмертную и неизреченную, попираемых демонами сделал равными ангелам, отверз рай, уничтожил все древнее зло и все это совершил в непродолжительное время, путем удобным и кратким, тогда уразумеешь премудрость Божию, увидев, что язычники внезапно научились от Иисуса Христа тому, чего не знали ни ангелы, ни архангелы. Итак, в то время, как тебе надлежало удивляться Его премудрости и прославлять Его, ты вращаешься около мелочей и все еще сидишь под тенью; это свойственно мало прославляющему (Христа). Кто не имеет упования на Него и не руководится верой, тот не исповедует величия дел Его. Но (Павел) сам воздает за них славу Богу, побуждая этим и других к той же самой ревности. Когда же ты услышишь, что (апостол) говорит: *единому премудрому Богу*, не подумай, что это сказано к унижению Сына. Если все то, в чем обнаруживается премудрость Божия, совершено через Христа, без Него не совершено ни одного дела, то ясно, что Он и в премудрости равен Отцу. Для чего же (апостол) сказал: *единому?* Для противопоставления всей твари. Таким образом, воздав славословие, он от молитвы опять переходит к увещанию и, обращая речь к сильнейшим, говорит так: *должни весмы мы сильнии* (XV, 1). Словом – *должни* показывает, что это дело обязанности, а не дара. Что же мы должны делать? *Немощи немощных носити.*

2. Видишь ли, как (апостол) возвысил их похвалами, не только назвав сильными, но и поставив наряду с собой? И не этим одним он привлекает их к себе, но и указанием на пользу ближнего, без всякого обременения для них самих. Ты силен, говорит он, и, если снизойдешь, не потерпишь вреда, а ему, если ты не будешь сносить его немощей, угрожает крайняя опасность.

И не сказал – немощных, но – *немощи немощных,* привлекая и призывая их к милосердию, как и в другом месте говорит: *вы духовнии исправляйте таковаго* (Гал. VI, 1). Ты стал силен? Воздай должное Богу, соделавшему тебя сильным. Но ты воздашь должное и в том случае, если уврачуешь немощь изнемогающего. Ведь и мы были немощны, но по благодати сделались сильными. Так должно поступать не только в этом случае, но и по отношению к немощным другого рода. Так, если кто вспыльчив или горд, или имеет какой-нибудь другой недостаток, ты переноси. Как же это возможно? Выслушай, что далее говорит (апостол). Сказав: *должни есмы носити,* он присовокупил: *и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к созиданию* (ст. 2). Вот что говорит (апостол): ты силен? Пусть немощный получит доказательство твоей силы, пусть узнает твою крепость: угождай ему. И не просто сказал (апостол): *да угождает,* но присовокупил: *во благое,* и не только – во благое, но, – чтобы совершенный не сказал: вот я влеку его к добру, – присовокупил – *к созиданию.* Таким образом, если ты богат или облечен властью, не себе угождай, но бедному и имеющему нужду, так как этим ты и приобретешь истинную славу, и принесешь много пользы. Ведь житейская слава быстро улетает, а слава духовная остается, если будешь это делать к созиданию. Потому (апостол) требует этого от всех, – он не говорит – тот, или другой, но – *кийждо вас.* Потом, так как он заповедал важное и повелел совершенному оставить свое совершенство, чтобы уврачевать немощи другого, то опять представляет в пример Христа, говоря: *ибо и Христос не Себе угоди* (ст. 3). Так всегда делает Павел. Когда он рассуждал о милостыне, то на Него указал, говоря: *весте благодать Господа, яко вас ради обнища, богат сый* (2 Кор. VIII, 9); когда побуждал к любви, убеждал тем же примером, сказав: *якоже и Христос возлюби нас*

(Еф. V, 25); когда советовал переносить стыд и бедствия, прибег к Нему, говоря: *Иже вместо предлежащия Ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив* (Евр. XII, 2). Так и здесь показывает, что сам Христос поступал таким образом и что пророк еще издревле предвозвестил это, почему и присовокупил: *якоже есть писано: поношения поносящих Тебе нападоша на Мя*. Что же значит: *не Себе угоди?* Христу можно было не подвергаться злословию и не терпеть того, что он перенес, если бы Он захотел иметь в виду только Себя, но однако Он не захотел, а заботясь о нас, презрел Себя. Почему же не сказал (апостол): истощил Себя? Потому что Он хотел выразить не только то одно, что Сын Божий сделался человеком, но и то, что Он подвергался поруганиям и приобрел от многих худую славу, так как Его считали бессильным. Ему говорили: *аще Сын еси Божий, сниди со креста* (Мф. XXVII, 40), и: *иныя спасе, Себе ли не может спасти* (Мф. XXVII, 42)? Поэтому (апостол) и упомянул об обстоятельстве, которое ему было нужно для настоящего предмета, но однако и здесь высказывает гораздо более того, сколько обещал. Из его слов видно, что был злословим не только Христос, но и Отец, так как сказано: *поношение поносящих Тебе нападоша на Мя*. А это, между прочим, означает, что не случилось ничего нового и необычайного. Те самые, которые в Ветхом Завете научились поносить Бога, безумствовали и против Сына Его. А написано это для того, чтобы мы подражали (Сыну Божию). Здесь (апостол) поощряет верующих и к терпению в искушениях, говоря: *елико бо преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася: да терпением и утешением Писаний упование имамы* (ст. 4), то есть чтобы мы не отпали. Существуют различные подвиги — внутренние и внешние, чтобы мы, почерпая укрепление и утешение из Писаний, оказывали терпение и чтобы, живя в терпении, пребывали

в надежде. Из них одно располагает к другому – терпение к надежде, надежда к терпению, но оба они почерпаются из Писания. Потом (апостол) опять обращает речь свою в молитву, говоря: *Бог же терпения и утешения да даст вам тожде мудрствовати друг ко другу о Христе Иисусе* (ст. 5). Так как (апостол) предложил свое увещание, представил в пример деяния Христа и привел свидетельство из Писания, то теперь показывает, что Бог, давший Писание, сам дает и терпение. Потому сказал: *Бог же терпения и утешения да даст вам тожде мудрствовати друг ко другу о Христе Иисусе.* Ведь это свойственно любви – думать о другом то же, что всякий думает и о себе.

3. Потом (апостол), показывая опять, что он требует не просто любви, присовокупил: *о Христе Иисусе;* так он и всегда поступает, потому что есть и другая любовь. Что же бывает плодом согласия? *Да единодушно,* говорит, *едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа* (ст. 6). Не сказал просто – одними устами, но повелел делать это и одной душой. Видишь ли, как он объединил целое тело и как заключил опять речь славословием? Этим он более всего и убеждает к единомыслию и согласию. Потом снова продолжает то же увещание, говоря: *темже приемлите друг друга, якоже и Христос прият вас во славу Божию* (ст. 7). Еще пример высокий и приобретение неизреченное: ведь Бога особенно и прославляет то, что мы находимся в общей ограде. Таким образом, если ты, огорчаясь за себя, заводишь раздор с братом твоим, то, подумав, что, отложив гнев, прославишь своего Владыку, примирись с братом, если не для него самого, то для славы Божией, или лучше сказать, прежде всего для славы. Об этом непрестанно повторял и Христос и беседуя с Отцом, Он сказал: *о сем да разумеют вси, яко Ты Мя послал еси, аще едино будут* (Ин. XVIII, 21–23).

Итак, последуем увещанию и будем в единении друг с другом. К этому он побуждает не одних немощных, но всех вообще. Если бы кто-нибудь и захотел отделиться от тебя, ты не отделяйся от него и не произноси этого холодного слова: «если он любит меня, то и я буду любить его; если не любит меня правый глаз мой, и его вырву». Это сатанинские речи, достойные мытарей и языческого малодушия. А ты, как призванный к высшей жизни и вписанный на небе, подчинен и высшим законам. Не говори этого, когда он не хочет любить тебя, но тогда именно и покажи большую любовь, чтобы этим привлечь его. Ведь и он член, а когда член по какой-нибудь необходимости отделяется от остального тела, то мы употребляем все меры, чтобы опять присоединить его и даже в этом случае оказываем больше заботливости. И награда бывает больше, когда ты привлечешь нерасположенного к любви. Если Христос повелевает звать на обед людей, которые не могут воздать нам тем же, чтобы мы могли получить за это большее воздаяние (Лк. XIV, 12), то тем более должно делать это относительно любви. Если любимый тобой и сам тебя любит, то он оказал уже тебе воздаяние, а если любимый тобой не любит тебя, то он поставил за себя Бога должником твоим. Сверх того, когда он любит тебя, то не много нужно тебе прилагать о нем попечения, а когда не любит, тогда особенно он и имеет нужду в твоей помощи. Потому не обращай причину попечения в причину нерадения и не говори: «так как он болен (ведь охлаждение любви есть болезнь), то и я о нем не забочусь», но согрей охладевшего. Но скажешь: что же мне делать, если он не согревается? Продолжай делать свое. Что делать, если он еще больше станет отвращаться от меня? Этим он готовит тебе еще большее воздаяние и тем больше обнаруживает в тебе подражателя Христа. Если и взаимная любовь есть

признак учеников Христовых: *о сем разумеют*, говорит Христос, *яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. XIII, 35), то представь себе, как важно любить ненавидящего? Ведь и Владыка твой любил и призывал к Себе ненавидевших Его, и насколько слабее они были, настолько более заботился о них и громко проповедовал: *не требуют здравии врача, но болящии* (Мф. IX, 12). Он и удостаивал трапезы Своей мытарей и грешников, и вообще, насколько великое бесчестье причинил Ему народ иудейский, настолько, или лучше сказать, гораздо больше Он оказывал ему попечения и расположения. И ты подражай Ему. Это дело немалое, но без него, как говорит Павел, и великий мученик не может угодить Богу. Не говори: так как он ненавидит меня, то и я не люблю его. Напротив, поэтому особенно ты и должен любить его. Да и вообще невозможно скоро возненавидеть любящего, но всякий, хотя бы он был и зверем, будет любить любящих его; это делают и язычники и мытари, говорит Христос (Мф. V, 46, 47). А если всякий любит любящих, то кто не полюбит тех, которые любят, будучи ненавидимы? Итак, докажи это на себе, не переставай говорить: «сколько бы ты меня ни ненавидел, я не перестану любить тебя», — и ты победишь этим всякое упорство, смягчишь всякую душу. Ведь эта болезнь бывает или от воспламенения, или от охлаждения, но сила любви своей теплотой обыкновенно врачует то и другое. Разве не случалось тебе видеть, что преданные позорной любви терпят от блудных женщин побои, оплевания, ругательства и тысячи неприятностей? Но что же, все эти оскорбления могут ли охладить любовь их? Нисколько, но они еще более разжигают ее. И хотя женщины, оскорбляющие их, бесчестны и по своей непотребной жизни, и по своему низкому и безвестному происхождению, а оскорбляемые часто могут указать и знаменитых предков и рассказать

об иной известности, однако и это не ослабляет в них любви, не отвращает от любимой женщины.

4. Как же не стыдно нам, если в любви, угодной Богу, мы не можем показать такой силы, какую имеет любовь диавольская и демонская? Как ты не понимаешь, что любовь, угодная Богу, есть сильнейшее оружие против диавола? Или ты не замечаешь, что злой демон стоит на страже, привлекает к себе ненавидимого тобой и хочет сделать его своим членом? А ты бежишь мимо и теряешь награду за борьбу? Ведь наградой служит брат твой, лежащий между тобой и врагом твоим; если ты победишь, то получишь венец, а если будешь беспечен, то удалишься неувенчанным. Перестань же изрекать эти сатанинские слова: «если брат мой ненавидит меня, я не хочу и видеть его». Ничего нет постыднее такой речи; хотя многие считают это знаком благородной души, но нет ничего неблагороднее, безумнее, жестокосерднее этого. Потому я особенно и сокрушаюсь, что многие считают злые дела добродетелью и что пренебрегать и презирать других кажется им делом прекрасным и честным. Это и есть самая опасная сеть диавола, когда порок облекается доброй славой, — потому он и неистребим. Я сам слышал, как многие ставят себе в честь то, что они не подошли к человеку, который от них отворотился, хотя твой Владыка и этим хвалится. Сколько раз оплевывали Его люди? Сколько раз отворачивались от Него? Но Он не перестает приходить к ним. Итак, не говори: я не могу подойти к людям, меня ненавидящим, но скажи: я не могу оплевать тех, которые оплевывают меня. Это будет речь ученика Христова, а первое — речь диавольская. Это сделало многих знаменитыми и славными, а первое — презренными и смешными. Потому мы и удивляемся Моисею, что, когда сам Бог говорил: *остави Мя, и возъярився гневом на ня потреблю их*

(Исх. XXXII, 10, 32), он не мог презреть тех, которые многократно отвращались от него, но сказал: *аще убо оставиши им грех их, остави, аще же ни, изглади мя.* Так Моисей был другом и подражателем Богу. Не будем хвалиться тем, чего должно стыдиться, не будем произносить слов, употребляемых на рынке людьми порочными: «плевать мне на всех». А если и другой кто-нибудь скажет это, обличим его и заставим молчать, как человека, который хвалится тем, чего надлежало бы стыдиться. И скажи мне: что говоришь ты? Ты презираешь человека верующего, а Христос не презирал его, когда он был и неверующим. Что я говорю – не презирал? Христос возлюбил его так, что и умер за него, хотя он был врагом Его и покрыт безобразием. Христос много возлюбил его и в таком состоянии, а ты презираешь его теперь, когда он стал прекрасен и достоин удивления, сделался членом Христовым, телом Владычним. Как же ты не думаешь о том, что произносишь, как не чувствуешь, на что решаешься? Христос ему глава, трапеза, одежда, жизнь, свет, жених, Христос для него все, а ты смеешь говорить: плюю на него, и не на него одного, но на всех ему подобных. Удержись, человек, отложи свое безумие, узнай своего брата, пойми, что такие слова приличны человеку безумному или помешанному, и скажи совершенно обратное: хотя бы он и тысячу раз на меня плюнул, я не отойду от него. Таким образом ты и брата приобретешь, и будешь жить во славу Божию, и сделаешься причастником будущих благ, достигнуть которых да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием и прочее.

БЕСЕДА XXVIII

Глаголю же Христа Иисуса служителя бывша обрезания по истине Божией, во еже утвердити обетования отцев (XV, 8)

1. Апостол, держась прежнего предмета речи, опять беседует о попечении Христа и показывает, сколько Он сделал для нас и как Он не Себе угодил. А вместе с этим доказывает также, что верующие из язычников – наибольшие должники Богу. Если же они наиболее одолжены, то их обязанность – носить немощных из иудеев. Так как (апостол) нанес последним сильный удар, то чтобы от этого не возгордились первые, он опять смиряет их высокомерие, доказывая, что иудеям блага дарованы по обетованию отцам их, а призванным из язычников – по одному милосердию и человеколюбию, почему он и говорит: *а языком по милости, прославити Бога.* Но, чтобы сказанное было для тебя яснее, снова выслушай слова (апостола), и тогда поймешь, что значит выражение: Христос, ради истины Божией, сделался служителем обрезания, чтобы исполнить обещанное отцам. Итак, что здесь разумеется? Обетование, данное Аврааму, заключалось в следующих словах: *тебе дам землю и семени твоему* (Быт. XIII, 15), и: *о семени твоем благословятся вси языцы* (XXII, 18). Но после того все, происшедшие от семени Авраама, сделались достойными наказания, так как нарушение закона навлекло на них гнев и, наконец, лишило обетования, данного отцам. Поэтому Сын, придя на землю, содействовал Отцу оправдать эти обетования и привести их в исполнение. Когда Он исполнил весь закон, а в нем и обрезание, и когда и этим исполнением закона, а также посредством креста освободил людей от проклятия за преступление закона, то не допустил обетование до падения. Итак, когда (апостол) называет (Иисуса Христа) служителем

обрезания, то разумеет, что Он Своим пришествием, исполнением всего закона, принятием обрезания и тем, что сделался семенем Авраамовым, снял клятву, избавил людей от гнева Божия и, наконец, тех, которые готовы были принять обетование, сделал способными к этому и однажды навсегда освободил их от преткновений. А чтобы обвиняемые не сказали: как же сам Христос был обрезан и соблюдал весь закон? — (апостол) выводит отсюда противоположное заключение. Христос исполнил это, говорит он, не для того, чтобы закон оставался в силе, но чтобы отменить его, избавить тебя от лежащей на тебе клятвы и совершенно освободить от владычества закона. Так как ты преступил закон, то Христос исполнил его не для того, чтобы и ты исполнял, но чтобы утвердить за тобой обетования, данные отцам, которые погубил у тебя закон, показав, что ты нарушил его и недостоин наследия. Таким образом и ты спасен по благодати, потому что прежде был отвержен. Итак, не возражай, не упорствуй, придерживаясь безвременно закона, который лишил бы тебя и обетования, если бы Христос не пострадал за тебя так много. Пострадал же Он столько не потому, чтобы ты был достоин спасения, но чтобы показать верность Божию. Потом, чтобы призванный из язычников этим не возгордился, (апостол) продолжает: *а языком по милости, прославити Бога* (ст. 9). Это значит: иудеи, хотя и недостойны были, однако имели обетования, а ты и этого не имеешь, но спасен по одному человеколюбию. Правда, и иудеям, если бы не пришел Христос, обетования не дали бы никакого преимущества, но (апостол) для того упоминает об обетованиях, чтобы язычники смирились и не восставали на немощных. О язычниках он и говорит, что они спаслись только по милости, а потому и обязаны особенно славить Бога. А слава Богу воздается тогда, когда мы живем в союзе и единении, когда

единодушно благословляем Бога, переносим того, кто немощнее нас, и не презираем отторгающегося члена. После этого (апостол) приводит свидетельства, из которых видно, что верующие из иудеев должны быть в единении с призванными из язычников и говорит: *якоже есть писано: сего ради исповемся Тебе во языцех, Господи, и имени Твоему пою. Возвеселитеся языцы с людми Его. Хвалите Господа вси языцы, похвалите Его вси людие. Будет корень Иессеов, и восстаяй владети над языки, на Того языцы уповают* (ст. 9–12). Все это приводит (апостол) в доказательство того, что должно всем соединиться и славить Бога, а вместе с тем и смиряет иудея, чтобы он не превозносился перед язычником, потому что все пророки призывают и язычников, и чтобы внушить скромность и язычнику, показывая, что он больше воспользовался благодатью.

2. Потом опять заключает речь молитвой, говоря: *Бог же упования да исполнит вас всякия радости и мира в вере, избыточествовати вам во уповати, силою Духа Святаго* (ст. 13), то есть чтобы вам освободиться от взаимного огорчения и не пасть когда-нибудь под влиянием искушений; а это случится тогда, когда вы будете избыточествовать в уповании. Упование же есть причина всех благ. Оно подается от Святого Духа, но не просто от Духа, а если привнесем нечто и со своей стороны. Потому (апостол) сказал: *в вере.* Вы можете исполниться радости в том случае, если будете веровать, если будете надеяться. Но он не сказал – если будете надеяться, а – когда будете избыточествовать надеждой, так чтобы не только найти для себя утешение в бедствиях, но и радоваться от богатства веры и надежды. Этим вы и Духа Святого привлечете и, когда Он придет, сохраните все блага. Как жизнь наша поддерживается пищей, а пища создает жизнь, так, если имеем добрые дела, будем иметь и Духа, а если имеем Духа, будем иметь и добрые

дела. Равно и наоборот, если не имеем добрых дел, Дух улетает от нас, а если лишимся Духа, то будем хромы и на добрые дела. Как скоро отступит от нас Святый Дух, приходит к нам дух нечистый, как это и случилось с Саулом. И что из того, если он не мучит нас, как Саула? Он давит нас иначе – худыми делами. Потому нам нужны гусли Давида, чтобы для души воспевать божественные песни, то есть и песни Давидовы, и песни добрых дел. А если будем делать только одно из двух и, слушая песнопения, будем противоборствовать Псалмопевцу своими делами, как некогда Саул, то самое врачество обратится нам в осуждение и безумие сделается более опасным. Прежде чем мы стали слушать, злой демон боится, чтобы мы, послушав песнопения, не исправились, а когда, выслушав, остаемся все теми же, это освобождает его от страха. Потому воспоем песнь дел, чтобы изгнать из себя грех, который лютее демона. Ведь демон не всецело лишает нас неба, но иногда человеку бдительному даже содействует, а грех решительно отлучает от небесного царства. Грех есть добровольный демон, самовольное безумие, а потому никто о нем не жалеет, никто его не извиняет. Итак, для души, лежащей во грехе, будем воспевать песни, заимствуя их как из остального Писания, так и у блаженного Давида. Пусть поют уста, пусть поучается ум. И одно песнопение уже немаловажно. Если мы обучим песнопению язык, то, когда язык будет петь, душа устыдится желать противного. И не это одно благо мы приобретем, но и то, что узнаем многое для нас полезное. В псалмах говорится тебе и о настоящем и о будущем, и о видимом и о невидимой твари. Если хочешь знать о небе, всегда ли оно пребудет таким, как теперь, или изменится, Давид ясно тебе ответит, говоря: *небеса яко риза обетшают, и яко одежду свиеши я, и изменятся* (Пс. CI, 27). А если хочешь слышать о виде небес, слушай опять: *простира-*

яй небо яко кожу (Пс. CIII, 2). Или угодно тебе знать больше о поверхности небес, он же опять скажет тебе: *покрывали водами превыспренняя небес* (Пс. CIII, 3). И на этом он не останавливается, но описывает тебе широту и высоту небес и показывает, что они равномерны. *Елико отстоят востоцы от запад*, говорит он, *удалил есть от нас беззакония наша. По высоте небесней от земли утвердил есть Господь милость Свою на боящихся Его* (Пс. CII, 11, 12). Любопытствуешь ли ты об основаниях земли, и это не будет скрыто от тебя, но послушай, как Давид воспевает и говорит: *на морях основал ю есть* (Пс. XXIII, 2). Желаешь ли знать, отчего бывают землетрясения, он освободит тебя от всякого недоумения, говоря так: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 33). Спросишь ли о пользе ночи, и об этом узнаешь, услышав от него, что *в ней прейдут вси зверие дубравнии* (ст. 20). Спросишь, к чему полезны горы, он ответит тебе: *горы высокия еленем* (ст. 18). Для чего камни, скажет тебе: *камень прибежище хирогриллам и заяцем* (ст. 18). Для чего бесплодные дерева, — знай: *тамо птицы вогнездятся* (ст. 17). Для чего источники в пустынях? *На тых птицы небесныя привитают и звери сельныя* (ст. 11, 12). Для чего вино? Не для утоления только жажды, — на это достаточно и воды, — но для того, чтобы веселить и утешать тебя: *вино веселит сердце человека* (ст. 15). Поняв это, будешь знать, в какой мере должно употреблять вино. Чем питаются птицы и полевые звери? Слушай, что говорит Давид: *вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время* (ст. 27). Или спросишь: для чего рабочий скот, — он отвечает, что и это для тебя. *Прозябаяй траву скотом*, говорит он, *и злак на службу человеком* (ст. 14). Какая польза тебе от луны? Слушай, что говорит Давид: *сотворил есть луну во времена* (ст. 19). И что Бог сотворил все существующее, видимое и невидимое, и этому он ясно научил, говоря: *Той рече, и быша; Той повеле и создашася* (Пс. CXLVIII, 5).

И что будет освобождение от смерти, он же научает тебя этому, говоря: *Бог избавит душу мою от руки адовы, егда приемлет мя* (Пс. XLVIII, 16). Откуда произошло наше тело? И об этом говорит: *помяну, яко персть есмы* (Пс. CII, 14). Куда пойдет оно опять? *В персть свою возвратится* (Пс. CIII, 29). Для чего сотворено все? Для тебя. *Славою и честию венчал еси его, и поставил еси его над делы руку Твоею* (Пс. VIII, 6, 7). Есть ли у людей что-нибудь общее с ангелами? И на это отвечает, воспевая так: *умалил еси его малым чим от ангел* (ст. 6). О любви Божией говорит: *якоже щедрит отец сыны, ущедри Господь боящихся Его* (Пс. CII, 13). И о том, что ожидает нас после жизни, о безмятежной той участи он учит: *обратися душе моя в покой твой* (Пс. CXIV, 6). Для чего так обширно небо? И на это скажет: *небеса поведают славу Божию* (Пс. XVIII, 1). Для чего бывает ночь и день? Не для того только, чтобы светить и давать покой, но и назидать: *не суть речи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи их* (ст. 3). Как море облегает землю? *Бездна, яко риза одеяние ея* (Пс. CIV, 6). Так стоит в еврейском тексте.

3. А начав с того, что доселе было сказано, вы узнаете и о всем прочем, о Христе и воскресении, о будущей жизни и упокоении, о мучении, о нравоучении и о всех догматах, и таким образом найдете, что книга Давида исполнена бесчисленных благ. Если ты впадешь в искушения, то почерпнешь в ней большое для себя утешение; если впадешь в грехи, то найдешь в ней множество врачеваний; если впадешь в нищету или в скорбь, то увидишь в ней для себя многие пристани. Если ты справедлив, то найдешь в ней твердую опору; если ты грешен, то в ней же почерпнешь великое утешение. А если ты праведен и терпишь бедствия, то послушай, что говорит Давид: *тебе ради умерщвляемся весь день, вменихомся яко овцы заколения. Сия вся приидоша на ны, и не забыхом Тебе* (Пс. XLIII, 23, 18). Если добрые

дела твои побуждают тебя к надменности, выслушай сказанное Псалмопевцем: *не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живый* (Пс. CXLII), и немедленно смиришься. Если ты грешник и отчаиваешься в самом себе, повторяй часто воспеваемое им: *днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших, яко в прогневании* (Пс. XCIV, 8), и вскоре восстанешь. Если ты носишь на голове своей венец и много о себе думаешь, научись от него, что *не спасается царь многою силою, и исполин не спасется множеством крепости своея* (Пс. XXXII, 16), и тогда сделаешься скромнее. Если ты богат и славен, слушай опять воспеваемое им: *горе вам, надеющиися на силу свою, и о множестве богатства своего хвалящиися* (Пс. XLVIII, 7); и: *человек, яко трава дние его, яко цвет сельный тако оцветет* (Пс. CII, 15); И: *не снидет с ним слава его* (Пс. XLVIII, 18), – и не станешь ничего земного считать великим. Если так малоценно то, что всего блистательнее, слава и могущество, то что другое на земле может быть достойно твоего внимания? Но ты пребываешь в унынии? Выслушай, что говорит Давид: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущавши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему* (Пс. XLI, 6). Но ты видишь благоденствующих не по достоинству? Скажи: *не ревнуй лукавнующим, зане яко трава скоро изсшут, и яко зелие злака скоро отпадут* (Пс. XXXVI, 1, 2). Ты видишь, что и праведные и грешные наказываются? Узнай, что не одна и та же причина этого: *многи раны грешному* (Пс. XXXI, 10), говорит Давид. Говоря же о праведных, он не упомянул о ранах, но: *мнози скорби праведным и от всех их избавит я Господь* (Пс. XXXIII; 20); и еще: *смерть грешников люта* (ст. 22); и: *честна пред Господем смерть преподобных Его* (Пс. CXV, 26). Повторяй это постоянно и получай отсюда наставление, так как каждое из этих слов заключает в себе неизмеримое море мыслей. Мы только слегка коснулись этого, а если захотите со

вниманием исследовать сказанное, увидите великое богатство. Но и сказанного уже достаточно для нас, чтобы освободиться от одержащих нас страстей. Если Давид запрещает тебе завидовать, скорбеть и унывать безвременно, учит презирать богатство, бедствия, нищету и самую жизнь вменять ни во что, то этим избавляет тебя от всех страстей. Возблагодарим же за это Бога и воспользуемся сокровищем так, чтобы через терпение и утешение, почерпаемые в Писании, сохранить нам надежду и насладиться будущими благами, достигнуть которых да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием и прочее.

БЕСЕДА XXIX

Извещен же есмь, братия моя, и сам аз о вас, яко и сами вы полни есте благости, исполнени всякаго разума, могуще и иныя научити (XV, 14)

1. Апостол выше сказал: *понеже есмь аз языком апостол, службу мою прославляю* (Рим. XI, 13), также: *да не како и тебе не пощадит* (Рим. XI, 21), и еще: *не бывайте мудри о себе* (Рим. XII, 16), и потом: *ты же почто осуждаеши брата твоего* (Рим. XIV, 10), опять: *ты кто еси, судяй чуждему рабу* (Рим. XIV, 4), а также употреблял много других подобных выражений. И после того как он высказал в своем послании много жесткого, в заключение он врачует (нанесенные раны) и чем начал, тем и оканчивает. В начале сказал он: *благодарю Бога моего о всех вас, яко вера ваша возвещается во всем мире* (Рим. I, 8). Здесь же говорит: *извещен есмь, яко вы полни есте благости, могуще и иных научити,* и в этом месте сказано даже больше, нежели в первом. Он не сказал — услышал я, но — *извещен есмь,* то есть я не имею нужды узнавать от другого, но я сам уверен в вас, я сам, который вас обличал и обвинял. *Яко*

полни есте благости: это относится к недавно сделанному увещанию. (Апостол) как бы так говорит: я и не считал вас жестокими и братоненавистными, когда советовал принимать друг друга, не оставлять и не разорять дела Божии, — я знаю, что вы полны благости. Благостью же, как думаю, именует он здесь полноту добродетели. И не сказал — имеете благость, но — *полни есте благости.* С такой же выразительностью и продолжает: *исполнени всякого разума.* Что было бы пользы, если бы они, при своей любви, не знали, как должно обращаться с любимыми? Потому (апостол) присовокупил: *исполнени всякого разума, могуще и иныя научити,* не только научиться, но и научить других. *Дерзее же писах вам, от части* (ст. 15). Обрати внимание на смиренномудрие Павла и на его мудрость, как он, нанеся перед этим глубокую рану, когда уже достиг, чего хотел, пользуется опять многим врачеванием. Довольно уже было для их успокоения, кроме сказанного, одного того, что (апостол) сознается в излишней смелости. То же делает он и в послании к Евреям, говоря так: *надеемся же о вас, возлюбленнии, лучших и придержащихся спасения, аще и тако глаголем* (Евр. VI, 9). Подобно и к Коринфянам пишет: *хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предах вам предания, тако держите* (1 Кор. II, 2). И в послании к Галатам говорит: *аз надеюся о вас, яко ничтоже ино разумети будете* (Гал. V, 10). И во всех посланиях Павла повсюду можно встретить ту же мысль, но здесь преимущественно, потому что римляне пользовались большим уважением и надменный их ум надлежало смирять не только строгими, но и кроткими мерами. Апостол и употребляет те и другие. Поэтому и здесь он говорит им: *дерзее писах вам,* но не довольствуясь этим, присовокупил: *от части,* то есть слегка. Но и на этом не останавливается, а что говорит? *Яко воспоминая вам.* И не сказал он — уча вас, или — напоминая вам, но — *воспоминая,* то есть

немного напоминая. Замечаешь ли, как конец соответствует началу? Как в начале послания (апостол) говорил: *вера ваша возвещается во всем мире* (Рим. I, 8), так и в конце прибавил: *ваше бо послушание ко всем достиже* (Рим. XVI, 19). И как в начале сказал: *желаю бо видети вас, да некое подам вам дарование духовное ко утверждению вашему, сие же есть соутешитися* (Рим. I, 11, 12), так и здесь выразился: *яко воспоминая.* И здесь и там он сходит с учительской кафедры и беседует с ними, как с братьями, как с друзьями и как с равными. А это главное достоинство учителя – делать речь свою разнообразной для пользы слушателей. Заметь же, как (апостол) сказав: *дерзее писах вам,* притом: *от части,* и еще: *яко воспоминая вам,* не ограничился этим, но, выражаясь еще скромнее, присовокупил: *за благодать данную ми от Бога,* как и в начале он сказал: *должен есмь* (Рим. I, 14), как бы говоря: не сам я восхитил себе честь, не сам первый взялся за дело, но Бог повелел мне это и притом по благодати, а не потому, что нашел меня достойным для этого. Итак, не огорчайтесь: не я восстаю, а Бог повелевает. И как там (апостол) сказал: *Ему же служу во благовествовании Сына Его,* так и здесь, сказав: *за благодать данную ми от Бога,* присовокупил: *во еже быти ми служителю Иисус Христову во языцех, священнодействующу благовествование Божие* (ст. 16). После достаточного доказательства сказанного (апостол) обращает речь к важнейшему достоинству (своего апостольства) и называет его не просто служением, как в начале, но священным служением и священнодействием. Проповедовать и благовествовать – это мое священство, это жертва, мной приносимая. А священника никто не может упрекнуть в том, что он заботится о беспорочности приношений жертвы. Такими словами (апостол) вместе окрыляет домыслы верующих, показывая им, что они жертва, и оправдывает себя тем, что ему так

повелено. Мой жертвенный нож, говорит он, есть евангелие и слово проповеди, а цель моя не та, чтобы самому прославиться и сделаться знаменитым, но *да будет приношение, еже от язык, благоприятно и освященно Духом Святым,* то есть да будут приятны Богу души научаемых мной. Бог, изведя меня на это дело, не столько хотел меня прославить, сколько имел попечение о вас.

2. Как же приношение может сделаться благоприятным? В Святом Духе. Не одна вера нужна, но и духовная жизнь, чтобы мы могли удержать в себе Духа, данного однажды. Не дрова и огонь, не жертвенник и нож, но Дух для нас – все. Потому я всеми мерами стараюсь, чтобы этот огонь не угасал, так как мне поручено это. Почему же ты говоришь об этом тем, кто не имеет нужды? Потому-то, отвечает (апостол), я не учу, а напоминаю. Как (в Ветхом Завете) священник предстоял (перед Богом), возжигая огонь, так я предстою, возбуждая ваше усердие. И заметь, он не сказал: да будет приношение от вас, но: *приношение, еже от язык,* а под словом – *от язык* разумеет вселенную, то есть всю землю и море, и таким образом смиряет гордость римлян, чтобы они не считали недостойным иметь своим учителем того, чье влияние простирается до пределов вселенной. То же сказал он и в начале послания: *якоже и в прочих языцех. Эллином же и варваром, мудрым же и неразумными должен есмь* (Рим. I, 13, 14). *Имам убо похвалу о Христе Иисусе в тех, яже к Богу* (Рим. XV, 17). Так как (апостол) весьма смирил себя, то опять возвышает слово и делает это с тем, чтобы римляне не признали его презренным. Возвышая же себя и говоря: *имам похвалу,* не изменяет своему обычаю. Хвалюсь, говорит он, не самим собой, не усердием своим, но благодатью Божией. *Не смею бо глаголати что, ихже не содея Христос мною, в послушание языков, словом и делом, в силе знамений и чудес, силой Духа Бо-*

жия (ст. 18, 19). Никто не может сказать, говорит (апостол), что слова мои – одно хвастовство. Я могу представить многие признаки такого моего священнодействия и доказательства моего рукоположения – не подир, не звонцы, не увясло и кидар, как у ветхозаветных, но то, что гораздо более внушает благоговейного страха – знамения и чудеса. Нельзя сказать, что я был поставлен Богом и не выполнил порученного, а лучше сказать, и не я это совершил, а Христос, почему я и хвалюсь в Нем, хвалюсь не маловажными какими-нибудь делами, но духовными. Это самое и означают слова: *яже к Богу.* А что я совершил то, на что был послан, и что слова мои не хвастовство, об этом свидетельствуют чудеса и послушание язычников. *Не смею бо глаголати что, ихже не содея Христос мною, в послушание языков, словом и делом, в силе знамений и чудес, силою Духа Божия.* Смотри, как (апостол) усиливается доказать, что все принадлежит Богу, а не ему. Если я говорю что-нибудь или делаю, или совершаю чудеса, все это производит Христос, все производит Дух Святой. Говоря это, он вместе показывает и достоинство Духа. Замечаешь ли, насколько все это – жертва, приношение и символы – чудеснее и страшнее ветхозаветного служения? Говоря: *словом и делом, в силе знамений и чудес,* (апостол) под этим разумеет учение, любомудрие относительно царства Божия, явление дел и жизни, воскрешение мертвых, изгнание бесов, прозрение слепых, хождение хромых и все другие чудесные действия, какие совершил в нас Дух Святой. Далее, в подтверждение этого он указывает на множество учеников, так как, между прочим, и об этом было упоминание, и потому присовокупил: *якоже ми от Иерусалима и окрест даже до Иллирика исполнит благовествование Христово.* Итак, он перечисляет города и страны, народы и племена, не только в римской державе, но и у варваров. Не только

соверши путь через Финикию, Сирию, Киликию, Каппадокию, но и представь все и за ними лежащие народы — сарацинов, персов, армян и прочих варваров. (Апостол) сказал — *и окрест* для того, чтобы ты шел не прямой только и большой дорогой, но и всякой, и мысленно проник и в Южную Азию. И как, сказав: *в силе знамений и чудес,* он изобразил одним словом всю совокупность чудес, так и в одном слове: *окрест* он соединил опять бесчисленные города, народы, племена и страны. Вообще же он далек был от всякой кичливости и говорил это для римлян с той целью, чтобы они не много о себе думали. В начале он сказал: *да некий плод имею и в вас, якоже и в прочих языцех* (Рим. I, 13), а здесь ссылается на обязанность священства. Так как он раньше употребил несколько жестких выражений, то здесь яснее показывает власть свою. Потому там он просто сказал: *якоже и в прочих языцех,* а здесь указывает и все места своего проповедования, и таким образом отовсюду подрывает их надменность. И не просто сказал — проповедовать евангелие, но: *исполнити благовествование Христово. Сице же потщахся благовестити, идеже не именовася Христос* (ст. 20).

3. Вот еще новое преимущество (апостола), который не только благовествовал многим народам и обратил их, но и не приходил с проповедью к тем, которые были уже научены. Он так был далек от того, чтобы привлечь себе чужих учеников и делать это для собственной славы, что учил только тех, которые не слышали проповеди. Потому и не сказал он: где не уверовали во Христа, но — что значительнее — *не идеже именовася Христос.* Для чего же он заботился об этом? *Да не на чужем основании созижду*, говорит. А этими словами он доказывает, что чужд тщеславия, и вместе внушает римлянам, что пишет к ним не по любви к славе и не из желания получить от них честь, но потому, что исполняет свое слу-

жение, совершает священнодействие и заботится об их спасении. *Основание* же, положенное апостолами, он называет *чуждым* не по свойству лиц и не по характеру проповеди, но по отношению к награде каждого. Их проповедь сама по себе не была для него чуждой, но была чуждой только по отношению к награде, так как чужда была для него награда за труды, понесенные другими. После того (апостол) показывает, что таким образом исполнилось пророчество, говоря так: *якоже есть писано: имже не возвестися о Нем, узрят: и иже не слышаша, уразумеют* (ст. 21). Видишь ли, что Павел спешил туда, где требовалось больше труда и пота? *Темже и возбранен бых многажды приити к вам* (ст. 22). Смотри опять, как (у апостола) заключение послания сходно с началом. В начале он сказал: *яко множицею восхотех приити к вам, и возбранен бых доселе* (Рим. I, 13), а здесь представляет причину, по которой был задержан не раз и не два, но многократно. Как там говорит: *множицею восхотех приити к вам,* так и здесь: *возбранен бых многажды приити к вам.* Ведь то, что он многократно собирался к ним, всего более доказывает его сильное желание быть у них. *Ныне же ктому места не имый в странах сих* (ст. 23). Видишь ли, как он доказал, что писал к ним и приходил не для снискания у них себе славы? *Желание же имый приити к вам от многих лет. Яко аще пойду во Испанию, уповаю мимо грядый видети вас, и вами проводитися тамо, аще вас, прежде от части насыщуся* (ст. 24). Чтобы римлянам не показалось унизительным, если бы (апостол) сказал: «иду к вам, потому что нет у меня другого дела», он опять обращает к ним слово любви и говорит: *желание имый приити к вам от многих лет.* Я желал прийти к вам не потому что имел свободное время, но чтобы разрешиться тем желанием, которым давно мучусь. Но чтобы этим опять не возбудить в них гордости, смотри, как он смиряет их, говоря: *аще пойду*

во Испанию, уповаю мимо грядый видети вас. Потому он и написал это, чтобы они не подумали много о себе, так как он желает вместе и любовь свою показать, и их не допустить до кичливости. Поэтому он часто говорит об одном и том же и попеременно раскрывает то и другое. А для того, чтобы римляне опять не сказали: «он хочет только мимоходом быть у нас», (апостол) присовокупил: *и вами проводитися,* то есть вы сами будете свидетелями, что спешу не из презрения к вам, но увлекаемый нуждой. А так как и это еще печалит их, то он успокаивает их утешительным словом: *аще вас прежде от части насыщуся.* Выражением — *мимоидый* он показывает, что не ищет от них славы, а словом — *насыщуся* выражает, что стремится к ним из любви и притом не простой любви, но сильной, почему и не сказал — насыщуся, но — *от части насыщуся.* Никакое время не может насытить меня и дать мне пресыщение от пребывания с вами. Видишь ли, как он доказывает любовь свою тем, что, при всей необходимости поспешить, он не прежде оставит их, как насытится? И то уже служит признаком любви его, что он употребляет выражения, исполненным такой теплоты. Ведь он не сказал — увижусь с вами, но — *насыщуся,* подражая выражениям родителей. В начале он говорил: *да некий плод имею,* а здесь выражается: *да насыщуся;* то и другое обнаруживает сильное влечение сердца. В первом содержится величайшая им похвала, если от послушания они должны даровать (апостолу) плод, а во втором он уже прямо показывает искреннюю привязанность. Так же точно писал он и к Коринфянам: *да вы мя проводите, аможе аще пойду* (1 Кор. XVI, 6), во всем выражая свою ни с чем несравнимую любовь к ученикам. Этим он всегда и начинал свои послания и оканчивал. Как чадолюбивый отец любит своего единственного родного сына, так он любил всех верных, почему и говорил: *кто из-*

немогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся (2 Кор. XI, 29)? Это прежде всего остального и нужно иметь учителю. Потому и Петру Христос сказал: если любишь Меня, *паси овцы Моя* (Ин. XXI, 16). Кто любит Христа, тот любит и стадо Его. И Моисея Бог поставил вождем народа иудейского после того, как он показал свое усердие к своим единоплеменникам. Подобно и Давид взошел на царство, явив прежде привязанность к своим соотечественникам. Еще в юности он так скорбел о людях, что готов был отдать свою душу, когда умертвил иноплеменника. Хотя и спрашивал: *что сотворите мужу, иже убиет иноплеменника онаго* (1 Цар. XVII, 26), но говорил это не потому, что домогался награды, но только хотел, чтобы ему оказали доверие и допустили до ратоборства с ним. И потому, когда после победы он пришел к царю, то и ничего не сказал об этом. И Самуил отличался сильной любовью, почему и говорил: *да никакоже ми согрешити Господу, оставити еже молитися о вас ко Господу* (1 Цар. XII, 23). Так, или лучше сказать, гораздо более и Павел сгорал любовью ко всем подчиненным ему. Поэтому и учеников он так расположил к себе, что говорил: *яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертевше дали быстe ми* (Гал. IV, 15). Потому и Бог более всего укоряет иудейских учителей за недостаток любви, говоря: *оле пастыри Израилевы, еда пасут пастыри самих себе, не овец ли пасут пастыри?* Но они поступали иначе: *се млеко ядите*, говорит (Бог), *и волною одеваетеся и тучное закалаете, а овец Моих не пасете* (Иез. XXXIV, 3). И Христос, представляя образец совершеннейшего пастыря, говорил: *пастырь добрый душу свою полагает за овцы* (Ин. X, 11). Так поступал и Давид во многих случаях, а особенно тогда, когда страшный гнев угрожал истреблением целому народу. Видя общую гибель, он восклицал: *аз есмь согрешаяй, аз есмь пастырь зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша*

(2 Цар. XXIV, 17)? Поэтому и при выборе наказаний он избрал не голод, не преследование от неприятелей, но смерть, посылаемую от Бога, в той надежде, что она пощадит других, а прежде всех поразит его самого. Когда же этого не случилось, он плачет и говорит: *да будет на мне рука Твоя,* а если этого не достаточно, *и на дому отца моего. Ибо аз есмь пастырь согрешивый.* Он говорил как бы так: если бы и они согрешили, я подлежал бы наказанию за то, что не исправлял их; когда же грех был собственно мой, то по всей справедливости мне должно подвергнуться наказанию. И желая увеличить вину свою, Давид именует себя пастырем. Так он и остановил гнев, так и умолил Бога отменить определение. Таково исповедание праведника: *праведный себе самаго оглагольник в первословии* (Притч. XVIII, 17); такова попечительность и сострадательность совершеннейшего пастыря. Гибель подданных так же терзала сердце Давида, как смерть родных детей, почему он и просил Бога обратить гнев на него самого. И он сделал бы это в самом начале поражения, если бы не надеялся, что оно, идя своим путем, достигнет и его. Когда же он заметил, что это не совершается, а бедствие истребляет только подданных, то он не стерпел этого и был уязвлен более, чем смертью первенца своего Амнона. Тогда он не просил себе смерти, а теперь желает пасть прежде других. Таким надобно быть начальнику, который должен скорбеть более о чужих, нежели о собственных несчастьях. Такую же скорбь чувствовал Давид, лишившись сына, из чего можно видеть, что он любил его не больше, чем подданных. Хотя Авессалом был необузданный юноша и замышлял отцеубийство, однако Давид говорил: *кто даст смерть мне вместо тебе* (2 Цар. XVIII, 39)? Что ты говоришь, блаженный и кротчайший из всех людей? Сын стремился умертвить тебя, окружил тебя бесчисленными бедствиями, а ты, как

скоро его не стало и одержана победа, молишь себе смерти? Да, отвечает. Не для меня приобретена эта победа войском; во мне кипит брань сильнее прежней, и сердце мое разрывается теперь больше прежнего. Так Давид и подобные ему заботились о вверенных им.

5. А блаженный Авраам прилагал великое попечение даже и о тех, которые не были ему вверены, и даже такое попечение, что подвергал себя великим опасностям. Не в пользу одного только племянника своего совершил он то, что совершил, но и для содомлян, и не прежде перестал преследовать персов, как освободил всех содомлян. Хотя можно было ему возвратиться назад по освобождении одного Лота, однако Авраам не захотел этого, потому что заботился равно о всех, как и доказал это впоследствии. Когда содомлянам угрожало не нашествие войска иноплеменников, но гнев Божий готов был истребить до основания города их, когда настояла нужда не в оружии, не в брани, не в ополчении воинов, но в молитве, тогда Авраам ходатайствовал за них с такой заботливостью, как будто бы ему самому предстояла погибель. Вследствие этого и раз, и два, и три, и многократно приступает он к Богу, даже ссылается на слабость человеческой природы, говоря: *аз же есмь земля и пепел* (Быт. XVIII, 27). И так как знал, что содомляне сами навлекли на себя гнев Божий, то умоляет спасти их ради других. И Бог говорил ему: *еда утаю Аз от Авраама, раба Моего, яже Аз творю* (ст. 17), чтобы мы уразумели из этого, сколько праведник человеколюбив. И Авраам не перестал бы умолять Бога, если бы Бог первый не отошел от него. Хотя, по-видимому, он молился о праведных, но на самом деле все это было для содомлян. Ведь души святых исполнены кротости и человеколюбия как к своим, так и к чужим; они жалеют даже бессловесных. Потому и Премудрый сказал: *праведник милует души скотов своих* (Притч. XII, 10), а если

скотов, то гораздо более людей. Но так как я вспомнил о животных, то представим себе, сколько тяжелых трудов переносят пастухи овец в Каппадокийской стране, заботясь о бессловесных. Часто занесенные снегом, по три дня сплошь остаются они в таком положении. Говорят также, что не меньше бедствий переносят пастухи и в Ливии, по целым месяцам скитаясь по этой суровой пустыне, наполненной самыми свирепыми зверями. А если столько забот бывает о бессловесных, то какое извинение будем иметь мы, когда нам вверены разумные души, а мы спим таким глубоким сном? Можно ли тут думать об отдыхе? Можно ли искать покоя? Напротив, для этих овец не должно ли идти повсюду и подвергать себя тысяче смертей? Или вы не знаете цены этого стада? Не для него ли твой Владыка совершил бесчисленные деяния и пролил даже Свою кровь? А ты ищешь покоя? Что же может быть хуже таких пастырей? Разве ты не понимаешь, что и Христово стадо окружено волками, которые злее и свирепее ливийских? Неужели ты не представляешь себе, какую душу должно иметь тому, кто принимает на себя начальство в церкви? Народные правители, совещаясь о делах маловажных, дни и ночи проводят в бодрствовании, а мы, подвизающиеся для неба, спим и днем. Кто же после этого избавит нас от наказания за такую беспечность? Если бы даже надлежало резать тело, если бы предстояло испытать бесчисленные смерти, то не следовало ли бы спешить на все это, как на торжество? Пусть слышат это не одни пастыри, но и овцы, — чтобы сделать пастырей более усердными и побудить их к большей ревности, оказывая им всякое послушание и повиновение и ничего другого. Так заповедал и Павел, говоря: *повинуйтеся наставником вашим и покоряйтеся; тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Под словом же — *бдят* он разумеет бесчисленные труды, заботы и опасности.

Добрый пастырь, именно такой, какого и желает Христос, состязается в подвигах с многочисленными мучениками. Ведь мученик однажды за Христа умер, а пастырь, если он таков, каким должен быть, тысячекратно умирает за стадо, он даже каждый день может умирать. Поэтому и вы, зная труд его, содействуйте ему молитвами, усердием, готовностью, любовью, чтобы и мы для вас, и вы для нас сделались похвалой. Потому и Христос, вверяя стадо Свое первоверховному из апостолов, который более всех любил Его, предварительно спрашивал: *любиши ли Мя* (Ин. XXI, 16)? — чтобы ты уразумел, что попечение о стаде Христовом является преимущественным признаком любви к самому Христу, так как для этого нужна мужественная душа. Но это сказано мной о совершенных пастырях, не о мне самом и о подобных нам, но о пастыре, — если есть такой, — вроде Павла, или Петра, или Моисея. Итак, будем им подражать, как начальствующие, так и подчиненные, — ведь и подчиненному можно отчасти быть пастырем своего дома, друзей, домашних, жены, детей; а если мы так будем управлять делами своими, то достигнем всех благ, получить которые да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием, и прочее.

БЕСЕДА XXX

Ныне же гряду во Иерусалим, служай святым. Благоволиша бо Македониа и Ахаиа общение некое сотворити к нищим святым, живущим во Иерусалиме. Благоволиша бо, и должни им суть (XV, 25—27)

1. Так как (апостол) сказал: *не имею места в сих странах,* и: *с давних лет имею желание идти к вам,* а между тем нужно было ему еще промедлить, то, чтобы римляне не подумали, что он смеется над ними, он объясняет при-

чину, по которой пока не может прийти к ним, и говорит: *гряду во Иерусалим*. Но, говоря о причине своего промедления, (апостол), кажется, имеет в виду и другое, именно – побудить их к милостыне и сделать их в этом более усердными. Если бы он не об этом заботился, ему довольно было бы сказать: *гряду во Иерусалим*. Но теперь присовокупляет и причину этого путешествия: *гряду*, говорит, *служай святым*. Даже останавливается на этих словах, приводит доказательства, говоря: *должни суть*, и еще: *аще в духовных их причастники быша языцы, должни суть и в плотских послужити*, – чтобы и римляне научились подражать им. Здесь особенно нужно подивиться мудрости (апостола) в том, что он придумал такой способ дать совет, так как на римлян он мог более этим подействовать, нежели прямым увещанием. Ведь они почли бы для себя оскорбительным, если бы (апостол) представил им коринфян и македонян в образец подражания. Поэтому коринфян, в послании к ним, увещевает таким образом: *сказую же вам благодать Божию данную в церквах Македонских* (2 Кор. VIII, 1); равно и на македонян действовал примером коринфян: *яже от вас ревность раздражи множайтих* (2 Кор. IX, 2). Равным образом и примером галатов он также пользуется, когда говорит: *якоже устроих церквам Галатийским, така и вы сотворяйте* (1 Кор. XVI, 1). Но с римлянами (апостол поступает) иначе, более осторожно. Таким же образом он поступает и относительно проповеди, когда говорит: *или от вас слово Божие изыде, или вас единых достиже* (1 Кор. XIV, 36), потому что соревнование всего сильнее. Потому (апостол) многократно повторяет это; так и в другом месте говорит: как *во всех церквах повелеваю* (1 Кор. VII, 17); и еще: *якоже, везде во всякой церкви учу* (1 Кор. IV, 17); и к Колоссянам говорит: *якоже благовестие Божие есть плодоносно и растимо во всем мире* (Кол. I, 6). Так поступает и здесь, говоря о милостыне. И смотри, с каким

величием он употребляет выражения. Он не сказал – иду отнести милостыню, но – *гряду служай.* А если Павел служит, то рассуди, как это важно, когда сам учитель вселенной берет на себя труд отнести подаяния, и хотя намеревался путешествовать в Рим и сильно желал видеться с римлянами, однако первое предпочитает последнему. *Благоволиша бо Македониа и Ахаиа,* то есть признали делом хорошим и пожелали *общение некое сотворити.* Опять не сказал – милостыню, но – *общение.* Не без цели также поставил слово – никое, но чтобы римляне не приняли сказанного за укоризну себе. И не сказал просто – к нищим, но – *к нищим святым,* убеждая двояким образом к вспомоществованию, как нищетой, так и добродетелью. Даже и этим не ограничился, но присовокупил: *должни суть.* Потом доказывает, почему должны. *Аще бо,* говорит, в *духовных их причастники быша языцы, должни суть и в плотских послужити им.* Это значит: для них пришел Христос, им, обратившимся из иудеев, принадлежат все обетования, от них Христос, потому и сам Он сказал: *спасение от иудей есть* (Ин. IV, 22); от них апостолы, от них пророки, от них все блага. И вселенная сделалась причастницей всего этого. Итак, говорит (апостол), если вы сделались причастниками более важного и если, по евангельской притче, вечеря была приготовлена для них, а вы пришли и вкусили предложенного, то и вы должны допустить их до участия в телесных благах и уделить им. Но (апостол) не сказал прямо – допустить до участия, а – *послужити,* поставив их как бы в разряд диаконов или приносящих подати царям. Не сказал также – в телесных ваших, как (выше сказано) – *в духовных их,* потому что духовные блага принадлежат одним иудеям, а телесные не одним язычникам, но и всем вообще. И (апостол) повелел, чтобы имения принадлежали всем, а не одним владельцам. *Сие убо скончав, и запечат-*

лев им плод сей (ст. 28), то есть как бы положив в царскую сокровищницу, в неприступное и безопасное место. И не сказал – милостыню, но опять – плод, показывая, что подающие милостыню и сами получают прибыль. *Пойду вами во Испанию.* Снова упоминает об Испании, показывая свое попечение и расположение к жителям ее. *Вем же, яко грядый к вам, во исполнении благословения благовестия Христова прииду* (ст. 29). Что значит: *во исполнении благословения?* (Апостол) говорит здесь или об имуществах, или вообще о всяком добром деле. Он имеет обыкновение называть благословением милостыню, как и многое другое. Например, когда говорит: *якоже благословение, а не яко лихоимство* (2 Кор. IX, 5). Даже и в Ветхом Завете было обыкновение называть так милостыню. Но так как (апостол) присовокупил здесь – *благовестия,* то мы утверждаем, что под благословением разумеется не одно имущество, а и все прочее. Он как бы так говорит: я знаю, что, придя к вам, найду вас во всем благополучными, изобилующими в благах и достойными многих добрых похвал, согласно евангелию. Вот удивительный способ давать совет – предупредить их похвалами. А так как (апостол) уклоняется от того, чтобы предложить мысль свою в виде увещания, то и приступает к такому способу исправления. *Молю же вы Господем нашим Иисус Христом, и любовию Духа* (ст. 30).

2. (Апостол) опять упоминает здесь о Христе и о Духе, но вовсе не говорит об Отце. Я замечаю об этом для того, чтобы ты, когда (апостол) упоминает об Отце и Сыне, или об одном Отце, не исключал ни Сына, ни Духа. И не сказал (апостол) – Духом, но – *любовию Духа.* Как Христос и как Отец возлюбили мир, так и Дух. Но о чем же умоляешь ты, (Павел), скажи мне? *Споспешествуйте ми в молитвах о мне к Богу. Да избавятся от противлящихся во Иудеи* (ст. 31). Итак, (апостолу) предстоя-

ла великая борьба, почему он и просит их молиться. И не сказал — да вступлю в состязание, но — *да избавлюся,* как повелел Христос: *молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. XXVI, 41). (Апостол) этими словами, с одной стороны, показывает, что на него намереваются напасть какие-то злые волки и вообще звери, а не люди, с другой же стороны он имеет в виду показать, что он справедливо принял на себя труд служить святым, как скоро неверующих так много, что нужно было молиться об избавлении от них. Живущие среди столь многочисленных врагов могли погибнуть от голода, поэтому необходимо было доставлять им пропитание из других мест. *И да служба моя, яже во Иерусалиме, благоприятна будет святым,* то есть да будет приятна моя жертва и охотно принято подаяние. Видишь ли, как опять он возвысил достоинство принимающих милостыню, если просит молитвы многочисленного народа, для того, чтобы посылаемое было принято? А с другой стороны, этим он показывает что недостаточно дать для того, чтобы милостыня была принята. Когда кто-нибудь подает по принуждению, или из тщеславия, или неправедно приобретенное, тогда плод теряется. *Да с радостью прииду к вам волею Божиею* (ст. 32). Как говорил в начале: *аще когда поспешен буду волею Божиею прийти к вам,* так и здесь прибегает к той же воле Божией и говорит: для того спешу и молю Бога избавиться отсюда, чтобы скорее увидеть вас и увидеть с удовольствием, не подвергаясь там никакой скорби. *И упокоюся с вами.* Смотри, как он опять показывает, что в нем нет надменности. Не сказал — научу вас и наставлю в вере, но — *упокоюся с вами.* Но ведь (апостол) сам подвизался и боролся, как же говорит — *упокоюся с вами?* Он говорит это в угождение римлянам, располагает их к большему усердию, делая участниками в победных венцах и показывая, что они также подвизаются и трудятся.

Потом, по обыкновению своему, присовокупляет к увещанию своему молитву, говоря: *Бог же мира со всеми вами. Аминь* (ст. 33). *Вручаю же вам Фиву сестру, сущу служительницу церкве, яже в Кегхреех* (XVI, 1). Ты видишь, сколько (апостол) уважает Фиву, если упомянул о ней прежде всех и назвал сестрой, а называться сестрой Павла – дело немалое. Сказал и о должности ее, наименовав служительницей. *Да примете ю о Господе достойне святым* (ст. 2), то есть для Господа примите ее с честью, – потому что принимающий для Господа даже и незначительного человека принимает с тщанием. А так как Фива была святая, то рассуди сам, каким попечением она вправе была пользоваться. Потому (апостол) присовокупил: *достойне святым,* то есть как следует принимать святых. Вы должны услуживать ей по двум причинам – потому что принимаете ее для Господа и потому что она святая. *И споспешествуйте ей, о ней же аще от вас потребует вещи.* Видишь ли, как это не обременительно? Не сказал – избавьте ее от всех нужд, но – снабдите, чем можете, подайте руку помощи, какие бы нужды она у вас ни имела; и притом говорит не о всех ее нуждах, но о тех, какие будет иметь у вас, а нуждаться она будет в том, чем можете располагать и вы. Потом опять несказанная похвала: *ибо сия заступница многим бысть, и самому мне.* Замечаешь ли благоразумие (Павла?) На первом месте он поставил похвалу, в середине увещание, а потом опять похвалу, с обеих сторон защищая похвалами нужду блаженной жены. Как же не блаженна Фива, как скоро удостоилась такого свидетельства от Павла и была в состоянии оказывать помощь самому Павлу, учителю вселенной? Это венец всех ее совершенств, почему (апостол) и поставил это в конце, сказав: *и самому мне.* Что же значит – *и самому мне?* Тому, кто был проповедником вселенной, претерпел бесчисленные страдания и один довлел для многих

тысяч. Итак, мужи и жены, будем подражать этой святой, а равно и той, которую вместе с мужем именует (Павел) после Фивы. Кто же они? *Целуйте*, говорит, *Прискиллу и Акилу, споспешника моя о Христе Иисусе* (ст. 3). О добродетели их свидетельствует и Лука, когда говорит: *пребысть у них Павел, бяху бо скинотворцы хитростию* (Деян. XVIII, 3), и когда извещает, что Прискилла приняла к себе Аполлоса, *и известные тому сказаша путь Господень* (ст. 26).

3. Но как ни велики эти доблести, а гораздо важнее то, что сказал Павел. Что же он говорит? Сперва называет их своими споспешниками, показывая, что они разделяли с апостолом несказанные труды и опасности. Потом говорит, что они *по души моей своя выя положиша* (ст. 4). Видишь ли, что они были совершенные мученики? Ведь при Нероне, как и естественно, опасности были бесчисленны, когда он приказал всем иудеям удалиться из Рима. *Их же не аз един благодарю, но и вся церкви языческия.* Здесь (апостол) разумеет страннолюбие и вспомоществование деньгами и удивляется им в том, что они пролили кровь свою и отдали все имение на общую пользу. Видишь ли ты, что и немощь естества не воспрепятствовала благородным женщинам идти стезей добродетели? И вполне естественно, потому что *во Христе Иисусе несть мужеский пол, ни женский* (Гал. III, 28). И что сказал (апостол) о Фиве, то же говорит и о Прискилле. Как о той сказано: *сия заступница многим бысть и самому мне,* так и об этой: *не аз един благодарю, но и вся церкви языческия.* И чтобы не подумали, что это сказано из лести, представляет других свидетелей, которые многочисленнее жен. *И домашнюю их церковь.* Они были настолько добродетельны, что обратили дом свой в церковь, так что все их домашние сделались верующими, и дом их был открыт для всех странных. (Апостол) не имел обыкновения без основа-

ния называть дома церквами, если в них не было большого благочестия и не был утвержден особенный страх Божий. Поэтому и Коринфянам сказал: *целуйте Акилу и Прискиллу с домашнею их церковию* (1 Кор. XVI, 19), и об Онисиме он писал, говоря: *Павел Филимону и Апфии возлюбленней и домашней твоей церкви* (Фил. I, 2). Конечно, и в супружеской жизни можно быть достойным удивления и благородным. Вот и Акила с Прискиллой жили в супружестве и весьма просияли, хотя занятие их и было незамечательно: они делали палатки; однако добродетель покрыла все и показала их светлее солнца. Ни ремесло, ни брачный союз не вредили им, но они явили такую любовь, какой требовал Христос, сказав: *больши сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. XV, 13). Они исполнили то, что служит признаком Христова ученика, взяли крест и последовали за Христом, так как делавшие это для Павла тем более показывали такое же мужество для Христа. Пусть услышат это и богатые, и бедные. Если жившие трудами рук своих и управлявшие рабочим заведением показали столько щедрости, что сделались полезными для многих церквей, то какое извинение будут иметь богачи, презирающие нищих? Те в угождение Богу не пощадили своей крови, а ты бережешь и немногие монеты, часто презирая и собственную свою душу. Но, может быть, усердные к учителю не таковы были к ученикам? И этого нельзя сказать: ведь их благодарили, говорит (апостол), и церкви языческие. Хотя они были из иудеев, однако веровали настолько искренне, что и язычникам служили со всем усердием. Такими и должны быть женщины, которым должно украшаться не плетением волос, или золотом, или драгоценной одеждой, но добрыми делами (1 Тим. II, 9, 10).

В самом деле, скажи мне, какая царица столько знаменита и так прославляется, как эта жена скинотвор-

ца? Она у всех на устах и так будет не десять и двадцать лет, но до пришествия Христова. И притом, все прославляют ее за то, что украшает ее более царской диадемы. Да и что более важно, что равняется с тем, чтобы быть заступницей Павла и с опасностями для себя спасать учителя вселенной? Рассуди, сколько было цариц и имена их преданы забвению, а имя жены скинотворца и ее мужа проносится повсюду, и сколько солнце освещает землю, столько слава ее обтекает во вселенной: и персы, и скифы, и фракийцы, и живущие в отдаленных пределах земли прославляют и ублажают благочестивую жизнь этой женщины. Какое богатство, сколько диадем и царских багряниц ты с удовольствием отдал бы, чтобы только получить о себе такое свидетельство! Нельзя также сказать, чтобы они, подвергаясь опасностям и не щадя имущества, не радели и о проповеди: за это именно (апостол) и называет их сослужителями и споспешниками. Сосуд избрания не стыдится назвать женщину своей споспешницей, даже хвалится этим, потому что не смотрит на природу, а венчает добрую волю. Что равняется такому украшению? Где теперь ваше богатство, расточаемое повсюду? Что значат наряды? Где суетная слава? Рассмотри внимательнее убранство этой женщины, которым не тело облекается, но украшается душа, которое никогда не складывается и не хранится в ящике, но возлагается на небе.

4. Посмотри на их труд в проповеди, на их мученический венец, на их щедрость касательно имущества, на их любовь к Павлу, на их усердие ко Христу и сравни с этим себя, свое попечение о деньгах, свою привязанность к блудницам, свои распри за клочок сена, тогда увидишь, кто были они и кто ты. Или лучше, не только сравни, но и поревнуй женщине и, сложив с себя ношу травы (это твои драгоценные одежды), возьми

небесное украшение и поучись у Прискиллы и Акилы, отчего они сделались такими. Отчего же? Они два года содержали у себя в доме Павла. А чего не могли произвести в душе их эти два года? Ты скажешь: что же мне делать, – у меня нет Павла? Если захочешь, то ты имеешь больше, нежели они. Не лицезрение Павла, а слова его сделали их таковыми. Итак, если тебе угодно, с тобой непрестанно готовы беседовать и Павел, и Петр, и Иоанн, и целый сонм пророков и апостолов. Возьми книги этих блаженных мужей, постоянно занимайся их писаниями и они могут и тебя сделать подобным жене скинотворца. И что говорить о Павле? Если хочешь, будешь иметь у себя самого Владыку Павла, – и Он будет с тобой беседовать языком Павла. И другой есть способ принять к себе Господа, – когда станешь принимать святых, служить верующим в Него. Тогда, и по отшествии их, у тебя останется много памятников благочестия. И стол, за которым питался святой, и стул, на котором он сидел, и ложе, на котором он возлежал, даже по удалении его способны привести в чувство умиления того, кто принимал его к себе. С каким, думаешь, умилением входила соманитянка в ту горницу, где жил Елисей, взирала на стол и на ложе, где спал этот святой муж? Какими благочестивыми чувствованиями воодушевлялась она при этом? А если бы этого не было, если бы она не получала от этого великой пользы, то не принесла бы в эту горницу мертвого сына. Если мы, по прошествии многого времени, приходя туда, где Павел жил, был связан, сидел и беседовал, окрыляемся мыслью и от видимых нами мест переносимся к представлению того самого времени, то что, естественно, происходило в душе тех, которые с благоговением принимали его в своем доме, когда события были еще очень свежи? Итак, зная это, будем принимать к себе святых, чтобы дом наш проси-

ял и очистился от терний, чтобы жилище наше сделалось пристанью, будем принимать их и умывать им ноги. Ты не лучше, не благороднее и не богаче Сарры, хотя бы ты была и царицей. Она имела триста восемнадцать домочадцев, когда и двоих слуг иметь считалось богатством. И что я говорю о трехстах восемнадцати домочадцах? В семени и обетованиях она владела целой вселенной, имела супругом друга Божия, покровителем самого Бога, а это больше всякого царства. Однако при такой знаменитости и славе сама приготовила тесто, исполняла все домашние дела и прислуживала гостям как рабыня. Ты не благороднее Авраама, а он исполнял дела слуг, после своих знаменитых деяний, после побед, после чести, оказанной ему египетским царем, после того, как он отразил персидских царей и воздвиг себе замечательные памятники. Не смотри на то, что приходящие к тебе святые по наружности убоги и часто бывают бедны и покрыты рубищами, а помни сказанное Христом: *понеже сотвористе единому сих меньших, Мне сотвористе* (Мф. XXV, 40), и: *да не презрите единого от малых сих: яко ангели их на небесех выну видят лице Отца нашего небесного* (Мф. XVIII, 10). Принимай с усердием тех, которые приносят тебе бесчисленные блага своими приветствиями мира. Вместе с Саррой приведи себе на память и Ревекку, которая, отвергнув всякую гордость, сама черпала воду, напоила и пригласила к себе в дом странника, а потому и получила великие награды за свое страннолюбие. Но ты, если захочешь, получишь еще большие. Тебе Бог даст в награду не только сына, но и самое небо, небесные блага, избавление от геенны, прощение грехов. Велик, весьма велик плод страннолюбия. Так и Иофор, будучи даже иноплеменником, удостоился иметь зятем того, кто с такой властью повелевал морю, и такую добрую добычу для него уловили в свою

сеть его дочери. И ты, размыслив об этом и представив в уме мужество и благочестие тех жен, постарайся попрать земную гордость, нарядные одежды, дорогие золотые украшения и благовония; отложив негу, роскошь и мерную поступь, обрати все свое попечение на душу и воспламени в сердце своем страсть к небесному. Если овладеет тобой эта любовь, ты увидишь нечистоту и гнусность настоящего и сама будешь смеяться над тем, что теперь удивляет тебя. Ведь женщине, украшенной духовными совершенствами, не свойственно домогаться таких смешных вещей. Потому, сбросив все то, что ставят себе в большую честь жены торгующих, а также занимающиеся пляской и музыкой, укрась себя благочестием, страннолюбием, попечением о святых, умилением, частыми молитвами. Это лучше золотых одежд, драгоценнее дорогих камней и запястий, это и перед людьми делает почтенными, и у Бога приносит тебе великую награду. Это украшение церкви, а то — театра, это достойно неба, а то — коней и мулов; в те убранства облекаются и мертвые тела, а это сияет только в доброй душе, в которой живет Христос. Итак, станем приобретать себе такое украшение, чтобы и нас везде прославляли, и мы угодили Христу во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXI

Целуйте Епенета возлюбленнаго ми, иже есть начаток Ахаии во Христа (XVI, 5)

1. Думаю, что многие, даже считающие себя весьма ревностными, оставляют без внимания эту часть послания, как бесполезную и не заключающую в себе ничего важного; полагаю, что они рассуждают подобным образом и о родословной, помещенной в Евангелии: так как

она представляет список имен, то они и заключают, что отсюда нельзя извлечь большой пользы. Но золотых дел мастера собирают и мелкие опилки, а эти люди проходят мимо и больших слитков золота. Итак, чтобы они не подверглись этому, — и сказанного прежде достаточно, чтобы удержать их от такой беспечности. А что и отсюда может быть немалая польза, это мы уже доказали в предыдущей беседе, когда такими приветствиями возбудили ваше внимание. Попытаемся и теперь также извлечь из этого места благородный металл, потому что и в голых именах можно открыть великое сокровище. Если вникнешь, почему Авраам назван этим именем, почему (названы) Сарра, Израиль и Самуил, то и из этого извлечешь сведения о многом. То же самое ты можешь извлечь для себя из наименования времен и мест. Внимательный человек и отсюда обогащается, а нерадивый не получает пользы и от самого очевидного. Немало обучают нас любомудрию имена Адама, его сына, жены и многих других, потому что имена — памятники многих событий: ими выражаются и Божие благодеяние и благодарность матерей, так как матери, зачавшие во чреве по обетованию Божию, в воспоминание такого благодеяния Божия и давали детям имена. Но зачем теперь нам любопытствовать об именах, когда нерадят о многих изречениях Писания, когда неизвестны самые имена многих книг? Однако и в таком случае не следует пренебрегать знаниями относительно этого. *Подобаше бо,* как сказано, *вдати сребро торжником* (Мф. XXV, 27). Итак, хотя бы и никто не захотел воспользоваться этим, мы сделаем свое дело и докажем, что в Писании нет ничего лишнего и без цели сказанного. Если бы и в настоящем месте не заключалось ничего полезного, оно не было бы приложено к посланию и Павел не написал бы того, что написал. Но есть люди настолько неради-

вые, легкомысленные и недостойные неба, что считают излишними не только имена, но и целые книги, как-то: книгу Левит, Иисуса Навина и многие другие. Многие из таковых безумцев отвергли и весь Ветхий Завет и, дав волю этому злому навыку, убавили многое и в Новом Завете. Впрочем, нам мало теперь дела до таких нетрезвых умом и живущих по плоти людей, а ревнитель любомудрия и любитель духовной беседы пусть знает, что в Писании даже по-видимому маловажное сказано не напрасно и не без цели и что Ветхий Завет заключает в себе много полезного. *Сия вся образи писана быша в научение наше* (1 Кор. X, 11), говорит (апостол). Потому и Тимофею он говорил: *внемли чтению, утешению* (1 Тим. IV, 13), побуждая его читать все книги Писания, хотя он имел такой духовный дар, что изгонял бесов и воскрешал мертвых. Но обратимся к предмету речи. *Целуйте Епенета возлюбленнаго ми.* Из этого можно видеть, что (апостол) воздает каждому особую похвалу. И быть возлюбленным Павла, который умел любить не из милости, но с разбором, — такая похвала не мала, а напротив очень велика и показывает в Епенете много добродетелей. Потом следует другая похвала: *иже есть начаток Ахаии.* Этим (апостол) показывает, что Епенет или прежде всех притек ко Христу и уверовал, что также составляет немалую похвалу, или показал благочестие больше всех остальных. Потому, сказав: *иже есть начаток Ахаии,* (апостол) не умолк, чтобы не стал ты здесь разуметь мирскую славу, но присовокупил: *во Христе.* Если первенствующий в гражданских делах считается великим и знаменитым, то тем более первенствующий в делах духовных. И так как Епенет, как вероятно, был низкого рода, то (апостол) указывает истинное его благородство и преимущество и этим украшает его. Он говорит, что Епенет не для одного Коринфа, но для целого народа

был *начатком,* то есть сделался как бы дверью и входом для прочих. А таким дается немалая награда, потому что такой человек получит великое воздаяние и за добродетели других, как немало содействовавший им в начале. *Целуйте Мариам, яже много трудися о нас* (ст. 6). Что это? Опять венчается и восхваляется женщина, а мы, мужчины, опять пристыжены, или лучше сказать, не только пристыжены, но и почтены, — почтены тем что у нас есть такие женщины, а пристыжены тем, что мы, мужчины, далеко отстаем от них. Но если постараемся узнать, чем украшаются эти женщины, то и мы вскоре уподобимся им. Чем же они украшаются? Пусть слышат это мужчины и женщины: не перстнями, не ожерельями, не евнухами, не служанками, не златотканными одеждами, но трудами за истину. *Яже много трудися о нас*, говорит (апостол), то есть не за себя одну, не для собственного только усовершенствования в добродетели она трудилась, как и ныне делают многие женщины, постясь и ложась на земле, но и для спасения других, приняв на себя подвиги апостолов и евангелистов. Как же говорит (Павел): *жене же учити не повелеваю* (1 Тим. II, 12)? Он запрещает женщине занимать почетное место среди церкви и заседать на возвышении, но не запрещает учить словом; в противном случае как он мог бы сказать жене, имеющей неверующего мужа: *что бо веси жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 16), и как мог бы позволить женщине обучать детей, говоря: *спасется же через чадородие, аще пребудет в вере и любви и во святыни с целомудрием* (1 Тим. II, 15)? И как же Прискилла наставляла в вере Аполлоса? Итак, (апостол) запрещает в этих словах не частные назидательные беседы, но собеседования в общих собраниях, что прилично одним учителям. И опять, когда муж — человек верующий, вполне совершенный и могущий учить жену, но жена мудрее его, то (апостол) не запрещает ей учить и

исправлять. И здесь он не сказал: которая многому научила, но: *много трудися,* давая тем разуметь, что Мария, кроме слова, служила и иным образом, именно тем, что подвергалась опасностям, давала деньги и совершала путешествия.

2. Ведь тогда женщины были неустрашимее львов и разделяли с апостолами труды проповедничества, почему с ними вместе путешествовали и служили во всем остальном. И за Христом следовали женщины, служившие имуществом своим и ухаживавшие за Учителем. *Целуйте Андроника и Иунию сродники моя* (ст. 7). Хотя и это кажется похвалой, однако следующее гораздо важнее. Что же именно? *И спленники моя.* Вот величайший венец, вот громкая слава.

Где же был пленником Павел, называющей их своими сопленниками? Пленником он не был, но пострадал больше всякого пленника, так как не только был разлучен с своим отечеством и домом, но боролся с голодом, непрестанной смертью и тысячами других несчастий. Для пленника то в особенности ужасно, что, разлучаемый с своими, он часто делается из свободного рабом. А здесь можно указать бесчисленное множество искушений, каким подвергался блаженный Павел, влачимый с места на место, бичуемый, связываемый, побиваемый камнями, ввергаемый в море, окруженный тысячами злоумышленников. Пленники, после отведения в плен, не имеют уже ни одного врага, но пленившие их прилагают о них большое попечение. А Павел всегда находился среди врагов, везде видел копья, изощренные мечи, ополчения и битвы. А так как и бывшие с ним по необходимости участвовали во многих опасностях, то он и называет их своими сопленниками, как и в другом месте говорит: *Аристарх спленник мой* (Кол. IV, 10). Потом следует новая похвала: *иже суть нарочиты во апостолех.* Конечно, и быть апостолом важ-

но; но посуди, как велика похвала – быть прославившимся среди апостолов; прославились же они своими делами, своими заслугами. Вот каково было любомудрие этой женщины, удостоившейся наименования апостольского. Но (Павел) и на этом не останавливается, а присоединяет еще другую похвалу, говоря: *иже и прежде мене вероваша во Христа.* И это – предупредить других и прийти прежде – есть весьма большая похвала. Смотри же, сколько святая душа (Павлова) чиста была от тщеславия. При всей своей славе (Павел) предпочитает себе других, не скрывает того, что пришел последний, и не стыдится признаться в этом. И чему дивиться, если он не стыдится этого, когда он не отказывается раскрывать и прежнюю жизнь свою, называя себя хульником и гонителем? А так как он не мог предпочесть их в этом другим апостолам, то отыскал того, кто пришел ко Христу после других, именно себя, и из этого составил им похвалу, говоря: *иже и прежде мене вероваша во Христа. Целуйте Амплиа возлюбленнаго ми* (ст. 8). (Апостол) опять обращает в похвалу любовь свою, потому что любовь Павла была любовь для Бога и заключала в себе бесчисленные блага. Если великим считается заслужить любовь царя, то какая похвала быть возлюбленным Павла? Если бы он не обладал многими добродетелями, то не привлек бы его любви к себе. (Апостол) не только не любил живущих худо и беззаконно, но даже предавал проклятию. Так, например, говорит: *аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят* (1 Кор. XVI, 22), и: *аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет* (Гал. I, 9). *И Урвана споспешника нашего о Христе* (ст. 9). Эта похвала больше предыдущей, потому что в ней заключается и предыдущая. *И Стахия возлюбленнаго ми.* И этого опять венчает тем же. *Целуйте Апеллия, искусна о Христе* (ст. 10). Ничто не равняется с этой похвалой – быть безукоризненным и не подать даже повода

к укоризне в делах по Богу. И когда (апостол) говорит: *искусна о Христе,* он разумеет всякую добродетель. Почему же (апостол) не употребляет в приветствиях своих таких выражений: господина моего такого-то, владыку моего? Потому что та похвала важнее этой: в этой выражается одна честь, а в апостольской похвале указывается добродетель. И (апостол) не случайно почтил их одинаковой похвалой, приветствуя многих низших наряду с высшими и знатными. Тем, что приветствует их и приветствует вместе с другими в том же послании, (апостол) оказал всем равную честь, а тем, что каждого хвалит в частности, представил нам особую добродетель каждого. И это он делает для того, чтобы не породить зависти, почтив одних и не почтив других, а также, чтобы не смешать недостойных с достойными и не довести до нерадения, удостоив той же чести всех и неодинаково достойных.

3. Смотри же, как (апостол) опять обращается к славным женщинам, сказав: *целуйте сущия от Аристовула, и Иродиона сродника моего, и иже от Наркисса* (которые, вероятно, были не таковы, как прежде упомянутые, почему и не названы по именам), и воздав им надлежащую похвалу, именно что они были верные, — это и означают слова: *сущия о Господе,* — опять начинает приветствовать женщин, говоря: целуйте *Трифену и Трифосу, труждающияся о Господе* (ст. 12). (Апостол) о Марии говорит: *трудися о нас,* об этих женщинах говорит, что они еще трудятся. Немалая это похвала — всегда быть в деле и не только содействовать, но и трудиться. А Персиду (апостол) называет возлюбленной, показывая, что она выше упомянутых перед ней. Он говорит: *целуйте Персиду возлюбленную,* и свидетельствует о многих ее трудах следующими словами: *яже много трудися о Господе.* Так умел он назвать каждого по достоинству, одних поощряя к большему усердию тем, что никого не лиша-

ет принадлежащего ему, но возвещает и о малейшем преимуществе каждого, а других делая более ревностными тем, что возбуждает в них своими похвалами соревнование к делам первых. *Целуйте Руфа избранного о Господе, и матерь его и мою* (ст. 13). И здесь опять все хорошо, когда такой сын, такая мать, дом, полный благословения, и корень, соответствующий плоду. (Апостол) без основания не сказал бы – *матерь его и мою,* если бы не свидетельствовал этим о многих добродетелях женщины. *Целуйте Асигкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермиа, и сущию с ними братию* (ст. 14). Здесь смотри не на то, что (апостол) перечислил их, не приписав им никакой похвалы, но на то, что, хотя они были и гораздо ниже всех, однако удостоились его приветствия. Лучше же сказать, и то немалая похвала, что называет их братиями, равно как и других с ними святых, когда говорит: *целуйте Филолога и Иулию, Нирея и сестру его, и Олимпана, и сущия с ними вся святыя* (ст. 15). Вот самое высокое достоинство, неизреченное величие чести. Потом, чтобы не подать повода к распрям тем, что одних приветствует так, а других иначе, одних по имени, а других вообще, одних с большими, а других с меньшими похвалами, (апостол) опять уравнивает всех равночестием любви и святым лобзанием, говоря: *целуйте друг друга лобзанием святым* (ст. 16). Этим миром он удаляет от них всякий помысл, могущий смутить их, и всякий повод к малодушию, чтобы высший не презирал низшего, и низший не завидовал высшему, но удалены были презрение и зависть, а святое лобзание все умиротворило и уравнило. Поэтому не только повелевает им приветствовать друг друга, но и посылает им приветствие всех церквей, – говорит: *целуют вы,* не того или другого в частности, но всех вообще, *церкви Христовы.* Замечаешь ли, какую немалую пользу мы получили от этих приветствий? Сколько сокровищ мы прошли бы мимо,

если бы этой части послания не исследовали с тщательностью, разумею — такой, какая была для нас возможна? А если бы отыскался мудрый и духовный муж, то он проник бы глубже и увидел бы больше жемчужин. Но так как иные неоднократно спрашивали, почему (апостол) в этом послании многих приветствует, чего он не делал в других посланиях, то можно бы сказать на это, что (апостол) поступает таким образом потому, что еще никогда не видел римлян. Но на это скажут, что он не видел и колоссян, однако не делает этого. Но римляне были знаменитее прочих и в Риме, как в более безопасном и столичном городе, жили переселившиеся туда из других городов. И так как они жили на чужой стороне и имели нужду в большем покровительству, некоторые же из них были лично знакомы Павлу, а другие, находясь в Риме, весьма много служили ради него, то и естественно было (апостолу) похвалить их в послании. Ведь и тогда слава Павла была не мала, но настолько велика, что удостоившиеся его послания в самом этом писании находили для себя большую защиту. Павла не только уважали, но и боялись. Иначе он не стал бы говорит так: *сия заступница многих бысть и самому мне;* и еще: *молилбыхся сам аз отлучен быти.* Он и в послании к Филимону сказал: *якоже Павел старец, ныне же и узник Иисуса Христа* (Флп. I, 9), а в послании к Галатам: *се аз Павел глаголю вам* (Гал. V, 2), и: *приясте мя, яко Иисуса Христа* (Гал. IV, 14). Также в послании к Коринфянам говорил: *яко не грядущу ми к вам разгордешася нецыи* (1 Кор. IV, 18), и еще: *сия же преобразих на себе и Аполлоса вас ради, да от нас научитеся не паче написанных мудрствовати* (1 Кор. IV, 6). Из всех этих мест видно, что о Павле все имели высокое мнение. Потому желая, чтобы они были в безопасности и в уважении, (апостол) приветствует и отличает каждого по возможности. Одного назвал возлюбленным,

другого сродником, иного возлюбленным и сродником, иного соплёнником, одного споспешником, другого искусным, иного избранным. Равным образом и касательно женщин он указывает на звание: так Фиву назвал не просто — служительницей (потому что, в противном случае, он также наименовал бы Трифену и Персиду), но говорит, что она имела и рукоположение диаконисы, одну называет споспешницей и сотрудницей, другую матерью, относительно третьей указывает труды, какие она понесла. Иным он обращает в похвалу славу их дома, других приветствует именем братий и святых, одних отличает тем, что удостоивает приветствия, других тем, что приветствует по имени, иных тем, что именует начатком, а иных отличает по старшинству; более же всех восхваляет Прискиллу и Акилу. Хотя все они были верные, но не все были равны между собой, различались друг от друга подвигами. А потому (апостол), побуждая всех к большим трудам, не утаил ничьей похвалы. Ведь если бы более трудящиеся получали не большую награду, многие сделались бы более нерадивыми.

4. Потому и в царстве небесном не всем равная честь, и между учениками Христа не все были равны, но трое превосходили прочих, даже между этими тремя было опять много различия, так как у Бога соблюдается во всем точность в высшей степени. *И звезда бо от звезды*, так сказано, *разнствует во славе*. Хотя все были апостолами, все двенадцать должны были сесть на престолах, все оставили свое и последовали за Христом, однако Он избрал троих. Опять и об этих троих Он сказал, что иные займут место ниже, а другие выше. Он сказал: *а еже сести одесную и ошую, несть Мне дати, но имже уготовано есть* (Мк. X, 40). Петру отдает перед ними первенство, говоря: *любиши ли Мя паче сих* (Ин. XXI, 15)? А Иоанн любил Его более прочих.

И испытание всех вообще будет строгое: хотя бы ты немного превосходил ближнего, хотя бы это преимущество было весьма мало и даже ничтожно, Бог не оставит и его без внимания. Это ясно можно видеть и в Ветхом Завете. И Лот был праведен, но не так, как Авраам, тоже и Езекия, но не столько, как Давид, и все пророки, но не так, как Иоанн. Итак, где те, которые и при таком правосудии Божием не допускают существования геенны? Если праведники не все получат равные награды, хотя бы и мало превосходили друг друга *(звезда бо от звезды,* как сказано, *разнствует во славе),* то как же грешники получат одно и то же с праведниками? И человек не допустит такого слияния, а тем более Бог. Но если угодно, я докажу вам это различие и строгое правосудие на самих грешниках и на основании того, что уже произошло. Смотри же: согрешил Адам, согрешила и Ева, и хотя оба преступили заповедь, однако не в равной степени согрешили, почему не одинаково и наказаны. Различие было так велико, что Павел сказал: Адам *не прельстися, жена же прельстившаяся в преступлении бысть* (1 Тим. II, 14). Хотя прельщение было одно, однако по строгому испытанию Божию оказалось такое различие, что Павел мог сказать это. Опять Каин наказан, а Ламех, после него совершивший убийство, не понес подобного наказания, хотя и здесь убийство, и там убийство, даже Ламехово убийство гораздо ужаснее, потому что Ламех, и под воздействием примера, не сделался лучше; но, так как он убил не брата и не после сделанного ему вразумления, не имел нужды в обличителе и не отвечал с бесстыдством на вопрос Божий, напротив, — никем не обличаемый, сам себя укорил и осудил, то он и получил себе прощение, а Каин, поступивший совершенно иначе, был наказан. Заметь, с какой точностью Бог испытывает каждое

дело. Поэтому иначе Он наказал живших перед потопом и иначе содомлян; и израильтян он также различно наказывал и в Вавилоне и при Антиохе, показывая, что Он строго взвешивает наши дела. Одни работали семьдесят, другие четыреста лет, иные ели собственных детей и перенесли тысячи других ужаснейших бедствий, и при всем том не получили избавления, как израильтяне, так и те, которые заживо сгорели в Содоме. Сказано: *отраднее будет земли Содомстей и Гоморрстей, нежели граду тому* (Мф. X, 15). Если бы Бог не наблюдал за тем, грешим ли мы, или делаем добро, то, может быть, было бы некоторое основание сказать, что нет наказания, а если Он так много печется о том, чтобы мы не грешили, и употребляет такие большие меры, чтобы исправить нас, то очевидно, что Он наказывает и согрешающих и венчает делающих добро. Обрати опять внимание на непостоянство (в суждениях) большинства людей. Здесь жалуются на Бога, что Он часто бывает долготерпелив и равнодушно взирает на то, что многие злодеи, распутники, притеснители остаются без наказания; там опять горько и сильно ропщут на то, что Бог угрожает им наказанием, хотя, конечно, если последнее огорчает их, то первое следовало бы восхвалить и одобрить. О, безумие! О, скотское и ослиное рассуждение! О, грехолюбивая и преданная пороку душа! Ведь все эти суждения происходят от любви к удовольствиям, а если бы рассуждающие таким образом захотели прилепиться к добродетели, то они скоро убедились бы в геенне и не стали более сомневаться.

Спрашиваешь, где и в каком месте будет геенна? Но что тебе до этого за дело? Нужно знать, что она есть, а не то, где и в каком месте скрывается. Некоторые пустословят и говорят, что она находится на Иосафатовой

долине, основываясь на том, что здесь была какая-то давняя война, и теперь превратили ее в геенну. Но Писание этого не говорит. Ты спрашиваешь: в каком месте будет геенна? По моему мнению, где-нибудь вне всего этого мира. Как царские темницы и рудокопни бывают вдали, так и геенна будет где-нибудь вне этой вселенной.

5. Итак, станем спрашивать не о том, где она находится, но как избежать ее, а также на том основании, что Бог не всех наказывает здесь, ты не должен не верить будущим наказаниям; ведь Он человеколюбив и долготерпелив, потому угрожает и не тотчас ввергает (в геенну). *Не хощу смерти грешника* (Иез. XVIII, 32), говорит Он. А если нет смерти для грешника, то это напрасно сказано. Знаю, что для вас всего неприятнее речь о геенне, но для меня нет ничего приятнее этого. О, если бы вы и за обедом, и за ужином, и в бане – везде беседовали о геенне! Тогда мы не сетовали бы на настоящие бедствия и не услаждались бы земными благами. Да и что ты назовешь несчастьем: нищету, болезнь, плен, лишение членов тела? Все это достойно смеха в сравнении с будущим наказанием. Хотя бы ты указал мне на томящихся всегда от голода, на лишенных зрения с младенчества, на живущих нищенством, – и это ничего не значит в сравнении с будущим мучением. Потому будем непрестанно говорить о геенне, память о которой не допустит нас впасть в нее. Или ты не слышишь, что говорит Павел: *иже муку приимут вечную от лица Господня?* Или не слышал, каков был Нерон, которого Павел называет антихристовой тайной? *Тайна бо уже деется беззакония*, говорит он. Итак, что же? Неужели ничего не потерпит Нерон? Ничего не потерпит антихрист? Ничего диавол? А следовательно, антихрист и диавол всегда будут, потому

что, оставшись без наказания, не оставят злобы своей. Да, говоришь ты, всякому известно, что есть наказание и геенна, но впадут в геенну одни неверующие. Почему же, скажи мне? Потому, отвечаешь, что верующие познали своего Владыку. Что же из этого? Если жизнь их нечиста, то они подвергнутся за это большему наказанию, чем неверные. *Елицы, бо без закона согрешиша, без закона и погибнут; и елицы в законе согрешиша, законом суд приимут* (Рим. II, 12). И еще: *раб ведевый волю господина своего, и не сотворив, биен будет много* (Лк. XII, 47). Но если это сказано без цели и нам не придется отдавать отчет в жизни, то и диавол не будет наказан, потому что он знает Бога лучше многих из людей, и все бесы знают Бога, трепещут Его и признают Судьей. Значит, если не потребуется от нас отчета в жизни и в злых делах, то и бесы избегнут наказания. Нет, это не так! Не обманывайте сами себя, возлюбленные. Если нет геенны, то как же апостолы будут судить двенадцать колен Израилевых? Как же Павел говорит: *не весте ли, яко аггелов судити имамы, а не точию житейских* (1 Кор. VI, 3)? Для чего же Христос сказал: *мужие Ниневитстии востанут на суд, и осудят род сей* (Мф. XII, 41); и еще: *земли Содомстей отраднее будет в день судный* (XI, 24)? Итак, зачем ты шутишь тем, чем шутить не должно? Зачем ты обманываешь себя самого и вводишь в заблуждение душу свою? Зачем борешься против Божия человеколюбия? Бог уготовал геенну и угрожает ею для того именно, чтобы мы, сделавшись от страха лучше, не впали в нее. Таким образом, кто не позволяет говорить о геенне, тот незаметно делает не что иное, как этим обманом толкает и ввергает другого в геенну. Не ослабляй же рук, подвизающихся в добродетели, не усиливай нерадения в людях, погруженных в сон. Если бы большинство людей поверили, что нет геенны, то когда они отстанут от порока?

Где же явится правда? Не говорю о правде в отношении к грешникам и праведникам, но в отношении к грешникам и к грешникам. Почему один наказан здесь, а другой не наказан за одни и те же грехи, или и гораздо более тяжкие? Если нет геенны, ты не в состоянии будешь отвечать на такое возражение. А потому и прошу вас оставить такую смешную мысль и этим заградить уста возражающих против этого. В самых малых делах, как худых, так и добрых, будет строгое испытание. И за нескромный взгляд мы подвергнемся наказанию, дадим отчет за праздное слово, за смех и злоречие, за помысл и пьянство, а равно и в добрых делах — за чашу студеной воды, за ласковое слово, за один вздох получим награду. Сказано: *даждь знамения на лица стенящих и болезнующих* (Иез. IX, 4). Как же ты смеешь говорить, что Бог, с такой строгостью испытующий нашу жизнь, напрасно и без причины угрожает геенной? Прошу тебя, не губи такими суетными надеждами и себя самого, и тех, которые верят тебе. Если ты не веришь нашим словам, спроси иудеев, эллинов, всех еретиков, и все они как бы одними устами ответят, что будет суд и воздаяние. Но тебе не достаточно человеческого свидетельства? Тогда спроси самих бесов и услышишь, как они вопиют: *что пришел еси семо прежде времени мучити нас* (Мф. VIII, 29)? Сообразив же все это, убеди душу твою не предаваться суетным мыслям, чтобы она на опыте не изведала геенны, а напротив, уцеломудрившись помышлением о геенне, могла бы не только избежать будущих мучений, но и получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXII

Молю же вы, братие, блюдитеся от творящих распри и раздоры кроме учения, ему же вы научистеся; и уклонитеся от них. Таковии бо Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву; и благими словесы и благословением прельщают сердца незлобивых (XVI, 17, 18)

1. Опять увещание и после увещания молитва. Сказав: остерегайтесь вводящих разделения и не слушайтесь их, (апостол) присовокупил: *Бог же мира да сокрушит сатану под ноги ваша, и: благодать Господа с вами* (ст. 20). Заметь же, как снисходительно он увещевает, делая это не как советник, но как слуга и даже с большим к ним уважением. (Апостол) называет их братиями и просит, говоря: *молю вы, братие.* Потом предостерегает их, обнаруживая козни вредных людей. Но так как эти люди не действовали явно, то (апостол) говорит: *молю же вы, блюдитеся,* то есть тщательно исследуйте, узнавайте, испытывайте. Кого же именно остерегаться? *Творящих распри и раздоры кроме учения, емуже вы научистеся,* – потому что разделение всего более подрывает церковь, это – диавольское оружие, им все ниспровергается. Пока единение соблюдается в теле (церкви), до тех пор диавол не может иметь доступа, но от разделения происходит соблазн. Отчего же разделение? От учений, противных учению (апостолов). Откуда же такие учения? От служения чреву и прочим страстям. *Таковии бо*, говорит (апостол), *Господеви не работают, но своему чреву.* Таким образом, не было бы ни соблазнов, ни разделения, если бы не было выдумано учение противное учению апостольскому; указывая на это, (апостол) и говорит здесь: *кроме учения.* Он не сказал: которому мы научили, но: *ему же вы научистеся,* чем предупреждает их и показывает, что они совершенно

убеждены, услышали и приняли учение. Что же нам делать с этими зловредными людьми? (Апостол) не сказал: идите против них и бейте, но: *уклонитеся от них.* Если бы они делали это по незнанию или по заблуждению, то их следовало бы исправить, но так как они с сознанием грешат, то удаляйтесь от них прочь. И в другом месте (апостол) говорит: *отлучайтеся от всякаго брата безчинно ходяща* (2 Сол. III, 6). И относительно (Александра) ковача он дает такой же совет Тимофею, говоря: *от негоже и ты себе блюди* (2 Тим. IV, 15). Потом, укоряя тех, которые осмеливаются вводить разделение, он показывает и причину этого их поступка, говоря: *таковии бо Господеви нашему Христу не работают, но своему чреву.* То же самое он говорил и в послании к Филиппийцам: *имже бог чрево* (Флп. III, 19). А здесь, как думаю, (апостол) делает намек на обратившихся из иудеев, которых обыкновенно всегда укоряет в чрезмерном чревоугодии. И в послании к Титу он сказал о них: *злии зверие и утробы праздныя* (Тит. I, 12). Также Христос, обвиняя их в этом, говорит: *снедаете домы вдовиц* (Мф. XXIII, 14). И пророки обличали их в том же, — сказано: *уты, утолсте, и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15). Потому и Моисей увещевал их так: *ядый и насытився вспомни Господа Бога твоего* (VI, 11 и 12). И по свидетельству евангелия иудеи говорили Христу: *кое знамение являеши нам* (Ин. II, 18)? — и, оставив все остальное, упоминают только о манне. Таким образом из всего можно видеть, что иудеи были заражены страстью чревоугодия. Как же брату Христа не стыдиться иметь учителями рабов чрева? Итак, чревоугодие служит причиной заблуждения, а способ злоумышления есть опять другая болезнь, именно — лесть. *Благими словесы прельщают сердца незлобивых,* говорит (апостол). Хорошо сказано: *благими словесы.* Услуги льстецов только на словах, а сердце их не таково, но

исполнено коварства. Далее (апостол) не сказал: прельщают вас, но: *сердца незлобивых.* Даже и этим не ограничился, но, чтобы слова его показались не слишком резкими, продолжает: *ваше бо послушание ко всем достиже* (ст. 19). Это сказано не с тем, чтобы избавить их от стыда, но чтобы предупредить похвалами и множеством свидетелей удержать в повиновении. Не я один, говорит, свидетельствую, но целая вселенная. И не сказал (апостол): ваше благоразумие, но: *ваше послушание,* то есть повиновение, а это свидетельствовало о великой кротости. *Радуюся же еже о вас.* Немалая и это похвала. Потом за похвалой следует увещание. Освободив их от обличения, (апостол), чтобы они по забвению не могли сделаться более нерадивыми, снова делает им намеки и говорит: *хощу же вас мудрых убо быти во благое, простых же в злое.* Видишь ли, как тонко он опять обличает их, когда они и не подозревают этого, так как этим (апостол) намекает, что некоторые из них уже обольщены. *Бог же мира да сокрушит сатану под ноги ваша вскоре* (ст. 20). Так как (апостол) сказал о вводящих раздоры и соблазны, то говорит теперь о Боге мира, чтобы они смело надеялись на освобождение от них. Кто любит мир, тот ниспровергает все, нарушающее мир. И не сказал (апостол) – покорит, но, что гораздо важнее – *сокрушит,* сокрушит не только тех, которые вводят раздоры, но и вождя их – сатану. И не просто сокрушит, но сокрушит *под ноги ваша,* так что они одержат победу и сделаются знаменитыми вследствие этой победы. (Апостол) утешает также и непродолжительностью времени, а именно присовокупил – *вскоре.* Таким образом, в словах его заключались вместе и молитва и пророчество. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами.* Вот величайшее оружие, несокрушимая стена, непоколебимая крепость, – (апостол) для того и напомнил им о благодати, чтобы сделать их более ревностными. Если

вы освободились от более опасного и освободились по одной благодати, то тем более освободитесь от меньшего, когда сделались и друзьями и присоединили собственные свои усилия.

2. Видишь, как (апостол) не отделяет и молитву от дел, и дела от молитвы. Засвидетельствовав об их послушании, он потом стал молиться, показывая этим, что, если мы со всем усердием ищем спасения, то необходимо для нас и то и другое, и собственные усилия, и благодать Божия. В благодати Божией мы не только прежде имели нужду, но и теперь имеем, как бы мы ни были велики и искусны. *Целует вас Тимофей споспешник мой* (ст. 21). Видишь опять обычные похвалы? *И Лукий и Иасон и Сосипатр сродницы мои.* Об Иасоне упоминает также и Лука и представляет нам его мужество, говоря: *влечаху его ко градоначальником, вопиюще* (Деян. XVII, 6). Естественно, что и остальные были люди примечательные, так как (Павел) не упомянул бы просто о сродниках, если бы они не были подобны ему по благочестию. *Целую вы и аз Тертий, написавый послание сие* (ст. 22). И это немалая похвала – быть писцом Павла; но, конечно, Тертий говорит это не в похвалу себе, но чтобы служением своим привлечь к себе горячую любовь римлян. *Целует вы Гаие странноприимец мой и церкве всея* (ст. 23). Замечаешь ли, какой венец сплел ему (апостол), засвидетельствовав о столь великом его страннолюбии и собрав всю церковь к нему в дом? А когда услышишь, что Гаий принимал у себя в доме Павла, дивись не только щедрости, но и строгой жизни Гаия, потому что, если бы Гаий не был достоин добродетелей Павла, то Павел и не пошел бы к нему в дом. Стараясь исполнить многие из заповедей Христовых более того, сколько ими предписывалось, (апостол) не преступил бы того закона, которым повелевалось наперед осведомляться о принимающих и останавли-

ваться в домах у достойных. *Целует вы Ераст строитель градский, и Куарт брат* (ст. 23). Не без основания (апостол) прибавил слова: *спроитель градский,* но как писал и Филиппийцам: *целуют вы иже от Кесарева дома* (Флп. II, 22), чтобы показать, что проповедь коснулась и людей знатных, – так и здесь с той же самой целью упоминает о достоинстве Эраста, давая этим понять, что внимательному к себе человеку не служат препятствием ни богатство, ни заботы по должности, ни другое тому подобное. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Аминь* (ст. 24). Видишь ли, чем должно все начинать и оканчивать? Это самое апостол положил и в основание своего послания, этим же и покрыл все здание, одновременно испрашивая римлянам у Бога благодать – мать всех благ и напоминая им о всех благодеяниях Божиих. Это преимущественная черта доблестного учителя – помогать ученикам не только словом, но и молитвой, почему и сказано: *мы же в молитве и служении слова пребудем* (Деян. VI, 4). Кто же будет молиться о нас, после того как Павел отошел от нас? Подражатели Павла, – сделаемся только достойными этого ходатайства о нас, чтобы не только здесь слышать нам голос Павла, но и по удалении туда удостоиться нам видеть Христова подвижника; или лучше сказать, если здесь будем слушать его, то, без сомнения, и там его увидим, и хотя будем стоять и не возле него, но, несомненно, увидим его во всем блеске близ царского престола, где славословят херувимы, где царят серафимы. Там мы и увидим Павла вместе с Петром, как главного и первоверховного в лике святых, и там вполне насладимся его любовью. Если в этой жизни он столько любил людей, что, при всем желании разрешиться и быть со Христом, предпочитал оставаться во плоти (Флп. I, 23), то тем более пламенную любовь он покажет там. Поэтому и я люблю Рим; хотя

можно хвалить в нем многое — его обширность, древность, красоту, многолюдство, могущество, богатство, военные доблести, но, оставив все это, я прославляю его за то, что Павел при жизни своей писал к римлянам, весьма любил их, беседовал с ними лично и жизнь свою кончил в Риме. И город (Рим) этим знаменит более, чем всем прочим. Подобно великому и могучему телу, Рим имеет два светлые ока — тела этих святых апостолов. Не так блистательно небо, когда солнце разливает лучи свои, как блистателен город римлян, озаряющий все концы вселенной этими двумя светилами. Оттуда будет восхищен Павел, оттуда Петр. Помыслите и содрогнитесь, какое зрелище представит Рим, когда Павел и Петр восстанут там из своих гробов и будут восхищены во сретение Христа, какую розу подносит Рим Христу, какие два венца украшают этот город, какие золотые цепи опоясывают его, какими обладает он источниками. Потому я и удивляюсь Риму, а не множеству золота, не колоннам, не прочим украшениям, но этим столпам Церкви.

3. Кто даст мне ныне прикоснуться к телу Павла, прильнуть ко гробу и увидеть прах этого тела, которое восполнило в себе недостаток скорбей Христовых, носило язвы Христовы, повсюду посеяло проповедь, прах того тела, в котором Павел обтек вселенную, прах тела, посредством которого вещал Христос, воссиял свет блистательнее всякой молнии, возгремел глас, бывший для демонов ужаснее всякого грома, при помощи которого Павел изрек те вожделенные слова: *молилбыхся отлучен быти по братии моей* (Рим. IX, 3), в котором он говорил перед царями и не стыдился, а мы познали Павла и самого Владыку его. Не столько страшен для нас гром, сколько страшен для демонов голос его. Если демоны трепетали одежд его, то тем более голоса его. Этот голос привел демонов связанными, очистил все-

ленную, прекратил болезни, изгнал порок, водворил истину; в этом голосе присутствовал сам Христос и всюду с ним шествовал; голос Павла был то же, что херувимы. Как восседает Христос на небесных силах, так восседал он и на языке Павла. Подлинно достоин был принять Христа этот язык, вещавший только угодное Христу и, подобно серафимам, воспаривший на неизреченную высоту. Что превыспреннее такого голоса, который вещает: *известихся бо, яко ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе* (Рим. VIII, 38, 39)? Сколько, ты думаешь, крыльев, сколько очей было у этого голоса? Потому-то он и говорил: *не неразумеваем бо помышлений Его* (2 Кор. II, 11); потому-то и бегали демоны, когда не только слышали вещания Павла, но и видели одежду его, хотя бы Павел и находился далеко. Я желал бы увидеть прах этих уст, посредством которых Христос изглаголал великие и неизреченные тайны, даже большие тех, какие возвестил сам, потому что как через учеников Он и совершил больше, так и изглаголал больше, – прах тех уст, которыми Дух дал вселенной дивные свои провещания. Чего не совершили благие уста Павла? Изгнали бесов, избавили от грехов, заградили уста мучителям, связали язык философов, привели вселенную к Богу, убедили варваров быть любомудрыми, преобразовали все на земле и на небе устраивали таким образом, как желал Павел, потому что он, по данной ему власти, вязал и разрешал тех, кого хотел. Я желал бы увидеть прах не только уст, но и сердца Павлова, которое можно, не погрешая, назвать сердцем вселенной, источником тысячи бесчисленных благ, началом и стихией нашей жизни. Из этого сердца разливался на все дух жизни и передавался членам Христовым, будучи сообщаем не посредством жил, но по-

средством добровольных благих дел. Это сердце было так пространно, что вмещало в себе целые города, племена и народы. *Сердце наше распространися* (2 Кор. VI, 2), говорит (апостол). Однако же и это столь пространное сердце нередко сжимала и угнетала расширяющая его любовь, как говорит сам (Павел): *от печали многия и туги сердца написах вам* (2 Кор. II, 4). Я желал бы видеть и разрушившееся это сердце, которое воспламенялось против каждого из погибающих и вторично мучилось болезнями рождения о чадах, родившихся несовершенными, которое видит Бога (как сказано: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*), которое сделалось жертвой (*жертва Богу дух сокрушен* – Пс. XL, 19), было превыше небес, пространнее вселенной, блистательнее луча солнечного, горячее огня, тверже алмаза и источило реки, как сказано: *реки от чрева его истекут воды живы* (Ин. VII, 38). В этом сердце был источник текущий и напояющий не лицо земли, но человеческие души, из него и ночью, и днем истекали не простые реки, но источники слез, оно жило новой, а не этой – нашей жизнью. *Живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. II, 20), говорит (Павел). Итак, сердце его было Христовым сердцем, скрижалью Духа Святого, книгой благодати. Оно трепетало и за чужие грехи: *боюся*, говорит (апостол), *еда како всуе трудихся в вас* (Гал. IV, 2), *да не како, якоже змий Еву прельсти* (2 Кор. XI, 3), *еда како пришед, не яцех же хожу, обрящу вас* (2 Кор. XII, 20); а за себя оно и боялось, и имело дерзновение: *боюся*, говорит (апостол) *да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. IX, 27), и также: *известихся, яко ни ангели, ни начала не возмогут разлучити нас* (Рим VIII, 38); оно удостоилось так возлюбить Христа, как не любил никто другой, презирало смерть и геенну, сокрушалось от братских слез: *что творите*, говорит (Павел), *плачуще и сокрушающе ми сердце* (Деян. XXI, 13); это серд-

це было самое терпеливое, однако и в течение короткого времени не могло стерпеть отчуждения фессалоникийцев.

4. Я желал бы увидеть прах рук, бывших в узах, — рук, через возложение которых (Павел) подавал Духа и которыми написал он эти письмена: *видите, колицеми книгами писах вам моею рукою* (Гал. VI, 11), И еще: *целование моею рукою Павлею* (1 Кор. XVI, 21), — прах рук, увидев которые ехидна упала в огонь. Я желал бы увидеть прах очей, которые не напрасно потеряли зрение, прозрели во спасение вселенной и еще в теле удостоились увидеть Христа, которые смотрели на земное и не видели, созерцали незримое, не знали сна, бодрствовали среди ночей и не страдали тем, что свойственно завистникам. Я желал бы увидеть прах тех ног, которые обтекли вселенную и не утомились, которые были заключены в колоду, когда поколебалась темница, которые обошли обитаемую и необитаемую землю и многократно по ней путешествовали (Деян. XVI, 24, 26). Но зачем говорить в подробностях? Я желал бы увидеть гроб, в котором положено оружие правды, оружие света, члены ныне живые, но мертвые тогда, когда находился Павел в живых, члены, в которых жил Христос, члены распятые миру, члены Христовы, во Христа облеченные, храм Духа, святое здание, члены связанные Духом, пригвожденные страхом Божиим, носящие на себе язвы Христовы. Это тело ограждает Рим, оно надежнее всякого укрепления и бесчисленных стен. А с ним и тело Петра, потому что Павел почитал Петра еще при жизни: *взыдох соглядати Петра* (Гал. I, 18), говорит он. Потому благодать удостоила его и после смерти быть с Петром под одним кровом. Я желал бы увидеть этого духовного льва. Как лев, дышащий пламенем на стада лисиц, напал он на сборище бесов и философов и, подобно быстрой молнии, ворвался в диавольские пол-

чища. И диавол не мог стоять против него прямо и открыто, но так боялся и трепетал, что, как скоро замечал его тень и слышал его голос, бежал далеко. Так Павел, будучи вдали, предал сатане впавшего в блудодеяние и потом опять исхитил из рук его (1 Кор. V, 35). Так поступал и с другими, чтобы научились не богохульствовать. И смотри, как Павел поощряет, возбуждает и укрепляет подчиненных своих. Так Ефесеям он говорит: *несть наша брань противу крови и плоти, но к началом и ко властем* (Еф. VI, 12), и потом указывает на награду в небесном, говоря, что подвизаемся не ради земного, но ради неба и небесного; а другим пишет: *не весте ли, яко аггелов судити имамы, а не точию житейских* (1 Кор. VI, 3)? Итак, размыслив о всем этом, будем мужественны. И Павел был человек, и он имел одинаковое с нами естество, и все прочее было у него общее с нами. Но так как он явил великую любовь ко Христу, то взошел превыше небес и стал с ангелами. Таким образом, если и мы захотим хотя несколько вознестись и возжечь в себе этот огонь, то и мы будем в состоянии подражать святому (апостолу). А если бы это было невозможно, то (Павел) не восклицал бы: *подобни мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор. IV, 16). Итак, не будем только удивляться ему, не станем только изумляться перед ним, но и будем подражать ему, чтобы, по отшествии отсюда, нам удостоиться узреть его и участвовать в неизреченной славе, достигнуть которой да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ,

изложенное по записям, после его смерти, Константином пресвитером Антиохийским*

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. В послании к Римлянам блаженный Павел говорит: *понеже убо есть аз языком апостол, службу мою прославляю, аще како раздражу мою плоть* (Рим. XI, 13, 14); и в другом месте также (говорит): *спостешествовавый Петру в послание обрезания, споспешествова и мне во языки* (Гал. II, 8). Итак, если (Павел) был апостолом язычников, — как и в деяниях Бог говорит ему: *иди, яко аз во языки далече послю тя* (Деян. XXII, 21), — то какое было ему дело до евреев? Для чего он написал к ним послание? Притом же (евреи) питали к нему вражду, и это можно видеть из многих мест. Так, послушай, что говорит ему Иаков: *видиши ли, брате, колико тем есть Иудей веровавших? И вси увестишася о тебе, яко отступлению учиши от закона* (Деян. XXI, 20, 21); и много искушений часто было ему по этому поводу.

---

* Беседы эти произнесены святителем в Константинополе, при конце его жизни, около 404 г. по Р. Х.

Почему же, спросит кто-нибудь, (мужа) сведущего в законе, – а он изучал закон при ногах Гамалиила и имел к этому делу великую ревность, – и потому имевшего возможность с особенной силой опровергать (противников), Бог не послал к иудеям? Потому, что они из-за этого особенно и стали бы противиться ему. Поэтому Бог, предвидя, что они не примут его, говорит ему: *иди во языки, зане (Иудеи) не приимутъ свидетельства твоего, Еже о мне* (Деян. XXII, 18), и он отвечает: ей, *Господи, сами ведят, яко аз бех всаждая в темницу и бия на сонмищах верующия в тя: и егда изливашеся кровъ Стефана свидетеля твоего, и сам бех стоя и соизволяя убиению его, стрегий риз убивающих его* (ст. 19, 20). Это самое, (говорит), служит знаком и доказательством, что они не поверят ему. И действительно, так обыкновенно бывает: когда кто отступает от какого-нибудь народа, то, если он из людей низших и ничего незначащих, это не очень оскорбляет тех, от которых он отступает; если же он из людей значительных, весьма ревностных и единомышленных с ними, это весьма огорчает и крайне раздражает их, так как отступивший от них своим присоединением к другим весьма сильно ниспровергает их учение. Была кроме того и другая причина неверия. Какая? Та, что Петр и другие (апостолы) обращались с Христом, видели знамения и чудеса (Его); а он не был свидетелем ничего такого, но, находясь на стороне иудеев, вдруг отступил от них и сделался одним из апостолов; это в особенности служило доказательством превосходства нашего учения. О тех могли думать, что они свидетельствуют пристрастно, и иной мог сказать, что они из любви к Учителю так проповедуют; а он слышал только один глас (Господа), и свидетельствует о воскресении. Поэтому, как видишь, (Иудеи) столь сильно и враждовали против него, возмущались и употребляли все меры к тому, чтобы умертвить его. Но по

таким причинам враждовали против него неверные; а почему уверовавшие (из иудеев)? Потому, что он, будучи обязан проповедовать язычникам, проповедовал чистое христианство, и, когда ему случалось находиться в Иудее, также не стеснялся. Петр и другие с ним, проповедовавшие в Иерусалиме, где была великая ревность (о законе), принуждены были заповедовать – соблюдать закон, а он был совершенно свободен. Его (ученики) были больше из язычников, нежели из иудеев, так как находились вне (Иудеи); потому они и ослабляли закон, не питали к нему такого благоговения, что (Павел) во всем проповедовал чистое (учение). Действительно, за это, как видно, его и осуждали перед народом, когда говорили: *видиши ли, брате, колико тем есть Иудей веровавших?* Потому они и ненавидят и отвращаются, что *увестишася о тебе, яко отступлению учиши от закона* (Деян. XXI, 20, 21).

Почему же он, не будучи учителем иудеев, пишет к ним послание? И где находились те, к кому он пишет? Мне кажется, в Иерусалиме и в Палестине. Как же он пишет? Точно так же, как он и крестил, не получив заповеди крестить; я, говорит он, не был послан крестить (1 Кор. I, 17), однако не было это и запрещено, он делал это сверх должного. Да и как он не стал бы писать к тем, за которых желал быть отлученным (Рим. IX, 3)? Потому он и говорит им: *знайте брата отпущена Тимофеа, с нимже, аще скорее приидет, узрю вас* (Евр. XIII, 23), – так как тогда он еще не был взят под стражу. Два года он прожил в Риме в узах; потом был отпущен; потом ходил в Испанию; потом путешествовал в Иудею, где и виделся с иудеями. Затем он опять прибыл в Рим, где и был лишен жизни по приказанию Нерона. Следовательно это послание написано прежде послания к Тимофею; там он говорит: *аз бо уже жрен бываю;* и еще там же говорит: *в первый мой ответ никтоже бысть со мною*

(2 Тим. IV, 6, 16). Он часто разделял с ними страдания. Так в послании к Фессалоникийцам он говорит: *вы подобницы бысте Церквам сущим во Иудеи* (1 Сол. II, 14); и в послании к ним самим говорит: *разграбление имений ваших с радостию приясте* (Евр. X, 34). Видишь, как они страдали? Если (иудеи) так поступали с апостолами не только в Иудее, но и тогда, когда находились между язычниками, то чего не делами с (прочими) верующими? Потому-то, как видишь, об этих верующих он особенно заботился. Когда он говорит: *гряду во Иерусалим, служай святым* (Рим. XV, 25); также когда убеждает коринфян к благотворительности, сообщая, что македоняне уже собрали подаяние (2 Кор. VIII, 4), и когда говорит: *аще достойно будет и мне ити* (1 Кор. XVI, 4), он выражает это самое; и когда говорит: *точию нищих да помним, еже и потщахся сие истое сотворити* (Гал. II, 10), выражает то же; и когда говорит: *десницы даша ми и Варнаве общения, да мы во языки, они же во обрезание* (Гал. II, 9), выражает то же. Говорит он это о тамошних бедных не напрасно, но чтобы и мы также участвовали в благотворительности. Мы, говорит, разделили между собой проповедь, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным, но не разделили таким же образом попечения о бедных. И везде видно, что Павел имел великое о них попечение, — это и справедливо. Между другими народами, где находились и иудеи и язычники, не было ничего подобного; а там, где (иудеи) думали еще иметь власть и самостоятельность и исполняли многое по собственным законам, — так как правление еще не установилось и еще не совершенно перешло в руки римлян, — не удивительно, что они позволяли себе делать великие притеснения. Если и в других городах, как например, в Коринфе, они били начальника синагоги перед судилищем проконсула, и Галлион нисколько об этом не беспо-

коился (Деян. XVIII, 17), то чего не (делали они) в Иудее?

2. В других городах, как видишь, они приводили (верующих) к начальникам и имели нужду прибегать к их помощи и к народу, а здесь они нисколько не заботились об этом, но сами составляли синедрион и убивали, кого хотели. Так они убили Стефана, так подвергли бичеванию апостолов, не отводя их к начальникам; так они хотели убить и Павла, если бы не вступился тысяченачальник (Деян. XXII, 29, 30). Это было потому, что еще существовали священники, еще цел был храм с богослужением и жертвами. Сам Павел, смотри, подчиняется суду первосвященника и говорит: *не ведах, яко архиерей есть,* и притом при начальнике (Деян. XXII, 5), – потому что они еще имели тогда большую власть. Представь же, какие гонения должны были терпеть (верующие), жившие в Иерусалиме и Иудее. Итак, удивительно ли, если тот, кто желал быть отлучен за (иудеев) еще не уверовавших, и так служил верующим, что готов был и сам идти в случае нужды, и всегда имел о них великое попечение, увещевает и утешает их посредством писания, а падающих и лежащих исправляет? И действительно, они уже изнемогали и отчаивались от множества скорбей. Это он выражает в конце (послания), когда говорит: *темже ослабленныя руки и ослабленная колена исправите* (Евр. XII, 12); и еще: *еще мало елико елико, и грядый приидет, и не укоснит* (X, 37); и еще: *аще без наказания есте, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове* (XII, 8). Так как они были иудеи и от отцов своих научились ожидать доброго и злого немедленно, в настоящей жизни, а между тем тогда было напротив – доброе в надежде после смерти, а злое в настоящей действительности, и многие из них, претерпевая многое, неизбежно впадали в малодушие, то он и оказывает великое о них попечение. Впрочем, об этом мы скажем пространнее в свое

время; а теперь заметим только, что ему необходимо было писать к тем, о которых он имел такое попечение; причина, почему он не был послан к ним, очевидна, но она не препятствовала ему писать к ним. А что они впадали в малодушие, это он выражает, когда говорит: *ослабленныя руки и ослабленная колена исправите, и стези правы сотворите* (Евр. XII, 12, 13); и еще: *не обидлив бо Бог забыти дела вашего и любве* (VI, 10). Душа, подвергающаяся многим искушениям, часто отпадает от веры. Потому он увещевает их внимать слышанному и не иметь сердца злого и неверного. Для того же он в этом особенно послании много беседует о вере и в конце представляет многие примеры того, что и тем (древним) не были дарованы блага, обещанные немедленно. Кроме того, чтобы они не считали себя отверженными, делает им два внушения: первое – мужественно переносить все случающееся, второе – несомненно ожидать воздаяния, потому что Бог не презрит Авеля и последующих праведников, не получивших воздаяния. Утешает их тремя способами: во-первых, тем, что претерпел Христос, так как сам Он говорит: *несть раб болий господа своего* (Ин. XV, 20); во-вторых, благами, которые уготованы верующим; в-третьих, бедствиями. И подтверждает это не только будущим, что было еще не так убедительно, но и прошедшим, – тем, что случилось с отцами их. Так поступает и Христос, внушая: *несть раб болий господа своего*, и еще: *многи обители суть у отца* (Ин. XIV, 2), и угрожая неверующим бесчисленными бедствиями. Много также говорит (апостол) о Новом и Ветхом Завете, потому что это весьма нужно было ему для уверения в истине воскресения. Чтобы они, слыша о страданиях (Господа), не стали сомневаться в воскресении, он подтверждает это пророчествами, и доказывает, что заслуживает уважения не иудейское учение, а наше, и так как тогда еще и храм стоял и были

жертвы, то он и говорит: *темже убо да исходим вне, поношение его носяще* (Евр. XIII, 13). Но и это самое не благоприятствовало ему; иные справедливо могли сказать: если это – тень, если это – образ, то почему не прошло и не прекратилось при появлении истины, а еще продолжается? Он внушает, что мало-помалу исполнится и это в свое время. А что они уже давно приняли веру и терпят скорби, это он выразил в следующих словах: *ибо должни суще быти учители лет ради* (Евр. V, 12); еще: *да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво неверия* (III, 12); и еще: *да будете подражатели наследствующих обетования долготерпением* (VI, 12).

БЕСЕДА I

Многочастне и многообразне древле Бог глаголавый отцем во пророцех, в последок дний сих глагола нам в Сыне: егоже положи наследника всем, имже и веки сотвори (Евр. I, 1, 2).

1. Поистине *идеже умножися грех, преизбыточествова благодать* (Рим. V, 20). Это выражает блаженный Павел и здесь, в начале послания к Евреям. Так как они, вероятно, были огорчены и изнурены бедствиями и, судя по этим обстоятельствам, считали себя ниже всех других (людей), то (апостол) внушает, что они получили гораздо большую и превосходнейшую благодать, и таким образом ободряет слушателей самим началом речи. Потому и говорит: *многочастне и многообразне древле Бог глаголавый отцем во пророцех, в последок дний сих глагола нам в Сыне.*

Почему он не противопоставляет пророкам самого себя? Он был тем больше их, чем больше было вверено ему, – однако он не делает этого. Почему же? Во-первых, потому, что он не хотел говорить о себе что-ни-

будь великое; во-вторых, потому, что слушатели еще не были совершенными; и в третьих, потому, что он желал более возвысить их и показать великое превосходство (Нового Завета перед Ветхим). Он как бы так говорит: что великого в том, что (Бог) посылал к отцам нашим пророков? К нам Он послал самого Сына своего единородного. Хорошо он начал речь словами: *многочастне и многообразне,* выражая, что и сами пророки не видели Бога, а Сын видел. Выражения: *многочастне и многообразне* значат: различно. *Аз,* говорит (Бог), *видения умножих, и в руках пророческих уподобихся* (Ос. XII, 10). Таким образом превосходство (Нового Завета перед Ветхим) не только в том, что к тем были посылаемы пророки, а к нам Сын, но и в том, что никто из них не видел Бога, а Сын единородный видел. Впрочем (апостол) не тотчас высказывает это, но объясняет в дальнейших словах, когда говорит об (Его) человечестве: *кому бо рече от ангел: сын мой еси ты;* и: *седи одесную мене* (Евр. I, 5, 13)? И заметь великую его мудрость: он наперед доказывает это превосходство пророчествами, а потом, когда сделал такую истину несомненной, сам объясняет, что тем Бог глаголал через пророков, а нам через Единородного. Если же тем (Бог говорил) и через ангелов, — ведь и ангелы беседовали с иудеями, — то и в этом мы имеем преимущество, так как с нами говорил Владыка, а с теми рабы, — потому что и ангелы и пророки — равно рабы. Хорошо он сказал: *в последок дний;* это ободряет их и утешает отчаявшихся. Как в других местах он говорит: *Господь близ, ни о чемже пецытеся* (Флп. IV, 6); и еще: *ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом* (Рим. XIII, 11), — так и здесь. Что же означают слова его? То, что всякий, изнуренный в подвигах, услышав о конце подвигов, несколько ободряется, видя, что настает конец трудов и начало отдыха. *В последок дний сих глагола нам в Сыне.* Вот опять

говорит: *в Сыне,* (то есть) *чрез Сына,* вопреки утверждающим, что это принадлежит Духу. Видишь, что *в* употребляется вместо *чрез?* А слова: *древле* и *в последок дний* означают еще нечто другое. Что же такое? То, что по истечении долгого времени, когда мы были наказываемы, когда оскудели (духовные) дарования, когда не было надежды на спасение, когда отовсюду мы ожидали худшего, тогда и получили лучшее. И смотри, как мудро он выразил это: не сказал: *глагола Христос,* хотя Он был *глаголавый,* но, так как души слушателей были еще слабы и не могли слышать о Христе, то он говорит: *глагола нам в Сыне.* Что говоришь ты? Бог глаголал через Сына? Да. В чем же преимущество? Здесь ты показываешь, что и Новый и Ветхий Заветы принадлежат одному и тому же (Богу); следовательно между ними нет важного преимущества. Потому далее он и объясняет эти слова, говоря: *глагола нам в Сыне.* Заметь, как Павел обобщает это и уравнивает себя самого с учениками: *глагола,* говорит, *нам.* Хотя Он глаголал не ему, но апостолам и через них прочим, но Павел возвышает иудеев и внушает, что Бог говорил и им, а вместе с тем некоторым образом и укоряет их, потому что почти все, которым говорили пророки, были порочны и развратны. Впрочем, он теперь еще не распространяется об этом, а говорит наперед о дарах, ниспосланных от Бога. Потому и продолжает: *егоже положи наследника всем.* Здесь он указывает на воплощение (Христово), подобно как и Давид во втором псалме говорит: *проси от мене, и дам ти языки достояние твое* (Пс. II, 8). Теперь уже не Иаков – часть Господня, и не Израиль – наследие Его, но все. Что значит: *егоже положи наследника?* То есть сделал Его Господом всех, как и в Деяниях сказал Петр: *и Господа и Христа его Бог сотворил есть* (Деян. II, 36). Название же *наследника* (апостол) употребляет для того, чтобы выразить два поня-

тия: истинность сыновства и неотъемлемость господства Его. *Наследника всех,* то есть всего мира. Затем он опять обращает речь к прежде бывшему: *имже и веки сотвори.*

2. Где те, которые говорят: было (время), когда (Его) не было? Далее (апостол) постепенно изрекает о Нем гораздо важнейшее этого: *иже сый*, говорит, *сияние славы и образ ипостаси его, нося же всяческая глаголом силы своея, собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную величествия на высоких: толико лучший быв ангелов, елико преславнее паче их наследствова имя* (ст. 3, 4). О, мудрость апостольская! Или лучше сказать, нужно удивляться здесь не мудрости Павла, но благодати Духа, потому что он изрек это не от собственного разума, и не от себя произнес такую премудрость, – как ожидать этого от скобели, от кож, от мастерской? – но от божественной силы такие изречения. Подлинно, такие мысли произошли не от его разума, который прежде был так мал и бессилен, что нисколько не превосходил (разума) простолюдинов, – как ожидать иного от преданного заботам о купле и кожах? – но от благодати Духа, которая, через кого хочет, через того и являет свою силу. Подобно тому, как если кто хочет возвести малое дитя на какое-нибудь высокое место, достигающее до самой высоты небесной, то делает это постепенно и мало-помалу возводит его с низших ступеней на высшие; потом, когда, поставив его вверху и приказав посмотреть вниз, увидит, что оно смущается, страшится и чувствует головокружение, то берет его и опять низводит на место более низкое, доставляя ему возможность отдохнуть; а после, когда оно отдохнет, опять возводит, и затем опять низводит, – так точно поступает и блаженный Павел и с евреями, и везде, научившись этому от своего Учителя. Ведь и сам (Христос) поступал так же, то возводя слушателей на высо-

ту, то низводя их, и не допуская их долго оставаться на одной и той же степени. Посмотри же, как здесь (апостол), проведя слушателей через несколько ступеней и поставив их на самой высоте благочестия, прежде нежели они смутились и почувствовали головокружение, опять низводит их ниже и дает отдохнуть: *глагола*, говорит, *нам в Сыне;* и потом: *егоже положи наследника всем.* Имя *Сына* есть общее (имя); но когда разумеется истинный (Сын Божий), то оно выше всех; как бы то ни было, здесь (апостол) внушает и доказывает, что Он — высок.

Смотри же, как он наперед поставляет их на низшей степени, говоря: *егоже положи наследника всем,* — потому что *наследника положи* означает невысокое дело, — потом на более высокой, присовокупляя: *имже и веки сотвори,* затем на самой высшей — такой, после которой уже нет другой: *иже сый сияние славы и образ ипостаси его.* Здесь он возводит их поистине к неприступному Свету, к самому сиянию. Но прежде, нежели (ум их) помрачился, смотри, как он опять мало-помалу низводит их: *нося же*, говорит, *всяческая глаголом силы своея, собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную величествия.* Не просто сказал: *седе,* но: после очищения *седе.* Напоминает о воплощении, и говорит опять об уничиженном. Потом, снова, сказав нечто высокое в словах: *одесную величествия на высоких*, говорит опять нечто смиренное, присовокупляя следующее: *толико лучший быв ангелов, елико преславнее паче их наследствова имя.* Здесь он говорит о домостроительстве во плоти, потому что слова: *лучший быв* указывают не на существо, единое с существом Отца, — оно не было, а родилось, — но на существо плоти; это — было. Впрочем он говорит теперь не о происхождении существа; но, подобно тому, как Иоанн говорил: *иже по мне грядый, предо мною бысть, яко первее мене бе* (Ин. I, 15), выражая, что Он почтеннее

и славнее, так и Павел здесь словами: *толико лучший быв ангелов* выражает, что Он выше и превосходнее, *елико преславнее паче их наследствова имя*. Видишь, что это сказано по отношению к плоти (Христовой)? Имя: *Бог Слово* Он имел всегда, а не наследовал впоследствии, и не тогда Он стал превосходнее ангелов, когда совершил очищение грехов наших, но всегда был превосходнее и несравненно превосходнее. Следовательно, это сказано по отношению к плоти. Так и мы обыкновенно, рассуждая о человеке, говорим о нем и низкое и высокое. Когда, например, мы говорим: человек — ничто, человек — земля, человек — пепел, то относим все это к низшей его части; а когда говорим: человек — существо бессмертное, человек — разумен, сроден горним (силам), то относим все это к высшей его части. Так и Павел о Христе говорит иногда с низшей стороны, а иногда с высшей, желая объяснить домостроительство, и сказать о нетленном существе Его.

3. Итак, если Он совершил очищение грехов наших, то постараемся остаться чистыми и не принимать никакой нечистоты, но ту красоту и то благолепие, которые Он сообщил нам, будем тщательно соблюдать настолько неповрежденными и неприкосновенными, чтобы в нас не было никакой скверны или нечистоты, или чего-нибудь подобного. Ведь и малые грехи — нечистота и скверна, как например, злословие, поношение, ложь; а лучше сказать, и эти грехи не малы, но весьма велики, — так велики, что они лишают царства небесного. Как и каким образом? *Иже речет*, говорит (Господь), *брату своему: уроде, повинен есть геенне огненней* (Мф. V, 22). Если же так виновен называющий брата своего глупцом, — что кажется незначительнее всего и свойственно детской беседе, — то называющий его злонравным, злодеем, завистником, и осыпающий другими бесчисленными оскорблениями, какому не предан

будет суду и наказанию? Что может быть ужаснее этого? Но внимайте, прошу вас, словам моим. Если творящий *единому сих менших* творит Ему самому, и не творящий *единому сих менших* не творит Ему самому (Мф. XXV, 40, 45), то не то же ли самое бывает и с злословием и поношением? Злословящий брата своего злословит Бога, и воздающий честь брату своему воздает честь Богу.

4. Будем же приучать язык свой говорить доброе: *удержи*, говорит (Псалмопевец), *язык твой от зла* (Пс. XXXIII, 14). Бог не для того нам дал его, чтобы мы злословили, чтобы поносили, чтобы клеветали друг на друга, но чтобы прославляли Бога, чтобы говорили то, что благодать внушает слушающим, что (служит) к назиданию, к пользе. Ты сказал о ком что-нибудь худое; какую же ты получаешь пользу, причиняя вред вместе с ним и себе самому? Ведь ты заслуживаешь название поносителя. Нет, истинно нет ни одного зла, которое останавливалось бы на одном претерпевающем, а не обращалось и на причиняющего зло; так, например, завистливый по-видимому строит козни другому, но наперед сам вкушает плоды злобы, терзаясь, изнуряясь и подвергаясь всеобщей ненависти; любостяжательный лишает имущества других, но вместе с тем лишает и себя самого любви, или лучше, заслуживает всеобщее порицание. Хорошая слава гораздо лучше богатства; ее лишиться нелегко, а потерять богатство легко; или лучше сказать, когда его нет, то не имеющий не терпит никакого вреда, а когда ее нет, то человек подвергается осуждению и осмеянию, делается врагом и ненавистным для всех. Также гневливый наперед наказывает себя, терзаясь в себе самом, а потом уже того, на кого гневается. Подобным образом и злоречивый наперед посрамляет себя самого, а потом уже того, о ком говорит худо; или даже не может и

этого достигнуть, но сам заслуживает название человека дурного и ненавистного, а того делает еще более любимым. В самом деле, если тот, о ком он говорит худо, не отплачивает ему тем же, но хвалит и превозносит его, то воздает похвалу не ему, а себе самому. Как поношение ближних обращается наперед, как я прежде сказал, на самих поносителей, так и добро, сделанное ближним, доставляет наперед радость самим делающим. Делающий добро и зло непременно сам первый испытывает последствия; как вода, истекающая из источника, либо горькая, либо вкусная, и наполняет сосуды приходящих, и не уменьшает производящего ее источника, так точно зло и добро, от кого происходит, того и радует или губит. Это бывает здесь.

А какое будет там добро или зло, кто может выразить словом? Никто не может. (Тамошние) блага превышают всякий ум, не только слово; а противное им, хотя выражается словами обычными для нас, — там, говорится, огонь, мрак, узы, червь нескончаемый, — но они означают не только то, что выражают, а нечто другое, гораздо ужаснейшее. Чтобы ты убедился в этом, обрати теперь же внимание прежде всего на следующее. Если (там) огонь, то, скажи мне, каким образом (там же) и мрак? Видишь ли, что тамошний огонь гораздо ужаснее здешнего? Он не имеет света. Если (там) огонь, то каким образом он сжигает непрестанно? Видишь ли, что он гораздо ужаснее здешнего? Он не угасает, почему и называется неугасаемым! Представим же, какое мучение — быть сжигаемым непрестанно, находиться во мраке, испускать бесчисленные вопли, скрежетать зубами и не быть услышанным. Если здесь человек, воспитанный благородно, попав в темницу, только чувствовать зловоние, находиться во мраке и содержаться вместе с убийцами считает ужаснее всякой смерти, то представь, каково быть

сжигаему вместе с убийцами вселенной, ничего не видеть и не быть видимым, но среди такого множества людей считать себя одиноким. Действительно, мрак и отсутствие света не дозволит нам распознавать даже ближних, но каждый будет в таком состоянии, как будто бы он страдал один. Если же мрак сам по себе тяготит и смущает наши души, то что будет, когда к мраку присоединятся такие мучения и сжигания? Потому, прошу, будем постоянно содержать это в своей памяти и переносить скорбь от слов, чтобы не испытать наказания на деле. А все это непременно исполнится, и тех, кто совершит дела, достойные тамошних наказаний, не избавит никто, ни отец, ни мать, ни брат, хотя бы кто имел и великое дерзновение, и великую силу перед Богом. *Брат не избавит*, говорит (Писание), *избавит ли человек* (Пс. XLVIII, 8)? Сам (Бог) воздаст каждому по делам его, – и через них только можно и спастись и подвергнуться мучению.

Сотворите себе други от мамоны неправды (Лк. XVI, 9). Будем же повиноваться, – это заповедь Господня; будем избытки богатства разделять нуждающимся; будем творить милостыню, пока это в нашей власти, – это и значит творить *други от мамоны;* будем расточать богатство на бедных, чтобы истощить тамошний огонь, чтобы погасить его, чтобы там иметь дерзновение. Там не они (друзья) примут нас, но дела наши. А что не просто одно только приобретение друзей может спасти нас, видно из самого добавления. Почему в самом деле (Господь) не сказал: *сотворите себе други, да приимут вы в вечныя кровы*, но добавил и то, каким образом (сделать это)? Сказав: *от мамоны неправды*, Он выразил, что надобно приобретать друзей посредством имущества, и внушил, что одна только дружба не защитит нас, если мы не будем иметь добрых дел, если не расточим праведно богатства, собранного неправедно. Такая запо-

ведь нам о милостыне относится не к богатым только, но и к бедным; хотя бы кто питался, выпрашивая у других, и к нему относится эта заповедь, — потому что нет, истинно нет ни одного такого бедняка, как бы он ни был беден, чтобы у него не нашлось *две лепты* (Мк. XII, 42). Следовательно, можно и дающему из малого малое превзойти имеющих много и дающих много, как и было с той вдовой. Величина милостыни измеряется не мерой подаваемого, но произволением и усердием подающих. Так везде нужно произволение, везде любовь к Богу. Если мы будем делать все по ее побуждению, то, хотя бы мы давали немного, имея немного, — Бог не отвратит лица Своего, но примет и малое, как великое и необыкновенное. Он смотрит на произволение, а не на то, что дается; если видит, что оно велико, то обращает на него свое решение и приговор, и делает (подающих) участниками вечных благ, которых да сподобимся все мы достигнуть, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Иже сый сияние славы и образ ипостаси его, нося же всяческая глаголом силы своея, собою очищение сотворив грехов наших (Евр. I, 3)

1. Всегда нужно иметь благоговейное расположение духа, особенно же когда мы говорим или слушаем что-нибудь о Боге, потому что ни язык сказать, ни ухо услышать не может ничего, соразмерного (величию) Божию. Что я говорю — язык и ухо? Самый ум, который много превосходит их, не может ничего постигнуть в точности, когда мы хотим сказать что-нибудь о

Боге, потому что если мир Божий превосходит всякий ум (Флп. IV, 7), и если уготованное любящим его не взошло на сердце человека (1 Кор. III, 9), то тем более сам Бог мира, Создатель всего, несравненно превосходит наше разумение. Потому должно принимать все с верой и благоговением и, когда слово становится слабым и не может в точности выразить предлагаемого, тогда в особенности и прославлять Бога, за то, что мы имеем такого Бога, который превосходит наш ум и слово. Многое из того, что мы думаем о Боге, не можем выразить словом, и многое, что выражаем словом, не можем представить умом; например, мы знаем, что Бог (присутствует) везде, но каким образом, этого не разумеем; мы знаем, что существует некоторая бестелесная сила, виновница всех благ, но каким образом она существует, не знаем. Это мы говорим, но не разумеем; я говорю, что Бог везде, но не понимаю; говорю, что Он безначален, но не постигаю; говорю, что Он рождает из Себя самого, но опять не знаю, как понимать это. А иное невозможно выразить словами, – то есть ум представляет, а язык выразить не может. А чтобы ты знал, как и сам Павел был не в состоянии (выразить), как подобия, приводимые им, не точны, и чтобы ты после того ужаснулся и ничего не искал более надлежащего, послушай: сказав о *Сыне* и назвав Его *Творцем,* чтó он присовокупляет? *Иже сый сияние славы и образ ипостаси его.* Это надобно принимать с благоговением, а нелепые мысли отвергать. *Сияние,* говорит, *славы.* Смотри, в каком смысле он принимает это, и сам принимай точно также, то есть, – что из Него (Сын – из Отца), что бесстрастно, что без уменьшения или унижения; а есть люди, которые выводят из этого подобия некоторые нелепости. *Сияние,* говорят они, не самостоятельно, имеет (основание) бытия в другом.

Но ты, человек, не принимай этого, не впадай в болезнь Маркелла и Фотина. (Апостол) тотчас же предлагает тебе врачевание и не дозволяет тебе принять такой мысли и впасть в такую пагубную болезнь. Что же говорит он? *И образ ипостаси его;* этим прибавлением он выражает, что как Отец самостоятелен и не имеет ни в ком нужды для того, чтобы быть самостоятельным, так точно и Сын. Здесь он доказывает безразличие их (по существу) и, указывая тебе на соответственный образ первообраза, учит, что и Сын самостоятелен сам по себе. Сказав выше, что Им Бог сотворил все, здесь он приписывает власть Ему самому. Что же говорит он? *Нося же всяческая глаголом силы своея.* Отсюда мы научаемся, что (Сын) не только есть образ ипостаси (Отца), но и всем управляет с властью. Видишь, как то, что свойственно Отцу, принадлежит и Сыну. Потому он не просто сказал: *нося же всяческая,* не сказал также: силой своей, но: *глаголом силы своея.* Как прежде (апостол) мало-помалу то восходил с нами, то нисходил, так и теперь он, как бы по ступеням, то восходит на высоту, то опять нисходит, когда говорит: *имже и веки сотвори.* Посмотри, как он и здесь пролагает два пути: предостерегая нас от новшеств Савеллия и Ария, из которых первый отвергал остальное (различие лиц) в существе Божием, а второй расторгал единое существо неравенством (Сына Отцу), он сильно опровергает то и другое. Как же он делает это? Попеременно говорит и то и другое, чтобы не думали, что (Сын) безначален, или чужд Богу. Не удивляйся сказанному, возлюбленный; ведь если и после таких доказательств находятся люди, которые почитают (Сына) чуждым (Отцу), дают Ему другого отца и даже говорят, что он противодействует (Отцу), то чего не говорили бы они, если бы не сказал этого? Когда требуется врачевать заблуждающихся, то он находит нужным сказать нечто уничиженное. Именно: *егоже,*

говорит, *положи наследника всем,* и еще: *имже и веки сотвори.* А потом, чтобы не нанести вреда в другом отношении, он переходит от выражений, означающих уничижение, к выражениям, означающим власть, и показывает, что (Сын) равночестен Отцу, и так равночестен, что многие считали Его за Отца. И посмотри на великую мудрость (апостола): наперед он излагает первое и твердо доказывает это; когда же доказал, что Он есть Сын Божий и не чужд Отцу, тогда уже без опасения предлагает и все высокое, что хотел предложить. Так как, предлагая о Нем высокое, можно было навести многих на вышесказанную мысль, то (апостол) наперед излагает уничиженное, а потом без опасения восходит на высоту, на какую хотел; сказав: *егоже положи наследника всем,* и: *имже веки сотвори,* он далее присовокупляет: *нося же всяческая глаголом силы своея.* Кто одним словом управляет всем, тот не может иметь в ком-нибудь нужды, чтобы произвести все.

2. И что это действительно так, смотри, как (апостол) в дальнейших словах приписывает Ему власть и уже не говорит: *имже.* Сказав, что (Бог) через Него сотворил, что хотел, он потом оставляет это выражение и говорит: *в начале ты, Господи, землю основал еси, и дела руку твоею суть небеса* (ст. 10); уже не говорит: *имже,* то есть, что через Него сотворил века. Но как же, разве не Им они сотворены? Правда, но не так, как ты говоришь, не так, как ты представляешь, не как через орудие, и не так, что Он не сотворил бы их, если бы Отец не подал Ему руки помощи. Как *(Отец) не судит никомуже,* но судит, сказано, через Сына (Ин. V, 22), потому что родил Его Судьей, так и творит через Него, потому что родил Его Творцом. Если Отец есть начало Его, то тем более (начало) сотворенного Им.

Итак, когда (апостол) хочет показать, что (Сын) из Него, то по необходимости говорит уничиженное; а

когда желает говорить высокое, то наносится удар Маркеллу и Савеллию. Но Церковь избегла крайности тех и других и идет средним путем. Не останавливается на уничиженном, чтобы не нашел убежища Павел Самосатский, и не ограничивается одним только высоким, а вместе с тем показывает великую близость (Сына к Отцу), чтобы не возражал Савеллий. Когда он сказал: *Сына,* то немедленно восстает Павел Самосатский и говорит, что Он такой же Сын, как и многие. Но (апостол) нанес ему смертельную рану, присовокупив: *наследника.* Но тот все еще бесстыдствует вместе с Арием; именно слова: *егоже положи наследника* они оба принимают, первый утверждая, что (эти слова) означают бессилие, а второй стараясь перетолковать и дальнейшие (слова). Павел сказал: *имже и веки сотвори,* и тем решительно ниспровергнул бесстыдного Павла Самосатского; но Арий по-видимому еще держится крепко. Посмотри же, как (апостол) ниспровергнул и его, сказав далее: *иже сый сияние славы его.* Но вот еще восстают Савеллий, Маркелл и Фотин. Всем им (апостол) нанес один удар, сказав: *и образ ипостаси его, нося же всяческая глаголом силы своя.* Здесь он поражает также Маркиона, — хотя не слишком сильно, однако же поражает. Вообще во всем послании он их опровергает. Он назвал Сына, как я сказал, сиянием славы, — и хорошо. Сам Христос, послушай, что говорит о Себе: *Аз есмь свет миру* (Ин. VIII, 12). Для того (и апостол) назвал Его сиянием, чтобы показать, что и там сказано то же самое, то есть, что (Сын от Отца) как свет от света. Впрочем не только это здесь показывается, но и то, что Он просветил наши души. Словом: *сияние* (апостол) выражает равенство по существу и близость к Отцу. Посмотри, какая тонкость в словах: именуя единое существо, названное ипостасью, он доказывает, что (Сын и Отец) две ипостаси, подобно как он делает

и в отношении к Духу. Как он говорил, что одно ведение у Отца и Духа (1 Кор. XII, 4, 5), которое действительно одно и нисколько не различно само в себе, так и здесь он употребляет одно слово для доказательства двух ипостасей. При этом присовокупляет: *и образ*. Образ – нечто отличное от первообраза, впрочем отличное не совершенно, но в отношении к самостоятельности; так и здесь *образ* означает безразличие от Того, чей образ, сходство с Ним во всем. Если же Он называется подобием и образом, то что скажут на это (еретики)? И человек, скажут, называется образом Божиим (Быт. I, 26). Но так ли, как Сын? Нет, скажут, но (отсюда и видно), что образ не означает сходства. Напротив, когда человек называется образом, то означается сходство (его с Богом), сколько возможно человеку. Что Бог на небе, то человек на земле, то есть по владычеству; как он обладает всем на земле, так Бог обладает всем на небе и на земле. А с другой стороны, человек не называется таким же *образом*, не называется таким же *подобием*, не называется *сиянием*, чем означается существо, или сходство по существу. Как *зрак раба* (Флп. II, 7) означает не что иное, как совершенного человека, так и *образ* Бога означает не что иное, как Бога. *Иже сый*, говорит, *сияние славы*. Посмотри, как поступает Павел. Сказав: *иже сый сияние славы*, он далее присовокупляет: *седе одесную величествия:* из всех употребляемых названий он не находит ни одного, которое выражало бы само существо (Божие). Действительно, ни *величествие*, ни *слава* не выражают того, что он хочет сказать; вообще он не находит названия. Потому я и сказал в начале, что иное мы представляем в уме, но не можем выразить словом; и само имя: *Бог* не есть название существа Его, так что совершенно невозможно найти название для выражения существа Его. Впрочем, что удивительного, если так в отношении к Богу, когда

и в отношении к ангелу невозможно найти название, которое выражало бы существо его, и может быть даже в отношении к душе: мне именно кажется, что это название (душа) означает не само существо ее, но способность дышать. Потому-то называют ее и душой, и сердцем, и умом: *сердце чисто*, говорит (Псалмопевец), *созижди во мне, Боже* (Пс. L, 12). И не только так, но часто называется она и духом. *Нося же всяческая глаголом силы своея.* Видишь ли, что говорит (апостол)?

3. Как же, скажи мне, ты, еретик, указывая на слова Писания: *рече Бог: да будет свет* (Быт. I, 3), говоришь, что Отец повелевает, а Сын повинуется? Вот и здесь Он сам творит *глаголом: нося же*, говорит (апостол), *всяческая,* то есть управляя, сдерживая то, что может распасться. Держать мир не менее значит, чем и сотворить мир, или, если можно сказать нечто удивительное, даже более. Сотворить значит привести что-нибудь из небытия в бытие; а держать уже существующее, но готовое обратиться в ничто, соединять противоборствующее между собой, это – дело великое и удивительное, это – знак великой силы. Словом: *нося* он выражает также легкость этого дела (для Господа). Не сказал: *управляя,* но употребил переносное выражение, заимствованное от движущих что-нибудь и обращающих одним пальцем. Вместе с тем выражает огромную великость создания, и то, что эта великость ничего не значит для Него. Далее опять выражает, что (для Господа) это дело не составляет труда, словами: *глаголом силы своея.* Хорошо сказал: *глаголом;* у нас слово бывает бессильно, а у Бога, говорит, оно не бывает бессильно. Сказав: *нося глаголом,* он однако не прибавил, каким образом носит словом, потому что знать это – невозможно. Затем говорит о *величествии* Его. Так сделал и Иоанн: сказав, что Он – Бог, присовокупил и то, что Он – Создатель тварей. Что́ (Иоанн) выразил словами: *в начале бе Слово,* и: *вся тем*

быша (Ин. I, 1, 3), то же самое и Павел выражает, говоря: *глаголом,* а также: *имже и веки сотвори,* – выражает именно, что Он и Создатель и существует прежде всех веков. Итак, если об Отце пророк говорит: *от века и до века ты еси* (Пс. LXXXIX, 2) и о Сыне говорится, что Он существует прежде всех веков и есть Создатель всего, то что могут сказать (еретики)? Или лучше, если об Отце сказано, что Он есть *сый прежде век,* и о Сыне говорится то же самое? Как (Иоанн) сказал: *живот бе* (Ин. I, 4), выражая, что Он сохраняет твари, что Он есть жизнь всего, так и (Павел) говорит: *нося же всяческая глаголом силы своея;* а не так, как говорят язычники, которые лишают Его, сколько могут, и творчества, и промышления, и ограничивают силу Его луной. *Собою,* говорит, *очищение сотворив грехов наших.* Сказав о делах удивительных и великих, самых высоких, (апостол) говорит потом и о попечении Его о людях. Хотя и вышесказанные слова: *нося же всяческая* относились ко всем, но эти означают гораздо более. Они также относятся ко всем, потому что, сколько от Него зависело, Он спас всех. Так и Иоанн, сказав: *живот бе,* и тем указав на промышление Его, говорит еще: *и свет* (Ин. I, 5), выражая то же самое. *Собою,* говорит, *очищение сотворив грехов наших, седе одесную величествия на высоких.* Здесь он представляет два величайшие доказательства Его попечения: одно в том, что Он очистил грехи наши, а другое в том, что сделал это Собой. И часто можешь видеть, как (апостол) восхищается не только тем, что совершилось примирение с Богом, но и тем, что оно совершено Сыном. Подлинно, этот великий дар стал еще больше потому, что (сообщен) Сыном. Сказав: *седе одесную,* и: *очищение собою сотворив грехов наших,* и напомнив о кресте, (апостол) вместе с тем прибавляет о воскресении и вознесении. И посмотри на неизреченную мудрость его; не сказал: поведено Ему сесть, но: *седе;* далее же,

чтобы ты не подумал, будто Он стоял, присовокупил: *кому от ангел рече когда: седи одесную мене* (ст. 13)? *Седе,* говорит, *одесную величествия на высоких.* Что значит: *на высоких?* Не ограничивает ли он Бога каким-нибудь местом? Нет, не для внушения нам такой мысли он сказал это; но как выражением: *одесную* он изображает не внешний вид Его, а показывает равночестность Его с Отцом, так и выражением: *на высоких* не заключает Его там, а означает, что Он выше всех и превзошел все, и как бы так говорит: Он достигнул до самого престола Отчего. Как Отец *на высоких,* так точно и Он; и соседство означает не что иное, как равночестность. Если же (еретики) будут возражать: (однако Бог сказал Ему): *седи,* то мы спросим их: что же, стоящему ли (Ему Бог сказал это)? Невозможно доказать. И с другой стороны, (апостол) не говорит, что Бог повелел или приказал, но: *рече: седи,* и притом для того, чтобы ты не подумал, что он не имеет начала и причины (в Боге Отце). А что это действительно так, видно из места сидения; если бы нужно было выразить уменьшение, то было бы сказано не *одесную,* но ошуюю.

Толико, говорит, *лучший быв ангелов, елико преславнее паче их наследствова имя* (ст. 4). Слово: *быв* здесь употреблено вместо: явившись; иначе можно сказать: есть. Далее (апостол) и подтверждает это. Чем? Именем. Видишь ли, что имя – Сын всегда означает истинное сыновство Его? Подлинно, если бы Он не был истинным Сыном, то не было бы так сказано. Почему? Потому, что бывает истинным (Сыном) не иначе, как получая бытие из самого (Отца). Потому (апостол) и приводит такое подтверждение. А если бы Он был Сыном по благодати, то не только не был бы преславнее ангелов, но был бы даже ниже их. Почему? Потому, что и люди праведные называются сынами (Божиими); и

имя – Сын, если оно не означает истинного (Сына), не может доказывать превосходства. Между тем (апостол), желая показать, что есть некоторое различие между тварями и Творцом, послушай, что говорит: *кому бо рече когда от ангел: сын мой еси ты, аз днесь родих тя?* и опять: *аз буду ему во Отца, и той будет мне в Сына* (ст. 5)? Здесь одно сказано о плоти (Христовой), именно слова: *аз буду ему во Отца, и той будет мне в Сына* означают воплощение Его; а другое, именно: *Сын мой еси ты,* означает не что иное, как то, что Он из самого (Отца). Как выражение: сый употребляется о Боге в настоящем времени, потому что оно всего более прилично Ему, так выражение: *днесь,* мне кажется, сказано здесь по отношению к плоти. Когда Он принял ее, то уже все подобное без опасения говорится о Нем. Плоть может получать возвышение, равно как Божество – уничижение; и если Бог не возгнушался сделаться человеком, не отрекся от дела, то станет ли Он отрекаться от наименований?

4. Зная это, не будем стыдиться, не будем и превозноситься. Если Он, будучи Богом, Владыкой и Сыном Божиим, не отрекся принять *зрак раба* (Флп. II, 7), то тем более мы должны делать все, хотя бы то было самое уничиженное. И чем, скажи мне, превозносишься ты, человек? Благами ли житейскими? Но они тотчас исчезают, как скоро являются. Духовными ли? Но и то есть одно из духовных благ, чтобы не превозноситься. Чем же ты превозносишься? Тем ли, что делаешь добрые дела? Но послушай Христа, который говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. XVII, 10). Богатством ли ты превозносишься? Но, скажи мне, почему? Разве ты не слышал, что мы наги вошли в жизнь, наги и отойдем (Иов. I, 21)? Или лучше,

разве ты не видишь, как другие отходят прежде тебя нагими и лишенными всего? Кто превозносится тем, что у него есть чужое? А кто хочет пользоваться этим для одного собственного наслаждения, тот лишается его и против воли, часто еще прежде смерти, а при смерти непременно. Но скажут: пока мы живы, мы пользуемся им, как хотим. Нет, — не скоро найдешь человека, который бы пользовался имуществом, как он хочет; а если бы кто и пользовался им, как хочет, то и это неважное дело, потому что время настоящее кратко в сравнении с бесконечными веками. Тем ли превозносишься, человек, что ты богат? Почему же? Богатство бывает и у разбойников, и воров, и убийц, и развратников, и прелюбодеев, и у всех людей порочных. Почему же ты превозносишься? Если ты употребляешь его, как должно, то тебе не следует превозноситься, чтобы не нарушить заповеди (Господней); если (употребляешь) не так, как должно, то тебе следует скорее сокрушаться о том, что ты сделался рабом имущества и богатства, которое обладает тобой. Скажи мне: если бы кто-нибудь, страдая горячкой, выпил много воды, которая на короткое время утоляет жажду, но потом воспламеняет огонь, то может ли он превозноситься этим? Или если бы кто-нибудь хлопотал о многом напрасно, то может ли он превозноситься этим? Чем же, скажи мне, (превозноситься тебе)? Тем ли, что имеешь над собой много господ? Тем ли, что у тебя бесчисленное множество забот? Тем ли, что многие льстят тебе? Но это не что иное, как рабство. А чтобы ты убедился, что ты (в таком случае) делаешься рабом, выслушай внимательно следующее. Прочие страсти наши бывают иногда полезны; так часто бывает полезен гнев: *не может*, говорит (Премудрый), *ярость неправедная оправдитися* (Сир. I, 22); следова-

тельно, можно гневаться и праведно. И еще (Господь говорит): *гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть суду* (Мф. V, 22). Также ревность и похоть бывают добром; последняя тогда, когда служит деторождению, а первая, когда направлена к соревнованию в добрых делах, как и Павел говорит: *добро же еже ревновати всегда в добром* (Гал. IV, 18), и еще: *ревнуйте дарований больших* (1 Кор. XII, 31); следовательно, то и другое полезно. А гордость никогда не бывает добром, но всегда бесполезна и вредна. И если чем можно гордиться, то скорее бедностью, нежели богатством. Почему? Потому что кто может жить малым, тот гораздо лучше и выше того, кто не может.

5. Скажи мне: если бы какие-нибудь люди были приглашены в царственный город, и одни из них не требовали бы ни коней, ни рабов, ни шатров, ни гостиниц, ни одеяний, ни сосудов, но довольствовались бы только хлебом и водой из источников, а другие стали бы говорить: если не дадите нам колесниц и мягких постелей, то мы не можем прибыть; если у нас не будет множества провожатых, если не будет нам позволено часто отдыхать и находиться в дороге только малую часть дня, если не доставят нам коней и много другого необходимого для нас, то мы не можем (отправиться), — скажи: которые из них достойны нашего уважения, первые или последние? Очевидно, что те, которые ни в чем не имеют нужды. Так точно и здесь: одни для прохождения пути настоящей жизни требуют многого, а другие — ничего; потому и превозноситься скорее следовало бы живущим в бедности, если только следовало бы. Но, скажешь, бедный часто подвергается презрению. Нет, — не он (достоин этого), а те, которые презирают его; как в самом деле я могу не презирать людей, которые не хотят уважать

то, что должно (уважать)? Живописец смеется над всеми теми, которые, будучи сами невеждами, смеются над ним, и не обращает внимания на слова их, но довольствуется собственным своим свидетельством: почему же мы поставляем себя в зависимость от мнения других? Простительно ли это?

Мы в том случае достойны презрения, когда не презираем презирающих нас за бедность и не считаем несчастными их самих. Не упоминаю о том, какие грехи происходят от богатства и какие блага от бедности; или лучше сказать, ни богатство, ни бедность не есть добро само по себе, но таковым бывает в зависимости от пользующихся. Добрый христианин обнаруживается более в бедности, нежели в богатстве. Почему? Потому, что в бедности он становится негорделивее, целомудреннее, честнее, смиреннее, благоразумнее; а в богатстве встречает множество к тому препятствий. Вспомним, что делает богатый, или лучше, злоупотребляющий своим богатством. Он похищает, лихоимствует, притесняет. И откуда происходят преступные привязанности, незаконные связи, волшебства, чародейства и все другие роды зла, как не от богатства? Видишь ли, что в бедности гораздо легче быть добродетельным, нежели в богатстве? Не думай, что если богатые здесь не подвергаются наказанию, то они и не грешны; нет, — если бы можно было беспрепятственно подвергать богатых наказанию, то темницы наполнились бы ими. Кроме того, богатство заключает в себе еще то зло, что неправедно приобретший его, совершая грехи безнаказанно, никогда не перестает совершать их, получает раны неисцельные, и никто не налагает на него узды. Бедность же, если угодно, может доставить нам гораздо больше поводов к удовольствию. Почему? Потому, что она свободна от забот, ненависти, вражды, зависти, браней и бесчислен-

ных зол. Итак, не будем усиливаться стать богатыми, и не будем постоянно завидовать тем, которые имеют много; но если имеем богатство, будем употреблять его, как должно; если же не имеем, не будем скорбеть о том, а благодарить Бога за все, и за то, что Он даровал нам возможность — при малом труде получить воздаяние, равное богатым, или, если мы захотим, даже большее, и из малого извлечь великие плоды. Принесший два таланта был почтен и удостоен награды, равной с принесшим пять талантов. Почему? Потому что, хотя ему было вверено два таланта, но он со своей стороны исполнил все должное и возвратил вверенное в двойном количестве. Для чего же нам стараться получить многое, когда можно и посредством малого приобрести то же самое, или даже большее, когда при малом труде можно удостоиться награды, гораздо большей (чем труд). Бедный гораздо удобнее расстанется с собственностью, нежели богатый, обладающий слишком многим. Разве вы не знаете, что чем больше кто имеет, тем большего желает? Потому, чтобы нам не испытать этого, не будем искать богатства, не будем сетовать на бедность, не будем стремиться сделаться богатыми, но, даже имея (богатство), будем пользоваться им так, как заповедал Павел: *имущии*, говорит он, *якоже не имущии, и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. VII, 29, 31), чтобы нам получить обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Егда же паки вводит первороднаго во вселенную, глаголет: и да поклонятся ему вси ангели Божии. И ко ангелом убо глаголет: творяй ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящ. К Сыну же: престол твой, Боже, в век века (Евр. I, 6–8).

1. Господь наш Иисус Христос называет пришествие свое во плоти исходом, – например, когда Он говорит: *изыде сеяй, да сеет* (Мф. XIII, 3); и еще: *Аз от Отца моего изыдох, и приидох* (Ин. XVI, 26, 27); и во многих местах можно видеть это. А Павел называет пришествие Его входом: *егда же*, говорит, *паки вводит первороднаго во вселенную,* разумея под этим введением воплощение. Почему же они выражаются различно об одном и том же предмете, и для чего говорят так? Это видно из значения самих выражений. Христос справедливо называет пришествие свое исходом, потому что мы были вне Бога. Как узники, оскорбившие царя, находятся обыкновенно вне царских чертогов, и тот, кто желает примирить их (с царем), не вводит их внутрь (чертогов), но сам выходит наружу и беседует с ними, пока не сделает их достойными явиться перед взоры царя, так поступил и Христос. Он, выйдя к нам, то есть приняв плоть и преподав нам угодное Царю, ввел потом нас, очистив от грехов и примирив (с Богом). Потому Он и называет (пришествие свое) исходом. А Павел называет его входом, заимствуя это переносное выражение из примера наследников, получающих во владение какое-нибудь имущество; сказать: *егда же паки вводит первороднаго во вселенную,* значит показать, что (Бог) вручил Ему вселенную; Он тогда принял ее всю в свое владение, когда был познан. Это говорится не о Боге Слове, но о воплотившемся Христе; и действительно, если Он *в*

мире бе, как говорит Иоанн, *и мир тем бысть* (Ин. I, 10), то как иначе он мог быть введен во вселенную, как не во плоти? *И да поклонятся ему*, говорит, *вси ангели Божии*. Намереваясь сказать нечто великое и высокое, он предуготовляет к тому слушателей и располагает к удобнейшему принятию (истины), представляя Отца вводящим Сына. И посмотри: выше он сказал, что (Бог) глаголал нам не через пророков, но через Сына, и показал, что Сын превосходнее ангелов, доказав это как самым именем (Сына), так и тем, что сам Отец ввел Сына. А здесь он доказывает то же другим образом. Каким? Поклонением, которое показывает, насколько он превосходнее ангелов, насколько именно Владыка превосходнее раба. Подобно тому, как если бы кто, вводя кого-нибудь в жилище царя, повелел предстоящим там тотчас поклониться ему, так поступает и апостол, говоря о пришествии в мир по плоти, и присовокупляя: *да поклонятся ему вси ангели Божии*. Неужели же только ангелы, без прочих сил? Нет; послушай далее: *и ко ангелом убо глаголет: творяй ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящ. К Сыну же: престол твой, Боже, в век века*. Вот величайшее различие: они созданы, а Он не создан. Почему об ангелах сказано: *творяй*, а о Сыне не сказано: творяй? Потому, что таким образом ясно выражается различие между ними. Потому об ангелах и говорится: *творяй ангелы своя духи;* а о Сыне хотя говорится: *Господь созда мя* (Притч. VIII, 22), и еще: *Господа его и Христа Бог сотворил есть* (Деян. II, 36), но ни то не говорится о Христе Господе Сыне, ни это — о Боге Слове, а относится к воплощению. Желая показать истинное между ними различие, (апостол) разумеет не только ангелов, но и все горние служебные силы. Видишь ли, с какой ясностью он различает твари и Творца, служителей и Владыку, рабов и Наслед-

ника и истинного Сына? О Сыне говорит: *престол твой, Боже, в век века;* вот знак царства! *Жезл правости, жезл царствия твоего;* вот еще другой знак царства! Потом опять (обращается) к воплощению: *возлюбил еси правду, и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза тя, Боже, Бог твой* (ст. 9). Что значит: *Бог твой?* Сказав великое, (апостол) опять смягчает речь.

Здесь он опровергнул и иудеев, и последователей Павла Самосатского, и ариан, и Маркелла, и Савеллия, и Маркиона. Каким образом? Иудеев – тем, что показал в одном и том же (Христе) два существа – Бога и человека; вторых, то есть последователей Павла Самосатского, – тем, что сказал о вечном бытии и не созданном существе Его, так как в противоположность выражению: *сотворил есть,* присовокупил: *престол твой, Боже, в век века;* ариан – тем же самым, равно и тем, что (Сын) не есть раб, а если бы Он был тварью, то был бы рабом; Маркелла и других – тем, что (Отец и Сын) суть два лица, различные ипостасно; маркионитов – тем, что помазуется не божество, а человечество (Христово). Далее говорит: *паче причастник твоих.* Кто же эти причастники, как не люди? То есть *не в меру* Христос получил *Духа* (Ин. III, 34).

2. Видишь ли, как (апостол) с учением о не созданном Существе везде соединяет учение о домостроительстве? Что может быть яснее этого? Видишь ли, что не одно и то же – сотворение и рождение? Иначе он не различал бы их; в противоположность выражению: *сотворил есть,* он не прибавил бы: *к Сыну же глаголет: престол твой, Боже, в век века;* и не назвал бы имени – Сын преславнейшим именем, если бы оно означало то же самое (что и тварь). В самом деле, чем бы оно было преславнее? Если бы сотворение и рождение означали одно и то же, а ангелы сотворены, то (Сын) чем был бы их превосходнее? Вот опять употребляется о

Нем слово: *Бог*, с членом*. *И паки глаголет: в начале ты, Господи, землю основал еси и дела руку твоею суть небеса. Та погибнут, ты же пребываеши: и вся, якоже риза, обетшают, и яко одежду свиеши их и изменятся: ты же тойжде еси, и лета твоя не оскудеют* (ст. 10–12). Чтобы ты, слыша слова: *егда же вводит перворechoднаго во вселенную,* не подумал, будто (Сыну) впоследствии было предоставлено это, как дар, (апостол) и выше предостерегал от такой мысли, и теперь опять предостерегает, говоря: *в начале:* не теперь, говорит, но издревле. Здесь он также опять наносит смертельный удар Павлу Самосатскому и Арию, приписывая Сыну то, что приписывается и Отцу. Вместе с тем он внушает нечто другое, важнейшее; именно, изображает изменение мира: *якоже риза, обетшают, и яко одежду свиеши их, и изменятся;* подобно как и в послании к Римлянам он говорит, что (Бог) преобразит мир (Рим. VIII). Желая выразить легкость этого дела (для Бога), говорит: *свиеши;* как человек свертывает одежду, так (Бог) свернет и изменит мир. Если же Он так легко совершит преобразование и изменение мира в лучшее и высшее состояние, то мог ли Он иметь нужду в ком-нибудь другом при низшем (первоначальном) образовании мира? Доколе вы не устыдитесь (говорить это)? Вместе с тем и весьма утешительно – знать, что мир не всегда будет в настоящем состоянии, но все получит преобразование и все изменится; сам же (Бог) пребывает всегда живым и беспредельно живущим. *И лета твоя*, говорит, *не оскудеют. Кому же от ангел рече когда: седи одесную мене, дондеже положу враги твоя подножие ног твоих* (ст. 13)? Вот, он опять

---

*Некоторые из ариан утверждали, что слово – Бог с членом употребляется в Священном писании только о Боге Отце, и отсюда заключали, что Сын Его, Иисус Христос не есть истинный Бог. Святитель опровергает здесь и в других местах такое неправое учение.

ободряет (верующих) тем, что враги их будут поражены; а враги их те же самые, что и Христовы. И опять это – знак царства, знак равенства, знак чести, а не бессилия (Сына), что Отец гневается за (оскорбления), причиняемые Сыну; это – знак великой любви и близости Отца к Сыну. И действительно, если Он гневается за Него, то как Он может быть чужд Ему? *Дондеже положу враги твоя.* Так и во втором псалме говорится: *живый на небесех посмеется им, и Господь поругается им. Тогда возглаголет к ним гневом своим, и яростию своею смятет я* (Пс. II, 4, 5). И сам (Христос) говорит: *оны, иже не восхотеша мене, да царь бых был над ними, приведите семо предо мною, и изсецыте их* (Лк. XIX, 27). А что это Его слова, послушай, как Он говорит в другом месте: *колькраты восхотех собрати чада твоя, и не восхотесте? Се оставляется вам дом ваш пуст* (Лк. XIII, 34, 35); и еще: *отымется от вас царствие, и дастся языку, творящему плоды его* (Мф. XXI, 43); и еще: *падый на камени сем, сокрушится: а на немже падет, сотрыет и* (Мф. XXI, 44). С другой стороны, если Он будет судить врагов там, то тем более они отдадут отчет за оскорбления, причиняемые Ему здесь. Таким образом слова: *дондеже положу враги твоя подножие ног твоих* сказаны единственно к чести Сына.

Не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение (ст. 14)? Удивительно ли, говорит, что они служат Сыну, если они служат и для нашего спасения? Видишь, как (апостол) возвышает умы слушателей и указывает на великую честь, оказываемую нам Богом, назначившим такое служение ангелам, которые выше нас – служение для нас; он как бы так говорит: ангелы употребляются на то, служение их состоит в том, чтобы служить Богу для нашего спасения. Таким образом дело ангелов – исполнять все к спасению братии. Хотя это дело самого Христа, но Он спа-

сает нас, как Владыка, а они, как рабы; и мы, хотя рабы, но и сорабы ангелов. Что вы, говорит, удивляетесь ангелам? Они – рабы Сына Божия, всюду посылаются для нас, служат для нашего спасения; следовательно они – подобные нам рабы. Посмотрите, какое небольшое он полагает различие между тварями; хотя значительно различие между ангелами и людьми, но он поставляет их близ нас, и как бы так говорит: они трудятся для нас, всюду текут для нас, можно сказать – рабствуют нам. Служение их состоит в том, что они всюду посылаются для нас.

3. Таких примеров исполнен Ветхий, исполнен и Новый Завет. Когда ангелы благовествуют пастырям, когда являются Марии, когда – Иосифу, когда сидят при гробе Христовом, когда посылаются сказать ученикам: *мужие Галилейстии, что стоите зряще на небо* (Деян. I, 11)? – когда освобождают Петра из темницы, когда беседуют с Филиппом, – то не ясно ли, что они служат нам? Представь же, какая оказывается нам честь, когда Бог посылает ангелов служить нам, как друзьям своим, когда ангел является Корнилию, когда ангел освобождает из темницы всех апостолов и говорит: шедше станьте, и *глаголите в церкви людем глаголы жизни сея* (Деян. V, 20). Но что я говорю о других? Самому Павлу являлся ангел. Видишь ли, как они служат нам для Бога, и служат в делах весьма важных? Потому Павел и говорит: *вся ваша суть, или мир, или живот, или смерть, или настоящая, или будущая* (1 Кор. III, 22). И Сын был послан, но не как раб, не как служитель, а как Сын единородный, как хотящий того же, чего хочет Отец; или лучше сказать, Он и не был послан, потому что Он не из места одного перешел в другое, но принял плоть, а они переменяют места, оставив одни места, в которых были, переходят потом на другие, в которых не были. Это говорит (апостол) для того, чтобы ободрить

их. Чего (говорит) вы страшитесь? Ангелы служат нам. Сказав о Сыне, о делах домостроительства, сотворении и царстве, доказав равенство (Сына с Отцом) и то, что (Сын) господствует, как Владыка, не только над людьми, но и над горними силами, (апостол) далее увещевает их, внушая, что мы должны быть внимательными к сказанному, и говорит: *сего ради подобает нам лишше внимати слышанным* (II, 1). Здесь он хочет сказать, что надобно внимать *лишше* закона, но умалчивает об этом; объясняет же это в доказательствах, а не в самом увещании или совете, — потому что так было лучше. *Аще бо*, говорит, *глаголанное ангелы слово бысть известно, и всяко преступление и ослушание праведное прият мздовоздаяние: како мы убежим, о толицем нерадивше спасении, еже зачало приемше глаголатися от Господа, слышавшими в нас известися* (ст. 2, 3)? Почему же нам должно быть *лишше* внимательными к сказанному? Прежнее не так же ли от Бога, как и настоящее? Здесь он заповедует быть внимательными или *лишше* закона, или *весьма;* но отнюдь не осуждает (закона), — нет. Так как (евреи) имели высокое мнение о Ветхом Завете за древность его, то, чтобы настоящий, как Новый, не подвергался презрению, он усиленно доказывает, что последнему должно внимать еще более. Как доказывает? Как бы так говорит: хотя то и другое от Бога, но неодинаково. Впрочем это он объясняет нам после; теперь пока кратко указывает на это, а после излагает яснее, когда говорит: *аще бо бы первый он непорочен был;* и еще: а *обветшавающее и состаревающееся близ есть истления* (Евр. VIII, 7, 13), — и многое другое подобное. Но в начале речи он не осмеливается сказать ничего такого, пока еще не приготовил и не расположил к тому слушателя многими доказательствами. Итак, почему, скажи, нам *подобает лишше внимати? Да не когда*, говорит, *отпадем*, то есть, чтобы нам не погибнуть, не от-

пасть. Здесь он показывает тяжесть отпадения, — как трудно отпавшее опять восстановить, когда это происходит от нерадения. А само выражение он заимствовал из Притчей: *сыне*, говорит (Премудрый), *да не преминеши* (Притч. III, 21), выражая и легкость отпадения и тяжесть погибели, то есть что преслушание небезопасно для нас. Самими же доказательствами (апостол) внушает, что наказание будет весьма велико. Впрочем, это он оставляет предметом для исследования, а не дает в виде заключения. Такой образ речи делает обличение не столь резким, то есть когда обличающий не везде сам от себя произносит решение, но оставляет на волю слушателя, чтобы он сам подал голос; это делает (слушателей) более благоразумными. Так поступает в Ветхом Завете пророк Нафан, а у Матфея Христос, когда говорит: *что сотворит делателем винограда того* (Мф. XXI, 40)? — вызывая (учеников) самих произнести суд. В этом состоит величайшая победа. Далее (апостол), сказав: *аще бо глаголанное ангелы слово бысть* твердо, не присовокупил: тем более глаголанное Христом; но, оставив это, сказал более кротко: *како мы убежим, о толицем нерадивше спасении*? И смотри, как он делает сравнение: *аще бо*, говорит, *глаголанное ангелы слово*; там — *ангелы*, а здесь — *от Господа:* там — *слово*, а здесь — *спасение*. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: разве то Христово, что говоришь ты, Павел? — он предупреждает это и доказывает достоверность сказанного, доказывает достоверность как тем, что он слышал это от Господа, так и тем, что и ныне Бог говорит это, не гласом, просто произносимым, как было при Моисее, но посредством знамений и удостоверяющих событий.

4. Что значит: *аще бо глаголанное ангелы слово бысть известно?* Подобным образом он говорит и в послании к Галатам: *вчинен ангелы, рукою ходатая* (Гал. III, 19); и в

другом месте: *приясте закон устроением ангельским, и не сохранисте* (Деян. VII, 53); и везде он говорит, что (закон) преподан через ангелов. Некоторые утверждают, что здесь разумеется Моисей, но это не основательно, потому что он называет здесь ангелов во множественном числе; притом говорит здесь об ангелах небесных. Что же сказать на это? То, что он или говорит об одних только десяти заповедях, — так как тогда Моисей говорил, а Бог отвечал, — или, что ангелы присутствовали, когда Бог преподавал заповеди, или говорит обо всем, сказанном и сделанном в Ветхом Завете, — так как ангелы принимали в том участие. Почему же в другом месте говорится: *закон Моисеом дан бысть* (Ин. I, 17), а здесь: *ангелы?* Потому что (и Моисей) говорит: и *сниде* Бог во мраке (Исх. XIX, 20). *Аще бо глаголанное ангелы слово бысть известно.* Что значит: *известно?* Значит — истинно и верно, потому что все сказанное сбылось в надлежащее время. Или это он говорит, или то, что слово было твердо и угрозы приведены в исполнение, или словом называет повеления, потому что многие повеления были преподаны без закона ангелами, посланными от Бога, как например, на месте плача, при судьях, при Сампсоне (Суд. II, 1; XIII, 3). Потому апостол и не сказал: закон, но: *слово.* Мне кажется более вероятным, что он разумеет здесь все, устроенное через ангелов. Что же мы скажем? То, что тогда присутствовали ангелы, которым вверен был народ (еврейский), которые и производили трубные звуки, огонь, мрак и прочее. *И всяко,* говорит, *преступление и ослушание праведное прият мздовоздаяние.* Не так, чтобы одно получило, а другое нет, но: *всяко.* Ничто, говорит, не осталось ненаказанным, но *прият праведное мздовоздаяние, — (мздовоздаяние)* вместо — наказание. Почему же он так выразился? Павел обыкновенно не слишком строг в выборе выражений, но иногда употребляет безразлич-

но менее точные вместо более точных, как, например, в одном месте он говорит: *пленяюще всяк разум в послушание Христово* (2 Кор. X, 5); и в другом месте он употребляет мздовоздаяние вместо наказания, так же, как здесь называет наказание мздовоздаянием: *аще праведно*, говорит, *у Бога воздати скорбь оскорбляющим вас, а вам оскорбляемым отраду* (2 Сол. I, 6, 7). То есть правда не потеряла свою силу, но Бог исполняет ее и подвергает согрешивших наказанию, хотя бывают явны не все грехи, а только те, которыми прямо нарушаются заповеди. Итак *како*, говорит, *мы убежим, о толицем нерадивше спасении?* Этим он выражает, что прежде было не великое спасение; и потому хорошо присовокупил: *о толицем.* Теперь, говорит, не от войны Бог избавит нас, не землю и земные блага даст нам, но будет разрушение смерти, погибель диавола, царство небесное, жизнь вечная. Все это он кратко выразил в словах: *о толицем нерадивше спасении.* Далее он говорит о достоверности сказанного: *еже зачало приемше глаголатися от Господа,* то есть получило начало от самого источника, потому что не человек принес это (спасение) на землю, не сотворенная сила, но сам Единородный. *Слышавшими в нас известися.* Что значит: *известися?* То есть верно преподано, или приведено в исполнение; мы, говорит, имеем залог; оно не истребилось, не прекратилось, но сохраняется и одерживает победу; а причиной тому — действующая божественная сила. Что значит: *слышавшими?* То есть те самые, которые слышали от Господа, утвердили нас. Это — дело великое и достоверное. Подобным образом и Лука говорит в начале Евангелия: *якоже предаша нам иже исперва самовидцы и слуги бывшии словесе* (Лк. I, 2). Как же оно *известися?* А что, скажут, если слышавшие от себя выдумали? Чтобы опровергнуть такую мысль и доказать, что эта благодать не от людей, (апостол) прибавляет: *свидетельствую-*

щу Богу (ст. 4). Подлинно, Бог не свидетельствовал бы о них, если бы они сами измыслили что-нибудь. Они свидетельствуют, — а вместе и Бог свидетельствует. Как Он свидетельствует? Не словом, не голосом, хотя и это было бы верно, — а как? *Знаменми же и чудесы и различными силами.* Хорошо он сказал: *различными силами,* выражая обилие дарований: у древних же не было таких и столь различных знамений. Мы поверили им не просто, но при свидетельстве знамений и чудес; следовательно поверили не им, а самому Богу. *И Духа Святаго разделенми, по своей Ему воли.* Как же это, когда и чародеи совершают знамения, и иудеи говорили о Христе, что он *о Веельзевуле изгонит бесы* (Лк. XI, 15)? Но они совершали не такие знамения; потому (Павел) и говорит: *различными силами.* Те знамения — не сила, а бессилие, вымысел и пустые действия; потому об этих он и говорит: *Духа Святаго разделенми по своей Ему воли.*

5. Здесь, кажется мне, (апостол) намекает еще на нечто другое; вероятно, там было немного людей, имевших духовные дарования, которые оскудели потому, что верующие стали менее ревностны. Потому, чтобы утешить их в этом и предохранить от падения, он приписывает все воле Божией: сам (Бог), говорит, знает, кому что полезно, и таким образом распределяет благодать. То же он говорит и в послании к Коринфянам: *Бог положи единаго коегождо их, якоже изволи;* и еще: *комуждо же дается явление Духа на пользу,* по воле Его (1 Кор. XII, 18, 7, 11), — доказывает, что дарования зависят от воли Отца. Часто многие не получали дарований за нечистую и нерадивую жизнь; а иногда не получали их и люди, проводившие хорошую и чистую жизнь; для чего же? Для того, чтобы они не преткнулись, чтобы не возгордились, чтобы не сделались нерадивыми, чтобы не стали слишком превозносить-

ся. Ведь если и без дарований само сознание чистой жизни может возбудить гордость, то тем более (это возможно), когда присоединятся благодатные дары. Потому они и были сообщаемы более людям смиренным и простым, а в особенности простым, пребывавшим, как говорит Писание, *в радости и в простоте сердца* (Деян. II, 46). Таким образом (увещание апостола) могло сильнее действовать на них и, если они были нерадивы, возбуждать их. Смиренный и не думающий много о себе делается более ревностным, когда получает дарование, как человек, получивший не по заслугам и считающий себя недостойным; а кто думает, что он оказал заслуги, тот считает дарование должным и превозносится. Потому Бог с пользой таким образом устрояет это дело. Это и можно видеть в Церкви: один имеет дар учительства, а другой не может даже открыть уст. Но никто пусть не скорбит из-за этого: *комуждо бо дается явление Духа на пользу*. Если человек домовладыка знает, кому что вверить, то тем более Бог, который видит ум человеческий и знает все прежде исполнения. Одно только достойно скорби — грех, а все прочее — нисколько. Не говори: почему я не имею богатства? — или: если бы я имел, то раздавал бы бедным. Ты не знаешь, если бы ты имел, не сделался ли бы еще более любостяжательным; теперь ты говоришь это, а на самом деле получив, может быть, стал бы другим. Так, когда мы сыты, то думаем, что можем поститься; а когда пройдет немного времени, то иные у нас рождаются мысли. Также, когда мы не пьяны, то думаем, что можем преодолеть эту страсть; а когда предадимся ей, то уже не (думаем). Не говори: почему я не имею дара учительства? — или: если бы я имел, то назидал бы многих. Ты не знаешь, если бы ты имел, не послужил ли бы он к твоему осуждению, и зависть или леность не заставили ли бы тебя скрыть талант. Теперь

ты свободен от всего этого, и если не дашь меры муки, не подлежишь осуждению; а тогда ты провинился бы во многом. Впрочем и теперь ты не совершенно лишен дарования. Покажи в малом, каков был бы ты, если бы имел (большее): *аще убо в мале*, говорит (Господь), *верни не бысте, во мнозе кто вам* даст (Лк. XVI, 10, 11)? Покажи, как вдовица; она имела две лепты, и пожертвовала все, что имела. Ты ищешь богатства? Покажи, что ты презираешь малое (имущество), чтобы я мог вверить тебе и большое; а если ты не презираешь и первого, то тем более не будешь (презирать) последнего. Также и касательно дара слова покажи, что ты надлежащим образом употребишь его на увещание и убеждение. Ты не имеешь внешнего красноречия? Не имеешь обилия мыслей? Но общие (истины) ты знаешь; имеешь сына, имеешь соседа, имеешь друга, имеешь брата, имеешь родных; если ты не можешь произносить длинную речь перед народом в церкви, то можешь увещевать их наедине; здесь не нужно витийства и продолжительных речей; покажи на них, что, если бы ты имел дар слова, то не был бы нерадивым. Если же ты не оказываешь усердия в малом, то как я поверю тебе в великом? А что действительно каждый может делать это, послушай, как Павел заповедывал это и мирянам: *созидайте*, говорит он, *кийждо друг друга, якоже и творите* (1 Сол. V, 11); и еще: *утешайте друг друга в словесех сих* (1 Сол. IV, 18). Бог знает, сколько уделить каждому. Разве ты лучше Моисея? Но и он, послушай, как сетовал: *еда аз*, говорил он, *могу водити их, яко глаголеши ми:* носи *их, якоже доилица носит доимаго* (Числ. XI, 12)? Что же Бог? Он отделил от духа его и дал другим (ст. 17), показав, что, если и прежде он руководил (евреев), то это было не от собственного его дарования, но от Духа. Если бы ты имел дарование, то часто превозносился бы, часто падал бы; ты не знаешь себя самого так, как

Бог знает тебя. Не будем же говорить: для чего это, и к чему это? – когда все устрояет Бог; не станем требовать от Него отчета; это крайне нечестиво и безумно. Мы – рабы, и рабы, далеко отстоящие от Владыки, не знающие даже того, что под ногами. Не будем же испытывать советов Божиих, но будем хранить то, что он даровал нам, хотя бы это было малое, хотя бы крайне малое, и тогда непременно мы заслужим похвалу; или лучше, (не будем считать) ни одного из даров Божиих малым. Ты сетуешь, что не имеешь дара учительства? Но скажи мне: какой дар кажется тебе большим, дар ли учительства, или дар исцелений? Конечно, последний. А давать зрение слепым не кажется ли тебе большим, нежели исцелять болезни? А воскрешать мертвых не кажется ли тебе еще большим? Что же, скажи мне: совершать это посредством тени и полотенцев не кажется ли тебе большим, нежели совершать это словом? Чего же ты желаешь, скажи мне, воскрешать ли мертвых посредством тени и полотенцев или иметь дар учительства? Конечно ты скажешь: воскрешать мертвых посредством тени и полотенцев.

6. Но если я докажу тебе, что гораздо больше этого дара другой дар, который ты можешь приобрести, и что, не приобретая его, ты справедливо лишаешься и прочих, – то что скажешь? Притом такой дар можно приобрести не одному, или двум, но всем вообще. Знаю, что вы удивляетесь и изумляетесь, слыша, что вам можно иметь дар гораздо больший дара воскрешать мертвых, давать зрение слепым и совершать то, что было при апостолах; быть может, вы даже считаете это неправдоподобным. Какой же это дар? Любовь. Поверьте мне; это – не мои слова, но слова Христа, вещавшего через Павла. Что именно говорит он? *Ревнуйте дарований больших, и еще по превосхождению путь вам показую* (1 Кор. XII, 31). Что значит: *еще по превосхож-*

дению? Слова его означают следующее: коринфяне превозносились тогда дарованиями и, имея дар языков, который есть самый меньший из даров, гордились перед прочими. Потому он говорит: желаете ли иметь дарования? Я покажу вам путь к дарованиям, не только лучший, но и превосходнейший. И далее говорит: *аще языки ангельскими глаголю, любве же не имам, ничтоже есмь: и аще имам веру, яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь* (1 Кор. XIII, 1, 2). Видишь ли, (какой это) дар? Старайся же приобрести его. Он значит больше, нежели воскрешать мертвых; он гораздо выше всех прочих даров. А что это действительно так, послушай, что говорит Христос в беседе с учениками: *о сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. XIII, 35). Объясняя, по чему узнают, не сказал: по чудесам, – но по чему? *Аще любовь имате между собою.* Также (в молитве) к Отцу Он говорит: *о сем* познают, *яко ты мя послал еси, аще едино будут* (Ин. XVII, 21); и ученикам Он говорил: *заповедь новую даю вам, да любите друг друга* (Ин. XIII, 34). Таким образом (человек любящий) превосходнее и славнее тех, которые воскрешают мертвых, – и справедливо, – потому что последнее происходит всецело от благодати Божией, а первое вместе и от твоего усердия; первое свойственно истинному христианину, и доказывает, что он ученик Христов, распявшийся (для мира) и не имеющий ничего общего с землей; без этого самое мученичество не может принести никакой пользы. Чтобы тебе убедиться в этом, обрати внимание на следующее: блаженный Павел в двух отношениях достигнул высоты добродетелей, или лучше сказать, в трех, – в знамениях, в мудрости и в жизни; но без любви, говорит он, все это – ничто. А каким образом это ничто, я объясню: *аще раздам*, говорит, *вся имения моя, любве же не имам, ничтоже есмь* (1 Кор. XIII, 2, 3), потому что и раздающий имение и

расточающий деньги может не иметь любви. Об этом я достаточно сказал в том месте, где говорил о любви; туда и отсылаю желающих. Будем же, как я сказал, стараться приобрести этот дар, станем любить друг друга, и мы не будем иметь нужды ни в чем другом для преуспевания в добродетелях, но все будет для нас удобоисполнимо без усилий, все будет у нас совершаться с великим успехом. Но, скажете, мы и теперь любим друг друга; один имеет двух друзей, другой – трех, а иной – четырех. Но это не значит любить для Бога, а для того, чтобы самому быть любимым; кто любит для Бога, тот имеет не такое побуждение к любви, а бывает расположен ко всем, как к своим братьям, – единоверных он любит, как своих родных братьев, еретиков же, язычников и иудеев жалеет, как своих братьев по природе, только как недобрых и бесполезных, сокрушается и плачет о них. Мы можем уподобиться Богу тем, если будем любить всех, даже и врагов, а не тем, если будем совершать знамения; мы и Богу удивляемся, правда, и тогда, когда Он творит чудеса, но гораздо более тогда, когда Он оказывает человеколюбие и милосердие. Если же в Боге это особенно достойно удивления, то тем более в людях, и следовательно очевидно, что это доставляет нам особенное уважение. Будем же заботиться об этом, и тогда мы будем иметь нисколько не меньше Павла, Петра и других, воскресивших множество мертвых, хотя бы мы и не могли исцелять горячки; а без любви, хотя бы совершали знамения больше самих апостолов, хотя бы подвергали себя бесчисленным опасностям за веру, нам не будет никакой пользы. Это говорю не я, но сам питомец любви знает это; ему мы должны верить. Таким образом мы сможем получить и обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым

Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Не ангелом бо покори Бог вселенную грядущую, о нейже глаголем. Засвидетельствова же негде некто глаголя: что есть человек, яко помниши его, или сын человеческий, яко посещаеши и? Умалил еси его малым нечим от ангел (Евр. II, 5—7)

1. Желал бы я достоверно знать, слушает ли кто-нибудь слова мои с надлежащим вниманием, не при пути ли мы бросаем семена; тогда я стал бы предлагать учение с большей ревностью. Конечно, хотя бы и никто не слушал, мы будем говорить по страху, внушаемому Спасителем. *Глаголи*, говорит (Господь), *к людем сим* и *аще не послушают*, ты сам будешь невиновен (Иез. III). Но если бы я убедился в вашем усердии, то говорил бы не только по страху, но и с удовольствием делал бы это. Теперь же, – если никто не слушает, – хотя я сам не подвергаюсь опасности, как исполняющий свое дело, но этот труд бывает без удовольствия. Что в самом деле пользы, когда никто не назидается, хотя я и не подвергаюсь обвинению? А если бы вы были внимательны, то мы не столько бы извлекали выгоду из того, что не подвергаемся наказанию, сколько из вашего преспеяния. Каким же образом мне убедиться в этом? Заметив некоторых из вас, которые не очень внимательны, я буду спрашивать их особо, когда встречусь с ними, и если найду, что они помнят нечто из сказанного, – не говорю все, это для вас не очень удобно, но хотя немногое из многого, – тогда, очевидно, не будет мне надобности беспокоиться о прочих. Мне следовало бы не говорить вам об этом предварительно и

застать вас неприготовленными, но и то будет приятно, если таким образом я найду (помнящих сказанное); или лучше сказать, я и в таком случае могу застать вас неприготовленными. Ведь о том, что я спрошу, я говорю предварительно, а когда спрошу, этого не объявляю; может быть сегодня, может быть завтра, может быть через двадцать или тридцать дней, может быть менее, может быть более.

Так и Бог не объявил нам дня нашей смерти, не открыл нам, сегодня ли, или завтра, или через целый год, или через несколько лет Он придет, чтобы по неизвестности ожидаемого мы постоянно соблюдали себя добродетельными. О том, что мы умрем, Он сказал, а когда, – не сказал. Подобным образом и я о том, что спрошу, сказал вам, а когда, – не прибавил, желая, чтобы вы заботились об этом постоянно. Никто не говори: я слышал это за четыре, за пять или больше недель и не могу припомнить; я хочу, чтобы слушающий помнил так, чтобы никогда не забывал, не истреблял из памяти и не терял сказанного, так как я желаю, чтобы вы помнили не для того, чтобы пересказать мне, но чтобы получить пользу вам самим; вот о чем я забочусь. Впрочем, сказав то, что нужно было сказать для предостережения, необходимо уже начать беседу по порядку. О чем же предстоит нам говорит сегодня? *Не ангелом бо*, говорит (апостол), *покори Бог вселенную грядущую, о нейже глаголем.* Не говорит ли он о другой какой-нибудь вселенной? Нет, об этой самой: потому и прибавляет: *о нейже глаголем,* чтобы не попустить уму заблуждающемуся искать какой-нибудь другой вселенной. Почему же он называет ее грядущей? Как в другом месте он говорит: *иже есть образ будущаго* (Рим. V, 14), рассуждая об Адаме и Христе в послании к Римлянам и называя воплотившегося Христа будущим по отношению к временам адамовым, – потому что Христос

имел прийти, – так и здесь, сказав: *егда же вводит первороднаго во вселенную* (Евр. I, 6), чтобы ты не подумал, будто он говорит о другой вселенной, он многократно утверждает и иным способом, самим наименованием ее грядущей, – потому что вселенная имела явиться, а Сын Божий был всегда. Таким образом эту вселенную, имевшую явиться, Бог покорил не ангелам, а Христу. Очевидно, говорит, что о ней сказано Сыну, и никто не может утверждать, что ангелам. Далее он приводит и другое свидетельство: *засвидетельствова же*, говорит, *негде некто, глаголя.* Для чего он не назвал имени пророка, но умолчал о нем? То же он делает и в других свидетельствах, как, например, когда говорит: *егда же паки вводит первороднаго во вселенную, глаголет: и да поклонятся ему вси ангели Божии* (I, 6); и еще: *аз буду ему во Отца* (I, 5); и еще: *и ко ангелом убо глаголет, творяй ангели своя духи: к Сыну же:* и *в начале ты, Господи, землю основал еси* (I, 7, 10). Так и здесь говорит: *засвидетельствова же негде некто, глаголя.* Этим самым, что он умалчивает и не называет имени сказавшего свидетельство, но приводит его, как общеизвестное и несомненное, мне кажется, он показывает, что (слушатели его) были весьма сведущи в Писаниях. *Что есть человек, яко помниши его, или сын человеческий, яко посещаеши и? Умалил еси его малым нечим от ангел: славою и честию венчал еси его, и поставил еси его над делы руку твоею: вся покорил еси под нозе его* (ст. 6–8).

2. Это, хотя сказано о человечестве вообще, но главнее может относиться к Христу по плоти; именно слова: *вся покорил еси под нозе его* относятся более к Нему, нежели к нам. Сын Божий посетил нас, существ ничтожных, и, приняв наше (естество) и соединив с Собой, соделался превыше всех. *Внегда же,* продолжает (апостол), *покорити ему всяческая, ничтоже остави ему непокорено. Ныне же не увидим ему всяческая покорена* (ст. 8).

Значение слов его следующее: так как он сказал: *дондеже положу враги твоя подножие ног твоих* (I, 13), и (слушатели) после этого могли еще предаваться скорби, то он, вставив потом несколько слов, приводит такое свидетельство, которым подтверждается прежнее. Чтобы они не говорили: как же Бог положил врагов под ноги Его, когда мы подвергаемся таким бедствиям? – он и прежде указывал на это самое, – именно выражение: *дондеже* означает исполнение не немедленное, а впоследствии времени, – и здесь подробнее раскрывает то же. Из того, что они еще не покорены, говорит, не заключай, что они не будут покорены. Что они должны быть покорены, это известно, потому что и в пророчестве сказано об этом: *внегда же*, говорит, *покорити ему всяческая, ничтоже остави ему непокорено*. Отчего же не все покорено Ему? Оттого, что имеет быть покорено. Итак, если все должно быть покорено Ему, хотя еще не покорено, ты не скорби и не смущайся. Если бы уже пришел конец и все было покорено, а ты подвергался таким бедствиям, то справедливо ты мог бы скорбеть; теперь же мы еще не видим всего покоренным Ему, Царь еще не совершенно вступил во власть. Для чего же ты смущаешься, претерпевая страдания? Проповедь еще не над всеми возобладала; еще не наступило время – покориться совершенно. Далее (предлагается) еще иное утешение: Тот, кто имеет покорить всех, сам умер и претерпел бесчисленные страдания. *А умаленнаго*, говорит, *малым чим от ангел видим Иисуса, за приятие смерти* (ст. 9). Затем опять присовокупляет нечто вожделенное: *славою и честию венчанна*. Видишь ли, как он относит все к Нему? И выражение: *малым чим* более может относиться к Тому, кто был только три дня во аде, нежели к нам, которые так долго подвергаемся тлению; равным образом и выражение: *славою и честию* гораздо более относится к Нему, нежели к нам.

(Апостол) здесь опять напоминает о кресте, стараясь сделать два дела – доказать попечение Его и убедить их переносить все великодушно, взирая на Учителя. Если, говорит, Тот, кому поклоняются ангелы, потерпел умалиться *малым чим от ангел* для тебя, то тем более ты, который меньше ангелов, должен переносить все для Него. Потом объясняет, что слава и честь – это крест, как и сам (Христос) называет его славой, когда говорит: *прииде час, да прославится Сын человеческий* (Ин. XII, 23). Если же Он называет славой (страдания) ради рабов, то тем более ты (называй так страдания) ради Владыки.

Видишь, каков плод креста? Не бойся же его; тебе он кажется прискорбным, но он производит бесчисленные блага. Этим (апостол) доказывает пользу искушений. Потом говорит: *яко да благодатию Божиею за всех вкусит смерти* (ст. 9). *Яко*, говорит, *да благодатию Божиею.* И Он пострадал по благодати Божией к нам: *иже убо своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть его* (Рим. VIII, 32). Почему? Не потому, что должен был сделать это для нас, но по благодати. И еще в послании к Римлянам говорит: *множае паче благодать Божия и дар благодатию единаго человека Иисуса Христа во многих преизлишествова* (Рим. V, 15). *Яко да благодатию Божиею за всех вкусит смерти:* не за верующих только, но за всю вселенную, – Он умер за всех. Что в том, что не все уверовали? Он исполнил свое дело; и потому (апостол) прямо говорит: *да за всех вкусит смерти.* Не сказал: умрет, потому что Он как действительно вкусил (смерти), так и оставался в ней малое время, вскоре воскрес. Таким образом слова: *за приятие смерти* означают истинную смерть Христову; а слова: *лучший быв ангелов* указывают на Его воскресение. Как врач, не имея нужды вкушать лекарств, приготовленных для больного, по своей заботливости об нем, наперед сам вкушает,

чтобы убедить больного смело принять предлагаемую пищу, так и Христос, зная, что все люди боятся смерти, и желая убедить их смело идти на нее, сам вкусил ее, не имея в том нужды. *Грядет бо*, говорит Он, *сего мира князь, и во мне не иматъ ничесоже* (Ин. XIV, 30). Таким образом слово: *благодатию*, равно и выражение: *да за всех вкусит смерти*, внушают это самое. *Подобаше бо ему, егоже ради всяческая и имже всяческая, приведшу многи сыны в славу, начальника спасения их страданми совершити* (ст. 10).

3. Здесь он говорит об Отце. Видишь ли, как и в отношении к Нему употребляет выражение: *имже?* Он не сделал бы этого, если бы это было унизительно и приличествовало только Сыну. А смысл слов его следующий: Бог сделал, говорит, достойное своего человеколюбия, явив Первородного главнейшего всех и как бы ратоборца мужественного и превосходящего других, представив Его образцом для прочих. *Начальника спасения их*, то есть виновника спасения. Видишь ли, какое различие (между Им и нами)? Хотя и Он – Сын, и мы – сыны, но Он спасает, а мы спасаемся. Замечаешь ли, как (апостол) и соединяет нас с Ним и разделяет? *Приведшу*, говорит, *многи сыны в славу*, – здесь соединяет; *начальника спасения их* – здесь напротив разделяет. *Страданми совершити*,– следовательно, страдания – совершенство и средство к спасению. Видишь ли, что терпение страданий не есть знак отверженных?

Если же Отец почтил Сына прежде всего тем, что провел Его через страдания, то поистине принять плоть и претерпеть то, что Он претерпел, есть гораздо большее дело, нежели сотворить мир и привести его из небытия в бытие; и последнее есть дело человеколюбия, но первое – гораздо более, как и сам (апостол) объясняет это, когда говорит: *да явит в вецех грядущих*

презельное богатство благодати своея, и с ним воскреси и спосади на небесных во Христе Иисусе (Еф. II, 7, 6). *Подобаше бо ему, егоже ради всяческая и имже всяческая, приведшу многи сыны в славу, начальника спасения их страданми совершити.* Надлежало, говорит, Ему, промышляющему о всем и приведшему все в бытие, дать Сына для спасения других, одного за многих. Впрочем он не сказал так, но говорит: *страданми совершити*, выражая, что страдающий за кого-нибудь не ему только приносит пользу, но и сам становится славнее и совершеннее. И это, говорит, для верующих, — для того, чтобы ободрить их. И Христос был прославлен тогда, когда пострадал. Впрочем, когда я говорю, что Он прославлен, то не подумай, будто Он получил приращение славы; ту славу, которая свойственна Ему по существу, Он всегда имел, нисколько ее не прибавляя. *И святяй бо, и освящаемии, от единаго вси. Еяже ради вины не стыдится братию нарицати их* (ст. 11). Вот как опять он соединяет их (со Христом), воздавая им честь, утешая и называя их братиями Христовыми потому, что *вси от единаго;* но вместе с тем определяет (слова свои) и показывает, что он говорит о Христе по плоти, выражаясь так: *святяй и освящаемии.* Видишь ли, какое различие (между Им и нами)? Он освящает, а мы освящаемся. И выше Он назван начальником спасения их. *Един бо Бог, из негоже вся* (Кор. VIII, 6). *Еяже ради вины не стыдится братию нарицати их.* Видишь ли, как опять доказывает Его превосходство? Выражением: *не стыдится* он показывает, что все это зависит не от сущности предмета, но от милосердия и великого смиренномудрия того, кто не стыдится. Хотя и *от единаго,* но Он освящает, а мы освящаемся. Великое различие! Он от Отца, как Сын истинный, то есть из сущности Его; а мы, как твари, то есть из ничего; следовательно, между Им и нами великое различие. Потому (апостол) и

говорит: *не стыдится братию нарицати их, глаголя: возвещу имя твое братии моей* (ст. 12). Приняв плоть, Он принял и братство; вместе с плотью превзошло и братство. Это сказано правильно; но что означают следующие слова: *аз буду надеяся нань* (ст. 13)? И дальнейшие за ними (сказаны) не напрасно: *се аз и дети, яже ми дал есть Бог;* в них Он называет себя отцом, как там называл братом, когда говорил: *возвещу имя твое братии моей.* Здесь опять выражается превосходство Его и великое различие (между Им и нами), равно как и в следующих словах: *понеже убо дети приобщишася плоти и крови* (ст. 14).

4. Видишь ли, в чем сходство? По плоти. *И той приискренне приобщися техже.* Да устыдятся все еретики, да посрамятся утверждающие, будто Он пришел призрачно, а не истинно; (апостол) не сказал только: *той приобщися техже,* и не остановился на этом, — хотя довольно было бы, если бы он так сказал,— но выразил еще нечто большее, присовокупив: *приискренне.* Не привидением, говорит, и не призраком Он явился, но истинно; иначе не должно бы быть выражения: *приискренне.* Показав братство Его с нами, (апостол) далее приводит и причину такого домостроительства: *да смертию,* говорит, *упразднит имущаго державу смерти, сиречь, диавола.* Здесь он выражает ту удивительную (вещь), что чем диавол побеждал, тем и сам побежден, и каким оружием он был силен против вселенной, тем и его самого поразил Христос; также означает и великую силу Победившего. Видишь ли, какое благо произвела смерть Его? *И избавит сих, елицы страхом смерти чрез все житие повинни беша работе* (ст. 15). Для чего вы страшитесь, говорит, для чего вы боитесь упраздненной (смерти)? Она уже не страшна, — она попрана, презрена, стала ничтожной и ничего нестоящей. Что же означают слова: *елицы страхом смерти чрез все житие*

повинни беша работе? Что выражает ими (апостол)? То, что боящийся смерти есть раб и предпринимает все меры, чтобы не умереть; или то, что все люди были рабами смерти и, так как она еще не была побеждена, находились в ее власти; или, если не это, так то, что люди жили в постоянном страхе: ожидая постоянно, что они умрут, и боясь смерти, они не могли чувствовать никакого удовольствия, потому что этот страх постоянно был в них, о чем и намекает (апостол) словами: *чрез все житие.* Здесь он показывает, что скорбящие, гонимые, преследуемые, лишаемые отечества, имущества и всех прочих благ проводят жизнь приятнее и свободнее, нежели те, которые постоянно живут в роскоши, не терпят ничего подобного и благоденствуют, – потому что последние во всю жизнь находятся под этим страхом и суть рабы его, а первые свободны от него и посмеиваются над тем, чего последние боятся. Подобно тому, как если бы кто-нибудь стал утучнять обильным кормлением узника, обреченного на смерть и постоянно ожидающего ее, так точно и смерть в древности (поступала с людьми). А теперь происходит то, как если бы кто-нибудь, отогнав страх, побуждал подвизаться с удовольствием и, предложив подвиг, обещал вести уже не на смерть, а на царство. Скажи же, в числе которых желал бы ты находиться, – тех ли, которые утучняются в темнице, ежедневно ожидая своего приговора, или тех, которые много подвизаются и трудятся добровольно, чтобы облечься диадемой царства? Видишь ли, как (апостол) возвышает их душу и возводит их горе? Притом он внушает, что не только смерть упразднена, но через нее поражен и тот, кто постоянно восстает и ведет против нас непримиримую войну, то есть диавол, потому что кто не боится смерти, тот находится вне власти диавола. Если *кожу за кожу и вся даст человек за душу свою* (Иов. II,

4), то кто решается пожертвовать и ею, тот чьим может быть рабом? Он не боится никого, не страшится никого, выше всех и свободнее всех. Ведь кто пренебрегает собственной душой, тот тем более (пренебрежет) остальным. Когда диавол находит такую душу, то он не может выполнить на ней ни одного из своих намерений. В самом деле, скажи мне, что (он может сделать с ней)? Будет ли угрожать ей лишением имущества, бесчестьем и изгнанием из отечества? Но все это маловажно для того, кто не дорожит даже собственной душой, подобно блаженному Павлу (Деян. XX, 24). Видишь ли, что свергающий с себя тяжкую власть смерти сокрушает и силу диавола? Кто умеет безмерно любомудрствовать о воскресении, тот будет ли бояться смерти, станет ли страшиться чего-нибудь другого? Потому не скорбите и не говорите: для чего мы терпим то-то и то-то? — потому что таким образом достигается славнейшая победа; а она не была бы славной, если бы (Христос) не разрушил смертью смерть. И удивительно то, что тем самым Он и победил ее, чем она была сильна, явив везде и могущество свое и мудрость. Не предадим же сообщенного нам дара: *не прияхом бо*, говорит (апостол), *духа работы, но духа силы и любве и целомудрия* (Рим. VIII, 15; 2 Тим. I, 7). Будем стоять мужественно, посмеиваясь над смертью.

5. Но мне приходится тяжко вздохнуть (при мысли), куда возвел нас Христос, и куда мы низводим сами себя. Когда я представляю вопли, раздающиеся на площади, рыдания, какие бывают по отшедшим от жизни, стоны и прочие бесчинства, — то, поверьте, я стыжусь язычников, иудеев и еретиков, которые видят это и решительно все смеются за это над нами, и что бы я ни говорил после того о воскресении, слова мои будут напрасным рассуждением. Почему? Потому что язычники обращают внимание не на то, что я говорю, а на то,

что делается вами. Они тотчас скажут: сможет ли кто-нибудь из них когда-нибудь презирать смерть, если он не может видеть даже другого умершим? Прекрасно говорит Павел, прекрасно и достойно небес и человеколюбия Божия. Что же говорит он? *И избавит сих, елицы страхом смерти чрез все житие повинни беша работе* (Евр. III, 15). Но вы не допускаете верить этому, опровергая слова его своими делами, хотя Бог употребил множество мер к тому, чтобы уничтожить ваш дурной обычай. Вот, скажите мне, что означают горящие светильники? Не провожаем ли мы умерших, как подвижников? Что (означают) песнопения? Не прославляем ли мы Бога, не благодарим ли Его, что Он наконец увенчал отошедшего, освободил от трудов, избавил от страха и принял его к себе? Не для того ли гимны, не для того ли песнопения? Все это свойственно радующимся: *благодушествует ли кто? да поет*, говорит (апостол) (Иак. V, 13). Но язычник смотрит не на это. Не указывай мне, говорит он, на того, кто любомудрствует, не подвергаясь скорби, – это нисколько не важно и не удивительно, – но укажи мне того, кто бы любомудрствовал среди самой скорби; тогда и я поверю воскресению. Не удивительно, когда поступают так мирские жены, хотя и это прискорбно, потому что и от них требуется любомудрие: *о усопших же*, говорит Павел, *не хощу вас не ведети, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования* (1 Сол. IV, 12); он писал это не к монахам и не к посвятившим себя на всегдашнее девство, но к мирским женам, сочетавшимся браком, и к мирским мужам. Впрочем это еще не так прискорбно; а когда кто-нибудь, жена или муж, утверждающий, что распялся для мира, он рвет на себе волосы, а она рыдает неутешно, то что может быть непристойнее этого? Поверьте словам моим, что, если бы делать, как должно, то следовало бы отлучить таких людей на долгое время

от порогов церковных. Если кто истинно достоин слез, то это те, которые еще боятся и трепещут смерти, которые не веруют воскресению. Но, скажешь, я не воскресению не верую, а следую обычаю. Для чего же ты, скажи мне, когда отправляешься в путь и предпринимаешь далекое путешествие, не делаешь этого? И тогда, скажешь, я плачу и рыдаю, следуя обычаю. Но там действительно ты следуешь обычаю; а здесь ты отчаиваешься в возвращении. Вспомни, что поешь ты в то время (при погребении)? *Обратися, душе моя, в покой твой, яко Господь благодействова тя* (Пс. CXIV, 6); и еще: *не убоюся зла, яко ты со мною еси* (Пс. XXII, 4); и еще: *ты еси прибежище мое от скорби обдержащия мя* (Пс. XXXI, 7). Вникни, какой смысл в этих песнопениях. Но ты не внемлешь им, а беснуешься от скорби. Будь внимателен и благоразумен хотя при погребении других, чтобы тебе найти врачество при своем (погребении). *Обратися, душе моя, в покой твой, яко Господь благодействова тя,* говоришь ты, и сам плачешь? Не притворство ли это, не лицемерие ли? Если ты действительно веришь тому, что говоришь, то напрасно плачешь; если же ты притворяешься, лицемеришь и считаешь это басней, то для чего и поешь? Для чего терпишь присутствующих? Почему не выгоняешь поющих? Но, скажешь, это свойственно беснующимся. А то еще более. Впрочем, я говорю теперь об этом между прочим, но впоследствии тщательнее разберу этот предмет, потому что я очень боюсь, чтобы таким образом не вкралась в Церковь какая-нибудь тяжкая болезнь. Это рыдание мы исправим после; а теперь говорю и объявляю богатым и бедным, женам и мужьям.

Дай Бог, чтобы все вы отошли от жизни без печали, чтобы по определенному закону престарелые отцы были погребены сыновьями, и матери дочерями, внуками и правнуками, в маститой старости, и чтобы никог-

да не случилось с вами преждевременной смерти; дай Бог вам это, о чем и я сам молюсь и предстоятелей и всех вас увещеваю молиться Богу друг о друге и возносить к Нему общую об этом молитву; если же, — чего да не будет и да не случится! — если постигнет кого-нибудь из вас тяжкая смерть, — называю ее тяжкой не по существу, потому что смерть уже не тяжка и нисколько не отличается от сна, но называю ее тяжкой по отношению к нашему чувству, — если она приключится и кто-нибудь наймет этих плакальщиц, то, поверьте словам моим, — я говорю не иначе, как должен говорить, а кто хочет, пусть гневается, — я отлучу такого от Церкви на долгое время, как идолослужителя. Если Павел называет лихоимца идолослужителем (Кол. III, 5), то тем более можно назвать так того, кто совершает над верным свойственное идолослужителям. И для чего, скажи мне, ты призываешь пресвитеров и певцов? Не для того ли, чтобы получить утешение? Не для того ли, чтобы почтить отшедшего? Для чего же ты оскорбляешь его, для чего бесчестишь, для чего бесчинствуешь, как бы на зрелище? Мы приходим, чтобы любомудрствовать о воскресении, чтобы воздаваемой ему честью научить всех, даже и тех, которые еще не подвергаются ударам (смерти), переносить мужественно, когда случится с ними что-нибудь подобное; а ты приводишь тех, которые разрушают наши действия, сколько это возможно для них?

6. Что может быть хуже такой насмешки и такого глумления? Что может быть тяжелее такой несообразности? Постыдитесь и образумьтесь; если же вы не хотите, то мы не потерпим, чтобы такие пагубные обычаи существовали в Церкви. *Согрешающих*, говорит (апостол), *пред всеми обличай* (1 Тим. V, 20). Потому мы через вас повелеваем тем жалким и презренным (плакальщицам), чтобы они никогда не приходили к погребению

верных; иначе мы заставим их оплакивать собственные несчастья и научим сокрушаться более о своих бедствиях, нежели о чужих. Так любвеобильный отец, имеющий беспорядочного сына, не только ему запрещает иметь общение с людьми порочными, но и тем угрожает. Подобным образом и я заповедую вам, а через вас и им, чтобы ни вы не приглашали их, ни они не приходили (на погребение). Дай Бог, чтобы одни слова наши принесли какую-нибудь пользу и одна угроза имела силу; если же, — чего да не будет! — слова наши будут оставлены без внимания, то мы наконец принуждены будем привести угрозу в действие, — наказать вас по законам церковным, а их так, как следует (поступить) с ними. Если же и после этого кто-нибудь из дерзких не образумится, то пусть он послушает Христа, который и ныне говорит: *аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем единем: аще ли не послушает, поими с собою еще единаго или два: аще же и тако противу речет, повеждь церкви: аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф. XVIII, 15–17). Если (Господь) повелевает таким образом отвращаться от брата, согрешившего против меня, когда он не слушает обличений, то судите сами, как я должен поступать с тем, кто грешит против себя самого и против Бога, — вы ведь часто осуждаете нас, что мы не снисходительно обращаемся с вами. А кто презирает запрещения, налагаемые нами, того опять пусть научит Христос, который говорит: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (Мф. XVIII, 18). Хотя мы и маловажны, и ничтожны, и достойны презрения, как и действительно мы таковы, но мы не за себя взыскиваем, не гневу своему удовлетворяем, а заботимся о вашем спасении. Постыдитесь же, увещеваю, и образумьтесь. Если всякий терпеливо переносит (укоризны) друга, нападающего на

него даже более надлежащего, зная цель его и то, что он делает это по благорасположению, а не по гордости, то тем более должно терпеть обличения учителя, и притом учителя, который говорит не своей властью и не как начальник, но как попечитель. Мы говорим это не для того, чтобы показать свою власть, — можно ли (так думать), когда мы желаем, чтобы они даже и не испытали ее? — но из сожаления и сострадания к вам. Простите же, и никто из вас пусть не презирает церковных запрещений, потому что ими связывает но человек, а Христос, даровавший нам такую власть, соделавший людей обладателями такой чести. Мы желали бы употреблять эту власть на разрешение, или лучше, не желали бы иметь нужду и в этом, потому что не хотим, чтобы кто-нибудь из нас был связанным, — мы еще не так жалки и презренны, хотя и крайне ничтожны. Но когда мы бываем вынуждены, то простите: против собственной воли и желания мы налагаем запрещение, хотя сами скорбим более вас связываемых. А кто станет презирать это, для того настанет время суда и научит его. Не хочу говорить о последующем, чтобы не возмутить души вашей. Прежде всего мы молимся, чтобы нам не быть к тому вынужденными; когда же бываем вынуждены, то исполняем свое дело, налагаем запрещение. Если кто нарушит его, то я, сделавший свое дело, не виновен; а ты должен будешь отдать отчет Тому, кто повелел мне связывать. Ведь, если в присутствии царя кто-нибудь из предстоящих оруженосцев получит приказание связать кого-нибудь из находящихся в строю и наложить на него оковы, а этот не только оттолкнет его, но и разломает сами оковы, то не оруженосец получает обиду, а гораздо более царь, давший такое приказание. Подлинно, если (Господь) усвояет себе то, что делается верующему, то тем более, когда вы оскорбите поставленных на учи-

тельство, Он примет это за оскорбление Его самого. Впрочем, не дай Бог, чтобы кто из находящихся в этой церкви подвергся необходимости — быть связанным. Как хорошо — не грешить, так же полезно — переносить наказание. Будем же переносить обличение и постараемся не грешить, а когда согрешим, то будем переносить наказание. Как хорошо — не получать ран, а когда это случится, то полезно — прилагать к ранам лекарство, так точно и здесь. Впрочем, не дай Бог, чтобы кто нуждался в подобных лекарствах: *надеемся же о вас лучших и придержащихся спасению, аще и тако глаголем* (Евр. VI, 9). Мы предложили более сильное (обличение) для большего предостережения. Лучше мне почитаться от вас строгим, суровым и гордым, нежели вам делать неугодное Богу. Надеемся на Бога, что это обличение не будет бесполезно для вас и что вы исправитесь так, что слова наши послужат к вашей похвале и чести. Дай же вам Бог проводить жизнь согласно с волей Божией, чтобы всем нам удостоиться благ, обещанных Богом любящим Его, во Христе Иисусе Господе нашем.

БЕСЕДА V

Не от ангел бо когда приемлет, но от семене Авраамова приемлет. Отнюду же должен бе по всему уподобитися братии (Евр. II, 16, 17)

1. Желая показать великое снисхождение Бога и любовь, какую Он имеет к роду человеческому, Павел после того, как сказал: *понеже убо дети приобщишася плоти и крови, и той приискренне приобщися техже* (ст. 14), объясняет это место и говорит: *не от ангел бо когда приемлет.* Не просто, говорит, выслушай сказанное и не почитай каким-нибудь обыкновенным делом того, что

Он принял нашу плоть; ведь Он не удостоил этого ангелов. Потому и выражается так: *не от ангел бо когда приемлет, но от семене Авраамова.* Что означают слова его? Не в ангельское, говорит, естество облекся Он, но в человеческое. А что значит: *приемлет?* Не ангельское, говорит, естество принял Он, но наше. Почему же он не сказал: принял, но употребил такое выражение: *приемлет?* Он заимствует это выражение из примера бегущих за теми, которые уходят от них, и употребляющих все меры к тому, чтобы настигнуть убегающих и удержать удаляющихся. Так и Христос сам устремился и настиг род человеческий, бежавший от Него и бежавший далеко, – мы ведь были, говорит (апостол), *от* Бога *отчуждени далече и безбожни в мире* (Еф. II, 12, 13). Здесь он показывает, что (Бог) сделал это единственно по снисхождению, любви и попечению об нас. Как выше, когда говорит: *не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение* (Евр. I, 14), он показывает любовь Его к роду человеческому и то, что Бог много печется о нем, так и здесь еще более подтверждает это посредством сравнения, говоря: *не от ангел бо приемлет.* Подлинно, великое, чудное и изумительное дело, что наша плоть сидит на небесах и удостаивается поклонения от ангелов, архангелов, серафимов и херувимов. Представляя себе это, я часто удивляюсь и высоким предаюсь мыслям о роде человеческом, потому что вижу великие и светлые начатки и многое попечение Божие о естестве нашем. И не просто сказал (апостол): от людей приемлет, но, желая возвысить их, и показать, как велик и почтенен род их, говорит: *но от семене Авраамова приемлет. Отнюду же должен бе по всему уподобитися братии.* Что значит: *по всему?* Он родился, говорит, воспитывался, возрастал, претерпел все, что следовало, и наконец умер: вот что означают слова: *по всему уподобитися братии.* Так как он много говорил о вели-

чии и высшей славе (Христа), то теперь ведет речь о домостроительстве Его; и посмотри, с какой мудростью и силой доказывает, что Он приложил большое старание, чтобы уподобиться нам; это — знак великого Его попечения об нас. Сказав выше: *понеже убо дети приобщишася плоти и крови, и той приискренне приобщися техже,* (апостол) и здесь говорит: *по всему уподобитися братии,* то есть как бы так говорит: Тот, кто так велик, кто есть сияние славы и образ ипостаси, кто сотворил века и сидит одесную Отца, Тот восхотел и потщился сделаться нашим братом во всем, и для того оставил ангелов и горние силы, сошел к нам и принял нашу (плоть). И смотри, сколько Он доставил благ: разрушил смерть, освободил нас от власти диавола, избавил от рабства, почтил своим братством, и не только удостоил братства, но и других бесчисленных (благодеяний), — Он восхотел быть нашим первосвященником перед Отцом: *да милостив будет,* продолжает (апостол), *и верен первосвященник в тех, яже к Богу.* Он принял, говорит, плоть нашу единственно по человеколюбию, для того, чтобы помиловать нас. Нет другой причины такого домостроительства Его, кроме одной этой; Он видел, что мы повержены на землю, погибаем и подвергаемся насилию смерти, и умилосердился. *Во еже,* говорит, *очистити грехи людския, да милостив будет и верен первосвященник.* Что значит: *верен?* Истинный, сильный, потому что один только Сын есть верный первосвященник, могущий избавить от грехов тех, которых Он первосвященник. Потому, чтобы принести жертву, которая могла бы очистить нас, Он сделался человеком. *В тех, яже к Богу,* присовокупляет (апостол), то есть в отношении к Богу. Мы были, говорит, враждебны Богу, были осуждены, преданы бесчестью; не было никого, кто бы принес за нас жертву; Он видел нас в таком состоянии и умилосердился, не только доставив нам первосвя-

щенника, но сделавшись сам первосвященником верным. Потом (апостол) показывает, как Он верен, продолжая: *во еже очистити грехи людския. В немже бо пострада, сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (ст. 18).

2. Это, по-видимому, весьма уничиженно, смиренно и недостойно Бога. *В немже бо*, говорит, *пострада сам.* Здесь он говорит о воплотившемся. Может быть, это говорится и для успокоения слушателей, и во внимание к их немощи. Смысл слов его следующий: (Христос), придя, самым делом испытал то, что мы терпим; теперь Ему не безызвестны страдания наши; он знает не только как Бог, но и как человек, познавший и испытавший самим делом; Он много пострадал, потому может и нам сострадать. Хотя Бог бесстрастен, но здесь (апостол) говорит о воплощении, и как бы так сказал: сама плоть Христова претерпела много страданий. Он знает, что такое страдание, знает, что такое искушение, и знает не меньше нас страждущих, потому что Он сам страдал. Что же значит: *может и искушаемым помощи?* Иначе сказать: Он с великой готовностью подаст руку помощи, будет сострадателен. Так как (евреи) думали иметь большое преимущество перед (верующими) из язычников, то (апостол) внушает, что они имеют преимущество в том, чем Бог нисколько не унизил и (верующих) из язычников. Чем же именно? Тем, что от них спасение, что наперед к ним Он пришел, что от них принял плоть. *Не от ангел бо*, говорит, *приемлет, но от семене Авраамова приемлет.* Этим он и воздает честь патриарху, и показывает, что значит *семя Авраамово*, – напоминает им об обетовании, данном Аврааму в следующих словах: *сию тебе дам и семени твоему* (Быт. XIII, 15), намекая несколько и на близость (их к Нему) в том, что все произошли от одного. По так как эта близость была незначительна, то он опять переходит к тому же (предмету), останавли-

вается на домостроительстве Его во плоти и говорит: *во еже очистити грехи людския.* Само желание — сделаться человеком есть уже знак великого попечения и великой любви, а теперь не только это, но и бессмертные блага дарованы нам от Него: *во еже*, говорит, *очистити грехи людския.* Почему он не сказал: (грехи) вселенной, но: *людския*, тогда как поистине Он взял на себя грехи всех нас? Потому, что (апостол) пока ведет речь о них (евреях), как и ангел говорил Иосифу: *наречеши имя ему Иисус: той бо спасет люди своя* (Мф. I, 21). Этому и следовало наперед совершиться, и для того Он пришел, чтобы спасти их, а потом через них и тех (язычников), хотя случилось напротив. Об этом и (другие) апостолы в самом начале говорили: *вам воздвигий Отрока своего посла благословяща вас* (Деян. III, 26); и еще: *вам слово спасения послася* (Деян. XIII, 26). Так и здесь (апостол) показывает благородство иудеев, когда говорит: *во еже очистити грехи людския.* Так он теперь говорит. А что (Христос) отпускает грехи всех, это сам Он объяснил как при исцелении расслабленного, когда сказал: *отпущаются тебе греси твои* (Мк. II, 5), так и в заповеди о крещении: *шедше*, говорит Он ученикам, *научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. XXVIII, 19). Когда Павел начал речь о плоти, то потом говорит (о Нем) все уничиженное, нисколько не опасаясь; смотри именно, что говорит он далее: *темже, братие святая, звания небеснаго причастницы, разумейте посланника и святителя исповедания нашего Иисуса Христа, верна суща сотворшему его, якоже и Моисей во всем дому его* (III, 1, 2). Намереваясь изобразить преимущества Его сравнительно с Моисеем, (апостол) ведет речь о законе касательно священства, потому что о Моисее все имели высокое мнение. И (здесь) он уже предуказывает семена этого преимущества; но начинает с плоти, а потом переходит к божеству, в отношении которого не могло

быть сравнения. Начиная сравнивать их по плоти, он говорит: *якоже и Моисей во всем дому его.* Не вдруг доказывает преимущество (Христа перед Моисеем), — чтобы слушатели не отшатнулись и тотчас же не заткнули ушей, — потому что, хотя они были верующие, но в душе своей еще много были преданы Моисею. *Верна суща,* говорит, *сотворшему его.* Что *сотворшему?* Посланника и первосвященника. Не о существе говорит он здесь, и не о божестве, но пока о преимуществах человеческих. *Якоже и Моисей во всем дому его,* то есть в народе, или в храме. А употребляет это выражение — *в дому его* — так, как иной выразился бы о домашних. Моисей был в народе, как попечитель и распорядитель в доме. Что здесь *домом* он называет народ, видно из прибавления: *егоже дом мы есмы* (ст. 6), то есть мы — создание Его. Затем (показывает) преимущество: *множайшей бо славе сей паче Моисеа сподобися;* и опять (говорит) о плоти: *елико множайшую честь имать паче дому сотворивый его* (ст. 3).

3. И сам (Моисей), говорит, был из этого дома. Не сказал: он был раб, а тот — Владыка, но прикровенно выразил это. Если домом был народ, а сам (Моисей) был из народа, то следует, что он был из этого дома; так и мы обыкновенно говорим: такой-то происходит из такого-то дома. Здесь под домом (апостол) не разумеет храма, потому что не Бог создал его, но люди, а *сотворивый его,* то есть Моисея, есть Бог. Смотри, как он прикровенно показывает превосходство (Христа перед Моисеем): *верен,* говорит, *во всем дому его,* между тем как сам он был из этого дома, то есть из народа. Бóльшую имеет честь перед произведениями художник их, равно как и перед домом — устроивший его. А *сотворивый вся́ческая, Бог* (ст. 4). Видишь, что не о храме говорит, но о всем народе? *И Моисей убо верен бе во всем дому его, якоже слуга во свидетельство глаголатися имевшим* (ст. 5). Вот и

другое преимущество Сына перед рабами! Видишь опять, как он указывает на близость (Христа к Богу Отцу) наименованием *Сына? Христос же, яко же Сын в дому своем* (ст. 6). Замечаешь, как он отличает создание и Создателя, раба и Сына? Этот входит в отеческий дом, как Владыка, а тот, как раб. *Егоже дом мы есмы, аще дерзновение и похвалу упования даже до конца известно удержим* (ст. 6). Здесь опять убеждает их стоять мужественно и не падать; мы будем, говорит, домом Божиим, подобно Моисею, если только упование и надежду, которой хвалимся, твердо сохраним до конца; а кто скорбит в искушениях и падает, тот не может хвалиться; кто стыдится и скрывается, тот не имеет дерзновения; кто печалится, тот недостоин похвалы. Вместе с тем и хвалит их, когда говорит: *аще дерзновение и похвалу упования даже до конца известно удержим*, выражая, что они начали (иметь дерзновение и упование); только нужно (сохранить) до конца, и не просто стоять, но содержать твердую надежду с несомненной верой, не колеблясь искушениями. Не удивляйся, что (о Христе) сказано нечто человеческое в словах: *сам искушен быв* (гл. II, 18). Если об Отце, который не воплощался, в Писании говорится: *Господь с небесе приниче на сыны человеческия видети*, то есть обстоятельно рассмотреть все (Пс. XIII, 2), и еще: *сошед узрю, аще по воплю их совершаются* (Быт. XVIII, 21), и еще: *не может* Бог *терпети злобы человеков* (Иер. XLIV, 22), где священное Писание выражает величие гнева Божия, — то тем более о Христе, который пострадал во плоти, может быть сказано то, что свойственно человеку. Так как многие люди считают опыт самым верным средством к познанию, то (апостол) хочет показать, что (Христос), который сам пострадал, знает, что́ терпит природа человеческая. *Темже*, говорит, *братие святая*. Слово: *темже* употребляет вместо: поэтому. *Звания небеснаго причастницы*. Итак, не ищите ничего здесь, если

вы призваны туда, — потому что там награда, там воздаяние. Что же далее? *Разумейте посланника и святителя исповедания нашего Иисуса Христа, верна суща сотворшему его, якоже и Моисей во всем дому его.* Что значит: *верна суща сотворшему его?* То есть пекущегося, предстательствующего за своих и не допускающего им колебаться каким-нибудь образом. *Якоже и Моисей во всем дому его.* То есть познайте, кто и каков первосвященник наш, и вы не будете иметь нужды в другом утешении или ободрении. Называет Его *посланником* потому, что Он был послан (от Бога Отца); называет первосвященником *исповедания нашего,* то есть веры. Хорошо сказано: *якоже Моисей;* как тому был вверен народ, так и Ему — предводительство народом, хотя высшее и в делах высших. Моисей был слуга, а Христос — Сын; тот имел попечение о (людях) чуждых, а этот — о своих. *Во свидетельство глаголатися имевшим.* Что говоришь ты? Неужели Бог принимает свидетельство от человека? Конечно, так. Если Он призывает во свидетели небо, землю и холмы, когда говорит через пророка: *слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола* (Ис. I, 2); и еще: *слышите дебри, основания земли, яко суд Господень к людем его* (Мих. VI, 2), — то тем более — людей. Что значит: *во свидетельство?* Чтобы свидетельствовать, когда они сделаются бесстыдными: *Христос же якоже Сын.* Тот имел попечение о (людях) чуждых, а этот — о своих. *И похвалу упования.* Хорошо сказано: *упования,* - потому что все блага были еще в надежде; но эту надежду нужно сохранять так, чтобы хвалиться, как бы действительностью. Потому (апостол) говорит: *похвалу упования,* и присовокупляет: *даже до конца известно удержим,* так как мы *упованием спасохомся* (Рим. VIII, 24). Если же мы спасаемся в надежде и ожидаем в терпении, то мы не должны скорбеть о благах настоящих и беспокоиться о тех, которые обещаны в будущем, так как *упование видомое несть упование*

(Рим. VIII, 24). Если, говорит, эти блага велики, то мы не можем получить их здесь, в настоящей кратковременной жизни. Но для чего же (Бог) и предсказал нам об них, если не хотел даровать их нам здесь? Для того, чтобы обещанием привлечь наши души, чтобы надеждой укрепить наше усердие, чтобы ободрить и возвысить наше сердце. С такой именно целью сделано все это.

4. Итак, не будем смущаться; пусть никто не сетует, видя порочных людей благоденствующими. Здесь нет воздаяния ни пороку, ни добродетели; а если иногда и бывает (воздаяние) пороку и добродетели, то не по достоинству их, но слегка, как бы в предвкушении суда, чтобы неверующие воскресению образумились здесь хотя таким образом. Потому, когда мы увидим порочного богатым, не будем падать духом; когда увидим добродетельного страждущим, не будем смущаться, — потому что там венцы, там и наказания. Притом нет такого порочного человека, который был бы совершенно порочным, но и в нем бывает нечто доброе; равно нет и такого добродетельного, который был бы совершенно добродетельным, но и у него бывают некоторые прегрешения. Итак, когда порочный благоденствует, то знай, что это — к погибели собственной головы его; он здесь наслаждается этим для того, чтобы, получив здесь воздаяние за свое малое добро, подвергнуться там полному наказанию. Тем более блажен тот, кто, получая наказание здесь, чтобы отдать долг за все грехи свои, отходит отсюда оправданным, чистым и неповинным. Этому поучает нас Павел, когда говорит: *сего ради в вас мнози немощны и недужливи, и усыпают доволыни* (1 Кор. XI, 30), и еще: *предайте таковаго сатане во измождение плоти, да дух спасется в день он* (1 Кор. V, 5). И пророк говорит: *прият от* руки *Господни сугубы грехи* (Ис. XL, 2); также Давид: *виждь враги моя, яко умножиша-*

ся паче влас главы моея, и ненавидением неправедным возненавидеша мя, и остави вся грехи моя (Пс. XXIV, 19, 18); и еще иной: *Господи Боже наш, мир даждь нам: вся бо воздал еси нам* (Ис. XXVI, 12). Все это доказывает, что добродетельные получают здесь наказания за грехи свои. А где (говорится), что порочные получают здесь добро, чтобы там подвергнуться полному наказанию? Послушай Авраама, готорый говорит богатому: *восприял еси благая твоя в животе твоем, и Лазарь такожде злая* (Лк. XVI, 25). Какие *благая?* Употребляя выражение: *восприял еси,* а не: *приял еси,* он показывает, что оба они получали по заслугам, один благоденствие, а другой бедствия, и говорит: потому он *зде утешается,* – видишь его чистым от грехов, – *ты же страждеши.* Итак, не будем скорбеть, когда видим здесь грешников благоденствующими, и когда сами страждем, будем радоваться, потому что это изглаждает наши грехи. Не будем искать спокойствия, потому что Христос возвестил скорби ученикам своим, и Павел говорит: *вси, хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут* (2 Тим. III, 12). Никто из мужественных борцов во время борьбы не ищет бань и трапезы, обильной яствами и вином; это свойственно не ратоборцу, а человеку изнеженному; ратоборец терпит пыль, (умащение) елеем, жар солнца, многий пот, скорби и тяжесть подвигов. Таково время борьбы, и, следовательно, получения ран, пролития крови и скорбей. Послушай, что говорит блаженный Павел: *тако подвизаюся, не яко воздух бияй* (1 Кор. IX, 26). Будем считать всю жизнь предназначенной для подвигов, не станем никогда искать отдохновения, не станем смотреть на страдания, как на нечто чуждое, потому что и ратоборец, когда он совершает подвиги, не считает этого чуждым для себя. Для успокоения будет другое время; достигать совершенства нам следует посредством скорбей. Если и нет ни гонения, ни притеснения, то

есть другие скорби, которые случаются с нами ежедневно; если мы не переносим последних, то едва ли перенесли бы первые. *Искушение вас не достиже*, говорит (апостол), *точию человеческое* (1 Кор. X, 13). Будем же молиться Богу, чтобы не впасть в искушение, а когда впадем, то будем переносить мужественно. Людям благоразумным свойственно – не подвергать себя опасностям; а мужественным и любомудрым свойственно – стоять твердо, подвергшись опасностям. Потому не будем подвергать себя (опасностям) без нужды, потому что это – знак дерзости; а когда нас вынуждают и когда требуют обстоятельства, не будем уклоняться, потому что это – знак робости; если нас призывает (евангельская) проповедь, то не будем отказываться; просто, без причины, без нужды и без пользы для благочестия, не будем стремиться, потому что это – хвастовство и пустое тщеславие; а если случится что-нибудь вредное для благочестия, то не будем никогда отказываться, хотя бы надлежало претерпеть тысячи смертей. Не вызывайся на искушения, когда дела благочестия идут по твоему желанию, – зачем навлекать на себя излишние опасности, не приносящие никакой пользы?

5. Говорю это из желания, чтобы вы соблюдали заповеди Христа, который повелевает молиться, чтобы не впасть в искушение, и вместе повелевает, взяв крест, последовать Ему. Эти (заповеди) не противоречат одна другой, но весьма согласны между собой. Итак, настрой себя, как храбрый воин, будь всегда с оружием, бодрствуй, трезвись, постоянно ожидай врага; впрочем, сам не производи браней, потому что это свойственно не воину, а бунтовщику. Когда призывает труба благочестия, то немедленно выходи, не жалей души, выступай с великой готовностью на подвиги, ниспровергай ряды противников, сокрушай лицо диа-

вола, воздвигай трофей (победы); а когда благочестие не терпит никакого вреда, когда никто не искажает наших догматов, – разумею касающиеся души, – и когда ничто не принуждает делать неугодное Богу, то не будь слишком рьян. Жизнь христианина должна быть полна крови, но не в смысле пролития чужой крови, а готовности – пролить собственную. Потому будем проливать собственную кровь, когда это нужно за Христа, с таким усердием, как будто бы мы проливали воду, – кровь и есть вода, протекающая в теле, – и свергать с себя плоть с такой готовностью, как будто бы мы снимали одежду. А это случится тогда, когда мы не будем привязываться к имуществу и к жилищам, когда не будем увлекаться пристрастием к (благам) настоящим. Если посвятившие себя военной жизни отказываются от всего и, куда призывает война, туда и отправляются, путешествуют и с охотой терпят все, то тем более нам, воинам Христовым, надобно быть так же готовыми и так же выходить на войну со страстями. Нет ныне гонения, и дай Бог, чтобы никогда не было; но есть другая брань, брань против любостяжания, против зависти и прочих страстей. Описывая эту брань, Павел говорит: *несть наша брань к крови и плоти* (Еф. VI, 12). Эта брань предстоит всегда; потому он желает, чтобы мы были всегда вооруженными: *станите убо*, говорит, *препоясани*, – что может относиться и к настоящему времени, – и внушает, что нужно быть всегда вооруженными. Велика брань против языка, велика против очей, велика против пожеланий: будем удерживать их. Вот почему он с этого и начинает вооружать воина Христова: *станите убо*, говорит, *препоясани чресла ваша*, и прибавляет: *истиною* (Еф. VI, 14). Почему – *истиною?* Потому что пожелание есть обман и ложь, как и Давид сказал в одном месте: *лядвия моя наполнишася поруганий* (Пс. XXXVII, 8). Оно не составляет удовольствия, но только тень удо-

вольствия. Поэтому, говорит, *препоясани чресла ваша истиною,* то есть истинным удовольствием, целомудрием, честностью.

Он знал наглость греха, и потому увещевает ограждать все наши члены. *Не может бо,* говорит (Премудрый), *ярость неправедная оправдитися* (Сир. I, 22); и потому (апостол) заповедует нам ограждаться броней и щитом. Гнев есть зверь, скоро нападающий на нас, и нужно нам много оград и оплотов, чтобы задержать его и преодолеть. Потому-то у нас преимущественно эту часть (грудь) Бог устроил из костей как бы из каких камней, положив ему преграду, чтобы он (гнев) когда-нибудь не расторгнул и, расторгнув, не погубил легко всего человека. Он есть огонь и великая буря, так что другой член (тела) не вынес бы его нападения. И врачи говорят, что для того под сердце подложены легкие, чтобы сердце, ударяясь об эти мягкие части, как бы об губку, могло успокаиваться, — чтобы оно, ударяясь в твердую и жесткую грудь, не повредилось от частых потрясений. Потому нам нужна крепкая броня, чтобы всегда удерживать этого зверя в спокойствии. Нужен нам и шлем на главу, потому что в ней пребывает разум, и от ней можно и спастись, если она будет делать должное, можно и погибнуть, если — недолжное; поэтому (апостол) и говорит: *и шлем спасения* (Еф. VI, 17). Мозг по природе своей мягок; потому он и покрыт сверху теменем, как бы какой черепицей; он бывает у нас виновником всего доброго и злого, смотря по тому, признает ли должное или не должное. Также и ноги и руки наши имеют нужду в оружии, — не эти руки и не эти ноги, а тоже душевные, — чтобы одни исполняли должное, а другие шли, куда следует. Итак, вооружим себя таким образом, и мы будем в состоянии преодолеть врагов и украситься венцом победы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым

Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

Темже, якоже глаголет Дух святый: днесь, аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже в прогневании, во дни искушения в пустыни: идеже искусиша мя отцы ваши, искусиша мя, и видеша дела моя четыредесять лет. Сего ради негодовах рода того, и рех: присно заблуждают сердцем: тии же не познаша путей моих. Яко кляхся во гневе моем: аще внидут в покой мой (Евр. III, 7—11)

1. Упомянув о надежде и сказав, что *дом Его мы есмы, аще дерзновение и похвалу упования даже до конца известно удержим,* Павел далее доказывает, что должно иметь твердую надежду, и уверяет в этом свидетельством Писаний. Будьте же внимательны, потому что он высказал это несколько неясно и неудобовразумительно. Поэтому, сказав наперед все нужное с нашей стороны и кратко изложив вам всю сущность предмета, мы потом обратимся к тому, что написано; и как скоро вы узнаете намерение апостола, то уже не будете иметь в нас нужды. Он говорил о надежде и о том, что должно ожидать будущего и что трудившимся здесь непременно будет некоторая награда, возмездие и успокоение. Теперь он доказывает это свидетельством пророка. Что же говорит он? *Темже, якоже глаголет Дух святый: днесь аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже в прогневании, во дни искушения в пустыни: идеже искусиша мя отцы ваши, искусиша мя, и видеша дела моя четыредесять лет. Сего ради негодовах рода того, и рех: присно заблуждают сердцем: тии же не познаша путей моих. Яко кляхся во гневе моем: аще внидут в покой мой.* Он говорит, что есть три рода по-

коя: один – покой субботы, в который Бог успокоился от дел своих; другой – покой палестинский, когда иудеи (вступив в Палестину) должны были успокоиться от многих бедствий и трудов; третий и истинный покой – царство небесное, которого кто достиг, тот истинно успокоивается от трудов и скорбей. Таким образом он упоминает здесь о трех (родах покоя). Для чего же, рассуждая об одном, он упомянул о трех? Чтобы показать, что пророк сказал о последнем; не о первом сказал он, так как тот был уже давно; и не о втором, бывшем в Палестине, так как и этот уже окончился, а он говорит: *не внидут в покой мой*. Остается третий, о котором он и говорит. Впрочем нужно рассказать эти исторические события, чтобы сделать слова более ясными. (Иудеи) выйдя из Египта, совершив длинный путь и получив тысячи знамений силы Божией, в Египте, на Чермном море, в пустыне, пожелали послать соглядатаев для обозрения свойств (обетованной) земли. Когда же посланные, возвратившись, выразили свое удивление этой земле и сказали, что она обильно приносит превосходные плоды, но что ею обладают люди сильные и непобедимые, тогда неблагодарные и бесчувственные иудеи, вместо того, чтобы вспомнить о прежних благодеяниях Божиих и о том, как Он не только избавил их от опасности, когда они окружены были войсками египетскими, но и доставил им возможность овладеть добычей, также о том, как в пустыне Он рассек камень и даровал обильные потоки воды и ниспосылал манну и, вспомнив обо всех этих и других чудесах, которые Он совершил, иметь веру в Бога, – не подумали ни о чем этом, как будто ничего не было, и, предавшись страху, хотели возвратиться опять в Египет, говоря: вывел нас сюда Бог, чтобы погубить нас с детьми и женами (Исх. XVII, 3; Числ. XX, 4). Потому Бог, разгневавшись на то, что они так скоро забыли о

прошлом, поклялся, что поколение, говорившее это, не достигнет покоя, — и действительно, все они погибли в пустыне. Если же Давид впоследствии, уже после этого поколения, говорил: *днесь, аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже в прогневании,* — для чего? — чтобы вам не потерпеть того же, что потерпели ваши праотцы, и не лишиться покоя, — то ясно, что он указывал в словах своих на какой-то другой покой. Если бы он говорил о достигнутом ими покое, то для чего стал бы опять говорить им так: *днесь, аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже в прогневании?*

Какой же это другой покой, кроме царства небесного, которого образ и подобие есть суббота? Изложив все свидетельство, которое заключается в следующем: *днесь, аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже в прогневании, в дни искушения в пустыни, идеже искусиша мя отцы ваши, искусиша мя, и видеша дела моя четыредесять лет. Сего ради негодовах рода того, и рех: присно заблуждают сердцем: тии же не познаша путей моих, яко кляхся во гневе моем, аще внидут в покой мой,* — (апостол) говорит далее: *блюдите, братие, да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво неверия, во еже отступити от Бога жива* (ст. 12). Неверие бывает от жестокости. Как отвердевшие и грубые тела не уступают усилиям врачей, так и ожесточившиеся души не повинуются слову Божию. Вероятно, между ними были неверовавшие в истину сказанного; потому он и говорит: *блюдите, да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво неверия, во еже отступити от Бога жива.* Так как речь о будущем принимается не с таким убеждением, как речь о прошедшем, то он напоминает им об исторических событиях, в которых также недоставало веры. Если, говорит, отцы ваши, не уповая так, как должно было уповать, потерпели такие бедствия, то тем более (потерпите) вы, потому что и к ним относится сказанное.

Слово: *днесь* означает: *всегда,* пока стоит мир. *Но утешайте себе на всяк день, дондеже днесь нарицается,* то есть назидайте друг друга, исправляйте себя, чтобы (и с вами) не случилось того же. *Да не ожесточится некто от вас лестию греховною* (ст. 13).

2. Видишь ли, что грех производит неверие? Как неверие бывает причиной порочной жизни, так и наоборот, когда душа нисходит во глубину зол, то она делается непослушной, а сделавшись непослушной, не хочет и верить, чтобы заглушить в себе страх. *И реша,* говорит (Писание), *не узрит Господь, ниже уразумеет Бог Иаковль* (Пс. XCIII, 7); и еще: *устны наша при нас суть: кто нам Господь есть* (Пс. XI, 5)? и еще: *чего ради прогнева нечестивый Бога* (Пс. IX, 34)? и еще: *рече безумен в сердце своем: несть Бог. Растлеша и омерзишася в начинаниих* (Пс. XIII, 1); и еще: *несть страха Божия пред очима его:* и еще: *улсти пред ним обрести беззаконие свое, и возненавидети* (Пс. XXXV, 2, 3). И Христос выражает то же самое, когда говорит: *всяк делаяй злая ненавидит света, и не приходит к свету* (Ин. III, 20). Затем (апостол) продолжает: *причастницы бо быхом Христу* (ст. 14). Что значит: *причастницы быхом Христу?* Мы сделались, говорит, причастными Ему; мы и Он стали одно; Он — Глава, а мы — тело Его, сонаследники и сотелесники: мы одно тело с Ним, от плоти Его и от костей Его. *Аще точию начаток состава даже до конца известен удержим. Что* значит: *начаток состава?* Говорит здесь о вере, которой мы существуем, и рождены, и сделались, так сказать, единым существом (с Ним). Потом присовокупляет: *внегда глаголет: днесь аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже в прогневании* (ст. 15). Здесь он делает переход; а далее говорит так: *да убоимся убо, да не когда оставлену обетованию внити в покой его, явится кто от вас лишився. Ибо нам благовествовано есть, якоже и онем* (IV, 1, 2). *Внегда глаголет: днесь аще глас его услышите.* Тут — *днесь* значит: всегда. Потом

присовокупляет: *но не пользова онех слово слуха, нерастворенное верою слышавших* (ст. 2), — объясняя, почему слово не принесло им пользы, именно потому они не получили пользы, что не приложили (своей веры). Далее желая устрашить их, выражает то же самое в следующих словах: *нецыи бо слышавше прогневаша, но не вси изшедшии из Египта с Моисеом. Коих же негодова четыредесять лет? Не согрешивших ли, ихже кости падоша в пустыни? Которым же клялся не внити в покоище его, яве, яко противлшимся? И видим, яко не возмогоша внити за неверствие* (III, 16—19). Повторив свидетельство, он присоединяет вопрос, чтобы сделать слова свои ясными. *Глаголет*, говорит, *днесь аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже в прогневании.* О каких же ожесточившихся он напоминает, о каких не веровавших? Не об иудеях ли? Смысл слов его следующий: и те слышали, говорит, как мы слышим, но не получили никакой пользы. Итак, не думайте, что получите пользу от одного слышания проповеди; и те слышали, но не получили никакой пользы, потому что не веровали. А Халев и Иисус (Навин), которые не смешались с не веровавшими, то есть не были согласны, избегли наказания, постигшего их. И вот, что замечательно: не сказано: не согласились, но: не смешались, то есть не приняли участия в возмущении, тогда как все прочие единогласно восстали. Здесь, мне кажется, (апостол) намекает на какое-нибудь смятение. *Входим бо*, говорит, *в покой веровавшии* (ст. 3). Потом подтверждает это, присовокупляя: *якоже рече: яко кляхся во гневе моем, аще внидут в покой мой, аще и делом от сложения мира бывшим.* Так как иной мог сказать, что эти (слова) показывают не то, что мы войдем, а что они не вошли, то как поступает (апостол)? Сначала он старается показать, что как первый покой не препятствовал другому называться покоем, так и

этот не препятствует покою небесному; а потом желает показать, что (иудеи) не достигли покоя. А что он действительно так говорит, видно из следующего прибавления: *рече бо негде о седмом сице: и почи Бог в день седмый от всех дел своих: и в сем паки: аще внидут в покой мой* (ст. 4, 5). Видишь, как первый не препятствовал быть второму покою? *Понеже убо*, говорит, *остается некиим внити в него, и имже прежде благовествовано бе, не внидоша за непослушание: паки некий уставляет день, днесь, в Давиде глаголя: по толицех летех, якоже прежде глаголася* (ст. 6, 7). Что означают эти слова? Так как кто-нибудь, говорит, непременно должен войти, а те не вошли, то (Бог) определяет иной третий покой. А что должно войти и кто-нибудь непременно войдет, это он, послушаем, каким образом доказывает. (Доказывает) тем, что *по толицех летех* Давид опять говорит: *днесь, аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже в прогневании: аще бо бы онех Иисус упокоил, не бы о ином дни глаголал по сих* (ст. 7, 8). Очевидно, он говорит так потому, что кто-нибудь получит будущее воздаяние. *Убо оставлено есть* и *еще субботство людем Божиим* (ст. 9). Откуда это видно? Из заповеди: *не ожесточите сердец ваших*. Если бы не было иного субботства, то им не было бы заповедано и не было бы повелено не делать того же, чтобы и не потерпеть того же, если бы их не ожидала такая же участь. Как же могли бы потерпеть такую же участь обладающие Палестиной, если бы не было никакого другого покоя?

3. Хорошо (апостол) заключил речь; не сказал: покой, но: *субботство*, употребил собственно такое название, которое радовало его слушателей и нравилось им. А под субботством он разумеет царство. Как в субботу поведено было воздерживаться от всех злых дел и заниматься одними только делами служения Богу, которые

были совершаемы священниками и доставляли пользу душе, и ничем другим, — так (будет) и тогда. Впрочем, он сказал не так, а как? *Вшедый бо в покой его, и той почи от дел своих, якоже от своих Бог* (ст. 10). Как Бог почил, говорит, от дел своих, так (почивает) и вшедший в покой Его. Так как он говорил им о покое, и весьма было желательно услышать, когда будет этот покой, то он и заключает речь таким образом.

Слово: *днесь* сказал он для того, чтобы они никогда не теряли надежды. *Утешайте*, говорит, *себе на всяк день, дондеже днесь нарицается,* — то есть согрешит ли кто, пусть имеет надежду, доколе есть *днесь*. Пусть никто не отчаивается, пока находится в живых. Особенно же, говорит, *да не будет сердце лукаво неверия;* если же и будет, то пусть никто не отчаивается, но исправляет себя, потому что, пока мы находимся в этом мире, *днесь* имеет место. Здесь он говорит не только о неверии, но и о ропоте. *Ихже кости*, говорит, *падоша в пустыни.* Потом, чтобы кто не подумал, что тогда просто только не будет даровано покоя, он присовокупляет и наказание, говоря: *живо бо слово Божие, и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходяще даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным* (ст. 12). Здесь он говорит о геенне и наказании. Слово Божие, говорит, проходит до сокровенных (убежищ) нашего сердца и проникает душу. Здесь будет уже не падение костей, не лишение земли, как там, но (потеря) царства небесного и предание вечной геенне, бесконечному наказанию и мучению. *Но утешайте себе.* Заметь кротость и доброту его; не сказал: укоряйте, но: *утешайте.* Так нам должно поступать с удрученными скорбью! То же он говорит и в послании к Солунянам: *вразумляйте безчинныя;* относительно же малодушных не так, — но как? — *уте-*

шайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем (1 Сол. V, 14). Что значит: *утешайте?* Иначе сказать: не лишайте надежды, не приводите в отчаяние, потому что кто не утешает удрученного скорбью, тот приводит его в большее ожесточение. *Да не ожесточится некто от вас лестию греховною.* Здесь он или разумеет обольщение от диавола, – потому что поистине обольщение – не ожидать ничего в будущем, думать, что наши дела не подлежат отчету, что мы не потерпим наказания за здешние дела свои, и что не будет воскресения, – или же здесь лесть означает беззаботность или отчаяние, – потому что в самом деле обольщение – говорит: что мне остается? я однажды согрешил и не имею надежды исправиться. Далее (апостол) внушает им надежду: *причастницы бо*, говорит, *быхом Христу*, – как бы так говорит: Тот, кто столько возлюбил нас, удостоил нас таких благ, что соделал нас своим телом, не презрит погибающих. Помыслим, говорит, чего мы удостоились: мы и Христос – едино. Не будем же питать неверия к Нему. Здесь он опять намекает на то, что сказал в другом месте: *аще терпим, с ним и воцаримся* (2 Тим. II, 12); это именно означают слова: *причастницы быхом*, то есть мы имеем участие в том, что принадлежит Христу. Он заимствует убеждения то от предметов приятных: *причастницы*, говорит, *быхом Христу*, то от прискорбных: *да убоимся убо, да не когда оставлену обетованию внити в покой Его, явится кто от вас лишився*, – потому что это достоверно и известно. *Искусиша мя*, говорит, *и видеша дела моя четыредесять лет.* Видишь, что не должно требовать отчета от Бога, но веровать Ему, спасает ли Он от бедствий, или нет? И тех он укоряет теперь за то, что они искушали Бога. Ведь тот, кто желает получить доказательства силы, или промышления, или попечения (Божия), еще

не верует, что Он всемогущ и человеколюбив. На это (апостол) намекает и в настоящем послании, так как они, быть может, желали получить удостоверение и доказательство Его силы и промышления о них в искушениях. Видишь, как от неверия всегда происходят раздражение и гнев? Что же он говорит (далее)? *Убо оставлено есть субботство людем Божиим.* Заметь, каков порядок всей его речи. (Бог) поклялся, говорит, древним, что они не войдут в покой, — и они не вошли. Потом, спустя много времени после них, обращаясь к иудеям, сказал: *не ожесточите сердец ваших, якоже отцы ваши.* Отсюда видно, что есть другой покой, потому что не о Палестине здесь говорится, — они уже владели ею, — и не о седьмом дне, — речь не об этом дне, бывшем уже давно. Следовательно, он указывает на некоторый иной, истинный покой.

4. Действительно, это такой покой, в котором нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, в котором нет ни забот, ни трудов, ни скорбей, ни страха, поражающего и потрясающего душу, но есть один страх Божий, исполненный радости. Там не слышатся слова: *в поте лица твоего снеси хлеб твой,* и: *терния и волчцы возрастит тебе* (Быт. III, 18, 19); нет там терний и волчцов; не слышится: *в болезнех родиши чада* и: *к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет* (Быт. III, 16). Все там — мир, радость, веселье, сладость, благость, кротость, правда, любовь. Нет там ни зависти, ни ненависти, ни болезни, ни этой смерти телесной, ни той — душевной, ни мрака, ни ночи; все там день, все — свет, все — наслаждение; нет ни утомления, ни пресыщения, но будет постоянное желание тех же благ. Хотите, чтобы я представил вам некоторое изображение тамошнего состояния? Это невозможно; впрочем, постараюсь изобразить вам его, сколько возможно. Обратим взоры на небо, когда оно, не омрачаемое никаким облаком,

являет нам венец свой; потом, после долговременного созерцания красоты его, представим, что и под нами будет не такая земля, какая теперь, но во столько раз лучшая, во сколько золотой кров лучше глиняных; представим далее следующий затем еще высший кров, потом ангелов, архангелов, неисчислимые сонмы бесплотных сил, само царское жилище Бога, престол Отца. Но невозможно, как я сказал, изобразить всего словом; нужно испытать и познать опытом. Скажите мне: как, полагаете, жил Адам в раю? А та жизнь будет во столько раз лучше этой жизни, во сколько небо лучше земли. Но поищем другого сравнения. Если бы случилось царствующему ныне овладеть всей вселенной, затем не иметь беспокойств ни от войн, ни от забот, а только принимать почести и наслаждаться, окружать себя множеством копьеносцев, отовсюду получать потоки золота, и быть в славе, то в каком состоянии, думаете вы, была бы душа его, если бы он увидел, что войны прекратились по всей земле? Нечто подобное будет и тогда. Впрочем и это еще не дает нам достаточного изображения (будущей жизни); потому надобно поискать другого (сравнения). Представь, что царскому дитяти, которое, доколе находится в утробе, ничего не чувствует, случилось бы, выйдя оттуда, внезапно вступить на царский престол и не постепенно, а вдруг получить все. Таково будет и тогдашнее состояние. Или (оно будет подобно состоянию) узника, который, потерпев множество зол, вдруг был бы возведен на царский престол. Но и таким образом мы еще не представляем точного изображения, потому что здесь, какие бы кто ни получил блага, хотя бы само царство, в первый день чувствует живую радость, и во второй, и в третий, с течением же времени, хотя радость еще остается, но не такая, от привычки она всегда уменьшается, какова бы ни была; а там (радость) не только не

уменьшается, но еще увеличивается. Подумай же, какова она будет, когда душа, отойдя отсюда, не станет ожидать ни прекращения, ни изменения тех благ, а напротив приращения, и (наслаждаться) жизнью, не имеющей конца, свободной от всякой опасности, от всякой заботы и скорби, исполненной удовольствий и бесчисленных благ. Если мы, выйдя в поле и увидев там палатки воинов, одетые покровами, и копья, и шлемы, выпуклости щитов, сияющие блеском, приходим в восхищение от такого зрелища; если, удостоившись притом увидеть и царя, шествующего посреди их, или скачущего на коне с золотым оружием, думаем, что мы достигли всего, — то что, полагаешь ты, будет тогда, когда ты увидишь вечные кровы святых, утвержденные на небе, — ведь сказано: *приимут вы в вечныя* их *кровы* (Лк. XVI, 9), — когда увидишь, что каждый сияет светлее солнечных лучей, не от меди и железа, но от той вечной славы, которой блеска не может видеть глаз человеческий? И это будет с людьми; а что сказать о тьмах ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, престолов, господств, начал, властей, которых красота неизъяснима и превосходит всякое представление? Впрочем, доколе мне усиливаться изображать непостижимое? *Око не виде*, говорит (апостол), *и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим его* (1 Кор. II, 9). Потому нет достойнее сожаления тех, которые лишаются этих благ, и блаженнее тех, которые получают их. Да сподобимся же и мы быть в числе этих блаженных, чтобы нам получить вечные блага во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Потщимся убо внити во оный покой, да не кто в туже притчу противления впадет. Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным: и несть тварь неявлена пред ним, вся же нага и объявлена пред очима его, к нему же нам слово (Евр. IV, 11—13)

1. Великое и спасительное дело — вера; без нее спастись невозможно. Но она не может доставить (спасения) сама по себе, а нужна и правая жизнь. Потому Павел и предлагает людям, уже сподобившимся таинств, такое увещание: *потщимся внити во оный покой. Потщимся*, говорит, потому что (одна) вера недостаточна, а нужно присоединить и (добрую) жизнь, нужно иметь великое тщание. Подлинно, нам нужно великое тщание, чтобы взойти на небо. Ведь если не удостоились (обетованной) земли потерпевшие столько бедствий в пустыне, если они не могли получить земли, потому что роптали и предавались блудодеянию, то как можем мы удостоиться небес, живя рассеянно и беспечно? Потому нам необходимо великое тщание. И смотри, не ту только (апостол) представляет опасность, что иначе мы не войдем (в покой), — не сказал: *потщимся внити в покой,* чтобы не лишиться таких благ, — но присовокупил то, что особенно трогает людей. Что же именно? *Да не кто в туже притчу противления впадет,* – то есть мы должны устремлять туда ум, надежду, ожидание, чтобы не пасть таким же образом. Пример (иудеев) показывает, что мы можем пасть. *Да не в туже притчу*, говорит он; а далее, чтобы ты, услышав выражение: *в туже,* не подумал, будто наказание нам будет то же самое, послушай, что он присовокупляет: *живо бо слово*

Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным. Здесь он внушает, что и (в древности) действовало то же слово Божие, что оно живет и не погибло. Потому, когда слышишь сказанное о слове, не думай о простом слове: оно *острейше*, говорит, *паче меча.* Заметь, какое он делает приспособление, и отсюда научись, для чего и пророки имели нужду говорить об оружии, о луке и мече. *Аще не обратитеся*, говорит (Псалмопевец), *оружие свое очистит, лук свой напряже, и уготова и* (Пс. VII, 13). Если теперь, после столь долгого времени и такого преспеяния, (апостол) не может тронуть одним именем слова, но имеет нужду в этих выражениях, чтобы сильнее представить сравнение, то тем более они нужны были тогда. *Проходящее*, говорит, *даже до разделения души же и духа.* Что это значит? Он выражает нечто страшное: или то, что оно отделяет дух от души, или то, что оно проникает самые бестелесные существа, не так, как меч, который (пронзает) только тело. Он показывает здесь, что оно и душу наказывает, и внутреннейшее испытует, и проникает совершенно всего человека. *И судительно помышлением и мыслем сердечным. И несть тварь неявлена пред ним.* Этим он особенно устрашает их. А смысл слов его следующий: если, говорит, вы стоите в вере, но еще не с полным убеждением, то не предавайтесь спокойствию; оно судит сокровенное в сердце, потому что проходит и туда, чтобы испытывать и наказывать. Но что я говорю, продолжает он, о людях? Хотя бы ты указал на ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и на какие бы то ни было сотворенные существа, — все открыто перед очами Его, все явно и ясно, ничто не может укрыться от Него. *Вся же нага и обявлена пред очима его, к нему же нам слово. Объявлена*, сказал он, заимствовав это переносное выражение

от кож, снимаемых с закалаемых жертв. Когда кто-нибудь, заклав жертву, снимает с животного кожу, тогда все внутренности открываются и делаются видными для наших глаз: так и перед Богом открыто все. Заметь, как часто (апостол) употребляет вещественные образы; это зависело от немощи слушателей. А что они были немощны, это он выразил, когда назвал их *медлительными* (V, 11) и имеющими нужду в молоке, а не в твердой пище. *Вся же нага и обявлена пред очима его, к нему же нам слово.* Что же значит: *в туже притчу противления?* Здесь он как бы объясняет причину, почему (иудеи) не увидели земли. Они, говорит, получили залог силы Божией, но, тогда как следовало веровать, предались более страху, не помыслили ничего высокого о Боге, впали в малодушие, и таким образом погибли. Можно сказать и нечто другое, именно: они, совершив большую часть пути и будучи уже при самих вратах, у самой пристани, потерпели кораблекрушение. Того же, говорит (апостол), я опасаюсь и за вас. Вот что означают слова: *в туже притчу противления.* А что и они много терпели, об этом он свидетельствует после, когда говорит им: *воспоминайте первыя дни, в нихже просветившеся, мног подвиг претерпесте страданий* (X, 32). Итак, пусть никто не предается малодушию, не отчаивается при конце подвига и не падает. А есть, подлинно есть такие люди, которые сначала с живой ревностью устремляются на подвиги, потом же, не желая приложить к ним немногого, теряют все. Предки ваши, говорит, достаточно могут научить вас не впадать в то же, чтобы не потерпеть того же, что потерпели они. Это означают слова: *в туже притчу противления.* Итак, говорит, не будем ослабевать, как он говорит им и в конце: *темже ослабленныя руки и ослабленная колена исправите* (Евр. XII, 12). *Да не кто,* говорит, *в туже притчу противления впадет;* а это поистине значит — пасть.

Потом, чтобы ты, услышав: *в туже притчу противления впадет,* не разумел здесь той же смерти, какой подверглись те (иудеи), смотри, что говорит он: *живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра.* Слово сильнее всякого меча поражает души таких людей, наносит тяжкие удары, причиняет смертельные раны. И ни доказывать это, ни подтверждать (апостол) не имеет нужды, представляя столь ясные события. Какая в самом деле война, говорит, какой меч погубил тех (иудеев)? Не пали ли они просто сами собой? Итак, не будем предаваться беспечности потому, что мы еще не потерпели того же: *дондеже днесь нарицается,* нам нужно быть осторожными. Но высказав такие (действия слова) на душу, чтобы слушатели не остались беспечными, он присовокупляет и (действия его) на тело; подобно тому, как царь поступает с начальниками, совершившими важные преступления, — сперва лишает их военачальства, потом снимает с них пояс и звание, и наконец, призвав глашатая, наказывает их, — так действует и меч духовный. После этого, чтобы сделать слова свои более поразительными, беседует о Сыне и говорит: *к нему нам слово,* то есть Ему мы отдадим отчет в делах. Итак, не будем падать и предаваться малодушию. Сказанного достаточно для вразумления; но он не довольствуется этим, а присовокупляет еще следующее: *имуще убо архиереа велика, прошедшаго небеса, Иисуса Сына Божия* (ст. 14).

2. А что действительно с такой целью он сказал это, видно из дальнейшего: *не имамы бо,* прибавляет он, *архиереа не могуща спострадати немощем нашим* (ст. 15). Для того же он и выше сказал: *в немже бо пострада, сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр. II, 18). Смотри, как и здесь он делает то же самое. Смысл слов его следующий: (Христос) прошел тем же путем, которым мы идем теперь, или даже труднейшим; Он испытал все

человеческое. Когда (апостол) сказал: *несть тварь неявлена пред Ним,* то указывает на божество; а когда стал говорить о плоти Его, то опять говорит нечто уничиженное: *имуще убо,* говорит, *архиерея велика, прошедшаго небеса;* показывает великое Его попечение (о людях), о которых Он ходатайствует, как о своих, и не хочет, чтобы они падали. Моисей, говорит, не вошел в покой, а Он вошел; и каким образом, это я объясню. Впрочем, не удивительно, что (апостол) нигде прямо не выразил этого: он или для того, чтобы (евреи) не думали искать себе оправдания, включил (Моисея) в число других, или для того, чтобы не подумали, будто он порицает этого мужа, не выразился ясно, – потому что если они, хотя он не сказал ничего подобного, обвиняли его, будто он говорит против Моисея и закона, то гораздо более стали бы обвинять, если бы он сказал, что (покой есть) не Палестина, а небо. Впрочем он не все приписывает Первосвященнику, но требует некоторого дела и от нас, именно: исповедания. *Имуще убо,* говорит, *архиерея велика, прошедшаго небеса, Иисуса Сына Божия, да держимся исповедания.* О каком исповедании говорит он? (Об исповедании того), что есть воскресение, воздаяние и бесчисленные блага, что Христос есть Бог, что (наша) вера – правая: это мы должны исповедовать, это содержать. Истинность всего этого очевидна из того, что первосвященник вошел (в небо) (Евр. IX, 24). Итак, будем исповедовать, чтобы нам не отпасть; хотя этих благ (здесь) и нет, но мы будем исповедовать; если бы они были теперь же, то были бы ложью. Истинно и то, что они отложены, потому что Первосвященник наш велик: *не имамы бо архиерея не могуща спострадати немощем нашим.* Он не не знает нашего состояния, как многие из первосвященников, которые не знают (не только) страждущих, но и того, что такое страдание. У людей невозможно знать страданий страждущего тому, кто

сам не испытал и не прочувствовал их. А наш Первосвященник испытал все; для того Он наперед и испытал все, а потом восшел, чтобы смочь сопострадать. *Но искушена по всяческим по подобию, разве греха.* Как выше (апостол) сказал: *приискренне* (Евр. II, 14), так и здесь: *по подобию,* то есть, Он подвергался гонению, заплеванию, поношению, осмеянию, клевете, изгнанию, и наконец распятию. *По подобию, разве греха.* Здесь внушает и нечто другое, именно то, что и находящемуся в скорби возможно быть без греха. Когда он говорит: *по подобию плоти,* то говорит не в том смысле, будто (Христос принял) подобие плоти, а в том, что Он принял плоть. Почему же говорит: *по подобию?* Потому что имеет в виду греховную плоть; Его плоть была подобна нашей плоти; по естеству она была одинакова с нашей, а в отношении к греху не одинакова. *Да приступаем убо с дерзновением к престолу благодати Его, да приимем милость, и благодать обрящем во благовременну помощь* (ст. 16). О каком престоле благодати говорит он? О царском престоле, о котором *сказано: рече Господь Господеви моему: седи одесную мене, дондеже положу враги твоя подножие ног твоих* (Пс. CIX, 1). Он как бы так говорит: будем приступать с дерзновением, потому что мы имеем безгрешного Первосвященника, побеждающего вселенную: *дерзайте,* сказал Он, *яко Аз победих мир* (Ин. XVI, 33); это значит – потерпеть все и быть чистым от грехов. Но, скажете, если мы находимся под грехом, а Он безгрешен, то как мы будем приступать к Нему с дерзновением? Так, что (престол Его) теперь есть престол благодати, а не суда.

Для того и будем приступать с дерзновением, чтобы получить милость, которой мы желаем; а это (желаемое нами) есть именно Его милость и царский дар. *И благодать обрящем во благовременну помощь.* Хорошо сказал: *во благовременну помощь.* Если, говорит, присту-

пишь теперь, то получишь и благодать и милость, потому что приступишь благовременно; а если приступишь тогда, то уже не получишь, потому что тогда приступать будет неблаговременно; тогда (престол Его) уже не будет престолом благодати. Престол благодати существует дотоле, пока сидит на нем Царь, подающий благодать; а когда наступит кончина, тогда Он встанет на суд, потому что сказано: *воскресни Боже, суди земли* (Пс. LXXXI, 8). Можно (здесь) сказать и нечто другое: *да приступаем*, говорит, *с дерзновением*, то есть, не имея на совести ничего худого, не предаваясь сомнению, потому что таковой (сомневающийся) не может приступать с дерзновением. Поэтому и в другом месте сказано: *во время приятно послушах тебе, и в день спасения помогох ти* (Ис. XLIX, 8). И теперь получаемое согрешающими после купели (прощение через) покаяние есть дело благодати. А чтобы ты, услышав, что Он – Первосвященник, не подумал, будто Он стоит (перед Богом, апостол) здесь же представляет Его сидящим на престоле; между тем священник не сидит, но стоит. Видишь ли, что первосвященство Его есть следствие не существа Его, а благодати, снисхождения и уничижения? Это благовременно сказать теперь и нам: будем приступать и просить с дерзновением, принесем только веру, и Он подаст нам все. Теперь время дара; никто не отчаивайся. Время отчаяния тогда настанет, когда чертог заключится, когда царь войдет видеть возлежащих, когда лоно патриарха вместит тех, которые будут того достойны; а теперь еще нет, потому что подвиги еще не кончились, борьба еще продолжается, награда еще предстоит.

3. Поспешим же; и Павел говорит: *аз убо тако теку, не яко безвестно* (1 Кор. IX, 26). Нужно бежать, и неослабно бежать. Бегущий не смотрит ни на что, встречает ли он луга, или места бесплодные. Бегущий обра-

щает внимание не на зрителей, а на награду: богаты ли они или бедны, смеется ли кто, или хвалит, поносит ли, бросает ли камни, расхищает ли дом его, увидит ли он детей, или жену, или что бы то ни было, — он никогда не обращается назад, но заботится только об одном — бежать и получить награду. Бегущий не останавливается нигде, — потому что, если покажет хотя малое нерадение, то потеряет все. Бегущий не только не ослабевает перед концом (бега), но тогда и старается бежать с особенной силой. Это я сказал против тех, которые говорят: в юности мы подвизались, в юности мы постились, а теперь состарились. Теперь-то особенно и нужно усилить благочестие. Не исчисляй мне своих старых подвигов; но теперь особенно и будь юным и цветущим. Кто занимается телесными подвигами, тот действительно, дожив до седины, уже не может бежать по-прежнему, потому что весь подвиг его был телесный.

Но ты почему уменьшаешь подвиги? Здесь нужна душа, бодрая душа; а душа в старости укрепляется, — тогда она более цветет, тогда более возвышается. Как тело, когда бывает одержимо горячкой и другими болезнями, хотя бы оно и было крепко, изнуряется, а когда освободится от этой напасти, то опять приобретает свою силу, так и душа, в юности бывает одержима горячкой, ею тогда особенно обладает любовь к славе, к пресыщению, к сладострастным наслаждениям и многим другим обольщениям; когда же наступает для нее старость, тогда все эти страсти отгоняются, одни временем, другие любомудрием. Старость, ослабляя силы тела, препятствует и душе (старцев) предаваться страстям, хотя бы она и желала, но укрощая их, как каких-нибудь врагов, поставляет ее на месте, свободном от волнений, производит в ней великую тишину и внушает великий страх, так как если не кто другой, то

старцы знают, что они умрут и всячески, стоят близко к смерти. Таким образом, когда с одной стороны возникают мирские пожелания, а с другой является ожидание судилища, укрощающее непокорность души, то она делается более внимательной, если захочет. Но не видим ли мы, скажешь ты, стариков, которые хуже юношей? Ты указываешь мне на крайнюю порочность: ведь и бесноватых мы видим, – как они сами, без всякого (постороннего) толчка, бросаются в пропасти. Так точно крайняя порочность, когда старик страдает болезнями юношей; он уже не имеет оправдания в (ссылке на) юность, не может сказать: *грех юности моея и неведения моего не помяни* (Пс. XXIV, 7). Оставаясь порочным в старости, он показывает, что в юности он был таким не по неведению, не по неопытности, не по (молодому) возрасту, а по нерадению. Только тот может сказать: *грех юности моея, и неведения моего не помяни,* кто поступает прилично старцу, кто в старости исправился; а кто и в старости бесчинствует по-прежнему, то можно ли такому человеку и называться старцем, когда он не почитает даже своего возраста? Ведь тот, кто говорит: *грех юности моея и неведения моего не помяни,* говорит это, как человек, живущий в старости правильно.

Потому делами старости не лишай себя прощения и во грехах юности. В самом деле, не нелепо ли, не выходит ли из пределов прощения то, что совершается? Старец упивается, сидя в корчемницах; старец спешит на конские ристалища; старец приходит на зрелища, бегая с толпой, как дитя! Поистине стыдно и смешно – по наружности украшаться сединой, а внутри иметь детский смысл. Если какой-нибудь юноша оскорбит его, то он тотчас ставит на вид свои седые волосы. Постыдись же их наперед сам ты. Если же ты не стыдишься своей седины, и при том будучи старцем, то

как требуешь, чтобы юноша стыдился твоих седых волос? Ты не чтишь седых волос своих, а позоришь их. Бог почтил тебя сединой, даровал тебе важное преимущество: почему же ты сам поступаешься своей честью? Как станет почитать тебя юноша, когда ты больше его предаешься сладострастию? Седина тогда почтенна, когда украшенный ею действует так, как прилично седине; а когда он бесчинствует подобно юношам, тогда бывает смешнее юношей. Как можете увещевать юношей вы, старцы, упивающиеся до безчиния? Говорю это не с тем, чтобы укорять старцев — да не будет, — но (чтобы исправить) юношей, потому что поступающие таким образом, кажется мне, суть юноши, хотя бы они вступили в сотый год своей жизни; равно как и юноши, хотя бы они были маловозрастными детьми, если ведут себя целомудренно, гораздо лучше старцев. Не мои это слова, но Писание полагает между ними такое различие: *старость бо*, говорит оно, *честна не многолетна, и возраст старости житие нескверно* (Сол. IV, 8, 9).

4. Мы почитаем седину не потому, что предпочитаем белый цвет черному, но потому, что она — знак добродетельной жизни; взирая на нее, мы заключаем от ней к седине внутренней. Потому те, которые совершают дела, недостойные седины, становятся еще более смешными. Мы почитаем царя, и его багряницу и диадему, потому что они — знаки власти; если же увидим, что он вместе с багряницей подвергается бесчестью, оскорбляется оруженосцами, притесняется, ввергается в темницу, терзается, то, скажи мне, будем ли мы почитать багряницу его и диадему? Не будем ли напротив оплакивать само его украшение? Так и ты не требуй себе почтения ради седины, когда сам подвергаешь ее бесчестью; она ведь тоже может потребовать от тебя отчета за то, что ты позоришь столь светлое и досто-

уважаемое украшение. Не о всех мы говорим это и не просто против старости направляем речь свою, – я не забылся до такой степени, – но против юных душ, позорящих старость; не о старцах мы с прискорбием это говорим, но о тех, которые бесчестят свою седину. Старец есть царь, если захочет быть им, и даже царь более облеченного в багряницу, если повелевает страстями, если низводит страсти свои в ряд оруженосцев. Если же он увлекается и низлагается с престола, если становится рабом любостяжания, тщеславия, щегольства, пресыщения, пьянства, гнева и сладострастия, если умащает волосы свои елеем и явно бесчестит возраст своими прихотями, то какого наказания не достоин такой (старец)? Впрочем не будьте такими и вы, юноши; и вам непростительно, когда вы грешите. Почему? Как старец может оказаться в юности, как находящиеся в старости бывают юношами, так и наоборот; и как там убеленные волосы не спасают никого, так и здесь черные волосы не служат препятствием. Если старца бесчестят дела, о которых я сказал, то тем более юношу; и юноше они не могут быть простительны. Юноша может получить извинение, когда, призванный к управлению делами, окажется неопытным, когда будет иметь нужду во времени и опыте, но не тогда, когда он должен оказывать целомудрие и мужество, или когда должен воздерживаться от любостяжания. Есть дела, в которых юноша осуждается более старца. Этот имеет нужду в большем о себе попечении, потому что старость ослабляет силы его; а тот, имея силы, если захочет, удовлетворять своим потребностям, может ли получить прощение, когда он не хочет этого, когда похищает более старца, злопамятствует, презирает (других), не заботится (о них) более старца, говорит многое безвременно, обижает, злословит, упивается? Если он думает, что не может быть осуждаем за нарушение целомудрия,

то и здесь, смотри, как много имеет он средств (к его сохранению), если захочет. Хотя похоть в нем возбуждается сильнее, нежели в старце, но есть многое такое, что он может исполнять легче старца, и укрощать этого зверя. Что же это такое? Труды, чтение, всенощные бдения, посты.

Но, (скажете) для чего ты говоришь это нам, не монахам? Мне вы говорите это? Скажите лучше Павлу, который говорит: *бодрствующе* во всяком терпении и молитве (Кол. IV, 2), который говорит: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. XIII, 14); а он писал это не монахам только, но всем, живущим в городах. Мирянин не должен ничем отличаться от монаха, кроме одного только сожительства с женой; на это он имеет позволение, а на все прочее нет, но во всем должен поступать одинаково с монахом. И блаженства Христовы изречены не монахам только; иначе все погибло бы во вселенной, и мы могли бы укорять Бога в жестокости. Если блаженства сказаны только для одних монахов, и мирянину достигнуть их невозможно, а между тем (Бог) дозволил брак, то Он сам погубил всех; если в брачной жизни невозможно исполнять свойственное монахам, то все исказилось и погибло, круг добродетелей стал тесен. Как будет *честна женитьба* (Евр. XIII, 4), если она служит нам таким препятствием к добродетели? Что же следует сказать? Возможно, очень возможно и имеющим жен быть добродетельными, если пожелают. Каким образом? Если они, имея жен, будут, *якоже не имущии,* если не будут *радоваться* стяжаниям, если будут пользоваться миром, как не пользующиеся (1 Кор. VII, 29–31). Если же некоторые находили в браке препятствие (к добродетели), то пусть они знают, что не брак служит препятствием, а воля, злоупотребляющая браком, подобно как не вино производит пьянство, но злая воля и неуме-

ренное его употребление. Пользуйся браком умеренно, и ты будешь первым в царстве небесном и удостоишься всех благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Всяк бо первосвященник, от человек приемлем, за человеки поставляется, яже к Богу, да приносит дары же и жертвы о гресех, спострадати могий невежествующим и заблуждающим, понеже и той немощию обложен есть: и сего ради должен есть якоже о людех, такожде и о себе приносити за грехи (Евр. V, 1—3)

1. Теперь блаженный Павел намеревается показать, что этот (Новый) Завет гораздо лучше Ветхого. Он делает это, развивая мысли издалека. Так как (в Новом Завете) не было ничего вещественного или образного, как-то: ни храма, ни святого святых, ни священника, облаченного в такие украшения, ни законных обрядов, но все высшее и совершеннейшее, не было ничего телесного, но все духовное, а духовное не так сильно действует на людей немощнейших, как телесное, поэтому (апостол) и предлагает все это учение. И посмотри на мудрость его: он начинает с первого священника, постоянно называя его архиереем, и на нем прежде всего показывает различие (между Новым и Ветхим Заветами). Для этого он сначала определяет, что такое священник, показывает, какие свойства священника и какие знаки священства; и так как здесь встречалось недоумение в том, что (Христос) не был знатного рода, не происходил из священнического колена и не был на

земле священником, и потому иные могли сказать: какой же Он священник? – то (апостол) поступает и теперь так же, как в послании к Римлянам. Там он, раскрывая неудобопонятную истину, что вера совершает то, чего не мог совершить труд законный и подвиг жизни, и желая доказать, что казавшееся невозможным исполнилось и оправдалось, указал на патриарха (Авраама) и всю речь обратил к тому времени (Рим. IV). Так точно и здесь он указывает другой путь к священству, представляя в пример тех, которые получали его прежде. Как в речи о наказании он поставляет на вид не только геенну, но и то, что случилось с праотцами, так точно и здесь сначала подтверждает истину предметами настоящими. Хотя следовало бы доказывать земное небесным, но так как слушатели были немощны, то он делает наоборот. При этом он наперед представляет то, что есть общего (между Христом и священником), а потом показывает, в чем Он имеет преимущество, так как при сравнении преимущество усматривается тогда, когда видно, в чем сходство и в чем превосходство; а если этого нет, то не может быть и сравнения. *Всяк бо первосвященник от человек приемлемь;* это – общее у Христа (со священником). *За человеки поставляется, яже к Богу;* и это общее. *Да приносит дары же и жертвы* за народ; и это (общее), хотя не вполне. Но остальное уже не таково. *Спострадати могий невежествующим и заблуждающим;* здесь уже преимущество. *Понеже и той немощию обложен есть, и сего ради должен есть якоже о людех, такожде и о себе приносити за грехи.* Далее присовокупляет еще нечто иное, именно, что (священник получает священство) от другого, а не сам присвояет его себе; и это – общее: *и никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон* (ст. 4). Здесь он предостерегает от другого (заблуждения) и показывает, что (Христос) был послан от Бога. То же

часто говорил и сам Христос в беседе с иудеями: *пославый мя болий мене есть*, и: *не о себе приидох* (Ин. VIII, 42). Здесь, кажется мне, он также намекает на иудейских священников, как на неистинных священников, присвоивших себе (сан) и нарушавших закон священства. *Тако и Христос не себе прослави быти первосвященника* (ст. 5). Когда же, скажете, Он был рукоположен? Аарон был рукополагаем неоднократно, именно, при прозябении жезла и при нисшествии огня, истребившего тех, которые хотели присвоить себе священство; а здесь подобные люди не только не терпят ничего такого, а напротив пользуются доброй славой. Откуда же (священство Христово)? Это он доказывает пророчеством. (Священство Христово) не имеет в себе ничего чувственного, ничего видимого; потому он и доказывает его пророчеством и во времени будущем: *но глаголавый*, говорит, *к нему: Сын мой еси ты, аз днесь родих тя*. Сыну ли сказано это? Да, говорит, это сказано Сыну. Но способствует ли это к разрешению вопроса? И очень, потому что в этом заключается предуготовление к рукоположению от Бога. *Якоже и инде глаголет: ты еси священник во век, по чину Мелхиседекову* (ст. 6). Кому сказано это? Кто по чину Мелхиседекову? Никто другой, как Он, потому что все другие были под законом, все соблюдали субботу, все обрезывались: никого другого, говорит, никто указать не может. *Иже во днех плоти своея, моления же и молитвы к могущему спасти его от смерти, с воплем крепким и со слезами принес, и услышан быв от благоговеинства. Аще и Сын бяше, обаче навыче от сих, яже пострада, послушанию* (ст. 7, 8). Видишь ли, что объясняет здесь не что иное, как попечение и преизбыток любви (Христовой)? Что в самом деле значит: *с воплем крепким?* Евангелие нигде не говорит ни того, что (Христос) молясь плакал, ни того, что Он издавал вопль. Видишь ли, что этим означается Его снисхождение? Потому

(апостол) не нашел достаточным сказать, что Он молился, но и — *с воплем крепким. И услышан быв*, говорит, *от благоговеинства. Аще и Сын бяше, обаче навыче от сих, яже пострада, послушанию: и совершився бысть всем послушающим его виновен спасения вечнаго, наречен от Бога первосвященник, по чину Мелхиседекову* (ст. 9, 10). Пусть: *с воплем*, но для чего: *с крепким? И со слезами принес*, говорит, *и услышан быв от благоговеинства.* Да устыдятся еретики, отвергающие действительность плоти (Христовой). Что говорит (апостол)? Сын Божий был *услышан от благоговеинства.* Что же сказать о пророках? И какая последовательность в словах: *услышан быв от благоговеинства*, и дальнейших: *аще и Сын бяше, обаче навыче от сих, яже пострада, послушанию?* Кто может сказать это о Боге? Кто так безумен? Какой сумасшедший может утверждать это? *И услышан быв*, говорит, *от благоговеинства. Аще и Сын бяше, обаче навыче от сих, яже пострада, послушанию.* Какому Он научился послушанию? Оказав еще прежде этого послушание даже до смерти, как Сын Отцу, как Он после научился послушанию?

2. Видишь ли, что это сказано о плоти? И почему, скажи мне, Он молился Отцу об избавлении от смерти, был прискорбен и говорил: *аще возможно есть, да мимоидет от мене чаша сия* (Мф. XXVI, 39)? О воскресении же Он никогда не молился Отцу, а напротив сам от Себя говорит: *разорите церковь сию и треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19); и еще: *область имам положити душу мою, и область имам паки прияти ю: никтоже возмет ю от мене, но аз полагаю ю о себе* (Ин. X, 18). Что это значит? Почему Он молился? И в другом месте Он говорит: *се восходим во Иерусалим, и сын человеческий предан будет архиереом и книжником, и осудят его на смерть, и предадят его языком на поругание и биение и пропятие, и в третий день воскреснет* (Мф. XX, 18, 19); а не говорит: воскресит Меня Отец. Почему же о том Он молился? Но о ком Он мо-

лился? О верующих в Него. Смысл слов (апостола) следующий: Он скоро бывает услышан. Так как (слушатели) не имели надлежащего о Нем понятия, то и говорит, что Он был *услышан,* – как и сам Он в утешение ученикам говорил: *аще бысте любили мя, возрадовалися бысте убо, яко иду ко Отцу* моему, *яко Отец мой болий мене есть* (Ин. XIV, 28). Почему же не сам прославил Себя Тот, кто сам истощил Себя и предал Себя (на смерть)? Он ведь отдал *себе,* говорит Писание, *по гресех наших* (Гал. I, 4); и еще: *давый себе избавление за всех* (1 Тим. II, 6). Что же это значит? Очевидно, что Он имел в виду плоть свою, когда говорил о Себе уничиженное. Так и здесь (апостол) говорит: *аще и Сын бяше, услышан быв от благоговеинства,* желая показать, что это было более Его заслугой, нежели делом благодати Божией. Таково, говорит, было Его благоговение, что и за это Бог почтил Его. *Навыче,* говорит, *послушанию.* Здесь он опять показывает, какова бывает польза от страданий. *И совершився, бысть всем послушающим его виновен спасения.* Если Он, будучи Сыном, получил пользу от страданий, научившись послушанию, то тем более (можем получить) мы. Видишь ли, как много (апостол) говорит о послушании, чтобы они были покорными? Мне кажется, что они часто оказывали непокорность и не следовали тому, что им говорилось; на это он намекает словами: *немощни бысте слухи. От сих,* говорит, *яже пострада,* Он постоянно научался повиноваться Богу. *И совершився,* то есть посредством страданий. Вот в чем состоит совершенство, вот через что следует достигать совершенства! И не только сам Он спасся, но и для других это обильно послужило во спасение. *Совершився,* говорит, *бысть всем послушающим его виновен спасения вечнаго. Наречен от Бога первосвященник, по чину Мелхиседекову. О немже многое нам слово и неудобь сказаемое* (ст. 11). Намереваясь говорить о различии священства, он наперед обличает их, внушая,

что такой снисходительный образ речи есть молоко, что по младенчеству их он более занимается уничиженным учением о плоти и говорит о Нем, как о каком-либо праведнике. Притом, смотри, он и не умолчал об этом совершенно, и не высказал всего; первое сделал для того, чтобы возвысить их ум, убедить их стремиться к совершенству и не оставаться в неведении высоких догматов, а второе для того, чтобы не обременить ума их. *О немже*, говорит, *многое нам слово и неудобь сказаемое глаголати, понеже немощни бысте слухи. Неудобь сказаемое* потому, что не слушают. Кто имеет дело с людьми невнимательными и не понимающими преподаваемого, тот не может вполне объяснить им учения. Может быть, кто-нибудь из вас, стоящих здесь, смущается и считает несчастьем то, что (апостол) в евреях нашел препятствие преподать совершеннейшее учение. Хотя и здесь, я думаю, за исключением немногих, немало таких же, так что и о вас можно сказать то же самое, все же я буду говорить и для немногих. Итак, точно ли он умолчал, или после объяснил, подобно тому, как он сделал в послании к Римлянам? Там он, заградив наперед уста прекословившим и сказав: *темже убо, о человече, ты кто еси против отвещаяй Богови* (Рим. IX, 10), потом предложил разрешение. Так и здесь, кажется мне, он и не вовсе умолчал и не высказал всего, чтобы возбудить в слушателях усердие. Напомнив им, что в словах его заключается нечто великое, смотри, как он вместе с похвалой соединяет обличение. Так всегда поступал мудрый Павел, смешивая неприятное с полезным. Например, в послании к Галатам он говорит: *течасте добре: кто вам возбрани* (Гал. V, 7)? и еще: *толика пострадасте туне? аще точию и туне* (Гал. III, 3); и еще: *аз надеюся о вас в Господе* (Гал. V, 10). То же он говорит и им (евреям): *надеемся же о вас лучших и придержащихся спасения* (Евр. VI, 9). Таким образом он достигает

двух целей: и не слишком напрягает (ум), и не дозволяет им упасть (духом). Так и должно быть: если примеры других могут ободрить слушателя и возбудить в нем соревнование, то, когда кто находит пример в самом себе, когда повелевается ему соревновать с самим собой, тогда удобоисполнимость учения открывается гораздо более. Потому он внушает и это, не дозволяет им падать (духом) от сильного обличения и не говорит им так, как будто они всегда были недобрыми, но выражает, что некогда они были и добрыми. *Ибо должни суще быти учители лет ради* (ст. 12). Здесь он показывает, что они уверовали уже давно, и потому внушает, что они должны наставлять и других. Заметь, как он часто принимается говорить о первосвященнике и постоянно откладывает это; послушай именно, как он начал: *имуще архиерея велика, прошедшаго небеса;* и не сказав, как — *велика,* далее говорит: *всяк бо первосвященник, от человек приемлемъ, за человеки поставляется яже к Богу;* и еще: *тако и Христос не себе прослави быти первосвященника.* Потом сказав: *ты еси священник во век по чину Мелхиседекову,* опять откладывает речь об этом и говорит: *иже во днех плоти своея моления и молитвы принес.*

3. Так как он столько раз отклонялся (от главного предмета), то, как бы оправдываясь, говорит: причина этого — в вас. Увы какая несообразность. Те, которые должны были учить других, оставались не только учениками, но и последними из учеников. *Ибо должни суще,* говорит, *быти учители лет ради, паки требуете учитися, кая писмена начала словес Божиих. Писменами начала* он называет здесь учение о человечестве (Христовом). Как во внешних науках прежде всего должно изучить письмена, так и в слове Божием прежде должно узнать учение о человечестве. Видишь ли, по какой причине Павел говорит об уничиженном? Так он поступил и с афинянами, когда беседовал с ними: *лета убо,* говорил он,

неведения презирая Бог, ныне повелевает человеком всем всюду покаятися, зане уставил есть день, в оньже хощет судити вселенней в правде, о муже, егоже предустави, веру подая всем, воскресив его от мертвых (Деян. XVII, 30, 31). Потому, если он что говорит о высоком, говорит кратко; а уничиженное рассеяно во многих местах послания. Таким образом открывается и высокое, потому что весьма уничиженное никак не может быть относимо к божеству. Точно так и здесь, соблюдая точность, он излагает уничиженное в отношении к человечеству; и причина в том, что слушатели его не могли воспринять совершенного. Это он особенно выразил в послании к Коринфянам, когда сказал: *идеже бо в вас зависти и рвения и распри, не плотстии ли есте* (1 Кор. III, 3)? И посмотри на великую мудрость его, как он всегда обращается соответственно господствующим болезням. Там слабость происходила по большей части от невежества и еще более от пороков, а здесь не только от пороков, но и от постоянных скорбей; потому он употребляет и выражения такие, которые могут показать это различие, — там он сказал: *плотстии есте* (1 Кор. III, 2), а здесь, где более было скорбей, говорит: *немощни бысте.* Те не могли принять, потому что были плотскими; а эти могли, — словами: *понеже немощни бысте слухи,* он выражает, что некогда они были здоровы, сильны, горели ревностью, и свидетельствует, что уже впоследствии они подверглись такой болезни. *И бысте требующе млека, а не крепкия пищи.* Молоком он везде называет уничиженное учение, и здесь и там. *Должни суще,* говорит, *быти учители лет ради;* как бы так говорит: потому самому, отчего вы особенно ослабели и сделались немощными, вы и должны быть особенно сильными — *лет ради.* А молоком он называет уничиженное учение потому, что оно приличествует немощнейшим; совершеннейшим же оно ненужно и долго останавливаться на нем им вредно.

Потому теперь не должно привносить того, что было под законом, и не должно почитать (Христа) равным (священнику) потому, что и Он первосвященник, что и Он принес жертву и молился с воплем и слезами. И смотри, как это нам кажется неудобоприемлемым; а их тогда питало и нисколько не казалось для них неудобоприемлемым. Таким образом слово Божие есть истинная пища, питающая душу. А что слово (Божие) есть пища, это видно из следующего. *И послю,* сказал (Господь), *глад на землю, не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня* (Ам. VIII, 11). *Млеком вы напоих, а не брашном* (1 Кор. III, 2). Не сказал: напитал (а: *напоих),* внушая, что это – не пища; выразился так, как бы о малых детях, которые не могут питаться хлебом, для которых это не питье, но пища служит им вместо питья. Так точно и здесь. Не сказал: имеете нужду, но: *бысте требующе млека, а не крепкия пищи,* – то есть вы хотели, вы сами довели себя до такого состояния, до такой нужды. *Всяк бо причащаяйся млека неискусен слова правды: младенец бо есть* (ст. 13). Что значит: *слова правды?* Здесь, мне кажется, он намекает и на образ жизни. Подобным образом и Христос сказал: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей* (Мф. V, 20). Так и он говорит: *неискусен слова правды,* то есть неопытный в вышнем любомудрии, не могущий вести высшей и совершенной жизни. Или здесь правдой он называет Христа и высокое о Нем учение. Сказав: *немощни бысте слухи,* он не прибавил, отчего это, а предоставил им самим уразуметь, не желая сделать слова свои тягостными. В послании же к Галатам он выразил свое удивление и недоумение (Гал. I, 6), что́ гораздо более могло послужить к их утешению, когда то же случилось с ними, как бы сверх его чаяния, – в этом и состоит недоумение. Видишь ли, что есть другое младенчество и другое совершенство (кроме телесного)? Постараем-

ся же быть совершенными этим совершенством; можно и в детском и в юношеском возрасте достигнуть этого совершенства, потому что оно — дело не природы, а добродетели. *Совершенных же есть твердая пища, имущих чувствия обучена долгим учением в разсуждение добра же и зла* (ст. 14). Что это значит? Разве они не имели изощренных чувств и не знали, что добро и что зло? Не о жизни говорит он в словах: *в разсуждение добра же и зла,* — знать это всякому человеку возможно и легко, — но о правых и высоких догматах, также неправых и низких учениях. Дитя не умеет различать худой и хорошей пищи, часто берет себе в рот грязь, принимает вредное и делает все без рассуждения. Но это — не совершенство. Таковы те, которые слушают все без различия и склоняют слух к нелепым учениям без рассуждения. Их он и обличает, как людей, непрестанно колеблющихся и предающихся то тем, то другим. На это он намекает и в конце послания, когда говорит: *в научения странна и различна не прилагайтеся* (Евр. XIII, 9). Вот что значит: *в разсуждение добра же и зла.* Гортань вкушает яства, а душа уразумевает учения.

4. Итак, будем учиться и мы. Если ты услышишь, что (какой-нибудь еретик) — не язычник и не иудей, то не считай его тотчас же христианином, но узнавай и все другое: ведь и манихеи и все еретики принимали на себя эту личину, чтобы таким образом обольщать людей простейших. Если же мы будем иметь чувства души, навыком приученные к различению добра и зла, то будем в состоянии отличать их. А каким образом чувства наши делаются приученными? Непрестанным слушанием, упражнением в Писании. Если мы изложим их заблуждение, если ты послушаешь сегодня и завтра, и узнаешь, что они нехороши, то всему научишься, все узнаешь; если не поймешь сегодня, поймешь завтра. *Имущих*, говорит, *чувствия обучена.* Видишь, что нам

должно упражнять слух свой слушанием божественных (Писаний), чтобы не увлекаться странными новизнами? *Обучена*, говорит, *в разсуждение,* то есть быть опытными. Один (еретик) говорит, что нет воскресения, другой не ожидает ничего в будущем, третий говорит, что есть иной Бог, четвертый, что (Христос) имеет начало от Марии. Посмотри, как все сразу впали в заблуждения от неумеренности, одни прибавив, а другие убавив (от правого учения). Так, первая из всех ересей, Маркионова, измыслила иного Бога, которого нет: вот прибавление! За ней следующая, Савеллиева, утверждает, что Сын и Отец и Дух – одно лицо. Потом Маркеллова и Фотинова проповедуют то же. Далее, Павла Самосатского, проповедует, что Он получил начало от Марии. Затем следует Манихейская, позднейшая ересь. А после них – Ариева. Есть и другие. Но мы приняли веру просто, так что не имеем нужды прилепляться к бесчисленным ересям и входить в исследования, но все то, что вздумают прибавить к ней, или убавить, считаем неправым. Как законодатели не заставляют изведывать тысячи мер, но повелевают держаться той, которая указана, так и в отношении к догматам. Но никто не хочет внимать Писаниям. Если бы мы внимали им, то не только не впадали бы в заблуждения, но и других заблуждающихся удерживали бы и избавляли от опасностей. Так, сильный воин может не только защищать себя, но оберегать и того, кто стоит подле него, и избавлять от нападения врагов. А ныне иные даже не знают, что есть Писания, между тем как Дух Святой принимал столько мер, чтобы они сохранились. Обратитесь к древности, и вы увидите неизреченное человеколюбие Божие. (Бог) вдохновил блаженного Моисея, изваял скрижали, держал его сорок дней на горе, и еще столько же других, чтобы дать закон; потом посылал пророков, потерпевших бесчисленные бедствия; когда

наступила война, в которую все были взяты в плен или истреблены, и книги сожжены, тогда Он опять вдохновил другого чудного мужа, то есть Ездру, чтобы он изложил их, составив из остатков. После того Он устроил, чтобы они были переведены семьюдесятью (толковниками), которые и перевели их. Пришел Христос и принял их; апостолы же распространили их повсюду, после сотворенных Христом знамений и чудес. Что далее? После таких действий написали и апостолы, как Павел говорит: *писана же быша в научение наше, в нихже концы век достигоша* (1 Кор. X, 11); и Христос сказал: *прельщаетеся, не ведуще писания* (Мф. XXII, 29); и еще Павел говорит: *терпением и утешением писаний упование имамы* (Рим. XV, 4); и еще: *всяко писание богодухновенно и полезно есть* (2 Тим. III, 16); и еще: *слово Христово да вселяется в вас богатно* (Кол. III, 16). Также пророк (сказал): *в законе Господни поучится день и нощь* (Пс. I, 2); и в другом месте: *вся повесть твоя* да будет в *законе Вышняго* (Сир. IX, 20); и еще: *коль сладка гортани моему словеса твоя,* – не сказал: слуху моему, но: *гортани моему,* – *паче меда* и сота *устом моим* (Пс. CXVIII, 103). Также Моисей (сказал): *да возглаголеши о них* всегда, востая, *седяй, лежа* (Втор. VI, 7). И Павел в послании к Тимофею говорит: *в сих пребывай, в сих разумевай* (1 Тим. IV, 15). И множество (изречений) можно бы привести об этом предмете. Несмотря на то, есть люди, которые даже не знают, что существуют Писания. Оттого и не бывает у нас ничего здравого, ничего полезного. Когда кто хочет узнать военное искусство, то считает необходимым изучить военные законы; также, когда кто хочет узнать искусство кормчего или строителя, или какое-нибудь другое, то находит необходимым изучить все, относящееся к этому искусству; а здесь не видно, чтобы кто делал что-нибудь подобное, между тем как эта наука требует неусыпного изучения. Что это наука, требую-

щая изучения, об этом, послушай, что говорит пророк: *приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас* (Пс. XXXIII, 12). Следовательно страх Божий действительно требует изучения. И далее говорит: *кто есть человек, хотяй живот* (Пс. XXXIII, 13)? Здесь он говорит о (будущей) жизни. И еще: *удержи язык твой от зла, и устне твои еже не глаголати льсти: уклонися от зла, и сотвори благо, взыщи мира и пожени и* (Пс. XXXIII, 14, 15). Знаете ли вы, какой сказал это пророк, или бытописатель, или апостол, или евангелист? Не думаю (чтобы знал кто), кроме немногих: и об этих опять, если мы приведем свидетельство из другого места, можем сказать то же. Вот я приведу то же самое изречение, только выраженное другими словами; *измыйтеся, чисти будите, отимите лукавства* ваша *от душ ваших пред очима моима, научитеся добро творити, взыщите суда* (Ис. I, 16, 17), *удержи язык твой от зла, и сотвори благо, научитеся добро творити.* Видишь ли, что добродетель требует изучения? Тот говорит: *страху Господню научу вас;* а этот: *научитеся добро творити.*

Итак, знаете ли вы, где находятся эти (изречения)? Не думаю (чтобы знал кто), кроме немногих. Между тем в каждую седмицу это читается вам два или три раза. Чтец, выйдя, сперва говорит, чья книга, какого именно пророка, или апостола, или евангелиста, а потом и произносит его изречения, чтобы вы лучше заметили их и знали не только содержание, но и причину написанного и то, кто сказал это. Но все напрасно, все тщетно. Все ваше усердие направлено на дела житейские; о духовных же нет никакой заботы. Потому-то и те (житейские дела) идут не по вашему желанию и встречают множество препятствий. Христос сказал: *ищите царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Все прочее, говорит, будет дано в виде прибавки. А мы извратили порядок, ищем земли и благ земных, как будто

те (блага небесные) будут даны нам в виде прибавки. Потому мы и не получаем ни тех, ни других. Образумимся же когда-нибудь, и станем стремиться к благам будущим; тогда приложится и все прочее. Невозможно, чтобы ищущий благ божественных не получил и человеческих: таково определение самой истины, сказавшей это! Итак, не будем поступать иначе, но станем соблюдать заповедь Христову, чтобы нам не лишиться всего; Бог же сам силен произвести в нас сокрушение и сделать лучшими, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Темже оставлше начала Христова слово, на совершение да ведемся, не паки основание покаяния полагающе от мертвых дел, и веры в Бога, крещений учения, возложения же рук, воскресения же мертвых, и суда вечнаго. И сие сотворим, аще Бог повелит (Евр. VI, 1—3)

1. Слышите ли, как Павел укоряет евреев за то, что они желали всегда учиться одному и тому же? И справедливо. *Ибо должни суще*, говорит, *быти учители лет ради, паки требуете учитися, кая писмена начала словес Божиих* (Евр. V, 12). Боюсь, чтобы и о вас не пришлось сказать того же: тогда как, судя по времени, вам надлежало быть учителями, вы даже звания учеников не удерживаете, но, постоянно слушая одно и то же и об одном и том же, находитесь в таком состоянии, как будто бы ничего не слышали; кто спросит вас (о слышанном), никто из вас не в состоянии отвечать, кроме весьма немногих, которые наперечет. А отсюда происходит немалый вред. Невнимательность учащихся часто не

дозволяет учителю, хотя бы он и хотел, перейти к дальнейшему, коснуться предметов более таинственных и высоких. Как при изучении грамматики, если дитя, постоянно слыша о буквах, не удерживает их в памяти, то необходимо бывает непрерывно повторять ему одно и то же, и учащий не перестает (говорить о них) до тех пор, пока (ученик) не усвоит их себе в точности, — весьма ведь было бы неблагоразумно, пока он не усвоил хорошо прежнего, переходить с ним к дальнейшему, — так точно и в церкви: если вы, несмотря на то, что мы постоянно говорим вам одно и то же, нисколько более не научаетесь, то мы никогда не перестанем говорить вам об одном и том же. Если бы наше слово произносилось для славы и из честолюбия, то мы могли бы переходить от предмета к предмету и постоянно простираться вперед, нисколько не заботясь о вас, а только о рукоплесканиях ваших; но так как мы заботимся не об этом, но все старания свои направляем к вашей пользе, то мы не перестанем говорить вам об одном и том же до тех пор, пока вы не приложите этого к своей жизни. Многое можно было бы сказать об языческом суеверии, о манихеях и маркионитах, и при помощи благодати Божией поражать их; но подобные беседы теперь несвоевременны. В самом деле, можно ли говорить о таких предметах тем, которые и своего собственного не знают надлежащим образом, которые еще не убедились, что любостяжание есть зло, — можно ли преждевременно переходить с ними к чему-нибудь другому? Потому мы не перестанем говорить вам одно и то же, хотя бы вы слушали, хотя бы нет; только опасаемся, чтобы, часто повторяя вам одно и то же, если вы не будете слушать, не навлечь на не слушающих большего наказания. Не о всех я говорю это; я знаю многих, которые приходят сюда с пользой, и которые справедливо могли бы обвинять не слушающих за то, что последние

задерживают их своим невежеством и невнимательностью. Впрочем, и первые от этого не терпят вреда, потому что и знающим полезно часто слышать об одном и том же: что мы знаем, то еще лучше усвоим, если часто будем слышать. Например, мы знаем, что смиренномудрие есть добродетель, и что Христос часто говорил о нем; но если мы выслушаем самые слова Его и будем размышлять о них, то они более подействуют на нас, хотя бы мы слышали их тысячу раз. Итак, благовременно и нам сказать теперь вам: *темже оставлше начала Христова слово, на совершение да ведемся.* А что значит: *начала слово,* (апостол) сам объясняет далее: *не паки*, говорит, *основание покаяния полагающе от мертвых дел, и веры в Бога, крещений учения, возложения же рук, воскресения же мертвых, и суда вечнаго.* Если же это — начало, то что иное наше учение, как не покаяние от мертвых дел и получаемая от Духа вера в воскресение мертвых и вечный суд? Что же значит: *начало?* Он называет началом не что иное, как то, если нет праведной жизни. Как приступающему к изучению грамоты нужно наперед узнать буквы, так и христианин прежде всего должен твердо узнать эти истины и нисколько не сомневаться в них. А кто не имеет познания о них, тот еще не имеет основания, потому что надобно быть твердым (в познанном), стоять и стоять неподвижно. Если бы кто, уже оглашенный и крещенный, лет через десять после того, имел нужду снова учиться вере, учиться тому, например, что нужно веровать в воскресение мертвых, то такой человек не имеет еще основания и ищет еще начала христианства. А что вера есть основание, прочее же — здание, об этом, послушай, как говорит сам (апостол): *аз основание положих, ин же назидает. Аще ли кто назидает на основании сем, злато, сребро, камение честное, дрова, сено, тростие* (1 Кор. III, 10, 12). Потому он и говорит: *не паки основание покаяния полагающе от мертвых дел.*

2. Что значит: *на совершение да ведемся?* Будем достигать, говорит, самой вершины, то есть будем вести жизнь добродетельную. Как в азбуке все зависит от буквы *а*, и как от основания зависит все здание, так и чистота жизни от полноты веры. Без нее (полной веры) невозможно быть христианином, как не может быть здание без основания, и как без знания букв невозможно знать грамоты. Но как (в этих предметах), если кто будет заниматься одними буквами, или кто будет оставаться при основании, не стараясь возводить само здание, то никогда не будет иметь дальнейших успехов, так и у нас: если мы будем всегда оставаться при начале веры, то никогда не достигнем до ее совершенства. Не думай, будто вера унижается тем, что она называется началом, — в ней заключается вся сила. Когда (апостол) говорит: *всяк бо причащаяйся млека неискусен слова правды: младенец бо есть* (Евр. V, 13), то он не веру называет молоком, но сомнение в ее истинах; оно есть знак ума слабого, нуждающегося во многих доказательствах, сами же истины — здравы. Совершенным мы называем того, кто при вере проводит и жизнь правую. Если же кто, хотя имеет веру, но ведет дурную жизнь, и в самих истинах веры еще сомневается, оскорбляя этим учение, — такого мы справедливо можем назвать младенцем, едва вступившим в начало, так что и мы, хотя бы тысячу лет пребывали в вере, еще младенцы, если остаемся не твердыми в ней, если не ведем сообразной с ней жизни, если только еще полагаем основание. А их (евреев апостол) укоряет не только за жизнь, но и за нечто другое, именно — за то, что они колебались и имели нужду полагать основание *покаяния от мертвых дел.* Кто переходит от одного к другому, одно оставляет, а другое принимает, тому нужно отказаться от прежнего и оставить расположение к нему, потом и переходить к новому; если же он

станет опять держаться первого, то как может достигнуть второго? Что же, скажете, не о законе ли это? Мы отказались от него, и не к нему ли опять возвращаемся? Но это не есть изменение; ведь и теперь мы имеем закон. *Закон ли убо,* говорит (апостол), *разоряем верою? Да не будет: но закон утверждаем* (Рим. III, 31). Я говорю о дурных делах; кто намеревается обратиться к добродетели, тот наперед должен отказаться от пороков, и тогда уже вступить (в жизнь добродетельную). Покаяние не могло сделать (верующих) чистыми; потому они тотчас же крестились, чтобы, чего они не могли сделать сами собой, того достигнуть благодатью Христовой. Следовательно, покаяние недостаточно для очищения, а нужно принять крещение. К крещению же надобно приступать, отказавшись наперед от грехов своих и осудив их. Что значит: *крещений учения?* Крещений не много, а одно: почему же он сказал во множественном числе? Потому что выше сказал: *не паки основание покаяния полагающе.* Если бы они имели нужду, чтобы он снова крестил их, снова оглашал, и снова с начала преподавал крещенным, что должно и чего не должно делать, то они всегда оставались бы неисправимыми. *Возложения же рук.* Так они получали Духа (Святого): *и возложшу,* сказано, *Павлу на ня руце, прииде Дух Святый* (Деян. XIX, 6). *Воскресения же мертвых.* Это происходит при крещении и утверждается в исповедании (веры). *И суда вечнаго.* Почему об этом говорит он? Потому, что они, вероятно, или колебались после того, как уверовали, или худо и нерадиво жили. Поэтому он и говорил: *бодрствуйте.* Таким образом он сказал эти слова, желая исправить их от такого нерадения и сделать более внимательными. Нельзя говорить: если мы теперь живем нерадиво, то снова окрестимся, снова примем оглашение и опять получим Духа; или так: если мы теперь отпали от веры, то снова через крещение сможем

омыть грехи и получить то же, чего удостоились прежде. Прельщаетесь, говорит он, если так рассуждаете. *Не возможно бо просвещенных единою, и вкусивших дара небеснаго, и причастников бывших Духа Святаго, и добраго вкусивших Божия глагола, и силы грядущаго века, и отпадших, паки обновляти в покаяние, второе распинающих Сына Божия себе, и обличающих* (ст. 4– 6). Смотри, как он начинает речь обличительно и решительно: *невозможно*, говорит, то есть, и не надейся на невозможное. Не сказал: неприлично, неполезно, непозволительно, но: *невозможно,* так что для вас, которые однажды вполне были просвещены, не остается ничего, кроме отчаяния.

3. Затем он продолжает: *и вкусивших дара небеснаго,* то есть оставления грехов, *и причастников бывших Духа Святаго, и добраго вкусивших Божия глагола,* — здесь он говорит об учении, — *и силы грядущаго века.* Какие силы разумеет он? Или (силы) творить чудеса, или залог Духа. *И отпадших, паки обновляти в покаяние, второе распинающих Сына Божия себе и обличающих. Обновляти,* говорит, *в покаяние,* то есть через покаяние. Что это? Неужели отвергается покаяние? Нет, не покаяние, совсем нет, но вторичное обновление купелью (крещения). Он, сказав: *не возможно обновляти в покаяние,* не остановился, но после слова: *не возможно,* присовокупил: *второе распинающих. Обновляти,* то есть делать новыми, а новыми делает только купель: *обновится,* сказано, *яко орля юность твоя* (Пс. CII, 5).

Действие же покаяния состоит в том, что оно соделавшихся новыми и потом через грехи опять обветшавших избавляет от этой ветхости и возвращает в состояние обновления; но в прежнюю светлость возвести уже не может, потому что там (в крещении) все было делом благодати. *Распинающих себе,* говорит, *Сына Божия и обличающих.* Смысл слов его следующий: крещение есть крест, потому что *ветхий наш человек с ним распятся*

(Рим. VI, 6); и еще: *сообразни быхом подобию смерти его;* и еще: *спогребохомся убо ему крещением в смерть* (Рим. VI, 4, 5). Как невозможно в другой раз распять Христа, потому что это значило бы выставить его на поругание, так невозможно и креститься вторично. Если *смерть им ктому не обладает* (Рим. VI, 9), если Он воскрес, через воскресение сделавшись победителем смерти, если Он смертью смерть попрал, то снова распинать Его значит – все прежнее представлять басней и позором. А кто крестится вторично, тот, действительно опять распинает Его. Что же значит: *второе распинающих?* Опять снова пригвождающих Его ко кресту. Как Христос умер на кресте, так и мы умираем в крещении, умираем не плотью, но для греха. Смотри: там смерть, и здесь смерть; Он умер плотью, а мы умираем для греха. В крещении ветхий наш человек погребается и восстает новый, сообразный подобию смерти Его. Таким образом, если необходимо опять креститься, то необходимо, чтобы этот (новый человек) опять умер, потому что крещение есть не иное что, как смерть погружаемого и восстание нового. И хорошо (апостол) сказал: *второе распинающих себе,* потому что делающий это поступает как бы забывая о прежней благодати, и располагает жизнь свою беспечно, как бы надеясь на вторичное крещение. Потому надобно быть внимательным и осторожным. Что значит: *вкусивших дара небеснаго?* Значит: получивших отпущение грехов, потому что даровать такую благодать свойственно одному Богу, и эта благодать есть всецело благодать. *Что убо пребудем ли во гресе, да благодать преумножится? Да не будет* (Рим. VI, 1). Если мы всегда будем надеяться на спасение благодатью, то никогда не сделаемся добродетельными; где одна только благодать, там мы можем предаться беспечности. Если бы мы знали, что грехи наши снова могут быть омыты (крещением), то разве перестали бы грешить?

Не думаю. Много даров разумеет здесь (апостол); а какие, послушай. Ты удостоился, говорит он, столь великого прощения, ты, который сидел во тьме, был неприятелем, врагом, отверженным, богопротивным, погибшим; будучи таким, ты вдруг просветился, сподобился Духа, дара небесного, усыновления, царства небесного, тайн неизреченных и других благ, и после того не сделался лучшим, и потому, будучи достоин погибели и между тем получив спасение и честь, точно совершивший дела великие, как ты можешь креститься снова? Двумя доказательствами он подтверждает невозможность этого дела, и сильнейшее из них поставляет после: первое состоит в том, что удостоившийся таких благ и предавший все дарованное ему недостоин снова получить обновление; второе в том, что невозможно снова распять (Сына Божия), — потому что это значило бы подвергать Его поруганию. Итак нет, отнюдь нет второй купели крещения. Если бы она была, то была бы и третья, и четвертая, и последующая всегда уничтожала бы предыдущую, а ее опять другая, и так далее до бесконечности. Сказав: *и добраго вкусивших Божия глагола, и силы грядущаго века,* (апостол) не раскрывает всего этого, но только намекает, и как бы так говорит: жить подобно ангелам, не нуждаться ни в чем здешнем, быть уверенным, что усыновление (Богу) доставляет нам будущие блага, надеяться войти в неприступное святилище, — всему этому научает Дух. Что означает: *и силы грядущаго века?* Означает жизнь вечную, состояние ангельское. Залог этого мы уже получили от Духа через веру. Скажи же мне: если бы ты был введен в царские чертоги и если бы все, там находящееся, было тебе вверено, а ты потом растратил бы все, то могло ли бы оно быть вверено тебе снова?

4. Итак что же, нет, скажете, покаяния? Есть покаяние, но нет вторичного крещения. Покаяние имеет

великую силу; оно может человека, сильно погрузившегося в грехи, если он захочет, освободить от бремени грехов и, когда он находится в опасности, поставить в безопасности, хотя бы он достиг самой глубины зла. Это можно видеть из многих мест (Писания). *Еда падаяй не востает*, говорит (пророк), *или отвращаяйся не обратится* (Иер. VIII, 4)? Оно может, если мы захотим, опять изобразить в нас Христа; послушай, в самом деле, что говорит Павел: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. IV, 19); только мы должны приступить к покаянию. Посмотри на человеколюбие Божие: нас следовало бы покарать всеми родами наказания еще с самого начала за то, что, приняв закон естественный и получив тысячи благ, мы не познали Владыки и вели жизнь нечистую; но Он не только не наказал нас, а еще даровал нам бесчисленные блага, как будто бы мы совершили великие подвиги.

Мы опять отпали, но Он и после того не наказывает нас, а даровал врачество покаяния, которое может уничтожить и изгладить все грехи наши, только если мы знаем, в чем состоит это врачество и как им нужно пользоваться. В чем же состоит врачество покаяния и как оно употребляется? Во-первых, (оно состоит) из сознания своих грехов и исповедания их. *Беззаконие мое*, говорит (пророк), *познах, и греха моего не покрых;* и еще: *исповем на мя беззаконие мое Господеви, и ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. XXXI, 5); и еще: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26); и еще: *праведник самого себе оглаголник в первословии* (Притч. XVIII, 17). Во-вторых, (покаяние состоит) из великого смиренномудрия; оно есть как бы золотая цепь, которая, если взять ее за начало, следует вся. Так точно, если ты будешь исповедовать грехи, как должно исповедовать, то душа смирится, потому что совесть, терзая ее, делает

смиренной. Со смиренномудрием должно соединять и нечто другое, чтобы оно было таково, о каком молился блаженный Давид, когда говорил: *сердце чисто созижди во мне, Боже* (Пс. L, 12); и еще: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (ст. 19). Сокрушенное сердце не возмущается, не оскорбляет, но всегда готово терпеть страдания, а само не восстает. В том и состоит сокрушение сердца, когда оно, хотя само бывает оскорбляемо, хотя терпит зло, остается спокойным и не возбуждается к мщению. После смиренномудрия нужны напряженные молитвы и обильные слезы днем и ночью. *Измыю*, говорит (пророк), *на всяку нощь ложе мое: слезами моими постелю мою омочу: утрудихся воздыханием моим* (Пс. VI, 7); и еще: *зане пепел, яко хлеб, ядях, и питие мое с плачем растворях* (Пс. CI, 10). А после столь усильных молитв нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачество покаяния. Как во врачебных средствах хотя лекарство содержит в себе много трав, но главную – одну, так и в покаянии подобной многоцелебной травой бывает милосердие, и даже от него зависит все. Послушай, что говорит божественное Писание: *дадите милостыню, и вся чиста вам будут* (Лк. XI, 41); и еще: *милостынями и верою очищаются грехи* (Дан. IV, 24); и еще: *огнь горящь угасит вода, и милостыня очистит грехи многи* (Сир. III, 30). Далее, (нужно) не гневаться, не злопамятствовать и прощать всем грехи их: *человек на человека*, говорит (Премудрый), *сохраняет гнев, а от Господа ищет исцеления* (Сир. XXVIII, 3). *Отпущайте*, да *отпустится вам* (Мф. VI, 14). Также (нужно) отклонять братию от заблуждений: *обращся*, говорит (Господь), и *утверди братию твою*, чтобы отпущены были тебе грехи твои (Лк. XXII, 32). Еще (нужно) искреннее обращение со священниками: *и аще кто*, сказано, *грехи сотворил есть, отпустятся ему* (Иак. V, 15). (Нужно) защищать обижаемых, не гневаться, переносить все кротко.

5. Прежде, нежели вы узнали, что через покаяние отпускаются грехи, не беспокоились ли вы и не отчаивались ли в себе, зная, что нет вторичной купели крещения? Теперь же, когда мы узнали, каким образом совершается покаяние и отпущение грехов, и что мы можем избежать всего, если захотим воспользоваться им, как должно, можем ли мы получить прощение, если не станем думать о своих согрешениях? Если бы мы исполняли это, то все было бы сделано. Как вошедший в дверь уже находится внутри, так точно и помышляющий о собственных согрешениях. Кто ежедневно помышляет о них, тот непременно достигнет и до их исцеления; а кто только говорит: я грешен, но не представляет себе грехов своих порознь и не говорит: в том-то и в том-то я согрешил, — тот никогда не перестанет грешить, часто будет исповедоваться, но никогда не будет думать о своем исправлении. Нужно только начать, а все прочее непременно последует затем, если только будет сделан приступ: во всем трудны начало и приступ. Итак, положим это (основание), и все будет легко и удобно.

Начнем же покаяние, увещеваю вас, один с усиленных молитв, другой с обильных слез, третий с сокрушения; последнее ведь, как оно ни мало, не бесполезно: *видех, яко опечалися*, говорит (Господь), и *пойде* сокрушен, *и исцелих* пути его (Ис. LVII, 17– 18). Все же вообще (начнем) с милосердия, с оставления ближним согрешений их, с забвения обид, с воздержания от злопамятства и мстительности, смиряя таким образом души свои. Если бы мы постоянно вспоминали о грехах своих, то ничто из предметов внешних не могло бы возбудить в нас гордость, ни богатство, ни могущество, ни власть, ни слава; когда бы даже мы сидели на царском седалище, и тогда плакали бы горько. Блаженный Давид был царь, и однако говорил: *измыю на всяку нощь*

ложе мое (Пс. VI, 7); ни багряница, ни диадема нисколько не причиняли ему вреда и не возбуждали в нем гордости, потому что он сознавал, что он человек; он имел сердце сокрушенное, а потому и плакал. Что такое дела человеческие? Пепел и пыль, прах перед лицом ветра, дым и тень, лист и цвет, уносимые ветром, сон, мечта и басня, пустое колебание воздуха, легко возбуждаемое, перо возметаемое, течение непостоянное, и все, что только может быть еще ничтожнее этого. Отчего же, скажи мне, ты много думаешь о себе? Какое звание ты считаешь великим? Не консула ли? Многие, действительно, не знают ничего выше этого звания. Но и тот, кто не консул, нисколько не хуже того, кто был в таком блестящем многославном звании; тот и другой имеют одинаковое достоинство, тот и другой одинаково прекратят существование спустя немного времени. Когда же тот был консулом, скажи мне, сколько времени? Два дня? Это бывает и во сне. Но здесь, скажешь, сон. Что же? Разве то, что бывает днем, не сон? Почему же, скажи мне, не можем назвать этого сном? Как сновидения, по наступлении дня, оказываются недействительными, так и совершающееся днем становится недействительным по наступлении ночи. Ночь и день продолжаются одинаково, и равно разделили между собой все время. Потому, как днем никто не восхищается тем, что было с ним ночью, так и ночью невозможно восхищаться тем, что бывает днем. Ты был консулом? И я был; только ты – днем, а я – ночью. Но что в том? Ты через это не имеешь ничего больше меня, если только не считать преимуществом название консула и удовольствие, заключающееся в одних словах. Выражу это яснее: если, например, я скажу: такой-то консул, и припишу ему это название, то как только оно сказано, уже не прошло ли? Таково и все. Консул явился, и уже нет его. Но положим, что он был консулом год, два, три, четыре года:

были ли консулы, которые консульствовали по десяти лет? Нет. Не таков Павел: он был всегда славен при жизни, не день, не два, не десять, не двадцать, не тридцать дней, и не десять лет, не двадцать и не тридцать; но и по смерти его вот уже прошло четыреста лет, а он и теперь еще славен, и даже гораздо славнее, нежели при жизни. И это еще на земле: а славу святых на небе кто может изобразить словом? Потому, увещеваю вас, будем искать этой славы, стремиться к ней, чтобы достигнуть ее, потому что эта слава – истинная слава; а от всего житейского будем удаляться, чтобы нам получить благодать и милость во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Земля бо, пившая сходящий на ню множицею дождь, и раждающая былия добрая оным, имиже и делаема бывает, приемлет благословение от Бога: а износящая терния и волчец, непотребна есть и клятвы близ: еяже кончина в пожжение (Евр. VI, 7, 8).

1. Со страхом мы должны слушать слово Божие, со страхом и великим трепетом: *работайте*, говорит (Псалмопевец), *Господеви со страхом и радуйтеся ему с трепетом* (Пс. II, 11). Если же сама радость наша и веселье должны быть с трепетом, то когда говорится что-нибудь страшное, каково (сказанное) теперь, какого не заслуживаем мы наказания, если без трепета слушаем сказанное? Показав, что отпавших невозможно крестить вторично и что им невозможно опять через купель (крещения) получить отпущение (грехов), и объяснив, как это страшно, (апостол) продолжает: *земля бо, пившая*

сходящий на ню множицею дождь, и раждающая былия добрая оным, имиже и делаема бывает, приемлет благословение от Бога: а износящая терния и волчец, непотребна есть и клятвы близ: еяже кончина в пожжение. Устрашимся же, возлюбленные! Не Павлова это угроза, не человеческие это слова; это – Духа Святого, Христа, глаголавшего в Павле. Кто чист от этих терний? Если бы даже мы были чистыми, то и тогда нам следовало бы не оставаться спокойными, а страшиться и трепетать, как бы в нас не выросли терния; а если мы все всецело состоим из терний и волчцов, то, скажи мне, как мы можем оставаться спокойными и беспечными? Что делает нас беспечными? Если думающий, что он стоит, должен бояться, чтобы не упасть, – *темже мняйся стояти,* сказано, *да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12), – то падший сколько должен заботиться, чтобы восстать? Если Павел боялся, *да не како, иным проповедуя, сам неключим* будет (1 Кор. IX, 27), если он, столь достойный, боялся сделаться недостойным, то мы, уже сделавшиеся недостойными, какое будем иметь оправдание и прощение, не имея никакого страха, но исполняя христианские обязанности, как бы какой обычай, и только для вида? Устрашимся же, возлюбленные! *Открывается бо гнев Божий с небесе* (Рим. I, 18). Устрашимся, потому что он открывается не только на *нечестие,* но и на всякую *неправду,* малую и великую. Вместе с тем (апостол) указывает и на человеколюбие Божие; а дождем он называет учение, и что выше он говорил в словах: *должни суще быти учители лет ради,* то же говорит и здесь. И во многих местах Писание называет учение дождем: *и облаком заповем, еже не одождити на него дождя,* говорит (Господь) о винограднике (Ис. V, 6); а в другом месте то же называется гладом хлеба и жаждой воды (Ам. VIII, 11); и еще: *река Божия наполнися вод* (Пс. LXIV, 10). *Земля бо,* говорит, *пившая сходящий на ню множицею дождь.* Здесь

он выражает, что и принимали и пили слово его, и часто удостаивались слышать его, но не получили от того пользы. Если бы, говорит, ты не была возделана, если бы не получала дождей, то зло не было бы столь велико, потому что *аще не бых пришел*, говорит (Христос), *и глаголал им, греха не быша имели* (Ин. XV, 22); если же ты часто пила и принимала, то почему вместо плодов ты произрастила нечто другое? *Ждах*, говорит (Господь), *да сотворит гроздие, сотвори же терние* (Ис. V, 4). Видишь ли, что Писание везде терием называет грехи? И Давид говорит: *возвратихся на страсть, егда унзе ми терн* (Пс. XXXI, 4). (Терн) не просто входит, а вонзается; и хотя бы его осталось немного, но если он не весь будет выдернут, то и самая малая часть его производит боль так же, как и (весь) терн. Но что я говорю: немного? Даже после того, как он будет выдернут, в ране долго еще остается боль. Потому нужно долго лечить и пользовать, чтобы освободиться от ней совершенно; недостаточно только исторгнуть грех, а нужно излечить и пораженное место. Боюсь, чтобы не относились к нам более, нежели к другим, слова (апостола): *земля, пившая сходящий на ню множицею дождь;* мы ведь постоянно пьем, постоянно слушаем, но тотчас же, как только восходит солнце, теряем влагу, и потому произращаем терния. Какие же это терния? Послушаем Христа, который говорит: *печаль века сего и лесть богатства подавляет слово, и без плода бывает* (Мф. XIII, 22). *Земля бо, пившая сходящий на ню множицею дождь, и раждающая былия добрая.*

2. Нет ничего столь благопотребного, как чистота жизни, ничего столь прекрасного, как благоустроенная жизнь, ничего столь вожделенного, как добродетель. *И раждающая*, говорит, *былия добрая онъм, имиже и делаема бывает, приемлет благословение от Бога.* Здесь он внушает, что Бог есть виновник всего, и некоторым обра-

зом обличает язычников, которые приписывали произращение плодов силе земли. Не руки земледельца, говорит, возбуждают землю к принесению плодов, но повеление Божие; потому и выражается так: *приемлет благословение от Бога.* И смотри: о терниях он не сказал: рождающая *терния,* не употребил такого одобрительного выражения, – но что? – *износящая терния,* – как бы так: извергающая, выбрасывающая. *Непотребна есть и клятвы близ.* О, какое утешение заключается в этих словах! *Клятвы,* говорит, *близ есть,* а не сказал: проклята; то есть еще не подверглась проклятию, а только близка к нему, но может быть и далека от него. И не только этими словами он утешает, но и следующими; не сказал: она непотребна, близка к проклятию и будет сожжена, – но что? *Еяже кончина в пожжение;* выражает, что если она до конца останется такой, то потерпит и это. Следовательно, если мы исторгнем и сожжем терние, то сможем получить многие блага, сделаться благопотребными и удостоиться благословения. Справедливо называет грех тернием в словах: *износящая терния и волчец,* потому что (грех), если крепко станешь держаться его, вонзается и колет, и даже на вид бывает безобразен. Итак, укорив их достаточно, устрашив и обличив, (апостол) потом утешает, чтобы не поразить их слишком много и чтобы они не сделались беспечными, потому что человек ленивый, когда его (слишком много) наказывают, делается еще более ленивым. Потому (апостол) и не за все одобряет их, чтобы они не возгордились, и не за все укоряет, чтобы не сделать их более беспечными, но сказав немного укоризн, в дальнейших словах предлагает великое утешение, чтобы таким образом достигнуть своей цели. Что же он говорит? *Надеемся же о вас, возлюбленнии, лучших и придержащихся спасения, аще и тако глаголем* (ст. 9), то есть говорим это не потому, чтобы мы отчаялись в вас или

считали вас исполненными терний, а потому, что боимся, как бы не случилось этого; лучше внушить вам страх словами, нежели на деле испытывать скорбь. Это особенно и показывает мудрость Павла. Он не сказал: думаем, предполагаем, ожидаем, уповаем, — но что? *Надеемся.* Так и в послании к Галатам он говорит: *аз надеюся о вас в Господе, яко ничтоже ино разумети будете* (Гал. V, 10); не сказал: разумеете, но: *разумети будете;* так как (галатийцы) были тогда весьма достойны осуждения и (апостол) не мог хвалить их за дела настоящие, то хвалит за будущие: *ничтоже ино,* говорит, *разумети будете.* А здесь он хвалит (евреев) за дела настоящие: *надеемся же о вас, возлюбленнии, лучших и придержащихся спасения, аще и тако глаголем.* Но так как за дела настоящие он не мог хвалить их много, то заимствует утешение от дел прошедших и говорит: *необидлив бо Бог забыти дела вашего и труда любве, юже показасте во имя его, послуживше святым и служаще* (ст. 10). О, как он ободрил и укрепил души их, вспомнив о прежних делах и представив необходимость надеяться, что Бог не забыл (их подвигов)! Подлинно, кто не убежден в правосудии Божием и в том, что Он воздаст каждому по заслугам настоящей жизни, тот неизбежно грешит и говорит, что Бог неправеден. Потому он и внушил им необходимость вполне надеяться на будущее воздаяние. Кто отчаивается в настоящем и падает духом, того можно ободрить будущим. Так и в послании к Галатам (Павел) говорит: *течасте добре: кто вам возбрани* (Гал, V, 7)? и еще: *толико пострадасте туне? аще точию и туне* (Гал. III, 4); и как здесь с обличением он соединяет одобрение, когда говорит: *должни суще быти учители лет ради* (Евр. V, 12), так и там: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся* (Гал. I, 6). С укоризной (высказывается) и похвала, — потому что мы удивляемся тогда, когда падает что-нибудь великое. Видишь ли, как

в самом обличении и обвинении скрывается похвала? И не от себя только одного он говорит это, но от лица всех; не сказал: надеюсь, но: *надеемся о вас лучших,* то есть лучшего. Здесь он говорит или об их жизни, или о воздаянии. Сказав выше: *непотребна есть, клятвы близ, еяже кончина в пожжение,* потом, чтобы они не подумали, что он говорит это об них, тотчас же присовокупляет: *необидлив бо Бог забыти дела вашего и труда любве,* и тем выражает, что не о них он говорит — *аще и тако глаголем.* Если же не о нас говоришь, то для чего касаешься, называя ленивыми, и внушаешь страх, напоминая о терниях? *Желаем,* говорит он, *да кийждо вас являет тожде тщание ко извещению упования даже до конца: да не лениви будете, но подражатели наследствующих обетования верою и долготерпением* (ст. 11, 12).

3. *Желаем,* говорит; следовательно, не на словах только хотим этого. Но чего, скажи, ты желаешь? Желаем, чтобы вы были добродетельными, — не осуждая вас за прежнее, а опасаясь за будущее. Не сказал также: осуждая не за прошедшее, а за настоящее, так как вы развратились и сделались беспечными. Но смотри, как кротко он выразил это, и не произнес укоризны. Что же говорит он? *Желаем же, да кийждо вас являет тожде тщание даже до конца.* Удивительна Павлова мудрость: он не высказывает прямо, что они ослабели, что они пали, — потому что сказать: *желаем, да кийждо вас,* значит сказать: желаю, чтобы ты был тщателен всегда, чтобы, каков ты был прежде, таким был и теперь и на будущее время; этим он делает свое обличение более кротким и удобоприемлемым. Не сказал также: *хочу,* что показывало бы учительскую власть, но говорит: *желаем,* употребляя выражение, показывающее отеческую любовь и означающее больше, нежели: *хочу,* и как бы так говорит: простите, если мы скажем что-нибудь неприятное. *Же-*

лаем же, да кийждо вас являет тожде тщание ко извещению упования вашего *даже до конца.* Что это значит? Надежда, говорит, переносит, она подкрепляет; не ослабевайте же и не отчаивайтесь, чтобы надежда ваша не оказалась лишней; кто делает добро, тот и надеется на добро, и никогда не отчаивается. *Да не ленивы будете:* еще только *да не будете,* хотя выше он, сказал: *понеже немощни бысте слухи* (Евр. V, 11). Но заметь, там он указал только на неспособность слушать, а здесь хотя употребляет подобное выражение, все же намекает на нечто другое: вместо того, чтобы сказать: не оставайтесь ленивыми, он сказал: *да не лениви будете.* Опять виновность их отодвигает на будущее время, говоря: *да не лениви будете;* а так как будущее время еще не существует, то мы и не можем быть виновными. Тот, кого, как ленивого, убеждают быть старательным в настоящее время, может сделаться еще более ленивым; но не то бывает с тем, кого (убеждают исправиться) на будущее время. *Желаем же*, говорит, *да кийждо вас.* Великая любовь! (Павел) равно печется о великих и малых, о всех помнит, никого не презирает, по одинаковое оказывает попечение о каждом и всем отдает равную честь; этим он еще более располагает принять слова его, несмотря на их строгость. *Да не будете лениви*, говорит. Как бездействие вредит телу, так и не упражнение в добре делает душу беспечной и слабой. *Но подражатели наследствующих обетования верою и долготерпением.* Кто эти (наследники), он объясняет далее. Наперед он сказал: подражайте прежним вашим добрым делам; а потом, чтобы они не спросили: каким? — он указывает на праотца (Авраама), представляя примеры добрых дел в собственных их делах, а в доказательство того, что они не забыты, пример праотца. Это он делает для того, чтобы они не говорили, что они, как недостой-

ные, забыты и оставлены, но знали, что проводить жизнь среди искушений есть удел особенно доблестных людей, и что Бог всегда так поступал с мужами дивными и великими. Нужно, говорит, переносить все с долготерпением, потому что это и значит веровать. Если бы я сказал: вот я даю тебе, и ты тотчас же получил бы, то чему тебе и веровать? Здесь не было бы места твоей вере, но я предупреждаю и даю по обещанию. Если же я скажу: вот я даю тебе, но дам через сто лет, и ты не будешь отчаиваться, то, значит, ты считаешь меня достойным веры и имеешь обо мне надлежащее мнение. Видишь ли, что неверие часто происходит не только от безнадежности, но и от малодушия и нетерпения, а не зависит от обещавшего? *Необидлив бо,* говорит, *Бог забыти дела вашего и труда любве, юже показасте во имя его, послуживше святым и служаще.* Важное дает он о них свидетельство, указывая не только на дела их, но и на дела усердные, подобно как он говорит и в другом месте: не только же, *но и себе вдаша Господеви и нам* (2 Кор. VIII, 5). *Юже показасте во имя его, послуживше святым и служаще.* Смотри, как он опять утешает их, прибавляя: *служаще,* еще и теперь вы служите, говорит он, ободряя их и внушая, что они делали это не для людей, но для Бога. *Юже показасте,* говорит, не просто для святых, но для Бога; это именно означают слова: *во имя его,* в которых он как бы так говорит: вы делали все во имя Его. Потому Тот, кто принял от вас такое усердие и любовь, никогда не презрит вас и не забудет.

4. Слыша это, будем служить святым, увещеваю вас. А свят всякий верующий, потому самому, что он верующий; хотя бы он был мирянин, он свят. *Святится бо,* говорит (апостол), *муж неверен о жене, и жена неверна о мужи* (1 Кор. VII, 14). Видишь: вера доставляет освяще-

ние. Если мы увидим и мирянина в несчастье, подадим руку помощи. Не о тех только мы должны заботиться, которые живут в горах; они, конечно, святы и по жизни и по вере, но и те святы по вере, а многие из них и по жизни. Не (будем поступать так, что), когда увидим монаха в темнице, то пойдем к нему, а когда мирянина, то не пойдем; и последний тоже свят, и тоже брат наш. Но что, скажешь, если он нечист и порочен? Послушай, что говорит Христос: *не судите, да не судими будете* (Мф. VII, 1). Ты делай для Бога. Но что я говорю? Хотя бы даже язычника мы увидели в несчастье, и ему надобно оказать добро, и вообще всякому человеку, находящемуся в несчастных обстоятельствах, тем более верующему мирянину. Послушай, что заповедует Павел: *да делаете благое ко всем, паче же к присным в вере* (Гал. VI, 10). Я не понимаю, откуда взялось (противное мнение) и каким образом усилился у нас (противный) обычай. Кто отыскивает только монашествующих, хочет оказывать добро только им одним, и между ними еще делает различие и говорит: если он не достоин, если он не праведен, если он не творит знамений, я не подам ему руку помощи, — тот отнимает самую главную часть у милостыни, и все остальное со временем также уничтожит; напротив, истинная милостыня тогда и бывает, когда она оказывается грешникам или виновным; милосердие в том и состоит, что милует не тех, которые исправны, а тех, которые согрешили. А чтобы ты убедился в этом, послушай, что говорит Христос в следующей притче. *Человек некий*, говорит Он, *схождаше от Иерусалима во Иерихон, и в разбойники впаде*. Те, избив его, оставили на дороге полумертвого. По случаю один левит шел той дорогой и, увидев его, прошел мимо; так же поступил и некоторый священник, — прошел мимо. Но после них шел один самарянин и оказал великое сострадание

к нему: обвязал его раны, возлил на них масло, посадил его на осла, привез в гостиницу и сказал ее содержателю: позаботься о нем и, – заметь великую любовь, – если что более издержишь, я отдам тебе. Затем (Христос) спросил: *кто убо ближний мниттися быти впадшему в разбойники?* И когда законник отвечал: *сотворивый милость с ним,* тогда Он сказал: *иди, и ты твори такожде* (Лк. X, 30–37). Заметь эту сказанную (Господом) притчу; не сказал Он, что иудей самарянину, но что самарянин оказал такое милосердие. Отсюда мы научаемся, что должно заботиться о всех равно, а не присным только по вере делать добро, о других же не думать. Так и ты, когда увидишь кого-нибудь страждущим, не исследуй о нем ничего; он имеет право на помощь уже потому, что страждет. Если ты помогаешь ослу, когда видишь, что он издыхает, и не спрашиваешь, чей он, то тем более не должно спрашивать о человеке, чей он; он Божий, хотя бы он был язычник, хотя бы иудей. Если он и неверный, но нуждается в помощи. Если бы тебе дозволено было исследовать и судить, то ты мог бы говорить это; но теперь само несчастье не дозволяет тебе делать исследования. Если не должно судить здоровых и исследовать чужие дела, то тем более страждущих. Иначе что (будет)? Разве ты видел его счастливым, благоденствующим, что говоришь, будто он зол и порочен? Он страждет; если же ты видишь его страждущим, то не говори, что он порочен. Когда мы видим человека благоденствующего, тогда, пожалуй, можем сказать это о нем: но когда видим человека страждущего и нуждающегося в помощи, то не следует говорить, что он порочен; это – знак жестокости, бесчеловечия и высокомерия. Кто, скажи мне, был беззаконнее иудеев? Бог наказывал их, и наказывал справедливо, весьма справедливо; однако же к тем, которые

сострадали им, Он благоволил, а тех, которые радовались их несчастью, наказывал. *И не страдаху*, говорит (пророк), *ничесоже в сокрушении Иосифове* (Ам. VI, 6). И в другом месте говорится: *искупи убиваемых, не щади* (Притч. XXIV, 11). Не сказано: разведай, и узнай, кто они, хотя по большей части отводимые на смерть бывают порочны, но сказано просто: *искупи,* кто бы они ни были. В этом особенно и состоит милосердие. Кто благодетельствует другу, тот, без сомнения, делает это не для Бога; а кто — человеку незнакомому, тот делает исключительно для Бога. (Премудрый) говорит: *не щади* денег и, хотя бы все пришлось издержать, отдай; а мы, видя изнуряемых, мучимых, претерпевающих страдания, жесточе тысячи смертей, и часто несправедливо, жалеем денег и не жалеем братий; бережем бездушное и не думаем о душе. Между тем Павел повелевает *с кротостию* наставлять *противныя, еда како даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диаволския сети, живи уловлени от него в свою его волю* (2 Тим. II, 25, 26). *Еда како,* говорит: видишь ли, какого долготерпения исполнены слова его? Будем же и мы подражать ему и не считать никого безнадежным. Рыболовы, ввергая сети в море, часто ничего не вытаскивают, но бросив в последний раз, получают все. Так и мы не отчаиваемся, но надеемся, что вы вдруг явите нам зрелые плоды. И земледелец, посеяв семена, терпит один день и другой, и долго ожидает, а потом вдруг видит везде проросшие плоды. Это, надеемся, будет и с вами, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Аврааму бо обетовая Бог, понеже ни единем имяше большим клятися, клятся собою, глаголя: воистинну благословя благословлю тя и умножая умножу тя. И тако долготерпев получи обетование. Человецы бо большим кленутся, и всякому их прекословию кончина во извещение клятва есть (Евр. VI, 13—16)

1. Сильно тронув евреев и достаточно внушив им страх, (апостол) утешает их сначала похвалами, а потом — что́ гораздо действительнее, — тем, что они непременно получат ожидаемое. Это утешение он заимствует от событий не настоящих, но прошедших, что для них было более убедительно. Как при угрозах наказанием он особенно устрашает событиями настоящими, так при обещании наград утешает событиями прошедшими, указывал на то, как Бог обыкновенно поступает, то есть что Он не скоро исполняет обещания, но спустя долгое время. Поступает же Он так для того, чтобы представить сильнейшее доказательство своего могущества и в нас возбудить веру, чтобы люди, проводящие жизнь в скорбях и не получающие ни обещаний, ни наград, не ослабевали в подвигах. Имея возможность представить многих, (апостол) оставляет всех других и указывает на Авраама, как в виду важности лица, так особенно потому, что с ним это случилось, как и говорит он в конце послания: *сии вси издалеча видевше обетования и целовавше, не прияша обетования, да не без нас совершенство приимут* (Евр. XI, 13, 39, 40). *Аврааму бо*, говорит, *обетовая Бог, понеже ни единем имяше большим клятися, клятся собою, глаголя: воистинну благословя благословлю тя и умножая умножу тя. И тако долготерпев получи обетование.* Как же в конце он говорит: *не прияша обетования*, а здесь: *долготерпев получи обетование*? Каким образом не

получил и получил? Не об одном и том же он говорит здесь и там, но внушает двоякое утешение. Обетовал (Бог) Аврааму, и обетование, о котором здесь говорится, исполнил спустя долгое время; а то (обетование), о котором там говорится, было не таково. *И тако долготерпев получи обетование.* Видишь ли, что не одно только обетование совершило все, но и долготерпение? Здесь он внушает им страх, выражая, что часто обетование не исполняется по малодушию (людей). Это доказал он примером (израильского) народа, который малодушествовал и потому не получил обетования, а примером Авраама доказывает противное. В конце он внушает еще нечто большее: говорит, что (другие) и долготерпев, не получили, и однако не предавались унынию. *Человецы бо большим кленутся, и всякому их прекословию кончина во извещение клятва есть: Бог же, понеже ни единем имяше большим клятися, клятся собою.* Правильно. Но кто был клявшийся Аврааму? Не Сын ли? Нет, говоришь ты. Почему же так говоришь? Напротив, именно Он; впрочем я не стану спорить. Когда Он клянется той же самой клятвой: *аминь, аминь глаголю вам,* то не ясно ли, что это за неимением никого выше, кем бы клясться? Как клялся Отец, так и Сын клянется самим Собой: *аминь,* говорит, *аминь глаголю вам.* Здесь (апостол) напоминает им о тех клятвах, которые часто произносил Христос, когда говорил: *аминь, аминь глаголю тебе: веруяй в мя не умрет во веки* (Ин. XI, 26). Что значит: *и всякому их прекословию кончина во извещение клятва есть?* Иначе сказать: этим разрешаются недоумения во всяком спорном случае, не в таком-то или таком-то, но во всяком. Богу нужно было верить и без клятвы; но *в немже лишше хотя Бог показати наследником обетования непреложное совета своего, ходатайствова клятвою* (ст. 17). Здесь (апостол) разумеет и верующих; потому и упоминает о таком обетовании, которое от-

носилось ко всем нам вообще. *Ходатайствова*, говорит, *клятвою.* Опять и здесь он говорит о Сыне, который есть посредник между людьми и Богом. *Да двема вещми непреложными, в нихже не возможно солгати Богу* (ст. 18). Какой и какой? Тем, что сказал и обещал, и тем, что к обетованию присоединил клятву. Так как у людей считается более достоверным то, что подтверждено клятвой, поэтому и присоединил клятву.

2. Видишь ли, что (Бог) смотрит не на собственное достоинство, но, с целью убедить людей, попускает говорить о Себе и недостойное Его, именно для того, чтобы удостоверить. Касательно Авраама, (апостол) показывает, что все было делом Божиим, а не делом его долготерпения, – когда Бог благоволил присоединить клятву, когда, подобно тому как люди клянутся, поклялся и Бог самим Собой. Люди клянутся Им, как большим, а Он клялся не как большим, и однако исполнил. Клятва самим Собой не одинакова у человека и Бога, потому что человек не имеет власти над собой. Итак, видишь, это сказано (апостолом) не столько по отношению к Аврааму, сколько по отношению к нам. *Да крепкое*, говорит, *утешение имамы прибегшие ятися за предлежащее упование.* Выше он сказал: *долготерпев получи обетование,* и теперь говорит *(да крепкое утешение имамы);* впрочем, не прибавил: понеже клятся (Бог). А в чем состоит клятва, это Он объяснил словами: *клятися большим.* Так как род человеческий недоверчив, то (Бог) нисходит к тому, что свойственно нам; Он клянется для нас, – хотя недоверчивость и недостойна Его, – подобно тому, как Он *навыче от сих, яже пострада* (Евр. III, 8), потому что люди считают более достоверным познанное на опыте. Что значит: *за предлежащее упование?* На основании тех (обетований), говорит, мы ожидаем будущего, потому что если они спустя долгое время исполнились, то и это непременно ис-

полнится. Так бывшее с Авраамом удостоверяет нас в будущем. *Еже аки котву имамы души тверду же и известну и входящую во внутреннейшее завесы: идеже предтеча о нас вниде Иисус, по чину Мелхиседекову первосвященник быв во веки* (ст. 19, 20). Нас, живущих в этом мире и еще не отошедших от жизни, (апостол) представляет уже достигшими обещанного, потому что надеждой мы уже на небе. Надейтесь, говорит он, потому что это непременно исполнится; а в удостоверение говорит: лучше сказать, надеждой вы уже достигли этого. Не сказал: мы входим внутрь (завесы), но: она вошла внутрь, что справедливее и убедительнее. Как якорь, спущенный с корабля, не позволяет ему носиться по волнам, какие бы ветры ни колебали его, но прикрепляясь к нему, делает его неподвижным, так и надежда. И смотри, какое близкое представил он сравнение; не указал на основание, которое не так здесь приличествовало бы, но на якорь. Посредством него корабль, находящийся в открытом море и по-видимому не укрепленный, стоит на воде как бы на суше, колеблется и не колеблется. О людях весьма твердых и любомудрых Христос прилично употребляет то выражение (основание): *иже*, говорит, *созда храмину свою на камени* (Мф. VII, 24); а о людях, не совсем твердых и принужденных руководиться надеждой, Павел справедливо употребил это выражение (якорь). Волнение и сильная буря колеблют судно; но надежда не позволяет ему носиться по волнам, какие бы ветра ни нападали на него, так что если бы мы не имели ее, то давно утонули бы, и не только в делах духовных, но и в житейских она оказывает великую силу, как-то: в торговле, в земледелии, на войне; кто не будет иметь ее в виду, тот и не примется за дело. (Апостол) назвал ее не просто якорем, но верным и твердым, чтобы показать несомненность ее для спасения тем, которые утверждаются на ней;

потому и прибавляет еще: *входящую во внутреннейшее завесы.* Что это значит? То же что – достигающую до неба. Потом присовокупляет и удостоверение, – чтобы она была не только надеждой, но и надеждой совершенно истинной; после клятвы приводит еще нечто другое, именно, доказательство от дел: *предтеча о нас вниде Иисус.* Предтеча есть тот, кто идет перед кем-нибудь, как например, Иоанн – (предтеча) Христов. И не просто: *вниде,* но: *идеже предтеча о нас вниде,* так что и мы должны следовать за ним, потому что между предтечей и следующими за ним не должно быть большого расстояния, – иначе он не был бы предтечей. Предтеча и следующие за ним должны быть на одном и том же пути; дело первого – идти впереди, а последних – следовать за ним. *По чину,* говорит, *Мелхиседекову первосвященник быв во веки.* Вот и еще иное утешение – в том, что наш первосвященник выше и гораздо лучше (первосвященников) иудейских, не только по способу (избрания), но и по месту, и по скинии, и по завету, и по личности. Впрочем, это говорится (о Христе) по плоти.

3. Итак, нужно быть лучшими и для тех, у кого Он первосвященником; насколько велико различие между Аароном и Христом, настолько же велико различие должно быть между нами и иудеями. Смотри, мы имеем горе жертвенного агнца, горе первосвященника, горе жертву. Потому мы должны приносить такие жертвы, которые могли бы быть возложены на таком жертвеннике, – не овец и волов, не кровь и тук. Все это прекратилось, а вместо того введено словесное служение. Что такое словесное служение? Душевное, духовное, – *Бог,* говорится (в Писании), *естъ Дух, и иже кланяется ему, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. IV, 24), – такое, для которого не нужно ни тела, ни орудий, ни мест; таковы: кротость, целомудрие, милосердие, незлобие,

долготерпение, смиренномудрие. Такие жертвы еще в Ветхом Завете издавна предуказаны. *Пожрите* Богу, говорит Давид, *жертву правды* (Пс. IV, 6); и еще: *тебе пожру жертву хвалы* (Пс. CXV, 8); и еще: *жертва хвалы прославит мя* (Пс. XLIX, 23); и еще: *жертва Богу дух сокрушен* (Пс. L, 19); и еще: *чесого Господь ищет от тебе, разве еже ходити с ним* (Мих. VI, 8) *всесожжений и о гресе не взыскал еси: тогда рех: се прииду еже сотворити волю твою, Боже* (Пс. XXXIX, 7, 8); и еще: *вскую мне кадило от Савы приносите* (Иер. VI, 20); и другой (пророк): *отстави от мене глас песней твоих, и песни органов твоих не послушаю* (Ам. V, 23); но, вместо того, *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6).

Видишь, какими жертвами нужно благоугождать Богу? Видишь, что те жертвы давно уже прекратились, а эти введены вместо них? Их мы и будем приносить. Те — жертвы людей богатых и достаточных, а эти — жертвы добродетели; те — внешние, а эти — внутренние; те может приносить всякий, а эти — немногие. Насколько человек лучше овцы, настолько эта жертва (выше) той, потому что здесь ты приносишь в жертву свою душу. Есть и еще жертвы, поистине — всесожжения; это — тела святых мучеников; у них святы и душа и тело; они исполнены великого благоухания. И ты, если захочешь, можешь приносить такую жертву. Каким образом, когда ты не можешь предавать тела своего на сожжение? Ты можешь (предавать себя) другому огню, например, огню произвольной нищеты, огню скорби. Когда кто-нибудь, имея возможность жить роскошно и великолепно, умерщвляет себя жизнью подвижнической и прискорбной, то не есть ли это — всесожжение? Умертви тело свое и распни его, и ты также получишь венец мученичества. Что там совершает меч, то здесь пусть совершает усердие. Пусть не воспламеняется и не овладевает (тобой) сребролюбие,

но пусть пожигается и истребляется эта безумная страсть духовным огнем, пусть отсекается мечом Духа. Это – добрая жертва, для которой не нужен священник, но только сам приносящий ее, – жертва прекрасная, которая совершается на земле, но тотчас же принимается на небе. Не дивимся ли мы, как в древности сошел огонь и истребил все (3 Цар. XVIII, 38)? Может и ныне сходить огонь, гораздо более чудный, и истреблять все предлагаемое, или лучше, не истреблять, но возносить на небо, – так как он не в пепел превращает дары, но приносит Богу. Таковы были приношения Корнилия: *молитвы, твоя,* сказано (ему), *и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога* (Деян. X, 11). Вот прекрасное сочетание! Тогда и мы бываем услышаны, когда сами слышим приходящих к нам нищих. *Иже затыкает*, говорится (в Писании), *ушеса своя, еже не послушати немощнаго,* молитвы того не послушает Бог (Притч. XXI, 13); *блажен разумеваяй на нища и убога: в день лют избавит его Господь* (Пс. XL, 2). Это не иной какой-нибудь день, но тот день, который будет тяжким для грешников. Что значит: *разумеваяй?* Понимающий, что такое нищий, вникающий в его бедствие, – ведь кто постигнет его бедствие, тот, конечно, тотчас окажет ему милость. Когда ты увидишь нищего, то не отворачивайся от него, но тотчас подумай, каков был бы ты сам, если бы был на его месте, чего хотел бы ты получить от всех? *Разумеваяй*, говорит. Представь, что и он свободен так же, как ты, имеет одинаковую с тобой благородную природу, и все у него общее с тобой; и между тем его, который нисколько не хуже тебя, ты часто не равняешь даже со своими собаками; эти вполне насыщаются хлебом, а тот нередко засыпает голодным, так что свободный становится ниже твоих рабов. Но рабы, скажешь, оказывают нам услуги. Какие, объясни мне? Они тебе хорошо служат? Но если я докажу, что и он оказывает тебе услугу

гораздо больше их, — что ты скажешь? Он предстанет в день суда, и избавит тебя от огня. Могут ли все рабы сделать что-нибудь подобное? Когда умерла Тавифа (Деян. IX), кто воскресил ее? Рабы ли, окружавшие ее, или бедные? А ты не хочешь поставить свободного наравне даже с рабами. Вот сильная стужа; нищий лежит на помосте, одетый в рубище, умирая с холода, скрежеща зубами, и видом и одеждой возбуждая сострадание; но ты, одетый тепло и опьяневший, проходишь мимо (не обращая на него внимания). Как же ты желаешь, чтобы Бог избавил тебя, когда находишься в несчастье? Ты часто говоришь: если бы я был в таком положении, что кто-нибудь много согрешил бы против меня, то я простил бы его, — Бог ли не простит мне? Не говори этого; сам ты презираешь того, который даже ни в чем не согрешил против тебя, и которому ты мог бы помочь. Если же ты презираешь такого (человека), то как Бог простит тебе грехи твои против Него? Не заслуживает ли это геенны? И вот что странно: нередко тело мертвое, безжизненное, уже не чувствующее почестей, ты прикрываешь множеством разнообразных позолоченных одежд; а тело страждущее, болезненное, мучимое и изнуряемое голодом и холодом, ты презираешь; более угождаешь тщеславию, нежели страху Божию. И, о, если бы только это! Но тотчас (начинаются еще) укоризны на подходящего (бедняка). Почему, говоришь ты, он не работает? Зачем ест хлеб, не трудясь? Но ты сам, скажи мне, своими ли трудами приобрел то, что имеешь? Не отцовское ли получил наследство? А если бы ты и трудился, то неужели поэтому ты можешь укорять другого? Разве ты не слышал слов Павла: *вы же не стужайте доброе творяще?* И это говорит после того, как сказал: *аще кто не хощет делати, ниже да яст* (2 Сол. III, 13, 10). Но он, говоришь ты, обманщик.

4. Что говоришь ты, человек? Из-за одного хлеба и одежды ты называешь его обманщиком? Но он тотчас продаст ее, говоришь ты. А ты сам хорошо ли распоряжаешься всем своим имуществом? Как, неужели все нищие сделались такими от праздности? Неужели никто от кораблекрушений, никто от судилищ, никто от воров, никто от несчастий, никто от болезней, никто от каких-нибудь других обстоятельств? Между тем мы, слыша бедного, жалующегося на подобные несчастья, взывающего громким голосом, устремляющего взоры на небо, с открытой головой, с распущенными волосами, одетого в рубище, тотчас называем его обманщиком, плутом, лицемером. Не стыдно ли тебе? Кого ты называешь обманщиком? Если не хочешь ничего дать, то, по крайней мере, не поноси человека. Но, говоришь ты, он имеет средства и притворяется. Это служит к осуждению тебя, а не его; он знает, что имеет дело с людьми жестокосердыми, скорее со зверями, нежели с людьми, и что, сколько бы он ни произносил жалобных слов, никого не тронет, а потому и принужден принимать на себя вид еще более жалкий, чтобы преклонить твою душу. Когда мы увидим, что кто-нибудь подходит к нам в опрятной одежде, то говорим: он обманщик, он подходит в таком виде, чтобы показать, что он из благородных; а когда увидим кого-нибудь в противоположного свойства одежде, то укоряем и его. Что же им делать? О, жестокость! О, бесчувственность! Для чего, говоришь ты, они обнажают изувеченные члены? Для тебя. Если бы мы были сострадательны, то им не нужно было бы прибегать к таким средствам; если бы они могли трогать с первого взгляда, то не ухищрялись бы подобным образом. Какой несчастный захотел бы так вопить, принимать на себя отвратительный вид, вместе с обнаженной женой рыдать перед всеми, вместе с детьми посыпать

себя пеплом? Что может быть хуже такой крайности? Но и за это мы не только не оказываем им сострадания, а еще осуждаем их. Как же после того мы можем негодовать, что Бог не внемлет нашим молитвам? Как можем роптать, что Он не удовлетворяет нашим прошениям? Не страшно ли это, возлюбленные? Но, говоришь ты, я часто подавал. А ты разве не каждый день принимаешь пищу? Разве ты отталкиваешь детей, хотя они и часто просят тебя? О, бесстыдство! Ты называешь нищего бесстыдным. Сам, похищая чужое, ты не считаешь себя бесстыдным; а просящий хлеба бесстыден? Ужели ты не знаешь, как сильна потребность желудка? Не делаешь ли ты все для него? Не оставляешь ли ты для него духовных предметов? Тебе обещано небо и царство небесное; а ты, покоряясь насилию его (желудка), не переносишь ли все и не пренебрегаешь тем (обещанным)? Вот истинное бесстыдство! Не видишь, ли ты увечных старцев? Но, — о, злословие! — этот, говорите вы, дает в долг по столько-то золотых, а тот по столько-то, и между тем выпрашивают (милостыни). Вы рассказываете басни и сказки малых детей, которые они всегда слышат от своих нянек; я не думаю, не верю, не может быть. Такой-то дает деньги в рост, а сам при своем достатке просит милостыни? Для чего же, скажи мне? Что может быть постыднее прошения милостыни? Лучше умереть, нежели просить. Но доколе мы будем жестокосердыми? Как, неужели все они дают деньги в рост? Неужели все обманщики? Неужели нет ни одного действительно нищего? Есть, говоришь ты, и много. Почему же ты не оказываешь помощи им, если ты точно знаешь жизнь их? Нет, это — предлог и отговорка. *Всякому просящему у тебе дай, и хотящаго от тебе заяти не отврати* (Мф. V, 42; Лк. VI, 30); *буди рука твоя простерта, а не согбена* (Сир. IV, 35). Мы не поставлены быть судьями жизни других; иначе мы никому не

подадим милостыни. Когда ты молишься Богу, то не говоришь ли: *не помяни грехов моих* (Пс. XXIV, 7)? Так и о нищем, хотя бы он был великий грешник, думай то же и не поминай грехов его. Ныне время человеколюбия, а не строгого суда, – милости, а не осуждения. Он хочет есть: если желаешь, дай ему; если же не желаешь, откажи, не исследуя, почему он беден и несчастен. Для чего ты и сам не подаешь ему, и желающих подать отклоняешь? Ведь когда кто-нибудь услышит от тебя, что этот (нищий) – обманщик, а тот – лицемер, ростовщик, то не подаст ни тому, ни другому, подумав, что они все таковы. Известно, как легко мы верим худому, и как нелегко – хорошему. Мы должны быть не просто милосердны, но *якоже Отец* наш *небесный* (Мф. V, 48). Он питает и блудников, и прелюбодеев, и обманщиков, и вообще всякого рода злодеев. В настоящем мире необходимо быть и такого рода многим; Он же всех одевает, и никто никогда не умирал с голоду, разве только по собственной воле.

Так и мы должны быть милосерды. Если кто просит у тебя и находится в нужде, помоги ему. Но мы ныне дошли до такого безумия, что поступаем так не только с нищими, ходящими по переулкам, но и с монашествующими: он, говорят, обманщик! Не внушал ли я вам и прежде, что если мы будем подавать всем без разбора, то постоянно будем оказывать милосердие; а если станем исследовать, то никогда не окажем милосердия? Что говоришь ты? Неужели он притворяется для того, чтобы получить хлеба? Если бы он просил талантов золота и серебра, или драгоценных одежд, или рабов, или чего-нибудь подобного, то справедливо можно было бы назвать его обманщиком; но если он не просит ничего такого, а только пищи и одежды, вещей самых умеренных, то, скажи мне, свойственно ли это обманщику? Оставим эту неуместную, сатанинскую,

пагубную разборчивость. Когда кто-нибудь станет говорить, что он принадлежит к клиру, или называть себя священником, тогда разведай, расспроси, потому что общение с таким человеком без исследования небезопасно, — здесь великая опасность. А когда кто-нибудь просит пищи, то не исследуй; здесь ты не столько даешь, сколько сам принимаешь. Вспомни, если хочешь, как Авраам оказывал гостеприимство всем приходящим. Если бы он делал исследования о приходящих к нему, то не принял бы ангелов; может быть, не считая их ангелами, он вместе с другими отказал бы и им; но так как он принимал всех, то принял и ангелов. Разве за жизнь принимающих от тебя Бог дает тебе награду? Нет, — за твое расположение, за твое милосердие, за великое человеколюбие, за доброту. Если будет она, то и ты получишь все блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

Сей бо Мелхиседек, царь Салимский, священник Бога вышняго, иже срете Авраама возвращшася от сеча царей, и благослови его, емуже и десятину от всех отдели Авраам, первее убо сказуется царь правды, потом же царь Салимский (еже есть царь мира), без отца, без матере, без причта рода, ни начала днем, ни животу конца имея, уподоблен же Сыну Божию пребывает священник выну (Евр. VII, 1—3)

1. Павел, желая показать различие между Новым и Ветхим Заветами, во многих местах указывает на это различие, и в самом начале говорит о нем, и далее,

научая слушателей, предуготовляет их. В самом начале он указал на это, когда сказал, что *(Бог) глаголал (отцем) во пророцех,* а *нам в Сыне,* тем *многочастне и многообразне,* а нам через Сына. Потом, сказав о Сыне, кто Он и что совершил, преподав увещание повиноваться Ему, чтобы не подвергнуться участи, одинаковой с иудеями, объяснив, что Он есть первосвященник по чину Мелхиседекову, неоднократно выразив желание раскрыть это различие и уже многое предуготовив к тому, обличив их за их слабости, и потом ободрив и утвердив, чтобы они не унывали, — (апостол) наконец приступает к объяснению самого различия перед ободренными слушателями: ведь человек, упавший духом, нелегко может принять слышанное. А чтобы ты убедился (в справедливости этого), послушай Писание, которое говорит: *и не послушаша Моисеа от малодушия* (Исх. VI, 9). Потому он, наперед рассеяв их уныние многими, и грозными и кроткими, внушениями, затем уже и приступает к раскрытию этого различия. Что же говорит он? *Сей бо Мелхиседек, царъ Салимский, священник Бога вышняго.* И вот что удивительно: в самом прообразе он открывает великое между ними различие: он всегда, как я сказал, доказывает прообразом истину, прошедшим настоящее, по немощи слушателей. *Сей бо,* говорит, *Мелхиседек, царъ Салимский, священник Бога вышняго, иже срете Авраама, возвращшася от сеча царей, и благослови его: емуже и десятину от всех отдели Авраам.* Изложив кратко все событие, он рассматривает его с таинственной стороны, и прежде всего начинает с имени: *первее убо,* говорит, *сказуется царъ правды.* Справедливо: *седек* значит — правда, а *мелхи* — царь; следовательно, Мелхиседек — *царъ правды.* Видишь ли точность в самых выражениях? Кто же этот царь правды, как не Господь наш Иисус Христос? *Потом же царъ Салимский,* — от имени города, — *еже есть царъ мира,* потому что *салим* имеет такое значение. Это

опять относится ко Христу, потому что Он сделал нас праведными и умиротворил *яже на небеси и яже на земли.* Кто из людей – царь правды и мира? Никто; таков только Господь наш Иисус Христос. Затем (апостол) представляет другую особенность: *без отца,* говорит, *без матере, без причта рода, ни начала днем, ни животу конца имея, уподоблен же Сыну Божию, пребывает священник вину.* Так как ему по-видимому противоречили слова: *ты еси священник во век по чину Мелхиседекову,* – ведь Мелхиседек умер и не был священником во веки, – то, смотри, как он объясняет это. Чтобы никто не возразил: кто может сказать это о человеке? – он говорит: я разумею это не в собственном смысле, то есть мы не знаем ни того, кого имел Мелхиседек отцом и кого матерью, ни того, когда он родился и когда скончался. Но что в том, скажешь (что мы не знаем)? Разве поэтому, что мы не знаем, он и не умер, или не имел родителей? Справедливо говоришь ты; он и умер и имел родителей. Почему же он *без отца, без матере?* Почему *ни начала днем, ни животу конца имея?* Почему? Потому, что об этом не упоминается в Писании. Что же это значит? То, что как он *без отца,* поскольку нет его родословия, так Христос таков на самом деле.

2. Здесь открывается безначальность и бесконечность (Сына). Как мы не знаем ни начала дней, ни конца жизни (Мелхиседека), потому что не написано, так мы не знаем этого и касательно Иисуса, но не потому, что не написано, а потому, что у Него действительно этого нет. Первый есть прообраз, и потому об нем только не написано; а последний есть истина, и потому у Него действительно этого нет. Как по отношению к именам у первого только названия: *царь правды* и *мира,* а у последнего само дело, так и здесь к первому относятся только названия, а к последнему само дело. Как же (о Сыне говорится, что) Он имеет начало? И здесь Сын называется безначальным не в том смысле, будто Он не

имеет виновника, — это невозможно: Он имеет Отца: иначе как Он был бы Сыном? — но в том, что Он не имеет ни начала, ни конца своего бытия. *Уподоблен же Сыну Божию.* В чем это подобие? В том, что мы не знаем ни начала, ни конца как того, так и другого; но первого потому, что не написано, а второго потому, что он не имеет их. Вот в чем сходство. Если бы у них было сходство во всем, то они не были бы один прообразом, а другой истиной, но были бы оба прообразами. То же самое можно видеть и в картинах; и в них есть некоторое сходство, есть и несходство (с оригиналом); в простом очертании есть некоторое сходство по виду, а когда бывают наложены краски, тогда ясно открывается различие; есть сходство и несходство. *Видите же,* говорит (апостол), *елик сей, емуже и десятину дал есть Авраам патриарх от избранных* (ст. 4). Доселе он раскрывал прообраз; теперь с уверенностью представляет (Христа) превосходнейшим всего, что было истинного у иудеев. Если таков прообраз Христов, если он столько выше не только священников, но и самого праотца священников, то что сказать об истине? Видишь ли, с какой силой доказывает Его превосходство? *Видите же,* говорит, *елик сей, емуже и десятину дал есть Авраам патриарх от избранных.* Избранными называется добыча. Нельзя сказать, что дал ее, как участнику в войне, потому что говорится: *срете (Авраама) возвращшася от сеча царей;* очевидно, что он оставался дома, и что (Авраам) дал ему начатки приобретенного им самим. *И приемлющии убо священство от сынов Левиин заповедь имут одесятствовати люди по закону, сиречь, братию свою, аще и от чресл Авраамовых изшедшую* (ст. 5). Таково, говорит, преимущество священства, что люди, равночестные по происхождению и имеющие одного и того же прародителя, делаются гораздо выше других; потому и получают от них десятины. Если же найдется кто-нибудь та-

кой, кто возьмет с них самих десятину, то не станут ли они наряду с мирянами, а он наряду с священниками? Притом (Мелхиседек) не был равен им и по происхождению, но происходил из другого рода: следовательно (Авраам) не дал бы иноплеменнику десятины, если бы не видел в нем высокой чести. Увы, что случилось! Здесь (апостол) выразил более, нежели в послании к Римлянам, когда он рассуждал о вере. Там он говорит, что Авраам есть праотец и нашего и иудейского состояния; а здесь говорит о нем совершенно не то, и доказывает, что необрезанный гораздо выше его. Чем же он доказывает? Тем, что сам Левий дал десятину? *Авраам*, говорит он, *дал есть*. Как же, скажете, это относится к нам? К вам особенно и относится, потому что вы, конечно, не станете доказывать, что левиты выше Авраама. *Не причитаемый же родом к ним одесятствова Авраама*. И не просто сказал это, но еще присовокупил: *и имущаго обетования благослови* (ст. 6). Так как это всегда считалось у иудеев важным, то он доказывает превосходство одного перед другим и применительно к общему суждению всех: *без всякаго же прекословия*, говорит, *меньшее от большаго благословляется* (ст. 7), то есть всякий знает, что меньший благословляется большим. Следовательно, прообраз Христов был выше и этого, кто имел обетования. *И зде убо десятины человецы умирающии приемлют тамо же свидетельствуемый, яко жив есть* (ст. 8). А чтобы не сказали: для чего ты обращаешься к давним временам? – какое отношение к нашим священникам того, что Авраам дал десятину? – скажи о том, что касается нас, – для этого (апостол) продолжает: *и да сице реку*. Прекрасно выражается, не высказывая мысли своей ясно, чтобы не поразить слушателей. *Авраамом и Левий, приемляй десятины, десятины дал есть* (ст. 9). Каким образом? *Еще бо в чреслех отчиих бяше, егда срете его Мелхиседек* (ст. 10), то есть в нем был Левий и,

еще не родившись, через него дал десятину. И смотри, не сказал: левиты, но *Левий,* с намерением – через это еще более доказать превосходство. Видишь ли, какое различие между Авраамом и Мелхиседеком – прообразом нашего первосвященника? Здесь видно преимущество по власти, а не по необходимости. Тот дал десятину, что́ следует священнику; а этот благословил, что́ свойственно высшему. Это преимущество переходит и на потомков. Удивительно и победоносно (апостол) опроверг все иудейское; потому он и сказал прежде: *немощни бысте* (Евр. V, 11), что хотел предложить эти истины, – чтобы они не отвратили слуха. Такова мудрость Павлова: он наперед предуготовляет, а потом уже приступает к тому, что намерен говорить. Род человеческий не скоро убеждается и требует многих попечений, даже больше, нежели растения. Там свойство тел и земли, которое уступает рукам земледельцев; а здесь свободная воля, которая допускает частые перемены и избирает то одно, то другое, потому что удобопреклонна ко злу.

3. Поэтому нам нужно постоянно смотреть за собой, чтобы не задремать: *се,* говорит (Псалмопевец), *не воздремлет, ниже уснет храняй Исраиля,* и еще: *не даждь во смятение ноги твоея* (Пс. CXX, 3, 4). Не сказал: не смущайся, но: *не даждь;* следовательно, давать зависит от нас, а не от кого-нибудь другого; если мы захотим стоять прямо и неподвижно, то не придем в смятение; это именно он выразил приведенными словами. Что же? Неужели ничто (не зависит) от Бога? Все от Бога, но не так, чтобы нарушалась и наша свобода. Если все от Бога, то за что же, скажешь, обвинять нас? Но для того я и прибавил; не так, чтобы нарушалась наша свобода. Все здесь зависит и от нас, и от Него; нам следует наперед избирать доброе, а когда мы изберем, тогда и Он оказывает свое содействие.

Он не предупреждает нашего желания, чтобы не нарушилась наша свобода; когда же мы изберем, тогда Он подает нам великую помощь. Почему же, если это зависит и от нас, Павел говорит: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. IX, 16)? Во-первых, он приводит это не как собственную мысль, но как следствие из предыдущего и прежде раскрытого предмета, — после того как сказал: написано: *помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (Рим. IX, 15), он прибавил: *темже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога.* Будешь ли еще после этого говорить: за что же обвинять? Во-вторых, и то можно сказать, что кому принадлежит большая часть, тому он и приписывает все; наше дело предызбрать и восхотеть, а дело Божие — привести в исполнение и довершить. Так как большая часть принадлежит Богу, то (апостол) и приписывает все Ему, выражаясь по обычаю человеческому. И мы ведь так делаем, например, видим дом хорошо выстроенный и говорим: это все — дело архитектора, хотя не все принадлежит ему, но также и работникам, и господину, доставлявшему материал, и многим другим; но так как большая часть дела зависела от него, то мы и говорим, что все это — его дело. Точно так и здесь. Подобным образом о народе, где его много, мы говорим: там все; а где немного, то говорим: нет никого. Так и Павел здесь говорит: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога.* Этими словами он преподает два весьма важных урока: первый, чтобы не превозноситься добрыми делами, которые мы совершаем; второй, чтобы, совершая добрые дела, приписывать исполнение их Богу. Сколько бы, говорит, ты ни трудился, сколько бы ни старался, — не считай доброго дела своим, потому что если бы ты не получил помощи свыше, то все было бы напрасно. Если ты будешь иметь успех в своих трудах, то, очевидно, при помощи свыше, впрочем когда и

сам ты трудишься, когда обнаруживаешь желание. Не то он сказал, будто мы трудимся напрасно, но то, что мы напрасно трудимся в таком случае, если все считаем своим, если не приписываем большей части Богу. Бог благоволил не все оставить Себе, чтобы не показалось, будто Он увенчивает нас напрасно, и не все предоставил нам, чтобы мы не впали в гордость. Если, и совершая меньшую часть, мы так много превозносимся, то что было бы, если бы мы были виновниками всего? Многое сделал Бог для истребления в нас гордости. *И еще рука его высока*, говорит (пророк) (Ис. V, 25). Скольким страстям Он попустил овладевать нами, чтобы уничтожить нашу надменность? Сколькими окружил нас зверями? Подлинно, когда кто-нибудь говорит: что это? для чего это? – тогда говорит вопреки воле Божий. (Бог) поставил тебя среди таких ужасов, и ты не смиренномудрствуешь; но если получишь в чем-нибудь хотя малый успех, тотчас возносишься надменностью до самого неба.

4. Оттого и бывают весьма быстрые перемены и падения, – и однако мы не вразумляемся ими; оттого частые и неожиданные смертные случаи, – и однако мы живем, как будто бессмертные, как будто никогда не имеющие умереть; похищаем чужое, предаемся любостяжанию, как будто никогда не будем отдавать отчета; сооружаем здания, как будто здесь останемся вечно. Ни слово Божие, каждодневно возглашаемое нам, ни сами события не вразумляют. Нет дня, нет даже часа, в который не видно было бы похорон, – и все напрасно, ничто не трогает нашей бесчувственности. От несчастий других мы не можем, или правильнее, не хотим делаться лучшими; лишь когда сами страдаем, тогда сокрушаемся, а как скоро Бог отнимет руку свою, мы опять поднимаем собственную руку. Никто не думает о горнем, никто не пренебрегает земным, никто не

взирает на небо; как свиньи смотрят вниз, наклонившись к брюху и валяясь в грязи, так и многие из людей остаются нечувствительными, оскверняя себя гнуснейшей грязью. В самом деле, лучше замараться отвратительной грязью, нежели грехами, потому что замаравшийся грязью скоро может омыться и сделаться подобным тому, кто никогда не попадал в эту нечистоту, а впавший в ров греха получает осквернение, которое не смывается водой, но требует продолжительного времени, искреннего раскаяния, слез, рыданий, плача гораздо большего и сильнейшего, нежели какой бывает при (потере) самых близких сердцу. Грязь пристает к нам отвне, потому мы скоро и очищаем ее; а нечистота греха рождается внутри, потому мы с трудом уничтожаем ее и очищаемся. *От сердца бо*, говорит (Господь), *исходят помышления злая, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства* (Мф. XV, 19). Потому и пророк говорит: *сердце чисто созижди во мне, Боже* (Пс. L, 19); и другой: *омый от лукавства сердце твое, Иерусалиме* (Иер. IV, 14). Видишь, что совершение доброго дела зависит и от нас и от Бога? И еще: *блажени чистий сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. V, 8).

Постараемся же быть чистыми по мере сил наших; очистим себя от грехов. А как можно очиститься? Этому научает пророк, когда говорит: *измыйтеся, чисти будите, отъимите лукавства от душ ваших пред очима моима* (Ис. I, 16). Что значит: *пред очима моима?* Иные кажутся непорочными, но только перед людьми, а перед Богом являются гробами повапленными. Потому (Бог) и говорит: очиститесь так, чтобы Я видел (вас чистыми). *Научитеся добро творити, взыщите суда, обидимаго* и убогого *оправдите: и приидите, и истяжимся, глаголет Господь: и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю аще же будут яко червленое, яко волну убелю* (Ис. I, 17, 18). Видишь, что наперед нам самим нужно очищать себя, а потом уже и Бог очищает нас? Он сначала сказал: *измыйтеся,*

чисти будете; а потом присовокупил: *аз убелю.* Итак, никто из людей, хотя бы дошедших до крайней степени зла, не должен отчаиваться; хотя бы ты, говорит, приобрел навык и даже вошел в природу самого зла, не бойся. Для этого Он и берет в пример краски, не легко выводимые, но входящие почти в само существо вещей, и говорит, что Он обратит их в противоположное состояние. Не сказал просто: омою, но: *яко снег* и *яко волну убелю,* – чтобы подать нам благую надежду. Следовательно, велика сила покаяния, если оно делает нас чистыми, как снег, и белыми, как волна, хотя бы грех предварительно запятнал наши души. Итак, постараемся сделаться чистыми; (Бог) не заповедует нам ничего трудного: *судите,* говорит Он, *сиру, и оправдите вдовицу.* Видишь ли, как часто и много Бог говорит о милостыне и о защите обижаемых? Будем же совершать эти добрые дела, и мы благодатью Божией достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА XIII

Аще убо совершенство левитским священством было (людие бо на нем взаконени быша), кая еще потреба, по чину Мелхиседекову, иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися? Прелагаему бо священству, по нужди и закону пременение бывает. О немже бо глаголются сия, колену иному причастися, от негоже никтоже приступи ко олтарю. Яве бо, яко от Иуды возсия Господь наш, о немже колене Моисей о священстве ничесоже глагола (Евр. VII, 11–14)

1. *Аще убо,* говорит, *совершенство левитским священством было.* Сказав о Мелхиседеке, показав, сколько он был выше Авраама, и объяснив великое между ними

различие, теперь он начинает показывать различие самих заветов, как один из них несовершен, а другой совершен. Впрочем и теперь еще не приступает к самому делу, а сначала рассуждает о священстве и завете, потому что для неверных было более убедительным предлагать доказательства от предметов уже принятых и прежде известных. Он доказал, что Мелхиседек был гораздо выше Левия и Авраама, явившись в отношении к ним священником. Это же он доказывает теперь с другой стороны. С какой именно? Со стороны священства нынешнего и иудейского. И посмотри на великую мудрость его: чем, по-видимому, Христос отделялся от священства, так как не был *по чину Ааронову,* то́ самое и приводит в доказательство Его священства, а прочих исключает. Он делает это, представляя себя самого как бы сомневающимся, почему (Христос) называется священником не по чину Ааронову, и потом разрешает недоумение. И я, говорит, недоумеваю, почему Он был не по чину Ааронову. Это он выражает словами: *аще убо совершенство левитским священством было.* А слова: *кая еще потреба* весьма усиливают мысль. Если бы Христос по плоти был священником по чину Мелхиседекову прежде, а потом уже явился закон и (священство) по чину Ааронову, то справедливо иной мог бы сказать, что последнее совершеннее и, будучи введено после, упраздняет первое; но если Христос, (является) после и принимает другой образ священства, то очевидно, что по причине несовершенства всего прежнего. Положим, говорит, что все прежнее исполнилось и нет ничего несовершенного в (прежнем) священстве: для чего же нужно было еще *глаголатися по чину Мелхиседекову, а не по чину Ааронову?* Для чего (Бог), оставив Аарона, вводит другое священство — Мелхиседеково? *Аще убо совершенство левитским священством было,* то есть, если бы по-

средством левитского священства достигаемо было совершенство в делах, в учении, в жизни. Заметь, как постепенно он идет вперед. Сказав, что Христос *по чину Мелхиседекову*, он доказал, что священство по чину Мелхиседекову выше, потому что сам (Мелхиседек) выше; затем он доказывает то же в отношении времени, то есть, что (Христос) после Аарона, следовательно и выше. А что означают следующие слова: *людие бо на нем взаконени быша?* Что значит: *на нем?* Им руководятся, через него совершают все, и нельзя сказать, что оно было дано для других. *Людие на нем взаконени быша*, то есть им пользуются и пользовались, и нельзя сказать, что оно, само будучи совершенно, не руководило народом. *На нем взаконени быша*, то есть им руководились. Какая же нужда в другом священстве, если бы это было совершенно? *Прелагаему бо священству по нужди и закону пременение бывает:* если нужно быть другому священнику, или лучше, другому священству, то нужно быть и другому закону. Это (сказано) против тех, которые говорят: какая была нужда в Новом Завете? Он мог бы привести свидетельства из пророчества: *сей завет, егоже завещах отцем вашим* (Деян. III, 25); но рассуждает пока о священстве. И смотри, как хотел внушить это. Сказав: *по чину Мелхиседекову*, он отверг чин Ааронов, так как не сказал бы: *по чину Мелхиседекову*, если бы тот был лучше. А когда введено другое священство, то должен быть и другой завет, потому что невозможно священнику быть без завета, законов и постановлений, или принявшему другое священство руководствоваться прежним заветом. Здесь представлялось возражение: как можно быть священником, не будучи левитом? Но (апостол), предуготовив ответ на это в вышесказанном, теперь уже не предлагает разрешения, а говорит об этом мимоходом: я сказал, говорит он, что священство переменено, следовательно должен

быть переменен и завет; переменен не только по образу действий и постановлениям, но и по колену, так как следовало (переменить его) и по колену. Каким образом? *Прелагаему бо,* говорит, *священству,* то есть оно перешло из колена в колено, из священнического в царское, для того, чтобы и царское и священническое составили одно. И заметь таинство: сначала было колено царское, а потом священническое, подобно как и во Христе, который был царем всегда, а священником стал тогда, когда принял плоть, когда принес жертву. Видишь ли перемену? То, что было предметом возражения, он представляет необходимым последствием событий: *о немже бо,* говорит, *глаголются сия, колену иному причастися, от негоже никтоже приступи ко олтарю. Яве бо, яко от Иуды, возсия Господь наш, о немже колене Моисей о священстве ничесоже глагола.* Смысл слов его следующий: и я знаю и говорю, что это колено не имело священства, и никто из него не был священником, — это именно означают слова: *никтоже приступи ко олтарю,* — во всем произошла перемена. Так, нужно было перемениться закону и Ветхому Завету, потому что и само колено переменено. Видишь ли, как он показывает еще иное различие (заветов) от различия колен? И не только этим он доказывает их различие, но и со стороны лица (первосвященника), и завета, и образа действий, и самого прообраза. *Иже не по закону заповеди плотския бысть, но по силе живота неразрушаемаго* (ст. 16).

2. *Бысть,* говорит, священником *не по закону заповеди плотския,* — потому что тот закон имел много плотского. И хорошо назвал его заповедью плотской: все, что он определял, было плотское. Так, предписания: обрежь плоть, помажь плоть, омой плоть, очисти плоть, остриги плоть, свяжи плоть, питай плоть, отдыхай плотью, — все это, скажи мне, разве не плотские (заповеди)? Если хочешь знать, каковы и те блага, которые он обещал,

послушай: долголетие, говорит для плоти, молоко и мед для плоти, покой для плоти, наслаждение для плоти. По такому-то закону Аарон получил священство; но Мелхиседек – не так. *И лишше еще яве есть, яко по подобию Мелхиседекову востает священник ин* (ст. 15). Что *яве есть?* Неодинаковость того и другого священства, различие, преимущество того, кто был *не по закону заповеди плотския.* Кто? Мелхиседек? Нет, – Христос. *Но по силе живота неразрушаемаго. Свидетельствует бо, яко ты еси священник во век по чину Мелхиседекову* (ст. 17), то есть не временный, не ограниченный пределом, *но по силе живота неразрушаемаго.* Этим (апостол) выражает, что (Христос) стал священником собственной силой и Отчей, силой бесконечной жизни. Хотя такое выражение не соответствует выражению: *не по закону заповеди плотския,* потому что следовало бы сказать: а по (заповеди) духовной; но он под именем плотской разумеет временную, подобно как и в другом месте говорит: *даже до времене исправления належащая оправдания плоти* (Евр. IX, 10). *По силе живота,* то есть потому, что Он живет собственной силой. Апостол сказал, что *закону пременение бывает,* и показал – каким образом; а затем приводит причину: ум человеческий более всего удовлетворяется тогда, когда знает причину, и через то возвышается в вере, потому что мы тогда более веруем, когда знаем и причину и основание, по которому что-нибудь бывает. *Отлагание убо бывает,* говорит, *прежде бывшия заповеди за немощное ея и неполезное* (ст. 18). Здесь восстают на нас еретики, которые говорят: вот и Павел назвал заповедь недоброй. Но послушай внимательно; он не сказал: потому что она недобра, или нехороша, но – *за немощное ея и неполезное.* И в другом месте он доказывает ее немощь, когда говорит: *в немже немоществоваше плотию* (Рим. VIII, 3). Следовательно, не заповедь немощна, но мы. *Никтоже бо совершил закон* (ст. 19). Что

значит: *ничтоже совершил?* Никого, говорит, он не довел до совершенства, так как его не слушались. Даже если бы его и слушались, и тогда он не сделал бы никого совершенным и добродетельным. Впрочем (апостол) не говорит этого здесь, но (говорит), что он не имел силы, – и справедливо, потому что письмена его повелевали: делай то-то, и не делай того-то, предлагали только (повеления), но не сообщали силы. Не такова наша надежда. Что значит: *отлагание?* Отмена, отвержение. А чего именно, это он объясняет, продолжая: *прежде бывшия заповеди:* так он называет закон, потому что он уже отменен за свою немощь; он прежде был, но прошел и устарел по своей немощи. *Отлагание* есть отмена того, что имело силу. Отсюда и видно, что он имел силу, но оставлен, потому что был совсем безуспешен. Итак, закон был совершенно бесполезен? Нет, он был полезен, и весьма полезен, но он не мог делать людей совершенными.

Поэтому (апостол) и говорит: *ничтоже бо совершил закон:* все в нем было прообразом, все – тенью, и обрезание, и жертвы, и суббота, все не могло проникать в душу, а потому прошло и отменено. *Приведение же есть лучшему упованию, имже приближаемся к Богу: и по елику не без клятвы* (ст. 20). Видишь ли, как необходима была здесь клятва? Потому (апостол) и рассуждал много о том, что Бог клялся, и клялся для большего удостоверения. *Приведение же лучшаго упования.* Что это значит? И закон, говорит, имел упование, но не такое; прежде благоугодившие (Богу) надеялись наследовать землю и не терпеть никакого бедствия, мы же, если угодим Богу, надеемся наследовать не землю, а небо; или даже, что гораздо важнее, надеемся стать близ Бога, приблизиться к самому престолу Отчему, служить Ему вместе с ангелами. И смотри, как он мало-помалу раскрывает эти (истины); прежде он сказал: *входящую во*

внутреннейшее завесы (Евр. VI, 19); а здесь: *имже приближаемся к Богу. И по елику не без клятвы.* Что значит: *и по елику не без клятвы?* То есть не без клятвенного уверения. Вот еще иное различие. Это обещано, говорит, не просто. *Они бо без клятвы священницы быта: сей же с клятвою чрез глаголющаго к нему: клятся Господь, и не раскается, ты еси священник во век по чину Мелхиседекову: потолику лучшаго завета бысть испоручник Иисус. И они множайши священницы быша, зане смертию возбранени суть пребывати: сейже, занеже пребывает во веки, непреступное имать священство* (ст. 21–24). (Апостол) указывает два преимущества (новозаветного священства): то, что оно не имеет конца, подобно подзаконному, и то, что оно установлено с клятвой. Все это он доказывает лицом Христа, принявшего (это священство): *по силе,* говорит, *живота неразрушаемаго,* также клятвой, потому что Бог *клятся,* и самим делом, потому что тот закон, говорит, отменен, так как был немощен, а этот стоит, так как имеет силу. То же он делает и со стороны священника. Каким образом? Доказывая, что Он один; а Он не был бы один, если бы не был бессмертен; как прежних священников было много, потому что они были смертны, так Он один, потому что Он – бессмертен. *Потолику лучшаго завета бысть испоручник Иисус:* Бог клялся Ему, что Он всегда будет священником; а Бог не сделал бы этого, если бы Он не был жив. *Темже и спасти до конца может приходящих чрез него к Богу, всегда жив сый, во еже ходатайствовати о них* (ст. 25).

3. Видишь ли, что (апостол) говорит это (о Христе) по плоти? Показав, что Он священник, благовременно потом говорит, что Он ходатайствует. И в другом месте, когда Павел говорит: *иже и ходатайствует о нас* (Рим. VIII, 26; 1 Тим. II, 5), то разумеет, что Он ходатайствует как первосвященник. В самом деле, Тот, кто *воскрешает мертвыя, ихже хощет, и живит тако, якоже*

Отец, как может ходатайствовать, когда нужно спасать? Как может ходатайствовать Тот, во власти которого находится весь суд (Ин. III, 19)? Как может ходатайствовать Тот, который посылает ангелов, чтобы одних ввергнуть в печь, а других спасти (Мф. XIII, 8)? *Темже,* говорит, *и спасти может* (ст. 25). Он спасает потому, что не умирает, потому, что Он *всегда жив* и не имеет преемника; а если не имеет преемника, то и может ходатайствовать за всех. Здешние первосвященники, как бы они ни были славны, были только на то время, пока были, например, Самуил и все подобные, а после того уже нет, потому что умерли; а Он не таков, но спасает *до конца.* Что значит: *до конца?* (Апостол) внушает некоторое великое таинство: не только здесь, говорит, но и там Он спасает *приходящих чрез него к Богу.* Как спасает? *Всегда жив сый во еже ходатайствовати о них.* Видишь ли, сколько уничиженного он сказал (о Христе) по человеческой Его природе? Он не однажды, говорит, ходатайствовал и получил, но всегда, когда нужно ходатайствовать о них; это и означает выражение: *до конца. До конца,* то есть не в настоящее только время, но и там в будущей жизни. Следовательно, Ему нужно непрестанно молиться? Но справедливо ли это? Даже и люди праведные часто одним прошением получали все: как же Он будет молиться непрестанно? И для чего Он сидит вместе с Отцом? Видишь ли, что здесь говорится о Нем уничиженное по Его снисхождению? Смысл слов следующий: не бойтесь ничего, не говорите: да, Он хотя и любит нас и имеет дерзновение перед Отцом, но не может жить всегда; Он всегда жив. *Таков бо нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив, безсквернен, отлучен от грешник* (ст. 26). Видишь ли, что все это сказано о человечестве (Христовом)? Когда же я говорю: о человечестве, то разумею человечество, соединенное с божеством, не разделяя их, но внушая

понимать это по надлежащему. Итак, видишь ли отличие первосвященника (от ветхозаветных)? Все вышесказанное (апостол) соединил в словах: *искушена по всяческим по подобию, разве греха* (Евр. IV, 15). *Таков бо нам*, говорит, *подобаше архиерей, преподобен, незлобив*. Что значит: *незлобив?* Не причастный злу, не коварный. А что Он действительно таков, послушай пророка, который говорит: *ниже обретеся лесть во устех его* (Ис. LIII, 9). Может ли кто-нибудь сказать это о Боге? Кто не постыдится сказать, что Бог не коварен, не льстив? А о Христе по плоти это сказать можно. *Преподобен, безсквернен:* и этого нельзя сказать о Боге, потому что Он по существу своему непорочен. *Отлучен от грешник*. И это ли только одно доказывает Его превосходство? Не доказывает ли и сама жертва? Да, жертва. Каким образом? *Иже не имать*, говорит, *по вся дни нужды, якоже первосвященницы, прежде о своих гресех жертвы приносити, потом же о людских: сие бо сотвори единою, себе принес* (ст. 27). Что — *сие?* Здесь (апостол) начинает говорить о превосходстве духовной жертвы. Он сказал о различии между священниками (ветхозаветным и новозаветным), сказал о различии между заветами (Ветхим и Новым), — хотя не вполне, однако сказал: здесь наконец начинает говорить и о самой жертве. Когда ты слышишь, что Христос есть священник, то не думай, что Он священнодействует постоянно; Он совершил священнодействие однажды, и затем воссел (одесную Отца). Чтобы ты не думал, будто Он стоит горе и священнодействует, (апостол) показывает, что это было делом домостроительства. Как Он был рабом, так же и священником и священнослужителем; как, будучи рабом, Он не остался рабом, так, будучи и священнослужителем, Он не остался священнослужителем, — потому что священнослужителю свойственно не сидеть, а стоять. Здесь (апостол) выражает величие жертвы, которая одна, будучи

принесена однажды, имела столько силы, сколько не имели все другие вместе. Впрочем он еще не об этом говорит, а пока только о следующем: *сие бо сотвори единою*. Что — *сие? Потреба*, говорит, *имети что и сему, еже принесет* (Евр. VIII, 3), не за Себя, — как Он, будучи безгрешен, мог приносить жертву за Себя? — а за людей. Что говоришь? Неужели Он не имеет нужды приносить за Себя и настолько силен? Да, говорит. Чтобы ты не подумал, будто в словах: *сотвори единою* говорится и о Нем, послушай, что говорит (апостол) далее: *закон бо человеки поставляет первосвященники, имущия немощь* (ст. 28). Поэтому они всегда приносят жертвы и за себя самих; а Он, как сильный и не имеющий греха, для чего будет приносить за Себя? Следовательно, Он принес жертву не за Себя, но за людей, и притом однажды. *Слово же клятвенное, еже по законе, Сына во веки совершенна*. Что значит — *совершенна?* Смотри: Павел не поставляет буквально противоположных выражений; после слов: *имущия немощь*, он не сказал: Сына сильного но: *совершенна*, что также можно сказать, означает сильного. Видишь ли, что слово: *Сын* сказано в противоположность *рабу?* Под немощью же он разумеет или грех, или смерть. Что значит: *во веки?* Не теперь только безгрешного, говорит, но всегда. Если же Он совершен, если Он никогда не грешит, если Он вечно живет, то для чего Ему и приносить жертвы за нас многократно? Впрочем, этого (апостол) пока еще не доказывает, а доказывает только то, что не принес жертвы за Себя. Итак, если мы имеем такого первосвященника, то будем подражать Ему и идти по стопам Его. Нет другой жертвы; одна очистила нас; а затем огонь и геенна. Для того (апостол) так часто и повторяет: один священник, одна жертва, — чтобы кто-нибудь, думая, что их много, не стал грешить без опасения.

4. Потому мы, сподобившиеся этой печати, вкусившие этой жертвы, участвующие в бессмертной трапезе, будем сохранять свое благородство и честь, так как отпадение небезопасно. И те, которые еще не удостоились этого, пусть не будут самонадеянны, так как кто грешит с тем, чтобы принять святое крещение при последнем издыхании, тот часто не получает его. Поверьте мне: не для возбуждения в вас страха я скажу то, что намереваюсь сказать. Я знаю многих, с которыми это случилось, которые много грешили в ожидании просвещения (крещением); но в день кончины отошли, не приняв его. Бог дал крещение для того, чтобы разрешать грехи, а не для того, чтобы умножать грехи. Если же кто будет пользоваться им для того, чтобы свободнее предаваться большим грехам, то такой виновен в беспечности. Такой, если бы не было крещения, жил бы воздержнее, не ожидая отпущения (грехов). Видишь ли, как на нас исполняются слова: *сотворим злая, да приидут благая* (Рим. III, 8)? Потому, увещеваю вас, которые еще не приняли таинства: бодрствуйте; пусть не приступает никто из вас к добродетели, как наемник, как неблагодарный, как к чему-либо тяжкому и невыносимому; напротив будем приступать к ней с усердием и радостью. Если бы не была обещана награда, то неужели не следовало бы быть добродетельным? Но будем добродетельными по крайней мере из-за награды. Не стыдно ли, не крайне ли бессовестно говорить: если не дашь мне награды, то я и не буду целомудренным? Могу сказать на это вот что: хотя бы ты и сохранял целомудрие, ты никогда не будешь целомудренным, если делаешь это из-за награды; ты ведь нисколько не ценишь добродетели, если не любишь ее за нее саму. Впрочем, Бог, по великой нашей немощи, благоволит побуждать нас к ней по крайней мере наградой; но мы и при этом не делаемся

добродетельными. Положим, если хотите, что какой-нибудь человек, совершивший множество грехов, отходит, сподобившись крещения, хотя это, я думаю, бывает не часто: как, скажи мне, он отойдет туда? Он не будет осужден за дела свои, но не будет иметь и дерзновения, – и справедливо. В самом деле, если он, прожив сто лет, не сделает ни одного доброго дела, но только то, что не грешил, или даже и не это, но только то, что спасся одной благодатью, а других увидит увенчанными, прославленными и превознесенными, то, скажи мне, может ли он не унывать, хотя и не впадет в геенну? Объясню это примером. Представим двух воинов; пусть один из них ворует, обижает, захватывает чужое; а другой пусть не делает ничего такого, но ведет себя хорошо, оказывает много доблестей, на войне одерживает победы, обагряя руку свою кровью; после, с течением времени, пусть он из того звания, в каком был вместе с вором, будет возведен на царский престол и облечется в порфиру, а вор пусть останется там же, где и был, но только по милости царской будет свободен от наказания за свои проступки, поставлен на последнем месте и подчинен власти царя: не будет ли этот последний, скажи мне, чувствовать скорби, видя, что тот, который был равен ему, достиг самой высоты почестей, прославился и управляет вселенной, а он остается в низком состоянии, и самое избавление от наказания получил не с честью, но по одной милости и человеколюбию царя? Царь простил его и освободил от осуждения, но он сам со стыдом будет вести жизнь. И другие не будут удивляться ему, потому что, при таких милостях, мы удивляемся не получившим дары, но подающим их, и чем выше эти дары, тем стыднее получающим их, если они были виновны в великих грехах. Какими глазами будет он смотреть на тех, которые находятся в царских чертогах, показыва-

ют множество своих ран и подвигов, тогда как он сам не имеет показать ничего, но и самое избавление получил единственно по человеколюбию Божию? Как если бы какой-нибудь человекоубийца, вор, или прелюбодей, ведомый на казнь, был освобожден от ней по чьей-нибудь просьбе и получил приказание явиться в преддверие царских чертогов, то он не в состоянии был бы смотреть ни на кого, хотя и освобожден от наказания, — так точно и он.

5. Впрочем, когда говорится о царстве, не подумайте, что все удостоятся одного и того же. Если здесь в царских чертогах бывают и эпархи, и приближенные царя, и еще низшие сановники, и занимающие место так называемых десятских, хотя великое различие между эпархом и десятским, то тем более будет так в горних царских обителях. Говорю это не от себя; но Павел полагает там еще большее различие. Какое различие, говорит он, солнца от луны и звезд и малейшей из звезд, такое же будет и в царстве небесном; и для всякого очевидно, что различие между солнцем и малейшей звездой гораздо большее, нежели между так называемым десятским и эпархом. Солнце вдруг освещает всю вселенную и делает ее светлой, закрывает луну и звезды; а звезда часто бывает невидима, даже и во мраке; есть много звезд, которых мы не видим. Итак, когда мы увидим других, сделавшихся солнцами, а сами займем место малейших звезд, которые даже невидимы, то какое нам будет утешение? Нет, увещеваю вас, не будем так беспечны, не будем так ленивы, не станем небрежно принимать подаваемое от Бога спасение, но будем делать из него куплю и умножать его. Хотя бы иной был только оглашенным, но он знает Христа, знает веру, слушает слово Божие, не далек от боговедения, понимает волю Владыки своего; почему же он медлит, для чего выжидает и откладывает?

Нет ничего лучше добродетельной жизни, и здесь и там, и у просвещенных и у оглашенных. И, что, скажи мне, нам предписано трудного? Имей жену, говорит заповедь, и будь воздержен. Неужели, скажи мне, это трудно? И как (может быть это трудным), когда многие и без жены бывают воздержными, не только христиане, но и язычники? Что язычник совершает из тщеславия, того неужели ты не совершишь из страха Божия? *От имений твоих*, говорит (Писание), *дай бедным* (Тов. IV, 7). Неужели это трудно? Но и здесь осудят нас язычники, расточавшие все свое имение из одного тщеславия. Не сквернословь. Неужели это трудно? Но если бы и не было повелено, не следовало ли бы нам самим сделать это, чтобы не показаться бесчестными? Напротив сквернословие трудно, как видно из того, что человек стыдится в душе и краснеет, когда случится ему сказать что-нибудь подобное, и даже не решится сказать, если не будет в пьяном виде. Почему, сидя на торжище, ты не делаешь этого хотя бы и делал у себя дома? Не ради ли присутствующих? Почему не вдруг сделаешь это и при жене своей? Не потому ли, чтобы не оскорбить ее? Так, чтобы не оскорбить жены своей, ты не делаешь этого; оскорбляя же Бога, не стыдишься? А Он вездесущ и слышит все. *Не упивайся вином,* сказано (Еф. V, 18), – и хорошо (сказано), потому что само по себе пьянство разве не наказание? Не сказал: изнуряй тело, но что? *Не упивайся,* то есть не давай ему воли так, чтобы оно свергло с себя власть души. Как, неужели не нужно заботиться о теле? Нет, не это говорю я, но – не угождай его похотям. Так и Павел повелевает, когда говорит: *и плоти угодия не творите в похоти* (Рим. XIII, 14). Не похищай чужого, сказано, не будь любостяжателен, не клянись. Каких трудов требует и это, каких подвигов? Не злословь, сказано, не клевещи. Трудно ли это? А противное действительно трудно, потому что, когда

ты скажешь о ком что-нибудь худое, то тотчас подвергаешься опасности и сомнению: не слышал ли тот, о котором ты сказал, хотя бы он был человек важный, хотя бы неважный; если он человек важный, то ты тотчас на самом деле испытаешь опасность; а если неважный, то он отплатит тебе тем же, и даже гораздо большим; он наговорит о тебе еще более худого. Нет, — ничего трудного, ничего тяжкого нам не заповедано, если только мы захотим; а если не захотим, то и самое легкое покажется нам трудным. Что легче еды? Но многие, по крайней изнеженности, тяготятся и этим. Я слышу, как многие говорят, что и еда составляет труд. Нет никакого труда во всем вышесказанном, если только захочешь; в желании заключается все, после высшей благодати. Будем же желать доброго, чтобы нам сподобиться и вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

Глава же о глаголемых, такова имамы первосвященника, иже седе одесную престола величествия на небесех, святым служитель и скинии истинней, юже водрузи Господь, а не человек (Евр. VIII, 1, 2)

1. Павел, всегда подражая своему Учителю, говорит то об уничиженном, то о высоком, так что уничиженное пролагает путь к высокому, а последнее руководит к первому, чтобы видящие высокое знали, что уничиженное было делом снисхождения (Христова). Так он поступает и здесь. Сказав, что *себе принес*, и показав, что Он есть первосвященник, (апостол) продолжает: *глава же о глаголемых, такова имамы первосвященника, иже седе*

одесную престола величествия на небесех. Это уже свойственно не священнику, но Тому, чей Он священник. *Святым служитель.* Не просто служитель, но *святым служитель. И скинии истинней, юже водрузи Господь, а не человек.* Видишь ли снисхождение (Христово)? Незадолго перед этим (апостол) отличал (Его от других), когда говорил: *не вси ли суть служебнии дуси?* и потому им не сказано: *седи одесную мене* (Евр. I, 13, 14). Говорит так потому, что сидящий, без сомнения, не есть служитель; следовательно (здесь называя Его служителем) говорит это о Нем по плоти. *Скиниею* же он называет здесь небо, и, желая показать отличие ее от иудейской, присовокупляет: *юже водрузи Господь, а не человек.* Смотри, как он этими словами ободрил души уверовавших из иудеев. Может быть, они воображали, что у нас нет такой скинии; но вот, говорит он, наш священник – великий и гораздо больший (ветхозаветного), принесший более чудную жертву. Но не одни ли это слова, не хвастовство ли и самообольщение? Для этого он наперед подтвердил (свои слова) клятвой, а потом стал говорить и о скинии. Различие скиний было очевидно уже из предыдущего, но он доказывает его еще с другой стороны: *юже водрузи Господь,* говорит, *а не человек.* Где те, которые говорят, что небо движется? Где те, которые утверждают, что оно шаровидно? То и другое здесь опровергается. *Глава же,* говорит, о *глаголемых.* Главой всегда называется самое важное. Здесь он опять низводит речь свою: сказав о высоком, без опасения говорит теперь об уничиженном. Далее, чтобы ты знал, что слово – *служитель* употреблено по отношению к человечеству (Христову), смотри, как он еще объясняет это: *всяк бо первосвященник,* говорит, *во еже приносити дары же и жертвы поставляем бывает: темже потреба имети что и сему, еже принесет* (ст. 3). Слыша, что (Христос) сидит, не подумай, что Он несправедливо назван

первосвященником; первое, то есть сидение, есть знак божеского достоинства, а последнее есть знак великого человеколюбия и попечения о нас. Потому о последнем (апостол) распространяется и говорит более подробно, опасаясь, чтобы не уменьшить первого. Поэтому же к тому самому он склоняет речь свою и теперь, так как некоторые спрашивали: для чего (Христос) умер, будучи священником? Священник не бывает без жертвоприношения; следовательно и Ему надлежало принести жертву. И с другой стороны, так как он сказал, что (Христос) находится *вышше (небес),* то теперь говорит и доказывает, что Он есть священник во всех отношениях, и по Мелхиседеку, и по клятве, и по принесению жертвы. Отсюда он составляет другое необходимое умозаключение: *аще бы бо был на земли*, говорит, *не бы был священник,* сущим священникам *приносящим по закону дары* (ст. 4). Если, говорит, Он – священник, как и действительно, то Ему следовало быть в другом месте; будучи на земле, Он не был бы священником. Почему? Он не приносил жертв, не священнодействовал, – и справедливо, – потому что здесь были священники. (Апостол) доказывает, что (Христу) невозможно быть священником на земле. Почему? Потому что иначе, говорит, не было бы и воскресения.

Здесь необходимо сосредоточить внимание и вникнуть в мысль апостола. Он опять показывает различие священства (ветхозаветного и Христова). *Иже*, говорит, *образу и стени служат небесных* (ст. 5). Что называет он здесь небесным? Духовное; оно хотя совершается на земле, но достойно небес. Когда Господь наш Иисус Христос предлежит закланным (агнцем), когда нисходит Дух, когда сидящий одесную Отца присутствует здесь, когда (верующие) посредством купели делаются сынами и гражданами небесными, когда мы находим там свое отечество, град и гражданство, ког-

да для здешнего становимся чужими, то все это не есть ли небесное?

2. Что же? Разве песнопения не небесные? Разве не то, что поют горе божественные лики бесплотных сил, согласно с ними воспеваем и мы здесь долу? Разве и жертвенник не небесный. Каким образом? Нет на нем ничего плотского; все предлежащее духовно: не превращается в пепел, дым и смрад наша жертва, но делает все предлежащее чистым и светлым. Разве не небесны эти священнодействия, которых служители еще доныне слышат сказанные им слова: *имже держите, держатся: имже отпустите, отпустятся* (Ин. XX, 23)? Разве не небесны все (их священнодействия), когда они имеют и ключи неба? *Иже*, говорит, *образу* и *стени служат небесных, якоже глаголано бысть Моисею, хотящу сотворити скинию: виждь бо, рече, сотвориши вся по образу, показанному ти на горе* (ст. 5). Так как слух наш менее способен к восприятию, нежели зрение, – мы ведь не так хорошо передаем душе то, что слышим, как то, что видим собственными глазами, – то Бог показал все (Моисею). Или об этом говорит (апостол) в словах: *образу и стени*, или разумеет храм, потому что прибавляет: *виждь, сотвориши вся по образу, показанному ти на горе*, – а это говорится только об устройстве храма, – или разумеет и жертвы, и все прочее; не погрешит тот, кто скажет и это (последнее), потому что Церковь небесна и есть не что иное, как небо. *Ныне же лучшее улучи служение, по елику и лучшаго завета есть ходатай* (ст. 6). Видишь ли, насколько настоящее служение лучше того служения? То – образ и тень, а это – истина. Впрочем, это нисколько не доставляло слушателям ни пользы, ни утешения. Потому (апостол) и присовокупляет то, что особенно могло доставить им радость: *иже на лучших*, говорит, *обетованиих узаконися*. Сказав о месте, о священнике и жертве, теперь он излагает различие самих

заветов. И прежде он доказывал, что Ветхий Завет был немощен и бесполезен, и, чтобы показать его недостатки, смотри, какие употреблял доводы. В одном месте он сказал (о Новом Завете): *по силе живота неразрушаемаго;* в другом (о Ветхом) сказал: *отлагание бывает преждебывшия заповеди:* затем еще (о Новом) выразил нечто великое, когда сказал: *имже приближаемся к Богу.* Здесь же он возводит нас на небо и показывает, что вместо храма у нас небо, и что те священнодействия были прообразами наших, и таким образом возвысив служение, он, наконец, справедливо возвышает и священство. Но, как я сказал, особенно радостное для слушателей он излагает в словах: *иже на лучших обетованиих узаконися.* Откуда это видно? Из того, что тот (Ветхий) отменен, а на его место введен этот (Новый), который потому и получил силу, что он лучше. Как выше (апостол) говорил: *аще убо совершенство левитским священством было, кая еще потреба по чину Мелхиседекову иному востати священнику?* так и здесь он употребляет такое же умозаключение: *аще бо бы первый он непорочен был, не бы второму искалося место* (ст. 7), то есть если бы не имел никакого недостатка, если бы делал людей непорочными. А что именно это он говорит, выслушай следующее: *укоряя же их, глаголет;* не сказал: *укоряя* его (то есть закон), но: *укоряя их, глаголет: се дние грядут, глаголет Господь, и совершу на дом Израилев и на дом Иудов завет нов, не по завету, егоже сотворих отцем их, в день, в оньже емшу ми их за руку извести их от земли Египетския: зане тии не пребыша в завете моем, и аз нерадих о них, глаголет Господь* (ст. 8, 9). Так, скажешь; но откуда видно, что (Ветхий Завет) окончился? (Апостол) доказал это и со стороны священника; а теперь прямыми словами еще яснее доказывает, что он отменен. Каким образом? *На лучших,* говорит, *обетованиих.* Может ли, скажи мне, быть равенство между небом и землей? За-

меть, как он и там не отвергает обетований, чтобы и в этом отношении не унижать Ветхого Завета. Прежде он сказал: *приближаемся к Богу упованием лучшим,* выражая, что и там было упование; и здесь говорит: *на лучших обетованиих,* выражая, что и там были обетования. Но так как (евреи) постоянно роптали, то – *се дние грядут, глаголет Господь, и совершу на дом Исраилев и на дом Иудов завет нов;* не древний, говорит, какой-нибудь завет; а чтобы они не могли подумать этого, то определяет и время: не просто говорит: *по завету, егоже сотворих отцем их,* – чтобы не подумали о бывшем при Аврааме или при Ное, – но определяет, какой именно завет: *не по завету,* говорит, *егоже сотворих отцем их,* жившим во время исхода; потому и присовокупляет: *в день, в оньже емшу ми их за руку извести их от земли Египетския: зане тии не пребыша в завете моем, и аз нерадих о них, глаголет Господь.*

3. Видишь ли, что начало зла от нас? *Тии,* говорит, вначале *не пребыша;* следовательно, нерадение от нас, а все доброе, то есть все благодеяния – от Бога. Здесь (Бог) как бы представляет оправдание, приводя и саму причину, почему Он оставил их. *Яко сей завет, егоже завещаю дому Исраилеву по онех днех, глаголет Господь, дая законы моя в мысли их, и на сердцах их напишу их: и буду им Бог, и тии будут мне людие* (ст. 10). Это говорит Он о Новом Завете, после того как сказал: *не по завету, егоже сотворих.* И какое другое различие между ними, если не это? Если же кто-нибудь скажет, что этим выражается не отличие (Нового Завета), а то, что он дан в сердца их, что здесь показывается различие не заповедей, а способов их сообщения, – завет будет, говорит, уже не на письме, а на сердцах, – тот пусть докажет, что это когда-нибудь было у иудеев. Нельзя доказать этого: и по возвращении их из Вавилона завет дан был им опять письменный. Апостолы же, как я

могу доказать, ничего не приняли на письме, но все приняли в сердца Духом Святым. Потому Христос и сказал им: *той, пришед, воспомянет вам вся, и научит вы* (Ин. XIV, 26). *И не иматъ научити кийждо искренняго своего и кийждо брата своего, глаголя: познай Господа: яко вси уведят мя от мала и даже до велика их. Зане милостив буду неправдам их, и грехов их, и беззаконий их не имам помянути ктому* (ст. 11, 12). Вот и другой признак: *от мала*, говорит, *и даже до велика их уведят мя,* и не будут говорить: *познай Господа.* Когда же это сбылось, если не ныне? Наше (учение) известно, а их не известно, но заключено в углу. С другой стороны, вещь называется новой тогда, когда она вторая (после первой) и содержит в себе что-нибудь более в сравнении со старой. Также новой называется и та вещь, от которой что-нибудь одно отделено, а другое нет. Например: если бы кто-нибудь в старом доме, готовом разрушиться, оставив все, разобрал основание, то мы говорим, что он сделал его новым, вынув одно и вставив другое. Так и небо называется новым тогда, когда оно не остается медяным, но ниспосылает дождь; и земля называется новой, когда она не остается бесплодной, но изменяется (в плодоносную); и дом называется новым, когда в нем одно уничтожается, а другое остается. Таким образом, и Завет хорошо назван новым, в знак того, что прежний Завет сделался Ветхим, потому что не приносил никакого плода. А чтобы точнее узнать это, прочитай, что говорит Аггей, что – Захария, что – ангел (Малахия), в чем обличает (иудеев) Ездра. Каким же образом они приняли (Завет Новый)? Каким образом никто из них не вопрошал Господа, если они преступали Завет и даже не знали его? Видишь ли, как твое (мнение) неосновательно? Я настаиваю на моем, – что именно он (наш Завет) должен быть в собственном смысле назван новым. Иначе, я не допускаю и того,

будто о нем сказаны слова: *будет небо ново* (Ис. XV, 17). В самом деле, почему, когда во Второзаконии говорится: *будет небо медяно,* не делается ограничения: если послушаете, то будет новое (XXVIII, 23)? Я, говорит (Бог), потому дам другой завет, что они не остались в прежнем. Это видно из следующих слов (апостола): *немощное бо закона, в немже немоществоваше плотию* (Рим. VIII, 3); и еще: *что искушаете Бога, возложити иго на выи учеником, егоже ни отцы наши, ни мы возмогохом понести* (Деян. XV, 10)? *Зане тии*, говорит, *не пребыша.* Здесь показывается, что Бог удостоил нас высшего и духовного. *Во всю землю*, говорит (пророк), *изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. XVIII, 5). Это значит: *не имать глаголати кийждо искреннему своему: познай Господа.* И еще: *наполнится земля ведения Господа, якоже вода многа покрыет море* (Авв. II, 14). *Внегда же глаголет нов*, говорит (апостол), *обветши перваго. А обветшавающее и состаревающееся близ есть истления* (ст. 13). Смотри, как он раскрыл сокровенное, саму мысль пророка. Он почтил закон, не назвав его прямо Ветхим; однако и выразил это, потому что, если бы тот (Завет) был Новым, то он не назвал бы новым установленного после него. Таким образом он выражает нечто большее и особенное, когда говорит, что тот обветшал; потому он и отменяется, разрушается и уже не существует. Основываясь на (словах) пророка, он с большим дерзновением говорит (о Ветхом Завете) и с пользой показывает, что наш (Завет) теперь процветает, а тот устарел. Употребив название: *обветшавающее,* он прибавляет от себя еще другое: *состаревающееся,* и потом выводит из всего следующее заключение: *близ есть истления.* Следовательно, Ветхий Завет не просто заменен Новым, но как устаревший, как бесполезный. Потому (апостол) и говорил: за *немощное и неполезное;* и еще: *ничтоже соверши закон;* и еще: *аще бо бы первый он*

непорочен был, не бы второму искалося место. Что значит: *непорочен?* Полезен, силен. Он говорит это не с тем, чтобы представить (Ветхий Завет) достойным осуждения, но чтобы собственно показать его недостаточность; как если бы кто-нибудь сказал: этот дом не без порока, то есть имеет недостатки, ветх; или: эта одежда не без порока, то есть скоро рвется. Так и он не называет здесь (Ветхого Завета) худым, но только имеющим недостатки и несовершенства.

4. Так и мы новы, или лучше, были новыми, но теперь обветшали, и потому близки к нетлению и погибели. Впрочем, если мы захотим, то можем уничтожить эту обветшалость. Невозможно сделать этого купелью (крещения), но покаянием здесь возможно. Итак, если есть в нас что-либо ветхое, уничтожим; если есть какая-нибудь ржавчина, какая-нибудь скверна или нечистота, изгладим и будем чистыми, чтобы Царь возжелал нашей красоты. И дошедшие до крайнего безобразия могут возвратить ту красоту, о которой говорит Давид: *слыши дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего, и возжелает царь доброты твоея* (Пс. XLIV, 11, 12). Забвение не доставляет красоты, красоты душевной. О каком же говорит он забвении? (Забвении) грехов. Он обращает речь к церкви из язычников и увещевает ее не вспоминать родителей, то есть приносящих жертвы идолам, — а она образовалась именно из таких людей. Не сказал: не участвуй в этом, но даже, что гораздо более, не приводи себе и на память. То же он говорит и в другом месте: *не помяну имен их устнама моима* (Пс. XV, 4); и еще: *яко да не возглаголют уста моя дел человеческих* (Пс. XVI, 4). Это еще не великая добродетель; или лучше сказать, хотя и великая, но не такова, как та. Что же он говорит там? Не сказал: не возглаголи о делах отцов, но: даже не вспоминай, не приводи их себе на память. Видишь ли, как далеко он

хочет отогнать от нас зло? Кто не вспоминает, тот и не думает; кто не думает, тот и не говорит; а кто не говорит, тот не будет и делать. Видишь ли, сколько путей (ко злу) он заграждает для нас, — на какое расстояние удаляет нас от самого большого (из зол)? Будем же внимать ему и мы, и забудем злодеяния наши, впрочем не грехи, совершенные нами: воспомяни о них, говорит (Господь), ты первый, и Я не воспомяну (Еф. V, 10—13). Так, мы не только должны воспоминать о хищении, но и возвратить похищенное; это значит — приводить зло в забвение, истребить самый помысл о хищении и никогда не допускать его к себе, а то, что уже сделано, исправить. А каким образом мы можем достигнуть забвения зла? Памятованием о благодеяниях Божиих. Если мы будем непрестанно помнить о Боге, то уже не сможем помнить о зле: *аще*, говорит (Псалмопевец), *поминах тя на постели моей, на утренних поучахся в тя* (Пс. LXII, 7). Хотя и всегда, нужно помнить о Боге, но особенно тогда, когда ум находится в покое, когда через это памятование он может судить себя, когда он может удержать в памяти. Днем, если мы и будем вспоминать, привходящие другие заботы и беспокойства изгладят это (воспоминание); а ночью можно помнить постоянно: тогда душа находится в мире и спокойствии, тогда она в пристани и безопасности: *яже глаголете*, говорит (Псалмопевец), *в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся* (Пс. IV, 5). Следовало бы и днем помнить об этом; но так как вы находитесь в беспрестанных заботах и развлекаетесь житейскими делами, то вспоминайте о Боге по крайней мере на постели, — размышляйте о Нем в утреннее время. Если мы будем заниматься этим поутру, то без всякой опасности будем выходить на дела свои; если благоговением и молитвой наперед умилостивим Бога, то и после не встретим никакого врага, а если и

встретишь, то посмеешься ему, имея в защиту Бога. Торжище — это война; ежедневные дела — это сражение, волнение и буря. Потому нам нужно оружие; а молитва и есть великое оружие; нужны попутные ветры, нужно быть сведущим во всем, чтобы провести время дня без кораблекрушений и ран, так как много подводных камней встречается ежедневно, и часто наш корабль разбивается и тонет.

Потому нам нужно молиться, особенно утром и ночью. Многие из вас часто видели олимпийские игры, и не только видели, но еще поощряли и одобряли ратоборцев, один того, другой — другого. Вы следовательно знаете, как во дни борьбы, и даже в самые ночи, глашатай всю ночь ни о чем другом не беспокоится и ни о чем другом не заботится, как только о том, чтобы ратоборец, выйдя, не посрамил себя; а те, которые сидят подле трубача, внушают ему, чтобы он даже ни с кем не разговаривал, чтобы, истощив дух, не возбудить смеха. Если же тот, кто намеревается ратоборствовать перед людьми, так много прилагает старания, то гораздо более следует постоянно стараться и заботиться нам, которых вся жизнь есть борьба. Итак, пусть будет у нас каждая ночь всенощным бдением; будем стараться, чтобы нам, выйдя днем, не подвергнуться осмеянию. И, о, если бы только осмеянию! Но ныне сидит одесную Отца сам подвигоположник, внимательно слушающий, не скажем ли мы чего-нибудь непристойного, или ненужного, — так как Он судья не только дел, но и слов. Будем же, возлюбленные, бодрствовать всю ночь; если мы захотим, то и у нас будут ценители, — при каждом из нас находится ангел. Между тем мы спим непробудно всю ночь, — и, о, если бы только это! Но многие делают даже и тогда много непотребного; одни ходят в дома разврата, а другие превращают свои собственные в дома разврата, приводя к

себе блудниц: так мало они заботятся о добром ратоборстве! Иные упиваются и сквернословят; иные производят шум; иные проводят всю ночь в делах порочных, совершая более зла, нежели спящие; иные высчитывают свои доходы; иные мучатся другими заботами, охотнее делая все, нежели то, что нужно для ратоборства. Потому, увещеваю вас, оставим все и будем заботиться только об одном, как бы нам получить награду и быть увенчанными; будем делать все, чем можем получить обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Имеяше убо первый (завет) оправдания службы, святое же людское. Скиния бо сооружена бысть первая, в нейже светильник и трапеза, и предложение хлебов, яже глаголется святая. По вторей же завесе скиния, глаголемая святая святых, злату имущи кадильницу, и ковчег завета окован всюду златом: в немже стамна злата имущая манну, и жезл Ааронов прозябший, и скрижали завета: превышше же его херувимы славы, осеняющии очистилище: о нихже не леть ныне глаголати подробну (Евр. IX, 1—5)

1. Доказав со стороны священника, священства и завета, что (Ветхий Завет) должен был окончиться, (апостол) теперь доказывает то же со стороны самого устройства скинии. Каким образом? Когда говорит о святом и святом святых. Святое есть образ прежнего времени, потому что там все совершалось с жертвоприношениями; а святое святых есть образ настоящего. Словом — святое святых (апостол) означает и небо, и

завесу неба, и плоть (Христову), входящую внутрь завесы: *завесою*, говорит, *сиречь, плотию своею* (Евр. X, 20). Впрочем, нужно объяснить это место с самого начала. Что же он говорит? *Имеяше убо первый.* Кто *первый?* Завет. *Оправдания службы.* Что значит: *оправдания?* Знаки или постановления; как бы так говорит: тогда он имел их, а теперь не имеет, — и этим уже выражает, что (Ветхий Завет) отменен: *имеяше убо*, говорит, так что теперь он, хотя бы и оставался, уже не имеет (силы). *Святое же людское.* Людским называет его потому, что всем дозволялось входить в него; в одном и том же здании назначено было место, где стояли священники, где иудеи, прозелиты, назореи. Так как оно было доступно и язычникам, то и называет его людским (мирским); иудеи же не были мирскими. *Скиния бо*, говорит, *сооружена бысть первая, яже глаголется святая, в нейже светильник, и трапеза, и предложение хлебов.* Это — мирские знаки. *По второй же завесе,* — следовательно, не одна была завеса, но была завеса и вне (святого), — *скиния, глаголемая святая святых.* Смотри, как он называет то и другое скинией, потому что она как бы шатром осеняла находившееся там. *Злату имущи кадильницу*, говорит, *и ковчег завета окован всюду златом: в немже стамна злата имущая манну, и жезл Ааронов прозябший, и скрижали завета.* Все эти вещи были священны и служили ясными памятниками иудейской неблагодарности. *И скрижали завета,* — Моисей разбил их, — *и манну:* когда (иудеи) роптали, тогда (Моисей) и повелел, на память потомкам, положить ее в золотую стамну. *И жезл Ааронов, прозябший,* - потому что они возмутились; иудеи были неблагодарны и, непрестанно получая благодеяния, забывали их, потому, по повелению законодателя, все это было положено в золотой ковчег, чтобы передать памяти потомков. *Превыше же его херувимы славы, осеняющии очистилище.* Что значит: *херувимы славы?* Значит — или славные, или

подчиненные Богу. Хорошо также он указывает, что они находились выше, выражая, что есть предметы выше тех вещей. О *нихже*, говорит, *не леть ныне глаголати подробну*. Здесь он намекает, что все это были не одни только видимые вещи, но и знаки чего-то другого. *О нихже*, говорит, *не леть ныне глаголати подробну*, – может быть, потому, что это требует продолжительного объяснения. *Сим же тако устроеным, в первую убо скинию выну вхождаху священницы, службы совершающе* (ст. 6). То есть, хотя это и было, но иудеи не участвовали в этом, потому что не видели этого; следовательно, было не столько для них, сколько для тех, для кого служило прообразом. *Во вторую же единою в лето един архиерей, не без крове, юже приносит за себе и о людских невежествиих* (ст. 7). Видишь ли сами прообразы, здесь уже предложенные? Чтобы не сказали: как может быть одна жертва, как первосвященник (Христос) однажды принес ее? – (апостол) показывает, что так было издревле: святейшая и страшная (жертва) была одна. Так-то (иудеи) были приготовляемы издревле: и тогда, говорит, архиерей приносил жертву однажды. Хорошо также сказано: *не без крове;* не без крови, хотя и не такой крови (как ныне), потому что и служение было не таково. Это означало, что настанет (жертва), которая не будет истребляться огнем, но более обнаруживаться кровью. Так как под жертвой (апостол) разумеет крест, при котором не было ни огня, ни дров, и который не был приносим много раз, но однажды принесен (обагренный) кровью, то показывает, что и ветхозаветная жертва была такова же и приносилась однажды с кровью. *Юже приносит*, говорит, *за себе и о людских невежествиих*. Смотри, не сказал: о грехах, но: *невежествиих,* чтобы они не высокомудрствовали: хотя бы, говорит, ты согрешил невольно, но и при нежелании своем ты допустил неведение, и потому никто не мо-

жет быть чистым. Везде он прибавляет: *за себе,* выражая, что Христос – первосвященник, гораздо высший иудейского. Действительно, если Он был непричастен грехам нашим, то как Он мог принести жертву за Себя? Для чего же, спросишь, (апостол) и сказал это? Для указания на высшее. Доселе не было рассуждения; а далее он рассуждает и говорит: *сие являющу Духу Святому, яко не у явися святых путь, еще первей скинии имущей стояние* (ст. 8). Для того, говорит, это было так устроено, чтобы мы знали, что святое святых, то есть небо, еще недоступно. Впрочем, на том основании, что мы не входим в него, мы не должны думать, будто его нет; мы не могли входить и во святое святых. *Яже притча,* говорит, *во время настоящее* (ст. 9).

2. Какое время он называет наступающим? Время прежде пришествия Христова; а время после пришествия Христова уже не есть наступающее. Как в самом деле оно может быть наступающим, когда оно уже наступило и оканчивается? И еще нечто другое он выражает здесь: *яже притча,* говорит, *во время настоящее,* то есть было прообразом. *В неже дарове и жертвы приносятся, не могущия по совести совершити служащаго* (ст. 9). Видишь ли, как ясно он показал здесь, что значит: *ничтоже совершил закон,* и: *аще бы первый он непорочен был?* Как? *По совести.* Жертвы не очищали души, но касались только тела; они были *по закону заповеди плотския.* Подлинно, они не могли очистить ни прелюбодеяния, ни убийства, ни святотатства. Вот (заповедано было): это ешь, а этого не ешь, – хотя все это безразлично. *Точию в брашнах, и питиях и различных омовениих.* Это, говорит, пей; хотя о питье ничего не было заповедано, но (апостол) сказал так для выражения маловажности этих предметов: *и различных омовениих, и оправданиих плоти, даже до времене исправления належащая* (ст. 10). Вот, в чем состоит оправдание плотское. Здесь он отвергает

жертвоприношения, показывая, что они не имели никакой силы и что они существовали только *до времене исправления,* то есть оставались до времени, которое исправляет все. *Христос же пришед архиерей грядущих благ, большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною* (ст. 11). Здесь он разумеет плоть (Христову). И хорошо назвал ее большей и совершеннейшей, так как Бог Слово и вся сила Духа обитает в ней: *не в меру бо Бог дает Духа* (Ин. III, 34); называет ее *совершеннейшею,* как безукоризненную и совершившую бóльшие дела. *Сиречь, не сея твари.* Вот, почему она большая; она не была бы от Духа, если бы человек устроил ее. *Не сея твари,* то есть не такого устроения, как твари, но духовного: она устроена Духом Святым. Видишь ли, как он называет тело (Христово) и скинией, и завесой, и небом? *Большею и совершеннейшею,* говорит, *скиниею;* и далее: *завесою, сиречь, плотию своею* (X, 20); и еще: *во внутреннейшее завесы* (VI, 19); и еще: *вниде во святая святых, да явится лицу Божию* (IX, 24). Для чего же он делает это? Чтобы научить нас, что в том и другом прообразе — одно и то же значение. Именно: небо есть завеса, потому что завеса так же отделяет святое, как и плоть скрывает божество; равно и плоть, заключающая божество, есть скиния; и небо есть также скиния, потому что там внутри пребывает священник. *Христос же,* говорит, *пришед архиерей;* не сказал: сделавшись, но: *пришед,* то есть придя на это самое дело и не приемствовав какому-нибудь другому, не так, чтобы наперед пришел, а потом сделался (первосвященником), но был им вместе с тем, как пришел. Также не сказал: *пришед архиерей* жертвоприношений, но: *грядущих благ,* так как невозможно изобразить все словом. *Ни кровию козлею, ниже телчею* (ст. 12), — потому что все изменилось. *Но своею кровию вниде единою во святая:* вот здесь он разумеет небо. *Единою,* говорит, *вниде во святая, вечное искупле-*

ние обретый. Слово: *обретый* выражает, что это дело — одно из весьма дивных и неожиданных, как Он одним входом приобрел вечное спасение. Далее следует доказательство: *аще бо кровь козлия и телчая, и пепел юнчий, кропящий оскверненыя, освящает к плотстей чистоте: колми паче кровь Христова, иже Духом Святым себе принесе непорочна Богу, очистит совесть вашу от мертвых дел, во еже служити Богу живу* (ст. 13, 14). Если, говорит, кровь волов может очищать плоть, то гораздо более кровь Христова может омыть нечистоту души. Чтобы под словом — *освящает* ты не разумел здесь чего-нибудь важного, он объясняет и показывает различие того и другого очищения, как последнее высоко, а первое низко, — и справедливо, — потому что там была кровь волов, а здесь (кровь) Христова, Впрочем, он не удовольствовался именем (Христа), но излагает и способ принесения Им жертвы: *иже*, говорит, *Духом Святым себе принесе непорочна Богу*, то есть эта непорочная жертва была чиста от грехов. А выражение: *Духом Святым* показывает, что она принесена не при посредстве огня, или чего-нибудь другого. *Очистит*, говорит, *совесть вашу от мертвых дел*. И хорошо сказал: *от мертвых дел*, потому что как там, если кто прикасался к мертвецу, осквернялся, так и здесь, если кто прикасается к мертвому делу, оскверняется в совести. *Во еже служити*, говорит, *Богу живу и истинну*. Здесь он выражает, что совершающий мертвые дела не может служить живому Богу. Справедливо говорит: *Богу живу и истинну*, означая, что и приносимое Ему должно быть таково же; следовательно, приносимое нами живо и истинно, а приносимое иудеями мертво и ложно, — и это справедливо.

3. Итак, никто, имеющий мертвые дела, пусть не приходит сюда; если прикоснувшемуся к мертвому телу запрещалось входить (в скинию), то гораздо более — имеющему мертвые дела, — это осквернение самое от-

вратительное. А мертвые дела — это все те, которые не имеют жизни, которые издают зловоние. Как мертвое тело неспособно ни к какому чувствованию и смущает, приближающихся к нему, так и грех скоро поражает мыслительную способность и не оставляет в покое саму душу, но тревожит ее и мучит. Говорят, что зараза, как скоро появляется, тотчас причиняет вред телам. Таков и грех: он подобен заразе, только повреждает не воздух наперед и потом тела, но прямо вторгается в душу.

Не замечаешь ли ты, как зараженные горят, как они мечутся, какое издают зловоние, как отвратительны их лица, как все они нечисты? Таковы и грешники, хотя они и не видят этого. Не хуже ли, скажи мне, всякого одержимого горячкой преданный страсти корыстолюбия или сладострастия? Не нечистее ли он всякого такого, совершая и допуская все постыдное? Что может быть отвратительнее корыстолюбца? На что решаются блудницы, или выступающие на зрелищах, на то (решится) и он; и даже скорее, может быть, те не решатся, нежели он. Что я говорю: решится? Он и раболепствует перед теми, перед кем не следует, и бывает дерзок там, где не следует, и никогда не держит себя ровно: часто людям порочным, неблагонамеренным, развратникам, которые гораздо хуже и ничтожнее его, он угождает и льстит, а других, благородных и вполне добродетельных людей, поносит и оскорбляет. Видишь ли в том и другом случае его неблагородство и бесстыдство? Он и скромен через меру, и высокомерен. Блудницы остаются дома, виновные в том, что за деньги продают свое тело; но они представляют в свое оправдание бедность и крайний голод, хотя и это отнюдь не может оправдать их, потому что можно кормиться трудами. А корыстолюбец не остается дома, но идет посреди города, предавая не тело, но душу свою

диаволу; сообщается и совокупляется с ним, как бы с блудницей, и, вполне удовлетворив своей похоти, удаляется; и видят это не два, или три человека, но весь город. Блудницы обыкновенно отдаются каждому, кто дает золото; кто бы ни предложил им плату, раб или свободный, единоборец или кто-нибудь другой, они принимают; а тех, которые ничего не предлагают, хотя бы они были благороднее всех, без денег не допускают к себе. То же делают и корыстолюбцы; чистых мыслей, когда они не доставляют денег, не допускают, а мыслей грязных и действительно звероподобных держатся из-за денег и бесстыдно усваивают их, погубляя таким образом красоту души своей. Как блудницы бывают безобразны, черны, грубы, толсты, нестройны, неблаговидны и вообще отвратительны, таковы и корыстолюбивые души, которые даже внешними притираниями не могут скрыть своего безобразия. Когда безобразие доходит до крайности, тогда никакие ухищрения не могут прикрыть его. Бесстыдство производит блудниц, как говорит пророк: *не хотела еси постыдетися ко всем, лице жены блудницы бысть тебе* (Иер. III, 3). То же можно сказать и корыстолюбцу: не постыдился ты никого, не того или другого, но никого. Как именно? Он не стыдится ни отца, ни сына, ни жены, ни друга, ни брата, ни благодетеля, и вообще никого. Что я говорю: друга, брата и отца? Он не стыдится самого Бога, но считает все басней, смеется (над всем), будучи упоен сильной страстью, не хочет слышать ничего, что может принести ему пользу, и даже, – о, безумие! – говорит: горе тебе, мамона, и не имеющему тебя. Здесь я разрываюсь от гнева: горе тем, которые говорят это, хотя бы они говорили в шутку. Не угрожал ли Бог, скажи мне, такой угрозой: *не можете двема господинома работати* (Мф. VI, 24)? А ты ослабляешь Его угрозу, дерзая говорить это к собственному вреду своему. Не говорит

ли Павел, что (лихоимство) есть идолослужение, и не называет ли он лихоимца идолослужителем (Кол. III, 5; Еф. V, 5)? А ты стоишь и смеешься, подобно публичным женщинам, предаваясь смеху, подобно играющим на сцене.

4. Оттого все низвратилось и пало; смехотворством сделалось у нас все – и взаимное обращение, и вежливость; нет ничего обстоятельного, ничего твердого. Говорю это не по отношению только к мирянам, но знаю, кого разумею, – и церковь ведь наполняется смехом. Один скажет острое слово, и смех тотчас распространяется между сидящими; и к удивлению, даже во время самой молитвы многие не перестают смеяться; диавол всюду торжествует, всех связал, всеми обладает; Христос бесчестится и изгоняется; церковь ставится ни во что. Ужели вы не слышите слов Павла, который говорит: *сквернословие, и буесловие, и кощуны* да изъемлются от вас (Еф. V, 4)? Кощунство он поставляет вместе с сквернословием: а ты смеешься? Что такое *буесловие?* То, что не доставляет никакой пользы. А ты все же смеешься? И ты, монах, осклабляешь лицо свое? Распявшийся (для мира), предавшийся сетованию, скажи мне: чему ты смеешься? Слышал ли ты, чтобы Христос когда-нибудь делал это? Никогда, – напротив скорбел Он часто. Когда Он смотрел на Иерусалим, плакал; когда представлял себе предателя, возмущался; когда намеревался воскресить Лазаря, плакал; а ты смеешься? Если тот, кто не скорбит о грехах других людей, достоин осуждения, то может ли удостоиться прощения тот, кто не скорбит о своих собственных грехах и смеется? Настоящее время есть время печали и скорби, сокрушения и смирения, борьбы и подвигов; а ты смеешься? Ужели не знаешь, как обличена была Сарра? Ужели не слышишь слов Христа, который говорит: *горе смеющимся, яко возрыдают* (Лк. VI, 25)?

То же поешь ты каждый день. В самом деле, что, скажи мне, говоришь ты? Разве (говоришь): смеялся? Нет. А что? *Утрудихся воздыханием моим* (Пс. VI, 7). Но, быть может, некоторые до того рассеянны и легкомысленны, что даже смеются и при этой укоризне, именно потому, что мы говорим теперь о смехе; таково свойство легкомыслия, таково — разнузданности, что даже укоризна нечувствительна.

Священник Божий стоит, вознося молитву за всех, — а ты, ничего не стыдясь, смеешься? Он с трепетом за тебя возносит молитвы, — а ты оказываешь пренебрежение? Или ты не слышишь слов Писания, которое говорит: горе презрителям (Тов. XIII)? Ужели не трепещешь и не содрогаешься? Когда ты входишь в царские чертоги, соблюдаешь приличие и в одежде, и во взгляде, и в походке, и во всем прочем; а здесь, где истинные царские чертоги, такие же, как и на небесах, ты смеешься? Конечно, ты не видишь этого; но знай, что ангелы всюду здесь присутствуют и особенно в доме Божием предстоят Царю, и все исполнено этих бесплотных сил. То же скажу я и женам, которые при мужьях не скоро осмелятся делать это, если же и делают, то не всегда, но только во время веселья; а здесь (делают) всегда. Ты, жена, покрываешь голову, и чему смеешься, скажи мне, сидя в церкви? Ты пришла сюда исповедать грехи свои, припасть к Богу, просить и молиться о сделанных тобой согрешениях, и это делаешь со смехом? Как же ты можешь умилостивить Его? Но скажешь: что за зло — смех? Не смех — зло, но зло то, когда он бывает без меры, когда он неуместен. Способность смеха дана нам для того, чтобы мы употребляли ее, когда увидим друзей после долгой разлуки, чтобы, когда увидим какого-нибудь изнуренного и павшего духом, ободрить его улыбкой, а не для того, чтобы хохотать и постоянно смеяться; способность смеха внедре-

на в нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегчение, а не для того, чтобы она расслаблялась. И плотская похоть лежит в нашей природе, но отсюда не следует, будто непременно нужно удовлетворять ей или употреблять ее без меры; но нужно управлять ею, и мы не говорим: она внедрена в нас, потому мы и должны удовлетворять ей. Служи Богу со слезами, чтобы ты мог омыть грехи. Знаю, что многие насмехаются над нами и говорят: опять слезы. Но поэтому-то и пора слез. Знаю, иные с важностью говорят: *да ямы и пием, утре бо умрем* (1 Кор. XV, 32). Но вспомни, что *суета суетствий, всяческая суета* (Еккл. I, 2). Не я говорю это, по тот, кто испытал все: *создах ми домы*, говорит он, *насадих ми винограды, сотворих ми купели водныя, виночерпцы и виночерпицы*. (Еккл. II, 4–6). И после всего этого что говорит он? *Суета суетствий, всяческая суета*. Итак, будем плакать, возлюбленные, будем плакать, чтобы поистине посмеяться, чтобы поистине возрадоваться во время действительной радости. Настоящая радость всегда смешана с печалью и никогда не бывает чистой; а та — радость действительная, непритворная, не заключающая в себе ничего неискреннего, не имеющая никакой примеси. Будем же радоваться той радостью, будем стараться — ее получить; а получить ее возможно не иначе, как избирая здесь не приятное, но полезное, и даже испытывая некоторую скорбь добровольно, и с благодарностью перенося все случающееся. Таким образом мы сможем сподобиться и царства небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

И сего ради новому завету ходатай есть, да смерти, бывшей во искупление преступлений в первом завете, обетование вечнаго наследия приимут званнии. Идеже бо завет, смерти нужно есть вноситися завещающаго. Завет бо мертвых известен есть: понеже ничесоже может, егда жив есть завещаваяй. Темже ни первый без крове обновлен бысть (Евр. IX, 15—18)

1. Так как, вероятно, были многие малодушные, которые потому особенно, что Христос умер, не верили обетованиям Его, то Павел, желая решительно опровергнуть такое мнение, представляет пример, заимствованный из общего обычая. Какой же это (обычай)? Потому самому, говорит он, и надобно быть уверенным. Почему? Потому что завещания бывают действительны и получают силу не при жизни завещателей, но после их смерти. Поэтому он и начинает так речь: *новому завету*, говорит, *ходатай есть*. Завещание составляется в последний день перед смертью. Это завещание делает одних наследниками, а других лишает наследства. Так и здесь о наследниках Христос говорит: *хощу, да идеже есмь аз, и тии будут* (Ин. XVII, 24); и опять о лишенных наследства послушай, что Он говорит: *не о всех молю, но о верующих словесе их ради в мя* (Ин. XVII, 20). В завещании бывает относящееся к завещателю и относящееся к принимающим завещание, и говорится, что они должны получить и что сделать. Так и здесь: после бесчисленных обетований (Христос) предлагает им и заповедь: *заповедь новую*, говорит, *даю вам* (Ин. XIII, 34). Еще: завещание должно иметь свидетелей; и послушай опять, что Он говорит: *аз есмь свидетельствуяй о мне самом и свидетельствует о мне пославый мя Отец* (Ин. VIII, 18); также об Утешителе говорит: *той свидетельствует о мне*

(Ин. XV, 26); и посылая двенадцать апостолов, Он сказал: *свидетельствуйте пред Богом* (Ин. XV, 17; 1 Тим. V, 21). *И сего ради*, говорит (Павел), *новому завету ходатай есть*. Что такое — *ходатай?* Ходатай не есть властелин дела, которого он посредник; дело — само по себе, а посредник сам по себе. Например: при браке бывает посредник, но он не жених, а только содействующий вступающему в брак. Так и здесь. Сын стал посредником между Отцом и нами. Отец не хотел оставить нам этого наследства; Он гневался на нас и был недоволен нами, как отступившими от Него: (Сын) стал посредником между нами и Им и умолил Его. И смотри, как Он стал посредником: Он принял на Себя обвинение и оправдание, передал нам (волю) Отца и при этом подвергся смерти. Мы оскорбили (Бога) и должны были умереть, но Он умер за нас и соделал нас достойными Завета. Таким образом Завет стал твердым, так как он заключен уже не с недостойными. Вначале Бог заключил с нами Завет, как отец с детьми; но когда мы сделались недостойными, то следовало быть не Завету, а наказанию. Что же ты, говорит (апостол), превозносишься законом? Он довел нас до такого греховного состояния, что мы никогда не спаслись бы; если бы Владыка наш не умер за нас, то закон нисколько не помог бы нам, потому что он был немощен. Впрочем, он доказывает это не одним только общим обыкновением, но и событиями Ветхого Завета, что́ в особенности могло подействовать на них. Но, скажут, там никто не умирал: каким же образом был утвержден тот (Завет)? Точно таким же. Как? И там кровь, равно как и здесь кровь. Не удивляйся, что там не Христова кровь; там ведь был прообраз; потому (апостол) и говорит: *темже ни первый без крове обновлен есть*. Что значит: *обновлен есть?* Стал крепким, утвержден. *Темже*, то есть поэтому, говорит, нужен был прообраз как завета, так и смерти.

2. Но почему, скажи мне, была окроплена книга завета? *Реченней бо*, говорит, *бывшей всякой заповеди по закону от Моисеа всем людем, приемь кровь козлию и телчую с водою и волною червленою и иссопом, самыя же тыя книги и вся люди покропи, глаголя: сия кровь завета, егоже завеща к вам Бог* (ст. 19, 20). Почему же, скажи мне, окропляется книга завета и народ? Потому, что та кровь и все прочее было прообразом честнейшей крови, которая была прообразована издревле. Почему с иссопом? Потому, что он, как вещество плотное и мягкое, сдерживал кровь. Для чего вода? Она была употреблена в знак очищения водой. А для чего волна? И она была употреблена для того, чтобы удерживать кровь. (Апостол) показывает, что здесь вместе были и кровь и вода, потому что крещение есть образ страдания Христова. *И скинию же и вся сосуды, служебныя кровию такожде покропи. И едва не вся кровию очищаются по закону и без кровопролития не бывает оставление* (ст. 21, 22). Почему он сказал: *едва не?* Почему сделал такое ограничение? Потому что там не было совершенного очищения и совершенного отпущения грехов, но было полусовершенное и даже гораздо меньшее; а здесь — *сия есть кровь*, говорит (Господь), *новаго завета, яже за вы изливаема во оставление грехов* (Мф. XXVI, 28). Где же книга, которая очищала их души? Они сами были книгами Нового Завета. Где сосуды служебные? Они сами. Где скиния? Опять они сами. *Яко вселюся в них*, говорит (Бог), *и похожду* (2 Кор. VI, 16). Но здесь нет окропления ни волной червленой, ни иссопом. Почему же? Потому, что это очищение было не телесное, но духовное, и эта кровь духовная. Почему? Потому, что она проистекла не из тела бессловесных (животных), но из тела, устроенного Духом. Этой кровью окропил нас не Моисей, а Христос, посредством слова, сказанного им: *сия кровь новаго завета во оставление грехов.* Это слово, вместо иссо-

па напитанное кровью, окропляет всех. Там очищалось тело отвне, так как очищение было телесное, а здесь – очищение духовное, которое входит в душу и очищает, не только окропляя, но соделываясь источником в душах наших. Посвященные в тайны знают, о чем я говорю. Там была окропляема поверхность (тела) и окропленный опять омывался, а не всегда ходил окровавленным; здесь же не так, но кровь смешивается с самим существом души, делая ее крепкой и чистой и доводя ее до неописуемой красоты. Таким образом (апостол) доказывает, что смерть служила не только к утверждению, но и к очищению. Смерть, и особенно крестная, казалась чем-то пагубным; но (апостол) говорит, что она служила очищением, и очищением важным, и притом в делах высоких. Для этого, то есть ради этой крови, были прежде жертвоприношения; для этого были агнцы, для этого было все. *Нужда убо бяше образом небесных сими очищатися: самем же небесным лучшими жертвами паче сих* (ст. 23). Как они – образы небесных? И что он называет ныне небесным? Не небо ли? Не ангелов ли? Нет, но наши (священнодействия). Наши (священнодействия) на небесах и небесны, хотя совершаются на земле. Так и ангелы бывают на земле, но называются небесными; и херувимы являлись на земле, но они небесны. Что я говорю: являлись? Они пребывают на земле, как бы в раю, – и однако, при всем том, они небесны. *И наше житие на небесех есть* (Флп. III, 20), хотя мы живем здесь. *Самем же небесным*, то есть по любомудрию нашему призванным туда. *Лучшими жертвами паче сих.* Лучшее называется лучшим по отношению к чему-нибудь хорошему. Следовательно хороши были и образы небесного. Они не были нехорошими, как образы; иначе было бы нехорошо и то, чего они служат образами.

3. Итак, если мы небесны, если мы получили такое достоинство, то будем бояться, чтобы нам не остаться

на земле; а и ныне, кто хочет, может не быть на земле. Быть или не быть на земле зависит от воли и образа жизни. Вот например: о Боге говорят, что он пребывает на небе. Почему? Не потому, чтобы Он был заключен в каком-нибудь месте, – да не будет, – и не потому, чтобы земля была лишена Его присутствия; но по отношению и близости Его к ангелам. Таким образом, если и мы близки к Богу, то мы – на небе. Что́ мне до неба, когда я созерцаю Владыку неба, когда сам становлюсь небом? *Приидем,* говорит (Господь), *аз и Отец мой, и обитель у него сотворим* (Ин. XIV, 23). Сделаем же душу нашу небом. Небо по природе своей ясно, оно не делается темным и во время бури; тогда не оно само изменяет вид, но собравшиеся облака закрывают его. Небо имеет солнце; и мы имеем Солнце правды. Можно, сказал я, сделаться как бы небом; еще скажу – можно сделаться даже лучше неба. Каким образом? Когда мы будем иметь Владыку солнца. Небо везде чисто и светло и не изменяется ни во время бури, ни во время ночи; так и мы не должны подвергаться этому ни во время скорбей, ни во время козней диавола, но остаються чистыми и светлыми. Небо высоко и далеко отстоит от земли; будем таковы и мы, отрешимся от земли и вознесемся на эту высоту. А как мы можем отрешиться от земли? Если будем размышлять о небесном. Небо гораздо выше и дождей и бурь, и никто не может достать его; то же, если захотим, может быть и с нами. Оно кажется изменяющимся, а между тем не изменяется; так и мы, хотя и кажемся страждущими, но не должны подвергаться страданию. Как во время бури многие не видят красоты неба и думают, что оно изменилось, но любомудрые знают, что оно нисколько не изменилось, так и об нас, во время скорбей, многие думают, что мы изменились и что скорбь коснулась самого сердца нашего, но любомудрые знают, что она не коснулась нас. Будем же небом, взойдем на

эту высоту, и тогда люди покажутся нам не отличающимися от муравьев; разумею не одних только бедных и богатых, но будет ли то военачальник, или царь, мы не заметим оттуда ни царя, ни простолюдина, не различим, что золото и что серебро, какая шелковая одежда, и какая пурпуровая; все покажутся нам как бы мухами, когда мы будем находиться на этой высоте; там нет ни шума, ни волнения, ни крика. Но как можно, скажешь, подняться на эту высоту человеку, находящемуся на земле? Не словами одними я докажу тебе это, но, если хочешь, представлю тебе людей, которые на самом деле достигли этой высоты. Кто же это? Разумею Павла и подобных ему, которые, живя на земле, были на небе. Что я говорю: на небе? Они были выше неба и другого неба, и восходили до самого Бога. *Кто ны*, говорит он, *разлучит от любве Божия? Скорбь ли, или теснота, или глад, или гонение, или нагота, или беда, или меч* (Рим. VIII, 35)? И еще: *не смотряющим нам видимых, но невидимых* (2 Кор. IV, 18). Видишь ли, как он не взирал на то, что здесь? А чтобы ты убедился, что он был выше небес, послушай, как он говорит: *известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Христовой* (Рим. VIII, 38, 39).

4. Видишь ли, как мысль, пройдя все, поставила его выше не только этого творения и этих небес, но и всяких других, если бы они были? Видишь ли высокий ум? Видишь ли, каким сделался, когда захотел, скинотворец, проводивший всю жизнь свою на площади? Нет, подлинно никакого нет препятствия – превзойти всех, когда мы захотим. Если мы делаем такие успехи в искусствах, которые весьма трудны для многих, то тем более в том, что не требует такого труда. Что труднее, скажи мне, как ходить по натянутому канату, как бы по ровному месту, и ходя на высоте одеваться и раздеваться, как бы сидя на постели? Не кажется ли

нам это дело так страшным, что мы не хотим на него даже смотреть, но ужасаемся и дрожим при одном на него взгляде? Что труднее, скажи мне, как поставить на лицо свое шест и, посадив на него ребенка, производить тысячи (упражнений) и забавлять зрителей? Что труднее, как играть шарами на мечах? Что труднее, скажи мне, как исследовать глубину моря? И бесчисленное множество других искусств можно было бы привести; но всех их легче добродетель и искусство – взойти на небо, если мы захотим: здесь нужно только захотеть, и всего достигнешь. Здесь нельзя сказать: не могу, – это значило бы обвинять Создателя; ведь если Он создал нас не могущими, и между тем повелел (сделать это), то вина падает на Него. Отчего же, скажешь, многие не могут? Оттого что не хотят. А отчего не хотят? От лености; а если захотят, то конечно смогут. Потому и Павел говорит: *хощу, да вси человецы будут, якоже и аз* (Рим. VII, 7); он знал, что все могут быть такими же, как он; а если бы не могли, то он и не сказал бы этого. Хочешь ли быть добродетельным? Положи только начало. Скажи мне: во всех искусствах, когда мы хотим заняться ими, довольствуемся ли мы одним хотением, или принимаемся и за дело? Например: кто хочет сделаться кормчим, тот не говорит только: хочу, и этим довольствуется, но принимается и за дело. Кто хочет сделаться торговцем, тот не говорит только: хочу, но принимается и за дело. Кто хочет путешествовать, тот не говорит только: хочу, но принимается и за дело. Так и во всем: не достаточно одного только хотения, но нужно присоединять и дело. А ты, желая взойти на небо, только говоришь: хочу? Но как же, возразишь, ты сам сказал, что достаточно одного хотения? Хотения вместе с делами, принимающегося за дело, деятельного. Нам содействует и помогает Бог; только мы должны решиться, только должны

приступить к тому на деле, только должны приложить старание, только должны иметь душевное расположение, – и все будет. А если будем спать и похрапывая надеяться взойти на небо, то как мы сможем получить наследие небесное? Будем же иметь хотение, увещеваю вас, будем желать. Для чего мы собираем все для настоящей жизни, которую завтра оставим? Будем пещись о добродетели, которой достанет нам на весь век; будем постоянно соблюдать ее, – и получим вечные блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVII

Не в рукотворенная бо святая вниде Христос, противообразная истинных, но в самое небо, ныне да явится лицу Божию о нас: ниже да многажды приносит себе, якоже первосвященник входит во святая святых по вся лета с кровию чуждею: понеже подобаше бы ему множицею страдати от сложения мира: ныне же единою в кончину веков во отметание греха жертвою своею явися (Евр. IX, 24–26)

1. Иудеи много превозносились храмом и скинией; потому и говорили: *храм Господенъ, храм Господенъ* (Иер. VII, 4). Нигде на земле не было построено подобного храма ни по драгоценности, ни по красоте, ни по чему иному, потому что Бог, заповедав построить его, повелел сделать это с большим великолепием, да и сами (иудеи) были склонны и привязаны более к телесному. У него в стенах были позолоченные камни, о чем желающий может узнать из второй книги Царств и из книги Иезекииля, равно и о том, сколько талантов золота

было на него издержано. Построение второго (храма) было еще блистательнее по красоте и по всему прочему. И не поэтому только он был драгоценен, но и потому, что был один. Красота его привлекала всех, потому что туда приходили с концов земли, из Вавилонии и Эфиопии. Это выражает Лука в Деяниях, когда говорит: *бяху же там живущии Парфяне и Мидяне и Еламите, и живущии в Месопотамии, в Иудеи же и Каппадокии, в Понте и во Асии, во Фригии же и Памфилии, во Египте и странах Ливии, яже при Киринии* (Деян. II, 5–10). Итак, из всех стран вселенной приходили туда, и велика была слава этого храма. Что же делает Павел? Что сделал он касательно жертв, то же делает и здесь; как им он противопоставил смерть Христову, так здесь храму противопоставляет целое небо. Но не в этом только показывает различие, а и в том, что наш священник ближе к Богу: *да явится,* прибавляет он, *лицу Божию.* Таким образом, он доказывает важность дела не только небом, но и самим входом, – потому что не через одни прообразы, как здесь, но самого Бога (Христос) видит там. Видишь ли, что все уничиженное сказано о Нем по снисхождению Его? Удивительно ли после этого, что (Павел) представляет его ходатайствующим, как первосвященника? *Ниже да многажды,* говорит, *приносит себе, якоже первосвященник входит во святая по вся лета с кровию чуждею. Не в рукотворенная бо святая вниде Христос, противообразная истинных.* Итак, это – истина, а то – прообразы; тот храм был построен по подобию неба небес. Но что говоришь? Неужели, если бы не вошел в небо, то не явился бы (лицу Божию) Он, вездесущий и все наполняющий? Очевидно, что все это говорится о плоти Его. *Да явится,* говорит, *лицу Божию о нас.* Что значит: *о нас?* Он вошел, говорит, с жертвой, могущей умилостивить Отца. Для чего же, скажи мне? Разве Он был врагом (Божиим)? Из числа ангелов

были враги Богу, а Он не был врагом. А что ангелы были враги, об этом послушай, что говорит (апостол): *примирити, аще земная, аще ли небесная* (Кол. I, 20). Потому справедливо сказано, что Он вошел в небо, *ныне да явится лицу Божию о нас.* Он и ныне предстоит, но за нас. *Ниже да многажды приносит себе, якоже первосвященник входит во святая святых по вся лета с кровию чуждею.* Видишь ли, сколько противоположений? Многажды, однажды; с кровью чужой, со своей. Великое различие! Христос сам и жертва и священник. *Понеже,* говорит, *подобаше бы ему множицею страдащи от сложения мира.* Здесь он открывает некоторый догмат: если бы, говорит, Ему надлежало многократно приносить жертвы, то надлежало бы многократно и распинаться. *Ныне же единою в кончину веков.* Почему — *в кончину веков?* После множества грехов; если бы все это произошло вначале и никто не уверовал бы, то дело домостроительства осталось бы бесполезным; Христу не надлежало умирать вторично, чтобы исправить и этот недостаток; когда же с течением времени явилось множество грехов, тогда благовременно Он и явился. То же (апостол) говорит и в другом месте: *идеже умножися грех, преизбыточествова благодать* (Рим. V, 20). *Ныне же,* говорит, *единою в кончину веков во отметание греха жертвою своею явися. И якоже лежит человеком единою умрети, потом же суд* (ст. 27).

2. Доказав, что не надлежало умирать многократно, (апостол) показывает теперь и то, почему Он умер однажды. *Лежит,* говорит, *человеком единою умрети.* Итак, Он умер однажды за всех людей. Как, разве мы уже не умираем прежней смертью? Умираем, но не остаемся в ней; а это не значит умирать. Власть смерти и истинная смерть есть та, когда умерший уже не имеет возможности возвратиться к жизни; если же после смерти он оживет, и при том лучшей жизнью, то это не смерть,

а успение. Смерть могла удержать у себя всех; потому Христос и умер, чтобы освободить нас. *Тако и Христос единою принесеся* (ст. 28). Кем *принесеся?* Очевидно, сам собой. Здесь показывает в Нем не только священника, но и приношение, и жертву; потом присовокупляет и причину, почему Он *принесеся. Единою,* говорит, *принесеся во еже вознести многих грехи.* Почему же он сказал: *многих,* а не: всех? Потому, что не все уверовали. Он умер за всех, чтобы спасти всех, сколько от Него зависит, — смерть Его и сильна была спасти всех от погибели, — но Он *вознес грехи* не всех, потому что сами не захотели. Что же значит: *вознести грехи?* Как во время приношения, которое совершаем, мы возносим и грехи, когда говорим: остави нам согрешения, которые мы соделали волей или неволей, то есть сначала упоминаем о них, а потом испрашиваем оставления, — так было и здесь. Когда же Христос сделал это? Послушай, как Он сам говорит: *и за них аз свящу себе* (Ин. XVII, 19). Вот, как Он вознес грехи: взял их от людей и вознес к Отцу, не для того, чтобы постановить приговор против них, но чтобы простить. *Второе,* говорит, *без греха явится ждущим его во спасение.* Что значит: *без греха?* Не с тем, чтобы взять грехи, и не за грехи придет в другой раз, чтобы опять умереть; Он и однажды умер не потому, что должен был умереть. Для чего же *явится?* Чтобы наказать, говорит; впрочем не выражает этого (прямо), но с отрадой: *без греха явится ждущим его во спасение,* так как уже нет надобности в жертве, чтобы спасать их, но для этого нужны дела. *Сень бо,* говорит, *имый закон грядущих благ, не самый образ вещей* (X, 1), то есть не самую истину. Как в живописи, пока набрасывают рисунок, получается какая-то тень, а когда положат краски и наведут цвета, тогда делается изображение, — так было и с законом. *Сень бо имый закон грядущих благ, не самый образ вещей,* то есть жертвы, отпущения (грехов). На вся-

кое лето: *теми же жертвами, ихже приносят вьну, никогда же может приступающих совершити: понеже не престали бы быти приносимы, ни едину ктому имущим совесть о гресех служащим, единою очищенным: но в них воспоминание грехов на коеждо лето. Невозможно бо крови юнчей и козлей отпущати грехи. Темже входя в мир глаголет: жертвы и приношения не восхотел еси, тело же совершил ми еси: всесожжений и о гресе не благоволил еси. Тогда рех: се иду: в главизне книжней написася о мне: еже сотворити волю твою, Боже. Выше глаголя: яко жертвы и приношения и всесожжений и о гресех не восхотел еси, ниже благоволил еси, яже по закону приносятся: тогда рече се иду сотворити волю твою, Боже. Отъемлет первое, да второе поставит* (ст. 1–9). Видишь ли опять, какое изобилие (в речи апостола)? Эта жертва, говорит, одна, а тех много; потому они и не были сильны, что их было много.

3. Действительно, скажи мне, для чего нужно было много жертв, если бы достаточно было одной? Множество жертв и то, что они приносились непрестанно, показывает, что они никогда не очищали (приносивших). Как лекарство, когда оно сильно, полезно для здоровья и способно уничтожить всякую болезнь, совершает все, будучи приложено однажды; то самое, что оно совершает все, будучи приложено однажды и уже больше не прикладываясь, показывает его силу, и то, что оно больше не прикладывается, есть следствие его действия; если же оно прикладывается непрестанно, то это явный знак, что оно не имеет никакой силы, — потому что достоинство лекарства в том и состоит, чтобы прикладываться однажды, а не часто, — так точно и здесь. Почему они непрестанно лечились одними и теми же жертвами? Если бы они были свободны от всех грехов, то жертвы не были бы приносимы ежедневно, — между тем было определено приносить их за весь народ непрестанно, и вечером и днем. Таким об-

разом совершаемое ими было обвинением в грехах, а не разрешением грехов, обличением немощи, а не знаком силы. Так как первая жертва не оказывала действия, то приносилась вторая; а так как и эта не помогала, то третья – таким образом это и служило обличением грехов. Итак, приношение жертв было обличением грехов, а непрестанное (приношение) обличением немощи. А в деле Христовом напротив: Он принес однажды, и этого довольно навсегда. И хорошо назвал (апостол жертвы) противообразными; действительно, они были только прообразом, но не имели силы, подобно как на картинах изображение имеет образ человека, но не имеет силы его. Подлинник и образ имеют нечто общее между собой; в образе есть сходство, но нет силы. Так точно в отношении неба и скинии: она была похожим на него образом, – так как была святой, – но сила и все прочее у нее не те. Что значит: *во отметание греха жертвою своею явится?* Что значит: *отметание?* То есть посрамление; грех уже не имеет дерзновения, потому что он посрамлен. Каким образом? Он должен был достигнуть наказания (людей смертью), но не достигнул, а сам потерпел насилие; когда хотел погубить всех, тогда сам был истреблен. *Жертвою своею*, говорит, *явися*, то есть явился к Богу и предстал перед Ним. Итак, не думай, что если священник приносил жертвы многократно каждый год, то делал это просто и не по причине немощи. Если не по причине немощи, то для чего же это делалось? Если бы не было ран, то не было бы нужды и в лекарствах. Вот для чего, говорит (апостол), повелено приносить жертвы непрестанно, – по причине немощи и для напоминания о грехах. Что же? Разве мы не приносим каждый день? Приносим, но мы совершаем воспоминание о смерти Его, и эта жертва одна, а не много. Как одна, а не много? Так, что она принесена однажды, подобно той, которая была

приносима во святом святых. Та была прообразом ее, и эта — ее же образ. Мы постоянно приносим одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого завтра, но всегда одного и того же. Таким образом, эта жертва одна. Хотя она приносится во многих местах, но разве много Христов? Нет, один Христос везде, и здесь полный, и там полный, одно тело Его. И как приносимый во многих местах Он — одно тело, а не много тел, так и жертва одна. Он наш Первосвященник, принесший жертву, очищающую нас; ее приносим и мы теперь, тогда принесенную, но не оскудевающую. Это совершается в воспоминание бывшего тогда: *сие творите*, сказано, *в мое воспоминание* (Лк. XXII, 19). Не другую жертву, как тогдашний первосвященник, но ту же мы приносим постоянно; или лучше сказать, совершаем воспоминание жертвы.

4. Так как я упомянул об этой жертве, то хочу сказать вам, посвященным в тайны, немногое, — немногое по объему, но заключающее в себе великую силу и пользу; слова мои не от нас, но от Духа Божия. Что же такое? Многие причащаются этой жертвы однажды во весь год, другие дважды, а иные несколько раз. Слова наши относятся ко всем, не только к присутствующим здесь, но и к находящимся в пустыне, — потому что они причащаются однажды в год, а иногда и через два года. Что же? Кого нам одобрить? Тех ли, которые причащаются однажды, или тех, которые — часто, или тех, которые — редко? Ни тех, ни других, ни третьих, но причащающихся с чистой совестью, с чистым сердцем, с безукоризненной жизнью. Такие пусть всегда приступают; а не такие — ни однажды. Почему? Потому, что они навлекают на себя суд, осуждение, наказание и мучение. Не удивляйся этому: как пища, сама по себе питательная, когда попадает в расстроенный желудок, производит вред и расстройство во всем (теле),

и делается причиной болезни, так бывает и с страшными тайнами. Ты сподобляешься трапезы духовной, трапезы царской, и потом опять оскверняешь уста нечистотой? Ты намащаешься миром, и потом опять наполняешься зловонием? Скажи мне, увещеваю: приступая к причащению через год, неужели ты думаешь, что сорока дней тебе достаточно для очищения твоих грехов за все время? А потом, по прошествии недели, опять предаешься прежнему? Скажи же мне: если бы ты, выздоравливая в течение сорока дней от продолжительной болезни, потом опять принялся за ту же пищу, которая причинила болезнь, то не потерял ли бы ты и предшествовавшего труда? Очевидно, что так. Если же таким образом извращается естественный порядок, то тем более нравственный. Например: мы от природы одарены зрением и имеем от природы здоровые глаза; но часто по болезни наше зрение повреждается. Если же естественные свойства извращаются, то не гораздо ли более нравственные? Сорок дней ты употребляешь на восстановление здоровья души, а быть может даже не сорок, — и думаешь умилостивить Бога? Ты шутишь, человек. Говорю это не с тем, чтобы запретить вам приступать однажды в год, но более желая, чтобы вы непрестанно приступали к святым тайнам. Для того и священник возглашает тогда, призывая святых, и этим возгласом как бы испытывает всех, чтобы никто не приступал неприготовленным. Как в стаде, где много здоровых овец, а много и пораженных коростой, необходимо отделить последних от здоровых, так и в Церкви, где есть овцы здоровые и больные, этим возгласом священник отделяет последних от первых, оглашая всех таким страшным изречением, а святых вызывает и приглашает. Так как ни один человек не может знать души ближнего, — *кто бо*, говорит (апостол), *весть от человек, яже в человеце,*

точию дух человека (живущий) в нем (1 Кор. II, 11)? — то и делает такой возглас после совершения всего жертвоприношения, чтобы никто без внимания и как случилось не приступал к духовному источнику. И в стаде, ничто не препятствует употребить опять то же сравнение, — больных (овец) мы запираем, держим в темноте, кормим другой пищей, лишая их и чистого воздуха, и свежей травы, и внешнего источника. Так и здесь, этот возглас служит как бы вместо уз. Ты не можешь сказать: я не знал, я не понимал, что такое дело угрожает опасностью, — особенно, когда и Павел засвидетельствовал это. Или скажешь: я не читал? Но это служит не к оправданию твоему, а к осуждению; каждый день ты ходишь в церковь, — и этого еще ты не узнал?

5. Впрочем, чтобы ты не мог представить и этого предлога, для того священник, как бы какой глашатай, подняв руку вверх, став на возвышении, будучи видимым для всех, при страшной тишине, громким голосом произносит грозное воззвание, которым одних призывает, а других отлучает, делая это не рукой, а словом, гораздо действительнейшим руки. Это воззвание, достигая нашего слуха, как бы рукой, одних отталкивает и отвергает, а других привлекает и представляет. Скажи мне, прошу тебя, на олимпийских играх не выходит ли глашатай, взывая громким и сильным голосом: не может ли кто обвинить в чем-нибудь этого человека, не раб ли он, не вор ли, не безнравственный ли? — хотя те подвиги не душевные и не нравственные, а требующие телесной силы? Если же там, где совершаются подвиги телесные, тщательно исследуется нравственность, то тем более это нужно здесь, где весь подвиг принадлежит душе. Так, и перед нами теперь стоит глашатай, не головы каждого касающий-

ся и влекущий, но касающийся вдруг внутренней головы всех; не вызывает он посторонних обвинителей, но всех против самих себя; не говорит: не может ли кто обвинить этого человека, а что? – не обвиняет ли кто себя самого? Когда он говорит: *святая святым,* то говорит: кто не свят, тот не приступай. Не просто говорит: чистый от грехов, но: святой; а святым делает не одно только отпущение грехов, но и наитие Духа и обилие дел благих. Не того только хочу, говорит, чтобы вы омылись от нечистоты, но чтобы были белыми и прекрасными. Если вавилонский царь из пленных юношей избрал видных и красивых (Дан. I, 4), то тем более нам, предстоящим царской трапезе, должно быть прекрасными в душе, иметь золотое украшение, чистую одежду, царскую обувь, благообразное лицо души, облекши ее в это золотое украшение и опоясав истиною. Такой пусть приступает и прикасается к царским сосудам. А если кто, будучи одет в рубище, загрязнен и запылен, захочет приступить к царской трапезе, то известно, чему он подвергнется, и сорока дней ему недостаточно будет для омовения грехов, совершенных во все (прошедшее) время. Если недостаточно для этого геенны, хотя она вечна, – а для этого она и вечна, – то тем более такого краткого времени. Ведь мы оказываем не сильное, а слабое покаяние. Предстоять царю следует преимущественно евнухам; под евнухами я разумею людей со светлой душой, не имеющих никакой нечистоты и никакого порока, возвышенных умом, имеющих око души кроткое и зоркое, строгое и бодрое, а не сонливое и дремлющее, исполненное совершенной свободы, чуждое бесстыдства и наглости, бдительное, здравое, не очень прискорбное и печальное, но и не рассеянное и беспечное. В нашей власти усовершить таким образом свое око и сделать его зорким

и прекрасным. Когда мы не будем устремлять его на дым и прах, — таковы все блага человеческие, — но на тонкие струи, на легкое веяние ветра, на предметы возвышенные, великие и исполненные совершенного спокойствия, чистоты и радости, то скоро приобретем такое (око) и укрепим его таким приятным созерцанием. Видишь ли человека любостяжательного и имеющего большое богатство, — не устремляй туда ока своего: это грязь, дым, дурное испарение, тьма, великая теснота, беспокойное изнурение. Видишь ли человека, упражняющегося в добродетелях, довольствующегося своим, стоящего на широком пути спокойствия, не сокрушающегося и не пекущегося ни о чем здешнем, — на нем останови (око свое), туда устреми его, и сделаешь его гораздо лучшим и светлейшим, услаждая его не земными цветами, но цветами добродетели, целомудрием, кротостью и всеми другими. Ничто так не смущает ока нашего, как нечистая совесть: *смятеся*, говорит (Псалмопевец), *от ярости око мое.* (Пс. VI, 8); ничто так не омрачает его. Избавь его от этого зла, и ты сделаешь его чистым и крепким, всегда исполненным надежд благих. Будем же все мы, как эту, так и другие способности души устроять так, как желает Христос, чтобы, сделавшись достойными поставленной над нами Главы, нам отойти туда, куда Он хочет: *хощу*, говорит Он, *да идеже есмь аз, и тии будут со мною, да видят славу мою* (Ин. XVII, 24), которой да сподобимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

Выше глаголя, яко жертвы и приношения и всесожжений и о гресех не восхотел еси, ниже благоволил еси, яже по закону приносятся: тогда рече: се иду сотворити волю твою, Боже. Отъемлет первое, да второе поставит. О нейже воли освящени есмы принесением тела Иисус Христова единою. И всяк убо священник стоит на всяк день служя, и тыяжде множицею принося жертвы, яже никогдаже могут отъяти грехов: он же едину о гресех принес жертву, всегда седит одесную Бога, прочее ожидая, дондеже положатся врази его подножие ног его (Евр. X, 8–13)

1. В предыдущем (апостол) доказал, что жертвы бесполезны для совершенного очищения, что они были только прообразом и весьма недостаточны. Так как при этом представлялось ему возражение: если они прообразы, то почему они, с пришествием истины, не перестали, не прекратились, но еще приносятся (иудеями)? — то здесь он и решает это, показывая, что они уже не приносятся, как прообразы, и Бог не принимает их. Он опять доказывает это не из Нового Завета, но из пророков, приводя из древности сильнейшее свидетельство на то, что (жертвы) прекратились и перестали, и что (иудеи) совершенно напрасно приносят их, всегда противясь Духу Святому. Притом усиленно доказывает, что они прекратились не теперь, но с самого пришествия Христова, или лучше, еще прежде Его пришествия, — что не Христос положил конец им, но сначала они были отменены, а потом уже Он пришел; прежде они прекращены, и тогда последовало Его пришествие. Чтобы они не сказали: мы могли и без этой жертвы (Христовой) благоугождать Богу, — Он ожидал, пока жертвы обличатся сами собой, и тогда уже пришел, потому что *жертвы*, говорит, *и приношения не восхотел*

еси. Этим он отвергнул все и, сказав вообще, говорит и в частности: *всесожжений и о гресех не благоволил еси.* Приношением же было все прочее, кроме жертв. *Тогда рех: се иду.* О ком это сказано? Не о ком другом, как о Христе. Здесь (апостол) нисколько не обвиняет приносивших, показывая, что (Бог) не принимает жертв не за пороки их, как сказал он в другом месте, но потому, что наконец раскрылась недостаточность самого дела и обнаружилось, что оно не имеет никакой силы и уже неблаговременно. Как же согласить это с частым приношением жертв? Не только, говорит, из частого (приношения их) видно, что они немощны и не приносят никакой пользы, но и из того, что Бог не принимает их, как бесплодные и бесполезные. То же самое выражено и в другом месте, когда сказано: *аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо* (Пс. L, 18). Отсюда очевидно, что не хочет их. Итак, не жертв хочет воля Божия, а отмены жертв; следовательно, нет воли (Божией) на то, чтобы они приносились. Что значит: *сотворити волю твою?* Значит — предать Себя самого, — на это воля Божия. *О нейже воли освящени есмы.* Здесь он иным образом доказывает, что не жертвы очищают людей, а воля Божия. Итак, ужели же на приношение жертв нет воли Божией? Но удивительно ли, что теперь нет на это воли Божией, если и вначале не было на то воли Его? *Кто бо*, говорит (Бог), *изыска сия из рук ваших* (Ис. I, 12)? Почему же Он сам учредил (жертвоприношения)? По снисхождению. Подобным образом и Павел выражается, когда говорит: *хощу, да вси человецы будут, якоже и аз,* воздержаными (1 Кор. VII, 7); а в другом месте предлагает такой совет: *хощу юным посягати, чада раждати* (1 Тим. V, 14). Он представляет два хотения, но не оба принадлежат ему, хотя он заповедует; первое от него самого, — потому он и представляет его без причины, — а последнее не от него самого, хотя и оно не противно

воле его, – потому он прибавляет и причину. Именно, сказав выше против молодых вдовиц, что они *разсвирепеют противу Христа,* он потом и говорит: *хощу юным посягати, чада раждати.* Так точно и здесь (Бог) учредил жертвоприношения по снисхождению; а первоначально не было Его волей, чтобы приносились жертвы. Так и о смерти Он говорит: *не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (Иез. XVIII, 23), а в другом месте говорит, что Он не только хочет, но и сильно желает этого (ст. 30), хотя то и другое (по-видимому) взаимно противоречат, так как сильное желание есть напряженное хотение. Как же Он и не хочет и желает и притом сильно желает? То же нужно сказать и здесь. *О нейже воли освящени есмы;* а как мы *освящени есмы,* сам объясняет, присовокупляя: *принесением тела Иисус Христова единою. И всяк убо священник стоит на всяк день служя, и тыяжде множицею принося жертвы.* Стоять свойственно служащему; следовательно сидеть свойственно Тому, кому служат: *он же едину о гресех принес жертву, всегда седит одесную Бога, прочее ожидая, дондеже положатся врази его подножие ног его. Единем бо приношением совершил есть во веки освящаемых. Свидетельствует же нам и Дух святый* (ст. 12–14). Сказав, что (жертвы) уже не приносятся, подтвердив это из Писания и не из Писания, представив и изречение пророческое: *жертвы и приношения не восхотел еси,* теперь говорит, что Бог уже отпустил грехи. В этом он опять удостоверяет свидетельством Писания: *свидетельствует же нам,* говорит, *Дух святый. По реченному бо прежде, сей завет, егоже завещаю к ним по днех онех, глаголет Господь, дая законы моя на сердца их и в помышлениих их напишу их, и, грехов их и беззаконий их не имам помянути ктому. А идеже отпущение сих, ктому несть приношения о гресех* (ст. 15–18). Итак, (Бог) отпустил грехи, когда дал (Новый) Завет; а этот завет бы дал за жертву (Христову). Если же Он отпустил грехи за эту

одну жертву, то уже нет нужды в другой. *Седит одесную Бога, прочее ожидая.* Для чего это замедление? Да *положатся врази его подножие ног его. Единем бо приношением совершил есть во веки освящаемых.* Но, быть может, скажет кто-нибудь: почему Он не тотчас положил их? Из-за верных, которые имели родиться и возродиться. И откуда видно, что они будут положены? Из того, что Он *седит.* Здесь (апостол) опять припоминает свидетельство, в котором говорится: *дондеже положит враги под ногама своима;* а враги Его — иудеи. Далее, после того, как сказал: *дондеже положатся врази его подножие ног его,* — а (враги эти) сильно восставали, — он высказывает все последующее, касающееся веры. Кто враги Его, как не все неверующие, также и демоны? Действительно, не одни только иудеи. И чтобы выразить высшую степень подчинения их, не сказал: подчинятся, но: *положатся* под ноги Его. Не будем же в числе врагов Его; а враги Его не те только, то есть неверующие и иудеи, но и те, которых жизнь исполнена нечистоты: *зане мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покаряется: ниже бо может* (Рим. VIII, 7). Что же, скажешь, не укоризна ли это? Укоризна, и сильная: злой человек, пока он зол, не может покоряться; но раскаяться и сделаться добрым — он может.

2. Отвергнем же плотские мудрования. А какие — плотские? Те, которые утучняют и услаждают тело, но причиняют вред душе, каковы, например: богатство, роскошь, слава, любовь плотская; все это относится к плоти. Не будем же любить приращения богатства, но будем всегда искать бедности; она — великое благо. Но, скажешь, она делает человека уничиженным и жалким? Это нам и нужно, потому что приносит нам великую пользу. *Нищета,* говорит (Премудрый), *мужа смиряет* (Притч. X, 4); также Христос (говорит): *блажени нищии духом* (Мф. V, 3). О том ли ты скорбишь, что стоишь на

пути, ведущем к добродетели? Разве ты не знаешь, что она (бедность) доставляет нам великое дерзновение? Но, скажешь, *мудрость нищаго уничижена* (Еккл. IX, 16); и в другом месте сказано: *богатства и нищеты не даждь ми* (Притч. XXX, 8); и еще: изыми меня *от пещи убожества* (Ис. XLVIII, 10). Может ли быть злом бедность или богатство, если *богатство и нищета от Господа* (Сир. XI, 14)? Почему же так сказано? Это было сказано в Ветхом Завете, когда богатство считалось весьма важным, а бедность была презираема, одно было проклятием, а другое – благословением. А теперь не так. Хочешь ли слышать похвалу бедности? Ее переносил Христос: *сын же человеческий,* сказал Он, *не имать где главы подклонити* (Мф. VIII, 20); также ученикам Он говорил: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу* (Мф. X, 9). И Павел говорит в послании: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. VI, 10). И Петр сказал хромому от рождения: *сребра и злата несть у мене* (Деян. III, 6). И в самом Ветхом Завете, – когда удивлялись богатству, – кто, скажи мне, были чудные мужи? Не Илия ли, не имевший ничего, кроме милости? Не Елисей ли? Не Иоанн ли? Потому никто не должен считаться низким за бедность; не бедность унижает, а богатство, заставляющее нуждаться во многом и побуждающее угождать многим. Кто, скажи мне, был беднее Иакова, который говорил: *аще даст ми Господь хлеб ясти и ризы облещися* (Быт. XXVIII, 20)? Не имели ли дерзновения Илия и Иоанн и им подобные? Не обличал ли один Ахава, а другой Ирода? Этот говорил: *не достоит тебе имети жену Филиппа брата твоего* (Мк. VI, 18); а Илия с дерзновением говорил Ахаву: *не развращаю аз Исраиля, но разве ты и дом отца твоего* (3 Цар. XVIII, 18). Видишь ли, какое дерзновение сообщает бедность? Богатый есть раб; он подвергается убыткам и представляет возможность всякому желающему причинить ему вред; не имеющий же

ничего не боится (лишения имущества) ни с публичного торга, ни по судебному приговору. Если бы бедность лишала дерзновения, то Христос не заповедал бы бедности ученикам своим, посылая их на дело, требовавшее великого дерзновения. Бедный есть человек весьма сильный, не откуда ему получить обиду или потерпеть вред; а богатый открыт для нападений со всех сторон, и с ним бывает то же, как если бы кто тащил за собой множество длинных веревок, — его легко может поймать всякий, а человека нагого поймать нелегко. Так бывает и с богатым: рабы, золото, поля, множество дел, тысячи забот, обстоятельств, нужд — делают его удобоуловимым для всех.

3. Итак, пусть никто не считает бедности причиной бесчестья. Перед добродетелью все богатство вселенной хуже грязи, меньше соломинки. Будем же стремиться к ней, если хотим войти в царство небесное. *Продаждь,* сказал (Господь), *имение твое, и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси* (Мф. XIX, 21); и еще: *неудобь богатый внидет в царствие небесное* (ст. 23). Видишь ли, что даже надобно искать (бедности), если нет ее? Такое она составляет благо! Она — руководительница по пути, ведущему к небу, помазание для ратоборства, великое и дивное училище, безопасная пристань. Но, скажешь, я имею нужду во многом и не хочу ни от кого принимать милостыни? В этом отношении богатый ниже тебя. Ты, быть может, просишь милостыни для пропитания; а он бесстыдно (просит) бесчисленного множества вещей по любостяжанию. Богатые нуждаются во многих. Что я говорю: во многих? Часто даже в таких людях, которые недостойны их самих; например: они часто нуждаются в воинах и рабах. А бедный не нуждается и в самом царе; если же он в чем-нибудь и нуждается, то ему удивляются, что он сам поставил себя

в такое положение, тогда как мог быть богатым. Итак, никто пусть не обвиняет бедность, как бы причину бесчисленных зол, и не противоречит Христу, который назвал ее совершенством добродетели, когда сказал: *аще хощеши совершен быти* (Мф. XXI, 19). Это Он выразил словами, показал и делами, преподал и через учеников. Будем же искать бедности; она – величайшее благо для внимательных. Может быть, некоторые из слушателей и предубеждены против этого. Охотно верю: так сильна эта болезнь у многих людей и так велика власть богатства, что многие не могут выносить отречения от него даже на словах, и относятся к нему с предвзятой мыслью. Пусть же удалится такая мысль от души христианина; нет никого богаче человека, избравшего бедность добровольно и охотно. Так ли? Я утверждаю это, и, если хотите, объясню, что добровольно избравший бедность богаче самого царя. Тот нуждается во многом, заботится и боится, чтобы не оказалось недостатка для содержания войска; а этот имеет всего вдоволь, не боится ничего, а если и боится, то не в такой степени. Кто же богат, скажи мне, тот ли, кто каждый день заботится, старается собрать, как можно больше, и боится, чтобы в чем-нибудь не оказалось недостатка, или тот, кто ничего не собирает, живет в совершенном довольстве и ни в чем не нуждается? Добродетель и страх Божий, а не деньги, сообщают дерзновение; деньги же доводят и до рабства: *мзда и дарове*, говорит (Премудрый), *ослепляют очи премудрых, и якоже бразды на устех отвращают обличения* (Сир. XX, 29). Смотри, как Петр, бедный, наказал богатого Ананию. Не богач ли был этот и не бедняк ли тот? Но вот, с какой властью тот обращается к нему и говорит: *рцы ми, аще на толице село отдаста?* А этот с робостью отвечает: *ей, на толице* (Деян. V, 8). Но могу ли

я, скажешь, быть Петром? Можно и тебе быть Петром, если захочешь бросить то, что имеешь; раздели, отдай бедным, последуй Христу, — и будешь таким же. Как, скажешь, ведь он творил чудеса? Но это ли, скажи мне, сделало Петра дивным, или дерзновение, приобретенное жизнью? Не слышишь ли, что Христос говорит: *не радуйтеся, яко дуси вам повинуются* (Лк. X, 20); и еще: *аще хощеши совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси* (Мф. XIX, 21)? Послушай также, что́ говорит Петр: *сребра и злата несть у мене: но еже имам, сие ти даю* (Деян. III, 6); следовательно, кто имеет золото и серебро, тот не имеет этого. Отчего же, скажешь, многие не имеют ни того, ни другого? Оттого, что они бедны не добровольно; а избирающие бедность добровольно имеют все блага. Если они не воскрешают мертвых и не исцеляют хромых, то у них есть благо, которое важнее всего, — они имеют дерзновение перед Богом, и услышат в будущий день блаженные слова: *приидите, благословеннии Отца моего,* — что лучше этого? — *наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте мя: странен бех, и введосте мене: наг, и одеясте мене: болен бех, и в темнице, и приидосте ко мне. Наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. XXV, 34–36). Будем же избегать любостяжания, чтобы нам получить царство небесное; будем питать бедных, чтобы напитать Христа, чтобы сделаться сонаследниками Его, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIX

Имуще убо дерзновение, братие, входити во святая кровию Иисуса путем новым и живым, егоже обновил есть нам завесою, сиречь плотию своею, и иерея велика над домом Божиим, да приступаем со истинным сердцем во извещении веры, окроплени сердцы от совести лукавыя, и измовени телесы водою чистою, да держим исповедание упования неуклонное (Евр. X, 19–23)

1. (Апостол) показал, какое различие между первосвященниками, жертвами, скинией, заветом и обетованиями, и именно – великое, потому что одно временное, а другое вечное, то преходящее, а это пребывающее, то несовершенное, а это совершенное, то прообраз, а это истина: *не по закону*, говорит, *заповеди плотския быстъ, но по силе живота неразрушаемаго* (Евр. VII, 16); и еще: *ты еси священник во век* (VII, 17), – вот вечность нашего Священника; и о заветах говорит, что тот – Ветхий: *обветшавающее и состаревающееся близ есть истления* (VIII, 13), а этот – Новый и имеющий отпущение грехов, тот же вовсе не таков: *ничтоже бо*, говорит, *совершил есть закон* (VII, 19); и еще: *жертвы и приношения не восхотел еси* (X, 5); тот рукотворенный, а этот нерукотворенный, тот имел кровь козлов, а этот кровь Владыки, тот – священника стоявшего, а этот – сидящего. Так как все то меньше, а это больше, то (апостол) и говорит: *имуще убо дерзновение, братие*. Почему – *дерзновение?* По причине отпущения грехов. Как от грехов происходит стыд, так от прощения всех их – дерзновение; и не только от этого, но и от того, что мы сделались сонаследниками (Христа) и сподобились такой любви Его. *Входити во святая*. Что он разумеет под этим вхождением? Вход в небо, и доступ к духовным тайнам. *Егоже обновил есть нам*, то есть, который Он

устроил и которым сам первый прошел; обновлением называется начало употребления; Он сам, говорит, устроил его и сам прошел им. *Путем новым и живым:* здесь он выражает полноту надежды. *Новым*, говорит; старается показать, что мы имеем все высшее, так как теперь отверсты врата небесные, чего не было даже при Аврааме. Хорошо он сказал: *путем новым и живым:* первый путь был путем смерти, низводившим в ад, а этот – путем жизни; не сказал: жизни, но назвал его *живым*, выражая, что он остается таким постоянно. *Завесою*, говорит, *сиречь плотию своею.* Эта плоть первая проложила путь, который, как говорит (апостол), Он обновил и по которому Он сам благоволил пройти. Справедливо плоть названа завесой, – потому что, когда она вознеслась, тогда и открылось небесное. *Да приступаем*, говорит, *со истинным сердцем.* Кто – *да приступаем?* Кто свят по вере, по духовному служению. *Со истинным сердцем, во извещении веры*, – потому что здесь нет ничего видимого: и священник, и жертва, и жертвенник невидимы. Хотя и там священник не был видим, стоял внутри, а все прочие, весь народ, вне, но здесь (апостол) выражает не только то, что наш Священник вошел во святое, – на это он указал словами: *иерея велика в дому* Божием, – но что входим и мы. Потому он говорит: *во извещении веры;* можно ведь веровать и с сомнением, как например, и ныне есть много людей, которые говорят, что для одних будет воскресение, а для других нет; это не полнота веры. Веровать должно так, как (мы уверены) в предметах видимых и даже гораздо больше; здесь, касательно предметов видимых, можно и ошибиться, а там нет; здесь мы воспринимаем чувством, а там духом. *Окроплени сердцы от совести лукавыя:* здесь он доказывает, что требуется не только вера, но и добродетельная жизнь, и то, чтобы не сознавать за собой ничего худого. В свя-

тое не допускаются те, которые не ведут себя вполне так, — потому что оно — святое и святое святых; следовательно, сюда не входит никто из нечистых. Те омывали тело, а мы совесть; нужно и ныне омываться, но уже добродетелью. *И измовени телесы водою чистою.* Здесь он говорит о купели (крещения), которая очищает не тело, а душу. *Верен бо есть обещавый.* Чтó *обещавый верен есть?* То, что нужно отойти (из здешней жизни) и войти в царство (небесное). Потому не исследуй, не требуй доказательств: наши (предметы) требуют веры. *И да разумеваем друг друга в поощрении любве и добрых дел, не оставляюще собрания своего, якоже есть неким обычай, по друг друга подвизающе: и толико паче, елико видите приближающийся день* (ст. 24, 25). И опять в другом месте: *Господь близ, ни о чем же пецытеся* (Флп. IV, 6). *Ныне бо ближайшее нам спасение* (Рим. XIII, 11); и еще: *время прекращено есть прочее* (1 Кор. VII, 29). Что значит: *не оставляюще собрания своего?* Он имеет в виду, что от собрания и взаимного общения происходит великая сила. *Идеже бо*, говорит (Господь), *еста два или трие собрани во имя мое, ту есмь посреде их* (Мф. XVIII, 20); и еще: *да будут едино, якоже и мы едино есмы* (Ин. XVII, 11); и еще: у всех *бе сердце и душа едина* (Деян. IV, 32). Но не поэтому только (он указывает) на собрание, а и потому, что от него умножается любовь; за умножением же любви необходимо следуют и дела по Боге. *Молитва же*, говорится, *бе прилежна, бываемая от народа* (Деян. XII, 5). *Якоже есть неким обычай.* Здесь он предлагает не только увещание, но и укоризну. *И да разумеваем друг друга в поощрении любве и добрых дел.* Он знает, что и это происходит от собрания. Как железо острит железо, так и общение друг с другом умножает любовь. Если камень, ударяясь о камень, издает огонь, то не тем ли более душа, сообщаясь с душой? Заметь, он не говорит: в (поощрении) ревности, но: *в поощрении любве.* Что значит: *в поощрении люб-*

ве? Чтобы более и более любить и быть любимыми. Прибавляет еще: *и добрых дел,* чтобы они прониклись соревнованием. И справедливо: если дела имеют больше силы для назидания, нежели слова, то и вы, говорит, имеете многих учителей, оправдывающих учение делами. Что значит: *да приступаем со истинным сердцем?* Это значит — без лицемерия: *горе сердцу страшливу и рукам ослабленным* (Сир. II, 12). Пусть не будет, говорит, у вас лжи; не будем говорить одно, а думать другое, потому что это — ложь; не будем малодушествовать, потому что это несвойственно искреннему сердцу, — малодушие ведь происходит от неверия. А каким образом достигнуть этого? Если мы будем иметь в себе полную веру. *Окроплени сердцы.* Почему он не сказал: очищенные, но: *окроплени?* Чтобы показать различие окроплений и то, что одно от Бога, а другое от нас: окропить и омыть совесть — от Бога, а приступить искренне и с полной верой — от нас. Далее (апостол) укрепляет веру, указывая на истинность Обещавшего. Что значит: и *измовени телесы водою чистою?* Он говорит (о воде) или делающей чистыми, или не имеющей крови. Затем присовокупляет (то, что составляет) совершенство, — любовь. *Не оставляюще,* говорит, *собрания своего,* как делают некоторые, расторгающие собрания. Это он запрещает им, — потому что *брат от брата помогаем, яко град тверд* (Притч. XVIII, 19). Но *да разумеваем друг друга в поощрении любве.* Что значит: *да разумеваем друг друга?* То есть, кто добродетелен, тому будем подражать, будем смотреть на него, чтобы любить и быть любимыми; а от любви происходят добрые дела.

2. Великое благо — собрание. Оно делает любовь пламеннее, а от нее происходят все блага; нет блага, которое не происходило бы от любви. Будем же укреплять любовь друг к другу, потому что *исполнение закона любы есть* (Рим. XIII, 10). Не нужно нам ни трудов, ни

подвигов, если мы любим друг друга; это — путь, который сам собой ведет к добродетели. Как на большой дороге, кто найдет ее начало, тот идет по ней, не нуждаясь в проводнике, так и в любви: улови только ее начало, и сейчас же она поведет и направит тебя. *Любы*, говорит (апостол), *долготерпит, милосердствует, не мыслит зла* (1 Кор. XIII, 4). Пусть каждый размыслит с самим собой, как он поступает в отношении к себе; так же пусть поступает и в отношении к ближнему. Никто не завидует себе, желает себе всех благ, предпочитает себя всему, старается делать все в свою пользу. Если таким же образом мы будем расположены и к другим, то прекратятся все бедствия, не будет ни вражды, ни любостяжания. Кто в самом деле станет отнимать у себя самого? Никто, а скорее — совершенно напротив.

Итак, будем иметь все общим и не перестанем собираться вместе. Если мы будем делать это, злопамятству не останется места. И действительно, кто станет злопамятствовать против себя самого? Кто станет гневаться на себя самого? Напротив, не прощаем ли мы себе все? Если таким же образом мы будем расположены и к ближним, то злопамятства никогда не будет. Но возможно ли, скажешь, любить ближнего, как себя самого? Если бы этого не исполняли другие, то ты справедливо мог бы думать, что это невозможно; если же исполняли, то очевидно, что у нас не бывает этого по нашему нерадению. С другой стороны, Христос не заповедует ничего невозможного, так что многие даже превзошли Его заповеди. Кто же исполнил это? Павел, Петр, весь сонм святых. Впрочем, если я скажу, что они любили ближних, то не скажу ничего важного; они любили врагов так, как другой не мог бы любить близких к себе. Кто из нас решился бы идти в геенну за близких к себе, имея возможность войти в царство?

Никто. Но Павел решался на это за врагов, бросавших в него камнями, бичевавших. Какое же мы будем иметь оправдание, какое извинение, если мы друзьям не оказываем и малейшей части той любви, какую Павел оказывал врагам? И еще прежде него блаженный Моисей за врагов, хотевших побить его камнями, желал быть изглажденным из книги Божией (Исх. XXXII, 32). Также Давид, видя гибель врагов своих, говорил: *аз есмь пастырь согрешивый, а сии что сотвориша* (2 Цар. XXIV, 17)? – и, имея Саула в руках своих, не хотел умертвить его, но оставил в живых, тогда как сам подвергался опасности. Если же так было в Ветхом Завете, то какое прощение получим мы, живущие в Новом, и не достигшие даже той меры любви, какой они (достигали)? Если мы не войдем в царство небесное, *аще не избудет правда наша паче книжник и фарисей* (Мф. V, 20), то как мы войдем в него, если будем иметь меньше их? *Любите*, говорит (Господь), *враги ваша*, и будете подобными Отцу вашему, который на небесах (Мф. V, 44, 48). Люби же врага; не ему ты (через это) благодетельствуешь, а себе самому. Как? Делая это, ты уподобляешься Богу. Он, если будет любим тобой, немного приобретет, потому что будет любим подобным себе рабом; а ты, если будешь любить подобного себе раба, то приобретешь много, потому что сделаешься подобным Богу. Видишь ли, что не ему ты благодетельствуешь, а самому себе? Награда уготована не ему, а тебе. Но что, скажешь, если он порочен? Тем большая готовится тебе награда; и за саму порочность его ты должен быть благодарен, если он, несмотря на множество благодеяний, остается порочным; если бы он не был весьма порочным, то тебе не была бы уготована великая награда. Таким образом самый этот повод к нелюбви, возражение, что он порочен, должно быть побуждением к любви. Если не будет противника, то не будет и случая к получению венцов.

Не видишь ли, как борцы наполняют мешки песком и таким образом упражняются? А тебе нет нужды прибегать к этому; жизнь полна людьми, которые могут упражнять тебя и делать крепким. Не видишь ли, как деревья, чем более колеблются ветрами, тем делаются крепче и плотнее? Будем же и мы долготерпеливыми, и сделаемся крепкими: *долготерпелив муж*, сказано, *мног в разуме: малодушный же крепко безумен* (Притч. XIV, 29). Замечаешь, какая похвала первому, и какая укоризна последнему? *Крепко безумен,* то есть совершенно. Потому не будем малодушными в отношении друг к другу. Не от вражды это происходит, а от слабости души; если же она будет крепкой, то будет легко переносить все, не потонет ни от чего и войдет в тихую пристань, которой да сподобимся достигнуть все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX

Волею бо согрешающим нам по приятии разума истины, ктому о гресех не обретается жертва, страшно же некое чаяние суда, и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя (Евр. X, 26, 27)

1. Деревья, которые, будучи посажены и сберегаемы со всякой заботливостью руками земледельца, не доставляют никакого вознаграждения за труды, исторгаются с корнем и бросаются в огонь. То же самое бывает и с просвещенными (крещением). Если мы, будучи насаждены Христом и сподобившись духовного орошения, окажем потом жизнь бесплодную, то нас ожидает гееннский огонь и неугасимое пламя. Потому Павел, предложив увещание о любви и плодоношении

добрых дел, представив к тому отрадные побуждения, — именно в том, что мы имеем вход во святое и новый туда путь, который нам открыл (Христос), — теперь опять внушает то же самое, представляя побуждения более прискорбные. Сказав: *не оставляюще собрания своего, якоже есть неким обычай, но друг друга подвизающе, и толико паче, елико видите приближающийся день,* — хотя и этого достаточно было для увещания, — присовокупляет: *волею бо согрешающим нам по приятии разума истины.* Необходимы, говорит, добрые дела и очень необходимы: *волею бо согрешающим нам по приятии разума истины, ктому о гресех не обретается жертва.* Смысл слов его следующий: ты очистился, избавился от грехов, сделался сыном (Божиим); если и после этого возвратишься на прежнюю блевотину, то тебя ожидает уже отвержение, огонь и тому подобное, — потому что нет второй жертвы. Здесь опять встречаются нам люди, как отвергающие покаяние, так и медлящие приступить к крещению; последние говорят, что им небезопасно приступить к крещению, если нет вторичного отпущения грехов; а первые утверждают, что небезопасно преподавать тайны согрешившим, если нет вторичного отпущения грехов. Что же нам сказать тем и другим? То, что (апостол) говорит это не с такой целью; он не отвергает покаяния или помилования через покаяние, не отлучает падшего и не повергает его в отчаяние; он не враг нашего спасения; но что? Он отвергает вторичное крещение. Не сказал: уже нет покаяния, или: уже нет отпущения (грехов), но: уже нет жертвы, то есть уже нет второго креста; его он называет жертвой. *Единем приношением,* говорит, *совершил есть во веки освящаемых,* – не так, как приносились иудейские (жертвы), не часто. Потому он и говорил неоднократно о жертве, что она одна и одна, — с целью показать не только то, что она отличается от иудейских (жертв), но и предохранить слушателей, что-

бы они не ожидали другой жертвы по закону иудейскому. *Волею бо*, говорит, *согрешающим нам*. Замечаешь, как он снисходителен? *Волею*, говорит, *согрешающим нам*. Следовательно, для (согрешающих) невольно есть прощение. *По приятии разума истины*. Разумеет здесь или Христа, или все догматы. *Ктому о гресех не обретается жертва*. Но что? *Страшно же некое чаяние суда, и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя*. Сопротивными он называет не только неверующих, но и делающих противное добродетели, и внушает, что тому же огню подвергнутся и наши (грешники), которому противники. Потом, желая выразить свирепость этого огня, как бы раздувает его и говорит: *огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя*. Как дикий зверь, раздраженный, рассвирепевший и разъярившийся, не успокаивается до тех пор, пока не схватит и не пожрет кого-нибудь, так и тот огонь, точно распаляемый ревностью, кого схватит, того уже не отпускает, но пожирает и терзает. Далее (апостол) приводит оправдание такой угрозы, – что она сообразна и справедлива. Этим самым, то есть когда нам показывают ее справедливость, мы располагаемся к вере. *Отвергся кто закона Моисеева*, говорит, *без милосердия при двоих или триех свидетелех умирает* (ст. 28). *Без милосердия*, говорит; не было там никакого снисхождения, никакой милости, хотя это был закон Моисеев, который предписывал многое. Что значит: *при двоих или триех?* Когда, говорит, свидетельствовали два или три человека, то виновные тотчас подвергались наказанию. Если же в Ветхом Завете полагалось такое наказание, когда кто отвергал закон Моисея, то не тем ли более здесь? Потому он и говорит: *колико мните горшия сподобится муки иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, и Духа благодати укоривый* (ст. 29)?

2. А каким образом попирает кто-либо Сына Божия? Если, приобщаясь Его в тайнах, он совершает грехи, то

скажи мне, не попирает ли Его? Не презирает ли Его? Как попираемых людей мы ставим ни во что, так и согрешающие ставят ни во что Христа, потому и грешат. Ты стал телом Христовым, и отдаешь себя диаволу, чтобы он попирал тебя? *И кровь*, говорит, *скверну возмнив*. Что значит: *скверну?* Нечистой, или нисколько не лучшей всего другого. *И Духа благодати укоривый*, — потому что не принимающий благодеяния оскорбляет благодетеля. (Христос) сделал тебя сыном; а ты хочешь быть рабом? Он пришел поселиться у тебя; а ты вводишь к себе злые помыслы? Христос хочет обитать у тебя; а ты попираешь Его объедением, пьянством? Послушайте вы, недостойно приобщающиеся тайн; послушайте, недостойно приступающие к этой трапезе: *не дадите*, говорит Он, *святая псом, да не поперут их ногами своими* (Мф. VII, 6), то есть чтобы не пренебрегли, чтобы не оплевали. Но (апостол) сказал не так, а еще страшнее; он поражает души страхом, так как это могло подействовать на них не меньше увещания. Он показывает различие (отвержения закона Моисеева и попрания крови Христовой), а им самим предоставляет судить о наказании за последнее, как о деле очевидном. *Колико мните*, говорит, *горшия сподобится муки?* Здесь, мне кажется, он разумеет таинства. Далее приводит и свидетельство: *страшно есть*, говорит, *еже впасти в руце Бога живаго.* Писано бо есть: *мне отмщение, аз воздам, глаголет Господь: и паки: Господь судит людем своим* (ст. 30, 31). Мы впадем, говорит, в руки Господа, а не в руки людей. Если не покаетесь, то впадете в руки Божии. Это страшно; а то — впасть в руки людей — ничего не значит. Когда мы видим, говорит, что кто-либо здесь наказывается, то не будем бояться настоящего, но будем страшиться будущего: по милости бо Его и гнев Его, *и на грешницех почиет ярость его* (Сир. V, 7). Словами: *мне отмщение, аз воздам* — указывает здесь и на нечто другое.

Это сказано о врагах, делающих зло, а не о терпящих зло. Таким образом он здесь и утешает, как бы так говорит: Бог всегда пребывает и живет; потому, если (враги) не получат возмездия ныне, то получат после; им должно стенать, а не нам; мы впадаем в их руки, а они – в руки Божии; не терпящий зло страдает, а делающий зло; равно и не благодетельствуемый получает благодеяние, а благодетельствующий.

Зная это, будем твердыми в терпении зла и готовыми на благодеяния. А это будет тогда, когда мы станем презирать деньги и славу. Освободившийся от этих страстей свободнее всех людей и богаче самого облеченного в багряницу. Не видишь ли, сколько бывает зла из-за денег? Не говорю, сколько от любостяжания, а сколько – от пристрастия к деньгам? Так, например, кто-нибудь потерял деньги, – и вот он живет жизнью, которая несноснее самой смерти. О чем, человек, скорбишь ты? О чем плачешь? О том ли, что Бог освободил тебя от лишней обузы? О том ли, что ты не сидишь больше в страхе и трепете? Если кто-нибудь привяжет тебя к сокровищу и прикажет сидеть там постоянно и бодрствовать над чужим (имуществом), то ты сетуешь и негодуешь; но когда ты сам привязал себя к нему несноснейшими узами, то почему скорбишь, будучи освобожден от такого рабства? Подлинно, эти горести и эти радости – следствие предрассудка. Мы должны хранить имущество так, как будто оно у нас чужое. Теперь к женам обращаю речь свою. Когда у какой-либо жены есть одежда, сотканная из золота, то она часто вытрясает ее, завертывает в полотно, тщательно сохраняет, дрожит над ней и не пользуется ею. Точно она умерла, или овдовела, или, если не случилось ничего такого, боится, чтобы, износив ее от частого употребления, не лишиться ее; если другой не лишает, то она сама лишает себя по скупости. Но

уступила ее другой? Это еще неизвестно; а если и уступила, то и та пользуется ею точно так же. Если бы кто-нибудь осмотрел содержимое домов, то нашел бы, что самые дорогие одежды и самые лучшие вещи берегутся так, как будто бы они были живыми властителями. (Жена) не употребляет их часто, но боится и дрожит, предохраняет их от моли и других истачивающих платье насекомых, обкладывает большую часть их мазями и ароматами и не всех удостоивает взглянуть на них, — только сама с мужем часто и старательно их раскладывает.

3. Не справедливо ли, скажи мне, Павел назвал любостяжание идолослужением? Какую честь те (язычники) оказывают идолам, такую же они — одеждам и золотым вещам. Доколе мы будем заниматься грязью? Доколе будем прилепляться к глине и кирпичам? Как те (иудеи) работали царю египетскому, так мы работаем диаволу, и получаем удары бичами гораздо тягчайшие. Не прими этих слов за преувеличение: чем душа выше тела, тем тяжелее раны, которые мы наносим себе каждый день своими заботами, соединенными со страхом и трепетом. Но если мы захотим раскаяться, если захотим возвести очи к Богу, то Он пошлет нам не Моисея и Аарона, но слово свое и сердечное сокрушение. Оно придя освободит наши души от горького рабства, изведет нас из Египта, из этих бесполезных и напрасных хлопот, из этого рабства, не доставляющего никакой пользы. Те по крайней мере вышли с золотыми вещами, в вознаграждение за труды; а мы (не получаем) ничего, — и если бы только ничего! Но теперь мы получаем не золотые вещи, а египетские бедствия, — грехи, казни и мучения. Научимся же находить свою пользу, научимся терпеть потери; это достойно христианина. Будем пренебрегать золотыми одеждами; будем пренебрегать деньгами, чтобы не

пренебречь нам своего спасения; будем пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь нам своей души. Она понесет наказание, она потерпит мучение; все прочее остается здесь, а она отходит туда. Для чего же, скажи мне, для чего ты мучишь сам себя, и не чувствуешь? Говорю это любостяжательным. Нужно сказать и тем, которые терпят от любостяжания: переносите мужественно обиды от любостяжательных; они губят себя самих, а не вас; у вас они отнимают имущество, а себя лишают Божия благоволения и помощи. А кто лишился (благоволения Божия), тот, хотя бы владел всем богатством вселенной, беднее всех; равно как беднейший из всех, но имеющий (это благоволение), богаче всех. *Господь*, говорит (Псалмопевец), *пасет мя и ничтоже мя лишит* (Пс. XXII, 1). Скажи мне: если бы ты имела мужа великого и дивного, который бы любил тебя и заботился о тебе, и притом если бы ты знала, что он будет жив всегда и ты не умрешь прежде него, и предоставил бы он тебе все свое имущество, так что ты пользовалась бы им, как своим, — то захотела ли бы ты приобретать что-нибудь? И даже, если бы ты лишилась всего, не считала ли бы ты себя богатой? О чем же ты скорбишь? О том ли, что не имеешь богатства? Но знай, что у тебя отнят повод ко грехам. О том ли, что лишилась имущества? Но ты приобрела благоволение Божие. Как, скажешь, приобрела? (Апостол) сказал: *почто не паче обидими есте* (1 Кор. VI, 7)? и еще: *о всем благодарите* (1 Сол. V, 18); (Христос) сказал: *блажени нищии духом* (Мф. V, 3). Подумай же, какого сподобишься ты благоволения, если покажешь это на деле. От нас требуется только одно — за все благодарить Бога, и мы будем иметь все в изобилии. Например, ты потерял десять тысяч литр золота? Тотчас благодари Бога, и через это обращение к Нему и свою благодарность ты уже приобретаешь сто тысяч. За что,

скажи мне, ты ублажаешь Иова: за то ли, что он имел столько верблюдов, стад и рабочего скота, или за сказанные им слова: *Господь даде, Господь отъят* (Иов. I, 21)? И диавол вредит нам не для того, чтобы только отнять у нас имущество, – он знает, что оно ничто, – но чтобы через это заставить нас сказать что-нибудь богохульное. Так и блаженного Иова он хотел сделать не только бедняком, но и богохульником. Когда он лишил его всего, то, смотри, что говорит ему через жену: *рцы глагол некий ко Господу и умри* (Иов. II, 9). Да ведь ты, лукавый, уже лишил его всего! Но не того, говорит, я домогался; того, для чего я все делал, я еще не достиг; я старался лишить его помощи Божией; для того и имущества лишил его; вот чего я хочу, – а то ничего не значит; если это мне не удастся, то он не только не потерпит никакого вреда, но еще получит пользу.

4. Видишь, что и злой демон знает, какой вред бывает от этого? Для того, как видишь, он и строил козни через жену. Послушайте, мужья, которые имеете жен, привязанных к богатству и вынуждающих вас богохульствовать: помните Иова. Впрочем посмотрим, если угодно, на великую кротость его и на то, как он заградил уста жене. *Вскую*, говорит, *яко едина от безумных жен возглаголала еси* тако (Иов. II, 10). Подлинно, *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV, 33). Они и всегда портят, но особенно во время несчастий; тогда предлагающие дурные советы бывают сильны, потому что если душа и сама по себе склонна к нетерпению, то не гораздо ли более тогда, когда есть еще советник? Не готова ли она тогда броситься даже в пропасть? Жена – великое благо, но и великое зло. И смотри, каким образом (диавол) старался подкопать эту крепкую стену. Так как лишение имущества не преодолело его и все потери не произвели ничего важного, но сам

(враг) был обличен, что напрасно он говорил: *аще не в лице тя благословит* (Иов. I, 11), – то он вооружает против него жену. Видишь ли, чего он домогался? Но отнюдь не более помогла ему и эта хитрость. Так и мы, если будем переносить все с благодарностью, то получим то же (что Иов); а если не получим, то нас ожидает бо́льшая награда. Так было и с этим адамантовым мужем. Когда он доблестно перенес все, тогда (Бог) дал ему и богатство; когда он доказал диаволу, что не из-за этого он служит (Богу), тогда дал ему и это. Так поступает Бог: когда видит, что мы не привязываемся к благам житейским, тогда и дает их нам: когда видит, что мы предпочитаем им блага духовные, тогда дает нам и блага вещественные; не дает же их прежде, чтобы мы не забыли о духовных. Таким образом Он, щадя нас, не дает нам благ вещественных, чтобы хотя против воли отклонить нас от них. Нет, скажешь, напротив, когда я получу их, тогда удовлетворюсь и тем более стану благодарить (Бога). Лжешь ты, человек; тогда особенно ты и будешь лениться. Почему же, скажешь, Он многим дает? Но откуда видно, что Он дает? Кто же, скажешь, дает другой? Собственное их любостяжание, грабительство. А почему Он попускает это? Потому же, почему (попускает) убийство, воровство, насилие. А что, скажешь, думать о тех, которые получают наследство от родителей, несмотря на то, что они сами исполнены бесчисленных пороков? Как Бог попускает им пользоваться этим? Так же, как Он попускает ворам, убийцам и другим злодеям. Ныне время не суда, а благоустроения жизни. Как я прежде говорил, так и теперь скажу: они подвергнутся большему наказанию, если, наслаждаясь всеми благами, не сделаются оттого лучшими. Не все будут наказаны одинаково, но оставшиеся злыми, несмотря на благодеяния, будут мучиться больше, а жившие в бедности –

меньше. Что это справедливо, о том послушай, как говорит Давид: не дал ли Я тебе, говорит, все (имущество) *господина твоего* (2 Цар. XII, 8). Итак, когда ты увидишь, что молодой человек без трудов получил отцовское наследство и остался злым, то будь уверен, что ему готовится наказание сильнейшее и мучение жесточайшее. Потому будем подражать не такому человеку, но тому, кто наследовал добродетель, кто приобрел духовное богатство: горе, говорит (Псалмопевец), *надеющимся на богатство свое* (Пс. XLVIII, 7); и еще: *блажени боящиися Господа* (Пс. CXXVII, 1). В числе которых, скажи мне, хочешь быть ты? Конечно, в числе ублажаемых. Подражай же им, а не тем, чтобы и тебе получить уготованные им блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXI

Воспоминайте же первыя дни, в нихже просветившеся мног подвиг претерпесте страданий: ово убо, поношенми и скорбми позор бывше: ово же, общницы бывше живущим тако. Ибо и узам спострадасте и разграбление имений ваших с радостию приясте, ведяще имети себе имение на небесех пребывающее и лучшее (Евр. X, 32—34)

1. Отличнейшие из врачей, сделав глубокий разрез и этой раной усилив боли, стараются облегчить страдания больного члена, успокоить и утешить скорбящую душу, и потому уже не делают нового разреза, но и сделанный стараются облегчить лекарствами успокоительными и способными уничтожить сильные боли. То же

сделал и Павел. Потряся их души и приведя в сокрушение напоминанием о геенне, убедив их, что непременно погибнет всякий, ругающийся над благодатью Божиею, и доказав законами Моисея, что (такие люди) погибнут и подвергнутся тяжким мучениям, подтвердив слова свои и другими свидетельствами и сказав: *страшно есть еже впасти в руце Бога живаго,* – теперь, чтобы пораженные сильным страхом души их не впали от скорби в отчаяние, он утешает их похвалами и увещаниями и представляет им для соревнования собственный (их пример). *Воспоминайте же,* говорит, *первыя дни, в нихже просветившеся, мног подвиг претерпесте страданий.* Много значит увещание (заимствованное) от дел. Тому, кто начал дело, следует продолжать, чтобы иметь успех. Он как бы так говорит: когда вы еще вступали, когда были только учениками, и тогда показали такое усердие, такое мужество; а теперь не так. Кто предлагает подобное увещание, тот весьма сильно действует собственным (их примером). И смотри: не просто сказал: *подвиг претерпесте,* но с прибавлением: *мног.* И не сказал: искушения, но: *подвиг;* это выражение означает одобрение и величайшую похвалу. Потом входит в подробности, распространяя речь свою и высказывая многие похвалы. Как? *Ово убо, поношенми,* говорит, *и скорбми позор бывше.* Поношение сильно действует на сердце, способно взволновать душу и помрачить разум. Об этом, послушай, как говорит пророк: *быша слезы моя мне хлеб день и нощь, внегда глаголатися мне на всяк день: где есть Бог твой* (Пс. XLI, 4)? и еще: *аще бы враг поносил ми, претерпел бых убо* (Пс. LIV, 13). Род человеческий весьма тщеславен; потому он легко уловляется и этим. И не просто сказал: *поношенми,* но еще выразительнее: *позор бывше.* Когда кто терпит поношение наедине, и тогда бывает прискорбно; но гораздо больше, когда – при всех. Представь, как тяжко было им, отказавшимся от низкого

иудейства, обратившимся к лучшей жизни и презревшим отеческие (обычаи), терпеть зло от своих домашних и не иметь никакой защиты. Не могу сказать, говорит, что вы, претерпевая это, скорбели; напротив вы даже весьма радовались. Это он выразил словами: *ово же общницы бывше живущим тако. Ибо и узам спострадасте;* здесь он указывает на апостолов. Не только, говорит, вы не посрамились перед домашними, но приняли участие и в других, терпевших то же. Этим он предлагает им и утешение. Не сказал: переносили мои скорби, сделались моими общниками, но просто: *узам спострадасте.* Видишь ли, что он говорит о себе и других узниках? Вы (говорит) не считали узы узами, но вели себя, как мужественные ратоборцы: не только в своих страданиях не нуждались в утешении, но служили утешением и для других. *И разграбление имений ваших с радостию приясте.* О, какая полнота веры! Потом приводит и причину, побуждая их не только к подвигам, но и к непоколебимости в вере. Видя, говорит, расхищение своего богатства, вы терпели, потому что созерцали богатство невидимое, как видимое, — что свойственно истинной вере, которую и доказали самими делами. Расхищение могло быть от насилия хищников, так что никто не мог воспрепятствовать этому, и отсюда еще не видно, что вы терпели расхищение из-за веры. Впрочем, отчасти и видно: вы, если бы захотели, могли бы не подвергаться расхищению, не уверовав; но вы сделали гораздо больше, — перенесли это с радостью; это — дело вполне апостольское и достойное тех мужественных душ, которые радовались, подвергаясь бичеванию. *Они же,* сказано, *идяху от лица собора радующеся, яко за имя* Его *сподобишася безчестие прияти* (Деян. V, 41). Кто переносит это с радостью, тот показывает, что он уже имеет некоторую награду, и что дело его есть не потеря, а приобретение.

Слово: *прияспте* указывает на их добровольное терпение. Как же вы решились и приняли? *Ведяще,* говорит, *имети себе имение на небесех пребывающее и лучшее.* Что значит: *пребывающее?* Прочное, не погибающее так, как здешнее.

2. Похвалив их, он потом говорит: *не отлагайте убо дерзновения вашего, еже имать мздовоздаяние велико* (ст. 35). Что говоришь? Не сказал: вы потеряли дерзновение ваше, приобретите его снова, – чтобы они не впали в отчаяние, – но: вы имеете его, не теряйте, – чем сильнее воодушевляет их и придает им силы. Вы, говорит, имеете дерзновение, чтобы снова приобрести потерянное; для этого требуется больший труд, а не потерять имеющегося – не так. К Галатам он пишет напротив: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. IV, 19); и справедливо. Они оказывали беспечность, потому для них нужна была речь более обличительная; а те (оказывали) некоторое малодушие, потому для них нужна была (речь) более снисходительная. *Не отлагайте убо,* говорит, *дерзновения вашего;* следовательно, они имели великое дерзновение перед Богом. *Еже имать,* говорит, *мздовоздаяние велико.* Что это значит? Мы, говорит, тогда получим его. Если же оно уготовано в будущем, то не должно искать его здесь. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: вот с нашей стороны все сделано, – он предупреждает такую мысль их и как бы так говорит: если вы знаете, что имеете на небесах имение лучшее, то ничего не ищите здесь; вы имеете нужду в терпении, а не в умножении подвигов, чтобы остаться при том же, чтобы не потерять данного вам; для вас не нужно ничего другого, кроме того, чтобы стоять, как стоите, чтобы, дойдя до конца, вы могли получить обещанное. *Терпения бо,* говорит, *имате потребу, да волю Божию сотворше, приимете обетование* (ст. 36). Вам нужно только одно – терпеть замедление

(в исполнении обещанного), а не снова подвизаться. Вы близ самого венца, перенесли все подвиги, узы, скорби, расхищение вашего имения: что же (остается вам)? Вы находитесь близ того, чтобы быть увенчанными; переносите только одно – замедление венца. Какое великое утешение! Он утешает их так, как если бы кто-нибудь говорил с ратоборцем, который победил всех и не имеет ни одного соперника, но, ожидая венца, теряет терпение, пока придет начальник борьбы и возложит на него венец, и в нетерпении хочет уйти и убежать, не вынося жажды и жара. Это и он выражает, и что говорит? *Еще бо мало елико елико, грядый приидет, и не укоснит* (ст. 37). Чтобы они не сказали: когда же придет? – он ободряет их словами Писания. И в другом месте, когда говорит: *ныне ближайшее нам спасение* (Рим. XIII, 11), он ободряет их тем, что остается немного времени. Притом говорит не от себя, но словами Писания. Если же тогда говорили: *мало елико елико, грядый приидет и не укоснит,* то, очевидно, что теперь Он еще ближе. Таким образом и за ожидание получится немалая награда. *А праведный,* говорит, *от веры жив будет: и аще обинется, не благоволит душа моя о нем* (ст. 38). Сильно то увещание, когда кто докажет, что исполнившие все могут все потерять из-за малой слабости. *Мы же несмы обиновения в погибель, но веры в снабдение души* (ст. 39). *Есть же вера, уповаемих извещение, вещей обличение невидимых. В сей бо свидетельствовани быша древнии* (XI, 1, 2). Вот какое он употребляет выражение: *обличение*, говорит, *невидимых!* Слово – *обличение* употребляется о вещах, совершенно очевидных. Таким образом вера, говорит, есть созерцание неявного и ведет к такому же полному убеждению в невидимом, как и в видимом. Как невозможно не верить видимому, так невозможно быть вере, когда кто не убежден в невидимом вполне так же, как в видимом.

Предметы надежды представляются не имеющими действительности, но вера доставляет им действительность, или лучше, не доставляет, но в этом и состоит их действительность; так например, воскресения еще не было и нет в действительности, но надежда делает его действительным в нашей душе. Вот что значит: *уповаемых извещение.* Итак, если (вера) есть уверенность в предметах невидимых, то как вы хотите увидеть их, чтобы отпасть от веры и праведности, — так как *праведный от веры жив будет?* Если вы хотите увидеть их, то вы уже неверующие. Вы трудились, говорит, вы подвизались; и я говорю это; но потерпите; в этом и состоит вера; не ищите всего здесь.

3. Это сказано евреям, но увещание относится и ко многим из собравшихся здесь. Как и каким образом? К малодушным, к нетерпеливым. Когда они видят, что злые счастливы в делах своих, а они сами несчастливы, то унывают и скорбят, желая наказания и отмщения тем, или ожидая себе наград за труды свои. *Еще мало елико елико, грядый приидет, и не укоснит,* говорил тогда Павел. Скажем это и мы малодушным. Наказание непременно будет, непременно придет; воскресение и все с ним связанное уже при дверях. Откуда, скажешь, это видно? Не говорю — из пророков, потому что у меня речь не к христианам только; но хотя бы то был язычник, я смело обращаюсь и к нему, предлагаю доказательства и ему, и научу его; а как — послушай. Многое предсказал Христос. Если бы это не сбылось, то ты мог бы не веровать и тому; если же все это сбылось, то почему ты сомневаешься в остальном? Труднее было поверить, пока ничего не сбылось, нежели не верить, когда все сбылось. Но лучше поясню мысль свою примером. Христос предсказал, что Иерусалим будет взят и подвергнется такому разрушению, какого не было никогда, и что он более уже не будет восста-

новлен, — и предсказание оправдалось самим делом (Лк. XIX, 44). Предсказал, что будет великая скорбь (Мф. XXIV, 21), — и сбылось. Предсказал, что проповедь распространится, как посеянное горчичное зерно, — и мы видим, что с каждым днем она более и более распространяется по вселенной (Лк. XIII, 19). Предсказал, что оставившие отца, или мать, или братьев, или сестер, будут иметь и отцов и матерей, — и это, как видим, исполняется на деле (Мф. XIX, 29). Предсказал: *в мире скорбни будете: но дерзайте, аз победих мир* (Ин. XVI, 33), то есть никто не преодолеет вас, — и это, как видим, сбылось на деле. Предсказал, что *врата адова не одолеют церкви,* и притом гонимой, и что никто не истребит проповеди (Мф. XVI, 18), — и об (исполнении) этого предсказания свидетельствуют события. Такие предсказания тогда были весьма невероятны. Почему? Потому, что все они состояли в словах, а доказательств сказанному еще не было представлено. Теперь же все это тем больше заслуживает веры.

Предсказал, что когда *проповестся евангелие всем языком, тогда приидет кончина* (Мф. XXIV, 14), — и вот мы уже достигли кончины: большая часть вселенной уже оглашена (Евангелием), и затем предстоит кончина. Устрашимся, возлюбленные! Что, скажи мне, — тебя беспокоит эта кончина? Она действительно близка, но предел жизни и кончина каждого гораздо ближе. *Дние лет наших,* говорит (Псалмопевец), *в нихже седмьдесят лет: аще же в силах, осмьдесят лет* (Пс. LXXXIX, 10). День суда близок: устрашимся хотя этого. *Брат не избавит, избавит ли человек* (Пс. XLVIII, 8)? Во многом мы будем раскаиваться тогда; но *в смерти* никто *не исповестся* Ему (Пс. VI, 6). Потому Давид говорит: *предварим лице его во исповедании* (Пс. XCIV, 2), то есть пришествие Его. Здесь все, что мы сделаем, имеет силу; а там уже нет. Скажи

мне: если бы кто-нибудь поставил нас на короткое время в раскаленной печке, то не употребили ли бы мы всех мер к своему освобождению, хотя бы потребовалось растратить имущество, или отдать себя в рабство? Как многие, впав в тяжкие болезни, охотно согласились бы отдать все, чтобы освободиться от них, если бы только им предоставлен был выбор! Если же здесь непродолжительная болезнь так мучит нас, то что мы станем делать там, когда раскаяние не будет приносить никакой пользы? Скольких мы исполнены теперь пороков, и не чувствуем? Друг друга угрызаем, друг друга терзаем, оскорбляя, обвиняя, клевеща, завидуя славе ближних. И смотри, какое тяжкое зло: когда кто хочет истребить доброе мнение о ближних, то говорит: такой-то говорил мне о нем то-то, – прости мне, Господи, не осуди меня, – я передаю только слух. Для чего же и говоришь ты, если сам не веришь? Для чего передаешь? Для чего распространением слуха делаешь его вероятным? Для чего передаешь рассказ, когда он неверен? Ты сам не веришь ему, и просишь Бога, чтобы Он не осудил тебя? Не говори же, а молчи, и избавь себя от всякого страха.

4. Не знаю, откуда вошла в людей эта болезнь: мы стали болтливы; в нашей душе не держится ничего. Послушай одного мудреца, который, увещевая, говорит: *слышал ли еси слово? да умрет с тобою: не убойся, не расторгнет тебе* (Сирах. XIX, 10); и еще: услышал слово *буй*, и поболел, *якоже раждающая от лица младенца* (ст. 11). Мы готовы на обвинения, скоры на осуждения. Если бы мы не сделали никакого другого зла, то и это одно достаточно для того, чтобы погубить нас, свести в геенну, причинить нам тысячи бед. А чтобы ты точнее узнал это, послушай пророка, который говорит: *седя на брата твоего клеветал еси* (Пс. XLIX, 20). Но не я, говоришь, а

другой. Нет, – ты. Если бы ты не говорил, то другой не услышал бы; а если бы и услышал, то ты не был бы виновником греха. Недостатки ближних должно замалчивать и прикрывать; а ты под предлогом доброжелательства выставляешь их напоказ, делаешься если не обвинителем, то рассказчиком, болтуном, глупцом. О, ужас! Вместе с ним ты срамишь себя самого, и не чувствуешь? Смотри, сколько зол происходит отсюда: ты прогневляешь Бога, огорчаешь ближнего, делаешь себя самого повинным наказанию. Не слышал ли, что Павел говорит о вдовицах? *Не точию праздны*, говорит, *учатся обходити домы, но и блядивы и любопытны, глаголющия, яже не подобает* (1 Тим. V, 13). Таким образом даже и тогда, когда бы ты верил сказанному о твоем брате, не следует пересказывать, а тем более, когда не веришь. О себе ты всегда заботишься, опасаясь, чтобы не быть осужденным от Бога? Бойся же, чтобы не быть тебе осужденным и за болтливость. Здесь ты не можешь сказать: Бог не осудит меня за болтливость, – потому что это дело есть болтливость. Для чего ты распространяешь слух? Для чего умножаешь зло? Оно может погубить нас. Потому и говорит Христос: *не судите, да не судими будете* (Мф. VII, 4). Но мы нисколько не думаем об этом, и пример фарисея не вразумляет нас. Он сказал правду: *несмь, якоже сей мытарь*, сказал тогда, когда никто не слушал его, – и однако осужден (Лк. XVIII, 11). Если же он осужден, высказав правду и когда никто не слушал его, то какому подвергнутся мучению те, которые всюду разглашают ложное и такое, в чем сами не уверены, подобно болтливым женщинам? Чего не потерпят они? Положим же на уста свои дверь и ограждение. От болтливости произошло бесчисленное множество зол: расстраивались семейства, разрывались узы дружбы, совершались тысячи других бедствий. Не ста-

райся же, человек, узнавать то, что касается ближнего. Но ты болтлив, ты имеешь этот недостаток? Говори лучше о своих делах Богу, – и это не будет недостатком, а приобретением; говори о своих делах друзьям, друзьям истинным и правдивым, на которых ты полагаешься, чтобы они молились о грехах твоих. Если будешь говорить о чужих делах, то не получишь никакой пользы, никакого приобретения, но еще повредишь; а если будешь исповедовать свои дела перед Владыкой, то получишь великую награду. *Рех*, говорит (Псалмопевец), *повем на мя беззаконие мое Господеви, и ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. XXXI, 5). Ты хочешь осуждать? Осуждай себя самого; никто тебя не обвинит, если ты будешь осуждать сам себя; но обвинит, если ты не будешь осуждать сам себя; обвинит, если ты не будешь обличать сам себя; обвинит, если ты не будешь скорбеть о себе самом. Ты видишь, что кто-нибудь гневается, раздражается, или делает что-нибудь другое безрассудное? Тотчас подумай о своих делах; тогда и его не слишком будешь осуждать, и себя избавишь от бремени грехов. Если мы таким образом будем соразмерять жизнь свою, если таким образом будем благоустраивать ее, если будем осуждать самих себя, то конечно не допустим многих грехов, но сделаем много доброго, будем кроткими и умеренными, и получим все блага, обещанные любящим Бога, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXII

Верою разумеваем совершитися веком глаголом Божиим, во еже от неявляемых видимым быти. Верою множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу, еюже свидетельствован бысть быти праведник, свидетельствующу о дарех его Богу: и тою умерый еще глаголет (Евр. XI, 3, 4)

1. Вера требует души бодрственной и юной, возвышающейся над всем чувственным и парящей выше немощных помыслов человеческих. Верующим невозможно быть иначе, как освободившись от общеобычного (порядка вещей). Поэтому, так как души евреев были немощны и хотя начали с веры, но потом от обстоятельств, — разумею страдания и скорби, — ослабели, впали в малодушие и колебались, то (апостол) ободрял их сначала собственными их подвигами: *воспоминайте,* говорил он, *прежния дни;* затем Писанием, которое говорит: *праведный от веры жив будет;* потом своими соображениями: *есть же,* говорил он, *вера, уповаемых извещение, вещей обличение невидимых.* Теперь он (ободряет их) примером предков, тех великих и дивных мужей, и как бы так говорит: если тогда, когда блага были у ног, все спасались верой, то тем более мы. Когда душа видит другого разделяющим с ней одно и то же, то успокаивается и чувствует облегчение. Так бывает и в делах веры, так и в скорби, о чем говорит (апостол) в другом месте: *соутешитися в вас верою общею* (Рим. I, 12). Род человеческий весьма мнителен, не может полагаться на себя самого и боится за верность своих суждений; притом заботится, и весьма много заботится о мнении других. Что же делает Павел? Он ободряет их примером предков, и прежде того — общим соображением. Вера была тогда порицаема, как дело бездоказательное и даже вводящее в заблуждение; потому он доказывает, что самые

великие дела совершаются верой, а не рассуждениями. Как же он доказывает это, скажи мне? *Верою*, говорит, *разумеваем совершитися веком глаголом Божиим, во еже от неявляемых видимым быти*. Известно, говорит, что Бог сотворил из не сущего сущее, из невидимого видимое, из не существующего существующее. Но откуда известно, что Он совершил это *глаголом?* Разум не внушает ничего такого, а напротив говорит, что видимое происходит от видимого же. Особенно философы утверждают, что из ничего не бывает ничего, – так как они люди душевные и ничего не предоставляют вере. Между тем они сами обличают себя, когда, говоря о чем-нибудь великом и высоком, предоставляют это вере; так, например, они говорят, что Бог безначален и нерожден, между тем разум не внушает и этого, но – противное. И посмотри на великую глупость их. Они говорят, что Бог безначален; а это гораздо удивительнее, нежели происхождение (сущего) из не сущего. Сказать, что Он безначален, что Он не рожден, что Он сам от Себя, а не рожден от другого, гораздо непонятнее, нежели сказать, что Бог сотворил сущее из не сущего. Здесь много вероятного, именно – что Он сотворил нечто, что сотворенное имеет начало, что оно сотворено всецело; а там слова: самобытен, не рожден, не имеет ни начала, ни времени, – скажи мне, не требуют ли веры? Но (апостол) не указывает на то, что гораздо важнее, а на менее важное: *верою*, говорит, *разумеваем совершитися веком глаголом Божиим*. Откуда, говорит, известно, что Бог сотворил все *глаголом?* Разум не внушает этого, и никого не было тогда, когда это происходило. Известно по вере; это познание есть дело веры. Потому он и сказал: *верою разумеваем*. Что́, скажи, мы *разумеваем верою?* То, что видимое произошло от невидимого. Это – предмет веры. Сказав вообще, он потом раскрывает это, указывая на лица. Доблестный муж сто́ит целой вселенной,

как выразился (апостол) впоследствии. Именно, указав на пример ста или двухсот лиц, и зная, что количество не важно в сравнении с качеством, он затем сказал: *ихже не бе достоин мир* (XI, 38). *Верою множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу.* Смотри, на кого он указывает прежде всех, – на пострадавшего, и притом от брата, который ничем не был обижен, но позавидовал (благоволению) Божию. Это страдание было близко к ним: *зане таяжде*, говорит он, *и вы пострадасте от своих сплеменник* (1 Сол. II, 14). Вместе с тем показывает, что и они терпели от зависти и ненависти. Тот почтил Бога и умер за то, что почтил: а воскресения еще не получил. Доброе настроение его открылось, зависевшее от него сделано; а зависящее от Бога ему еще не предоставлено. *Множайшую:* (так апостол) называет здесь жертву лучшую, отличнейшую, необходимейшую. Мы, говорит, не можем сказать, что она не была принята; (Бог) принял ее и сказал Каину: *еда аще право принесл еси, право же не разделил еси* (Быт. IV, 7). Следовательно, Авель и право принес, и право разделил. Однако же за это какое получил вознаграждение? Он был убит рукой брата; осуждение, которому за грех подвергся отец, первый принял на себя праведный сын, и пострадал тем тяжелее, что пострадал от брата, и первый. Он сделал праведное дело, не видя примера ни в ком. В самом деле, на кого взирая, он так почтил Бога? На отца и мать? Но они оскорбили (Бога) за Его благодеяния. На брата? Но и он не почтил Его. Таким образом он сам собой совершил доброе дело. И тогда как он был достоин чести, что он получает? Умерщвляется. Далее (апостол) воздает ему еще другую похвалу: *еюже*, говорит, *свидетельствован быти праведник, свидетельствующу о дарех его Богу: и тою умерый еще глаголет.* Как же еще иначе было засвидетельствовано, что он – праведник? Огонь, говорится (в Писании), сошел и сжег его жертвы. Вместо: *призре*

Господь *на Авеля и на дары его,* (один переводчик) читает: *и воспламенил* (Быт. IV, 4). Итак, (Бог) и словами и делом засвидетельствовал, что он праведник, – и однако, видя, что он за Него умерщвляется, не воспрепятствовал, но попустил это.

2. Но у вас (говорит апостол) не так. Как же, когда вы имеете и пророков, и примеры, и множество внушений, знамений и чудес? Таким образом там поистине была вера. Какие чудеса видел тот (Авель) для того, чтобы убедиться, что в воздаяние ему будут дарованы какие-нибудь блага? Не по одной ли вере он был добродетелен? Что значит: *и ею умерый еще глаголет?* Чтобы не привести их в отчаяние, (апостол) показывает, что (Авель) отчасти получил вознаграждение. Какое? То, что об нем, говорит, много вспоминают. Это именно он и выразил словами: *и еще глаголет;* то есть (брат) убил его, но не убил вместе с ним его славы и чести. Он не умер; таким же образом не умрете и вы, – потому что чем кто тяжелее страдает, тем больше слава его. Как же он *еще глаголет?* Это и есть признак жизни, когда все прославляют, превозносят и ублажают; убеждающий других быть праведными, конечно, *глаголет.* Не столько действует слово, сколько его страдание. Как небо, делаясь только видимым, *глаголет,* – так и он, будучи вспоминаем. Если бы даже он сам проповедывал о себе, если бы имел тысячи языков и был в живых, – и тогда ему не удивлялись бы так, как теперь. Иначе сказать (такая слава) не достигается безнаказанно и легко, и не исчезает. *Верою Енох преложен бысть* не видети смерти: *и не обреташеся, зане преложи его Бог: прежде бо преложения его свидетельствован бысть, яко угоди Богу. Без веры же невозможно угодити: веровати же подобает* первое *приходящему к Богу, яко есть, и взыскающим его мздовоздаятель бывает* (ст. 5, 6). Он показал веру больше Авелевой. Как? Так, что, хотя он жил и после Авеля, по слу-

чившееся с Авелем могло отвратить его (от добродетели). Каким образом? Бог предвидел, что (Авель) будет убит, потому что сказал Каину: *согрешил еси,* не прибавляй еще (Быт. IV, 7), — был почитаем от него, и однако не избавил его. Но (Энох) от этого не предался беспечности, не сказал самому себе: какая польза от трудов и опасностей? Авель почитал Бога, и (Бог) не избавил его. Какая польза умершему оттого, что брат его наказан? Какую выгоду мог он извлечь отсюда? Положим, что подверг (Каина) тяжкому наказанию; но что из того убитому? Ничего такого он не сказал и не подумал, но оставил все это, зная, что если есть Бог, то без сомнения есть и мздовоздаятель, хотя тогда еще ничего не знали о воскресении. Если же люди, еще ничего не знавшие о воскресении, но видевшие здесь противное, так благоугождали, то не тем ли более (должны) мы? Те ни о воскресении не знали, ни примеров не могли видеть. То самое и сделало (Эноха) благоугодившим (Богу), что он ничего не получал. Он знал, что Бог есть мздовоздаятель; но, скажи мне, откуда? Ведь Авелю еще не было воздаяния. Таким образом разум внушал одно, а вера — противное видимому. Так и вы, говорит (апостол), если видите, что вы не получаете здесь никакого воздаяния, не смущайтесь. Как же *верою преложен бысть Енох?* Благоугождение (Богу) было причиной преложения, а причиной благоугождения — вера. В самом деле, если бы он не был убежден, что получит воздаяние, то как стал бы благоугождать? *Без веры невозможно угодити.* Почему? Потому что получить воздаяние может только тот, кто верует, что есть Бог и воздаяние. Отсюда и происходит благоугождение. *Веровати же подобает приходящему к Богу, яко есть,* а не тому, что Он есть. Если же то, что есть (Бог), принимается верой, а не постигается разумом, то возможно ли постигнуть разумом то, что Он есть? Если то, что

Он – мздовоздаятель, требует веры, а не умственных соображений, то как можно обнять разумом свойства Его существа? Какой разум может постигнуть их? Есть же люди, которые говорят, что все существующее существует само собой. Видишь ли, что если мы не веруем во все, не только в воздаяние, но и в само бытие Бога, то у нас все погибает? Многие спрашивают, куда переселен Энох и почему переселен, почему не умер, и не он только, но и Илия, и если они живут, то как живут и в каком состоянии. Но спрашивать об этом совершенно излишне. О том, что первый переселен, а последний вознесен (на небо), Писание сказало; а где они и как существуют, этого не прибавило, – потому что оно не говорит ничего, кроме необходимого. Такое событие, – разумею переселение (Эноха), – произошло вскоре, в самом начале, для того, чтобы человечество питало надежду на прекращение смерти, на уничтожение власти диавола, на то, что смерть будет уничтожена: ведь он переселен не мертвый, но так, что не видел смерти. Потому (апостол), сказав, что он переселен живой, прибавляет: *яко угоди*. Подобно тому, как иной отец, пригрозив сыну и желая привести угрозу в исполнение тотчас же, после того как высказал ее, сдерживается однако и медлит, чтобы вразумить и усовестить (сына), оставляя впрочем угрозу во всей силе, так и Бог, выражаясь по-человечески, не удержался, но тотчас же показал, что смерть будет уничтожена. Он сперва попустил смерти поразить праведника, желая сыном устрашить отца. Чтобы показать, что определение Его остается во всей силе, Он подверг этому наказанию немедленно не злых людей, но даже благоугодившего Ему, то есть блаженного Авеля; а вскоре после него переселил Эноха живым. Он не воскресил первого, – чтобы люди не предались беспечности, – а последнего переселил живым; Авелем устра-

шил, а Энохом внушил ревность о благоугождении Ему. Таким образом утверждающие, что все вращается и совершается само собой, и не ожидающие воздаяния, не благоугождают (Богу) так же, как и язычники: а *взыскающим Его* делами и ведением Он *мздовоздаятель бывает.*

3. Итак, имея Мздовоздаятеля, будем делать все так, чтобы нам не лишиться наград за добродетель. Не думать о таком возмездии, пренебрегать таким воздаянием, — это достойно многих слез. Как *взыскающим его мздовоздаятель бывает,* так не ищущим — напротив: *ищите и обрящете* (Мф. VII, 7), сказал (Господь). А как можно обрести Господа? Вспомни, как отыскивается золото, — с великим трудом. *Рукама моима,* говорит (Псалмопевец), *нощию пред ним, и не прельщен бых* (Пс. LXXVI, 3). Как мы ищем потерянное, так будем искать и Бога. (При искании чего-нибудь) не устремляем ли мы туда всего ума своего? Не расспрашиваем ли всех? Не предпринимаем ли путешествия? Не обещаем ли денег? Положим, у нас потерялся сын. Чего мы тогда не делаем? Какой не проходим суши, какого моря? Не считаем ли и денег, и домов, и всего другого маловажнее его отыскания? И если находим, то удерживаем, принимаем в объятия, не отпускаем от себя. Если, желая найти что-нибудь, мы употребляем все меры к тому, чтобы найти желаемое, то не тем ли более касательно Бога нам следует поступать так, как при отыскании чего-нибудь необходимого, или лучше сказать, не так, а гораздо более? Но так как мы немощны, то ищи Бога по крайней мере так, как ты ищешь своих денег, или сына. Не предпринимаешь ли ты для этого путешествий? Не путешествовал ли ты когда-нибудь для денег? Не изобретаешь ли всякие к тому средства? И когда найдешь, не бываешь ли тогда весел? *Ищите,* сказано, *и обрящете.* Искание требует многих забот,

особенно касательно Бога, потому что при этом (встречается) много препятствий, много недоразумений, много такого, что поражает наши чувства. Как солнце, хотя само по себе ясно и является взорам всех, и нам нет нужды искать его, но, если мы закопаем себя в землю и со всех сторон закроем себя, то потребуется много труда, чтобы нам увидеть солнце, — так и здесь: если мы закопаем себя в глубину порочных пожеланий и во мрак страстей и дел житейских, то с трудом в состоянии будем взглянуть, с трудом — поднять голову. Зарытый в глубину чем выше будет смотреть, тем более будет приближаться к солнцу. Стряхнем же и мы с себя прах, развеем окружающую нас мглу; она густа, непроницаема и не позволяет нам смотреть вверх. А как, скажешь, мы можем разогнать это облако? Если будем привлекать к себе лучи духовного солнца, солнца правды, если будем воздевать руки к небу: *воздеяние*, говорит (Псалмопевец), *руку моею жертва вечерняя* (Пс. CXL, 2), — если с руками будем устремлять горе и умы. Вы, посвященные в тайны, знаете, о чем я говорю; вы вероятно понимаете сказанное и соображаете, на что я намекаю. Будем же устремлять горе наш ум. Я знаю многих мужей, которые почти отделились от земли, свыше меры воздевают руки, скорбят, что невозможно подняться еще выше, и молятся с таким усердием! Желаю, чтобы и вы были такими же всегда; если же не всегда, то часто; если не часто, то хотя иногда, хотя по утрам, хотя по вечерам. Неужели, скажи мне, ты не можешь воздевать рук? Воздевай тогда ум, сколько хочешь; воздевай его до самого неба. Если бы ты захотел достигнуть самой вершины и, поднявшись еще выше, там шествовать, и это возможно для тебя. Наш ум легче всякой птицы и парит выше. А когда он получит еще благодать Духа, — о, как тогда он быстр, как стремителен, как перелетает через все, как нелегко спуска-

ется вниз и падает на землю! Устроим себе такие крылья; на них мы в состоянии будем перелететь и бурное море настоящей жизни. Быстрейшие из птиц в короткое время безвредно перелетают через горы и холмы, моря и утесы. Таков и ум: когда он бывает окрылен, когда оставляет все житейское, тогда ничто не может удержать его, тогда он выше всего и даже разожженных стрел диавола. Диавол не такой искусный стрелок, чтобы мог достигать до этой высоты, — но что? Он бросает стрелы, — потому что бесстыден, — но они не достигают цели; стрела возвращается к нему без успеха, и не только без успеха, но и на его собственную голову, потому что, будучи брошена им, она непременно должна поразить кого-нибудь. Как (стрела), брошенная людьми, или поражает то, во что брошена, — птицу, стену, одежду, дерево, — или рассекает воздух, так и стрела диавола непременно должна поразить кого-нибудь; если она не поразила того, в кого брошена, то непременно поражает бросившего. Из многих примеров можно убедиться, что когда ею не поражаемся мы, то непременно он поражается. Так, например, он строил козни Иову, и его не поразил, а сам был поражен; злоумышлял против Павла, и его не поразил, а сам был поражен. И везде можно видеть это, если мы будем внимательны. Когда он не поражает, тогда сам терпит поражение; а тем более, когда мы, вооружившись и оградив себя против него мечом и щитом веры, тщательно наблюдаем, чтобы не быть уловленными. Стрела же диавола есть порочное пожелание. В особенности гнев, — это огонь, это пламя, которое схватывает, умерщвляет, сжигает. Но мы будем угашать его долготерпением, воздержанием. Как раскаленное железо, будучи опущено в воду, теряет жар свой, так и гнев, попав в душу человека долготерпеливого, нисколько не вредит долготерпеливому, а напротив приносит пользу,

так что он становится еще крепче. Ничто не может равняться с долготерпением. Такой человек никогда не оскорбляется; но как адамантовые тела не разбиваются, так и эти души; они выше стрел. Долготерпеливый высок и так высок, что удар стрелы не достигает до него. Когда кто выходит из себя, ты смейся; смейся, впрочем, не явно, чтобы не раздражить его еще более, но смейся в душе, про себя. Над детьми, когда они ударяют нас с гневом, как бы желая отомстить, мы смеемся. (Так и над ним) если ты будешь смеяться, то между тобой и им будет такое же различие, как между дитятей и мужем; если же станешь огорчаться, то будешь дитятей, потому что гневающиеся безрассуднее детей. Скажи мне: когда кто видит, что дитя выходит из себя, то не смеется ли? То же бывает и с гневающимися: они и малодушны, если же малодушны, то и безрассудны: *малодушный*, говорит (Премудрый), *крепко безумен,* — значит он — неразумное дитя, — а *долготерпелив многъ в разуме* (Притч. XIV, 29). Будем же приобретать это долготерпение, от которого происходит в сохраняющих его великое благоразумие, чтобы нам сподобиться обетованных нам благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIII

Верою ответ приим Ное о сих, яже не у виде, убоявся, сотвори ковчег во спасение дому своего: еюже осуди мир, и правды, яже по вере, бысть наследник (Евр. XI, 7)

1. *Верою*, говорит, *ответ приим Ное*. Как Сын Божий, беседуя о своем пришествии, говорил: *во дни Ноевы женяхуся* и *посягаху* (Лк. XVII, 27), так и он говорит. Благо-

временно напоминает он (евреям) пример, близкий к ним; а пример Еноха был только примером веры. Ноя же (пример) – и неверия. Утешение и увещание бывает совершенным тогда, когда видно не только то, что верующие удостаиваются чести, но и то, что неверующие терпят противное. Что он говорит в словах: *верою ответ приим Ное?* Что это значит? Ему, говорит, предсказано было; ответом называет пророчество, как и в других местах говорится: *и бе ему обещано Духом Святым* (Лк. II, 26), еще: и *что глаголет ответ* (Рим. XI, 4)? Видишь ли равночестие Духа (с Отцом)? Как Бог дает ответ, так и Дух Святой. Для чего же (апостол) так сказал? Чтобы показать, что ответ есть пророчество. *О сих, яже не у виде,* то есть о дожде, *убояся, сотвори ковчег.* Разум не внушал ничего такого: и женились, и выходили замуж, и воздух был чист, и признаков никаких не было; а между тем (Ной) убоялся; потому (апостол) и говорит так: *верою ответ приим Ное о сих, яже не у виде, убояся, сотвори ковчег во спасение дому своего.* Каким образом? *Еюже осуди мир.* Он показывает, что те были достойны наказания, которые и вследствие приготовления (ковчега) не исправились. *И правды, яже по вере, бысть наследник,* то есть в том и обнаружилась его праведность, что он поверил Богу. Таково свойство души, искренне расположенной к Нему и не считающей ничего достовернее слов Его; а неверию свойственно противное. Ясно, что вера оправдывает. Как мы получили предсказание о геенне, так и он. Тогда смеялись над ним, поносили его и порицали; но он не обращал на это внимания. *Верою зовом Авраам, послуша изыти на место, еже хотяше прияти в наследие: и изыде не ведый, камо грядет. Верою прииде на землю обетования, яко же на чужду, в кровы вселися со Исааком и Иаковом, с наследникома обетования тогожде* (ст. 8, 9). Скажи мне: кого видел (Авраам), кому бы мог подражать? Отец у него был язычник и идолопок-

лонник, пророков он не слыхал и не знал, куда идет. Так как уверовавшие из иудеев смотрели на них (праотцов), как на получивших бесчисленные блага, то (апостол) и говорит, что никто из них ничего не получил, что все остались невознагражденными и ни один не получил воздаяния. Тот (Авраам) оставил отечество и дом, и вышел, не зная куда идет. Впрочем, что удивительного, если он сам (так поступил), когда и потомство его жило так же? Видя, что обещание не исполняется, он не унывал, потому что (Господь) сказал ему: *тебе дам землю* сию и *семени твоему* (Быт. XIII, 15). Он видел, как сын его жил там же, и внук видел себя живущим в земле чужой, и нисколько не смущался. С самим Авраамом, конечно, это могло произойти, потому что обетование могло исполниться после, в потомстве его, – хотя, впрочем, и ему было сказано: *тебе и семени твоему,* не сказано: тебе в семени твоем, а: *тебе и семени твоему,* – но ни он, ни Исаак, ни Иаков не получили обещанного. Один работал за плату, другой был изгоняем, а он сам подвергался страху и едва спасся; у него одно приобретено было войной, другое погибло бы, если бы он не получил помощи от Бога. Потому (апостол) и говорит: *с наследникома обетования тогожде;* не он только один, говорит; но и наследники его. Далее прибавляет нечто такое, что яснее сказанного: *по вере умроша сии вси, не приемше обетований* (ст. 13). Здесь представляются два вопроса: как, сказав, что Енох *преложен бысть не видети смерти, и не обреташеся,* говорит теперь: *по вере умроша сии сси?* И еще: как, сказав: *не приемше обетований,* говорит, что Ной получил в награду спасение своего семейства, Енох был переселен, Авель *еще глаголет,* Авраам получил землю? *По вере,* говорит, *умроша сии вси, не приемше обетований.* Что же означают слова его? Нужно решить сперва одно, а потом другое. *По вере* говорит, *умроша сии вси. Вси* – говорит он здесь не потому, чтобы они

решительно все умерли, но потому что, за исключением Еноха, действительно умерли все, кого мы знаем умершими. А слова: *не приемше обетований* — справедливы, так как обетование, данное Ною, не к тому относилось.

2. О каких же обетованиях он говорит? Исааку и Иакову была обещана земля; а Ной, Авель и Енох какие получили обетования? Он говорит здесь или о последних троих, или вместе и о тех. То не было обетованием, что Авель сделался предметом удивления, Енох был переселен, Ной спасся от потопа; все это даровано им за добродетель, и было некоторым предвкушением будущего. Бог, от начала зная, что человеческий род имеет нужду в великом снисхождении, дарует нам не только то, что в будущем, но и настоящее. Так и Христос говорил ученикам: *иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или матерь, сторицею приимет, и живот вечный наследит* (Мф. XIX, 29); и еще: *ищите царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Видишь ли, что и это дается от Него в виде приложения, чтобы мы не унывали? Ратоборцы, хотя получают облегчение и в то время, когда находятся в борьбе, но, подчиняясь законам, не имеют полного отдыха, а пользуются им впоследствии; так и Бог здесь не дарует нам полного успокоения, но, хотя отчасти и дарует, сполна сберегает его для будущей жизни. А что это так, (апостол) сам объяснил, прибавив следующее: *по издалеча видевше я и целовавше.* Здесь он намекает на нечто таинственное; указывает, что они предчувствовали все, сказанное о будущем, о воскресении, о царстве небесном и о прочем, о чем проповедовал Христос, придя на землю, — это именно он разумеет под обетованиями. Итак, или это он говорит, или то, что они, хотя не получили таких обетовании, но окончили жизнь, уповая на них; а уповали по одной вере. *Издалеча видевше я,* то есть за

четыре поколения, — через столько поколений они вышли из Египта. *И целовавше*, говорит, радовались. Они были так уверены в этих (обетованиях), что даже приветствовали их, подобно тому, как мореплаватели, издалека увидев города, к которым стремились, прежде нежели войдут в них, обращаются к ним с приветствиями и уже считают их своими. *Ждаше бо основания имущаго града, емуже художник и содетель Бог* (ст. 10). Видишь ли, что выражение: *приемше* означает, что они ожидали и надеялись на обетования? Если же надежда ведет к получению, то и нам можно получить. И они, хотя не обладали (обещанными благами), но в своем стремлении к ним созерцали их. А для чего это было? Для того, чтобы пристыдить нас: они даже тогда, как им были обещаны земные (блага), не прилеплялись к ним, но желали будущего града; а нам Бог непрестанно говорит о горнем граде, но мы желаем здешнего. (Бог) говорил им, что Он даст им (блага) настоящего времени, но так как видел, или лучше сказать, они сами показали себя достойными высших (благ), то Он сподобил их получить не те, а эти, высшие, чтобы показать нам, что не прилепляющиеся к первым достойны последних, — подобно тому, как если бы кто обещал разумному человеку детские игрушки, не для того, чтобы тот принял их, но чтобы показать его любомудрие, его стремление к высшему. (Апостол) показывает, что они с такой ревностью отрешались от земли, что даже не хотели принять предлагаемого. Потому-то получают это потомки их, как люди достойные земли. Что значит: *основания имущаго града?* Разве здешние (города) не имеют оснований? В сравнении с теми не имеют. *Емуже художник и содетель Бог.* О, какая похвала этому граду! *Верою и сама Сара.* Этим начал с целью укорить, если бы они оказались малодушнее жены. Но, скажет кто-нибудь, как (может быть назва-

на) верующей та, которая засмеялась? Правда, смех ее от неверия, но страх – от веры; слова ее: *не разсмеяхся* (Быт. XVIII, 15) происходили от веры. После того, как не стало неверия, явилась вера. *Верою и сама Сара силу в удержание семене прият, и паче времене возраста роди* (ст. 11). Что значит: *в удержание семене?* То, что она, будучи уже как бы мертвой, бесплодной, получила силу удержать семя, зачать. Неспособность ее происходила от двух причин: от лет, так как она уже состарилась, и от природы, так как была бесплодна. *Темже и от единаго родишася* все, *да еще умерщвленнаго, якоже звезды небесныя множеством, и яко песок вскрай моря безчисленный* (ст. 12) *Темже*, говорит, *от единаго родашася* все. Здесь он выражает не только то, что она родила, но и то, что она сделалась матерью такого множества, какого не имеют и плодоносные утробы. *Якоже звезды*, говорит. Почему же (в Писании) они часто исчисляются, между тем сказано: как никто не может исчислить звезд небесных, так и семени вашего (Быт. XIII, 16)? (Писание) говорит это или преувеличенно, или имея в виду тех, которые постоянно рождаются вновь. Предков одного семейства можно исчислить, как произошел этот от такого-то, а тот от такого-то, но тех, чей род сравнивается с множеством звезд, (исчислить) невозможно.

3. Таковы обетования Божии, так удобоисполнимо обещанное Им! Если же обещанное Им в виде приложения так удивительно, так чудно, так блистательно, то каково то, чего оно составляет дополнение, чему оно служит избытком? Следовательно, кто блаженнее получающих эти блага и кто несчастнее теряющих? Если все жалеют человека, изгнанного из отечества, если считают жалким потерявшего наследство, то какими слезами должно оплакивать того, кто лишается неба и уготованных там благ? Но не оплакивать его только

нужно: оплакивают того, кто подвергся какому-либо несчастью не по своей вине; но кто по собственной воле предается порокам, тот достоин не слез, а рыдания, или лучше и он достоин скорби, потому что Господь наш Иисус Христос скорбел и плакал о Иерусалиме, который был нечестив.

Подлинно, мы достойны бесчисленных стенаний, бесчисленных рыданий! Если бы вся вселенная возвысила голос, – и камни, и дерева, и кустарники, и звери, и птицы, и рыбы, – словом, вся вселенная, – если бы, возвысив голос, она стала оплакивать наше лишение этих благ, то и этого плача и рыдания было бы недостаточно. Какое слово, какой ум может представить то блаженство, то добро, удовольствие, славу, радость, веселье, светлость, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим его* (1 Кор. II, 9)? Не сказано просто, что (эти блага) превосходны, но что никто никогда не может и представить себе того, *яже уготова Бог любящим его.* В самом деле, каковы должны быть те блага, которые приготовил и устроил сам Бог? Если, сотворив нас, Он тотчас, когда мы еще ничего не сделали, столько даровал нам – и рай, и общение с Ним самим, обещал бессмертие, жизнь блаженную и свободную от забот, то чего Он не дарует тем, которые столько делали, трудились и терпели для Него? Единородного Он не пощадил для нас, истинного Сына своего предал за нас на смерть. Если же Он удостоил нас таких (благ), когда мы были Его врагами, то чего не удостоит, когда мы сделаемся Его друзьями? Чего не дарует, примирив с Собой? Он беспредельно богат и безгранично желает и старается сделать нас своими друзьями; но мы нисколько не стараемся об этом, возлюбленные. Что я говорю: не стараемся? Не хотим даже принять благ Его так, как Он хочет. А что Он хочет этого более (нас), Он доказал

делами своими. Мы для собственной нашей пользы едва ли пожертвуем малой частью золота; а Он за нас отдал Сына своего. Будем же употреблять, как должно, любовь Божию, возлюбленные; будем пользоваться дружеским Его расположением: *вы друзи мои есте,* сказал Он, *аще творите, елика заповедаю вам* (Ин. XV, 14). Увы! Врагов, которые беспредельно были далеки от Него, которых Он несравненно превосходит во всем, Он сделал и называет друзьями своими! Чего же не следовало бы потерпеть для такой дружбы? Но мы, по дружбе с людьми, часто подвергаемся опасностям, а для (дружбы) с Богом не хотим даже истратить денег. Поистине, мы достойны сожаления, скорби, слез, воплей, великого плача и сетования. Мы уклонились от надежды нашей, пали с высоты нашей, оказались недостойными чести Божией, неблагодарными и бесполезными после благодеяний; диавол лишил нас всех благ; удостоившись быть сынами, братьями и сонаследниками (Божиими), мы ничем не отличаемся от врагов Его, оскорбляющих Его. Какое после этого будет нам утешение? Он призвал нас на небо, а мы сами себя ввергли в геенну. Клятва и ложь, воровство и прелюбодеяние распространились на земле; одни смешивают кровь с кровью, другие совершают дела хуже кровопролития. Многие из обижаемых, многие из жертв любостяжания лучше желают испытать тысячи смертей, нежели переносить это, и если бы они не боялись Бога, то сами наложили бы на себя руку, — так они желают себе смерти! А это не хуже ли кровопролития? *О люте мне, душе,* говорил плакавший пророк, *яко погибе благочестивый от земли,* и *исправляющаго в человецех несть* (Мих. VII, 2). Будем плакать теперь и мы прежде всего о себе самих; а вы примите участие в плаче моем. Но, может быть, некоторым это противно и они смеются. Поэтому еще более нужно усилить плач; мы так

безумны и бесчувственны, что не понимаем своего безумия и смеемся тому, о чем следует рыдать. *Открывается*, человече, *гнев с небесе на всякое нечестие и неправду человеков* (Рим. I, 18). *Бог яве приидет: огнь пред ним возгорится и окрест его буря зельна* (Пс. XLIX, 3). *Огнь пред ним предыдет, и попалит окрест враги его* (Пс. XCVI, 3). *День Господень, яко пещь, горящь* (Мал. IV, 1). Но никто не думает об этом; хуже басней считают и презирают столь страшные и ужасные вещи; никто не слушает; все смеются и хохочут. Какая же будет нам польза? Откуда мы получим спасение? Мы погибли, истощились, сделались посмешищем врагов наших и предметом поруганий для язычников и демонов.

4. Гордится, надмевается и радуется теперь диавол; ангелы же, которым мы вверены, стыдятся и скорбят. Нет никого, кто бы исправился; все труды наши напрасны, и вам кажется, что мы говорим вздор. Благовременно, и ныне воззвать к небу и, так как никто не слушает, призвать в свидетели стихии: *слыши небо и внуши земле, яко Господь возглагола* (Пс. I, 2). Вы, еще не падшие, подайте помощь, протяните руку падшим от опьянения, крепкие – немощным, здравые умом – неистовствующим, твердо стоящие – колеблющимся; пусть никто, увещеваю вас, не ставит приятность выше спасения ближнего; и укоризны, и внушения пусть клонятся к одному – к его пользе. Когда горячка овладевает господами, тогда и слуги управляют ими; когда душа господина находится в жару и расслаблении, тогда из толпы слуг, окружающих его, ни один не исполняет повелений господина ко вреду его. Образумимся, прошу вас; вокруг нас ежедневные войны, потопления, бесчисленные несчастья, и гнев Божий со всех сторон окружает нас. А мы остаемся так спокойными, как будто мы делаем угодное (Богу); все мы простира-

ем руки на любостяжание, и никто — на вспомоществование (ближним); все — на хищение, и никто — на помощь; каждый старается, как бы увеличить свое состояние, и никто — как бы помочь нуждающемуся; каждый всячески заботится, как бы собрать более денег, и никто — как бы спасти свою душу; все боятся одного, как бы не сделаться бедными, а как бы не попасть в геенну, о том никто не беспокоится и не трепещет. Все это достойно слез, укоризн и осуждения. Не хотел бы я говорить об этом, но скорбь вынуждает меня; простите: скорбь заставляет меня говорить многое такое, чего бы и не хотел. Я вижу рану тяжкую, несчастье неутешное, постигшие нас бедствия, превышающие всякое утешение, — мы погибли! *Кто даст главе моей воду и очесем моим источник слез,* да *плачуся* (Иер. IX, 1)? Будем плакать, возлюбленные, плакать и рыдать. Может быть, некоторые здесь говорят: все-то нам он говорит о плаче, все-то о слезах. Не хотел бы я, поверьте мне, не хотел бы (говорить об этом), — напротив, (хотел бы) восхвалять и прославлять; но теперь время слез. Не плакать тяжело, возлюбленные, но делать то, что достойно слез; не слез должно убегать, а тех дел, которые достойны слез. Не казни сам себя, и я не буду скорбеть; не умирай, и я не буду плакать. Когда лежит мертвец, тогда ты призываешь всех участвовать в скорби и называешь безжалостными тех, которые не плачут; а когда погибает душа, то почему ты советуешь не плакать? Но я не могу быть отцом, и не плакать; я — нежно любящий отец. Послушайте, что говорит Павел: *чадца моя, имиже паки болезную* (Гал. IV, 19). Какая мать во время деторождения издает столь горькие вопли, как он? Если бы можно было видеть жар внутри души моей, то ты увидел бы, что я сгораю от него более всякой жены или девы, подвергшейся прежде-

временному сиротству. Не столько жена плачет о своем муже или мать о сыне, сколько я о всех вас вообще. Я не вижу никакого успеха; все обращается в клевету и осуждение. Никто не старается угождать Богу; мы только злословим то того, то другого, и говорим: такой-то недостоин быть в клире, такой-то живет нечестиво. Тогда как нам следовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаем других, между тем как не должны делать этого и в том случае, если бы мы были чисты от грехов: *кто бо тя разсуждает*, говорит (апостол), *что же имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь* (1 Кор. IV, 7)? Как ты осуждаешь брата своего, будучи сам исполнен бесчисленного множества зол? Когда ты скажешь: такой-то человек злой, вредный, порочный, тогда обрати внимание на себя самого, разбери тщательно свои дела, — и ты раскаешься в словах своих. Нет, подлинно нет такого сильного побуждения к добродетели, как воспоминание о своих грехах. Если мы будем постоянно исполнять эти два (правила), то сможем получить обетованные блага, сможем очистить себя самих и омыться; только нам нужно укоренить это в уме своем, нужно позаботиться об этом, возлюбленные. Предадимся же мысленно скорби здесь, чтобы там не испытать скорби от наказания, но чтобы насладиться вечными благами, где нет болезни, печали и воздыхания, чтобы достигнуть вечных благ, превосходящих ум человеческий, во Христе Иисусе, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV

По вере умроша сии вси, не приемше обетований, но издалеча видевше я и целовавше, и исповедавше, яко страннии и пришельцы суть на земли. Ибо таковая глаголющии являются, яко отечествия взыскуют. И аще бы убо оно помнили, из негоже изыдоша, имели бы время возвратитися: ныне же лучшаго желают, сиречь небеснаго. Темже не стыдится сими Бог, Бог нарицатися их: уготова бо им град (Евр. XI, 13—17)

1. Первая добродетель, и добродетель всеобщая состоит в том, чтобы быть странником и пришельцем в этом мире и не иметь ничего общего со здешними вещами, но быть в таком отношении к ним, как к чуждым для нас, – подобно тем блаженным ученикам, о которых (апостол) говорит: *проидоша в милотях и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин мир* (Евр. XI, 37, 38). Они называли себя странниками, а Павел сказал о себе еще нечто большее: он не только называл себя странником, но говорил, что он мертв для мира и мир мертв для него: *мне*, говорит он, *мир распяся, и аз миру* (Гал. VI, 14). А мы ведем себя, как (здешние) граждане, и устрояем все дела свои в жизни так, как живые граждане. Чем праведники были для мира, то есть странниками и мертвыми, то мы для неба; а чем были они для неба, то есть живыми гражданами, то мы для мира. Потому мы и мертвы, что уклонились от истинной жизни и избрали временную; тем мы и прогневляем Бога, что не хотим отстать от земных благ, тогда как нам уготовано небесное блаженство, но, подобно червям, пресмыкаемся из одной земли в другую, а из этой опять возвращаемся в ту, и вообще нисколько не хотим опомниться и отстать от дел человеческих, но, как бы погрузившись в глубокий сон или одурев от опьянения, увлекаемся мечтами. Как люди,

предающиеся сладкому сну, не только ночью, но и при наступлении утра и даже светлого дня, лежат в постели и не стыдятся предаваться такому удовольствию, обращая время труда и деятельности во время сна и лености, так и мы, с приближением дня, по прошествии ночи, или лучше сказать, уже по наступлении дня, – а сказано: делайте, *дондеже день есть* (Ин. IX, 4), – совершаем дела, свойственные ночи, спим, видим сны, услаждаемся мечтаниями. Сомкнулись наши очи – и умственные, и телесные; мы ведем пустые речи, говорим вздор. Мы не почувствовали бы, если бы кто-нибудь нанес нам глубокую рану, похитил все наше имущество и зажег самый дом; или лучше сказать, мы даже не ожидаем, чтобы другие сделали это, но сами поступаем так, каждодневно уязвляем и поражаем сами себя, бесстыдствуем, не знаем никакого приличия, никакой чести, и своих постыдных дел ни сами не скрываем, ни другим не позволяем делать это, но с полным бесстыдством делаем себя посмешищем и предметом бесчисленных поруганий для всех видящих и проходящих. Разве вы не знаете, что и сами порочные люди смеются над подобными себе и осуждают их? Бог вложил в нас судилище неподкупное и никогда неизменное, хотя бы мы впали в глубину зла; потому и сами порочные люди осуждают самих себя, и, если кто-нибудь назовет их тем, что они на самом деле, стыдятся, гневаются, обижаются. Так, если не на деле, то на словах, они в совести осуждают свои поступки, или лучше, осуждают и на деле. Ведь если они скрытно и тайно совершают дела свои, то этим дают ясное доказательство того мнения, которое имеют они об этих делах. Зло так очевидно, что все осуждают его, даже и те, которые его совершают; а добродетель такова, что ей удивляются и те, которые не следуют ей. Блудник хвалит целомудрие, любостяжательный осуждает несправедливость, раздражи-

тельный удивляется незлобию и порицает малодушие, а развратный – распутство. Почему же, скажешь, они сами делают это? По крайнему нерадению, а не потому, чтобы они считали это добром; иначе они не стали бы стыдиться дел своих и отказываться от них, когда кто-нибудь другой обличает их. Многие, будучи обличены, не выносили стыда и умерщвляли сами себя: таково внутри нас свидетельство того, что хорошо и пристойно; так добрые дела светлее солнца, а противоположные им гнусрее всего!

2. Святые были странниками и пришельцами. Как и каким образом? Где Авраам признает себя странником и пришельцем? Может быть и он признавал; а что признавал себя таким Давид, это несомненно. Послушай, что он сам говорит: *пресельник аз есмь и пришлец, якоже вси отцы мои* (Пс. XXXVIII, 13). Те, которые жили в шатрах и за деньги приобретали места для погребения, очевидно, были такими странниками, что даже не имели, где хоронить мертвецов своих. Что же? Не называли ли они себя странниками по отношению только к одной земле Палестинской? Нет, по отношению к целой вселенной, – и это справедливо: они не видели в ней ничего такого, чего желали, но все было для них странно и чуждо. Они хотели упражняться в добродетели, а здесь было множество пороков, и потому все здешнее было для них чуждо; они не имели ни одного друга, ни одного близкого человека, кроме немногих. А как они были странниками? Они не заботились о здешнем и доказывали это не словами, а самими делами. Как и каким образом? (Бог) сказал Аврааму: оставь мнимое отечество и иди в землю чужую (Быт. XII, 1), – и он не остался там по любви к близким, но без сожаления покинул, как бы чужую землю. (Бог) сказал ему: принеси (в жертву) сына своего (Быт. XXII, 2), – и он принес его так, как бы вовсе не

имел сына, принес так, как бы не был облечен человеческой природой. Имущество свое он считал общим со всеми приходящими, и ставил это ни во что; первое место предоставлял другим, подвергался опасностям, терпел бесчисленные бедствия; не строил великолепных домов, не роскошествовал, не заботился об одежде и ни о чем другом, что бывает в здешнем мире; напротив, жил жизнью горнего града, был страннолюбив, братолюбив, милосерд, долготерпелив, презирал имущество, настоящую славу и все прочее. Таков был и сын его. Когда его гнали и нападали на него, он не противился и уступал, как находящийся в земле чужой, – ведь странники, чему бы ни подвергались, переносят все, так как находятся не в отечестве. И лишение жены он переносил, как странник; он жил высшей жизнью, сохраняя целомудрие и всякое воздержание; родив сына, он не имел общения с женой; а женился на ней уже тогда, когда прошел цвет юности, – показав, что он сделал это не по страсти, но чтобы послужить исполнению обетования Божия. А Иаков? Не искал ли он только одного хлеба и одежды, таких потребностей, которые свойственны истинным странникам, пришедшим в крайнюю бедность? Будучи гоним, он не уступал ли, как странник? Не работал ли по найму? Не терпел ли бесчисленных бедствий, путешествуя везде, как странник? Перенося все это, они показывали, что ищут другого отечества. О, какое различие! Они ежедневно томились желанием освободиться отсюда и возвратиться в свое отечество; а мы – напротив. Когда случится какая-нибудь горячечная болезнь, то мы, бросив все, подобно малым детям, плачем и боимся смерти, – и справедливо терпим это, потому что не живем здесь, как странники, и не спешим туда, как в отечество, а идем, как на казнь. Потому мы и скорбим, что не пользуемся вещами, как должно, а извратили порядок вещей; потому мы

и мучимся, тогда как следовало бы радоваться; потому и трепещем, подобно каким-нибудь убийцам и разбойникам, когда им предстоит явиться на суд и когда они припоминают все дела свои, и оттого страшатся и трепещут. Не таковы были те мужи, но они сами спешили туда; а Павел даже воздыхал о том, как он сам говорит: *и сами сущии в сени воздыхаем отягчаеми* (2 Кор. V, 4). Таков был Авраам и подобные ему; они были, говорит (апостол), странниками для целой вселенной и искали отечества. Какого? Не того ли, которое оставили? Нет; что препятствовало им, если бы они хотели возвратиться туда и быть его гражданами? Они искали отечества небесного. Так спешили они удалиться отсюда и так угождали Богу: потому и сам Бог не стыдится называться Богом их. О, какая честь! Он восхотел называться их Богом. Но что, скажешь, важного в том, что Он не стыдится называться Богом их, когда Он называется Богом земли и Богом неба? Это важно, поистине важно, и служит знаком великого блаженства. Почему? Потому, что Он называется Богом неба и земли так же, как и Богом язычников; Он Бог неба и земли, как Творец и Устроитель их; а (Богом) тех святых Он называется не в этом смысле, а как близкий друг их. Объясню вам это примером. Например: в больших домах, когда некоторые из главнейших слуг отличаются перед другими и притом весьма отличаются, управляют всем и имеют великое дерзновение перед господами, тогда господин называется по их имени; и многие так называются. Но что я говорю? Подобно тому, как мог Он называться Богом не язычников, а вселенной, так точно мог Он называться и Богом Авраама. Вы не знаете, какая честь заключается в этом, потому что мы не имеем ее. Ныне Бог называется Господом всех христиан, хотя и это выше нашего достоинства; если же Он называется Богом одного человека, то подумай,

сколько в этом величия! Бог вселенной не стыдится называться Богом троих человек, — и справедливо, потому что святые равняются не только этому миру, но и бесчисленному множеству их: *лучше бо един творяй волю Господа, нежели тысяща грешник* (Сир. XVI, 3). Итак очевидно, что они называли себя странниками в этом смысле. Положим даже, что они называли себя странниками по чужой земле: тогда что говорит Давид? Разве он не был царем, не был пророком? Разве он жил не в своем отечестве? Почему же он говорит: *пресельник аз есмь и пришлец?* Как — *пресельник? Якоже*, говорит, *вси отцы мои.* Видишь ли, что и они были пресельники? У нас, говорит, ныне есть отечество, но не истинное отечество. Как — *пришлец?* Земли; следовательно и они были пришельцы земли. Как они, так и он, и как он, так и они.

3. Будем же странниками и мы, по крайней мере ныне, чтобы Бог не стыдился называться нашим Богом. А для Него было бы стыдно, если бы Он назывался Богом людей порочных; таких Он и сам стыдится, и напротив считает честью для себя быть Богом людей добрых, честных и упражняющихся в добродетели. И мы отказываемся называться господами наших дурных рабов и отвергаем их; когда кто-нибудь, придя, скажет нам: такой-то сделал много дурного, не твой ли он слуга? — тогда мы тотчас говорим: нет, чтобы отклонить от себя позор, потому что есть отношение между рабом и господином, и бесславие переходит с первого на последнего; тем более (стыдится) Бог. Но те мужи были так славны, так много имели дерзновения (перед Богом), что Он не только не стыдился называться их (Богом), но и сам говорил: *аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль* (Исх. III, 6). Будем, возлюбленные, и мы странниками, чтобы не стыдился нас Бог, чтобы не стыдился и не предал геенне. Таковы были

те, которые говорили: *Господи, не в твое ли имя пророчествовахом, и твоим именем силы многи сотворихом* (Мф. VII, 22)? Но Христос, смотрите, что говорит им: *николиже знах вас* (ст. 23), как поступили бы, чтобы отклонить от себя позор, и господа дурных слуг, прибегающих к ним. Не знаю вас, говорит Он. А как же Ты наказываешь тех, которых не знаешь? Не знаю – говорит Он в другом смысле, то есть отвергаю вас, отказываюсь от вас. Да не услышим и мы этого грозного и страшного изречения! Если те, которые изгоняли бесов, пророчествовали, были отвергнуты за то, что вели жизнь не соответствующую словам, то не тем ли более мы? Но как, скажешь, могут быть отвергнуты те, которые пророчествовали, совершали чудеса и изгоняли бесов? Они могли впоследствии измениться и сделаться порочными; потому и прежние добродетели не принесли им никакой пользы. Нужно иметь не только начало славное, но еще более славный конец. В самом деле, скажи мне, оратор не старается ли сделать блистательным заключение своей речи, чтобы удалиться при рукоплесканиях? Градоправитель не является ли более блистательным при конце своего правления? Ратоборец если не явит блистательного конца и не будет победителем до конца, но, победив всех, сам будет побежден последним, не лишается ли пользы от всех трудов своих? Кормчий, прошедший целое море, но у пристани разбивший корабль, не теряет ли всего прежнего труда своего? А врач? Если он, избавив больного от болезни, расстроит его тогда, когда мог восстановить окончательно, то не портит ли всего дела? Так бывает и с добродетелью: кто к началу ее не прилагает надлежащего и соответствующего ему конца, тот губит все и погибает. Таковы те, которые вначале весело и гордо выступили на поприще, а потом упали духом и ослабели; потому они и лишились награды и не признаны Владыкой.

Пусть слышат это те из нас, которые преданы сребролюбию. Оно – величайшее беззаконие: *корень бо всем злым*, говорит (апостол), *сребролюбие есть* (Тим. VI, 10). Пусть слышат те из нас, которые хотят увеличить свое состояние, – пусть слышат и отстанут от любостяжания, чтобы не услышать того, что услышали те (отверженные Господом). Будем слушать теперь и соблюдать это, чтобы не услышать тогда; будем слушать, теперь со страхом, чтобы тогда не услышать в наказание *отыдите от мене, николиже знах вас,* – даже и тогда (не знал вас), когда вы пророчествовали и изгоняли бесов. Можно думать, что в этих словах выражается и еще нечто другое, именно то, что они и тогда вели жизнь порочную, так как в начале благодать действовала и через людей недостойных. Если она действовала даже через Валаама, то тем более могла действовать через недостойных, для тех, которые имели получить от того пользу. Если же чудеса и знамения не могли избавить от наказания, то тем более, хотя бы кто получил священный сан, хотя бы достиг высшей чести, хотя бы благодать действовала при рукоположении его и во всем прочем, для пользы нуждающихся в предстоятелях, – такой услышит: *николиже знах* тебя, даже и тогда, когда действовала в тебе благодать. О, какая требуется там чистота жизни! Как она одна сильна для того, чтобы ввести нас в царство небесное! Как без нее человек погибает, хотя бы он мог являть бесчисленные знамения и чудеса! Ничто не бывает так приятно Богу, как добродетельная жизнь: *аще любите мя,* говорит (Господь), – не сказал: творите чудеса, но что? – *заповеди моя соблюдите* (Ин. XIV, 15); и еще: *вы друзи мои есте,* – не тогда, когда изгоняете бесов, но – *аще словеса моя соблюдете* (Ин. XV, 9, 14). Первое – дар Божий; а последнее – и дар Божий и вместе дело нашего усердия. Постараемся же сделаться друзьями Божиими, а не остать-

ся врагами Его. Непрестанно мы говорим это, непрестанно убеждаем к этому и себя самих и вас, — и однако нет никакого успеха. Потому я и страшусь, и хотел бы молчать, чтобы не увеличить для вас опасности, так как часто слышать и не поступать так — значит оскорблять Владыку. Но боюсь и другой опасности от молчания для меня самого, если бы я, поставленный на служение слову, стал молчать. Что же, скажете, делать нам, чтобы спастись? Начнем упражняться в добродетелях, пока есть время. Разделим для себя добродетели, как земледельцы разделяют земледелие; в один месяц преодолеем в себе склонность к злословию, дерзость, несправедливый гнев, положим для себя законом и скажем: ныне исправим это; в другой месяц поучимся терпению; в третий — еще иной добродетели, и, приобретя в ней навык, перейдем к новой, подобно тому, как в учении мы, сохраняя прежнее, приобретаем новое. После того перейдем к презрению богатства, и, во-первых, будем удерживать руки от любостяжания, а потом, творить милостыню; не будем смешивать всего вместе, — одними и теми же руками и похищать, и подавать милостыню. Затем приступим к другой добродетели, а от нее еще к иной. *Сквернословие*, говорит (апостол), *и буесловие, и кощуны, ниже да именуется в вас* (Еф. V, 3, 4). Исполним и это. Здесь не требуется ни издержек, ни трудов, ни усилий. Довольно только хотеть, — и все сделается. Не нужно для этого предпринимать далекого путешествия, или переплывать беспредельное море, но только постараться, оказать усердие и наложить узду на язык против неуместных оскорблений. Исторгнем из души своей гнев, порочные похоти, склонность к чувственным удовольствиям и роскоши, сребролюбие, навык к клятвам и к клятвопреступлениям. Если мы будем таким образом возделывать самих себя, сначала исторгая терние, а потом насаждая небесное семя, то сможем полу-

чить обещанные блага. Придет Делатель, соберет нас в житницу, и тогда мы получим все блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXV

Верою приведе Авраам Исаака искушаем, и единороднаго приношаше, обетования приемый, к немуже глаголано бысть: о Исааце наречется тебе семя: помыслив, яко и из мертвых воскресити силен есть Бог: темже того и в притчи прият (Евр. XI, 17—19)

1. Поистине, велика вера Авраама. В Авеле, Ное и Енохе происходила только борьба мыслей и нужно было стать выше человеческих помыслов; а здесь нужно было стать не только выше человеческих помыслов, но показать еще нечто большее; здесь божественное повидимому противоречило божественному же, вера – вере, повеление – обетованию. Так, (Бог) сказал ему: *изыди от земли твоея, и от рода твоего, и дам тебе землю сию* (Быт. XII, 1; XIII, 15), и однако не дал ему в ней наследия, даже ни на один шаг. Видишь ли, как события противоречили обетованию? Еще сказал: *во Исааце наречется тебе семя* (Быт. XXI, 12), и (Авраам) поверил; и еще: принеси мне в жертву того, который имеет наполнить всю вселенную своим потомством. Видишь ли противоречие повелений обетованию? Он повелевал противное обетованиям, и однако праведник не смущался и не считал себя обманутым. А вы, говорит (апостол), не можете сказать, что Он обещал вам покой и послал скорбь; вам Он, что обещал, то и делает. Как это? *В мире,* говорил Он, *скорбни будете* (Ин. XVI, 33); *иже не приимет креста*

своего и в след мене грядет, несть мене достоин (Мф. X, 38); *кто не возненавидит душу свою,* не обрящет ю; и: *иже не отречется всего своего имения,* и в след мене грядет, несть мене достоин (Лк. XIV, 26, 33); и еще: *пред владыки и цари ведени будете мене ради* (Мф. X, 18); и еще: *врази человеку домашнии его* (Мф. X, 36). Здесь скорби, а покой там. С Авраамом же было напротив: ему повелено было делать противное обетованиям, и однако он не смущался, не колебался и не считал себя обманутым. А вы не терпите ничего такого, что было бы чуждо обетованию, и смущаетесь. Он слышал противное обещанному от самого Обещавшего, и не смущался, но исполнял, как согласное (с обетованием); и действительно оно было согласно; оно противно было помыслам человеческим, но согласно с верой; а каким образом, это апостол сам объяснил нам, сказав: *помыслив, яко и из мертвых воскресити силен есть Бог.* Смысл слов его следующий: по той же вере, по которой он веровал, что Бог даст ему сына, которого у него не было, по той же вере он был убежден, что Бог воскресит и мертвого, воскресит закланного. Одинаково было чудно, то есть по человеческому соображению, как то, что родится сын от утробы омертвевшей, устаревшей и уже сделавшейся неспособной к деторождению, так и то, что закланный воскреснет, — и однако он верил; прежняя вера руководила его (к вере) и в будущее. С другой стороны, он испытал приятное сначала, а прискорбное — напоследок, в старости; а с вами, говорит (апостол), происходит напротив: прискорбное прежде, а приятное после. Это сказано к тем, которые осмеливаются говорить, что Бог, обещав нам блага после смерти, быть может, обманул нас. Бог силен, говорит, и из мертвых воскресить; если же Бог силен и из мертвых воскресить, то конечно воздаст нам все; и если Аврам верил за столько лет, что Бог силен воскресить из

мертвых, то тем более мы должны верить этому. Видишь ли, что Бог, как я выше сказал, еще прежде нежели вошла смерть, возбуждал в праотцах надежду воскресения и приводил их к такому убеждению, что они, по повелению Его, приносили в жертву своих сыновей, через которых надеялись наполнить вселенную, и закалали их с готовностью? И еще нечто другое (апостол) выражает здесь словами: Бог искушал Авраама. Что же такое? Разве Бог не знал, что он был муж терпеливый и доблестный? Совершенно знал. Если же знал, то для чего искушал его? Не для того, чтобы самому узнать, но чтобы другим показать и для всех сделать очевидным его мужество. (Апостол) показывает здесь причину искушений, чтобы не думали, будто они страдают потому, что оставлены Богом. Нам здесь неизбежно подвергаться искушениям, так как много есть гонителей и строящих козни; а там какая была нужда изобретать искушения, которых не было? Очевидно, что это искушение было по Его повелению. Другие искушения бывают по Его попущению, а это было по Его повелению. Если же искушения делают людей столь славными, что Бог и без причины подвергает им своих подвижников, то тем более мы должны переносить все мужественно. Выразительно здесь (апостол) сказал, что *верою приведе Исаака искушаемь;* не было никакой другой причины принесения (Исаака в жертву), кроме этой. И далее он раскрывает ту же мысль. Не может, говорит он, никто сказать, что он имел другого сына и от него ожидал исполнения обетования, а потому смело приносил Исаака в жертву: *и единороднаго,* говорит, *приношаше, обетования приемый.* Как — *единороднаго?* А Измаил? Он откуда? Называю единородным, говорит, по отношению к обетованию; и потому, сказав: *единороднаго,* и желая показать, что в этом смысле так называет его, присовокупляет: к *немуже глаголано*

бысть: о Исааце наречется тебе семя, то есть от него. Видишь ли, как удивителен поступок патриарха? Ему сказано было: *о Исааце наречется тебе семя,* и однако он приносил сына в жертву. Далее, чтобы кто-нибудь не подумал, будто он сделал это в отчаянии и принятием такого повеления оставил прежнюю веру, а напротив убедился, что и этот поступок подлинно был делом веры, (апостол) говорит, что и здесь он имел веру, и хотя она по-видимому противоречила прежней, однако он не противился, потому что не измерял силы Божией человеческими суждениями, а предоставлял все вере. Потому он и не убоялся сказать, что *и из мертвых воскресити силен есть Бог. Темже того и в притчи прият,* то есть в образе, в овне. Каким образом? Закланием в жертву овна был спасен (Исаак), так что за овна он получил сына, заклав в жертву первого вместо последнего. Это было некоторым прообразом; здесь был прообразован Сын Божий, закалаемый в жертву. И заметь, как велико человеколюбие Божие. Так как Он имел даровать людям великую благодать, то, желая сделать это не даром, а как бы должник, Он устрояет, что сперва человек отдает сына своего по повелению Божию, — чтобы не казалось великим делом то, что Он сам отдает собственного Сына, после того как человек сделал это прежде Него, — чтобы не думали, что Он делает это даром, но и по долгу. Кого мы любим, тому стараемся доставить и то, чтобы казалось, будто мы наперед получили от него какую-нибудь малость, и потом отдаем ему все, и хвалимся не столько данным, сколько полученным от него, — не говорим: мы дали ему то-то, но: мы получили от него то-то. *Темже,* говорит, *того и в притчи прият,* то есть в образе, так как овен был притчей Исаака, или образом. Так как жертва была совершена и Исаак был заклан в намерении (Авраама), то Бог и даровал его патриарху.

2. Видишь ли, как и отсюда открывается то, о чем я постоянно говорю? Когда мы сделаем ум свой совершенным и покажем, что мы презираем земные вещи, тогда Бог дарует нам и земное, но не прежде того, – чтобы мы, привязанные к земным благам, получив их, еще более не привязались к ним. Отреши себя наперед от рабства, говорит Он, и тогда получай, – чтобы ты получил не как раб, но как господин; презирай богатство, и будешь богатым; презирай славу, и будешь в славе; презирай мщение врагам, и отомстишь им; презирай покой, и получишь его, – чтобы, получая, ты получал не как узник или раб, но как свободный. С малыми детьми мы поступаем так: когда дитя сильно желает детских игрушек, то мы тщательно скрываем их от него, например, мяч, или что-нибудь другое, чтобы оно не отвлекалось от необходимых занятий; а когда оно не обращает на них внимания и не желает их, тогда мы без опасения даем их, зная, что от этого не будет ему никакого вреда и эта забава не сможет отклонить его от необходимых занятий. Так и Бог поступает с нами: когда Он видит, что мы не желаем земных (благ), то позволяет нам пользоваться ими, потому что тогда мы владеем ими, как свободные и как мужи, а не как дети. А что действительно, когда ты будешь презирать мщение врагам, тогда и отомстишь им, об этом, послушай, что говорит (апостол): *аще алчет враг твой, ухлеби его: аще ли жаждет, напой его,* и прибавляет: *сие бо творя, углие огненно собираеши на главу его* (Рим. XII, 20). Что действительно, когда ты будешь презирать богатство, тогда получишь его, об этом послушай, что Христос говорит: *всяк, иже оставит дом, или братию, или отца, или матерь, сторицею приимет, и живот вечный наследит* (Мф. XIX, 29). Что действительно, когда ты будешь презирать славу, тогда получишь ее, об этом послушай, что опять Христос говорит: *иже аще хощет в вас*

первый *быти, да будет вам слуга;* и еще: *смиряяйся вознесется* (Мф. XX, 26; XXIII, 12). Что говоришь ты? Если я даю пить врагу, то наказываю его? Если раздаю имущество, то владею им? Если смиряюсь, то делаюсь высоким? Да, говорит, такова моя сила; она производит противоположное через противоположное; Я богат и премудр, – не бойся; природа вещей повинуется моей воле, а не Я следую природе; Я все совершаю, а не другой что-нибудь руководит мной; потому Я могу переменить и преобразовать все. И удивительно ли, что так бывает в таких вещах, когда то же самое бывает и во всем другом?

Так, когда ты вредишь (другому), тогда вредишь самому себе; а когда тебе вредят (другие), тогда ты не терпишь вреда; когда ты мстишь, тогда (не другому) мстишь, а себе самому. Кто любит неправду, говорит (Премудрый), тот *ненавидит своея души* (Притч. XXIX, 24). Видишь ли, что в таком случае ты не (другому) вредишь, а себе самому? Потому и говорит Павел: *почто не паче обидими есте* (1 Кор. VI, 7)? Видишь ли, что это не значит – терпеть вред? Когда ты обижаешь (другого), тогда обижаешь самого себя. Это отчасти многим известно: иногда говорят друг другу: отойдем отсюда, чтобы не унизить самих себя. Почему? Потому, что велико различие между тобой (оскорбляющим) и им (оскорбляемым); какие бы ты ни причинил ему оскорбления, они обращаются ему в честь. Будем так рассуждать всегда, и мы станем выше оскорблений; а каким образом, это я объясню. Если бы мы стали враждовать против носящего порфиру, то оскорбления, направленные на него, обратились бы на нас самих, так как, порицая его, мы сами делаемся достойными порицания. Что же, скажи мне, твои слова значат? Будучи гражданином неба, обладая горним любомудрием, для чего ты унижаешь себя самого наравне с тем, который помышляет только

о земном? Хотя бы у врага твоего было несчетное имущество, хотя бы у него была власть, он не знает твоего добра. Не унижай же себя, оскорбляя его; пощади себя, не его; воздай честь себе не ему. Не говорит ли пословица: кто почитает (другого), тот почитает самого себя? И справедливо: не его он почитает, а себя самого. Послушай слов Премудрого, который говорит: *даждь* душе твоей *честь по достоинству ея* (Сир. X, 31). Что значит: *по достоинству ея?* Если кто, говорит, обманул тебя из любостяжания, не делай того же; если оскорбил, не оскорбляй. Скажи мне, прошу тебя: если какой-нибудь бедняк возьмет кусок грязи, валявшийся на дворе твоем, то неужели ты поведешь его за это в судилище? Нет. Почему? Чтобы не унизить себя самого, чтобы не стали все осуждать тебя. Так и здесь. Богач есть бедняк; и чем более он богатеет, тем более становится бедным истинной бедностью. Золото – это грязь, брошенная на дворе, а не лежащая в твоем доме; дом же твой – небо. Потому, если ты за это позовешь его в судилище, то не осудят ли тебя горние граждане? Не извергнут ли они тебя из своего отечества, – тебя, который так низок, так презрен, что из-за малого куска грязи решаешься вести тяжбу? Если бы даже весь мир был твоим и кто-нибудь отнял его у тебя, то и тогда тебе следовало бы только отвернуться от него.

3. Разве ты не знаешь, что если увеличишь вселенную в десять раз, или во сто, или в десять тысяч, или вдвое против этого, и тогда она даже в малой доле не сравнится с благами небесными? Кто восхищается здешними благами, тот оскорбляет тамошние, если он считает достойными привязанности первые, так далеко отстоящие от последних; а лучше сказать, он и не в состоянии восхищаться последними, – как в самом деле (он может быть способным к этому), пристрастившись к первым? Расторгнем же когда-нибудь, увещеваю вас,

эти цепи и сети, — то есть земные дела. Доколе мы будем наклоняться к земле? Доколе будем строить козни друг другу, подобно зверям или рыбам? Впрочем и звери не строят козней сродным себе, но разнородным; так, медведь не скоро убьет медведя, змея не убьет змеи, уважая сродство; а ты даже того, кто сроден тебе и с кем ты имеешь бесчисленные соотношения, — одинаковость происхождения, разумность, познание Бога, силу над природой и многое другое без числа, — ты своего сродника, имеющего одну с тобой природу, убиваешь и обременяешь множеством зол. Что в том, если ты не вонзаешь в него меча и рукой не поражаешь его шеи? Ты делаешь хуже этого, подвергая его постоянным скорбям. Если бы ты сделал первое, то избавил бы его от забот; а теперь ты предаешь его голоду и рабству, отчаянию и многим другим грехам. Говорю это, и не перестану говорить, не для того, чтобы побуждать вас к убийству или советовать — делать зло меньшее, но чтобы вы не надеялись остаться ненаказанными. *Лишаяй* ближнего своего средств к жизни и хлеба, говорит (Премудрый), *убивает* его (Сир. XXXIV, 21). Удержим руки свои, прошу вас, удержим, или, лучше сказать, не удержим, но протянем их на добро, — не на любостяжание, а на милостыню; пусть не будет рука наша бесплодна и суха; суха же та рука, которая не творит милостыни, а та, которая простирается на любостяжание, скверна и нечиста. Никто пусть не вкушает пищи с такими руками, потому что это — обида для приглашенных. Скажи мне: если бы кто-нибудь пригласил нас возлежать на коврах, мягком ложе и вышитых золотом одеждах, в блестящем и великолепном доме, и, окружив нас множеством слуг, потом поставив стол из серебра и золота и наполнив его различными роскошными яствами, просил кушать с тем только условием, чтобы мы не гнушались руками его, запачканными грязью или калом

человеческим, и позволили ему в таком виде возлежать вместе с нами, – то вынес ли бы кто такую казнь и не счел ли бы этого за обиду? Я думаю, что всякий тотчас убежал бы. Между тем теперь ты видишь не руки только запачканными грязью, но и сами яства, и не отказываешься, не убегаешь, не обличаешь, но если человек с властью, то считаешь великим делом (быть у него) и губишь душу свою, вкушая такую пищу. Ведь любостяжание хуже всякой грязи; оно оскверняет не тело, но душу, так что трудно бывает очистить ее. А ты видишь за столом оскверненного этой грязью, видишь и руки, и лицо его, и дом, и стол наполненными ею, – подлинно же такие яства сквернее и отвратительнее навоза, или что только есть еще худшего, – возлежишь, с ним, считая это за честь для себя и как бы получая удовольствие? Или ты не стыдишься Павла, который позволяет беспрепятственно приступать даже к столу язычников, в случае нашего желания, но запрещает быть у любостяжателей, хотя бы даже мы того желали? *Аще*, говорит он, *некий брат именуем будет блудник*, называя здесь братом всякого вообще верующего, а не монаха. В самом деле, что доставляет нам братство? Баня пакибытия, возможность – называть Бога отцом. Потому оглашенный, хотя бы он был монахом, не есть брат; верующий же, хотя бы он был мирянином, есть брат. *Аще*, говорит, *некий брат именуем*. Тогда еще не было и следов монашества, – все это блаженный (Павел) говорил мирянам. *Аще*, говорит, *некий брат именуем будет блудник, или лихоимец, или пианица, с таковым ниже ясти* (1 Кор. V, 11). О язычниках он (говорит) не так, – а как? *Аще ли кто от неверных*, разумея язычников, *призывает вы, и хощете ити, все предлагаемое вам ядите* (1 Кор. X, 27). *Аще же некий брат именуем будет пианица.*

4. Вот, какая строгость! А мы не только не убегаем от пьяниц, но сами идем к ним, чтобы участвовать в

делах их. Потому у нас все извратилось, все смешалось, расстроилось и погибло. Скажи мне: если бы кто-нибудь из таких людей пригласил тебя на приготовленное пиршество, — тебя, который считаешься бедным и презренным, — потом услышал бы от тебя: так как предлагаемое собрано любостяжанием, то я не стану осквернять свою душу, — тогда он не устыдился ли бы, не смешался ли бы, не смутился ли бы? Действительно, одного этого было бы достаточно для его исправления, для того, чтобы он считал себя несчастным при богатстве своем, а тебе удивлялся при бедности твоей, видя, с какой разборчивостью ты пренебрегаешь им. Но мы, не знаю отчего, сделались рабами людей, тогда как Павел непрестанно внушает: *не будите раби человеком* (1 Кор. VII, 23). Отчего мы сделались рабами людей? Оттого, что наперед сделались рабами чрева, богатства, славы и всего прочего, утратили свободу, которую даровал нам Христос. Что же, скажи мне, будет с тем, кто сделался рабом? Послушай, что говорит Христос: *раб не пребывает в дому во век* (Ин. VIII, 35). Вот решительный приговор, что он никогда не войдет в царство (небесное), — потому что оно именно обозначается этим домом: *в дому же отца моего*, говорит (Господь), *обители многи суть* (Ин. XIV, 2). Таким образом раб не пребывает в доме во век, — рабом называет Он раба греху, — а кто в доме не пребывает во век, тот пребывает во век в геенне, ниоткуда не получая утешения. Но зло дошло до такой степени, что они из подобного имущества подают даже милостыню, и многие принимают. От этого мы лишились дерзновения и уже не можем укорять никого. Будем же хотя отныне убегать зла, которое происходит отсюда; а вы, которые осквернились этой нечистотой, удержитесь от такого зла и обуздайте свое пристрастие к подобным пиршествам, чтобы нам хотя ныне умилостивить Бога и получить обещанные блага,

которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVI

Верою о грядущих благослови Исаак Иакова и Исава. Верою Иаков умирая коегождо сына Иосифова благослови, и поклонися на верх жезла его. Верою Иосиф умирая, о исхождении сынов Израилевых памятствова, и о костех своих заповеда (Евр. XI, 20—22)

1. *Мнози*, говорит (Господь), *пророцы и праведницы вожделеша видети, яже видите, и не видеша, и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мф. XIII, 17). Неужели праведники знали все будущее? Конечно. Если Сын (Божий) не открывался тем, которые не могли принять Его по своей немощи, то без сомнения открывался прославившимся добродетелями. Так и Павел говорит теперь, что они знали будущее, то есть воскресение Христово. Или это он говорит, или слова его: *верою о будущих* относятся не к будущему веку, а к имеющему быть здесь впоследствии. Иначе, как человек, находящийся в чужой земле, мог давать такие благословения? И с другой стороны, почему он, получив благословение, сам не испытал его исполнения? Видишь ли, что и об Иакове можно сказать то же, что я сказал об Аврааме, то есть что он не воспользовался благословением, но плоды этого благословения перешли к его потомкам, а он сам видел их в будущем? Действительно, мы знаем, что брат его жил в большем довольстве. Он проводил всю жизнь в рабстве, работе, опасностях, беспокойствах, огорчениях и страхе, и на вопрос фараона отвечал: *малы и злы быша дние*

мои (Быт. XLVII, 9); а тот — в безопасности и полной свободе, и впоследствии был страшен (для Иакова). Когда же исполнились благословения (данные ему), если не в будущем? Видишь, как порочные издавна наслаждались здешними благами, а праведные — напротив, хотя и не все. Вот Авраам был праведник и наслаждался здешними благами, впрочем со скорбями и искушениями, — у него было только богатство, а все прочие обстоятельства его были исполнены скорбей. Да и невозможно праведнику не испытывать скорбей, хотя бы он и был богатым, — если он готов терпеть потери, несправедливости и все прочее, то по необходимости испытывает скорби. Таким образом он, хотя и наслаждается богатством, но не без скорбей. Почему? Потому, что он чувствует скорби и печали. Если же тогда праведники испытывали скорби, то тем более теперь. *Верою о грядущих*, говорит, *благослови Исаак Иакова и Исава.* Хотя Исав был старший, но он поставляет наперед Иакова — за добродетели его. Видишь, какова была вера (Исаака)? Почему бы в самом деле он обещал сыновьям столь великие блага, если только не по вере в Бога? *Верою Иаков умирая коегождо сына Иосифова благослови.* Здесь надобно бы изложить все его благословения, чтобы яснее открылась и вера его, и пророчество. *И поклонися*, говорит, *на верх жезла его.* Здесь (апостол) показывает, что Иаков не только сказал, но так надеялся на будущее, что показал это и самим делом. Так как от Ефрема имел восстать другой царь, то он и говорит: *и поклонися на верх жезла его*, то есть, будучи уже старцем, он поклонился Иосифу, выражая имеющее быть поклонение ему от всего народа. Это отчасти уже исполнилось, когда ему кланялись братья, но должно было исполниться и после через десять поколений. Видишь, как он предсказал будущее? Видишь, какую праотцы имели веру, как они веровали в будущее? Приводимые здесь

примеры служат примерами, одни — терпения в страданиях и лишении всех благ, каковы относительно Авраама и Авеля, другие — веры в то, что есть Бог и воздаяние, каков пример относительно Ноя. Слово — вера имеет много значений, — оно выражает то одно, то другое; здесь же означает, что будет воздаяние, что не всех ожидает одно и то же, что надобно подвизаться прежде наград. Пример Иосифа есть пример одной веры. Иосиф слышал, что Бог возвестил и обещал Аврааму: *тебе дам и семени твоему землю сию,* и потому, будучи в чужой земле и еще не видя исполнения обещания, не падал духом, но веровал так, что и напоминал об исходе и сделал завещание о костях своих. Таким образом он не только сам веровал, но и других возводил к вере. Для того он и завещал, чтобы они всегда помнили об исходе; и не завещал бы он о костях своих, если бы не был уверен, что будет исход. Если после этого кто-нибудь скажет: вот и праведники заботились о могилах, то мы такому отвечаем: они заботились именно поэтому, а не почему-либо другому, так как знали, что *Господня земля и исполнение ея* (Пс. XXIII, 1). Небезызвестно было это и (Иосифу), жившему в таком любомудрии и проведшему всю жизнь свою в Египте. Он конечно мог бы, если бы захотел, возвратиться оттуда, а не сетовать и скорбеть; если же он, вызвав отца своего туда, завещал вынести оттуда кости свои, то не очевидно ли, что по этой причине?

2. А что же, кости самого Моисея, скажи мне, лежат не в чужой ли земле? Мы не знаем, где лежат кости Аарона, Даниила, Иеремии и многих апостолов. Гробы Петра, Павла, Иоанна и Фомы известны, а столь многих других совершенно неизвестны. Но мы не должны сокрушаться об этом и малодушествовать; где бы мы ни были погребены, *Господня земля и исполнение ея.* Непременно бывает то, что должно быть; проливать же сле-

зы, сокрушаться и оплакивать умерших свойственно малодушию. *Верою Моисей родився сокровен бысть три месяцы от отец своих* (ст. 23). Видишь, как они здесь на земле надеялись на имевшее быть после их смерти? И многое действительно совершилось после их смерти. Это сказано к тем, которые говорят: после их смерти исполняется то, чего они не получили при жизни и на что не надеялись после смерти. Но Иосиф не говорил: Бог не дал (обетованной) земли при жизни ни мне, ни отцу моему, ни деду моему, которого добродетель заслуживала уважения, — как же Он удостоит порочных людей того, чего не удостоил их? Он не говорил так, но превозмог и победил все это верой. Сказав об Авеле, Ное, Аврааме, Исааке, Иакове, Иосифе, которые все славны и знамениты, (апостол) потом еще усиливает утешение, представляя в пример лица неизвестные. Нисколько не удивительно, что так поступали знаменитые лица, и оказаться ниже их не так прискорбно; но прискорбно — оказаться ниже лиц неизвестных. Он начинает с родителей Моисея, людей неизвестных и не имевших ничего такого, что имел сын; а потом, продолжая речь, сильнее выражает нелепость (неверия), указывая на блудных женщин и вдовиц: *верою*, говорит, *Раав блудница не погибе с противльшимися, приимши соглядателей с миром* (ст. 31). Он представляет последствия не только веры, но и неверия, как например, при Ное. Впрочем, нужно сказать о родителях Моисея. Фараон повелел истребить всех младенцев мужского пола, и никто не избег опасности. Почему же они надеялись спасти свое дитя? По вере. Какой вере? *Зане видеша*, говорит, *красно отроча*. Сам вид его располагал их к вере. Так праведнику даруется великая благодать с самого начала, еще с пеленок, и это делает не природа, а Бог. Смотри, в самом деле, новорожденное дитя сразу оказалось прекрасным, а не безобразным. Чье

это было (дело)? Не природы, а благодати Божией, которая подвигла и язычницу египтянку и воодушевила ее так, что она взяла и приняла к себе (младенца). Между тем у них (родителей его) вера не имела достаточного основания, — чего можно было надеяться от одного внешнего вида? А вы, говорит (апостол своим слушателям), веруете от дел, имея много залогов веры; действительно, с радостью принять расхищение имущества и тому подобное, это — дело веры и терпения. Но так как они веровали, а потом стали малодушествовать, то он показывает, что вера древних была продолжительна, как например, вера Авраама, хотя обстоятельства по-видимому препятствовали ей. *И не убояшася*, говорит, *повеления царева.* Хотя оно приводилось в исполнение, но они просто выжидали. Это было делом родителей, а Моисей сам сюда ничего не привнес. Далее опять приводит другой пример, близкий (к слушателям), и даже гораздо более того. Какой именно? *Верою Моисей велик быв, отвержеся нарицатися сын дщере Фараоновы: паче же изволи страдати с людми Божиими, нежели имети временную греха сладость: большее богатство вменив Египетских сокровищ поношение Христово: взираше бо на мздовоздаяние* (ст. 24—26). Он как бы так говорит им: никто из вас не оставил ни царского двора, и двора великолепного, ни таких сокровищ, и не отказался быть царским сыном, когда это было возможно, как сделал Моисей. А что он не просто отказался от этого, (апостол) объяснил, сказав: *отвержеся,* то есть пренебрег, погнушался. Когда предстояло небо, то излишне было бы восхищаться двором египетским.

3. И смотри, как чудно здесь Павел выразился. Он не сказал: считая небо и небесные предметы богатством большим сокровищ египетских, — но что? *Поношение Христово.* Быть поносимым ради Христа он считал лучшим, нежели жить в удовольствиях; это для него само

по себе было наградой. *Паче изволи страдати с людми Божиими.* Вы, говорит, страдаете сами за себя; а он предпочел страдать за других и добровольно подверг себя таким опасностям, тогда как мог бы и жить благочестиво, и пользоваться благами. *Нежели имети временную греха сладость.* Грехом называется здесь нежелание страдать вместе с другими: это, говорит, он считал грехом. Если же он считал грехом неготовность страдать с другими, то следует, что великое благо — страдание, которому он добровольно подвергся, оставив царский двор. Он сделал это, провидя нечто великое. Потому (апостол) и сказал: *большее богатство вменив Египетских сокровищ поношение Христово.* Что значит: *поношение Христово?* То есть такое поношение, которое вы терпите, поношение, которое терпел Христос, или то, что он потерпел за Христа, когда злословили его за камень, из которого он извел воду: *камень же*, говорит, *бе Христос* (1 Кор. X, 4). Когда бывает поношение Христово? Когда мы, оставляя отеческие обычаи, терпим поругание, — когда, страдая, прибегаем к Богу. Так и он терпел поношение Христово, когда слышал: *еда убити мя хощеши, имже образом убил еси вчера Египтянина* (Исх. II, 14)? Поношение Христово в том, чтобы терпеть до конца и до последнего издыхания, подобно как сам Он терпел поношения и слышал: *аще сын еси Божий* (Мф. XXVII, 40), от тех, за кого распинался, от своих соплеменников. Поношение Христово в том, когда кто терпит поношение от своих, от тех, кому благодетельствует. Так и Моисей терпел поношение от того, кому благодетельствовал. Здесь (апостол) ободряет их, показывая, что так терпел Христос и Моисей, два знаменитые лица; это поношение более Христово, нежели Моисеево, так как происходило от своих. И как последний нисколько не противился, так и первый не посылал молний, но, когда Его поносили, Он переносил все

от кивавших своими главами. Так как, вероятно, и они (тогдашние евреи) слышали то же и желали воздаяния, то (апостол) говорит, что Христос и Моисей также страдали. Таким образом жизнь, исполненная удовольствий, есть греховная, а исполненная поношений – Христова. Чего же ты желаешь теперь? Поношения Христова, или удовольствий? *Верою остави Египет, не убоявся ярости царевы: невидимаго бо, яко видя, терпяще* (ст. 27). Как ты говоришь – не убоялся? Писание, напротив, говорит, что, услышав, он убоялся, искал поэтому спасения в бегстве, убежал, скрылся, и после того находился в страхе. Вникни внимательнее в сказанное; слова: *не убоявся ярости царевы* сказаны по отношению к тому, что он после опять предстал (перед царя). Если бы он боялся, то после опять не предстал бы, не принял бы на себя дела ходатайства; а если он принял на себя это дело, то, значит, во всем полагался на Бога. Не сказал: (царь) ищет меня, домогается этого, и я не могу возвратиться. Следовательно и бегство его было делом веры. А почему, скажете, он не остался? Чтобы не подвергать себя предусмотренной опасности. Искушающему (Бога) свойственно бросаться в опасности и говорить: посмотрю, сохранит ли меня Бог. Так говорил и Христу диавол: *верзися низу* (Мф. IV, 6). Видишь, что диавольское это дело – подвергать себя опасностям тщетно и напрасно, и испытывать, сохранит ли нас Бог? (Моисей) не мог защищать тех, которые были так непризнательны к его благодеяниям; следовательно нелепо и безрассудно было бы оставаться там. Все же это он совершал потому, что *невидимаго яко видя терпяше*. Так и мы, если будем всегда созерцать Бога умом, если будем постоянно помнить об Нем, то для нас все окажется легким, все сносным, все мы будем переносить удобно и станем выше всего. Ведь, если при виде любимого человека и даже при воспоминании об нем,

наша душа ободряется и ум возвышается, и все мы переносим легко, услаждаясь этим воспоминанием, — то имеющий в уме Того, кто удостоил нас истинной любви, и памятующий об Нем может ли чувствовать какую-нибудь скорбь, или бояться чего-нибудь страшного и опасного? Будет ли он когда-нибудь малодушествовать? Никогда. Для нас все представляется трудным потому, что мы не помним о Боге, как должно, не имеем Его постоянно в уме своем. Он справедливо мог бы сказать нам: ты забыл Меня, и Я забуду тебя. Так происходит двоякое зло: мы забываем Его, и Он — нас. Эти два обстоятельства, хотя тесно соединены между собой, все же остаются двумя. А велико дело, чтобы Бог помнил об нас, велико и то, чтобы мы помнили об Нем; от одного зависит избрание добра, от другого — преуспевание в нем и окончание. Поэтому говорит пророк: *помянух тя от земли Иордански и Ермониимски, от горы малыя* (Пс. XLI, 7), Так говорил народ израильский, находясь в Вавилоне: *тамо помяну тя.*

4. Так должны говорить и мы, подобно жившим в Вавилоне. Хотя мы живем и не между (чужеземными) неприятелями, но также находимся среди врагов. И из тех одни жили, как пленники, а другие не чувствовали плена, как например, Даниил и три отрока. Они, находясь в плену, были в этой стране славнее самого царя, который пленил их; и пленивший поклонился плененным. Видишь, как велика добродетель? В самом плену (царь) служил им, как господам; следовательно он был более пленником, нежели они. Не так было бы удивительно, если бы он поклонился им, придя в их отечество, или если бы они там царствовали. Удивительно то, что сделавший их узниками, взявший в плен и имевший их в своей власти на виду у всех не постыдился поклониться им и принести жертву. Видите, как поистине славны дела Божии, а дела человеческие — тьма?

Не знал он, что уводил (в плен) господ себе и ввергал в печь тех, которым должен был поклониться; а для них все бедствия были как бы сон.

Будем же бояться Бога, возлюбленные, будем бояться Его, – и тогда, хотя бы мы попали в плен, будем славнее всех. Пусть будет присущ нам страх Божий, – и тогда ничто не опечалит нас, будет ли то бедность, или болезнь, или плен, или рабство, или что-нибудь другое прискорбное, но даже и это все станет содействовать нам к достижению противоположного. Те были пленниками, и царь поклонился им; Павел был скинотворец, и ему хотели принести жертву, как Богу. Здесь представляется вопрос, – многие спрашивают: почему апостолы отвергли жертвоприношение, разодрали свои одежды, удержали народ от этого намерения и со слезами говорили: *что сия творите? и мы подобострастни есмы вам человецы* (Деян. XIV, 15), а Даниил ничего подобного не сделал? Что он был муж смиренный и не менее их воздавал славу Богу, это видно из многого. И, во-первых, особенно видно из того, что он был любим Богом; если бы он присвоил себе божескую честь, то Бог не попустил бы ему остаться в живых, не говорю уже благоденствовать; во-вторых, из того, что он с великим дерзновением говорил: *и мне, царю, не премудростию, сущею во мне, открыся тайна сия* (Дан. II, 30); в-третьих, из того, что он был во рву для Бога и, когда пророк принес ему пищу, то он сказал: *помянул мя еси Боже* (Дан. XIV, 38), – таково было у него смирение и сокрушение! Он был во рву для Бога, и считал себя недостойным того, чтобы (Бог) помнил об нем и услышал его. А мы, дерзая совершать бесчисленное множество нечистых дел и будучи преступнее всех, отступаем (от Бога), если только не услышана первая наша молитва. Поистине, великое расстояние между ними и нами, как между небом и

землей, или еще более. Что говоришь ты, (пророк)? После столь многих подвигов, после чуда, совершившегося во рву, ты считаешь себя так уничиженным? Да, говорит; что бы мы ни делали, мы *раби неключими есмы* (Лк. XVII, 10). Так он исполнял евангельскую заповедь еще прежде ее изречения, и считал себя ничтожным. Бог вспомнил обо мне, – говорил он. И сама молитва его, смотри, какого исполнена смирения. Так говорили и три отрока: *согрешихом, беззаконновахом* (Дан. III, 29), и всегда проявляли свое смирение. Даниил имел бесчисленное множество поводов превозноситься, но знал, что все это было у него потому, что он не превозносился, и не губил сокровища. Все люди и вся вселенная прославляли его не потому только, что царь, повергшись ниц перед ним, принес ему жертву, но потому, что признавал его богом тот, кого самого считали богом вселенной, как видно из слов пророка Иеремии: *одеяй землю, яко ризу*, и еще: *Аз дах* ю *Навуходоносору* рабу моему (Иер. XXVII, 6). И из его писаний также видно, что ему удивлялись не только там, где он жил, но и везде, и когда он писаниями засвидетельствовал рабство и чудо, то стал еще более известным, нежели как если бы прочие народы сами видели его у себя. Равным образом, удивлялись и мудрости его: *еда*, говорит (пророк), *премудрее ты еси Даниила* (Иез. XXVIII, 3)? И после всего этого он был так смирен, что готов был тысячу раз умереть за Владыку.

5. Почему же, при таком смирении, он не отверг как поклонения ему от царя, так и жертвы? Об этом я не скажу: для меня довольно только предложить вопрос, а остальное предоставляю вам, чтобы хотя таким образом возбудить ум ваш. Итак, увещеваю вас предпринимать все по страху Божию, имея столько примеров того, что мы непременно получим и здешние блага, если искренне будем стремиться к будущим. А что

(Даниил) поступил так не по гордости, это видно из слов, которые он сказал: *даяния твоя с тобою да будут* (Дан. V, 17). Здесь опять представляется другой вопрос: почему он, отказавшись на словах, на деле принял эту честь и стал носить цепь? Ирод, слышавший слова: *глас Божий, а не человечь* (Деян. XII, 22), и не воздавший славы Богу, расторгся так, что вывалились внутренности его; а он (Даниил) принял божескую честь, и не на словах только. Здесь необходимо объяснить, что это значит. Там народ мог впасть в большее идолопоклонство, а здесь – нет. Почему? Потому, что когда (Даниила) считали таким, то честь относилась к Богу, как он сам наперед сказал: и *мне не премудростию, сущею во мне, открыся* (Дан. II, 30). С другой стороны, и не видно, чтобы он принял жертвоприношение. Хотя царь сказал, что надобно принести жертву, но не видно, чтобы это было приведено в исполнение. А там уже привели волов для жертвоприношения, и назвали одного (апостола) Юпитером, другого Меркурием. Цепь же он принял для того, чтобы сделать себя заметным (для других). Но почему он по-видимому не отверг жертвы? Там еще не совершили (жертвоприношения), а только приступали, и однако апостолы воспрепятствовали; потому и здесь следовало бы остановить дело; притом там был весь народ, а здесь царь. Почему пророк не отклонил, об этом я сказал прежде, – то есть потому, что он приносил ему жертву не как Богу, ко вреду богопочтения, а по случаю великого чуда. Как так? Он издал такое повеление ради Бога, исповедав тем Его владычество; следовательно не отнимал у Него чести. А те не так: они считали самих (апостолов) богами, потому и были удержаны.

Кроме того (Навуходоносор) наперед поклонился, и потом уже поступил так; а поклонился он ему не как Богу, но как мудрому человеку. Впрочем и не видно,

чтобы он принес жертву; если же и принес, то против воли Даниила. Также: почему Навуходоносор назвал его Валтасаром – именем самого Бога? Так мало (язычники) уважали богов своих, что и пленнику дал это имя тот, кто всем повелевал поклоняться различным и разнообразным истуканам и почитал дракона. При том вавилоняне были гораздо неразумнее листрян; потому невозможно было тотчас же образумить их. И многое можно было бы сказать здесь, но пока и этого довольно. Итак если мы хотим получить все блага, то будем искать благ Божиих. Как ищущие мирских благ теряют и те, и другие, так и предпочитающие блага Божии получают и те, и другие. Будем же искать последних, а не первых, чтобы нам сподобиться обещанных благ во Христе Иисусе Господе нашем.

БЕСЕДА XXVII

Верою сотвори Пасху и пролитие крове, да не погубляяй перворожденная коснется их. Верою преидоша Чермное море, аки по сусе земли; егоже искушение приемше Египтяне истопишася. Верою стены иерихонския падоша, обхождением седмих дней. Верою Раав блудница не погибе с сопротивлшимися, приимше соглядателей с миром (Евр. XI, 28–31)

1. Много предметов Павел обыкновенно раскрывает среди (своей речи) и бывает обилен мыслями. Такова благодать Духа: она не заключает во множестве слов мало мыслей, но в кратких словах излагает много великих мыслей. Смотри, как он, предлагая по порядку увещания и беседуя о вере, напоминает о таком прообразе и таинстве, которого истина – у нас. *Верою*, говорит, *сотвори Пасху и пролитие крове, да не погубляяй перворожденная коснется их*. Что значит: *пролитие крове?* В домах был закалаем агнец, и кровью его помазывались поро-

ги; это служило ограждением от погибели, назначенной египтянам. Потому, если кровь агнца сохраняла иудеев невредимыми среди египтян и во время такой опасности, то тем более может спасти нас кровь Христова, которой помазуются не пороги, но души наши, — потому что и ныне губитель ходит вокруг нас среди настоящей глубокой ночи. Оградим же себя этой жертвой. Пролитием называет помазание, так как и нас Бог извел из Египта, из тьмы, из идолопоклонства. Средство было не важно, а действия его велики; средство — кровь, а действия — спасение, ограждение, избавление от погибели. Ангел убоялся крови, так как знал, чего она была прообразом; он убоялся, уразумев смерть Владычную, почему и не коснулся порогов. Моисей сказал: помажьте (пороги), и евреи помазали, и, помазав, были уверены в безопасности. А вы, имея кровь самого Агнца (Божия), не уверяетесь? *Верою преидоша Чермное море, аки по сусе земли.* Опять сравнивает с народом целый народ, чтобы мы не говорили, что не можем быть святыми. *Верою*, говорит, *преидоша Чермное море, аки по сусе земли: егоже искушение приемше Египтяне истопишася.* Здесь он приводит им на память бедствия египетские. Как — *верою?* Они надеялись перейти через море и молились о том, или лучше, молился Моисей. Видишь, как вера всегда превышает рассуждения, немощь и ничтожество человеческие? Видишь, что они, как скоро уверовали, то и избавились от бедствия — и при помазании кровью дверей, и в Чермном море? Очевидно, что это была вода, так как (египтяне), войдя в нее, потонули; следовательно, это не призрак был, а действительность. Как растерзанные львами и сожженные в печи доказывают, что это была действительность, так и здесь видно действительное событие, послужившее одним во славу и спасение, а другим в погибель. Вот какое большое благо — вера!

Она спасает нас и тогда, когда мы приходим в безвыходное положение, когда угрожает нам сама смерть, когда наши обстоятельства отчаянны. Действительно, что тогда оставалось им делать? Египтяне и море окружали их безоружных, и надлежало или бежать и утонуть, или попасть в руки египтян; но (вера) спасла их из этого безвыходного положения. Вода разостлалась перед ними, как суша, а тех потопила, как море; для них она забыла законы природы, а против тех вооружилась. *Верою стены иерихонския падоша, обхождением седмих дней.* Трубные звуки никак не могут разрушить каменных стен, хотя бы кто трубил тысячу лет; а вера может делать все!

2. Видишь ли, как (вера) всегда не следует порядку или законам природы, но совершает все неожиданно? Так и здесь все было неожиданно. Сказав неоднократно, что надобно верить надеждам на будущее, (апостол) всю эту речь составил так, что делается ясным, как не только ныне, но и издревле все чудеса совершались и получались ею (верой). *Верою Раав блудница не погибе с сопротивлшимися, приимши соглядателей с миром.* Стыдно, если в вас окажется веры менее, нежели в блуднице. Она, услышав слова вестников, тотчас поверила, почему и последствия были таковы: когда все погибли, она одна спаслась. Не говорила она сама в себе: останусь со многими другими, коими (согражданами); не сказала: могу ли я быть умнее столь многих разумных мужей, которые не верят, а я поверю? Не сделала она ничего такого, что другой мог бы сказать и сделать, но поверила сказанному. *И что еще глаголю? не достанет бо ми повествующу времени* (ст. 32). (Апостол) более не приводит примеров, но, окончив блудницей и пристыдив качеством этого лица, не распространяется более в повествованиях, чтобы не показаться многословным; впрочем и не (совершенно) оставляет их, но весьма муд-

ро перечисляет их мимоходом, достигая двоякой пользы – избегая излишества и не нарушая полноты. Он и не умалчивает совершенно и не наскучивает многословием, но избегает того и другого. Когда кто усильно доказывает что-нибудь и слишком распространяется в доказательствах, тогда он становится в тягость слушателю, уже убежденному, наскучивает ему и изобличает свое честолюбие. Ведь нужно сообразоваться с пользой. *И что еще глаголю? не достанет бо ми повествующу времени о Гедеоне, Вараце же и Сампсоне и Иеффаи, о Давиде же и Самуиле, и о пророцех.* Некоторые осуждают Павла за то, что он поставил Варака, Сампсона и Иеффая на этом месте. Но что говоришь? Разве он мог не упомянуть об них, упомянув о блуднице? Здесь речь идет не о прочих обстоятельствах их жизни, но о том, была ли у них вера, сияли ли они верой. *И о пророцех, иже верою победита царствия* (ст. 33). Видишь ли, что (апостол) не свидетельствует здесь об их славной жизни? Не в этом здесь преимущественно состоит и вопрос, а раскрывается вера. Именно, спрашивается: верой ли они совершали все? *Верою,* говорит он, *победиша царствия,* бывшие при Гедеоне. *Содеяша правду.* Кто? Те же самые. Или правдой он называет здесь человеколюбие. *Получиша обетования.* Думаю, что это сказал он о Давиде. Какие же обетования получил он? Те, которые заключались в словах, что семя его сядет на престоле его (Пс. CXXXI, 11). *Заградиша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острея меча* (ст. 34). Смотри, как находились в смертной опасности – Даниил, окруженный львами, три отрока, бывшие в печи, Авраам, Исаак и Иаков – в различных искушениях, и однако не отчаивались. Такова вера: когда обстоятельства противодействуют, тогда и должно верить, что нет ничего противодействующего, а все соответственно. *Избегоша острея меча.* Думаю, что и это сказал он также о трех отроках. *Возмогоша от немощи, быша*

крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждих. Здесь он разумеет обстоятельства исхода из плена вавилонского. *От немощи,* то есть от плена. Когда обстоятельства иудеев находились в отчаянном положении, когда они нисколько не отличались от мертвых костей, тогда и произошло возвращение их (из плена). Кто в самом деле мог надеяться, что они выйдут из Вавилона, и не только выйдут, но сделаются сильными и обратят *в бегство полки чуждих?* Но с нами, скажут, ничего такого не случилось. Но все это – прообразы будущего. *Прияша жены от воскресения мертвых своих* (ст. 35). Здесь он говорит о пророках Елисее и Илие, которые воскрешали мертвых. *Инии же избиени быша, не приемше избавления, да лучшее воскресение улучат.* Но мы, скажут, не сподобились видеть воскресения. Но, говорит, я могу указать и таких мужей, которые были замучены, не получив освобождения, *да лучшее воскресение улучат.* Почему, скажи мне, они не захотели (оставаться в живых), тогда как могли жить? Не потому ли, что ожидали лучшей жизни? Те, которые воскрешали других, сами предпочли умереть, чтобы получить лучшее воскресение, а не такое, какого удостоились дети тех жен. Здесь, мне кажется, он разумеет Иоанна (Крестителя) и Иакова, потому что избиением обозначается отсечение головы. Они могли бы взирать на свет солнечный, могли бы не делать обличений, и однако решились умереть; и те, которые воскрешали других, сами избрали себе смерть, чтобы получить лучшее воскресение. *Друзии же руганием и ранами искушение прияша, еще же и узами и темницею, камением побиени быша, претрени быша, искушени быша* (ст. 36, 37).

3. Он оканчивает тем, что́ более близко (к слушателям), потому что особенное утешение получается тогда, когда представляется скорбь, происходившая от одинаковой причины, а если ты будешь говорить, хотя бы

весьма сильно, но о такой скорби, которая происходила не от одинаковой причины, то ничего не сделаешь. Поэтому он и оканчивает речь указанием на узы, темницы, бичевания, побиение камнями, разумея бывшее со Стефаном и Захарией: *убийством,* прибавляет он, *меча умроша.* Что говоришь ты? Одни *избегоша острея меча,* а другие *убийством меча умроша?* Что же это значит? Что́ ты превозносишь? Чему удивляешься? Первому, или последнему? Поистине, говорит, тому и другому. Первому потому, что оно близко к вам; а последнему потому, что́ вера оказывала свою силу при самой смерти, и это есть прообраз будущего. То и другое — чудеса веры: и то, что она совершает великие дела, и то, что терпит великие бедствия и не думает о страданиях. Ты не можешь, говорит, сказать, что это были люди грешные и ничтожные; нет, если бы даже ты противопоставил им целый мир, то увидел бы, что они перетягивают весы и оказываются более важными. Потому он и сказал так: *ихже не бе достоин мир* (ст. 38). Что же могли бы получить здесь в награду те, которых достойного нет ничего в мире? Здесь (апостол) возвышает их ум, научая не прилепляться к настоящему, но помышлять о том, что выше всех предметов настоящей жизни, если весь мир недостоин их. Что же ты желаешь получить здесь? Обидно было бы, если бы ты получил награду здесь. Итак, не будем думать о мирском, не станем искать воздаяния здесь, не будем столь жалкими. Если весь мир недостоин их, то для чего ты домогаешься части его? И это справедливо, потому что они — друзья Божии. Миром же называет здесь или людей, или само творение. Писание обыкновенно называет так и то, и другое. Если, говорит, взять все творение вместе с людьми, и тогда оно не сравняется с ними в достоинстве, — и справедливо. Как тысячи мер сена и соломы не могут сравниться в цене с десятью жемчужинами,

так — и с ними: *лучше бо един творяй волю Господа, нежели тысящи грешник* (Сир. XVI, 3). Под тысячами здесь разумеется не какое-либо известное число, но неопределенное множество. Представь, как много значит праведник. *Рече Иисус Навин: да станет солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Елом,* и было так (И. Нав. X, 12). Пусть выйдет вся вселенная, или даже две, три, четыре, десять, двадцать вселенных, пусть скажут и сделают это: нет, они не смогут! А друг Божий повелевал творениями Друга, или, лучше сказать, просил Друга, и служебные силы подчинялись ему, дольний повелевал горними. Видишь, что эти силы существуют для служения и исполняют определенное назначение? Такое дело больше Моисеева. Что именно? То, что не одно и то же повелевать морем, и силами небесными. И первое важно, даже весьма важно, но не может сравниться с последним. А отчего это совершилось, послушай. Отчего же? Имя Иисуса было прообразом Христа. Потому-то, то есть, так как он имел прообразовательное имя — Иисус, творение устрашилось самого имени. Как, разве никто другой не назывался Иисусом? Но он был назван этим именем, как прообразом; его звали прежде Авсием, а потом переменено ему имя, и это было предсказанием и пророчеством. Он ввел народ (израильский) в землю обетованную, как Иисус Христос (вводит нас) на небо. Ни закон, ни Моисей не сделали этого, но остались вне; закон не может вводить туда, но благодать. Видишь, как преобразования были предначертаны издревле? (Иисус Навин) повелевал природой, или лучше, главной частью природы, сам находясь на земле, чтобы ты, видя Иисуса (Христа) в образе человека, изрекающего то же самое, не смущался и не изумлялся. Тот, еще при жизни Моисея, обращал в бегство врагов; этот, и при существовании закона, управляет всем, хотя и не открыто. Впрочем, посмотрим, как сильна добродетель святых.

4. Если здесь они совершают такие дела, если здесь действуют так, как ангелы, то что там? Какую там они имеют славу? Может быть, каждый из вас хотел бы быть таким, чтобы повелевать солнцем и луной. Здесь заметим; что сказали бы при этом те, которые утверждают, будто небо есть круглое тело? Почему он не сказал: *да станет солнце,* но прибавил: *прямо Гаваону, и луна прямо дебри Елом,* то есть, чтобы день сделался больше? То же было и при Езекии: солнце возвратилось назад (Ис. XXXVIII, 8). Но последнее чудеснее первого, то есть что солнце пошло опять в противоположную сторону, не совершив еще своего течения. А мы, если захотим, можем достигнуть большего. Что в самом деле обещал нам Христос? Не останавливать солнце, или луну, не возвращать назад солнце, – а что? *Аз и Отец мой к нему приидем,* говорит Он, *и обитель у него сотворим* (Ин. XIV, 23). Какая мне нужда в солнце и луне и в этих чудесах, если сам Владыка всего сойдет ко мне и поселится у меня. Нет мне в том нужды. Какая мне нужда во всем этом? Он сам будет для меня солнцем, луной и светом. Скажи мне: чего бы ты хотел, придя в царский дворец, – того ли, чтобы иметь возможность переставливать вещи, прикрепленные (к своему месту), или быть в такой близости к царю, чтобы он склонился сам прийти к тебе? Не более ли (хотел бы ты) последнего, нежели первого? Что же? Разве не удивительно, что человек повелевает так же, как и Христос? Но Христос, скажешь, при этом не имеет нужды в Отце, а действует собственною властью. Так; исповедуй же наперед и скажи, что Он не имеет нужды в Отце и действует собственной властью; тогда и я спрошу тебя, или лучше, научу тебя касательно молитвы, которую Он произносил, что она была делом Его снисхождения и домостроительства, – ведь Христос, конечно, был не менее Иисуса Навина, – и что Он может научать нас и без

молитвы. Как учителя, когда ты слышишь его лепечущим и перечисляющим буквы, ты не называешь незнающим, и когда он спрашивает: где такая-то буква? — ты понимаешь, что он спрашивает не по незнанию, а потому, что хочет вразумить учащегося, — так и Христос совершал молитву, не имея нужды в молитве, но желая научить тебя — быть постоянно внимательным к молитве, совершать ее непрестанно, бодрственно и неусыпно. Под неусыпностью я разумею не только то, чтобы пробуждаться ночью, но чтобы и днем бодрствовать в молитвах: такой именно человек называется неусыпным. И ночью молясь, можно спать, и днем, не молясь, можно бодрствовать, когда душа бывает устремлена к Богу, когда она понимает, с Кем беседует и к Кому обращено ее слово, когда содержит в уме, что ангелы предстоят Ему со страхом и трепетом, — а сам-то (человек) приступает, зевая и почесываясь.

Великое оружие — молитва, если она совершается с надлежащими мыслями. Чтобы тебе уразуметь ее силу, обрати внимание на следующее: непрестанная молитва преодолела бесстыдство, несправедливость, жестокость и грубость: *слышите*, сказал (Господь), *что судия неправды глаголет* (Лк. XVIII, 6). Она преодолела леность, и чего не сделала дружба, то сделала непрестанная молитва: *аще и не даст ему*, сказал (Господь), *зане друг ему есть, но за безочство его возстав даст ему* (Лк. XI, 8). И недостойную (жену) непрестанная молитва сделала достойной: *несть добро*, сказал (Господь), *отъяти хлеба чадом, и поврещи псом. Она же рече: ей, Господи: ибо и пси ядят от трапезы господей своих* (Мф. XV, 26, 27).

5. Будем же прилежны в молитве; она представляет великое оружие, если совершается усердно, без тщеславия, от искреннего сердца; она обращала в бегство врагов; она оказывала благодеяние целому народу и притом недостойному: *вопли их услышах*, говорит (Бог), *и*

снидох изъяти их (Исх. III, 7, 8); она – спасительное лекарство, предохраняющее от грехов и исцеляющее от преступления; к ней прибегала и оставленная всеми вдова. Потому, если мы будем молиться со смирением, если будем ударять себя в грудь, подобно мытарю, если будем произносить, подобно ему, слова: *милостив буди мне грешнику* (Лк. XVIII, 14), то получим все. Правда, мы не мытари; но у нас есть другие грехи, не меньшие его (грехов). Не говори мне, что ты грешен в малом; всякое (греховное) дело в существе своем одинаково. Как убийцей одинаково называется и тот, кто убил дитя, и тот, кто убил мужа, так и любостяжательным – любостяжательный и в малом, и в великом. И злопамятство – не малый, но великий грех: *путие злопомнящих*, говорит (Премудрый), *в смерть* (Притч. XII, 28); и (Христос говорит): *гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть геенне,* равно как и говорящий брату своему: *рака* или *уроде,* и тому подобное (Мф. V, 22). Мы недостойно причащаемся страшных тайн, завидуем, злословим; а некоторые из нас часто и упиваются. Каждое из этих дел само по себе достаточно для того, чтобы лишить нас царства (небесного); а если они соединятся вместе, то какое мы можем иметь оправдание? Много нам нужно каяться, возлюбленные, много молиться, много терпеть, много оказывать усердия, чтобы получить обещанные нам блага. Будем же говорить и мы: *милостив буди мне грешнику;* или лучше – не говорить только, но и думать так; и если кто другой будет обличать нас, не станем гневаться. Тот (мытарь) слышал (как об нем было сказано): *несмь, якоже сей мытарь* (Лк. XVIII, 11), и не раздражился, но пришел в сокрушение, – получил оскорбление, но сам не отвечал оскорблением. Тот открыл его рану, а он нашел лекарство. Будем же говорить: *милостив буди мне грешнику,* и когда другой скажет нам то же, не будем досадовать.

Если же мы, хотя сами признаем за собой много дурного, но, слыша это от других, негодуем, то это уже не есть смирение и исповедание, а честолюбие и тщеславие. Неужели, скажешь, называть себя самого грешником значит тщеславиться? Да; этим путем мы приобретаем славу людей смиренных, становимся предметом удивления, похвал; а если бы мы стали говорить о себе противное, то заслужили бы презрение. Так мы и это дело совершаем из тщеславия.

В чем же состоит смирение? В том, чтобы переносить, когда кто-нибудь другой поносит нас, сознавать грех свой, терпеть злословие. Впрочем, и это было бы знаком не столько смирения, сколько благоразумия. Между тем мы теперь хотя сами себя называем грешными, недостойными, и говорим многое другое, но если кто-нибудь другой скажет об нас что-либо подобное, то мы раздражаемся, свирепеем. Видишь ли, что у нас нет исповедания грехов и даже благоразумия? Ты сам называешь себя таким; не досадуй же, когда слышишь то же от других, когда обличают тебя другие. Когда другие поносят тебя, тогда через это обличаются грехи твои; они на себя налагают бремя, а тебя приводят к любомудрию. Послушай, что́ говорил блаженный Давид, когда проклинал его Семей: *оставите его: Господь рече ему, негли призрит на смирение мое: и возвратит ми Господь благая, вместо клятвы его в днешний день* (2 Цар. XVI, 11, 12). А ты, сам о себе говоря много дурного, негодуешь, если не слышишь себе от других тех похвал, какие воздаются великим праведникам. Не видишь ли, что ты шутишь в делах нешуточных? Так мы отклоняем похвалы из желания других похвал, чтобы после получить большие похвалы, чтобы нам еще более удивлялись. Так, не допуская похвал, мы делаем это для увеличения их; и все вообще делается у нас из тщеславия, а не по правде. Потому-то у нас все пусто,

все неверно. Итак, увещеваю вас, удержимся хотя ныне от источника зол — тщеславия, и станем жить богоугодно, чтобы нам сподобиться и будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА XXVIII

Проидоша в милотех, в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин мир сей: в пустынях скитающеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастех земных (Евр. XI, 37, 38)

1. И всегда, но особенно когда я размышляю о подвигах святых, мне приходит на мысль — осуждать свои дела; мы и во сне не испытывали того, в чем эти мужи провели все время, не в наказание за грехи, но постоянно совершая добрые дела и постоянно подвергаясь скорбям. Представь Илию, о котором теперь начинается у нас речь; а о нем здесь говорит (апостол) в словах: *проидоша в милотех,* и им оканчивает примеры, не оставляя, впрочем, и других, так как и для них то же самое было делом обыкновенным. Сказав об апостолах, что они *убийством меча умроша и каменнием побиени быша,* он опять восходит к Илие, который пострадал подобно им. Так как они еще не имели такого мнения об апостолах, то он предлагает увещание и утешение в примере того, кто был вознесен и кому они весьма удивлялись. *Проидоша,* говорит, *в милотех, в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин мир* сей. По преизбытку скорбей они не имели, говорит, ни одежды для прикрытия себя, ни города, ни дома, ни убежища, подобно как и Христос говорил о Себе: *сын человеческий не иматъ где главы подклонити* (Мф. VIII, 20). Что я говорю: ни убежища? Даже покоя. И в пустынях они не находили покоя: не сказал (апостол), что они пребывали в пусты-

нях, но что и там скитались и оттуда были изгоняемы, не только из обитаемых стран, но и из необитаемых. Здесь он упоминает и о местах, где они находились, и о том, что там происходило с ними: *лишени*, говорит, *скорбяще*. Вас, говорит, осуждают за Христа; то же делали и с Илией: но за что его осуждали, гнали, преследовали и заставляли томиться голодом? То же самое и они тогда терпели, как он говорит в другом месте, что братья рассудили послать страждущим ученикам: *по елику кто имеяше что, изволиша кийждо их на службу послати живущим во Иудеи братиям* (Деян. XI, 29). Так было с ними. *Озлоблени*, говорит, то есть страдая, подвергаясь изгнаниям, опасностям. То же самое было и с ними. А слова: *проидоша в пустынях скитающеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастех земных*, означают не что иное, как то, что они скитались, подобно беглецам и переселенцам, подобно людям, виновным в тяжких преступлениях и недостойным взирать на солнце, и даже в пустынях не находили убежища, но постоянно должны были бегать, должны были искать пристанища, должны были живыми зарываться в землю, постоянно подвергаться страху. *И сии вси послушествовани бывше верою, не прияша обетования, Богу лучшее что о нас предзревшу, да не без нас совершенство приимут* (ст. 39, 40). Какая же, говорит, награда за такую надежду? Какое воздаяние? Великое, и столь великое, что даже не может быть выражено словом: *ихже*, говорит, *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим его* (1 Кор. II, 9). Но они еще не получили этого, еще ожидают, скончавшись в таких скорбях. Уже прошло столько времени, как они остались победителями, и еще не получили награды; а вы, находясь еще в подвиге, сетуете? Подумайте, что значит и чего стоит Аврааму и апостолу Павлу ожидать, когда ты достигнешь совершенства, чтобы тогда иметь возможность

получить награду. Спаситель предсказал, что Он не даст им награды, пока мы не придем, подобно тому, как чадолюбивый отец говорит благонравным и исполнившим свое дело детям, что не даст им есть, пока не придут их братья. А ты сетуешь, что еще не получил награды? Что же делать Авелю, который прежде всех победил и остается неувенчанным? Что — Ною? Что — другим, жившим в те времена и ожидающим тебя и тех, которые будут после тебя?

Видишь, что мы имеем преимущество перед ними? Поэтому хорошо сказал (апостол): *Богу лучшее что о нас предзревшу*. Чтобы не казалось, будто они имеют преимущество перед нами в том, что увенчиваются первые, (Бог) определил увенчать всех в одно время, и тот, кто победил за столько лет, получит венец вместе с тобой. Видишь ли попечение (о нас Божие)? И не сказал: да не без нас будут увенчаны, но: *да не без нас совершенство приимут;* значит — тогда они и совершенными окажутся. Они предупредили нас в подвигах, но не предупредят в получении венцов; и это не есть несправедливость к ним, но честь нам, так как и они ожидают своих братьев. Если все мы — одно тело, то для этого тела более удовольствия, когда оно увенчается всецело, а не по частям. Праведники потому и достойны удивления, что они радуются благам братьев так же, как своим собственным. И они сами желают — быть увенчанными с другими своими членами, потому что в общем прославлении — великое удовольствие. *Темже убо и мы толик имуще облежащ нас облак свидетелей* (XII, 1).

2. Писание часто заимствует утешение в бедствиях от обыкновенных явлений, как, например, когда пророк говорит: *от зноя, от жестости и дождя* избавит тебя (Ис. IV, 6), и Давид: *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию* (Пс. CXX, 6). Так (и апостол) здесь говорит,

что как облако своего тенью защищает того, кого палят жгучие лучи, так и воспоминание о святых восстановляет и укрепляет душу, удрученную бедствиями. Не сказал: висящий над нами, но: *облежащ нас,* что́ означает более и показывает, что, облегая кругом, (это облако свидетелей) делает нас более безопасными. Свидетелями же он называет не только новозаветных мужей, но и ветхозаветных, потому что и они свидетельствовали о величии Божием, как, например, три отрока, современники Илии и все пророки. *Бремя всякое отложше.* Какое — *всякое?* То есть сон, нерадение, низкие помыслы, все человеческое. *И удобообстоятельный грех. Удобообстоятельный,* говорит, то есть или удобно овладевающий нами, или удобно побеждаемый; лучше последнее, так как мы можем, если захотим, легко победить грех. *Терпением,* говорит, *да течем на предлежащий нам подвиг.* Не сказал: будем бороться, или: будем ратовать, или: будем сражаться, но что всего легче на поприще, то и поставляет на вид. Не сказал также: усилим течение, но: будем терпеливы в том же самом течении, не будем ослабевать. *Да течем,* говорит, *на предлежащий нам подвиг.* Потом представляет главное утешение, которое он предлагает и прежде, и после, — Христа: *взирающе,* говорит, *на начальника веры и совершителя Иисуса* (ст. 2). Так и сам Христос постоянно говорил ученикам: *аще господина дому Веельзевула нарекоша, кольми паче домашния его* (Мф. X, 25)? и еще: *несть ученик над учителя, ниже раб над господина своего* (ст. 24). *Взирающе,* говорит, то есть, чтобы нам научиться подвигам, будем взирать на Христа. Как во всех искусствах и упражнениях мы смотрим на учителей и таким образом напечатлеваем искусство в душе своей, при помощи зрения извлекая для себя некоторые правила, — так точно и здесь. Если мы хотим подвизаться и научиться подвизаться хорошо, то будем взирать на Христа, начальника веры и совершителя

Иисуса. Что это значит? То есть Он внедрил в нас веру, Он положил начало, как и Христос говорил ученикам своим: *не вы мене избрасте, но аз избрах вас* (Ин. XV, 16); и Павел говорит: *тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. XIII, 12). Если же Он сам положил в нас начало, то Он же совершит и конец. *Иже вместо предлежащия ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив*, то есть Он мог бы и не страдать, если бы захотел, потому что Он *беззакония не сотвори, ниже обретеся лесть во устех его* (Ис. LIII, 9), как и сам Он говорит в Евангелии: *грядет мира князь, и во мне не имать ничесоже* (Ин. XIV, 30). Следовательно, Он мог бы, если бы захотел, не идти на крест: *область имам*, говорит Он, *душу мою положити, и область имам паки прияти ю* (Ин. X, 18). Если же Он, не имея никакой нужды быть распятым, распялся для нас, то не тем ли более справедливо нам переносить все мужественно? *Иже вместо предлежащия ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив*. Что значит: *о срамоте нерадив?* Он избрал, говорит, поносную смерть. Пусть Он умер: но для чего поносной смертью? Не для чего иного, как для того, чтобы научить нас – ставить ни во что славу человеческую. Потому Он и избрал такую (смерть), не будучи причастен греху, чтобы научить нас мужественно встречать ее и ставить ее ни во что. Почему не сказал: о скорби, но: *о срамоте?* Потому что (Христос) переносил это не со скорбью. Что же наконец? Послушай, что говорит далее: *одесную же престола Божия седе*. Замечаешь победную награду? То же говорит Павел и в другом послании: *темже и Бог его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисус Христове всяко колено поклонится* (Флп. II, 9, 10). Это говорит он (о Христе) по плоти. Впрочем, если бы и не было никакой награды, то этого примера достаточно было бы для убеждения нас – переносить все; ныне же предлагаются нам и

награды, и не какие-нибудь, а великие и неизреченные. Итак, когда мы будем терпеть что-нибудь подобное, то прежде, чем на апостолов, будем взирать на Христа. Почему? Потому что вся жизнь Его была исполнена скорбей: Он часто слышал, как называли Его беснующимся, обманщиком, чародеем. Иногда иудеи говорили: *несть сей от Бога* (Ин. IX, 16); а иногда: *ни, но льстит народы* (Ин. VII, 12); и еще: *льстец он рече, еще сый жив: по триех днех востану* (Мф. XXVII, 63); в чародействе обвиняли Его, говоря: *о Веельзевуле изгонит бесы* (Мф. XII, 24), и в том, что Он беснуется и имеет беса: не правду ли сказали мы, говорили, что Он *беса имать и неистов есть* (Ин. X, 20)? И такие отзывы выслушивал Он от них, в то время, когда оказывал благодеяния, совершал чудеса, являл дела Божии. Если бы Он выслушивал это, не делая ничего подобного, то не было бы удивительно; но если Он, научая истине, был называем обманщиком, — изгоняя бесов, был порицаем как имеющий беса, — истребляя все противное, был провозглашаем за чародея, — то не крайнее ли это удивительно? Действительно, на Него непрестанно возводили такие обвинения.

3. Если хочешь знать и те насмешки и порицания, которые были направлены против Него и которые особенно возмущают наши души, то послушай, как смеялись, во-первых, над Его происхождением: *не сей ли,* говорили, *есть тектонов сын, егоже мы знаем отца и матерь? и братия его не вся ли в нас суть* (Мф. XIII, 55; Ин. VI, 24)? И над отечеством Его смеялись, говоря, что Он — из Назарета, и выражаясь так: *испытай и виждь, яко пророк от Галилеи не приходит* (Ин. VII, 52). Но Он переносил все эти насмешки. Говорили также: *не Писание ли рече, яко от Вифлеемския веси Христос приидет* (VII, 42)? Хочешь ли видеть и те оскорбления, которые были наносимы Ему при самом кресте? Кланялись Ему в насмеш-

ку, били и заушали Его и говорили: *прорцы нам, кто есть ударей тя* (Мф. XXVI, 68); подносили уксус и говорили: *аще сын еси Божий, снииди со креста* (Мф. XXVII, 40). Даже раб архиерейский ударил Его, а (Господь) сказал: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что мя биеши* (Ин. XVIII, 23)? Издеваясь над Ним, одели Его в хламиду и плевали Ему в лицо, и постоянно ругались над Ним, искушая Его. Хочешь ли видеть обвинения против Него, и тайные и явные, и со стороны учеников? *Еда и вы хощете ити* (Ин. VI, 67)? – говорил Он им; и: *беса ли имаши?* – говорили уже уверовавшие (Ин. VII, 20). Разве Он, скажи мне, не удалялся постоянно то в Галилею, то в Иудею? Не от пеленок ли подвергался Он многим искушениям? Не младенцем ли Он был, когда мать, взяв Его, убежала в Египет? Потому (Павел) и говорит: *взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса, иже вместо предлежащия ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же престола Божия седе.* Будем же взирать на Него, равно и на (страдания) учеников Его, читая и внимая тому, что говорит Павел: *в терпении мнозе, в скорбях, в бедах,* в гонениях, *в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениих, в пощениих, в трудех, во очищении, в разуме* (2 Кор. VI, 4–6); и еще: *до нынешняго часа и алчем, и жаждем, и наготуем, и страждем, и скитаемся, и труждаемся, делающе своими руками: укоряеми, благословляем; гоними, терпим: хулими, молим* (1 Кор. IV, 11–13). Может ли из нас кто-нибудь сказать, что он перенес хотя малейшую часть таких страданий? Мы, говорит он, как обманщики, как бесчестные, как ничего не имеющие (2 Кор. VI, 10); и еще: *от Иудей пятькраты четыредесять разве единыя приях: трищи палицами биен бых, единою каменми наметан бых, нощь и день во глубине сотворих, в путных шествиих множицею,* в скорбях, в тесноте, в голоде (2 Кор. XI, 24–26). А что все это угодно было Богу, о том послушай, как он сам говорит: *о сем трикраты*

Господа молих, и рече ми: довлеет ти благодать моя: сила бо моя в немощи совершается (2 Кор. XII, 8, 9). *Темже*, говорит, и *благоволю в немощех, в досаждениих, в бедах, в теснотах*, в ранах, в темницах, *да вселится в мя сила Христова* (2 Кор. XII, 10, 9). И сам Христос, послушай, что говорит: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33). *Помыслите убо*, продолжает (апостол), *таковое пострадавшаго от грешник на себе прекословие, да не стужаете, душами своими ослабляеми* (ст. 3). Справедливо он прибавил это, потому что если страдания ближних ободряют нас, то какого утешения не доставят нам страдания Владыки? Чего не сделают с нами? И заметь, как он, не исчисляя всего, в этом прибавлении обозначил все словом: *прекословие;* заушения, насмешки, оскорбления, поношения, поругания, все это он назвал прекословием, и не только это, но и все то, что было во всю жизнь Его учительства. Будем же, возлюбленные, постоянно вспоминать об этом, будем ночью и днем содержать это в мыслях своих, зная, что это принесет нам великие блага, что мы получим отсюда великую пользу.

Великое, действительно великое утешение для нас страдания Христа и апостолов. Этот путь к добродетели (Христос) считал столь прекрасным, что и сам шел по нему, не имея в том нужды; скорбь признавал Он так полезной для нас, как бы она была источником радости. Послушай в самом деле, что сам Христос говорит: *иже не приимет креста своего, и в след мене грядет, несть мене достоин* (Мф. X, 38). Таким наставлением Он внушает как бы следующее: если ты ученик, то подражай учителю, — это свойственно ученику. Если же Он шел по скорбному пути, а ты идешь по радостному, то ты идешь не по тому пути, по которому Он шел, а по другому. Какой же ты последователь, когда не следуешь? Какой ты ученик, когда не подражаешь учителю? Так и Павел говорит: *мы немощни, вы же крепцы: мы безчестни,*

вы же славни (1 Кор. IV, 10). Согласно ли, говорит, с разумом — иметь вам противоположные с нами стремления, и вместе быть вам учениками, а нам учителями? Итак, возлюбленные, великое благо — скорбь; она производит два величайшие дела, очищает грехи и делает нас мужественными.

4. Но что, скажешь, если она преодолеет и погубит? Нет, не скорбь делает это, а наша леность. Как так? Если мы будем бодрствовать, если будем молить Бога, чтобы Он не попустил нам *искуситися паче еже* можем (1 Кор. X, 13), если всегда будем преданы Ему, то мы устоим мужественно и выдержим борьбу. Пока мы будем иметь Его своим помощником, до тех пор хотя бы искушения сильнее всяких бурь нападали на нас, они будут для нас сеном и листьями, легко уносимыми (ветром). Послушай Павла, который говорит: *во всех сих препобеждаем* (Рим. VIII, 37); и еще: *непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. VIII, 18); и еще: *еже бо ныне легкое печали, по преумножению в преспеяние тяготу вечную славы соделовает нам* (2 Кор. IV, 17). Смотри, какие опасности, кораблекрушения, непрестанные скорби и все тому подобное он называет легким, и подражай этому адаманту, как бы совершенно не облеченному телом. Ты находишься в бедности? Но не в такой, в какой был Павел, искусившийся и в голоде, и в жажде, и в наготе; и не один только день он терпел это, а переносил постоянно. Откуда это известно? Послушай, как он сам говорит: *до нынешняго часа и алчем, и жаждем, и наготуем* (1 Кор. IV, 11). О, сколько терпел (этот муж), уже прославившийся проповедью, уже двадцать лет подвизавшийся к тому времени, как он писал это. *Вем*, говорит, *человека прежде лет четыренадесяти, аще в теле, аще ли кроме тела, не вем* (2 Кор. XII, 2); и в другом месте: *по триех летех взыдох во Иерусалим* (Гал. I, 18). И еще, послушай, как он говорит:

добрее мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит (1 Кор. IX, 15). И не только так, но еще, послушай, что он говорит: *якоже отреби миру быхом* (1 Кор. IV, 13). Что хуже голода, холода, козней от братий, которых, впрочем, он называет лжебратиями? Не называли ли его и губителем вселенной, и обольстителем, и обманщиком? Не били ли его бичами? Будем же содержать это в уме, возлюбленные, будем помышлять об этом, будем помнить это, и мы никогда не падем духом, хотя бы нас обижали, хотя бы грабили, хотя бы причиняли тысячи других бедствий. Дай Бог нам благоденствовать на небесах, а все здешнее сносно; дай Бог нам достигнуть блаженства там, а все здешнее нисколько не важно. Это – тень и сновидение; каково бы оно ни было, но в сравнении с будущим и ожидаемым в нем нет ничего тяжкого ни по качеству, ни по времени. Что можем мы сравнить с тамошними мучениями, с огнем неугасаемым, с червем неумирающим? Что здешнее можно сравнить со скрежетом зубов, заключением во тьму кромешную, яростью, печалью, воздыханием? А в отношении времени, что значат даже десятки тысяч лет сравнительно с беспредельными и нескончаемыми веками? Не малая ли это капля перед беспредельной бездной? А тамошние блага? Они несравненно превосходнее здешних: *ихже око не виде*, говорит (апостол), *и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). И они также будут продолжаться в бесконечные веки. Поэтому ужели не стоит для них тысячекратно пострадать, быть убитым, быть сожженным, претерпеть тысячи смертей, перенести все, что только есть ужасного и на словах, и на деле? Ведь если (может случиться, что) мы будем жить сгорая в огне, то не следует ли перенести все, чтобы удостоиться тех обещанных благ?

Но для чего я напрасно говорю это людям, которые не хотят даже отказаться от привязанности к деньгам,

считают их как бы бессмертными и, если подадут только малое из многого, то думают, что уже исполнили все? Нет, это — не милостыня; милостыня — (подаяние) той вдовы, которая пожертвовала *все житие свое* (Мк. XII, 44). Если же ты не хочешь подать столько, сколько эта вдова, то отдай по крайней мере все лишнее; пусть будет у тебя всего достаточно, но без излишества. Но никто не подает даже и лишнего; а пока ты имеешь множество слуг и шелковые одежды, то все это лишнее. Нет ни нужды, ни пользы в том, без чего мы можем жить; это — лишнее и извне привходящее. Посмотрим же, если угодно, без чего мы не можем жить. Если мы имеем только двоих слуг, то можем жить. Ведь если некоторые живут вовсе без слуг, то какое мы можем иметь оправдание, не довольствуясь двумя? Мы можем иметь и кирпичный дом с тремя комнатами, и этого будет для нас достаточно; разве, скажи мне, нет людей, которые с детьми и женой занимают только одну комнату? Пусть же будут у тебя, если хочешь, двое слуг. Но не стыдно ли, говорят, свободной женщине ходить с двумя только слугами? Нет, не с двумя слугами стыдно ходить свободной, а стыдно ходить с многими. Может быть, вы смеетесь, слушая это. Поверьте, стыдно ходить с многими. Точно какие продавцы овец, или торговцы невольниками, вы считаете чем-то важным — ходить в сопровождении множества слуг. Это — гордость и тщеславие; а то — благоразумие и скромность. Свободной женщине нужно отличаться не множеством идущих за ней: что за добродетель — иметь много невольников? Это несвойственно нашей душе; а что несвойственно душе, то не делает ее свободной. Когда она довольствуется немногим, тогда она истинно свободна; а когда нуждается во многом, тогда она — раба и хуже невольников.

5. Скажи мне: ангелы не одни ли обтекают вселенную и нуждаются ли в ком-нибудь, кто бы следовал за

ними? Неужели потому они, не нуждающиеся в этом, хуже нас, нуждающихся? Если же не иметь нужды в сопровождающих свойственно ангелам, то кто ближе к ангельской жизни, — та ли, которая имеет нужду во многих слугах, или которая — в немногих? И разве это стыдно? Стыдно делать что-нибудь порочное. Кто, скажи мне, более обращает на себя внимание находящихся на площади, — та ли, которую сопровождают многие, или которую — немногие? А еще более этой, сопровождаемой немногими, — не та ли, которая выходит одна, без всякой пышности? Видишь ли, как первое постыдно? Кто более обращает на себя внимание находящихся на площади, — та ли, которая носит красивые одежды, или та, которая одевается просто и неизысканно? Кто более обращает на себя внимание находящихся на площади, — та ли, которая едет на мулах, с позолоченными покровами, или та, которая выходит просто и как случилось, но с приличием? Не правда ли, что на последнюю мы не обращаем особенного внимания, хотя и видим ее, а первую не только многие стараются увидеть, но и спрашивают: кто это такая и откуда? Не стану говорить, сколько отсюда рождается зависти. Что же, скажи мне, стыднее — быть, или не быть предметом наблюдения? Когда бывает более стыдно, — когда все смотрят на нее, или когда никто не смотрит, — когда стараются узнать о ней, или когда нисколько не заботятся? Видишь ли, что не из стыда, а из тщеславия мы делаем все это. Впрочем, вас невозможно отучить от этого, и потому для меня довольно будет внушить вам, что простота не постыдна. Постыден один грех, которого никто не считает постыдным, а скорее считает таким все другое, кроме греха. Одежды должны быть у нас сообразные потребности, а не излишние; впрочем, чтобы нам не слишком опечалить вас, внушаю только, что у нас не должны быть ни позолоченные одежды, ни

тонкие покровы. Не я говорю это, не мои это слова, но блаженного Павла, который, послушай, как увещевает жен украшать себя: *не в плетениих, ни златом, или бисерми, или ризами многоценными* (1 Тим. II, 9). Чем же, Павел, научи нас? Может быть, скажут, что одни только золотые одежды драгоценны, а шелковые не драгоценны; научи же нас, чем именно? *Имеюще же*, говорит он, *пищу и одеяние, сими довольни будем* (1 Тим. VI, 8). Одежда должна быть такова, чтобы только прикрывала; для того Бог и дал нам ее, чтобы мы прикрывали наготу, а это может делать и всякая недорогая одежда. Может быть, теперь и смеетесь вы, нося шелковые одежды. Поистине, это достойно смеха. Что заповедал Павел, и что делаем мы? Не к одним только женам я обращаю свое слово, но и к мужьям. Все, что мы имеем, кроме этого, есть лишнее. Одни только нищие не имеют лишнего, но и те, может быть, но необходимости, так что, если бы можно было, то и они не отказались бы. Впрочем, по наружности ли только, или в действительности, по крайней мере они не имеют лишнего. Так и мы будем носить одежды, удовлетворяющие необходимости. В самом деле, к чему служит обилие золота? Это прилично действующим на сцене; это — одежда их, тех распутных женщин, которые делают все для того, чтобы выставиться. Пусть наряжается актриса или танцовщица; ей хочется привлечь к себе всех. А посвятившая себя благочестию не так должна украшаться; у нее есть другое украшение, гораздо лучшее.

И у тебя есть свое зрелище; украшайся прилично этому зрелищу; облекайся в этот наряд. Какое же твое зрелище? Небо, лик ангелов. Говорю не об одних только посвятивших себя девству, но и о мирских; для всех, верующих во Христа, открыто это зрелище. Будем же говорить то, чем можно доставить удовольствие этим зрителям, и одеваться так, чтобы они радовались. Ска-

жи мне, в самом деле, если бы блудница, оставив золотые украшения и одежды, смех, шуточные и непристойные выражения, оделась в простую одежду и украсила себя неизысканно, если бы она вышла и стала говорить благочестивые речи, беседовать о целомудрии и не произносить ничего неприличного, — то не встали ли бы все, не нарушилось ли бы зрелище, не выгнали ли бы ее вон, как не умеющую применяться к народу и говорящую о том, что чуждо этому сатанинскому зрелищу? Так, если и ты, одевшись в свойственные ей одежды, войдешь на зрелище небесное, то зрители изгонят тебя вон. Там нужны не эти золотые одежды, а другие. Какие же? Те, о которых говорит пророк: *рясны златыми одеяна, преиспещрена* (Пс. XLIV, 14). Не тело нужно делать белым и блестящим, но украшать душу, потому что она подвизается и борется. *Вся слава дщере царевы внутрь*, говорит (пророк). Так украшай себя. Тогда ты избавишься от множества и других зол, освободишь и мужа от забот и себя от хлопот; тогда ты будешь и почтенна в глазах мужа, — если не станешь нуждаться во многом.

6. Всякий человек обыкновенно гордится перед теми, которые нуждаются в нем; а когда видит не имеющих в нем нужды, тогда умеряет гордость и говорит с ними, как с равными. Так и муж, если увидит, что ты ничего не требуешь от него, что ты не дорожишь его подарками, то, хотя бы он был крайне высокомерен, будет уважать тебя гораздо более, нежели видя тебя одетую в золотые одежды, и ты уже не будешь больше его рабой. В ком мы имеем нужду, тому по необходимости подчиняемся; если же воздержим себя, то не будем ему подвластны, и он поймет, что мы по страху Божию оказываем ему некоторое повиновение, а не за (подарки) его. Между тем теперь он поступает как бы оказавший нам великие благодеяния и, какой бы чести ни

удостаивался от нас, думает, что еще не вся честь воздана ему; а тогда, если он удостоится хотя малой чести, будет благодарен, не станет упрекать и сам не будет вынужден предаваться любостяжанию для тебя. Что может быть безрассуднее, как собирать золотые украшения для того, чтобы показывать их в банях и на торжищах? Но, впрочем, еще может быть нисколько не удивительно, что (это делается) в банях и на торжищах; а весьма смешно входить и в церковь одетой таким образом. К чему входит сюда в золотых украшениях та, которая должна здесь выслушать, что нужно украшаться *ни златом, или бисерми, или ризами многоценными* (1 Тим. II, 9)? Для чего же ты, жена, входишь сюда? Не спорить ли с Павлом и доказать, что, хотя бы он тысячу раз говорил это, ты не исправишься? Не обличать ли нас – учителей и показать, что мы напрасно говорим об этом? Скажи мне: если какой-нибудь язычник и неверный, услышав приведенное место, где блаженный Павел убеждает жен не украшаться *ни златом, или бисерми, или ризами многоценными,* и имея жену верную, увидит, что она много заботится об украшении себя и наряжается в золотые одежды, чтобы идти в церковь, то не скажет ли он самому себе, когда она одевается и убирается в своей спальне: зачем жена моя остается в спальне? Зачем медлит? Зачем надевает золотые (украшения)? Куда хочет идти? В церковь? Для чего? Для того, чтобы услышать: не украшайте себя *ризами многоценными?* Не станет ли он после этого смеяться? Не будет ли издеваться? Не сочтет ли наше (учение) шуткой и обманом? Потому, увещеваю вас, предоставим золотые (украшения мирским) торжествам, зрелищам и модным лавкам; образ же Божий должен украшаться не этим; свободная должна украшаться свободой; а свобода чужда гордости и тщеславия. Таким образом, ты приобретешь славу и от людей, если хочешь приобрес-

ти ее. Жене мужа богатого мы не столько удивляемся тогда, когда она одета в золотые и шелковые одежды, — это обыкновенно для всех, — сколько тогда, когда она будет одета в одежду простую и неизысканную, сделанную из одной только шерсти; этому все будут удивляться, этому станут рукоплескать. В украшении себя золотыми и драгоценными одеждами она имеет себе много сообщниц (делающих то же); если она превзойдет одну, ее превзойдет другая; если превзойдет всех, и тогда не сравнится с самой царицей. А тогда она превзойдет всех, и даже саму жену царя, потому что она одна при великом богатстве изберет свойственное бедным. Так, если даже мы домогаемся славы, то здесь больше славы. Говорю это не одним вдовам и богатым, — здесь ведь, кажется, и само вдовство заставляет поступать так, — но и замужним. Но иначе, скажешь, я не буду нравиться мужу? Не мужу ты хочешь нравиться, а множеству беднейших жен, или лучше сказать, не нравиться, а унижать их и оскорблять и тем увеличивать их бедность. И какие хулы произносятся из-за тебя! Бедность, говорят, не должна быть; Бог ненавидит нуждающихся, Бог не любит бедных. А что ты не мужу хочешь нравиться и не для него наряжаешься, это очевидно для всех из твоих собственных поступков. Как только ты переступаешь порог спальни, тотчас снимаешь все, и одежды, и золотые (украшения), и драгоценные камни, и дома, конечно, не носишь их. Если же в самом деле ты хочешь нравиться мужу, то можешь нравиться скромностью, кротостью, честностью; и поверь мне, жена, как бы муж твой ни был низок и невоздержан, гораздо более удержит его твоя скромность, честность, простота, бережливость, умеренность. Развратного (мужа) не удержишь, хотя бы ты придумывала тысячи подобных (украшений); это знают те, которые имели таких мужей; и как бы ты ни

наряжалась, этот развратник уйдет к другой; а целомудренному и скромному угодишь не этим, но совершенно противным; этим только оскорбишь его, внушив ему подозрение своей привязанностью к нарядам. Если муж, по скромности и благоразумию, и не скажет этого, то все же осудит тебя тайно, и от огорчения и досады не удержится. Таким образом не лишаешь ли ты себя всякого удовольствия, возбуждая против себя ненависть?

7. Может быть, вы с негодованием слушаете сказанное, огорчаетесь и говорите: он еще более раздражает мужей против жен. Нет, я говорю это не с тем, чтобы раздражить мужей, но желая, чтобы вы поступали так добровольно для вас самих, а не для них, — не с тем, чтобы их избавить от досады, но чтобы вас отклонить от житейских прихотей. Ты желаешь казаться красивой? И я желаю этого, но только — той красотой, которой требует Бог, красотой, которой хочет Царь (небесный). Кого ты желаешь иметь любовником — Бога или людей? Если ты будешь прекрасна этой красотой, то Бог *возжелает доброты твоея* (Пс. XLIV, 12); а если — той без этой, то Он отвернется от тебя, любовниками же твоими будут развратные люди, потому что недобрый человек тот, кто любит замужнюю женщину. Так рассуждай и о внешних украшениях. То украшение, украшение душевное, привлекает Бога; а это (украшение телесное) — людей развратных. Видишь, что я беспокоюсь о вас, забочусь о вас, о том, чтобы вы были прекрасными, истинно прекрасными и истинно славными, чтобы вместо людей развратных вы имели любовником Владыку всех Бога? А имеющая Его любовником кому подобна? Она в ангельском хоре. Если возлюбленная царя считается блаженной больше всех, то чего удостаивается та, которую любит Бог великой любовью? Если противопоставить ей целую

вселенную, то ничто не сравнится с красотой ее. Будем же заботиться об этой красоте, будем украшаться этим украшением, чтобы нам войти на небеса, в духовные обители, в нетленный брачный чертог. Красота телесная от всего повреждается, и если даже хорошо сохраняется, если ни болезнь, ни заботы не искажают ее, — что впрочем невозможно, — и тогда она не продолжается и двадцати лет; а эта (красота душевная) всегда цветет, никогда не увядает; она не боится никакой перемены, ни наступившая старость не наводит на нее морщин, ни приключившаяся болезнь не заставляет увядать, ни беспокойная забота не вредит, но она выше всего этого. Напротив, та (красота телесная) не успеет появиться, как уже исчезает, и, появившись, возбуждает удивление не во многих. Люди благонравные не удивляются ей, а удивляются только невоздержные. Будем же заботиться об этой красоте, а не о той; будем ее приобретать, чтобы нам войти в брачный чертог с горящими светильниками. Не девам только это заповедано, но душам девственным; если бы это было заповедано просто девам, то другие пять не были бы отвергнуты. Следовательно, это относится ко всем, кто девствен душой, кто чужд житейских попечений, — а эти попечения развращают души. Потому, если мы останемся чистыми, то войдем туда и будем приняты.

Обручих бо вас, говорит, *единому мужу, деву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2). Не девам сказал он это, а целому обществу Церкви. Нерастленная душой есть дева, хотя бы она и имела мужа; она девственна истинной, чудной девственностью; само телесное девство есть последствие и тень этой девственности, а она есть истинное девство. Будем же приобретать ее, и мы тогда будем в состоянии взирать на жениха с светлым лицом, войти с горящими светильниками, если у нас не оскудеет этот елей, если мы растопим золотые (украше-

ния) и извлечем из них елей, который делает светильники горящими; а этот елей есть человеколюбие. Если мы уделим другим из нашего имущества, если сделаем из него елей, тогда он поможет нам, и мы не станем говорить в то время: *дадите нам елеа, яко светильницы наши угасают,* не будем нуждаться в других, не будем исключены, отойдя к продающим, и не услышим, стуча в двери, тех страшных и ужасных слов: *не вем вас;* но будем признаны, войдем вместе с женихом и, войдя в духовный брачный чертог, будем наслаждаться бесчисленными благами (Мф. XXV, 8–12). Если и здесь чертог жениха бывает так блестящ и брачные покои так прекрасны, что никто из зрителей не может насмотреться, то не тем ли более там? Небо есть брачный покой, а чертог Жениха лучше неба; туда мы и войдем. Если же так прекрасен чертог Жениха, то каков сам Жених? Но что я говорю: сняв золотые (украшения), отдадим их нуждающимся? Если бы нужно было даже продать самих себя, из свободных сделаться рабами, для того, чтобы иметь возможность быть вместе с этим Женихом, наслаждаться Его красотой, или только взирать на лицо Его, то не должно ли было бы с охотой исполнить все это? Для того, чтобы видеть только земного царя, мы часто за взгляд на него бросаем все, что у нас под руками, и даже самое необходимое; для Царя же и вместе Жениха, небесного, для того, чтобы не только удостоиться видеть Его, но и предшествовать Ему со светильниками, быть близ Него и оставаться с Ним навсегда, чего не должно делать, чего совершить, чего перенести? Потому, увещеваю вас, будем хотя несколько стремиться к этим благам, будем любить этого Жениха, будем девственными истинным девством; а Владыка желает от нас девственности душевной. С ней мы войдем на небо, не имея *скверны или порока, или нечто от таковых* (Еф. V, 27), и получим обещанные

нам блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIX

Не у до крове стасте, противу греха подвизающеся: и забысте утешение, еже вам яко сыном глаголет: сыне мой, не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей от него обличаем. Егоже бо любит Господ, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог. Который бо есть сын, егоже не наказует отец (Евр. XII, 4—7)?

1. Есть два рода утешения, которые, по-видимому, противоположны между собой, но взаимно много подкрепляют друг друга; оба (апостол) и приводит здесь. Именно: один состоит в том, когда мы говорим, что некоторые люди много пострадали: душа делается спокойной, если находит многих соучастников своих страданий. Это (апостол) представил выше, когда сказал: *воспоминайте первыя дни, в нихже просветившеся, мног подвиг подъясте страданий* (Евр. X, 32). Другой состоит в том, когда мы говорим: ты немного пострадал: такими словами мы ободряемся, возбуждаемся и делаемся более готовыми — терпеть все. Первое успокоивает изнуренную душу и доставляет ей отдых; а второе возбуждает ее от лености и беспечности и отклоняет от гордости. Так, чтобы от приведенного свидетельства не родилась у них гордость, смотри, что (Павел) делает: *не у до крове*, говорит, *стасте, противу греха подвизающеся: и забысте утешение.* Он не вдруг высказал последующие слова, но наперед представил им всех, подвизавшихся

до крове, затем заметил, что страдания Христовы составляют славу, и потом уже удобно перешел (к последующему). Так он и в послании к Коринфянам говорит: *искушение вас не достиже, точию человеческое*, то есть малое (1 Кор. X, 13), потому что таким именно образом душа может пробудиться и ободриться, когда она представит, что еще не всего достигла, и убедится в том предшествующими событиями. Смысл слов его следующий: вы еще не подверглись смерти, вы только потеряли имущество и славу, вы только потерпели изгнание; Христос пролил кровь свою за вас, а вы и за себя не пролили ее; Он даже до смерти стоял за истину, подвизаясь за вас, а вы еще не подвергались опасностям, угрожающим смертью. *И забысте утешение*, то есть опустили руки, ослабели. *Не у до крове*, говорит, *стасте, противу греха подвизающеся*. Здесь он показывает, что и грех сильно нападает и также вооружен, – слово: *стасте* говорится к стоящим. *Еже вам яко сыном глаголет: сыне мой, не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей от него обличаем.* Представив утешение от дел, теперь он сверх того прибавляет утешение от изречений, от приведенного свидетельства: *ниже ослабей*, говорит, *от него обличаем*. Итак, это – дело Божие, а немало доставляет утешения то, когда мы убеждаемся, что случившееся могло произойти по действию Божию, по Его попущению. Так и Павел говорит: *о сем трикраты Господа молих, и рече ми: довлеет ти благодать моя: сила бо моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 8, 9). Следовательно, Он сам попускает это. *Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет.* Ты не можешь, говорит, сказать, что есть какой-нибудь праведник, не терпевший скорбей, и хотя нам так кажется, но иных скорбей мы не знаем. Следовательно, всякому праведнику необходимо пройти путем скорби. И Христос сказал, что *пространный и широкий путь вводит в пагубу, а узкий и тесный в живот*

(Мф. VII, 13, 14). Если же войти в жизнь можно только таким образом, а иначе невозможно, то следует, что тесным путем шли все те, которые вошли в жизнь. *Аще наказание терпите*, говорит, *якоже сыновом обретается вам Бог. Который бо есть сын, егоже не наказует отец?* Если (Бог) наказывает вас, то для исправления, а не для истязания, не для мучения, не для страданий. Смотри, как (апостол) тем самым, из-за чего они считали себя оставленными, внушает им уверенность, что они не оставлены, и как бы так говорит: претерпевая такие бедствия, вы уже думаете, что Бог оставил и ненавидит вас? Нет, если бы вы не страдали, тогда следовало бы опасаться этого, потому что если Он *биет всякаго сына, егоже приемлет*, то небитый, быть может, не сын. Но как, скажете, разве злые люди не страдают? Конечно, страдают, — как же иначе? — но он не сказал: всякий битый есть сын, а: всякий сын бывает бит. Потому ты не можешь говорить: есть много и злых людей, которых бьют, например, человекоубийцы, разбойники, чародеи, гробокопатели. Они бывают наказываемы за собственные злодеяния; они бывают не биты, как сыны, но наказываемы, как злодеи; а вы — как сыны. Видишь ли, как он отовсюду заимствует доказательства, — и от событий, упоминаемых в Писании, и от изречений, и от собственных рассуждений, и от примеров, случающихся в жизни? Далее указывает еще и на общее обыкновение: *аще же*, говорит, *без наказания есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове* (ст. 8).

2. Видишь ли, что, как я и выше сказал, сыну невозможно оставаться ненаказанным? Как в семействах отцы не заботятся о детях незаконнорожденных, хотя бы они ни чему не учились, хотя бы никогда не сделались известными, о законных же сыновьях заботятся, чтобы они не были беспечными, — так и в настоящем

случае. Потому, если не быть наказанными свойственно детям незаконнорожденным, то нужно радоваться наказанию, как знаку истинного родства. Поэтому самому (апостол) и говорит: *якоже сыновом обретается вам Бог. К сим, плоти нашей отцы имехом наказатели, и срамляхомся: не много ли паче повинемся Отцу духовом, и живи будем* (ст. 9)? Опять заимствует ободрение от собственных их страданий, которые они сами терпели. Как там говорил: *воспоминайте первыя дни*, так и здесь говорит: *якоже сыновом обретается вам Бог*, – вы не можете сказать, что вы не в состоянии переносить, и при том *якоже сыновом возлюбленным*. Если же (дети) повинуются плотским родителям, то как вы не будете повиноваться Отцу небесному? Притом здесь не в этом только различие и не в лицах только, но и в самих побуждениях и действиях. Не по одному и тому же побуждению наказывают Он и они (Бог и плотские родители). Потому (апостол) и прибавляет: *они бо в мало дней, якоже годе им бе, наказоваху* (ст. 10), то есть они часто делают это для собственного удовольствия и не всегда имея в виду пользу, здесь же нельзя этого сказать, так как (Бог) делает это не из каких-нибудь собственных видов, а для вас, единственно для вашей пользы; те наказывают, чтобы вы и для них были полезны, а нередко и напрасно, здесь же не бывает ничего подобного. Видишь, какое и отсюда происходит утешение? Мы в особенности привязываемся к тем, в которых видим, что они не из каких-нибудь собственных видов приказывают нам, или дают наставление, но все их заботы клонятся к нашей пользе. Тогда-то и бывает искренняя любовь, любовь настоящая, когда кто любит нас, несмотря на то, что мы совершенно бесполезны для любящего. Так и (Бог) любит нас не для того, чтобы получить что-либо от нас, но чтобы дать нам: Он наказывает, делает все, принимает все меры к тому, чтобы

мы сделались способными к принятию Его благ. *Они бо*, говорит (апостол), *в мало дней, якоже годе им бе, наказоваху: а сей на пользу, да причастимся святыни его.* Что значит: *святыни его?* То есть чистоты, чтобы мы сделались достойными Его, по возможности. Он заботится, чтобы вы приняли, и употребляет все меры к тому, чтобы дать вам, а вы не стараетесь о том, чтобы принять. *Рех*, говорит (Псалмопевец), *Господеви: Господь мой еси ты, яко благих моих не требуеши* (Пс. XV, 2). *К сим*, говорит, *плоти нашей отцы имехом наказатели, и срамляхомся: не много ли паче повинемся Отцу духовом, и живи будем? Отцу духовом*, – говорит так, разумея или дары (духовные), или молитвы, или бесплотные Силы. Если с таким (расположением духа) мы умрем, то и получим жизнь. Хорошо он сказал: *они в мало дней, якоже годе им бе, наказоваху*, потому что угодное людям не всегда бывает полезно, *а сей на пользу.*

3. Следовательно, наказание полезно; следовательно, наказание доставляет святость. И, конечно, так. Ведь, если оно истребляет леность, порочные пожелания, привязанность к предметам житейским, если оно сосредоточивает душу, если располагает ее презирать все здешнее, а отсюда и происходит скорбь, то не свято ли оно, не привлекает ли оно благодати Духа? Будем же постоянно представлять себе праведников и помнить, почему все они прославились, и всех раньше не Авель и Ной: разве не посредством скорбей? Да и невозможно, чтобы один праведник не скорбел среди такого множества нечестивых. *Ное*, говорит Писание, един *совершен сый в роде своем, Богу угоди* (Быт. VI, 9). Подумай: если теперь, имея такое множество мужей, и отцов, и учителей, добродетелям которых мы можем подражать, мы, однако, испытываем столько скорбей, то как должен был страдать он, будучи один среди столь многих. Но говорить ли мне о том, что было во время чудного

и необыкновенного потопа? Говорить ли об Аврааме, о том, что ему случалось терпеть, как-то: о непрестанных его странствованиях, лишении жены, опасностях, сражениях, искушениях? (Говорить ли) об Иакове, сколько бедствий он перенес, будучи отовсюду изгоняем, трудясь напрасно и изнуряя себя для других? Нет нужды перечислять все его искушения; довольно будет привести свидетельство, которое он сам высказал в беседе с фараоном: *малы и злы дние мои, и не достигоша во дние отец моих* (Быт. XLVII, 9). Говорить ли об Иосифе, Моисее, Иисусе (Навине), Давиде, Самуиле, Илие, Данииле и всех пророках? Ты найдешь, что все они прославились посредством скорбей. А ты, скажи мне, хочешь прославиться посредством удовольствий и роскоши? Но это невозможно. Говорить ли об апостолах? И они превзошли всех скорбями. Но что я говорю? Сам Христос тоже сказал: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33); и еще: *восплачетеся и возрыдаете вы: мир же возрадуется* (Ин. XVI, 20).

Узкий и тесный путь вводяй в живот (Мф. VII, 14). Господь этого пути сказал, что он узок и тесен; а ты ищешь широкого. Не безрассудно ли это? Потому ты и не достигнешь жизни, что идешь другим путем, а достигнешь погибели, потому что избрал путь, ведущий туда. Хочешь ли, я расскажу и представлю тебе людей, преданных роскоши? От позднейших обратимся к древнейшим. Богач, горящий в огне, иудеи, преданные чреву, для которых чрево было богом, которые в пустыне постоянно искали наслаждений, — почему погибли? Подобно современникам Ноя, не потому ли, что избрали эту роскошную и развратную жизнь? Также и содомляне (погибли) за чревоугодие: *в сытости*, сказано, *хлеба сластолюбствоваша* (Иез. XVI, 49). Так сказано о содомлянах. Если же пресыщение хлебом произвело столько зла, то что сказать о других наслаждениях? Не был ли

невоздержен Исав? Не таковы ли были те из сынов Божиих, которые прельстились женами и увлеклись в пропасть? Не таковы ли были те, которые удовлетворяли похоти на мужчинах? И все цари языческие, вавилонские, египетские, не бедственно ли окончили жизнь? Не преданы ли они мучению? Но не то же ли, скажи мне, бывает и теперь? Послушай, что говорит Христос: *иже мягкая носящии, в домех царских суть* (Мф. XI, 8); а те, которые не носят таких одежд, те – на небесах. Мягкая одежда расслабляет и твердую душу, изнеживает и расстраивает; и как бы ни было крепко и сильно тело, которое она облекает, от такой роскоши оно скоро делается изнеженным и слабым. Скажите мне: почему, думаете вы, женщины бывают так слабы? Неужели только от природы? Нет, но и от образа жизни и от воспитания: их делают такими изнеженное воспитание, праздность, омовения, намащения, изобилие ароматов, мягкое ложе. И чтобы тебе понять это, послушай, что я скажу. Из кучи дерев, растущих в пустыне и колеблемых ветрами, возьми какое-нибудь растение и посади на место влажное и тенистое, – и ты увидишь, как оно сделается хуже, нежели каким ты взял его сначала. А что это справедливо, доказательством служат женщины воспитывающиеся в деревнях; они бывают гораздо крепче городских мужчин и могли бы преодолеть многих из них. А когда тело делается изнеженным, то по необходимости вместе с ним и душа испытывает то же зло, потому что отправления души по большей части соответствуют состоянию тела. Во время болезней мы бываем иными по причине расслабления, а во время здоровья опять иными. Как в музыкальных инструментах, когда струны издают звуки мягкие и слабые и они нехорошо натянуты, то уменьшается и достоинство искусства, принужденного покоряться слабости струн, так и в теле: душа терпит

от него много вреда, много стеснения; она испытывает горькое рабство, когда тело имеет нужду в частом врачевании. Потому, увещеваю вас, будем стараться делать его крепким, а не болезненным. Не одним мужьям я говорю это, но и женам. Для чего ты, жена, постоянно расслабляешь тело свое роскошью и делаешь его негодным? Для чего губишь силу его тучностью? Ведь тучность составляет слабость для него, а не силу. Если же ты, оставив это, будешь вести себя иначе, тогда явится и красота телесная по желанию твоему, как скоро будет сила и свежесть. А если, напротив, будешь подвергать его бесчисленным болезням, то не будет у тебя ни здорового цвета, ни свежести, но постоянно будешь чувствовать себя дурно.

4. Вы знаете, что как прекрасен бывает хороший дом, когда озаряет его ясная погода, так и красивое лицо делается еще лучше от веселого расположения духа; а когда (душа) уныла и прискорбна, тогда (и лицо) становится безобразнее. Унылость происходит от болезней и расстройства здоровья; а болезни происходят от расслабления тела пресыщением. Так и по этой причине вы должны избегать пресыщения, если верите мне. Но есть, скажете, некоторое удовольствие в пресыщении? Не столько удовольствия, сколько неприятностей. Удовольствие ограничивается только гортанью и языком; когда трапеза кончилась, или когда пища съедена, ты становишься подобным тому, кто и не участвовал (в трапезе), и даже гораздо хуже его, потому что ты выносишь оттуда тяжесть, расслабление, головную боль и склонность ко сну, похожему на смерть, а часто и бессонницу от пресыщения, одышки и отрыжки, и тысячу раз проклинаешь свой желудок, вместо того, чтобы проклинать невоздержность. Итак, не будем утучнять тела, но послушаем Павла, который говорит: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. XIII, 14).

Набивающий желудок делает то же, как если бы кто-нибудь, взяв пищу, бросил ее в нечистый ров, или даже не то, а гораздо хуже, потому что последний наполняет только ров без вреда для себя самого, а первый навлекает на себя тысячу болезней. Питает нас только то, что принимается в потребном количестве и может перевариться; а лишнее сверх необходимого не только не питает, но еще приносит вред. Между тем никто не замечает этого, обольщаясь нелепым удовольствием и обычным пристрастием. Ты хочешь питать тело? Оставь же лишнее, давай ему необходимое, и столько, сколько может перевариться; не нагружай его слишком, чтобы не потопить. Принимаемое в потребном количестве и питает, и доставляет удовольствие; действительно, ничто не доставляет такого удовольствия, как хорошо переварившаяся пища; ничто так не способствует здоровью, ничто так не поддерживает живости чувств, ничто так не предотвращает болезней. Таким образом принимаемое в потребном количестве служит и к питанию, и к удовольствию, и к здоровью, а излишнее — ко вреду, к неприятностям и болезням. Пресыщение производит то же, что делает голод, или даже гораздо худшее. Голод в короткое время изнуряет и доводит человека до смерти: а пресыщение, разъедая тело и производя в нем гниение, подвергает его продолжительной болезни и потом тягчайшей смерти. Между тем голод мы считаем несносным, а к пресыщению, которое вреднее его, стремимся. Откуда в нас такая болезнь? Откуда такое безумие? Не говорю, что нужно изнурять себя, но нужно принимать пищу так, чтобы тело и получало удовольствие, истинное удовольствие, и могло питаться, чтобы оно было благоустроенным и благонадежным, крепким и способным орудием для действий души. Если же оно пере-

полнится пищей, которая будет, так сказать, расторгать самые запоры и составные связи, то уже бывает не в состоянии удержать этого наводнения, — вторгшееся наводнение расторгает и разрушает все. *Плоти угодия*, говорит, *не творите в похоти*. Хорошо он сказал: *в похоти*, потому что пресыщение есть пища для порочных пожеланий, и пресыщающийся, хотя бы он был мудрее всех, по необходимости терпит какой-нибудь вред от вина и от яств, по необходимости чувствует расслабление, по необходимости возбуждает в себе сильное пламя. Отсюда — блуд, отсюда — прелюбодеяние. Голодный желудок не может возбудить плотской похоти, равно как и (желудок) довольствующийся умеренной пищей; порочные же пожелания рождаются в желудке, предающемся пресыщению. Как земля, слишком влажная, и навоз, окропляемый (водой) и имеющий слишком много мокроты, рождают червей, и, напротив, земля, не имеющая такой сырости, приносит обильные плоды, — потому что не содержит в себе ничего лишнего, — и будучи даже не обрабатываема, произращает зелень, а будучи обрабатываема, приносит плоды, так точно и мы. Потому не будем делать из плоти нашей (тело) бесполезное, негодное, или вредное, но будем произращать в ней добрые плоды и плодоносные растения, и прилагать старание, чтобы они не завяли от пресыщения, так как и они могут загноиться и породить червей вместо плодов. Так, врожденная похоть, если ты станешь через меру насыщать ее, порождает удовольствия отвратительные и даже весьма отвратительные. Будем же всячески истреблять в себе это зло, чтобы нам сподобиться обещанных благ во Христе Иисусе, Господе нашем с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXX

Всякое бо наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плоды мирны наученым тем воздает правды. Темже ослабленныя руки и ослабленная колена исправите: и стези правы сотворите ногами вашими, да не хромое совратится, но паче да исцелеет (Евр. XII, 11—13)

1. Принимающие горькие лекарства сначала испытывают неприятное чувство, а потом чувствуют пользу. Такова и добродетель, таков и порок: в последнем испытывается сначала удовольствие, а потом скорбь; в первой – сначала скорбь, а потом удовольствие. И однако то и другое неравно; совершенно не одно и то же – наперед испытать скорбь, а после удовольствие, или испытать наперед удовольствие, а после скорбь. Почему? Потому что в последнем случае ожидание будущей скорби уменьшает настоящее удовольствие, а в первом ожидание предстоящего удовольствия много ослабляет настоящую скорбь, так что иногда там не чувствуется даже никакого удовольствия, а здесь – никакой скорби. Впрочем, не в этом только отношении есть различие, но и в другом. В каком именно? В том, что неравны относительно продолжительности времени, но одно меньше, а другое гораздо больше. Подобное (различие) еще значительнее в предметах духовных. Отсюда Павел и заимствует утешение; он ссылается опять на общее мнение, которому никто не может противоречить, как общему приговору, потому что когда кто-нибудь высказывает мысль, признаваемую всеми, то все соглашаются и никто не возражает. Вы скорбите? – говорит он; это понятно; таково всегда наказание; с этого оно начинается. Потому он и продолжает: *всякое бо наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль*. Хорошо сказал он: *не мнится,*

потому что наказание на самом деле не есть скорбь, но только таковой кажется; и притом не одно какое-нибудь наказание таково, а другое не таково, но всякое: *всякое*, говорит, *наказание не мнится радость быти, но печаль*, то есть и человеческое, и духовное. Видишь ли, как он ссылается на общие мнения? *Мнится*, говорит, *печаль быти*, следовательно не есть на самом деле. И действительно, от какой скорби может происходить радость? Ни от какой; равно и ни от какой радости не происходит скорбь.

Последи же плоды, мирны наученым тем воздает правды. Здесь он разумеет не (один) плод, но (многие) плоды, выражая так великое их множество. *Наученым тем*, говорит. Что значит: *наученым тем?* Долго терпевшим и страдавшим. Видишь, какое употребляет он благоприятное выражение? Итак *наказание* есть научение, делающее ратоборца сильным, непреоборимым в подвигах, непобедимым в сражениях. Если же *всякое наказание* таково, то таково же и настоящее. Потому надобно ожидать от него добрых последствий, приятного и мирного конца. Не удивляйся, что оно, будучи горьким, приносит плоды сладкие; точно так и на деревах кора бывает почти безвкусна и жестка, а плоды сладки. Все это он заимствовал из общеизвестного опыта. Если же надобно ожидать таких последствий, то что вы сетуете? Для чего, перенеся неприятное, отчаиваетесь в приятном? Вы перенесли неприятности, которые следовало перенести, – не теряйте же надежду на воздаяние. *Темже ослабленныя руки и ослабленная колена исправите, и стези правы сотворите ногами вашими, да не хромое совратится, но паче да исцелеет.* Говорит как бы скороходам, бойцам и ратоборцам. Видишь ли, как он вооружает их, как возбуждает их? Это говорит он о самых помыслах: *стези правы сотворите*, то есть идите прямо, не сомневаясь. Если *наказание* происходит от любви и благопечи-

тельности и ведет к доброму концу, как доказал он и делами, и словами, и всем, то для чего вы ослабеваете? Так делают только отчаявшиеся, не подкрепляемые надеждой на будущее. Идите, говорит, прямо, чтобы хромающее не кривилось более, но пришло в прежнее состояние, потому что кто ходит хромая, тот усиливает это зло. Видишь, что от нас зависит совершенно исцелиться? *Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (ст. 14). О чем говорил он выше в словах: *не оставляюще собрания своего* (Евр. X, 25), то же выражает и здесь. В искушениях ничто столько не делает нас удобопобеждаемыми и удобоуловляемыми, как разделение. И вот тому доказательство: рассей отряд (воинов) в сражении, и неприятелям не будет никакого труда взять и связать их, нападая на них разделившихся и оттого сделавшихся более слабыми. *Мир*, говорит, *имейте со всеми.* Следовательно – и с делающими зло. То же говорит он и в другом месте: *аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте* (Рим. XI, 18). Ты со своей стороны, говорит, имей мир, ни в чем не нарушая благочестия; а зло, которому подвергаешься от других, переноси мужественно, потому что терпение – великое оружие в искушениях. Так и Христос укреплял учеников своих: *се аз посылаю вас,* говорил Он, *яко овцы посреде волков: будите убо мудри яко змия, и цели, яко голубие* (Мф. X, 16). Что Ты говоришь? Мы *посреде волков,* а Ты повелеваешь нам быть, *яко овцы* и *яко голубие?* Да, говорит Он, потому что ничто столько не пристыжает делающих зло, как если мы мужественно переносим наносимые (оскорбления) и не мстим ни словом, ни делом; это и нас умудряет, уготовляя нам большую награду, и им приносит пользу. Но такой-то жестоко оскорбил тебя? Ты благословляй его, и смотри, сколько от того приобретешь благ: прекратишь зло, приготовишь себе награду, пристыдишь его, и сам не

потерпишь ничего худого. *Мир имейте со всеми и святыню.* Что значит: *святыню?* Целомудрие и воздержание в брачной жизни. Кто безбрачен, говорит, тот оставайся чистым, или вступай в брак; а кто в браке, тот не прелюбодействуй, но довольствуйся своей женой; и это – святыня. Как так? Не брак есть святыня, но брак сохраняет святыню, происходящую от веры, не попуская прилепляться к блуднице; брак *честен,* но не свят (Евр. XIII, 4); брак чист, но он не доставляет святости, а только не попускает осквернять святость, происходящую от веры. *Ихже кроме,* говорит, *никтоже узрит Господа.* То же говорит он и в послании к Коринфянам: *не льстите себе: ни блудницы, ни прелюбодеи, ни идолослужители, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы царствия Божия не наследят* (1 Кор. VI, 9, 10). В самом деле, как ставший одним телом с блудницей может быть телом Христовым? *Смотряюще, да не кто лишится благодати Божией: да не кий корень горести выспрь прозябаяй пакость сотворит, и тем осквернятся мнози: да не кто блудодей, или скверникель* (ст. 15, 16). Видишь, как он везде заповедает всякому содействовать общему спасению? *Утешайте себе,* говорит он (в другом месте), *на всяк день, дондеже днесь нарицается* (Евр. III, 13).

2. Не предоставляйте, говорит, всего учителям, не возлагайте всего на предстоятелей; и вы можете назидать друг друга. То же писал он и Фессалоникийцам: *созидайте кийждо ближняго, якоже и творите;* и еще: *утешайте друг друга в словесех сих* (1 Сол. V, 11; IV, 18). То же и вам мы теперь советуем. Вы можете, если захотите, больше нас сделать друг для друга; вы чаще обращаетесь друг с другом, лучше нас знаете дела свои, видите взаимные недостатки, больше имеете откровенности, любви и общительности; а это не маловажно для научения, но доставляет великие и благодетельные удобства.

Вы лучше нас можете и обличать и убеждать друг друга. И кроме того, я – один, а вас много, и все вы, сколько вас есть, можете быть учителями. Потому увещеваю вас, не пренебрегайте таким дарованием; каждый из вас имеет или жену, или друга, или слугу, или соседа; обличай его, убеждай его. Да и не безрассудно ли – для угощения устроять собрания и содружества, иметь назначенный день для свидания друг с другом, восполнять недостающее у одного общими средствами, например, когда нужно устроить похороны, или обед, или в чем-нибудь другом помочь ближнему, – а для изучения добродетели не делать этого. Пусть же, увещеваю вас, никто не пренебрегает, – великую за то награду получит он от Бога. Знайте, что кому вверено пять талантов, тот – учитель; а кому – один, тот – ученик. Если же ученик скажет: я ученик, мне нет дела, – и скроет этот общественный, полученный им от Бога дар слова, нисколько не увеличив его, если не станет ни увещевать, ни советовать, ни обличать, ни вразумлять, когда может, но зароет в землю, – а действительно, сердце, скрывающее дар Божий, есть земля и пепел, – итак если он скроет или по лености, или по нечестью, то не послужат к оправданию его слова: я имею только один талант. Ты имел один талант? Тебе следовало принести еще хотя один, удвоить талант; если бы ты принес еще один, то не был бы виновен. И принесшему в добавок два таланта (Господь) не сказал: почему ты не принес пяти? – но удостоил его такой же награды, как и принесшего в добавок пять талантов. Почему? Потому, что он делал, сколько мог, не предался лености оттого, что получил менее получившего пять талантов, не воспользовался незначительностью (дара) для беспечности. Так и тебе не следовало смотреть на имеющего два таланта; или лучше, нужно было и с него брать пример; как он, имея два

таланта, подражал имевшему пять, так и тебе следовало подражать имевшему два. Если владеющего богатством и не подающего (бедным) ожидает наказание, то имеющего возможность увещевать каким бы то ни было образом, и не поступающего так, не ожидает ли наказание величайшее? Там питается тело, а здесь – душа; там ты спасаешь от временной смерти, а здесь – от вечной.

3. Но, скажешь, у меня нет дара слова. Нет и нужды в (особенном) даре слова, или в красноречии. Когда ты увидишь друга прелюбодействующим, то скажи ему: худое дело ты делаешь; неужели тебе не стыдно, неужели не совестно? Ведь это – порок. Но, скажешь, разве он не знает, что это – порок? Конечно, знает, но он увлекается похотью. И больные знают, что пить холодную воду вредно, однако нуждаются в предостережении. Кто одержим страстью, тот нескоро может излечить сам себя. Потому тебе, здоровому, нужно помогать его врачеванию. Если он не убедится твоими словами, то наблюдай, когда он пойдет, и удерживай его; может быть, он и устыдится. Но какая, скажешь, польза в том, если он сделает это для меня, если будет удержан мной? Не рассуждай слишком много; наперед удержи его каким бы то ни было образом от порочного дела; пусть он приучится не бросаться в эту пропасть; через тебя ли, или через что-либо другое он удержится, польза от этого будет. Когда ты приучишь его не ходить туда, то потом, успокоив мало-помалу, можешь научить его, что этого не должно делать для Бога, а не для человека. Не усиливайся исправить все вдруг, – это невозможно, – но постепенно и понемногу. Если увидишь его идущим для кутежа и на пьянственные пиршества, то и здесь поступи так же, и вместе попроси его, чтобы он помог и тебе и вразумил, если он заметит в тебе какой-нибудь недостаток. Тогда он обратит обличение на себя само-

го, видя, что и ты нуждаешься в обличении и что ты помогаешь ему не как человек, исправный во всем, и не как учитель, но как друг и брат. Скажи ему: я был пригоден тебе, напомнив о полезном; и ты, если заметишь во мне какой-нибудь недостаток, удержи и исправь меня; если увидишь меня гневающимся, или предающимся любостяжанию, останови, обуздай своим увещанием. Вот дружба; вот как *брат от брата помогаем, яко град тверд* (Притч. XVIII, 19)! Действительно, не в том состоит дружба, чтобы вместе есть и пить; такая (дружба) бывает и у разбойников и человекоубийц; но если мы – друзья, если истинно заботимся друг о друге, то именно в этом должны помогать друг другу. Вот что ведет нас к дружбе благотворной; вот что может спасти нас от геенны! Итак, ни обличаемый не должен огорчаться, – мы ведь – люди и имеем недостатки, – ни обличающий не должен делать это с насмешкой, с презрением или для разглашения, но наедине и с кротостью; обличающему нужна именно великая кротость, чтобы расположить обличаемого – перенести болезненное врачевание. Не видите ли у врачей, когда они прижигают, или отсекают, с какой кротостью они применяют врачество? Тем более должны так поступать обличающие, потому что обличение сильнее огня и железа приводит в раздражение. Врачи всячески стараются, чтобы сделать отсечение спокойнее и, как можно, легче, и для того, приступив к нему и исполнив несколько, останавливаются, чтобы дать отдохнуть больному. Так должно делать и обличения, чтобы обличаемые не отстранились от нас. Если бы при этом нам пришлось выслушать оскорбления, или даже получить удары, мы не должны останавливаться. И подвергающиеся болезненному врачеванию много кричат против врачующих; однако, врачи не смотрят ни на что, а только на здоровье страждущих.

Так и здесь нужно делать все, чтобы обличение принесло пользу, нужно переносить все, имея в виду предстоящую награду. *Друг друга*, говорит (апостол), *тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. VI, 2). Таким образом, и обличая и перенося друг от друга обличения, мы можем исполнить Христово домостроительство. Таким образом вы облегчите и наш труд, помогая нам во всем, подавая руку помощи, делаясь участниками и сообщниками спасения как одни других, так и каждый своего собственного. Будем же терпеть, и нося *тяготы друг друга*, и обличая один другого, чтобы нам сподобиться обещанных нам благ во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

БЕСЕДА XXXI

Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа (Евр. XII, 14)

1. Есть много отличительных принадлежностей христианства, но больше всех и лучше всех – любовь друг к другу и мир. Потому и говорит Христос: *мир мой даю вам;* и еще: *о сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. XIV, 27; XIII, 35). Потому и Павел теперь говорит: *мир имейте со всеми и святыню*, то есть честность, *ихже кроме никтоже узрит Господа. Смотряюще, да не кто лишится благодати Божия* (ст. 15). Как бы путешественникам, идущим по длинному пути в большом обществе, говорит: смотрите, чтобы кто-нибудь не отстал; я желаю не только того, чтобы вы сами достигли, но чтобы вы наблюдали и за другими, *да не кто лишится*, говорит, *благодати Божия*. Благодатью Божиею он называет будущие блага, евангельскую веру, добродетельную жизнь: все это от благодати Божией. Не говори же мне, что один только (человек)

погибает; и за этого одного Христос умер. Христос умер за одного, а ты о нем не заботишься? *Смотряюще*, говорит, то есть тщательно наблюдая, осматриваясь, разведывая, как поступают со слабыми, и всячески исследывая и узнавая. *Да не кий корень горести выспрь прозябаяй пакость сотворит.* Это говорится во Второзаконии (Втор. XXIX, 18), а само выражение в переносном смысле заимствовано из примера растений. *Да не кий корень*, говорит, *горести*, подобно как и в другом месте он говорит: *мал квас все смешение квасит* (1 Кор. V, 6). Не потому только, говорит, я желаю этого, но и по причине происходящего отсюда вреда. Если будет такой корень, то не позволяй ему пускать ростков, но вырывай его, чтобы он не принес свойственных ему плодов, чтобы не заразил и не осквернил других. *Да не кий корень горести выспрь прозябаяй пакость сотворит, и тем осквернятся мнози.* Справедливо он называет грех горьким; действительно; нет ничего столь горького, как грех. Это знают те, которые после (худых) дел угрызаются совестью и испытывают великую горечь. (Грех), будучи чрезвычайно горьким, расстраивает самый рассудок. Свойство горького — быть вредным. И прекрасно он выразился: *корень горести;* не сказал: горький, но: *горести*. Горький корень может приносить плоды сладкие; но корень, источник и основание *горести,* никогда не может приносить плода сладкого, в нем все горько, нет ничего сладкого, все невкусно, все неприятно, все исполнено ненависти и отвращения. *И тем*, говорит, *осквернятся мнози,* то есть чтобы того не было, отлучайте от себя людей развратных. *Да не кто блудодей, или сквернитель якоже Исав, иже за ядь едину отдал есть первородство свое* (ст. 16). Но разве Исав был блудодеем? Не то говорит он здесь, будто Исав был блудодеем, а противополагает это словам: *имейте святыню;* слово же *сквернитель* к нему относится. Итак,

пусть никто не будет, подобно Исаву, сквернителем, то есть чревоугодником, невоздержным, преданным миру, презирающим блага духовные. *Иже за ядь едину отдал есть первородство свое,* то есть, который данную от Бога честь отдал по собственной беспечности и для малого удовольствия потерял величайшую честь и славу. Это относится собственно к ним (евреям) и свойственно людям низким, нечистым.

Нечист не один только прелюбодей, но и чревоугодник, который есть раб чрева; он – раб и другого удовольствия, которое принуждает его предаваться любостяжанию, принуждает похищать чужое, совершать множество бесчестных дел; будучи рабом этой страсти, он часто и богохульствует. Тот почел за ничто первородство и, заботясь о временном наслаждении, дошел до того, что продал первородство свое. Таким образом первородство уже принадлежит нам, а не иудеям. Это вместе имеет отношение и к их страданиям: (апостол) как бы внушает, что первый сделался последним, а второй первым; этот – первым через воздержание, а тот – последним по беспечности. *Весте бо,* говорит, *яко и потом похотев наследовати благословение, отвержен бысть: покаяния бо места не обрете, аще и со слезами поискал его* (ст. 17).

2. Что это значит? Неужели он отвергает покаяние? Нет. Но как же говорит: *покаяния места не обрете?* Если он осуждал себя, если сильно плакал, то почему *не обрете места покаяния?* Потому, что это не было следствием раскаяния. Как печаль Каина не была следствием раскаяния, – что и доказал он убийством, – так и здесь слова (Исава) не были следствием раскаяния, – что после он также доказал убийством: и он намерением своим умертвил Иакова. *Да приближатся,* говорил он, *дние плача отца моего, да бых убил Иакова брата моего* (Быт. XXVII, 41). Потому слезы не могли сообщить ему

покаяния. И не просто сказал (апостол): *покаяния,* но: *аще и со слезами поискал, покаяния места не обрете.* Почему? Потому, что не раскаялся надлежащим образом, — а это и есть покаяние, — не раскаялся, как следовало. Иначе к чему (апостол) говорил это? Почему он теперь увещевал сделавшихся беспечными, хромающими, колеблющимися и расслабленными? Ведь это — начало падения. Мне кажется, здесь он намекает на некоторых прелюбодеев, но пока не хочет прямо обличать их, а представляется незнающим о них, чтобы они исправились. Нужно было сначала представиться незнающим, а потом, если они будут упорствовать, употребить и обличение, чтобы они не сделались бесстыдными. Так и Моисей поступил с Замврием и Хазвией (Числ. XXVII, 15). *Покаяния бо места не обрете. Не обрете,* говорит, *покаяния,* или потому, что согрешил более, нежели сколько можно загладить покаянием, или потому, что не принес достойного покаяния. Следовательно есть грехи, превышающие покаяние. Смысл слов его следующий: не будем допускать падения неисцельного; пока мы только хромаем, то легко исправиться; а когда расстроимся совершенно, тогда что будет с нами? Он обращает это к тем, которые еще не пали, удерживает их страхом и говорит, что падший не может получить утешения. А падшим, чтобы они не предались отчаянию, он внушает противное и говорит так: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. IV, 19): и еще: *иже законом оправдастеся, от благодати отпадосте* (Гал. V, 4). Так он говорит падшим. Стоящий, слыша, что падшему невозможно получить прощение, делается более крепким и обнадеженным в стоянии; а если употребит ту же строгость в отношении к падшему, то он никогда не восстанет, потому что с какой надеждой он начнет свое исправление? Не только плакал, говорит (апос-

тол), но и *поискал;* и таким образом он не отвергает покаяния словами: *покаяния места не обрете,* а только более укрепляет их, чтобы они не падали. Пусть же помнят это те, которые не верят геенне; пусть размышляют об этом те, которые думают грешить безнаказанно. Почему Исав не получил прощения? Потому, что не раскаялся, как должно.

3. Хочешь ли видеть истинное покаяние? Послушай о покаянии Петра после отречения. Евангелист, повествуя нам об нем, говорит: *и изшед вон, плакася горько* (Мф. XXVI, 75). Потому и был прощен ему этот грех, что он раскаялся, как должно, хотя тогда еще не было принесено жертвоприношение, еще не была совершена жертва, еще не был сокрушен грех, но господствовал и свирепствовал. А чтобы тебе знать, что отречение (Петра) было следствием не столько его беспечности, сколько оставления Богом, который научал его — знать меру человеческую и не противиться тому, что говорит Учитель, не считать себя выше других, а помнить, что без Бога ничего быть не может, что *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии* его (Пс. CXXVI, 1), — послушай, как Христос, желая укрепить его и научить смирению, говорил ему одному: *Симоне, Симоне, се сатана просит, дабы сеял тебя, яко пшеницу аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лк. XXII, 31, 32). Так как он, вероятно, много думал о себе, сознавая, что он любит Христа больше всех, то ему попущено было пасть, отречься от Учителя; потому он и плакал горько, и другие выражал чувствования, следующие за плачем. Чего в самом деле он не сделал? Он подвергал себя впоследствии бесчисленным опасностям, доказав во всем свое мужество и твердость душевную. Раскаялся и Иуда, но худо, потому что удавился; раскаялся, как я говорил, и Исав, а правильнее — он совершенно не раскаялся, потому что слезы его были

слезами не покаяния, а скорее злобы и гнева, как видно из последствий; раскаялся блаженный Давид, выражающийся так: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. VI, 7). Давно допущенный грех он оплакивал после стольких лет и после стольких поколений, как бы совершенный недавно. Кающемуся должно не гневаться, или раздражаться, но сокрушаться, как осужденному, как не имеющему дерзновения, как обличенному, как ожидающему спасения от одной милости, как оказавшему себя непризнательным к благодетелю, неблагодарным, бесчестным и достойным бесчисленных мучений. Если он станет помышлять об этом, то не будет гневаться и раздражаться, но вздыхать, скорбеть, плакать и рыдать день и ночь. Кающемуся не должно никогда предавать забвению грехи свои, но молить Бога, чтобы Он не вспоминал об них, а самому никогда об них не забывать: если мы будем об них помнить, то Бог забудет их. Будем же осуждать и наказывать сами себя: таким образом мы умилостивим Судью. Грех исповеданный становится меньше, а неисповеданный больше. Если ко греху присоединяется бесстыдство и неблагодарность, то он никогда не остановится; да и как такой человек может остерегаться, чтобы не впасть в те же грехи, которые прежде он совершил по неведению?

Итак, увещеваю вас, не будем отпираться, не будем бесстыдничать, чтобы нам против воли не подвергнуться наказанию. Каин услышал от Бога: *где есть Авель брат твой?* и сказал: *не вем: еда страж брату моему есмь аз* (Быт. IV, 9)? Видишь, как это сделало грех тягчайшим? Не так поступил отец его, — а как? Услышав: *Адаме, где еси?* он сказал: *глас слышах тебе, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся* (Быт. III, 10). Великое благо — сознавать грехи и постоянно помнить об них; ничто так не исцеляет от греховных навыков, как постоянное памятование (о

грехах); ничто так не делает человека медлительным к совершению зла. Знаю, что совесть уклоняется и не любит мучиться воспоминанием о грехах: но ты делай душе принуждение и налагай на нее узду; она свирепствует, как необузданный конь, и не хочет убедиться, что она согрешила. Но все это – сатанинское дело. А мы будем убеждать ее, что она согрешила, чтобы она покаялась и, покаявшись, избавилась от наказаний. Как, скажи мне, ты хочешь получить прощение во грехах, не исповедав их? Согрешивший, конечно, достоин милости и сострадания; но ты, еще не убедившийся, что согрешил, как хочешь быть помилованным, будучи столь бесстыдным в согрешениях? Убедим же себя, что мы согрешили: не языком только будем говорить это, но и умом; не только будем называть себя грешниками, но и представлять грехи свои, исчисляя каждый порознь. Я не говорю тебе: выставляй себя напоказ перед всеми, обличай себя при других; но советую следовать пророку, который говорит: *открый по Господу путь твой* (Ис. XXXVI, 5). Исповедуй грехи свои перед Богом, исповедуй перед Судьей, молясь, если не языком, то памятью, и таким образом ищи помилования. Если ты будешь постоянно содержать в памяти грехи свои, то никогда не будешь помнить зла ближнему, – не говорю: если ты будешь только сознавать, что ты грешник: это не столько может смирить душу, сколько сами грехи, исчисляемые порознь. Постоянно имея их в памяти, ты не станешь ни помнить зла, ни гневаться, ни злословить, ни надмеваться, ни впадать снова в те же грехи, и сделаешься более крепким к совершению добрых дел.

4. Видишь, сколько благ происходит от памятования в грехах? Потому начертаем их в умах наших. Знаю, что душа отклоняет от себя столь неприятное памятование; но будем принуждать, будем заставлять ее. Лучше ей

теперь пострадать от памятования о грехах, нежели в то время от наказания за них. Ныне, если ты будешь помнить об них, постоянно исповедовать их перед Богом и молиться об их (прощении), то скорее истребишь их. Если же забудешь их ныне, то поневоле вспомнишь о них тогда, когда они будут обнаружены перед целой вселенной и объявлены перед всеми – и друзьями, и врагами, и ангелами. Ведь не Давиду одному сказал (Господь): *ты сотворил еси, втайне, аз же сотворю* явно *пред всеми* (2 Царств. XII, 12), но и всем нам. Ты боялся, скажет Он, людей и стыдился их более, нежели Бога; ты не думал о всевидящем Боге, а стыдился людей, потому что *очи человечестии страх* их (Сир. XXIII, 26); за все это ты отдашь отчет, – Я обличу тебя, обнаружив перед глазами всех грехи твои. А что это справедливо, что в тот день обнаружатся грехи всех нас, если мы ныне не потребим их частым о них памятованием, – послушай, как обнаруживается жестокосердие и бесчеловечность тех, которые здесь не были милостивыми: *взалкахся*, говорит, *и не дасте ми ясти* (Мф. XXV, 42). Когда говорится это? В уединенном ли и тайном месте? Нет, – но когда? Когда *приидет Сын человеческий в славе своей*, и соберет *вся языки*, когда *разлучит* одних от других, поставив их *одесную* и *ошуюю*, – тогда и скажет вслух всех: *взалкахся, и не дасте ми ясти*. Вспомни еще, как пять дев услышат пред всеми: *не вем вас* (Мф. XXV, 12). *Пять* и *пять* здесь означают не числом только пять, но всех злых, жестоких и бесчеловечных дев, равно и тех, которые не таковы. Так же и зарывший (в землю) один талант услышал при всех и при тех, которые принесли пять, и при тех, которые принесли два таланта: *лукавый рабе и ленивый* (Мф. XXV, 26). И не словами только, но и делами Он тогда обличит их; как и евангелист говорит: *воззрят нань, егоже прободоша* (Ин. XIX, 37). Общее будет воскре-

сение всех: и грешных, и праведных; всех вместе будет судить Судья. Представь же тех, которые в скорби и печали будут ввергаемы в огонь, тогда как другие будут увенчаны. *Приидите,* скажет Он, *благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира;* а другим: *идите от мене во огнь, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф. XXV, 34, 41). Будем не только слушать эти слова, но и начертывать их перед глазами нашими. Представим, что Он сам теперь явился перед нами и говорит это и что мы ввергаемся в тот огонь. Что мы почувствуем в душе? Чем утешим себя? А что — тогда, когда мы будем разделены на две стороны? Что — тогда, когда будем обвиняемы в похищении чужого? Какое представим оправдание, какое благовидное извинение? Никакого; но неизбежно повлекут нас, связанных и с поникшими головами, в отверстия горящих печей, в огненную реку, во тьму, на бесконечные мучения, и не будем иметь никого, кто бы избавил нас. Ведь невозможно отсюда перейти туда: *пропасть велика,* скажут (праведные), *между нами и вами* (Лк. XVI, 26); и даже, если бы они желали, и тогда невозможно перейти и подать руку помощи, но неизбежно будем мы гореть вечно, и никто не поможет нам, хотя бы то был отец, или мать, или кто-нибудь другой, даже имеющий великое дерзновение перед Богом. *Брат,* сказано, *не избавит: избавит ли человек* (Пс. XLVIII, 8)? Итак, если нельзя возлагать надежду спасения на другого, а только на человеколюбие Божие и затем на самого себя, то, увещеваю вас, будем делать все, чтобы жизнь наша была чиста и поведение безукоризненно, чтобы нам с самого начала не допускать никакого осквернения; а если допустим, то не будем предаваться усыплению после осквернения, но постоянно очищать нечистоту покаянием, слезами, молитвами, милостыней. А что, скажешь, если я не в состоянии творить милостыню?

Но ты имеешь чашу холодной воды, как бы ты ни был беден; ты имеешь две лепты, в какой бы бедности ты ни находился; ты имеешь ноги, чтобы посетить больных, или сходить в темницу; ты имеешь кровлю, чтобы принять странников. Нет, подлинно нет никакого оправдания не творящему милостыни. Об этом часто мы говорим вам, чтобы хотя несколько иметь успеха от частого повторения; говорим, заботясь не столько о благодетельствуемых, сколько о вас самих. Им вы даете (блага) здешние, а сами получите за то (блага) небесные, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXII

Не приступитсте бо к горе осязаемей, и разгоревшемуся огню, и облаку, и сумраку, и буре, и трубному звуку, и гласу глагол, егоже слышавшии отрекошася, да не приложится им слово: не терпяху бо повелевающаго: аще и зверь прикоснется горе, камением побиен будет: и, тако страшно бе видимое, Моисей рече: пристрашен есмь и трепетен: но приступисте к Сионистей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам ангелов, торжеству, и церкви первородных на небесех написанных, и судии всех Богу, и духом праведник совершенных, и к ходатаю завета новаго Иисусу, и крови кропления, лучше глаголющей, нежели Авелева (Евр. XII, 18—24)

1. Во храме (иудеев) было дивное святое святых, было у них и страшное — происходившее на горе Синае: огонь, облако, мрак, буря, потому что на Синае, сказано, Бог открывался в огне, буре и мраке (Втор. V, 22). Ничего

такого не было при учреждении Нового Завета; но он дан был Христом в простой Его беседе. Смотри, как (апостол) еще делает сравнение между ними, справедливо поставляя все это после. Представив им множество доказательств и уже объяснив различие между двумя заветами, он, наконец, после сказанного выше, легко приступает и к этому. Что же говорит он? *Не приступисте бо к горе осязаемей, и разгоршемуся огню, и облаку, и сумраку, и буре, и трубному звуку, и гласу глагол, егоже слышавшии отрекошася, да не приложится им слово: не терпяху бо повелевающаго: аще и зверь прикоснется горе, камением побиен будет.* Это было страшно, говорит, так страшно, что и слушать было невозможно, и даже зверь не смел приближаться. Но это еще не таково, каково последующее. Что Синай в сравнении с небом? Что осязаемый огонь в сравнении с неосязаемым Богом? *Бог наш*, говорит, *огнь поядаяй есть* (Евр. XII, 29). А что действительно происходившее тогда на горе было страшно, видно из тех слов, которые сказали (евреи): *да не глаголет Бог, но да глаголет нам Моисей* (Исх. XX, 19). *Не терпяху бо повелевающаго: аще и зверь прикоснется горе, камением побиен будет: и, тако страшно бе видимое, Моисей рече: пристрашен есмь и трепетен.* Удивительно ли, что народ, как говорится (в Писании), чувствовал такой страх, если и сам (Моисей), входивший в мрак, где находился Бог, говорил: *пристрашен есмь и трепетен? Но приступисте к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам ангелов, торжеству, и Церкви первородных на небесех написанных, и судии всех Богу, и духом праведник совершенных, и к ходатаю завета новаго Иисусу, и крови кропления, лучше глаголющей, нежели Авелева.* Видишь, сколькими (доводами) он доказал превосходство Нового Завета перед Ветхим? Вместо земного Иерусалима — небесный: *приступисте ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному;* вместо Моисея — Иисус: *и к ходатаю завета*

новаго Иисусу; вместо народа — все ангелы: *и тмам ангелов, торжеству.* Кого же он разумеет под именем первородных: *церкви первородных?* Все сонмы верных; их же он называет и духами *праведник совершенных.* Итак, не скорбите, говорит; вы будете с ними. Что значит: *крови кропления, лучше глаголющей, нежели Авелева?* Разве кровь Авеля говорила? Да; а каким образом, о том послушай Павла, который говорит: *верою множайшую жертву Авель паче Каина принесе, еюже свидетельствован бысть быти праведник: и тою умерый еще глаголет* (Евр. XI, 4). То же и сам Бог выражает, когда говорит: *глас крове брата твоего вопиет ко мне* (Быт. IV, 10). Таким образом или это здесь можно разуметь, или то, что (кровь Авелева) еще и ныне прославляется, впрочем не так, как (кровь) Христова, потому что эта очистила всех и издает глас тем славнейший и важнейший, чем больше свидетельствуют о ней самие дела. *Блюдите же, да не отречетеся глаголющаго. Аще бо не избежаша они отрекшиися пророчествующаго на земли, множае паче мы отрицающиися небеснаго. Егоже глас землю тогда поколеба: ныне же обетова, глаголя: еще единою аз потрясу не токмо землею, но и небом. А еже, еще единою, сказует колеблемых преложение, аки сотворенных, да пребудут, яже суть неподвижимая. Темже царство непоколебимо приемлюще, да имамы благодать, еюже служим благоугодно Богу, с благоговением и страхом. Ибо Бог наш огнь поядаяй есть* (ст. 25—29). То страшно, а это гораздо более чудно и славно, потому что здесь — нет ни мрака, ни облака, ни бури, как там. А для чего тогда Бог являлся в огне? Этим, кажется мне, означается неясность Ветхого Завета, туманность и прикровенность закона; а с другой стороны выражается, что Законодатель должен быть страшен и грозен для преступников.

2. Для чего трубные звуки? Это правильно, — потому что здесь как бы царь присутствовал. Так будет и при

втором пришествии: *вострубит бо*, говорит (апостол), и все мы восстанем (1 Кор. XV, 52). Воскресение всех будет совершено силой Божией. А глас трубный означает не что иное, как то, что всем должно воскреснуть. Тогда (на Синае) все было чувственное: и видения, и звуки, а последующее все — духовное и невидимое. Огонь означает то, что Бог есть *огнь: ибо Бог наш*, говорит (апостол) *огнь поядаяй* есть (Евр. XII, 29). Облако, мрак и дым выражают опять нечто страшное. Так и Исаия говорит: *и дома наполнися дыма* (Ис. VI, 4). А для чего буря? Род человеческий был беспечен; потому нужно было пробудить его; и, конечно, не было такого беспечного человека, который не возвел бы мыслей своих горе, когда это происходило и когда совершалось законоположение. *Моисей глаголаше, Бог же отвещаваше ему гласом* (Исх. XIX, 19), потому что нужно было, чтобы слышен был голос Божий. Так как (Бог) хотел через Моисея преподать закон, то и делает его достойным веры. (Евреи) не видели Моисея по причине облака, и не слышали его по причине его косноязычия. Что же? Сам Бог отвечал ему *гласом*, как бы говоря к народу и делая для него внятными законоположения. Но обратимся к вышесказанному. *Не приступисте бо к горе осязаемей, и разгоревшемуся огню, и трубному звуку, и гласу глагол, егоже слышавшии отрекошася, да не приложится им слово.* Следовательно, они сами были причиной того, что Бог явился им чувственным образом. Что говорили они? *Да глаголет нам Моисей, и да не глаголет нам Бог* (Исх. XX, 19). Некоторые, делая сравнение, унижают все тогдашнее, чтобы более возвысить настоящее; но я считаю и то дивным, — ведь и там были дела Божии и явления Его силы, — но вместе доказываю, что наше гораздо превосходнее и удивительнее. Оно вдвойне велико: как славное и важнейшее, и вместе с тем как более доступное и кроткое. Так и в послании к Коринфя-

нам (апостол) говорит: *мы же откровенным лицем славу Господню* взираем, *и не якоже Моисей полагаше покрывало на лице своем* (2 Кор. III, 18, 13). Те, говорит, не удостоились того, чего мы. Чего же они удостоились? Они видели мрак и облако, слышали голос. Но и ты слышал голос Божий, только не через облако, а через плоть (Христову), и притом не смутился и не устрашился, но стоял и беседовал с Ходатаем. Мраком (Писание) означает также невидимость: *и мрак*, говорит (Псалмопевец), *под ногама его* (Пс. XVII, 10). Тогда и Моисей устрашился, а ныне – никто; тогда народ стоял внизу, а мы не внизу, но выше неба, близ самого Бога, как сыны Его, а не так, как Моисей; там была пустыня, а здесь город, и тьмы ангелов. *Торжеству,* – здесь апостол выражает радость и веселье в противоположность облаку, мраку и буре. *И церкви первородных, на небесех написанных, и судии всех Богу.* Те не подходили, а стояли вдали, равно как и Моисей; а вы приступили. Здесь (апостол) внушает им также и страх: *и судии,* говорит, *всех Богу;* следовательно, Он будет судить не только иудеев, или верных, но всю вселенную. *И духом праведник совершенных:* называет так души благочестивых. *И к ходатаю завета новаго Иисусу, и крови кропления,* то есть очищения, *лучше глаголющей, нежели Авелева.* Если же кровь говорит, то тем более находится в живых сам Закланный. А что говорит она – послушай: *и Дух ходатайствует воздыхании неизглаголанными* (Рим. VIII, 26). Каким образом говорит? Входя в чистую душу, возвышая ее и побуждая говорить. *Блюдите же, да не отречетеся глаголющаго,* то есть не ослушайтесь. *Аще бо не избежаша они, отрекшимся пророчествующаго на земли.* Кого он здесь разумеет? Мне кажется, Моисея. Смысл же слов его следующий: если те не избегли (наказания), не послушавшись заповедавшего на земле, то как можем мы не слушаться заповедующего с неба? Здесь он

выражает не то, будто там был иной (законодатель), — вовсе нет, — не указывает он одного там, а другого здесь, но говорит, что страшен изрекающий с неба. Хотя и там и здесь один и тот же, но особенно страшен изрекающий здесь. Апостол говорит о различии не лиц, а даров. Откуда это видно? Из дальнейших слов его: *аще бо не избежаша они, отрекшиися пророчествующаго на земли, множае паче мы, отрицающиися небеснаго.* Что же? Иной ли здесь, и иной там? Как же он говорит: *егоже глас землю тогда поколеба?* А землю поколебал голос давшего тогда закон. *Ныне же обетова, глаголя: еще единою аз потрясу не токмо землею, но и небом. А еже, еще единою, сказует колеблемых преложение, аки сотворенных.* Таким образом, все будет изменено и устроится к лучшему свыше; это выражается здесь приведенными словами. Что же ты скорбишь, страдая в мире временном, бедствуя в мире скоропреходящем? Если бы в будущей судьбе мира была ненадежность, то ожидающему конца следовало бы скорбеть. *Да пребудут,* говорит, *яже суть неподвижимая.* А что неподвижно? Будущее.

3. Будем же делать все, чтобы получить эти блага, чтобы наслаждаться этими благами. Так, прошу и умоляю вас, будем стараться об этом. Никто не строит в городе, который готов разрушиться. Скажи мне, прошу тебя: если бы кто-нибудь сказал, что такой-то город через год разрушится, а такой-то никогда, — неужели ты стал бы строить в том, который должен разрушиться? Потому я и говорю теперь: не будем созидать в этом мире; он скоро разрушится и все погибнет. Но что я говорю: он скоро разрушится? Прежде его разрушения мы сами погибнем, пострадаем и выйдем из самих себя. Для чего мы строим на песке?

Будем строить на камне (Мф. VII, 25), и тогда, что бы ни случилось, здание наше останется несокрушимым, ничто не будет в состоянии разрушить его. И это

несомненно, потому что то место недоступно ни для каких нападений, тогда как здешнее доступно; здесь и землетрясения, и пожары, и нашествия врагов лишают нас (зданий наших) еще при жизни, а часто вместе с ними губят и нас самих. Если же (здание) уцелеет, то или болезнь поражает нас скорее его, а если не совсем поражает, то не позволяет пользоваться им спокойно: в самом деле, какое удовольствие там, где болезни, клеветы, зависть, козни? Или, если ничего такого не случается, то часто мы не имеем детей, и потому сетуем и скорбим, не зная, кому передать свои дома и все прочее, и досадуя, что трудимся для других; а часто наше имущество переходит в наследство к врагам, не только после нашей смерти, но еще при жизни. Что может быть прискорбнее, как трудиться для врагов и для того, чтобы они наслаждались, умножать грехи свои? Примеров этого мы видим в городах множество; умалчиваю об них, чтобы не опечалить лишившихся, я мог бы назвать поименно некоторых из них, рассказать много примеров и указать вам на многие дома, которых владетелями сделались враги трудившихся над ними, и не только дома, но и рабы, и все наследство часто переходило к врагам. Таковы блага человеческие! На небесах же не нужно опасаться ничего подобного, там не займет места умершего другой — враг его, и не завладеет наследством, там нет ни смерти, ни вражды, а только — обители святых, и у этих святых ликование, радость, веселие: *глас радости*, говорит (Псалмопевец), *в селениих праведных* (Пс. CXVII, 15). (Эти обители) вечны, не имеют конца, они не падают от времени, не переменяют владельцев своих, но стоят и цветут постоянно, и это несомненно, потому что там нет ничего тленного и скоропреходящего, но все бессмертно и нетленно. Будем же употреблять свое имущество на построение этого здания, нам не нужны будут ни архи-

текторы, ни рабочие; эти дома строятся руками бедных, хромыми, слепыми, убогими, они созидают эти обители. И не удивляйся этому, когда они приобретают нам даже царство и доставляют нам дерзновение перед Богом.

4. Милостыня есть превосходная художница и покровительница упражняющихся в ней; она любезна Богу и находится близ Него, легко испрашивая милость тем, кому хочет, только бы мы не оскорбляли ее, а она оскорбляется тогда, когда мы делаем ее из похищенного имущества, если же она чиста, то доставляет великое дерзновение воссылающим ее (к Богу). Сила ее такова, что она умоляет даже за падших и согрешивших. Она разрешает (адские) узы, разгоняет мрак, погашает пламень, умерщвляет червя, избавляет от скрежета зубов. Для нее беспрепятственно отверзаются врата небесные. Как у входящей царицы никто из стражей, приставленных к дверям, не смеет спрашивать, кто она и откуда, но все тотчас принимают ее, так точно бывает и с милостыней: она поистине есть царица, делающая людей подобными Богу. *Будите убо,* сказал (Господь), *милосерди, якоже Отец ваш небесный милосерд есть* (Лк. VI, 86). Она легка и быстролетна, имеет золотые крылья и полет, услаждающий ангелов. У нее, говорит (Псалмопевец), *криле голубине посребрене, и междорамия ее в блещании злата* (Пс. LXVII, 14). Она летает, как голубь, золотой и живой, одаренный нежным взглядом и кротким глазом. Нет ничего прекраснее этого глаза. Красив павлин, но в сравнении с этим голубем он – ворона: так прекрасна и удивительна эта птица! Она постоянно смотрит вверх и окружается великой славой Божией, она есть дева с золотыми крыльями, разукрашенная и имеющая лицо белое и кроткое, она легка и быстролетна и предстоит престолу Царскому. Когда мы подвергаемся суду, она внезапно

прилетает, является и избавляет нас от наказания, осеняя своими крыльями. Богу она угодна более жертвы, о ней Он часто беседует: так она любезна Ему! *Сиру и вдову* и убогого, говорит (Псалмопевец), *Господь приимет* (Пс. CXLV, 9). Ее именем сам Бог любит называться: *щедр и милостив Господь*, говорит Давид, *долготерпелив и многомилостив и истинен* (Пс. CXLIV, 8; Числ. XIV, 18); и еще: *милость* Божия *по всей земли* (Пс. LVI, 12; CII, 11). Она спасла род человеческий, потому что если бы Бог не помиловал нас, то все погибло бы, она примирила нас, бывших врагами, она доставила нам бесчисленные блага, она побудила Сына Божия сделаться рабом и истощить себя. Будем же, возлюбленные, ревновать о той, которой мы опасены; будем любить ее, предпочитать ее богатству, и без богатства соблюдать душу свою милосердой. Ничто столько не отличает христианина, как милостыня, ничему столько не удивляются неверные и все, как делам милосердия. И мы часто нуждаемся в этом милосердии, и каждый день взываем к Богу: *по велицей милости твоей помилуй нас* (Пс. L, 3). Наперед мы сами начинаем (дела милосердия), или, лучше сказать, не мы начинаем прежде, но сам Бог уже явил милость свою к нам. Будем же, возлюбленные, хотя позади следовать за Ним. Если люди милуют милостивого, хотя бы он сделал множество грехов, то тем более — Бог. Послушай пророка, который говорит: *аз же яко маслина плодовита в дому Божии* (Пс. LI, 10). Будем подобны маслине; оградимся со всех сторон заповедями, потому что недостаточно быть только маслиной, но (надобно быть) и плодовитой. Есть люди, которые подают милостыню мало, или во весь год однажды, или один раз в каждую неделю, или только при случае; они — маслины, но не плодовитые, и даже сухие, как подающие милостыню, они — маслины, а как подающие не щедро, они — мас-

лины неплодовитые. Будем же плодовитыми. Я часто говорил и теперь повторяю: важность милостыни измеряется не количеством подаваемого, но расположением подающего. Вы знаете (евангельское сказание) о вдовице; хорошо — всегда приводить на память этот пример, чтобы и бедный не отчаивался, представляя ее, положившую две лепты. При построении скинии некоторые принесли волну (Исх. XXXV, 26); но и они не были отвергнуты. Если бы имевшие золото принесли волну, то были бы прокляты, но так как у принесших ее только это и было, то они не отвергнуты. Так и Каин был осужден не за то, что принес в жертву малоценное, но за то, что принес самое малоценное из всего, что имел: *проклят*, говорит (пророк), *иже* имеет *мужеск пол, и жрет растленное Господеви* (Мал. I, 14). Не просто так сказал, но если имеет и бережет. Следовательно, кто не имеет, тот не подлежит осуждению, или лучше, тот даже достоин награды. Что маловажнее двух лепт и ничтожнее волны? Что малоценнее меры муки? Но (Бог) благоволил принять и это наравне с тельцами и золотом. *По елику аще кто имать, благоприятен есть, а не по елику не имать* (2 Кор. VIII, 12); и еще: *благотвори*, говорит (Премудрый), *егда имать рука твоя* (Притч. III, 27). Потому, увещеваю вас, будем охотно раздавать имущество свое бедным, хотя бы оно было и мало, мы получим награду равную с подающими много, и даже большую, нежели раздающие тысячи талантов. Если мы будем делать это, то получим неизреченные сокровища от Бога, то есть, если будем не только слушать, но и делать, не только одобрять, но и показывать на деле. Да сподобимся их все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIII

Темже царство непоколебимо приемлюще, да имамы благодать, еюже служим благоугодно Богу с благоговением и страхом. Ибо Бог наш огнь поядаяй есть (Евр. XII, 28, 29)

1. Как в другом месте (апостол) говорит: *видимая бо временна, невидимая же вечна* (2 Кор. IV, 18), и отсюда заимствует утешение в бедствиях, которым мы подвергаемся в настоящей жизни, так точно он поступает и здесь, и говорит: *да имамы благодать,* то есть будем благодарить Бога, будем твердыми. Мы должны не только не роптать в настоящих бедствиях, но и воздавать Богу величайшую благодарность за них ради благ будущих. *Еюже служим благоугодно Богу,* то есть тогда мы и служим благоугодно Богу, когда за все благодарим Его. *Вся творите,* говорит, *без роптания и размышления* (Флп. II, 14). Какие бы дела ни совершал человек ропщущий, он унижается и теряет награду, подобно израильтянам, а вы знаете, какому подверглись они наказанию за ропот. Потому не ропщите, говорит (апостол). Невозможно служить благоугодно (Богу), не воздавая Ему благодарности за все: и за искушения, и за утешения. С *благоговением и страхом,* то есть не будем говорить ничего дерзкого, ничего бесстыдного, но станем благоустроять себя так, чтобы заслужить уважение, это и значат слова: *с благоговением и страхом. Братолюбие да пребывает. Страннолюбия не забывайте: тем бо не ведяще нецыи страннοприяша ангелы* (XIII, 1, 2). Смотри, как (апостол) заповедует им хранить то, что уже было у них, и не прибавляет ничего другого; он не сказал: будьте братолюбивы, но: *братолюбие да пребывает,* не сказал: будьте страннолюбивы, как будто они не были такими, но *страннолюбия не забывайте,* потому что это могло случиться от скорбей. Далее прибавляет то, что особенно могло обо-

дрить их: *тем бо*, говорит, *не ведяще нецыи странноприяша ангелы*. Видишь, какая честь, какая польза. Что значит: *не ведяще?* Угостили (ангелов), сами не зная того. За то Авраам и удостоился великой награды, что угостил ангелов, не зная, что они – ангелы; а если бы он знал, то это было бы нисколько не удивительно. Некоторые думают, что (апостол) разумеет здесь и Лота и об нем говорит это. *Поминайте юзники, аки с ними связани, озлобляемыя, аки и сами суще в теле. Честна женитва во всех, и ложе нескверно: блудником же и прелюбодеем судит Бог. Не сребролюбцы нравом, доволни сущими* (ст. 3–5). Заметь, как часто он говорит о целомудрии. И прежде говорил: *мир имейте и святыню;* и еще: *да не кто блудодей или сквернитель* (Евр. XII, 14, 16); и теперь говорит: *блудником и прелюбодеем судит Бог*. Притом везде с запрещением соединяет угрозу наказания, и – обрати здесь внимание – как именно. *Мир*, говорит, *имейте со всеми и святыню*, и прибавляет: *ихже кроме никтоже узрит Господа*, а тут: *блудником же и прелюбодеем судит Бог:* наперед сказал: *честна женитва во всех, и ложе не скверно*, а потом прибавил угрозу наказания, показывая, что он справедливо сделал дальнейшую прибавку. Ведь если супружество дозволено, то блудник справедливо наказывается и прелюбодей справедливо подвергается мучению. Здесь он направляет речь против еретиков. Притом не сказал: никто не должен быть блудником, но, уже сказав о том прежде один раз, присовокупляет это, как общую заповедь, не направляя прямо против них. *Не сребролюбцы нравом: доволни сущими*. Не сказал: ничего не приобретайте, но: *не сребролюбцы нравом* будьте, то есть пусть ум ваш будет свободен, пусть мысли ваши будут выражать любомудрие, а это обнаружится, если мы не станем искать лишнего, если будем довольны только необходимым. Выше он говорил: *и разграбление имений ваших с радостию приясте* (Евр. X, 34); а здесь увещевает не быть

сребролюбивыми; *доволни*, говорит, *сущими*. Далее присовокупляет и здесь утешение, чтобы они не отчаивались: *той бо рече: не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступити. Яко дерзающим нам глаголати: Господь мне помощник и не убоюся, что сотворит мне человек* (ст. 6). Вот опять утешение в искушениях! *Поминайте наставники ваша* (ст. 7). Это он старался внушить и выше, когда говорил: *мир имейте со всеми;* то же заповедывал и фессалоникийцам, когда говорил, чтобы они почитали наставников *по преизлиха* (1 Сол. V, 13). *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие: ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере* (ст. 7). Какая здесь последовательность мыслей? Весьма хорошая; взирая, говорит, на их *жительство,* то есть на жизнь, подражайте вере их, потому что вера — от чистой жизни. Или же верой называет он здесь твердое убеждение. Каким образом? Они, говорит, твердо веровали в будущее, и потому вели превосходную жизнь; они не вели бы чистой жизни, если бы сомневались или колебались касательно будущего. То же самое он внушает и здесь. *Иисус Христос вчера и днесь, тойже и во веки. В научения странна и различна не прилагайтеся: добро бо благодатию утверждати сердца, не брашны, от нихже не прияша пользы ходившии в них* (ст. 8, 9).

2. Здесь словом: *вчера* (апостол) означает все прошедшее время, словом *днесь* настоящее, словом *во веки* будущее, не имеющее конца. А смысл слов его следующий: вы слышали первосвященника, но первосвященника не временного; Он всегда тот же. Может быть, тогда некоторые говорили, что Распятый не есть ожидаемый Христос, но придет другой; потому и говорит: *вчера и днесь, тойже и во веки,* выражая, что придет опять пришедший Христос, что Он один и тот же и прежде был, и есть, и будет во веки. И ныне иудеи говорят, что

придет другой (Христос); они, отвергшись пришедшего, предадутся антихристу. *В научения различна и странна не прилагайтеся;* желает, чтобы они не увлекались не только чуждыми, но и различными учениями; он знал, что от тех и других происходит гибель для увлекающихся. *Добро бо благадатию утверждати сердца, не брашны, от нихже не прияша пользы ходившии в них.* Здесь он намекает на тех, которые предписывают правила касательно пищи. Для веры все чисто; нужна вера, а не яства. *Имамы бо олтарь, от негоже не имут власти ясти служащии сени* (ст. 10). То, что у нас, говорит, не походит на иудейское, так что даже первосвященнику (иудейскому) не позволяется участвовать в наших (таинствах). Когда он сказал: не соблюдайте (учения о пище), то, по-видимому, опровергал собственные действия, потому он опять обращается к тому же. А мы, скажут, разве не соблюдаем этого? Соблюдаем и весьма строго, так что даже священникам (иудейским) не дозволяем участвовать в наших (таинствах). *Ихже бо кровь животных сносится во святая за грехи первосвященником, сих телеса сжгаются вне стана. Темже Иисус, да освятит, люди своею кровию, вне врат пострадати изволил* (ст, 11, 12). Видишь ясный прообраз? Там, говорит, *вне стана;* и здесь *вне врат.* Как жертвы, приносимые за грехи, были некоторым прообразом и сжигались за станом, так и Иисус, принесший Себя за грехи наши, пострадал за вратами. Потому и мы должны подражать Пострадавшему за нас и быть вне мира или лучше вне дел мирских. Это (апостол) и выражает далее: *темже убо да исходим к нему вне стана, поношение его носяще* (ст. 13), то есть, претерпевая то же самое, участвуя в Его страданиях. Как Он, будучи осужден, распят за вратами, так и мы не будем стыдиться удаляться от мира; это внушает (апостол) словами: *вне стана* и *вне врат. Не имамы бо,*

говорит, *зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем. Тем убо приносим жертву хваления выну Богу: сиречь, плод устен исповедающихся имени его* (ст. 14, 15). *Тем*, то есть первосвященником, в отношении к плоти. *Исповедающихся имени его:* как бы так говорит: если должно исповедать Его, то не будем говорить ничего богохульного, ничего постыдного, ничего дерзкого, ничего безрассудного, ничего надменного, но будем все делать и говорить со страхом и благоговением. Он говорит это не без причины, но потому, что знал об их страданиях, а в страданиях душа отчаивается и раздражается. Но мы, говорит, не будем так поступать. Здесь (апостол) опять говорит то же, что говорил выше в словах: *не оставляюще собрания своего* (Евр. X, 25). Таким образом мы будем в состоянии – делать все со страхом; часто ведь, стыдясь людей, мы воздерживаемся от многого дурного. *Благотворения же и общения не забывайте* (ст. 16)

3. Так говорил тогда Павел; так и я говорю теперь, и говорю не присутствующим только братьям, но и отсутствующим. Никто не отнял у вас имущества, а если и отнято что-нибудь, то оказывайте страннолюбие из остального. Какое мы будем иметь оправдание, когда и слушателям (Павла) сказано это уже после расхищения их имущества? И заметь: здесь он говорит: *благотворения не забывайте;* а выше сказал: *страннолюбия,* разумея не различное что-нибудь, но одно и то же выражая различно. Не сказал: не забывайте страннолриимства, но: *страннолюбия,* то есть не просто принимайте странников, но с любовью. И не указал на будущее и предстоящее воздаяние, чтобы они опять не сделались беспечными, но (указал) на воздаяние, уже дарованное: *тем бо,* говорит, *не ведяще нецыи странноприяша ангелы.* Впрочем, обратимся к вышесказанному. *Честна,* говорит, *женитва во всех и ложе нескверно.* Почему брак честен? Потому,

что он сохраняет верующего в целомудрии. Здесь (апостол) имеет в виду иудеев, которые считали брачное ложе скверным и говорили, что всякий, вставший с ложа, нечист. Нет, безрассудный и бесчувственный иудей, не то скверно, что происходит от природы, но то, что – от воли. Если брак честен, то он и чист: как же ты думаешь, что им (человек) оскверняется? *Не сребролюбцы*, говорит, *нравом*. Так как многие, растратив имущество, стараются потом приобрести его под предлогом милостыни, то и говорит: *не сребролюбцы нравом*, то есть будем искать только потребного и необходимого. А что, скажешь, если не будем иметь и этого? Нет, нет; сам (Господь) сказал, и сказал неложно: *не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступити. Яко дерзающим нам глаголати: Господь мне помощник и не убоюся, что сотворит мне человек*. Как бы так говорит (апостол): ты получил обещание от самого (Бога), – не сомневайся же; Он сам обещал, – не колеблись. Слова: *не имам тебе оставити* сказаны не только об имуществе, но и о всем прочем. *Господь мне помощник, и не убоюся, что сотворит мне человек*. Не напрасно он приводит слова пророка; ими он запечатлевает свои слова, чтобы (слушатели) больше ободрились и не отчаивались. Будем и мы говорить то же при всех искушениях и не смущаться перед делами человеческими; если Бог благоволит к нам, то никто не преодолеет нас. Как тогда, когда Он противится нам, не будет никакой пользы, если бы даже все были нашими друзьями, так и тогда, когда Он расположен к нам, не будет никакого вреда, если бы даже все восстали против нас. Потому и сказано: *не убоюся, что сотворит мне человек. Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие*. Здесь, мне кажется, он говорит и о взаимной помощи; таково именно значение слов: *иже глаголаша вам слово Божие. Ихже взирающе на скончание*

жительства, подражайте вере. Что значит: *взирающе?* Постоянно обращаясь к тому, рассуждая в самих себе, размышляя, тщательно исследуя и испытывая, как угодно. Хорошо сказал он: *скончание жительства,* то есть жизнь до конца, потому что жизнь их имела добрый конец. *Иисус Христос вчера и днесь, тойже и во веки.* Смысл этих слов следующий: не подумайте, что (Христос), тогда творивший чудеса, ныне не творит чудес; Он – тот же; а если Он – тот же, то нет времени, когда бы Он не мог совершать того же. Может быть, это (апостол) и имел в виду, когда говорил: *поминайте наставники ваша. В научения странна и различна не прилагайтеся. Странна,* то есть противные тому, что вы слышали от нас. *Различна,* то есть разнообразные; такие учения не имеют в себе ничего твердого, но бывают разногласны, особенно касательно различия в пище. Потому он прямо и указывает на это, продолжая: *добро бо благодатию утверждати сердца, не брашны.* Такие учения различны; такие учения странны. Здесь он осуждает за суеверное различение яств и показывает, что от такого соблюдения они впали в иноверие, увлеклись различными и странными учениями. И заметь: он не решается сказать об этом прямо, а говорит прикровенно: *в научения странна и различна не прилагайтеся;* и: *добро благодатию утверждати сердца, не брашны;* это почти то же, что и Христос сказал: *не входящее во уста сквернит человека, но исходящее* (Мф. XV, 11). Он доказывает, что вера составляет все; если она укрепляет, то сердце находится в безопасности.

Вера укрепляет, а разум колеблет, потому что вера противна разуму. *От нихже,* говорит, *не прияша пользы ходившии, в них.* Какая польза, скажи мне, от такого различения? Не больше ли оно причиняет вреда? Не ввергает ли оно такого (человека) в грех? Если от чего

нужно остерегаться, то – от того, от чего остерегающиеся могут получить пользу. Хорошо – остерегаться от зла, хранить правоту сердца, благоговение к Богу, правую веру. *От нихже*, говорит, *не прияша пользы ходившии в них,* то есть всегда соблюдавшие это. Одно соблюдение похвально – воздержание от греха. А в том какая польза, когда некоторые так нечисты, что не могут приобщаться жертвы. Ничто не спасает их, хотя они и стараются соблюдать себя (от некоторых яств); это нисколько не поможет им, потому что они не имеют веры. Далее (апостол) раскрывает преобразовательную жертву и обращает речь к первообразу: *ихже бо кровъ животных вносится во святая за грехи первосвященником, сих телеса сжигаются вне стана. Темже Иисус, да освятит люди своею кровию, вне врат пострадати изволил.* Следовательно, первое было прообразом последнего, и таким образом Христос исполнил все, пострадав вне (врат). Здесь также (апостол) выражает, что (Христос) пострадал добровольно; доказывает, что и те жертвы установлены не просто, но были некоторым прообразом и что самое домостроительство совершилось не без страданий, но кровь (Христова) вознесена на небо.

4. Видишь, что мы приобщаемся крови, вносимой во святое, в истинное святое, приобщаемся жертвы, которую употреблял один первосвященник? Таким образом мы приобщаемся истине. Мы не участвуем в поношении (Христовом), но участвуем в святыне. Поношение есть причина освящения, и как Он терпел поношение, так (должны терпеть) и мы. Потому мы сделаемся соучастниками Его, если выйдем к Нему.

А что значит: *да исходим к нему?* Будем соучастниками Его страданий; будем терпеть Его поношение. Не напрасно Он пострадал вне врат, но чтобы и мы взяли

крест Его, пребывали вне мира и старались оставаться там. Он был поносим, как преступник; так будем и мы. *Тем убо приносим жертву Богу.* О какой жертве он говорит? Он сам объясняет это, когда говорит: *плод устен исповедающихся имени его,* то есть молитвы, песнопения, благодарение; это – плод уст. Те приносили овец и волов, отдавая их священнику; мы же будем приносить не что-нибудь подобное, а благодарность и подражание Христу во всем, сколько возможно: вот, что должно произрастать из наших уст! *Благотворения же и общения не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Бог.* Принесем Ему, говорит, такую жертву, чтобы Он вознес ее к Отцу; она и не возносится иначе, как Сыном, или, лучше сказать, сокрушенным сердцем. Все это так говорит слушателям, которые были еще весьма слабы; а известно, что благодать принадлежит и Сыну; иначе почему приписывается Ему равная честь (с Отцом)? *Да еси чтут Сына,* говорит (Писание), *якоже чтут Отца* (Ин. V, 23). А как будет воздаваться им равная честь, если с прославлением Отца не прославляется вместе и Сын? Если же *плод устен исповедающихся имени его* состоит в благодарности Ему за все, и за то, что Он пострадал за нас, то будем переносить с благодарностью все, случится ли с нами болезнь, или бедность, или что-нибудь другое, потому что Он один знает, что нам полезно. *О чесом бо помолимся,* говорит (апостол), *якоже подобает, не вемы* (Рим. VIII, 26). Если же мы не знаем, чего нужно просить, когда не научены Духом, то как можем знать, что нам полезно? Итак, будем стараться воздавать Ему благодарность за все, и мужественно переносить все, случающееся с нами. Впадем ли в бедность, или в болезнь, будем благодарить, злословят ли нас, будем благодарить; страдаем ли мы, – будем благодарить. Это приближает нас к

Богу; через это Бог делается должником нашим. А когда мы благоденствуем, тогда сами делаемся должниками и ответчиками перед Богом, иногда же, и часто, это служит к нашему осуждению, между тем как то – к очищению грехов. То (бедствие) располагает к милосердию и человеколюбию, а это (благоденствие) доводит до высокомерия, ввергает в беспечность, делает надменными и расслабляет. Потому и говорит пророк: *благо мне,* Господи, *яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием твоим* (Пс. CXVIII, 71). Когда Езекия получал благодеяния и был свободен от бедствий, тогда сердце его возгордилось; а когда впал в болезнь, тогда он смирился, тогда стал близок к Богу. *Егда убиваше я,* говорит (Писание об иудеях), *тогда взыскаху его и обращахуся, и утреневаху к Богу* (Пс. LXXVII, 34). Напротив, когда *уты и утолсте,* (тогда) *отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15). Господь познается тогда, когда творит суд. Великое благо – скорбь. Путь (к небу) тесен; скорбь подвигает нас на этом тесном пути; а не терпящий скорби не может войти. Кто предается скорби на этом тесном пути, тот получает и утешение; а кто любит широту, тот и не входит в него, или мучится, как бы вталкиваемый насильно. Послушай, как вступил на этот тесный путь Павел. *Умерщвляю,* говорит он, *тело мое и порабощаю* (1 Кор. IX, 27). Он умерщвлял тело свое, чтобы иметь возможность вступить (на тот путь); поэтому он во всех своих страданиях постоянно благодарил Бога. Лишился ли ты имущества, это много убавило широты (пути твоего). Лишился ли славы, она была также широтой. Подвергся ли клевете, верят ли тому, что наговорили на тебя, но чего сам ты не сознаешь за собой, – радуйся и веселись. *Блажени есте,* сказал (Господь), *егда поносят вам, и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще, мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда*

ваша многа на небесех (Мф. V, 11, 12). Чему ты удивляешься, когда постигает тебя скорбь, и для чего желаешь освободиться от искушений? Павел желал освободиться от них и часто молил Бога, но не получил этого: *трикраты*, именно и значит часто. *О сем трикраты*, говорит он, *Господа молих, и рече ми: довлеет ти благодать моя: сила бо моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 8, 9). Под немощью здесь разумеются скорби. Что же? Услышав это, он переносил их с благодарностью и говорил: *темже благоволю в немощех* (2 Кор. XII, 10), то есть радуюсь, нахожу удовольствие в скорбях. Итак, будем благодарить за все — и за утешение, и за скорбь; не будем роптать, не будем неблагодарными. Говори и ты: *наг изыдох от чрева матере моея, наг и отыду* (Иов. I, 21). Ты не родился славным, — не ищи же славы; ты вступил в жизнь не имеющим не только богатства, но и славы и чести. Представь, сколько зла часто происходит от богатства; или, лучше, послушай, что говорит Христос: *удобее есть велбуду сквозе иглины уши проити, неже богату в царствие небесное внити* (Мф. XIX, 24). Видишь, к получению каких благ богатство служит препятствием; а ты хочешь обогатиться и не радуешься, находясь в бедности, что уничтожено это препятствие. Так тесен путь, ведущий в царство (небесное); так богатство широко, обременительно и стеснительно! Потому и сказал (Господь): *продаждь имение твое*, чтобы тебе вступить на этот путь (Мф. XIX, 21). Что желаешь ты богатства? Для того Бог и лишил тебя его, чтобы избавить тебя от рабства. Так и родные отцы, видя, что сын их развращается какой-нибудь блудницей и никакие увещания не убеждают его отстать от нее, прогоняют блудницу. Таково и обилие богатства. Потому Владыка, заботясь об нас и желая избавить нас от проистекающего отсюда вреда, лишает нас богат-

ства. Не будем же считать злом бедность; зло — один только грех. Равно и богатство само по себе не есть благо; одно благо — угождать Богу. Итак, будем желать бедности, будем искать ее. Таким образом мы достигнем неба и получим небесные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIV

Повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся: тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще: да с радостию сие творят, а не воздыхающе: несть бо полезно вам сие (Евр. XIII, 17)

1. Безначалие — везде зло, причина многих бедствий, начало беспорядка и смешения; особенно же в Церкви оно тем опаснее, чем власть ее больше и выше. Если от хора удалишь начальника его, то хор не будет строен и согласен; если у отряда воинов отнимешь предводителя, то действия их не будут совершаться в стройности и порядке; если корабль лишишь кормчего, то потопишь корабль, — так и здесь: если у паствы не будет пастыря, то все извратится и уничтожится. Безначалие есть зло и причина смятения; но не меньшее зло — и неповиновение подчиненных, так как и от него происходит то же самое. Народ, не повинующийся начальнику, — то же, что народ, не имеющий его, а может быть, и хуже; там (не имеющих начальника) можно извинить за беспорядок, а здесь (имеющие его) неизвинительны и достойны наказания. Но, скажет ктонибудь, есть еще третье зло, — когда начальник нехо-

рош. Знаю, это немалое зло, и даже гораздо большее, нежели безначалие, потому что лучше не управляться никем, нежели быть под управлением дурного начальника. В первом случае народ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается; в последнем же всегда находится в опасности и увлекается в пропасть. Почему же Павел говорит: *повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся!* Он выше сказал: *ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере* (Евр. XIII, 7); а потом и говорит: *повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся.* А что, скажешь, когда (начальник) нехорош, — тогда не нужно повиноваться ему? Нехорош, в каком смысле говоришь ты? Если по отношению к вере, то беги от него и не сообщайся с ним, хотя бы он был не только человек, но даже ангел, сошедший с неба, если же по отношению к жизни, то не беспокойся об этом. Я приведу тебе пример не от себя, а из божественного Писания. Послушай, что говорит Христос: *на Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее.* Сказав о них прежде много обличительного, Он потом говорит: *на Моисеове седалищи седоша. Вся убо, елика аще рекут вам творити, творите: по делом же их не творите* (Мф. XXIII, 2, 3). Они имеют, говорит, достоинство, но нечисты по жизни. А вы обращайте внимание не на жизнь, но на слова их; от поведения же (других) никто не получит вреда. Почему? Потому, что оно явно для всех, и такой (человек), хотя бы он был тысячу раз нехорош, никогда не научит дурному. Но недостатки касательно веры неявны для всех, и дурной в этом отношении не постыдится учить (других). Также слова: *не судите, да не судими будете* (Мф. VII, 1), относятся к жизни, а не к вере, как показывают следующие за ними: *что бо видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоем, не чуеши* (Мф. VII, 3)? *Вся убо, елика аще рекут вам творити,*

творите, — творити относится к деятельности, а не к вере, — *по делом же их не творите.* Видишь, что здесь идет речь не о догматах, а о жизни и делах? Впрочем, Павел наперед представил их со стороны (достоинства), а потом и говорит: *повинуйтеся наставником вашим, и покаряйтеся: тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще.* Пусть выслушают не только подчиненные, но и начальники, что как подчиненные должны быть послушными, так и начальники должны быть бодрствующими и неусыпными. А ты что говоришь? Начальник бодрствует, навлекает опасности на свою голову, подлежит наказаниям за грехи твои, испытывает такой страх из-за тебя, а ты ленишься, противишься, тщеславишься и не хочешь повиноваться! Потому (апостол) и присовокупляет: *да с радостию сие творят, а не воздыхающе: несть бо полезно вам сие.* Видишь, что начальник, если пренебрегают им, не должен мстить, но слезы и воздыхания его служат лучшим мщением. И справедливо. Так и врач, встречая неуважение от больного, не должен мстить, но плакать и воздыхать. Если твой начальник будет воздыхать, то отмстит за тебя Бог, потому что если, воздыхая о своих грехах, мы располагаем к себе Бога, то не тем ли более, воздыхая о гордости других и презрении от них. Видишь, что Он не попустит начальнику терпеть обиды? Видишь, какое любомудрие? Должно воздыхать тому, кого не уважают, презирают, плюют. Но и подчиненный не смей думать, что ты не будешь отмщен; воздыхание (начальника) хуже всякого мщения. Когда воздыхающий сам не может ничего сделать, тогда он призывает Владыку; как при учителе и воспитателе, когда дитя не слушается его, призывается другой, более строгий, — так точно и здесь. О, какая опасность! Что сказать о тех несчастных, которые ввергают сами себя в такую бездну стра-

даний? Ты, (начальник), должен дать отчет за всех, над кем начальствуешь: за жен, мужей и детей – в такой огонь ты ввергаешь свою голову. Сомневаюсь, может ли кто из начальников спастись, и удивляюсь, когда вижу, как, при таких угрозах и настоящем нерадении, некоторые еще домогаются и стремятся к этому бремени правления. Ведь если побуждаемые необходимостью (к принятию власти) не получают прощения и оправдания, когда худо и нерадиво исполняют свое дело, так Аарон по необходимости принял власть и подвергался опасности, и Моисей подвергался опасности, хотя неоднократно отказывался от власти, и Саул, получив особую власть после того, как отказывался от ней, подвергался опасности потому, что худо распоряжался ею, то не гораздо ли более те, которые прилагают старание и сами стремятся к ней? Такой человек гораздо менее заслуживает какого-либо оправдания. Нужно бояться и трепетать, как по совести, так и по обременительности власти; не следует ни отказываться, когда привлекают к ней, ни стремиться самому, когда не привлекают, но убегать, представляя величие достоинства, а когда кто удержан, то проявлять благоговение. Ни в чем не должно быть неумеренности, но *вся по чину да бывают* (1 Кор. XIV, 40). Прежде, нежели сделался (начальником), если ты предвидишь это, убегай, считая себя недостойным этого дела, а если удержан, то будь благоговейным, показывая во всем благоразумие. *Молитеся о нас*, говорит (апостол), *уповаем бо, яко добру совесть имамы, во всех добре хотяще жити* (ст. 18).

2. Видишь, что он оправдывается, как бы обращая речь к таким людям, которые были недовольны им, отворачивались от него, смотрели на него, как на отступника, и не хотели даже слышать его имени. От

ненавидевших его он требовал того, чего другие могли бы требовать только от любящих, и потому говорит теперь следующее: *уповаем, яко добру совесть имамы.* Не выставляй, говорит, против меня обвинений: совесть наша ни в чем не обвиняет нас; мы не сознаем за собой, чтобы мы вредили вам. *Уповаем бо, яко добру совесть имамы, во всех добре хотяще жити,* то есть не только между язычниками, но и между вами; мы не делали ничего по корыстолюбию, ничего по лицемерию. Вероятно, в этом его обвиняли. А что действительно клеветали на него, о том, послушай, как говорит Иаков: *увестишася о тебе, яко отступлению учиши* (Деян. XXI, 21). Пишу это, говорит (Павел), не как враг, и не как противник ваш, но как друг; это видно и из последующего: *лишше же молю, сие творите, да вскоре возвращуся к вам* (ст. 18). Так просить, чтобы они молились, свойственно только сильно любящему их. Не просто, говорит, молитесь, но со всем усердием, чтобы мне скорее прибыть к вам. Так желать прибыть к ним и просить, чтобы они молились за него, свойственно тому, кто ничего не сознает за собой. Потому, испросив наперед себе от них молитв, он потом и сам просит им (у Бога) всех благ. *Бог же мира:* говорит так потому, что между ними были несогласия. Если Бог есть Бог мира, то не отделяйтесь от нас. *Возведый из земли пастыря овцам,* — это сказано о воскресении (Христовом), — *великаго,* — другое прибавление. Здесь и далее до конца он внушает им учение о воскресении. *Кровию завета вечнаго, Господа нашего Иисуса Христа, да совершит вы во всяком деле блазе: сотворити волю его, творя в вас благоугодное пред ним* (ст. 20, 21). Опять свидетельствует об их великих (достоинствах), потому что совершается *(совершит вы)* то, что имеет начало и продолжает исполняться, притом он молится об этом, следовательно, весьма желает им этого. И за-

меть: в других посланиях он молится вначале, а здесь в конце. *Творя*, говорит, *в вас благоугодное пред ним, Иисус Христом: емуже слава во веки веков. Аминь. Молю же вы, братие, приимите слово утешения, ибо вмале послах вам* (ст. 22). Видишь, что к ним он написал то, чего ни к кому не писал? *Ибо вмале*, говорит, *послах*, то есть не беспокою вас многословием. Мне кажется, что (евреи) не были враждебно расположены к Тимофею, потому (Павел) и поставляет его на первом месте. *Знайте*, говорит, *брата нашего отпущена Тимофеа, с нимже, аще скорее приидет, узрю вас* (ст. 23). *Отпущена*, говорит. Откуда? Думаю, что он был посажен в темницу; а если не так, то *отпущена* из Афин, как повествуется об этом в Деяниях (гл. XVII). *Целуйте вся наставники ваша и вся святыя. Целуют вы иже от Италии сущии. Благодать со всеми вами. Аминь* (ст. 24, 25). Смотри, как (апостол) внушает, что добродетель происходит ни от одного Бога всецело, ни от одних нас, это он объясняет словами: *да совершит вы во всяком деле блазе,* и последующими, как бы так говорит: вы имеете добродетель, но нуждаетесь в усовершении ее. А когда он говорит: *в слове и деле блазе* (2 Сол. II, 17), то внушает, что нужно иметь и жизнь, и учение правые. Прекрасное сделал он прибавление: *творя в вас благоугодное пред ним. Пред ним*, говорит, потому что величайшая добродетель – делать благоугодное перед Богом. Так говорит и пророк: и *по чистоте руку моею пред очима его* (Пс. XVII, 21, 25). Написав столько, (апостол) называет это малым, сравнивая с тем, что хотел написать, как и в другом месте он говорит: *якоже преднаписах вмале: о немже можете чтуще разумети разум мой в тайне Христове* (Еф. III, 3, 4). И посмотри на мудрость его. Не сказал: прошу вас, примите слово увещания, но: *слово утешения,* то есть ободрения, поощрения, никто, говорит, не может тяготиться обширностью сказанного.

Как? Неужели и этим они тяготились? Нет; но он хочет внушить и сказать им: вы малодушны; таким именно (малодушным людям) свойственно тяготиться продолжительной речью. *Знайте брата нашего отпущена Тимофеа, с нимже, аще скорее приидет, узрю вас.* Этого достаточно было, чтобы они соблюдали кротость, если он сам с учеником готов был придти к ним. *Целуйте вся наставники ваша и вся святыя.* Смотри, какую он оказал им честь, написав послание к ним, а не к этим (наставникам). *Целуют вы, иже от Италии сущии. Благодать со всеми вами. Аминъ.* То, что относилось ко всем, он сказал после всего. А когда благодать бывает с нами? Когда мы не оскорбляем этого благодеяния, когда не пренебрегаем этим даром. В самом деле, что такое благодать? Отпущение грехов, очищение, оно – с нами. Кто же, оскорбляя благодать, может сохранить ее и не лишиться ее? (Бог) даровал тебе отпущение грехов: как же пребудет с тобой благодать, то есть благонастроение или действие Духа, если ты не будешь удерживать ее добрыми делами. В этом причина всех благ, чтобы всегда пребывала с нами благодать Духа, она руководит нас ко всему (доброму), а когда она отлетает от нас, то мы остаемся покинутыми и погибаем.

3. Итак не будем удалять ее: а от нас зависит, чтобы она осталась при нас или удалилась. Первое бывает тогда, когда мы заботимся о небесном; а последнее тогда, когда – о житейском. *Егоже,* говорит (Господь), *мир не может прияти, яко не видит его, ниже знает его* (Ин. XIV, 17). Миром называет Он порочную и постыдную жизнь. Видишь, что душа, преданная миру, не может иметь Духа. Много нужно усердия с нашей стороны, чтобы Он оставался с нами, устроял все дела наши и сохранял нас в безопасности и совершенном мире. Как корабль, плывущий при попутном ветре, не встре-

чает препятствий и не потопляется, пока пользуется благоприятным и постоянным ветром, но и после плавания приобретает себе славу у кормчих и путников, из которых первым он доставил покой и освободил от трудного действования веслами, а последних избавил от всякого страха, и самим течением своим доставил им приятнейшее зрелище, так и душа, руководимая божественным Духом, стоит выше всех житейских треволнений, проходит путь, ведущий к небу, быстрее всякого корабля, потому что паруса ее чисты и наполняются не ветром, а самим Утешителем, и все расслабляющее и пагубное отвергает от своих помыслов. И как ветер, ударяя в слабо натянутый парус, не может действовать, так и Дух не может пребывать в душе слабой, но требует великого напряжения и усилия.

Потому нам нужно иметь ум пламенеющий и совершать действия свои всегда с силой и напряжением. Например, когда мы молимся, то должны делать это с великим тщанием, напрягая душу к небу, не веревками, но сильным усердием. Также, когда мы совершаем дела милосердия, то должны действовать с напряжением, так чтобы ни забота о доме, ни попечение о детях, ни угождение жене, ни опасение впасть в бедность не ослабляли нашего паруса. Если мы будем со всех сторон напрягать этот парус надеждой благ будущих, то он будет хорошо принимать действие Духа, ничто тленное и скоропреходящее не войдет в него, а если и войдет, то нисколько не повредит ему, но тотчас отразится его твердостью и будет отброшено. Так, нам нужно великое напряжение, потому что и мы переплываем море великое и пространное, исполненное многих зверей и многих утесов, представляющее нам множество треволнений и среди ясной погоды воздвигающее жесточайшую бурю. Потому, если мы хотим плыть благополучно

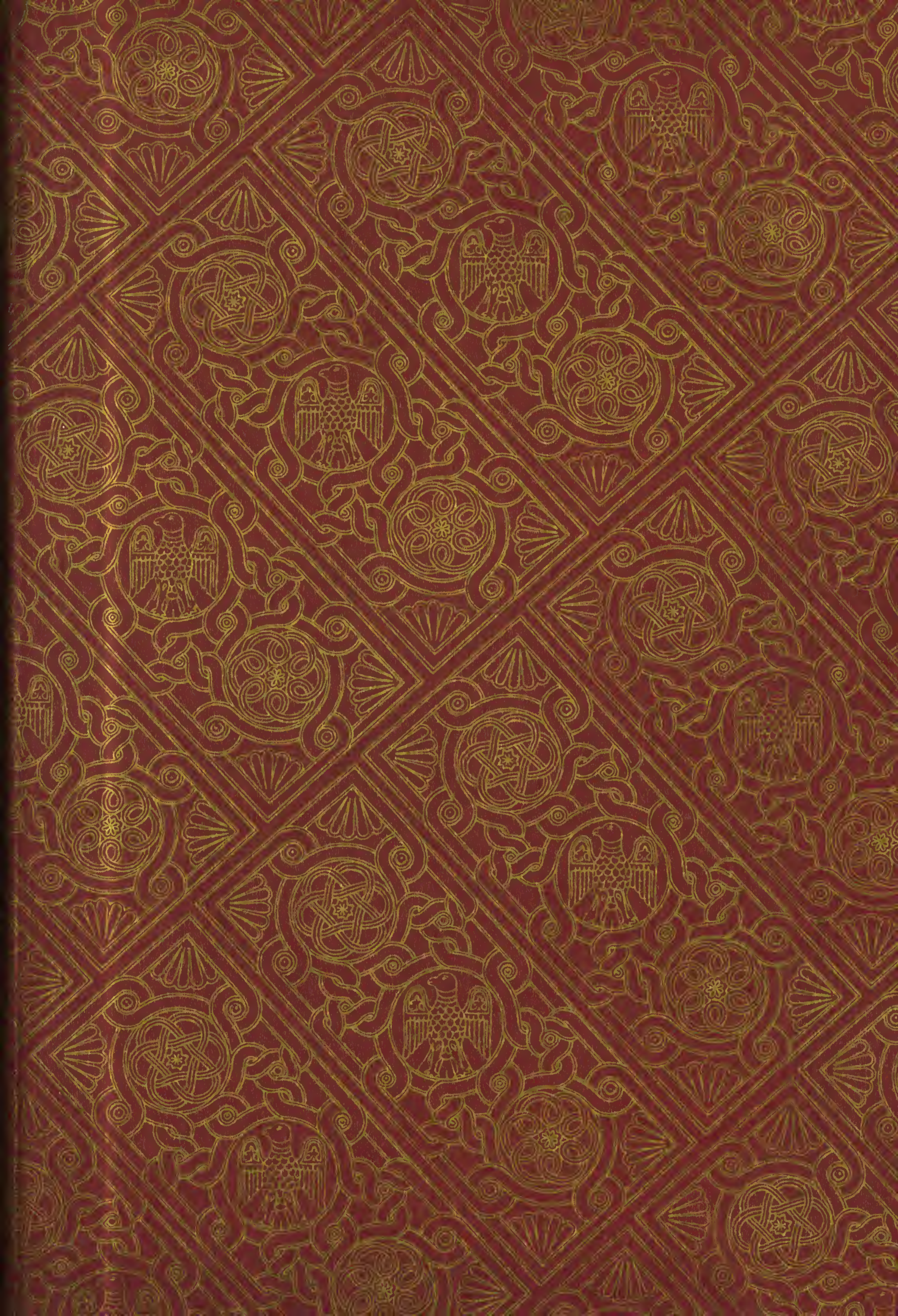
и безопасно, то должны натягивать наши паруса, то есть нашу свободную волю для нас достаточно и этого. Так и Авраам напрягал свою преданность к Богу, представил свою совершенную волю — и имел ли нужду в чем-нибудь другом? Ни в чем; но *верова Богу, и вменися ему в правду* (Быт. XV, 6). Вера же происходит от искреннего намерения. Он привел сына и хотя не заклал его, но получил награду, как заклавший, хотя дело не было совершено, но награда дарована. Пусть будут паруса наши чисты и новы, а не ветхи, потому что все *обветшавающее и состаревающееся близ есть истления* (Евр. VIII, 13), и пусть будут не разодраны, чтобы они удерживали действие Духа: *душевен бо человек,* сказано, *не приемлет яже Духа* (1 Кор. II, 14). Как паутина не может сдержать дуновения ветра, так и душа, преданная миру, и человек душевный никогда не может принять благодати Духа. От этой (паутины) нисколько не отличаются наши суждения, которые представляют только видимую последовательность, в действительности же лишены всякой силы. Но не будут таковы наши (суждения), если мы будем бодрствовать; тогда, что ни случилось бы, человек перенесет все, будет выше всего, сильнее всякого вихря.

Человек духовный, хотя бы нападали на него бесчисленные бедствия, не колеблется и не уловляется ни одним из них. Но что я говорю? Пусть нападают на него бедность, болезнь, обиды, злословия, клеветы, раны, всякого рода наказания, всякого рода насмешки, поношения и оскорбления, но так как он живет вне мира и свободен от телесных страстей, то он над всем будет смеяться. А что эти слова не хвастовство, на то я могу представить и теперь множество примеров, именно — в лице людей, удалившихся в пустыни. Но это, скажешь, нисколько не удивительно? Тогда я скажу, что такие

мужи есть и в городах, хотя ты и не подозреваешь их существования. Если же хочешь, то я могу указать на некоторых из древних. Чтобы ты убедился в этом, вспомни о Павле. Какого не испытал он бедствия? Чему не подвергался? Но все перенес мужественно. Будем подражать ему и мы, таким образом мы можем и благоугодить Богу, и достигнуть тихой пристани с великим прибытком. Устремим ум наш к небу, проникнемся этим стремлением, облечемся в духовный огонь и оградим себя этим пламенем. Кто несет с собой пламя, тот не боится встречающихся ему, будет ли то зверь, или человек, или множество сетей, пока он окружен пламенем, все уступает ему, все удаляется от него. Это пламя невыносимо, этот огонь нестерпим и всеистребляющ. Облечем же себя этим огнем и будем воссылать славу Господу нашему Иисусу Христу, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СВТ. ІОАНН
ЗЛАТОУСТ
VII